

Ven'an tiedoakadeemii Российская Академия наук
Karjalan tiedokeskus Карельский научный центр
Kielen, literatuurin da histourien instituuttu Институт языка, литературы и истории

Ol'ga Oagneva
Aleksi Konkka

Pyhät da arret

Karjalaine rahvahankalendari

Toine, kohendettu da ližätty painos

Ольга Огнева
Алексей Конкка

Праздники и будни

Карельский народный календарь

Издание второе, исправленное и дополненное

УДК 391/395
ББК 63.521 (=661.2)-731
О 00

Печатается по решению Учёного совета Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук

Издано при финансовой поддержке Карельского просветительского общества (Финляндия)

Научный редактор
кандидат филологических наук В. П. Миронова

Языковой редактор
Т. П. Бойко

Рецензенты
кандидат филологических наук В. П. Миронова,
кандидат филологических наук О. М. Жаринова

Художник *А. Н. Трифанова*

В оформлении обложки использованы знаки деревянного календаря из д. Люття Кондокской волости (с фотографии И. К. Инха 1894 г.)

Kniigan hyväksyi painettavakse Ven'an tiedoakadeemien Karjalan tiedokeskuksen Kielen, literatuurin da histourien instituutan Tiedonevvosto

Kniigu on painettu Karjalan Sivistysseuran (Suomi) raha-avul

Tiijolline redaktor
filolougientiijon kandiduattu Valentina Mironova

Kieliredaktor
Tatjana Boiko

Arvostelijat
filolougientiijon kandiduattu Valentina Mironova, filolougientiijon kandiduattu Ol'ga Žarinova

Taidoilii *Anastasija Trifanova*

Kannes ollah Kontokin voulostin Lytän kylän puu-almanakan merkit (Into Konrad Inhan fotokuvaapäi vuvvel 1894)

Ольга, Огнева.

О 00 Праздники и будни = Pyhat da arret: карельский народный календарь / Ольга Огнева, Алексей Конкка; Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. — Изд. 2-е, исп, доп. — Петрозаводск: Verso, 2013. — 336 с. — Текст парал. рус. карел. — Библиогр.: с. 315. — ISBN 978-5-91997-082-8.

ББК 63.521 (=661.2)-731

© А. Конкка, О. Огнева, 2013

К читателю

Первое издание научно-популярного сборника «Праздники и будни. Карельский народный календарь» на карельском и русском языках увидело свет в 2010 г. Оно стало своеобразным продолжением еженедельного авторского цикла телевизионных передач Ольги Огневой «Народный календарь», который выходил на ГТРК «Карелия» в 2008–2009 гг.

«Праздники и будни...» вышли скромным тиражом в двести экземпляров. Книга мгновенно разошлась и сразу же стала библиографической редкостью. Чтобы частично удовлетворить большой интерес читателей к теме, в еженедельной газете «Ома Муа» на карельском языке в течение 2011 года Ольга Огнева вела рубрику «Праздники и будни. Карельский народный календарь». На страницах газеты печатались метеорологические приметы, пословицы и поговорки об отдельных датах и праздниках карельского народного календаря.

Почти сразу после первого выпуска «Праздников и будней» авторы-составители приступили к работе над вторым изданием сборника, который предполагалось дополнить новыми материалами по этой теме.

Подготовленное второе издание почти вдвое увеличилось в объёме. Дополнены все основные главы книги, посвящённые собственно праздникам, датам и периодам карельского народного календаря, природным явлениям и народной метеорологии.

В сравнении с первым изданием расширилась география записей. В книге представлены все эт-

нолокальные группы карелов: собственно карелы (в том числе тверские, дёржанские, тихвинские и валдайские), карелы Северного Приладожья, карелы-ливвики и карелы-людики. Это стало возможным благодаря привлечению более широкого круга источников.

Помимо образцов речи и фольклорных произведений из публикаций, изданных в России и Финляндии, в книгу вошли материалы Научного архива КарНЦ РАН и фонограммархива ИЯЛИ. Многие из них публикуются впервые, как, например, рассказы о некоторых праздниках и метеорологические приметы, записанные собирателями Тауно Топпиненым, Блиновой, А. Волковой в Юшкозере, Сельгах, Обже в 1930-е гг.; Раисой Петровной Ремшуевой и Фёдором Ивановичем Денисовым в Вокнаволоке, Калевале и Юккогубе в 1970-е гг.; Лемпи Генриховной Люютинен в д. Луусалми, Анной Ивановной Демоевой в д. Верховье Олонецкого района в 1980-е гг.

В книгу вошли материалы фонограммархива по праздничной культуре карелов-ливвиков, собранные языковедом Владимиром Дмитриевичем Ряговым, фольклористами Ниной Александровной Лавонен и Александрой Степановной Степановой, Валентиной Петровной Мироновой в Пряжинском районе Республики Карелия. Хочется выразить особую благодарность фольклористу Людмиле Ивановне Ивановой, предоставившей расшифрованные ею записи экспедиции 1991 г. в Соддер и Уялегу Н.А. Лавонен и А.С. Степановой.

Несомненную ценность представляют также материалы по народной метеорологии и календарным праздникам тверских карелов, собранные языковедом Александрой Васильевной Пунжиной для подготовки «Словаря тверских говоров карельского языка», которые публикуются впервые. Кроме того, в книгу вошли и собственные полевые записи авторов-составителей.

Из вышедших в Финляндии «Образцов людиковской речи»¹ и пятитомного издания «Людиковские тексты», подготовленного Пертти Виртарантой², были отобраны связанные с народным календарём материалы на людиковском наречии карельского языка.

Кроме того, сборник дополнен текстами, отражающими праздничные традиции тихвинских и дёржанских карелов, взятыми из «Образцов карельской речи», подготовленных Владимиром Дмитриевичем Ряговым³, и книги «Слушаю карельский говор», подготовленной Александрой Васильевной Пунжиной⁴.

Значительная часть материалов, вошедших в данное издание, отобрана из финляндских изданий: «Словаря карельского языка» в шести томах, книги Йоуко Хаутала «Старые памятные (знаменательные) даты»⁵, книги Пертти Виртаранта «Народ Беломорской Карелии вспоминает»⁶ и сборника «Карельские пословицы»⁷ под редакцией Пертти

¹ Lyydiläisiä tekstejä. Kerännyt, julkaissut ja kääntänyt Pertti Virtaranta, I–III, V. Helsinki, 1963–1984.

² Lyydiläisiä tekstejä. Kerännyt, julkaissut ja kääntänyt Pertti Virtaranta, I–III, V. Helsinki, 1963–1984.

³ Рягов В. Д. Образцы карельской речи. Тихвинский говор собственно-карельского диалекта. Л., 1980.

⁴ Пунжина А. В. Слушаю карельский говор. Образцы речи дёржанских и валдайских карел. Петрозаводск, 2001.

⁵ Hautala, Jouko. Vanhat merkkipäivät. Jyväskylä, 1982.

⁶ Virtaranta, Pertti. Vienan kansa muistelee. Porvoo-Helsinki, 1958.

⁷ Karjalaisia sananpolvia. Toimittaneet. Liisa Miettinen, Pentti Leino. Helsinki, 1971.

Лейно и Лийсы Миеттинен. Для нашего читателя упомянутые финские источники, вероятно, представляют наибольший интерес в связи с широким использованием материалов из карельских этнических территорий Северного Приладожья, которые отсутствуют в отечественных архивах.

Все тексты, включённые в настоящий сборник, представлены на карельском языке с переводом на русский язык. Специально для этого издания были впервые переведены, в частности, расшифрованные материалы из фонограммархива, тексты из Научного архива КарНЦ РАН, а также тексты, отобранные из финских источников.

Подзаголовки в книге даются на ливвиковском, собственно карельском и людиковском наречиях карельского языка. Все даты (за исключением 1 мая, Касьянова дня, дня летнего и зимнего солнцестояния) даются по новому и старому (в скобках) стилю.

В этой книге пойдёт речь о годовом круге народных праздников, о круглом годе народного календаря, в основе которого были ежегодно повторяющиеся природные циклы. От этих же циклов напрямую зависело и крестьянское хозяйство, как, впрочем, и общественная жизнь деревенского социума. Выражения «круглый день», а также, вероятно, и такие, как «круг событий», «круг представлений», как и многие другие подобные высказывания в нашем языке и сознании, восходят к понятию «круг времени», которое характеризует древнее представление о времени как о вечном движении по кругу в отличие от современного промышленного «линейного времени», измеряемого прямыми отрезками.

Были свои отрезки и в календарном круге, которые в народном сознании измерялись промежутками между праздниками. Из такого сочетания праздников или целых праздничных периодов и будничных дней между ними и состоял календарный год. Помимо своего сакрального, религиозно-

го значения, праздники (особенно крупные) были также приметными днями, по которым определялась погода (делался прогноз, иногда длительный). Существует даже термин «народная метеорология». Метеорология эта базировалась на многолетних (можно говорить о сотнях лет) наблюдениях за природными явлениями и была основой для принятия решений в «хозяйственной сфере»: что и когда сеять и убирать, косить, ловить, охотиться и т. д. Но не только хлебом единым жив человек. Так и праздник был всегда чем-то гораздо большим, чем только точка отсчёта в пространстве и времени.

Традиционные карельские праздники — это те дни и недели календарного года, которые отличались от будней особой атмосферой торжественности обрядов, веселья молодёжных игр и бесед, долгожданных встреч с родными и близкими людьми... Праздничная атмосфера определялась и тем, что праздник и всё происходящее вокруг него было направлено в будущее. Современный человек часто воспринимает традиционную народную культуру как ограниченный и неизменный набор элементов и символов или некий круг понятий и представлений, ассоциирующийся с остановившимся временем. Что касается традиционных праздников, то в народе действительно соблюдалась давняя традиция празднования в определённые дни, ход обрядовых действий и формы общения были заранее известны, а многие и строго регламентированы. Особые правила касались праздничной пищи и праздничной одежды — они тоже были определены вековой традицией. Но, несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, неподвижность, вся система календарных праздников была устремлена в будущее и направлена на его сотворение. Более того, это было её внутренней сущностью.

Календарные обряды были неотделимы от того, что называется хозяйственной стороной праздника. Праздники (общественные и семейные) отмечались, как правило, в начале природных и хозяйственных циклов (посев и сбор урожая, начало и конец промысловых — охотничьих и рыболов-

ных — сезонов и пр.). Можно сказать, что у карелов, в связи с комплексностью их хозяйства, связанной как с вынужденной многочисленностью способов добывания природных ресурсов на севере (чем их больше, тем увереннее можно вести хозяйство), так и с разными природными условиями, связанными с меридиальным заселением территории, сохранились исторически разностадиальные виды хозяйства, как присваивающие, так и обрабатывающие. В связи с этим и картина традиционного хозяйственного календаря была достаточно пёстрой, ведь, например, у рыболова и охотника был отличный от земледельца или животновода цикл работ — разной продолжительности и в разное время календарного года. Однако имелись и общие для всех принципы. Если говорить упрощённо, то картина такова: в начале сезона приносились пожертвования и происходили обрядовые действия и моления во имя будущего урожая или удачи на промысле, а в конце сезона — благодарственные обряды продуцирующего характера, то есть направленные на сохранение и приумножение полученных благ в будущем. Всё начальное — часть первой добычи или урожая (ср. первый сноп), часть полученной в хозяйстве прибыли или созревших природных плодов — приносили на алтарь, под родовое дерево, в священную рощу, на божницу в красном углу дома, в часовню или церковь, что в последнем случае называлось освящением. Эти «начала» были, собственно говоря, жертвой для предков рода, природных духов-хозяев или божеств, способных, по мысли людей допромышленной эпохи, влиять на ход природных процессов, и прежде всего на плодородие животных и растений.

Таким образом, религиозные обряды и моления, всё ритуальное поведение на празднике было связано с будущим благополучием, будущим урожаем и промыслом, с попытками магического воздействия на природное окружение в целях обустройства будущей жизни семьи, рода, территориальной группы. Однако с будущим была связана не только хозяйственная сторона календарного праздника,

но и его коммуникативная или социальная функция, отвечающая за соединение различных групп людей по их интересам через разные формы общения. В некотором смысле всё общение между гостями и хозяевами на празднике следует считать «деловым».

Хозяйственные дела, способы и методы хозяйствования обсуждались во время встреч родственников из разных (часто отдалённых) поселений. Это касалось, как правило, среднего и старшего поколений мужчин. Здесь же, например, происходил обмен метеорологическими знаниями об актуальных для данного времени года хозяйственных приметах, определяющих, прежде всего, время наступления природных изменений и некоторые возможные их свойства. Особенно обсуждаемыми были сроки начала тех или иных сельскохозяйственных работ, что имело непосредственное влияние на их результат. То же можно сказать и об обмене информацией женщинами применительно к домашнему хозяйству или воспитанию детей — будущих хозяев. Традиция, постоянно пополняемая новыми веяниями и, как правило, перерабатывающая их в своём русле, как это происходило уже сотни лет, передавалась новым подрастающим поколениям, которые, копируя старших, организовывали здесь же, на празднике, свои подростковые посиделки «с работой» для 12–14-летних. Способы же общения старшей молодёжи были подчинены главной цели — поиску будущего брачного партнёра.

Вокруг каждого населённого пункта определялся свой круг деревень, жители которого имели между собой брачно-родственные отношения, что являлось основой и праздничных связей. Присутствие на празднике в своём родственном кругу деревень (как правило, в каждой, даже небольшой, деревне был свой ежегодный праздник, в больших поселениях — по несколько), по многочисленным рассказам, было делом почти обязательным. Особенно это касалось молодёжи, которая могла отправиться в дальнюю деревню на праздник даже в разгар летних хозяйственных работ, когда рабочие руки

были жизненно необходимы. В более спокойное время в гости к родственникам по материнской линии отправлялись девушки — «адьво». Эти поездки, как правило, были приурочены к праздникам или праздничным периодам наподобие летних или зимних Святков. На празднике, таким образом, собиралось значительное количество молодёжи. Как в зимнее, так и в летнее время устраивались игры и танцы; в зимне-осеннее время на бесёдах в домах, ригах или банях, в летнее — на улице с гуляньями и хороводами на специальных площадках для игр (kizatanner, kizatanner), на перекрёстках дорог или мостах. Многие игры на бесёдах или на улице были своеобразным изображением выбора женихов и невест. После такой игры парень с девушкой могли уже «сидеть парой» и имели право на продолжение знакомства. В некоторых районах Карелии летом играли в «длинную пару» (pitkäpara, pitkäpara), когда молодые люди отправлялись на коллективную прогулку, по ходу которой разбивались на пары. После собственно гулянья «сидение парой» могло продолжаться уже на лоне природы. Неудивительно, что такие взаимоотношения нередко подготавливали сватовство, которое зачастую происходило именно на празднике.

Таким образом, одной из основных социальных функций карельского праздника следует считать функцию подготовки браков. Надо сказать, что в некоторых районах были известны и особые праздничные браки — укороченные варианты договорной свадьбы, вероятнее всего, представлявшие собой древнюю форму брака. Такая «праздничная свадьба», как правило, игралась в один день, и родителей невесты (если девушка была из другой деревни) заменяла её тётка или другая родственница. В литературе описаны и иные формы праздничных браков — это брак «убёгом» (девушка договаривается с парнем, и тот увозит её с бесёды к себе домой), сватовство «на конце платка» (парень протягивает во время игры девушке платок: если она возьмётся за другой конец платка рукой, это означает согласие на брак), «праздники ножен»

(tuppijuhlat) в Приладожской Карелии. Там летом во время больших церковных праздников в центрах приходов в церкви или около неё собирались девушки, желающие выйти замуж. На поясе у них были пустые ножны (tuppi), в которые парни могли вставить собственный нож. Это означало, что предложение сделано. При девушке в качестве свидетеля и представителя рода присутствовала её старшая родственница, которая следила за соблюдением традиции.

Однако наиболее древним и во многом уникальным явлением следует считать карельскую календарную мифологию, то есть религиозные представления, связанные с календарными персонажами (такими, как Кегри), природными духами-хозяевами, и особенно теми, которые появлялись по народным представлениям на земле в период зимних Святок (кар. названия Святок: synnynmaa — букв. «земля Сюдю», vierissänkeski — «крещенский промежуток» и др.). Сюдю (Syndy, Syndi) в средней и южной Карелии, Крещенская старуха (Vierissän akka), Крещенская свинья (Vierissän siga), водяная хозяйка (veinemo, vejenemäntä) в северных районах республики — особый святочный персонаж — дух Святок, появляющийся на земле из проруби или спускающийся с неба накануне или за несколько дней до Рождества и уходящий на небо или в воду в канун Крещения. На земле он выступает в качестве оракула во время гаданий (гадания часто называют «слушаниями Сюдю, Крещенской свиньи или Крещенской старухи») и следит за исполнением святочных запретов (поведение людей в зимние Святки регламентировалось многими запретами на разного рода деятельность, особенно связанную с шумом, использованием острых предметов, прядением, табуировались некоторые слова, как-то «медведь», «змея» и пр.). Внешний вид «святочного хозяина» варьировался в разных карельских местностях от невидимого духа или перекачывавшейся по земле копны сена (записано во многих местах), свёрнутых шарообразно шкур (Сегозерье), мотка шерстяных ниток на мотовиле (Тверь) или летаю-

щей по воздуху парусины (Сямозеро) до существа огромного роста, могущего на ноги надеть лодки, а вместо портянок использовать невода (Реболы) или даже северного сияния (Сямозеро). С другой стороны (что видно уже из названий самого святочного духа), он мог иметь антропоморфный, человекообразный облик или принимать вид животного.

Святочный дух появляется на земле в переходное время от старого года к новому, в самое тёмное и опасное время, которое называют «периодом временной смерти» или «безвременьем», когда старое время уже закончилось, а новое ещё не наступило. В зимние Святки характерно поведение ряженых — люди одеваются животными, убогими, нищими, покойниками, иноземцами, нечистой силой — всеми способами демонстрируя эту самую временную смерть и переход в иное, «первобытное», состояние. Но это ещё и время огромных возможностей, ведь от того, как человек ведёт себя в зимние Святки, насколько он активен, зависит его жизнь в будущем году, а то и на многие годы вперёд. Собственно говоря, гадания на Святки — это магические действия, конструирующие, сотворяющие будущую жизнь и судьбу, наполняющие пока ещё девственное её пространство и время событиями, о которых гадающему стало известно из гадания — диалога со святочным духом — или иных магических приёмов. Наличие в карельской традиции специального ритуального диалога со святочным духом (одно из значений слова syndy — «происхождение вещей»), у которого гадающие узнают своё будущее, перед которым демонстрируют знание специальных заговорных текстов в форме вопросов и ответов (вопросы задаёт святочный дух), касающихся устройства мироздания, но при этом лицедействуют, как бы скрывая свою истинную сущность — всё это говорит об особом значении как самого периода Святок, так и олицетворяющего его в карельской традиции божества. Судя по некоторым лингвистическим, фольклорным (в том числе по упоминаниям в эпических

рунах) и этнографическим данным, в образе, поведении и деталях верований, связанных со святочным духом, имеются древнейшие черты языческого божества-прародителя, известного другим финно-угорским, самодийским и некоторым сибирским народам.

Невозможно в ограниченном объёме одной книги осветить все стороны календарной обрядности, это касается и святочных обычаев. Собственно говоря, авторам приходится ограничиться лишь некоторыми примерами из того или иного объёма сведений, насчитывающего десятки или даже сотни записей. Тем не менее некоторые редко публикуемые тематические разделы, такие, например, как купания в иордани, поднятие лемби, праздники с жертвоприношениями животных, представления и ритуальные действия в период жатвы, связанные с «бородой Ильи», и др., нашли своё место на страницах издания. Ну и, конечно, рассказы о святочных персонажах, о гаданиях и ряжении, часто живых, наполненные целой гаммой чувств — юмором, смехом, преодолением периодически обуревавшего гадающих ужаса перед неведомыми силами и, конечно же, «страшными рождественскими историями» — предлагаются читателю в разделах о Рождестве, Новом годе и зимних Святках, которые, наряду с общими сведениями о народных знаниях по зимнему периоду календаря, открывают сборник.

У карелов, как и у других северных народов, некогда превалировало промысловое хозяйство, сохранились следы деления года на два больших периода — зиму и лето. В свою очередь, на народный календарь наложило отпечаток развитие земледелия и животноводства, определив многие важные вехи весны и осени: Егорьев и Николин дни, осенний богородичный цикл, Покров и день Кегри (Kegri, Kekri). Тем не менее летние праздники, начиная с летних Святков и заканчивая Ильиным днём (иногда этот период длился до Успения в конце августа), представляют собой самостоятельный цикл праздников, включающих древние представ-

ления, в том числе о начале нового года в августе месяце. Это, скорее всего, следствие упоминаемого уже разнохарактерного типа хозяйства, ведь примерно тогда начинался промысловый рыболовно-охотничий сезон. К тому же это было время сбора урожая и дикорастущих лесных плодов. Однако наиболее экзотическим обычаем представляется сохранившийся вплоть до первых десятилетий XX века обряд жертвоприношения животных на летних и летне-осенних календарных праздниках, известный во многих местностях как южной, так и северной Карелии. Жертвенными животными выступали бараны и быки, но в некоторых местах сохранились предания о жертвоприношении оленей. Наибольшее количество сведений собрано о знаменитом «быкобое» на ладожском острове Манчинсаари, проводимом в День быка в районе Ильина дня. Первым упоминанием о нём, по мнению финского исследователя Мартти Хаавио, можно считать записи арабских путешественников IX века. Быков на берегу Ладоги перестали приносить в жертву в 1892 году, в рудиментарном виде обряд просуществовал до 1912 года.

Праздники принято делить по значению на престольные (храмовые), часовенные и местные заветные. При этом престольные праздники чаще всего — это праздники православной церкви, посвящённые наиболее популярным святым и датам церковного календаря. Прежде всего, речь идёт о так называемых двенадцатых праздниках, по церковной терминологии господских и богородичных, посвящённых событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы и входящих в число великих праздников, которые до 1925 года в России были также гражданскими. Помимо «праздника праздников» Пасхи, это Рождество (Христово), Крещение, Сретенье, Вознесение, Троица (день Святой Троицы), Преображение Господне (по народной терминологии Спас), а также «богородичный цикл» или круг праздников: Благовещение, Успение, Рождество, Введение во храм Пресвятой Богородицы. К великим праздникам можно

отнести и такие, например, как праздник в честь св. апостолов Петра и Павла, Покров Пресвятой Богородицы, св. Иоанна Предтечи. Ещё особо чтимыми в церковном календаре были, к примеру, день памяти пророка Илии, святого великомученика Георгия Победоносца, святителя Николая Чудотворца и других святых.

Все эти праздники присутствовали на Севере в качестве храмовых праздников (в честь них были построены церкви и освящены престолы в них), но были и свои, местные святые, дни которых отмечались в разных местностях, как, к примеру, Зосима и Савватий Соловецкие или Варлаам (Василий) Керетский. Всё это, однако, не значит, что часовенные, то есть местные деревенские праздники, в отличие от праздников храмовых, то есть праздников церковного прихода, в Карелии сильно отличались по своему «составу». Деревенское общество, по решению которого строилась часовня (большинство их было построено в XVIII–XIX веках), вместе с приходским священником (или самостоятельно) определяло, во имя какого святого или праздника будет сооружено культовое здание. Деревенский сход вытирал и старосту часовни из числа местных жителей. Покровителями деревни (а именно так сельские жители определяли роль святого) могли стать и Егорий, и Никола, и Илья, но также и Богородица, Троица или Спас.

Часовня была деревенским храмом и вне надзора священнослужителей становилась местом жертвований и жертвоприношений, через которые выражался народный культ того или иного святого. В часовню Егория, который был покровителем домашнего стада, жертвовали шерсть и молочные продукты, в часовне Петра или Николы можно было обнаружить подношения охотников — птичьё перья и хвосты, куски сетей рыбаков и орудия их изготовления, в часовню Ильи приносили зерно от первого урожая и т. д. То есть поступали примерно так, как жертвовали ранее особым почитаемым деревьям и камням. Язычество, как, впрочем, и у большинства других европейских народов, ор-

ганично переплеталось с христианскими воззрениями и оставило свой след именно в перенесении функций природных духов на святых православной церкви.

Но особенно интересными в этой связи представляются заветные праздники, связанные с жертвоприношениями, которых не было в православном календаре. Некоторые из них назывались по имени святого (например, Власий), некоторые проводились в определённый день, например, за неделю или неделю спустя после какого-нибудь праздника (Илья, Успение, троицкая или ильинская пятницы) или безо всякой привязки (Кегри, Баранье воскресенье или «Летний праздник»). Многие из них (как правило, летом и осенью), как упоминалось выше в случае с Днём быка, были связаны с жертвоприношениями животных.

Календарь не только как система праздников, но и как система представлений о времени пронизывал, как выше уже говорилось, все сферы жизни человека — материальную, духовную, социальную. Поэтому неудивительно, что он отражался в разных фольклорных жанрах — от пословиц и загадок до быличек и развёрнутых бытовых рассказов, а такие персонажи, как Сюдю и Кегри, фигурировали даже в некоторых свадебных песнях и эпических произведениях — карельских рунах. Поэтому авторы попытались показать жанровое разнообразие календарной тематики, представить в книге образцы пословиц, поговорок, присловий, примет, загадок, рассказы об отдельных датах и периодах календаря, записанные в разных районах Карелии или взятые из литературных источников. Объединяет их всех то, что они взяты прямо из народных уст и опубликованы в этой книге по возможности с сохранением диалектных и индивидуальных особенностей речи.

Краткие лаконичные высказывания — поговорки и приметы — отражают представления о времени, светилах и природных явлениях. Они отобраны по принципу соответствия заданной теме и разнообразны по содержанию: это и чисто

хозяйственные приметы, связанные с погодой, или тексты, отражающие причинно-следственную связь природных явлений мира карельского крестьянина, многие из них имеют мифологический, мифопоэтический подтекст. Наряду с такими, передаваемыми из поколения в поколение наблюдениями, как «много шишек на ольхе — много ячменя вырастет» или «когти ветра (волнистые или перистые облака), означают сильный ветер с той стороны, откуда они появились». Довольно много примет было связано, например, с фазами луны и указаниями, что следует делать на «восходящую» или «уходящую» луну, что, несомненно, имеет отношение к так называемой магии подобия. К примеру, «на молодой месяц нужно стричь овец, чтобы шерсть лучше росла» или «в новый дом переезжают на новой луне», то есть начало какого-то жизненного этапа или работы, связанные с новым трудовым циклом, направленным на прибавление в хозяйстве, следовало начинать при «новой» луне. В то же время действия, направленные на избавление от отрицательных явлений, уничтожение или уменьшение всякого рода помех, стремились произвести на «уходящей» луне, поэтому, например, лечение болезней или избавление от домашних паразитов старались приурочить именно к этому времени. В случае с луной видны и следы магических запретов на называние предметов их именем, чтобы не привлечь неосторожным высказыванием в опасное и ответственное для определённой фазы хозяйства время (в данном случае это цветение злаков и формирование колоса) разрушительные потусторонние силы: «Осенью, пока хлеба не созрели, луну нельзя было называть луной, только пресной лепёшкой» (Кестеньга). По тому же принципу на Святки (сакральное, опасное, ответственное для всего года время) нельзя было произносить слово «медведь», а следовало заменять его на эвфемизмы типа «широкая лапа» и пр., иначе летом медведь будет задира́ть скот. Луна, как известно, имела непосредственное отношение к счёту времени, а неделя изначально соответствовала

четверти фазы луны. Рудиментом лунного календаря у карелов был сохранившийся в некоторых местностях «недельный счёт»: «четыре недели две ночи от Благовещения до Егорьева дня, от Егория до Николы две недели две ночи, от Николы до Троицы три недели две ночи, от Троицы пять недель до Иванова дня» и т. д.

Рассказы о праздниках в книге переплетаются с реалиями обычной, будничной деревенской жизни. Праздник со всем его своеобразием и неповторимостью был, в конечном итоге, лишь частью, хотя, возможно, и самой яркой, жизни каждого деревенского жителя поколения наших отцов и дедов.

Научный аппарат сборника содержит, помимо списка литературы и источников, список собирателей, именной указатель информантов и указатель населённых пунктов. Для этого издания впервые составлен указатель названий праздников карельского народного календаря. В указателе даются народные и официальные названия праздников на русском и карельском языках. Здесь перечислены праздники, зафиксированные на территории расселения карелов, а также названия населённые пункты, в которых эти праздники бытовали.

Названия праздников даны в хронологическом порядке. Сначала указана дата, затем полужирным шрифтом выделено название (названия) на карельском языке, далее идёт народное название (названия) на русском языке и, наконец, официальное название на русском языке (дано в скобках). Курсивом выделены приходы и деревни, где праздник был престольным, часовенным или заветным.

Названия праздников, совпадающие с праздниками русского народного календаря, даны по: Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / О. Г. Баранова, Т. А. Зимина, Е. Л. Мадлевская и др. СПб, 2001; Круглый год. Русский земледельческий календарь. / Сост. А. Ф. Неркылова. М., 1991.

Названия церковных праздников даны в соответствии с календарём Русской православной церкви.

В указателе впервые в таком объёме представлена эта в наше время уже исчезающая, но широко востребованная информация. Проведена большая работа (многие сведения можно было почерпнуть только «в поле», так как в литературе имеется лишь малая их часть), в то же время следует сказать, что список неполный и авторы с благодарностью примут от читателей любые имеющиеся у них сведения для пополнения указателя.

Авторы-составители благодарят за помощь в сборе материала для указателя названий праздников Людмилу Фёдоровну Ермолаеву и Зою Лукиничну Савельеву из п. Эссойла, Лидию Ивановну Евсееву и Евдокию Петровну Максимову из с. Крошнозеро, Николая Власовича Маккоева, Галину Петровну Абрамову, Анну Ивановну Семёнову и Анастасию Ивановну Панову из д. Юргилица, Евдокию Ивановну Егорову и Анну Васильевну Миرونнову из с. Ведлозеро, Николая Петровича Филатова и Елену Ивановну Карпову из Петрозаводска.

За консультации по переводу фольклорных текстов с карельского языка на русский выражаем благодарность лингвистам Татьяне Петровне Бойко, Владимиру Дмитриевичу Рягоеву, Александре Васильевне Пунжиной, Раисе Петровне Ремшуевой, преподавателю карельского языка Валентине Ивановне Каракиной, за помощь в составлении указателей — топонимисту Денису Викторовичу Кузьмину. Отдельная благодарность Александре Петровне Тетчиевой из с. Видлица за пословицы и приметы, собранные и переданные авторам. Некоторые из них вы найдёте на страницах книги.

Книга оформлена художником Анастасией Трифановой. В настоящее издание, в отличие от первого, вошли выполненные ею графические иллюстрации.

Несомненно, книга станет хорошим источником знаний о карельской народной культуре и поможет всем тем, кто занимается возрождением традиционных праздников в карельских деревнях и сёлах, интересуется карельским языком и традициями.

Ольга Огнева, Алексей Конкка

Lugijale

Enzimäzen kerran «Pyhät da arret» nimine kogomus karjalan da ven’an kielel nägi päiväzen valgien vuvvennu 2010. Kniigu rouno ku jatkoi Ol’ga Ognevan «Arret da pyhät» tv-programmua, kudamua Karjalan TV:s ozutettih joga nedälii vuozinnu 2008–2009.

«Pyhii da argiloi» silloi oli painettu kaikkiedah 200 kniigua. Tiättäväine, net ylen terväh loppiettihes eigo kai tahtojat suadu kniigua lugiettavakse. Niih niškoi, kelle kniigua ei täydynyh, karjalankielizes «Oma Mua» lehtes läbi vuvven 2011 Ol’ga Ogneva kirjutti rubriekua «Pyhät da arret. Karjalaine rahvahankalendari». Lehten sivuloil painettih siäprimiettöi, sananlaskuloi da sananpolviloi karjalazen rahvahankalendarin eräih pruazniekkoih da merkipäivih näh.

Hedi «Pyhien da argiloin» enzimäzen painoksen valmistuhuu luadijat ruvettih keriamäh kogomuksen tostu painostu, ližiämäh sih uuttu tieduo.

Tämä toine painos on läs kahtu kerdua suurembi enzimästy. On suurettu kniigan kai piäluvut, kus on pagin pruazniekois iččenäh, karjalazen rahvahankalendarin merkipäivis da aigukauzilois, luonnonilmivölöis da siäprimietöis (rahvahan meteorologies).

Enzimäzes painokses tämä toine eruou silgi, ku täs kniigas on ozutettu kai karjalazien etnolokalizet joukot: varzinkarjalazet (heijän keskes tverin, d’oržan, tihvinän da valdain karjalazet), Luadogan pohjazen rannikon karjalazet, livgiläzet da lyydiläzet. Tämä sai luadie sildy gu luadijain käytös oli enämbi tiedolähtyö.

Paiči kielennäyttehii da folklourutevoksii, kudamat on otettu Ven’al da Suomes painettulois julgavolois, kniigah on pandu Karjalan Tiedokeskuksen Tiedoar-

hiivas da Kielen, literatuurin da historien instituutan fonogrammuarhiivaspäi suaduu materjualua. Monet niilöis painetah enzimästy kerdua. Net ollah, ezimerkikse, kerdomukset erähis pruazniekois da siäprimietät, kudamat kerijät Tauno Toppinen, Blinova, A. Volkova kirjutettih Jyškärves, Sellis da Pižis 1930-vuozil; Raisa Remšujeva da Huoti Denisov — Vuokkiniemes, Kalevalas da Prokkol’as 1970-vuozil; Lempi Lyytinen — Luusalmes, Anna Demojeva — Anuksen Yllözes 1980-vuozil.

Kniigah on pandu fonogrammuarhiivan materjualet livgiläzien pruazniekkukul’tuurah näh, kudamat tallendettih kielentutkii Vladimir R’agojev, folkloristat Nina Lavonen, Aleksandra Stepanova da Valentina Mironova Karjalan tazavalan Priäžän rajonas. Himoittas sanuo suuret passibot folkloristale L’udmila Ivanovale. Aigoinah häi kirjutti bumagale äänitalendukset, kudamat Nina Lavonen da Aleksandra Stepanova luajittih vuvvennu 1991 tutkimusmatkan aigua Sodderas da Jovenkyläs. Nygöi L’udmila Ivanova andoi net materjualet täh kniigah niškoi. Tiättäväine, ylen arvokkahat ollah tverin karjalazien siäprimietät da tiijot heijän kalenduarupruazniekois, kudamat keräi kielentutkii Aleksandra Punžina valmistajes «Karjalan kielen tverin alamurdehien sanakniigua». Nämmiigi tiedoloi painetah enzimästy kerdua. Tädä paiči, kniigah on pandu luadijain omua kerättyy tieduo.

Suomes painettulois Pertti Virtarannan kerättylöis «Lyydiläisiä kielennäytteitä»¹ da viiziozazes

¹ Lyydiläisiä kielennäytteitä. Helsinki, 1934.

«Lyydiläisiä tekstejä»¹ nimizis julgavolois on vallittu rahvahankalendarii koskujat tekstat lyydin murdehel.

Sidä paiči, kniigah on pandu tekstua tihvinän da d’oržan karjalazien pruazniekkutraditsieh näh. Net tekstat on otettu Vladimir R’agojevan luajittulois «Tihvinän karjalazien kielennäyttelis»² da Aleksandra Punžinan valmistetus kniigas «Kuundelen karjalaista paginatahua».³

Aiga suuri vuitti kniigah vallittulois materjualois on otettu suomelazis julgavoloispäi: kuuziozazes «Karjalan kielen sanakirjas», Jouko Hautalan «Vanhat merkipäivät» nimizes kniigas⁴, Pertti Virtarannan «Vienan kansa muistelee» kniigas⁵, Pentti Leinon da Liisa Miettizen toimitetus «Karjalaisia sananpolvia» kogomuksepäi⁶. Meigälästy lugijua ylen äijäl interesuijah mainitut suomelazet julgavot, mindäh sendäh niilöis löydy ylen äijy tieduo Luadogan pohjazen rannikon karjalazis etnillizis čuppuloispäi. Nämmii tiedoloihäi ei ole ven’alazis arhiivois.

Kai kniigas olijat tekstat on painettu karjalakse da kiätty ven’aksegi. Juuri täh kniigah niškoiz enzimästy kerdua on kiätty ven’an kielele Kielen, literatuurin da histourien instituutan fonogramuarhiivas vallitut da bumuagale kirjutetut materjualat, Karjalan tiedokeskuksen Tiedoarhiivaspäi da suomelazis kniigoispäi otetut tekstat.

Alanimet kniigas on kirjutettu livvikse, varzinkarjalakse da lyydikse. Kai päivymiärät (paiči 1. oraskuudu, Kasjapanpäiviä, päivän sezonduaigua kezäl da talvel) on annettu uvven da vahnan (salbavomerkilöis) aijanluvun mugah.

¹ Lyydiläisiä tekstejä. Kerännyt, julkaissut ja kääntänyt Pertti Virtaranta, I–III, V, Helsinki, 1963–1984.

² Рягоев В.Д. Образцы карельской речи. Тихвинский говор собственно-карельского диалекта. Л., 1980.

³ Пунжина А.В. Слушаю карельский говор. Образцы речи дёржанских и валдайских карел. Петрозаводск, 2001.

⁴ Hautala, Jouko. Vanhat merkipäivät. Jyväskylä, 1982.

⁵ Virtaranta, Pertti. Vienan kansa muistelee. Porvoo-Helsinki, 1958.

⁶ Karjalaisia sananpolvia. / Toimittaneet Liisa Miettinen, Pentti Leino. Helsinki, 1971.

Täs kniigas pagin roih ymbärivuodellizis rahvahal-lizis pruazniekoiis, ymbärivuodellizes rahvahankalendaris, kudaman pohjannu oldih joga vuottu toistujat luonnon kierrot. Muanruadajan talovus dai kyläläzien yhtehine elaiгу oldih kiini nämis kierdolois.

Pruazniekku ainos oli suurempi mi gu vai päivy-miäry. Perindöllizet karjalazet pruazniekat ollah net kalenduaruvuvven päivät da nedälit, kuduat erottih argipäivis erinomazil pruazniekkupidoloil da -tavoil, vesselil nuorižokižoil da bes’odoil, kodvan vuotettuloil vastavuksil omien da läheizien kel... Ero oli sitgi, ku pruazniekku da kai, midä tapahtui sit ymbäri, oli suunnattu tulieh aigah. Rahvahan keskes tottu novvettih ammustu tabua pruaznuija tietynny päivänny. Rahvas ennepäi tiettih midä min peräh roih pidolois da tavois, kui pidäy olla toine toizen kel kosketuksis. Äijät pidomenot da kosketuksien muvvot oldih ylen tarkah miärätty. Eri siännöt koskuttih pruazniekkusyömizii da –sobii – net sežo oldih miärätty monisadavuodellizil perindölöil. Hos enzi kačautuksel kai kalenduarine pruazniekkusisteemu ozutah liikkumattomakse, yhtelläh se oli suunnattu tulieh aigah da sen luomizeh.

Kalenduarupivot oldih erottamattomat sit, midä sanotah pruazniekan talovuspuolekse. Pruazniekkoi (yhtehizii da perehen) piettih tavan mugah luonnon da talovuskierdoloin allus (kylvö da leikkavo, mečästys- da kalastuskauziloin algu da loppu da muga ielleh). Karjalazil yhtelaigua oldih rinnakkai eriaigazet talovuslajit: aijombazet – kalastus, mečästys, mečänkuado da kazviloin keriiandy dai myöhembäzet – muanruado, vil’p’an da žiivatan kazvatus. Nämmä talovuslajit oldih rinnakkai sildy, ku pohjazes elägil karjalazil pidi olla piän elätykseks monipuoline talovus. Sendäh gu midä enämbi einehen suandutabua ristikanzal on käytös, sidä parempi häi elättäy omua iččie da perehty.

Tämän perii perindölline talovuskalendari oli ylen kirjavu. Sanommo, kalastajal da mečästäjälhäi oldih omat ruadokierrot, kudamat erottih muanruadajan da žiivatankazvattajan ruadokierdolois. Nämmii ruadokierdoloit piettih kalenduaruvuvven eri aigah, niilöin piduhusgi eroi toine toizes. Yhtelläh oldih yhtehizetgi

perustehet, kudamat pättih kaikile. Prostoimbah luaduh sanojen, allus ruattih nenga: pyvvändy- libo muanruadokavven allus annettih žertvua da rugoiltih hyviä lykky pyydäjes da hyviä vil’ua sygyzyl. Pyvvändy- da muanruadokavven lopus kiitettih jumaloi, ku voidas kaita da ližätä suaduloi hyvyölöi tuiel aigua. Kai enzymäine — vuitti enzymäzes sualehes libo uudisvil’as (enzymäine liyhteh), vuitti talovuon tulolois libo kypsennyzis luonnon andimis tuodih altarile — pyhän sugupuun uale, pyhäh rossah libo obrazoin edeh suureh čuppuh kodih, časounah libo kirikköh (täsidä sanottih pyhittäimizekse) suvun ezi-ižile, luonnon haldieloile libo jumaloile, kudamat rahvahan uskomuksien mugah voidih vaikuttua luonnonprotsessoin menoh da enne kaikkie muanvägeh, kazviloin, žiivattoin da zvierilöin ližävymizeh.

Tulies aijas kiini oli kalenduarupruazniekan kui talovuoline puoli, mugai rahvahan keskenäzet välit da kosketukset.

Joga kyläs ymbäri oli joukko kyliä da hieruu, kudamien eläjät mendih yhteh keskenäh (miehele mendih da naidih). Omat käydih toine toizelluo gostih pruzniekkupäivin. Joga kyläs, joga pikkarazes hieruzes, oli oma jogavuodehine pruzniekku. Suuris kylis voibi olla moni pruzniekkuagi. Äijät rahvas saneltih, ku kävvä omielluo pruzniekkah pidi välttämätä. Eriže se koskui nuorižuo. Nuoret voidih lähtie loittozeh kyläh pruzniekal kai kezän aigua, ruadokiirehik kaččomata, konzu heinarres libo leikkavon aigah oli hädä ruadajis. Muul aigua, konzu ei olluh kiirehruadoloi, ad’voih omielluo käydih neidizet — ad’vot. Ad’voih käydih pruzniekoinnu libo kezä- da talvisv’atkoin aigah. Sit häi pruzniekkah kerävyi aiga suuri joukko nuorižuo. Kezäl dai talvel piettih kižoi. Syystalvel da talvel kerävyttih bes’odoih kenentahto taloih, kilyh libo riheh. Kezäl kižattih da käveltih puaras pihal, tiettylöis kohtis (kižatanderehil), sillankorvis da tiešuarois. Äijis kižois neidizet da brihat buitegu vallittih sulhazii da andilahii. Moizen kižan jälles tyttö da briha jo voidih istuo puaras da jatkua tuttavustu. Karjalan erähis rajonois kižattih pitkiä puarua, konzu puaran löydähyy nuoret lähtiettih joukolleh kävelemäh pitkembäkse

aigua. Kävelyksen jälles istuttih puaras kustahto kylän agias. Ei ni ole kummu, ku tämänmoizet keskinäzet välit puaksuh valmistettih kozičendua. Kodžat puaksuh tuldih pruzniekkupäivänny.

Yhtelläh kaikis vahnimannu, muinazembannu da ainoluaduzennu ilmivönny on karjalaine kalenduarumifologii. Toizin sanojen, net uskondonägemykset kalenduarupersonuažoih näh, luonnon haldieloih näh, eriže niih näh, kudamat rahvahanuskomuksien mugah jävittihe muale talvisv’atkoin aigua, libo livvikse sanotunnu synnymuanaigua da vierissänkeskel varzinkarjalazeh luaduh. Syndy, Syndi Anuksen da Keski-Karjalas, Vierissän akka, Vierissän siga, vienemo, vejenemäntä Vienan Karjalas — on erinomaine synnymuanaijan da vierissänkesken personuažu, tämän aijan hengi. Häi nouzou muale lähtiespäi libo heitty taivahaspäi sen-tämän päivän enne Rastavua libo sen jälles da nouzou taivahah libo lähtöy vedeh Vieristiä vaste. Mual häi puaksuh on oraakulannu arbailun aigah (arbailuu puaksuh sanotah Synnyn, Vierissän akan libo Vierissän sijan kuundelemizekse) da kaččou, kui rahvas novvetah synnymuanaigazii kioldoloi. (Synnymuanaiguahäi rahvastu kieltih ruadamas monii ruadoloi: ei suannuh lomista, kolista, ruadua terävil brujil, kežrätä, mainita kondiedu, maduo i muga ielleh).

Eri karjalazis eländykohtis synnymuanaijan haldii ozuttihe eri luaduh: se tuli nägymättömänny hengenny libo muadu myö vierijänny heinysuatonnu (on kirjutettu äijis kohtis), pyöryžäh kiärittylöinny nahkoinnu (Seesjärven ymbäristö), villulanguviyhtinny kierinpuus (Tverin Karjal), libo ilmas lendäjänny parusinpallannu (Siämärvi). Erähis kohtis Syndy oli ylen korgei kazvol olendo, kudai sai panna jalgah venehet, hattaroin tilah kiärie nuotat (Rebol’a). Syndy kai ozuttihe tulipaččahinnu (Siämärvi). Toizielpäi, se nägy jo synnymuanhengen nimityksis, se voibi olla ristikanzan moine libo ozuttuakseh žiivatannu.

Synnymuanhengi tulou muale vuvven vaihtoai- gah, konzu on loppumas vahnu da tulemas uuzi vuosi. Tämä on kaikis pimein da varattavin aigu, kudamua sanotah «väliagazen surman aijakse» libo «aijattomakse aijakse» — konzu vahnu aigu jo loppih, uuzi vie ei alga-

vunnuh. Talvisv'atkoin (synnynmuan) aigua käveltäh smuutat, huuhel'nikat — rahvas sellitäh žiivatoikse, niistielöikse, pakiččijokse, pokoiniekoikse, vierahanmualazikse, pahalazikse. Hyö kaikin tavoin ozutetah tädä väliaigastu surmua da siirdymisty toizenmoizeh, «algukandazeh» olotilah. Ga tämä on suurien mahtoloin aigu, sithäi, kui ristikanzu vedäy iččiedäh synnynmuan aigua, ongo häi aktiivine vai ei, rippuu hänen elos tulien vuon, toiči monen vuottu edehpäi. Synnynmuanaigazet arbailut ollah maagizet tevot, kudamat luvvah tuliedu elaigua da ozua, täytetäh sen vie koskemattomua paikkua da aigua tapahtumil, kudamih näh arbailii tiijustau synnynmuanhengen kel paistes. Net tapahtumat voijah olla arbailijan synnynmuanhengen mual olendan aigah piettylöin maagizien tegoloin tuloksennu. Erähien lingvistizien, folklooru- (niilöin keskes on eppizis runolois mainičendu) da etnografizien tiedoloin kačottuu näemmö, synnynmuanhengen hahmos da uskomuksis ollah valehjumalus kondollien jumalan-ezi-ižän ennevahnellizet piirdehet. Tädä jumalua-ezi-ižiä tietäh toizetgi suomi-ugrilazet, samojedu- da Siberin kanzat.

Kaikis ekzoottizembannu on žiivatoin žertvakse anandutaba, kudamua piettih XX vuozisuan alguvuozikymmeninny kezä- da syskežäpruazniekois äijis kohtis kui Anuksen, mugai Vienan Karjalas. Žertvakse annettih häkkilöi da boššiloi, ga erähis kohtis saneltih, ku konzulienne ennevahnas žertvakse annettih pedroi. Enin tieduo kuulužah «häkkilöin iškiendäh» näh on kerätty Luadogan Mančinsuarel. Sie häkkilöi iškiettih žertvakse Häkinpäivänny Il'pänpäivän jälles. Suomelazen tutkijan Martti Haavion mielen mugah enzimästy kerdua nämmii Häkinpäivän menoloi mainitah araabilazien matkuniekkoin IX vuozisuan aigazis kirjutuksis. Häkkilöin iškiendy Luadogan rannal heitettih vuvvennu 1892, vuodessah 1912 vie sai nähtä tämän tavan jälgii.

Kui jo oli sanottu ennepäi, kalendari ei vai pruazniekkusist'eemannu, ga aijankuvansist'eemannu oli ristikanzan kaikis eloksenpuolis: materializes, hengellizes da sotsializes. Sithäi ei ni ole kummu, ku se kuvastui eri folklooružanrois — sananlaskulois da arbaituksis memoraattoih da suurih kerdomuksih elokseh

näh. Moizet personuažat kui Syndy da Kegri oldih erähis svuad'bupajolois da eppizis pajolois — karjalazis runolois. Tämän periä luadijat opittih ozuttua kniiigas kalenduaruteeman eri žanrat, otettih kniiigah sananlaskuu da sananpolvie, sanondua, primiettiä, arbaitustu, kerdomustu kalendarin eri pruazniekkoih da aigukauzih näh. Net on kirjutettu Karjalan eri čuppulois libo otettu kniiigois. Yhtistäy niilöi se, ku kai kniiigas olijat tekstat on otettu suorah rahvahan suus da niih on jätetty murreh- da sanelijan pagintavan eričykset.

Lyhyölöis sanondois — sananlaskulois da primietöis — kuvastutah aijan, päiväzen da kuudaman da luonnon ilmivölöin kuvat. Nämmä sanondat on valittu teemoin mugah da niidy on eri luaduu: täs ollah talovusprimietät, kudamat koskutah siädy libo tekstat, kus kuvastuu karjalazen talonpoijan maailman luonnon ilmivölöin yhtevys. Monil niis on mifologine, mifopoettine peittoajatus.

Kniiigas on kerdomustu pruazniekkoih da argielokseh näh. Oma- da ainoluaduine pruazniekkuhäi oli meijän tuattoloin da died'oloin polven jogahizen kyläläzen eloksen, hos kaikis kaunehimannu, ga vai ozannu.

Kniiigas on käytettylöin tiedoloin da literatuuruan luvvettelu da sen ližäkse vie kerijien luvvettelu, sanelijoin nimiluvvettelu da kylien luvvettelu. Juuri täh koguakseh niškoi on enzimästy kerdua luajittu karjalazen rahvahankalendarin pruazniekoin nimien luvvettelu. Sit ollah rahvahallizet da virallizet pruazniekoin nimet karjalakse da ven'akse. Täs on luvveteltu pruazniekat, kudamat on tallendettu karjalazien eländymualoil da merkitty kylät, kus nenii pruazniekkoi piettih.

Pruazniekkoin nimet on kirjutettu aigujälletykses. Enzimäi on kirjutettu päivymiäry, sit puolilihavil kirjaimil on annettu pruazniekan nimi (nimet) karjalan kielel, ielleh on annettu rahvahalline nimi (nimet) ven'an kielel, da sit on pandu salbavomerkilöih viralline nimi ven'an kielel. Kursiival on kirjutettu prihodat da kylät, kus piettih tädä pruazniekkua.

Pruazniekkoin nimet, kuduat ollah yhtenmoizet ven'alazien rahvahallizien pruazniekkoin kel, on otettu «Ven'alaine pruazniekkua» da «Ymbäri vuvven. Ven'alaine muanruadokalendarin» nimizis kniiigoispäi.

Kirikönpruazniekkoin nimet on otettu Ven'an Pravoslavnoin Kirikön kalendaris.

Luvetteluh enzimästy kerdua on pandu nenga äijy tieduo kyläpruazniekois. Tädä häviemäs olijua tieduo ylen äijäl tarvitah rahvas. On ruattu suuri ruado (enimät tiijot sai löydiä vai paistes rahvahanke kylis, ku kniigois nämmi tiedoloi ei löydnyh muga äijiiä). Yhtelläh on sanottavu, ku tämä luvettelu ei ole vie täydäläine da luadijat kiitoksennu otetah vastah lugijoilpäi kai tiijot, kudamat voidas täyttiä luvettelun.

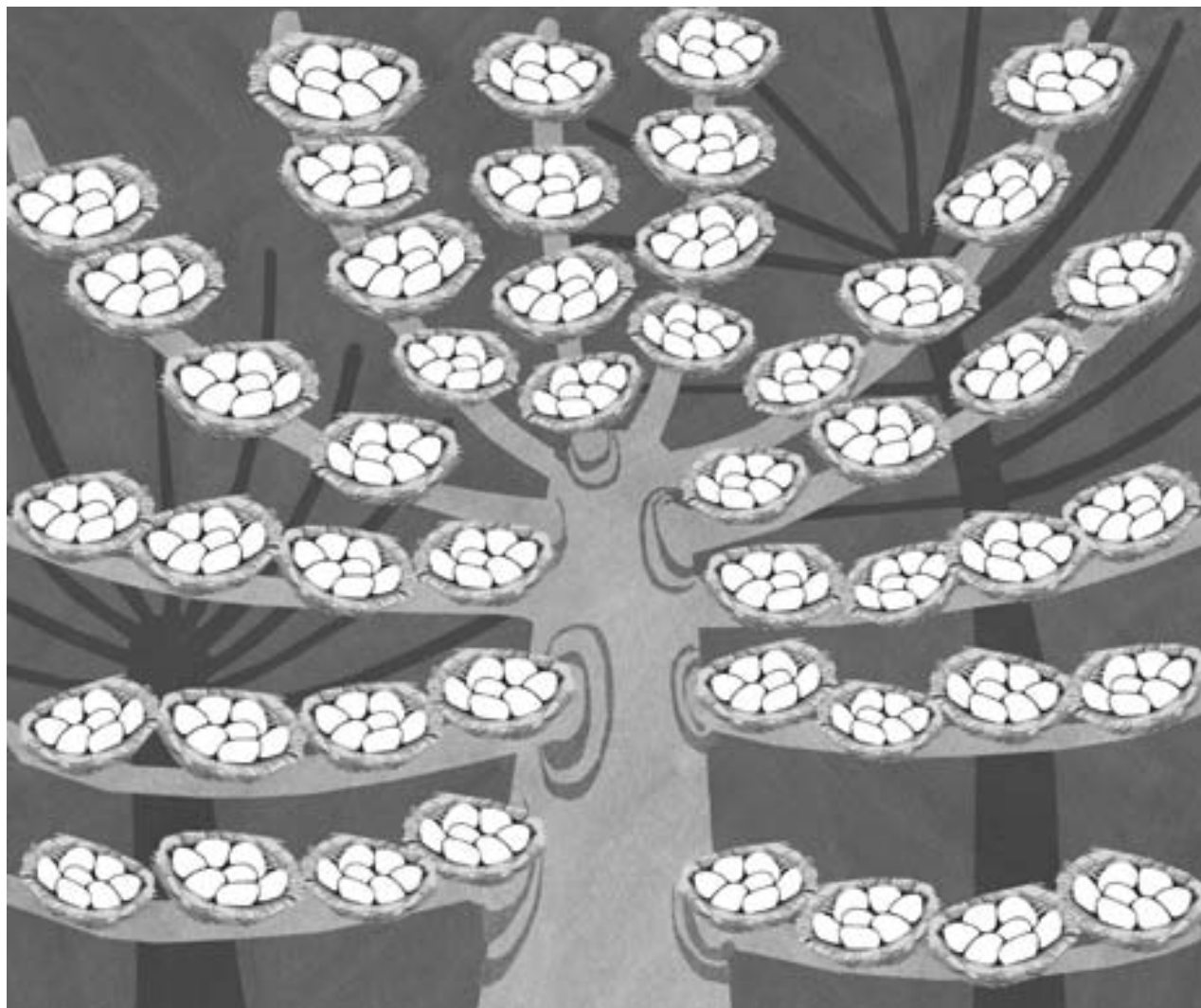
Kniigan luadijat sanotah suuret passibot ristittyzile, ket autettih kerätä materjua pruzniekoin nimien luvetteluh niškoi. Hyö ollah L'udmila Jermolajeva da Zoja Saveljeva Jessoilaspäi, Semoin Lid'a da Semoin Ot'a Nuožarvespäi, Makoin Kol'a, Abroin Gal'a, Sem'onovan Anni da Pekon Nast'a Jyrgiläspäi, Jušin Dus'a da Mironan Anni Vieljärvespäi, Fil'oin Miikul da Leena Karpova Petroskoilpäi.

Kiitämmö kielentutkijoi Boiko Tatjanua, Vladimir R'agojevua, Aleksandra Punžinua, Raisa Remšujevua, karjalan kielen tiedäjiä Valentina Karakinua, kudamat autettih kiändiä folkloorutekstoi karjalan kielespäi ven'akse; paikannimilöin tutkijua Denis Kuz'minua, kudai autoi luadie paikannimilöin luvetteluu. Eriže kiitämmö Tečin Šuurua Videlespäi, kudai keräi da työndi luadijoile sananpolvie da siäprimiättiä. Erähät niis työ lövvättö täs kniigas.

Kniigan on čomendannuh taidoilii Anastasija Trifanovaa. Täh painokseh niškoi häi luadi gruafizet čomazet. Niidy ei olluh enzimäzes painokses.

Tiättäväine, kniigu roih hyvänny karjalazen rahvahallizen kul'tuuran tiedolähtönny da auttau kaikkii niilöi, ket elävytetäh perindöllizii rahvahanpruzniekkoi karjalazis kylis da hierulois, tahtotah tiijustua enämbän karjalan kieleh da karjalazien perindölöih näh.

*Ol'ga Ogneva, Aleksi Konkka
(lyhendetty kiännös ven'an kielespäi)*

Vuosi, vuosi, vuoz'

Год

Yksi puu, kakšitoista okšua, joka okšašša nellä pešyä, joka pešaššä šeiččemen munua.

Vuosi, kuukauvet, netälit, päivät

(Лукина, Лавонен, Конкка А. зап. в 1971 г. от Никулиной В., НА, 169/1)

Одно дерево, двенадцать веток, на каждой ветке четыре гнезда, в каждом гнезде семь яиц.

Год, месяцы, недели, дни

(Kalevala — Калевала)

Tammi muas da taivahassah, viizikymmen kaksi ok-sastu, joga oksal seiččie jäiččästy — viizi ruskiedu, kaksi mustua.

Vuosi, nedälit, päivät

(Лавонен, 1982, с. 113)

Дуб с земли до неба, пятьдесят два сучка на нём: на каждом суку по семь яичек — пять красненьких, два чёрненьких.

Год, недели, дни

Netälilašku

Neljä nedälie kaksi yötä Plahvessenjasta Jyrinpäiväh Jyristä Miikkulah kaksi nedälie kaksi yötä, Miikkulasta Troiččah kolme nedälie kaksi yötä, Troičasta viisi nedälie lehti-Iivananpäiväh, siitä Petrunpäiväh neljä päiväh, Petrunpäivästä Kirikämpäiväh kaksi nedälie, Kirikämpäivästä Il'änpäiväh puolitoista nedälie, Il'änpäivästä Makoveih puolitoista nedälie, Makoveista Pohoroččah kaksi nedälie, Spoassunpäivä pyhän kahtia jakaa, kaksi nedälie sitä pyhää on, yksi nedäli Makoveih takaisin, Pohoroččah yksi nedäli etehpäin, Pohoroččast syys-Iivanah kaksi nedälie, Syys-Iivanasta Jälkipohoroččah puolitoista nedälie, Jälkipohoroččasta Sviissenjah viisi yötä,

Недельный счёт времени

Четыре недели две ночи от Благовещения до Егорьева дня, от Егория до Николы две недели две ночи, от Николы до Троицы три недели две ночи, от Троицы пять недель до Иванова дня, потом до Петрова дня четыре дня, от Петрова дня до Кирикова дня две недели, от Кирикова дня до Ильина дня полторы недели, от Ильина дня до Маковея полторы недели, от Маковея до Успения две недели, праздник Преображения пост надвое делит, две недели этого поста, одна неделя назад до Маковея, до Успения одна неделя вперёд, от Успения до Ивана осеннего две недели, от Ивана осеннего до Рождества богородицы

sitten Ensipohročasta Pokrovah
seiččemän nedälie,
Pokrovasta muissinsuovattah neljä nedälie,
muissinsuovatasta Rostuon pyhänlaskuh kolme
nedälie,
siitä kolme nedälie Miikkulanpäiväh,
ja se Rostuon pyhän kaheksi jakaa,
Miikkulasta kolme nedälie Rostuoh,
Rostuosta viisi päivää Uuteh vuoteh,
kaksi nedälie Vieristäh,
Vieristästä neljä nedälie Kynttelih,
Kynttelistä lihapyhälaskuh yksi nedäli,
siitä maitopyhälaskuh toini nedäli,
siitä Sporupyhänpäiväh kolmas nedäli,
siitä Ristileipien nedälih kolme nedälie,
Rostuosta kymmenennellä nedälillä on Plahvessenja,
Virposuovattanedäli on, kun nedäli jää Äijänpäiväh.
(Hautala, 1982, s. 471)

Nedälin päivät, netälin päivät, nedalin päivät

Mikä päivä on pahin netälil?
Ensimmäini arki.

(Лавонен, Коски зап. в 1977 г. от Кемовой Е. С., НА, 43/136)

Toini arki on kepjä päivä, pitäy keritä lampahie toisarkenä tai neljäntenä päivänä, ne ollah hyvät päivät.

(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Токаревой У. Т., НА, 44/151)

Päivät ollah kaik yhen näköset. Mitä työtä jesli alkua ruataa, toisarkenä, četverikana. Ne on hyvemät päivät. Keskiviikko on puastopäivä, pyhityspäivä. Maanantai se oli jykie päivä, a perjantai on viikosta kaikin jukein päivä.

(Лавонен, Коски зап. в 1977 г. от Токаревой У. Т., НА, 43/42)

полторы недели,
от Рождества богородицы до Воздвиженья пять
ночей,
потом от Успения до Покрова семь недель,
от Покрова до поминальной субботы четыре недели,
от поминальной субботы до заговенья перед Рождественским постом три недели,
потом три недели до Николина дня,
и он делит Рождественский пост надвое,
от Николы три недели до Рождества,
от Рождества пять дней до Нового года,
две недели до Крещения,
от Крещения четыре недели до Сретения,
от Сретения до последнего дня мясоеда одна неделя,
потом вторая неделя до Масленицы,
потом третья неделя до Сборного воскресенья,
потом три недели до средокрестной недели,
на десятой неделе от Рождества — Благовещение,
неделя вербной субботы настаёт, когда неделя остаётся до Пасхи.

(Vuonnini — Войница)

Дни недели

Какой день недели самый плохой? Понедельник.

(Kiestinki — Кестеньга)

Вторник — лёгкий день, овец нужно стричь во вторник или в четверг. Овец нужно стричь не на убывающей луне, а когда месяц рождается и растёт. Тогда у овец вырастет хорошая шерсть.

(Kiestinki — Кестеньга)

Все дни одинаковы. Если начинать какую-либо работу, то во вторник, в четверг. Это лучшие дни. Среда — постный день. Понедельник был тяжёлый день, а пятница — самый тяжёлый день недели.

(Kiestinki — Кестеньга)

Keskiviikkona sit tulou synt', ei piä keritä lampahie, ponedelnikana voit, ponedelnikana keritäh. Nyt myö kaikit keričemmä, minä päivänä sattuu... Kululla kuulla, sitä varoittaa, a muuta mie en.

(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Токаревой У.Т., НА, 44/151)

Kolmaspäivä da piätenčä ollah pyhitespäivät.

(KKS, IV, s. 556)

Ei ole kuutointa piätteniččiä.

(KKN, II, s. 109)

Ei ole päivätöindä piätteniččiä.

(KS, s. 414)

Ei ole päivätöindä piätteniččiä eikä rubiematöindä suovattua.

(KS, s. 414)

Peätinčä on seänmuuttai päevä, kun ei muuttane, nedälin tuulou.

(Кауконен зап. в 1943 г. от Туруева Т., НА, 5/98)

Piätteniččy pezopäivy, suovattu kylyn kylvendy.

(KSP, s. 158)

Mi suovattua, se pezuo.

(KSP, s. 125)

Loppunedelillä ei pie lambahie keritä, ei lie villua.

(СКЯ тв, с. 143)

Pyhäpäivän pidäy olla gu piirai komšas.

(KS, s. 409)

Min pyhäpäivy tuou, se enzimäsargi viey.

(KS, s. 409)

Sanotah, pyhänpiän gu vihmuu, sit kogo netälin vihmuu.

(Ларионов зап. в 1936 г. от Филипповой А.П., НА, 136/91 (559))

В среду будет грех, не надо стричь овец, в понедельник можно, в понедельник стригут. Сейчас мы все стрижем, когда придётся... На убывающей луне надо остерегаться, а другого я не [соблюдаю].

(Kiestinki — Кестеньга)

Среда и пятница — дни поста.

(Suojärvi — Суоярви)

Не бывает пятницы без месяца.

(Suistamo — Суйстамо)

Не бывает пятницы без солнца.

(Salmi — Салми)

Не бывает пятницы без солнца и субботы без долгого ожидания.

(Korbiselgä — Корбисельга)

Пятница — день, меняющий погоду, если не сменится, то неделю будет дуть.

(Sel'gi (Pogosta) — Сельги (Погост))

Пятница — для стирки, суббота — для бани.

(Mägrää — Мегрега)

Сколько суббот, столько и уборок.

(Mägrää — Мегрега)

Не надо стричь овец в конце недели, шерсти не будет.

Воскресенье должно быть, как пирог в корзине.

(Suistamo — Суйстамо)

Что воскресенье принесёт, то понедельник унесёт.

(Suojärvi — Суоярви)

Говорят, если в воскресенье идёт дождь, то всю неделю будет идти дождь.

(Tiihonselgy — Новая Заживка)

Vuoven kuut, endizet nimet, vuoven kuut, entiset nimet, vuoden kuut, endizet nimet

Syväinkuu — syväintalven kuu, pakkaskuu.
(KKS, V, s. 352)

Nedäli Raštavas ku menöy, sit on syväintalvikuu.
(KKS, V, s. 354)

Feural' on lumikuu.
(KKS, III, s. 447)

Pedrunpiän aigah (29.01/16.01) on lumikuu.
(Nedälie jälles Vieristiä.)
(KKS, III, s. 179)

Kuur'akuut — pakkas-, tuhu- da kevätkuu.
(KKS, II, s. 495)

Raštavankuu on iel da jälles Raštavao.
(KKS, V, s. 163)

Kylvökuu — kevät-Miikulas (22.05/09.05) algavuju kuu.
(KKS, II, s. 519)

Il'ankuu — kuu, kudaman aigua vahnan luvun mugah oli Il'anpäivy.
(KKS, I, s. 433)

Meillä sanottih kegrikuuksi. Kegrikuu on se kuhilaskuu, sidä kuuda sanottih, avgusta.
(Конкка А. зап. в 1986 г. от Бобровой М.А., ФА, 2961/5)

Tedrikuu — ligakuu. Pokrovas työndyy se tedrikuu. Aiga on anzoja punuo, tehä tedren pyvvyksie.
(KKS, VI, s. 92)

Miikkulankuu — kylmykuu. Rändykuun jälles on miikkulankuu, sit rastavankuu.
(KKS, III, s. 321)

Месяцы года, старые названия

Syväinkuu — месяц середины зимы, январь.
(Siämärvi — Сямозеро)

Как пройдёт неделя от Рождества, так настанет январь (месяц середины зимы).
(Siämärvi — Сямозеро)

Февраль — снежный месяц.
(Nekkula-Riiruškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Во время Петрова дня (29.01/16.01) — снежный месяц (спустя неделю после Крещения).
(Siämärvi — Сямозеро)

Вьюжные месяцы — январь, февраль и март.
(Роаен — Паданы)

Рождественский месяц перед Рождеством и после.
(Suojärvi — Суоярви)

Месяц сева — месяц, начинающийся с Николы Вешнего (22.05/09.05).
(Роаен, Siämärvi — Паданы, Сямозеро)

Ильин месяц — месяц, во время которого по старому стилю был Ильин день.
(Siämärvi — Сямозеро)

У нас говорили «месяц Кегри». Месяц Кегри — это то же, что «месяц снопов», так называли август.
(Kiimanvuara — Кимоваара)

Месяц тетерева — октябрь. С Покрова начинается месяц тетерева. Время плести силки, тетеревиные снасти.
(Siämärvi — Сямозеро)

Николин месяц — ноябрь. После месяца дождей идёт Николин месяц, потом рождественский месяц.
(Siämärvi — Сямозеро)

Rändykuu — ligakuu. Pokrovas työndyy se rändykuu, rändykuun jälles on Miikkulankuu, sit rastavankuu.
(KKS, V, s. 234)

Raštavankuu Voasil’ah lopeh.
(KKS, V, s. 163)

Taivahan kappalehet
Päiväine, päiväni, päivy, kuu, kuudam,
kuutoma, kuldoi, kuunmuuttiezet

Kakši kaunoista merellä, upotah da kubletah?
(KKN, III, s. 66)

Päivä da kuu

Месяц дождей — октябрь. С Покрова начинается месяц дождей, после идёт Николин месяц, потом рождественский месяц.
(Siämärvi — Сямозеро)

Рождественский месяц заканчивается в Васильев день.
(Siämärvi — Сямозеро)

Солнце, луна,
фазы луны

Ovet ei avauda, a perttih popadi.
(KKN, I, s. 163)

Päivöni

Две прелести на море, тонут и плавают на поверхности воды?
(Rugarvi — Ругозеро)

Солнце и луна

Krabajamatta heinih mänöö.
(KKN, III, s. 66)

Päivä

Дверей не открывает, а в избу попадает.
(Nebeličča — Небылицы)

Солнце

Razva tipahtaa lattiel, et sua kynnel, ei hambahal.
(KKN, II, s. 110)

Päivä

Без царпанья в траву попадает.
(Rugarvi — Ругозеро)

Солнце

Lattiel maiduo libo midätahto, hot veičel kiško, ga ei lähte.

Päiväine

(Блинова зап. в 1936 г. от Трохниева И.А., НА, 135/183 (997))

На полу молоко или что-либо [пролито], хоть ножом отдирай, да не отойдёт.

(Rajakondu — Погранкондууши)

Солнце

Kuuluu ku kuningas, näkyu gu tsarouna, levie ku leh-män ”hattu”.

Päiväine

(Пакаринен зап. в 1936 г. от Савельевой А., НА, 136/142)

Слышен, как король, виден, как царевна, широкий, как коровья «шляпа».

(Tiihonselgy — Новая Заживка)

Солнце

Ražva kuadu kangahalla, ei šua vuollen, ei veštöän, ei sruugaten poigez?
(KKN, III, s. 66)

Kuudoma

Жир пролился на холст, нельзя ни соскоблить, ни стесать, ни сострогать.

(Rugarvi — Ругозеро)

Луна

Dänöin päivy jo pastau.
(KSP, s. 23)

Светит заячье солнце — луна.
(Priäžu — Пряжа)

Ikkunal on nižuine viibohut, kynzil i hambahil ei sua ottua.

Kuuhut

(Пакаринен зап. в 1936 г. от Васильевой А.И., НА, 136/149)

Terveh uvvel kuul! Kuu kulistumah, mie nuoristumah, anna, Jumala, rauhua da tervehyttä!

(Hautala, 1982, s. 446)

”Uvvel kuul leibiä, vahnal kuul vetty” (uuttu kuudu tervehtitäh).

(KKS, II, s. 488)

Kun uuši kuu nähtih ensi kerta, sanottih: terveh uuvella kuulla!

(KKS, II, s. 488)

Kuuta tervehittih kun uusi kuu nähtih ensi kerta, sanottih: ”Terveh uuvella kuulla!” — kus kohassa satutih näkömäh. Muutomat sanottih vielä jotta: ”rykimi-set pierömiset uuvella kuulla!”

(Virtaranta, 1958, s. 246)

Taivas vuottua uutta kuuta, lumi tervasta rekeä, nuoren päivän nousemista, lapset mualle marjasia.

(KS, s. 504)

Uvvel kuul roih lykykäs lapsi.

(KS, s. 546)

Kuudamas on akku lypsinrengin kel.

(KKS, II, s. 499)

Kuudamaizes tyttöine tuazaizen kel on.

(Огнева зап. в 1998 г. от Гошкиевой В.И., НА 173/60)

Kuunkiänälmykses siä muutah.

(СКЯ ливв, с. 168)

На окне пшеничный ломоть, ни ногтями, ни зубами нельзя взять.

Месяц

(Var. Sel’ga — Воронова Сельга)

Когда первый раз видели новую луну, говорили: «Здравствуй, новая луна! Луне убывать, мне молодеть. Дай, Господь, мира и здоровья!»

(Korbiselgä — Корбисельга)

«Новому месяцу — хлеба, старой луне — воды» (так приветствуют новый месяц).

(Tulemjärvi — Туломозеро)

Когда впервые видели новую луну, говорили: «Здравствуй, новая луна (месяц)!»

(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Месяц приветствовали, когда новый месяц видели первый раз, говорили: «Здравствуй, новый месяц!» — на том месте, где оказывались в этот момент. Некоторые говорили ещё так: «Кашель и пукание новому месяцу!»

(Venejärvi — Суднозеро)

Небо ждёт нового месяца, снег — просмолённых саней, восхода молодого солнца, дети — ягодок на земле.

(Suistamo — Суйстамо)

Ребёнок, родившийся на новой луне, будет счастливым.

(Siämärvi — Сямозеро)

На луне видна женщина с подойником.

(Siämärvi — Сямозеро)

На луне видна девочка с тазиком.

(Jyrgil — Юргилица)

В новолуние погода меняется.

Konz oli täuš kulduoi, šiga nägyi kulduois kui pikkaraine neičykaine veidral vette kandau.

(LT, I, s. 361)

Šykyšyllä ei kuutomua šuanun šanuo kuutomakše vain riešakše kun oli vil'l'a kypšymäššä. Konsa oli puolierieska, konsa kokorieska. Lapset još šatuttih šanomah: ”kačo kun kuutoma paistau”, šiitä toatto šano jotta: ”ei šoa šanuo kuutomakše kuni vil'l'a kypsy! Halla panou pellot.”

(Virtaranta, 1958, s. 246)

Uuzi kuu, uuvet ilmat.

(Евсеев зап. в 1962 г. от Савельевой А.И. и др., НА, 157/10)

Puolikuudamas siät vojiah muuttuo.

(СКЯ ливв, с. 288)

Kuu kuluu, i siä kuluu.

(СКЯ тв, с. 124)

Alakuu on huondeksespäi valgei, illas pimei.

(KKS, I, s. 35)

Siänmuutto ku tulou, sit kuudamas ymbäri on kindahat moizet.

(KKS, V, s. 353)

Kulduois ymbäri oleteltii sinižen ruskedat kruugat. Jesli oli pikkaraine kruug, se toižem päivän smenihe ilm, a jesli oli tobt' krug ymbäri kulduois, se päivän kahten eika kolmen päivän proidihut smenizou ilm.

(LT, I, s. 361)

Kuudamankynnet on kiberät, pakkaine roih.

(KKS, II, s. 500)

Kuun kannoil pidäs siä olla, libo vihmu, libo tuulou, lib ylen čiriet siät on.

(KKS, II, s. 488)

В полнолуние на луне было видно, как маленькая девочка несёт ведро воды.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Осенью, пока хлеба не созрели, луну нельзя было называть луной, только «пресной лепёшкой». Когда было пол-лепёшки, когда целая лепёшка. Если дети говорили: «Смотри, как луна светит», то отец говорил: «Нельзя луну называть луной, пока хлеба зреют! Заморозок побьёт поля».

(Kiestinkin Sohjanansuu — Софьянга)

Новый месяц, новая погода.

(Čobene — Чёбино)

В половине луны (полумесец) погода может измениться.

Луна убывает, и погода убывает (меняется).

На убывающей луне с утра светло, а вечером темно.

(Siämärvi — Сямозеро)

Когда меняется погода, вокруг луны образуются «рукавицы».

(Salmi — Салми)

Вокруг луны бывают сине-красные круги. Если круг маленький, то погода изменится на следующий день. А если круг был большой, то погода сменится через два-три дня.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Рога (букв. «когти») месяца острые — к морозу.

(Siämärvi — Сямозеро)

При смене четвертей луны должна быть плохая погода, или дождь, или сильный ветер, или очень жаркая погода.

(Salmi — Салми)

Kons kui kulduoi nouš taivahale, šiit kačottii šelgedan yön alakuun aiga konz oli puol'kulduoit, kui n'okad oldi ylen teravad, šiid lienou pakaine ilm. A kui oldii typäkäd n'okat, šidä primietittii, što lämmin ilm lienou. (LT, I, s. 361)

Konzu on kuudomane ylen valgei kezäl, sit on ilmu viluuni, a gu on tulen karvaine dai lämmitäh, dai kevätpuoleh tai hot' talvel ruskennoo kuudamoine dai vihmat tullah keväel.

(Суксина зап. в 1936 г. от Тимофеевой Н.И., НА, 135/26 (837))

Kelilöiksi kuu kehii, sateiksi päivä siärii.

(KS, s. 144)

Vilut lieu, on kruuga päiväzešt ymbär. I kuudomašta ymbäri, niin vilut lietäh (talvella).

(KKN, I, s. 92)

Sellälleh on kuudam, kannikot kyherät, vilu roih tämä kuu.

(KKS, II, s. 51)

Kuunkiänälmykses voibi povvistuo, gu ei sit povvistannehes, sit hätken vihmuu.

(KKS, II, s. 494)

Kus tuuli on kuun syndyjes, sie se on kogo kuun aijan.

(Hautala, 1982, s. 446)

Mittuine siä on kolme päiviä kuun roindan jälles, moine roih kogo kuun aijan.

(Hautala, 1982, s. 446)

Kululla kuulla ei kala ongie šyö.

(KKS, II, s. 488)

Uvvelkuul puuttuu huondekses parembi kalua, alakuul ehtäl.

(KKS, I, s. 35)

Когда месяц появлялся на небе, смотрели ясной ночью, на убывающей луне, когда был виден полумесяц, если рога у него были очень острые, то будет мороз. А если рога были тупые, примечали, что это к тёплой погоде.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Если луна очень светлая летом, то погода будет холодная, а если [луна] цвета огня, то потеплеет и весной, или хоть и зимой, как луна покраснеет, то пойдут дожди весной.

(Rajakondu — Погранкондуши)

К морозам сияние вокруг месяца, к дождям солнце лучится.

(Korbiselgä — Корбисельга)

Похолодает, когда вокруг солнца виден круг. И [если круг] вокруг луны, тоже похолодает (зимой).

(Tolmačču — Толмачи)

Если месяц лежит на спине, рога острые, кверху, то этот месяц будет холодный.

(Siämärvi — Сямозеро)

В новолуние погода может разгуляться, а если не разгуляется, то долго будет идти дождь.

(Siämärvi — Сямозеро)

Откуда ветер дует при рождении новой луны, оттуда будет дуть весь месяц.

Какая погода продержится три дня после рождения новой луны, такая простоит целый месяц.

На ущербной луне рыба не клюёт.

(Rugarvi — Ругозеро)

На новой луне рыба лучше ловится утром, а на ущербной луне — вечером.

(Siämärvi — Сямозеро)

Kulun kuun kannalla haugi ottau ongeh mussassa viessä, valgiessa veissä uuvella kuulla.
(KKS, II, s. 488)

Uvvel kuul zavoditah kylviä tougoloï keviäl, žiivattoï zavoditah iškïe sygyzyl.
(KKS, VI, s. 439)

Uuvella kuulla valgiessa veessä kaloa paremmin puutuu, kululla kuulla mussassa veessä.
(Кауконен зап. в 1943 г. от Лесонена Х., НА, 5/20)

<...> No kulu kuu kun on, ga haugi ei tule, hambahii eu hauvilla, no ei ota hiän sidä, särgïe piendä. Uudeh kuuh hambahat kazvau, ottau jo särgïe.
(Конкка У., Лааксонен зап. в 1974 г. от Артемьевой М.И., НА, 8/980)

Nygöï on uuzi kuu, pidäy lambahat keritä, parembi vil-lat kazvau.
(KKS, VI, s. 440)

Lampahat pitäy keritä ei kululla kuulla, konsa kuu syn-tyy ta kasvau. Siitä villat hyvät kasvetah lampahilla.
(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Токаревой У.Т., НА, 44/151)

Pirttih strojittih, ka se pohja pannah uuvella kuulla ne venčat. Että rahvas elettäis talossa hyvin.
(Лавонен, Коски зап. в 1977 г. от Павловой Ф.И., НА, 43/267)

Uudeh kodih muututah uvvelkuul elämäh.
(KKS, VI, s. 440)

Ei kululla kuulla pie pirtin puita suaha, pitäy pirtin puut suaha uuteh kuuh ja pitäy semmoisesta mečästä, jotta ei suolta, kuivalta harjulta ta ottua hyvät puut.
(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Токаревой У.Т., НА, 44/153)

Naizil kävyu pezokset kuunkiänälmyksen aigah.
(KKS, II, s. 494)

В последнюю четверть ущербной луны щука клюёт в тёмной воде, в светлой воде — на растущей луне.
(Porarvi — Поросозеро)

На молодой луне весной начинают сеять зерновые, осенью начинают забивать скот.
(Suojärvi — Суоярви)

На новой луне рыба лучше ловится в светлой воде, на убывающей луне — в тёмной воде.
(Jängärvi — Янгозеро)

<...> Когда убывающая луна, щука не идёт, у щуки нет зубов, она не берёт эту, плотву мелкую, на новой луне зубы вырастают, уже берёт плотву.
(Paduna — Падун)

Сейчас молодой месяц, нужно овец стричь, чтобы шерсть лучше росла.
(Siämärvi — Сямозеро)

Овец нужно стричь не на убывающей луне, а когда месяц рождается и растёт. Тогда у овец вырастет хорошая шерсть.
(Kiestinki — Кестеньга)

Избу строили, так основание, венцы ставят на новой луне. Чтобы люди в доме хорошо жили.
(Kiestinki — Кестеньга)

В новый дом переезжают жить на новой луне.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

На убывающей луне не надо заготавливать брёвна для строительства дома, брёвна для строительства дома надо заготавливать на новой луне и не с борта, а с сухого хребта и взять хорошие деревья.
(Kiestinki — Кестеньга)

Женщины стирают белье на смене [фазы] луны.
(Tulejärvi — Туломозеро)

Alakuun piätenčän perti avatah, viluks jätetäh, anna brusakat kylmäy, sit ei žiilei toizin vuozin.

(KKS, I, s. 35)

(Puut) leikatah pirttie luatie. Piti kuivalta mualta suaha. Kululla kuulla, kasvajalla kuulla, uuteh kuuh leikattih ta sykysyllä, ei kevyällä. Lujempi puu on sykysyllä kuin nyt tähä aikua leikkuat, se heti happanou. <...>

(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Исакова И.К., НА, 44/254)

Mimmoni työ alkau, uuvves kuus pitäis alkua... Perunat muah pane, älä pane kululla kuulla, uuteh kuuh hot' aloita panemah.

(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Токаревой У.Т., НА, 44/151)

Uvvenkuun piätenčy pädöy lembie nostua, a voimat-
tomil ei päe.

(KKS, VI, s. 440)

Kalanpyyvykšet pitäy luatie yläkuušša, šiiitä niihi mielelläh käyvväh kalat, eikä ne lahoa järveššä, vaikka oltais kauemmankin.

(Hautala, 1982, s. 450)

Kululla kuulla landoa ei soanu pellolla vedeä.

(Кауконен зап. в 1945 г. от Лесонена Х., НА, 5/20)

Alakuul ei kala ongel ottanu, nuottai ei muga tulnu, se oli primet, se primetuoittii kulduoid myö.

(LT, I, s. 361)

Tiähtet, tähet, täht'ed

Akan räččinä aijalla, täitä täynnä.

(KKS, VI, s. 361)

Tähtitaivas

В пятницу на убывающей луне открывают избу, пусть тараканы вымерзнут, тогда не размножатся и в другие годы.

(Siämärvi — Сямозеро)

Лес рубят для строительства избы. Нужно было заготовить лес с сухого места. На убывающей луне, на растущей луне, на новой луне и рубили осенью, не весной. Осенью дерево крепче, если сейчас срубишь, оно быстро сгниёт. <...>

(Kiestinki — Кестеньга)

Любую работу надо бы начинать на новой луне... Посади картошку, не сажай на убывающей луне, на новой луне хотя бы начни сажать.

(Kiestinki — Кестеньга)

Пятница новой (растущей) луны подходит для поднятия лемби («славутности», привлекательности для противоположного пола), а больных лечить не подходит.

(Siämärvi — Сямозеро)

Рыболовные снасти надо изготавливать на растущей луне, тогда в них с охотой пойдёт рыба, и они не сгниют в воде, даже если их держать там долго.

(Kiestinki — Кестеньга)

На убывающей луне на поля нельзя было возить навоз.

(Jängärvi — Янгозеро)

На убывающей луне рыба не клюёт, и в невод не так идёт, так примечали по луне.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Звёзды

Женская рубаха на изгороди, вшей полна.

Звёздное небо

(Uhut — Ухта-Калевала)

Late täys lampahia, kešällä keritty oinas.

Tähet ta kuu

(Kaуконен зап. в 1942 г. от Трохкимайнена В., НА, 5/263)

Muallizet marjat i taivahallizet n'umalat.

Taivahas tähtet

(Туткова зап. в 1939 г от Ивановой П.П., НА, 113/30)

Tähti langei — ken ollou kuoli.

(KKS, VI, s. 360)

Tiähten ku näet lendämäs taivahas, pidäy sanuo: amin, amin, vai et sanne nimidä, se mavoks menöy.

(KKS, VI, s. 360)

Ehtyzor'atiähti ku nägyy, sit vahnembahizet rahvas eletäh: se vuozu ei rodei kuolijua vahnembis, joga vuottu ei nävy.

(KKS, I, s. 95)

Konža on enämbi tähtiä, täheššä äijäldi, lieu vilut.

(KKN, I, s. 92)

Sie on tuuli huondeksel, kunne illal tähti lendäy.

(KS, s. 53)

Otavašša on orjan merkki, eikä kuušta ei kukošta.

(Ремшьева зап. в 1976 г. от Лесонен А.А., НА, 60/180)

Još linnunratan pohjoinen, eli meripuoli, on pimie, ni šyys tulou räntä. Još taaš paikašta on kirkaš ja paikašta pimie, ni keškitalavešta on paljo lunta. Još kokonaan on kirkaš, ni kevätpuoli on hyvä ja tulou hyvä vuoši.

(Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/21)

На полу полно овец, летом выстрижен баран.

Звёзды и месяц

(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Земные ягоды и небесные боги.

(Vieljärvi — Ведлозеро)

Звезда упала — кто-то умер.

(Tveri — Тверь)

Если увидишь падающую звезду, нужно сказать: аминь, аминь, а если ничего не скажешь, падающая звезда превратится в змею.

(Siämärvi — Сямозеро)

Когда видна звезда вечерней зари, то старики ещё проживут: в этот год не будут умирать люди старшего поколения. Эта звезда видна не каждый год.

(Siämärvi — Сямозеро)

Звёздное небо предвещает холода.

(Tolmačču — Толмачи)

Утром ветер будет оттуда, куда вечером звезда упала.

(Salmi — Салми)

На Большой Медведице — знак раба, не на луне и не на солнце. (По положению Большой Медведицы определяли время, когда пора вставать).

(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Если Млечный путь в северной, морской части тёмный, то осень будет дождливая. Если местами ясный, местами тёмный, то в середине зимы будет много снега. Если полностью ясный, это предвещает хорошую весну и хороший год в целом.

(Jyškärvi — Юшкозеро)

Talvi, tal'v

Зима

Keyvällä vanhenou, kešällä kuolou, a talvel tuašen eläydyy.

(KKN, I, s. 163)

Talvi tulloo tappau lapset, kesä tulloo antaa kengät.

(KS, s. 507)

Ei talvi roite perzepaččuloita.

(KS, s. 506)

Talvi ambarin tyhjentäy.

(KSP, s. 186)

Talvisiä sualehet kyzyy, midä kezäl sait.

(Демоева зап. в 1983 г. от Харитоновой А. Ф., НА, 105/23)

Ennen kesän akatta, kun talven lehmättä.

(KS, s. 148)

Talvipiänä huomnešhämäri vaštuačou ildahämärinke.

(СКЯ тв, с. 124)

Talvi tapansa näyttää.

(KS, s. 507)

Kezäaigu on lyhyt aigu, talvaigu on pitky, keyhäl paiččegi.

(KKS, VI, s. 37)

Весной стареет, летом умирает, а зимой снова оживает.

(Nebeličča — Небылицы)

Если зима придёт, то детей убьёт, а лето придёт — сапоги даст.

(Suojärvi — Суоярви)

Не будет зимы без мозоли на заднице. (Обычно зимой пряли, во время прядения сидели на прялке.— Прим. сост.)

(Suojärvi — Суоярви)

Зима опустошит амбары.

(Kondupohju — Кондопога)

Зимняя погода спросит добычу, что летом достал.

(Yllöine — Верховье)

Скорее лето без жены, чем зиму без коровы.

(Imbilahti — Импилахти)

Зимним днём утренние сумерки с вечерними встречаются.

Зима свой характер покажет.

(Suojärvi — Суоярви)

Лето коротко, а зима длинна, особенно для бедняка.

(Siämärvi — Сямозеро)

Kaksi pimietä vassakkah, vähäni harmuata välissä.
(KS, s. 126)

Tulou talvi tahtomattah, proidiu kezä nägemättäh.
(KKS, VI, s. 37)

Talvi tulou tahtomatta, kešä mänöy kekšimättä.
(KSP, s. 187)

Talvi kohtuu kandau, a kezä lastu kaččou.
(KS, s. 506)

Talvel kylmä on kyrsä, ga sulah keviäl.
(KS, s. 506)

Kudaman talvel kylmäy, se kezäl heinäarres sulau.
(KS, s. 506)

Kiurun tulendas on kezäh kuu, ezmäzes lumes talves-
sah on vie kuu.
(СКЯ ливв, с. 167)

Talvi ei tule ennenkuin sireenistä lehti lähtöh.
(KS, s. 507)

Enžilumeh talvi ei šeižauvu.
(СКЯ тв, с. 39)

Vilu talvi — ägie kežä.
(KSP, s. 208)

Kun talvi on pakkani, kešä tulou povvempi ta lämpi-
mämpi.
(Näytteitä karjalan kielestä, 1994, s. 29)

Talvi ei mäne purutta da kesä vesisatehetta.
(KS, s. 506)

Две темени друг напротив друга, между ними не-
много серого.
(Korbiselgä — Корбисельга)

Зима настанет, не спросив, лето пройдёт — не за-
метишь.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Зима придёт — не просится, лето пройдёт — не за-
метишь.
(Tunguo — Тунгуда)

Зима беременна, а лето ребёнка нянчит.
(Salmi — Салми)

Зимой блин заморожен, да весной растает.
(Suojärvi — Суоярви)

Кто зимой замёрзнет, тот летом в сенокос растает.
(Siämärvi — Сямозеро)

От прилёта жаворонка до лета остаётся месяц,
от первого снега до настоящей зимы ещё месяц.

Зима не наступит, пока с сирени лист не опадёт.
(Suojärvi — Суоярви)

Зима не установится с первым снегом.

Холодная зима — жаркое лето.
(Puasinkoi — Пасынки)

Если зима морозная, то лето будет ясное, сухое
и тёплое.
(Oulanka — Оланга)

Не проходит зима без пурги, а лето без дождя.
(Suojärvi — Суоярви)

Talvi lumetta, kešä vihmatta ei ole. (<i>KSP, s. 187</i>)	Зима без снега, лето без дождя не бывают. (<i>Tunguo — Тунгуда</i>)
Eihäi talvi ole talvi lumettah, kezä vein vihmumattah. (<i>KS, s. 506</i>)	Зима — не зима без снега, лето — без дождя. (<i>Tulejärvi — Туломозеро</i>)
Ei talvi tule suuritta suvitta, kesä pitkittä poutasitta. (<i>KS, s. 507</i>)	Зима не приходит без больших оттепелей, лето — без долгого вёдра. (<i>Suojärvi — Суоярви</i>)
Jiämeren uallot antau šen kuvahaisen taivahalla, kun revontulet palau. (<i>KKS, V, s. 71</i>)	Волны Ледовитого океана отражаются в небе, когда горит северное сияние. (<i>Hiatarvi — Хуемаярви</i>)
Huonojen ilmojen ieššä revontulet palettih, šiitä tuli purku. (<i>KKS, IV, s. 526</i>)	Перед непогодой северное сияние пылало, а потом начиналась метель. (<i>Vuokkiniemi — Вокнаволоок</i>)
Revontulien palamisesta tulou purut ili pakkaset. (<i>KKS, IV, s. 526</i>)	После северного сияния будет метель или морозы. (<i>Kontokki — Контокки</i>)
Rebointuli nägyy pohjaizes, pakkaizet roih. (<i>KKS, V, s. 71</i>)	Северное сияние видно на севере — быть морозам. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)
Rebointulet on taivahal, g ei soda loppevu täl vuvvel. (<i>KKS, V, s. 71</i>)	Северное сияние видно на небе — война в этом году не закончится. (<i>Suojärvi — Суоярви</i>)
Zor'a koitattau, talvel roih lumenpano, kezäl vihmu. (<i>KKS, III, s. 178</i>)	Если заря краснеет, то зимой жди снегопада, а летом — дождя. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)
Lunda panou, ni pakkažen murendi. (<i>KKS, IV, s. 126</i>)	Снег пошёл, так мороз сломало (потеплело). (<i>Poaen — Паданы</i>)
Purguloi vassen on päiväs ymbäri kiekko. (<i>KKS, IV, s. 526</i>)	Перед метелями вокруг солнца виден ореол. (<i>Porarvi — Поросозеро</i>)
Päivän čuras on pačas, tuhut roih. (<i>KKS, VI, s. 264</i>)	Столб рядом с солнцем — к метелям. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)

<p>Tuhupačas, valpas vihandu pačas alapuoles päiviä, alačura on leviemi, päivähpäi kaidenou. (<i>KKS, VI, s. 264</i>)</p>	<p>Метельный столб, светло-зелёный столб книзу от солнца, нижняя часть шире, к солнцу сужается. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)</p>
<p>Tulipačas on päivän ual pakkaizel. (<i>KKS, VI, s. 281</i>)</p>	<p>Огненный столб под солнцем бывает в мороз. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)</p>
<p>Pakaižel aiga talvel oleteltii čuran i toižen paččahad, se primett oli purgun edell i tuulen. (<i>LT, I, s. 361</i>)</p>	<p>Зимой в мороз с обеих сторон [луны] бывают столбы, это к метели и ветру. (<i>Hal'd'ärvi — Галлезеро</i>)</p>
<p>Tulizet paččahat ollah viluloikši eli pöyrylöikš. (<i>KKN, I, s. 93</i>)</p>	<p>Огненные столбы на небе к холодам или к пурге. (<i>Tolmačču — Толмачи</i>)</p>
<p>Päivänsappi on kui kiehkoi čuran toizen päiväs, se on siän muutundua vaste (viluloil). Päivänsapet on päiväs puolen toizen, ga siät lämmitäh, tuučat roiteh. (<i>KKS, IV, s. 580</i>)</p>	<p>Päivänsappi (sappi букв. «желчный пузырь», päivä — «солнце») это как круг, ореол вокруг солнца, бывает в холода перед переменной погоды. Если «пузыри» видны с обеих сторон от солнца, это предвещает потепление, снегопад. (<i>Suojärvi — Суоярви</i>)</p>
<p>Päivän iellä šappi on hyvikse ilmoikse, a jälellä pahoikse. (<i>KKS, IV, s. 288</i>)</p>	<p>Круг, ореол перед солнцем — к хорошей погоде, а позади солнца — к плохой. (<i>Vuokkiniemi — Вокнаволок</i>)</p>
<p>Kuu kehäššä, päivä tarhašša, taidau tuisku tulla. (<i>KKS, VI, s. 267</i>)</p>	<p>Месяц в круге, солнце в круге, может начаться метель. (<i>Tunguo — Тунгуда</i>)</p>
<p>Talvella rubieuv tuulomah päiväzenlaškurannašta, kerdah lämmitiäčöy. (<i>СКЯ тв, с. 226</i>)</p>	<p>Если зимой начинает дуть с запада, сразу теплеет.</p>
<p>Talvella vilut šiät kun ollah, hebozet vain muatah, šanotah: lieu lämbimät šiät. (<i>KKN, I, s. 92</i>)</p>	<p>Когда зимой стоит холодная погода, лошади только и делают, что спят, говорят: будет тёплая погода. (<i>Tolmačču — Толмачи</i>)</p>
<p>Korvanlehtii ku kublauttau, sit lämmitäh. (<i>KS, s. 190</i>)</p>	<p>Уши чешутся к теплу. (<i>Salmi — Салми</i>)</p>
<p>Korvii ku kublauttaa, sit tuučču rodieu. (<i>KS, s. 190</i>)</p>	<p>Уши чешутся — будет снегопад. (<i>Salmi — Салми</i>)</p>

Pakastiaine pihal lendelöy, ga tuase roih pakkan'e. (<i>KKS, IV, s. 127</i>)	Снегирь летает, снова будет мороз. (<i>Salmi – Салми</i>)
Purguharakku skočahteleh purguloi vaste. (<i>KKS, IV, s. 526</i>)	Сорока скачет (поскакивает) перед пургой. (<i>Siämärvi – Сямозеро</i>)
Purgulinnut karjalleh kävelläh rözähetäh tuuččie vaste. (<i>KKS, IV, s. 526</i>)	Свиристели стайкой летают, шумят, перед снегопадом. (<i>Suojärvi – Суоярви</i>)
Purgulinnut hörähtellähes, huomei tuučču. (<i>KKS, IV, s. 526</i>)	Свиристели вспархивают, завтра будет снегопад. (<i>Siämärvi – Сямозеро</i>)
Koir lähtöu pihale huondeksel i valazou lumes, piehtarizou kai bokad i toižed, ka ilm smenizou, naverno suur' uho tulou. Päivät kaks-kolme proidiu i tuuččaškadou, lunt tuulenke täytte väged. (<i>LT, I, s. 348</i>)	Собака выходит утром на улицу и валяется в снегу к перемене погоды, к сильной метели. Спустя два-три дня поднимется сильная метель, снег с ветром пойдёт. (<i>Hal'd'ärvi – Галлезеро</i>)
Purgu pakkasen peräs, paha ilma pakkasesta. (<i>KS, s. 405</i>)	Пурга после мороза, плохая погода от мороза. (<i>Suistamo – Суйстамо</i>)
Tuuli kyllet puhuu, pakkane pertin jähyttäy. (<i>KSP, s. 193</i>)	Ветер бока продует, мороз избу остудит. (<i>Tolmačču – Толмачи</i>)
Purku pakkasen peräs, suvi suures lumes. (<i>KS, s. 405</i>)	Пурга после мороза, оттепель после большого снегопада. (<i>Imbilahti – Импилахти</i>)
Purgu tuloo, kun porsahal on kabula suus. (<i>KS, s. 405</i>)	Пурга будет, если у поросёнка во рту палочка. (<i>Suistamo – Суйстамо</i>)
Suvi suures lumes, pakkaine pahas ilmas. (<i>KS, s. 495</i>)	Южный ветер от большого снега, мороз от плохой погоды. (<i>Imbilahti – Импилахти</i>)
Suvi suuresta lumesta, purku pakkasen perästä. (<i>KS, s. 495</i>)	Южный ветер от большого снега, пурга после мороза. (<i>Suistamo – Суйстамо</i>)
Šuvi šuurešta lumešta, paha ilma pakkasešta. (<i>KSP, s. 183</i>)	Оттепель после большого снегопада, непогода после мороза. (<i>Uhtuo – Ухта-Калевала</i>)

Päčči kydöy, pakkazet roitah.
(KKS, IV, s. 537)

Suvipuoles on tiähtie taivahas, pakastah.
(KKS, V, s. 594)

Pakkastu vaste kaži päčil da pačin edeh liččuah.
(KS, s. 357)

Pakkaset tuloo, kissa päčil on.
(KS, s. 357)

Pakkaine pahatabaine, kolaškoitti kovan ustu,
räväškoitti räystäähästy.
(KS, s. 357)

Pakkaine paukuttau, kova emo kolkuttau.
(KS, s. 357)

Pakkani paukkau niin — akan lehmän ammottau, ukon
koiran haukuttau.
(Lyytinen, s. 20)

Kylmä kynsijäni kopristau, käsijäni pakkani.
(Lyytinen, s. 20)

Pakkani kiskou kindahat kormanista.
(Евсеев зап. в 1962 г. от Савельевой А.И. и др., НА, 157/3)

Pakkaine on juattu sobii myö.
(KS, s. 357)

Pakkazel on tuli muas, toine taivahas.
(KS, s. 357)

Pakkaine paukuttau salmloi, ga terväh kuolou nyt
(siä lämbenöy).
(KKS, IV, s. 126)

Talvel vai nähnet unes jauhuo, dai tuučča, hos kui pak-
kaine ollou.
(KKS, VI, s. 336)

Печка тлеет — к морозам.
(Роаеп — Паданы)

Звёзды в южной части неба — к морозу.
(Siämärvi — Сямозеро)

Перед морозом кошка жмётся к печке и предпечью.
(Siämärvi — Сямозеро)

Надвигаются морозы, кошка на печке сидит.
(Imbilahti — Импилахти)

Сердитый мороз, стучал в дверь шалаша, бил по за-
стрехе.
(Salmi — Салми)

Мороз стучит, строгая мать постукивает.
(Imbilahti — Импилахти)

Мороз так трещит — заставляет мычать корову ста-
рухи, лаять собаку старика.
(Vuokinsalmi — Вуокинсалми)

Холод сжимает мои ногти, мороз — руки.
(Vuokinsalmi — Вуокинсалми)

Мороз вытащит рукавицы из кармана.
(Čobene — Чёбино)

Мороз поделён по одежде.
(Imbilahti — Импилахти)

В мороз огонь на земле, другой на небе.
(Salmi — Салми)

Мороз трещит в углах дома, значит, скоро умрёт
(потеплеет).
(Suojärvi — Суоярви)

Если зимой увидишь во сне муку, быть снегопаду,
какой бы мороз ни стоял.
(Suojärvi — Суоярви)

Särgi da muu kala unes on lumenpanokse.
(*KKS, III, s. 178*)

Ku suurdu lundu tuučuau, vanhua ämmiä taivahas tuloo.
(*KS, s. 491*)

Tuhupäivy on nuorien miehien nuottupäivy.
(*СКЯ ливв, с. 388*)

Pakkazel on nuorien miehien liikundupäivy.
(*KS, s. 357*)

Eigo vilu, eigo lämmin, nuoren miehen nuottusiä.
(*KS, s. 581*)

Matikašta on vuuvven alku. Kun matikkua äijän šuataneh, niin paremmin ni joka kalua šuahah. Matikkua kun vähän puuttuu, šanotah, tänä vuotena kyllä tuaš ei pijä äijäkkäli kalua šuaha.
(*Näytteitä karjalan kielestä, 1994, s. 30*)

Kuna vuodena kui ollov majeh kala, nii rubiev kudemah kai kalat sinä vuodena. Kui majeh pahoin kudenov, nii sinä vuon kai kalat pahoi kudov. A kui majeh ruvennov tukkuzah kudemah, sinä vuodena lienöv kalua äijy i ruvetah tukkuzah kudemah.
(*Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46*)

Mimmoni on kinokšen harja, ni šemmoni tuli kešä. Još oli terävät harjat, ni tulou mätäkuuša vihma, mutta još harjat oli tašaiset, ni tulou mätäkuu hyvä.
(*Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/21*)

Äijy lundu — hyvä vil'lu.
(*Макаров, Рягоев, 1969, с. 192*)

Видеть во сне плотву или другую рыбу — к снегопаду.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Когда идёт сильный снег, с неба приходят старые бабки.
(*Imbilahti — Импилахти*)

В метель молодые мужчины неводом рыбу ловят.

В морозную погоду молодые мужчины гуляют.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Не холодно и не жарко, молодым мужчинам в такую погоду неводом рыбачить.
(*Suistamo — Суïстамо*)

С налима год начинается. Если налим хорошо ловится, то и всякой другой рыбы много будет. А если мало налимов попадается, то в этом году не жди богатого улова.
(*Oulanka — Оланга*)

В который год налим хорошо нерестится, то и вся рыба будет хорошо нереститься. Если налим плохо нерестится, то и вся рыба в этом году будет плохо нереститься. А если налим будет кучно нереститься, то в этом году будет много рыбы и она будет кучно нереститься.
(*Sel'gi — Сельги*)

Какой гребень сугроба, такое и лето. Если гребни сугробов были острые, то в гнилом месяце (когда всё гниёт, в конце лета, точной даты нет. — *Прим. сост.*) будет дождь, а если гребни были ровные, то гнилой месяц будет хороший.
(*Jyškärvi — Юшкозеро*)

Много снега — хорошие хлеба.
(*Kolatselgy — Колатсельга*)

Midä korgiembat lumihanget, sidä suurembat vil'l'at.
(*Степанова, 1991, s. 206*)

Vidin ku panou hangen piäl, sit se roih ozravuozii.
(*KKS, IV, s. 66*)

Lumen härmän pani, pideä lähtie jänölöih.
(*KKS, I, s. 392*)

Kezäl roih marjua, gu hagarua puulois oli äijy talvel.
(*СКЯ ливв, с. 55*)

<...> Užvaadun, primiet'itää, što užvaadun puu, ni hyvä urozai lienöö. Hyvä lienöö, kooža rubuo s'vet't'imää ruis. Ni hyvä st'veta lienöö, k oo užvaadun puu. Ka t'äd'ä primečaidii iel'l'ä. Što kun puu on užvaudun, ni hyvä lienöö urozai, kooža t'vet't'yy ruis, ni hyvä lienöö aiga, ših aigaa.
(*Рягоев, 1980, с. 357–358*)

Tämä talvi ei pakkaine ole, harakkua ei kylmändäh pie ambuo. (Harakan verdy ei pie kylmännyzien kohtien parandamizeh)
(*KKS, IV, s. 126*)

Talvel kävelet kauhtanois, kesäl turkkilois.
(*KS, s. 506*)

Turkkine hyvä tuiskul, paikkutäkki pakkasel.
(*KS, s. 529*)

Hyvä on turkki tuulisäl, vie parembi pakkasel.
(*KS, s. 98*)

Ken talvet ajau tukkie, sen kesäl pellos kasvau kukkie.
(*KS, s. 507*)

Kerran talves kondii haikostah.
(*KS, s. 506*)

Чем выше сугробы, тем выше хлеба.

Если пороша выпадет по верх наста, в этом году хорошо уродится ячмень.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Выпал небольшой снежок с инеем, надо идти на зайцев.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Летом будет много ягод, если зимой на деревьях было много инея.

Примечали, что если деревья в инее, инеем покрыты, хороший урожай будет, хороший. Когда рожь будет цвести, хороший цвет будет, если только деревья в инее, хороший урожай будет. Когда рожь будет цвести, в то время хорошая погода будет.
(*S'elis's'ä — Селище*)

Эта зима не морозная, сороку не надо стрелять для обморожений. (Кровь сороки не потребуется для лечения отмороженных мест.)
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Зимой ходишь в кафтане, летом в шубе.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Шубка хороша в метель, залатанное одеяло в мороз.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Хороша шуба в ветреную погоду, ещё лучше в мороз.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Кто зимой стрижёт волосы, у того летом на полях растут цветы.
(*Suistamo — Суйстамо*)

Медведь один раз за зиму зеваает.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Još Kuittijärvi talvella haletteššah jättää šuuren railon, ni tulou huono vuoš, mutta još še haletteššah noštou šuuren harjan, ni tulou hyvä vuoš.

(Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/21)

Kolmas nedäli kova, nelläs nepsuou, viijes vidiey, kuuves kutin kăbälän kastaa, seiččemes siät selvittää, kaheksas kaimuau, yheksäs yli nedäli, kymmenes kylmä nedäli. (Jyrrinpäiväs tuaksepäi lugietut nedälit karjalazet on merkitty kevätprimietöis nenga.)

(KS, s. 184)

Viijes vilu nedäli. (Talvisiäs. Viijes nedäli Jyrgih (06.05/23.04))

(KS, s. 576)

Kuvvendel kutin kăbälän kastau. (Sanotah talven siäs, kuvvendel nedäli Jyrgih da tippujis räystähis.)

(KS, s. 209)

Seiččemes sellittää.

(KS, s. 452)

Kaheksas kaimuau. (Talven siälöis sanotah: kaheksas nedäli Jyrrin kaimuau.)

(KS, s. 122)

Yheksäs on ylimäni. (Talven tuhulois. Yheksä nedäli on vie Jyrrinpäivässäh.)

(KS, s. 594)

Yheksäs nedäli on ylbein, kaheksannel kaimualoo, seiččemännel sellittelöo, kuvvennel kutin kăbälä kastuu, viijennel vidin panoo, nelläs on nepsä nedäli, kolmas on kova nedäli, toisen da ensimmäisen jälles kesä tuloo. (Kezän tulon primiettiä nedälilöin talves Jyrrinpäivässäh.)

(KS, s. 594)

Если на озере Куйтто зимой при растрескивании льда образуется большая полынья, то будет плохой год, но если лёд при растрескивании встанет большим гребнем, то будет хороший год.

(Jyškärvi — Юшкозеро)

Третья неделя суровая, на четвёртой потеплеет, пятая снегом заметёт, шестая лапу щенка намочит, седьмая погоду прояснит, восьмая проводит, девятая неделя главная, десятая — холодная. (Недели от Егорьева дня в обратном порядке карелы отмечали так по весенним приметам.)

(Suistamo — Суїстамо) (Варианты: KS, s. 184, Suistamo, Suojärvi)

Пятая неделя холодная. (О зимней погоде. Пятая неделя к Егорию (06.05/23.04).)

(Suistamo — Суїстамо)

На шестой щенок лапу намочит. (Говорят о зимней погоде на шестой неделе к Егорию, о капели.)

(Suistamo — Суїстамо)

Седьмая распутает. (О зимней погоде.)

(Suistamo — Суїстамо)

Восьмая провожает. (Говорят о зимней погоде: восьмая неделя Егория провожает.)

(Suistamo — Суїстамо)

Девятая выше всех (главная). (О зимних метелях. До Егория (06.05/23.04) ещё девять недель.)

(Suistamo — Суїстамо)

Девятая неделя самая гордая, на восьмой провожает, на седьмой распутывает, на шестой лапа щенка намочит, на пятой снежком припорошит, четвёртая неделя тёплая, третья — крутая, после второй и первой лето наступит. (Признаки наступления лета по неделям, от зимы до Егория Вешнего (06.05/23.04).)

(Imbilahti — Импилахти)

Päivä pärieks, varoi kukoiks. (Talvipäivän jatkujes.)
(*KS, s. 413*)

Päivä pärieks, varis kukoks.
(*KS, s. 413*)

Pakkaskuu, tammikuu

Jos on tammel tasane, ni helmi heilahtaa.
(*KS, s. 507*)

Tammikuun tasaiset päivät maaliskuun maksau.
(*Лютинен зап. в 1983 г. от Лютинен К., НА, 118/14*)

Tuloo viel tammikuungi päivät da harjan purrut.
(*KS, s. 507*)

Syvänkuu synkein, vuahtokuu vaikein, hankikuu haikein, sulamakuu surkein.
(*KS, s. 498*)

Kuin vilu kuu on, janvar'i vilu, šit še mäni ka Il'l'a kuu lienöö ylen ägie, heinaigua kooža ruvetaa niit't'ämää.
(*Рягоев, 1980, с. 353*)

06.01 (24.12) — Synnynpäivy, Tulendusynnynpäivy, Rastavansynnynpäivy, Synnynpäivä, Šyndympäiv

Rastavad vaste oo Šyndympäiv.
(*LMS, s. 351*)

Päivyöi paštau, huomen d'o Raštau.
(*LT, III, s. 384*)

Rastavansynnynpäivänny azetetaht tytöt palmikkolentat koin uksen piäle mihtahto peittopaikkah. Ku

День лучиной, ворона петухом. День удлиняется, вороны начинают каркать рано по утрам (зимний день удлиняется).
(*Imbilahti — Импилахти*)

День удлиняется, вороны начинают каркать рано по утрам.
(*Suistamo — Суйстамо*)

Январь

Если в январе ровно, то февраль всколыхнёт.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Ровные дни января стоят марта.
(*Luusalmi — Луусалми*)

Настанут ещё и январские дни, и метели харья.
(*Suistamo — Суйстамо*)

Январь — самый мрачный, февраль — самый трудный, март — самый печальный, апрель — самый грустный.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Если морозно, январь холодный, месяц Ильи будет очень жарким, когда травы будут косить.
(*S'elis's'ä — Селище*)

06.01 (24.12) — Рождественский сочельник

Накануне Рождества — сочельник.
(*Suunnsuu — Усть-Суна*)

Солнце светит, завтра уже Рождество.
(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

В Рождественский сочельник девушки прячут ленты из косы в потайное место над дверью. Если

enzimäzenny mies tulou taloih Rastavannu, sit sit ar-
res tyttöh tullah sulhaizet, da sulhaine roih sen nimel-
line, ku taloih tullii mies. Ku naine tullou, sit silloi älä
vuota sulhaizii.

(Hautala, 1982, s. 411)

**06.01–19.01 (24.12–06.01) —
Synnynaigu, Synnynmuanaigu, Sv’atkat,
Vierissänkeski, Šyndymmua**

Synnynmuanaigu on Rastavas da Vieristässäh.

(СКЯ ливв, с. 356)

Sv’atkois gu puut on huurdies, sit kezäl kiärvästysaigu
on tyyni da lämmin.

(СКЯ ливв, с. 354)

Sv’atkoina meččä on užvašša, že liey leibävuožii.

(СКЯ тв, с. 320)

Leibävuotta primietitäh sv’atka-aigana, konža on
sv’atka-aigah meččä užvašša, že vuoži lieu leibävuožii,
a konža paha on šiä, šiloin leibävuotta ei lie.

(Пунжина зап. в 1966 г. от Луцициной Е. Ф., ФА, 675/2)

Täl synnynmuanaijal jumal mečän huuvehutti, hyvä
vuozi roih.

(KKS, I, s. 354)

Ku olis meččy huurdehes synnyn aigua, sit olis vil’l’an
terä parembi.

(KKS, I, s. 354)

Kun sv’atkoin taivas on täheššä, lienöy hyvä gribavuoži
i greččuvuoži.

(KKS, VI, s. 360)

Vierissän kezellä još huuveh ei karissut muah, oli sei-
sovat ilmat, še tiesi hyvvyä vil’l’avuotta.

(KKS, VI, s. 698)

в Рождество первым в избу зайдёт мужчина, то
в тот же мясоед к девушке придут сваты, а жениха
будут звать так же, как вошедшего мужчину. Если
же первой в избу зайдёт женщина — сватов не жди.

(Salmi — Салми)

**06.01–19.01 (24.12–06.01) —
Время Сюдю, Святки**

Время Святков — от Рождества до Крещения.

Если в Святки деревья стоят в инее, то летом во
время цветения ржи бывает тихо и тепло.

Лес в Святки в инее, год этот будет урожайным на
хлеб.

Урожайный на хлеб год примечали во время Святков,
когда во время Святков лес в инее, то год будет хлебный,
а когда погода плохая, то и год урожайным не будет.

(Толмаччи — Толмачи)

В эти Святки Бог лес в иней одел, хороший год бу-
дет.

(Suojärvi — Суоярви)

Если бы в Святки лес был в инее, то колос у зерно-
вых был бы лучше.

(Salmi — Салми)

(Варианты: KS, s. 496, Salmi, KKS, I, s. 354, Vidal)

Если в Святки небо звёздное, в этом году уродится
много грибов и гречихи.

(Tveri — Тверь)

Если в Святки иней не осыпался на землю, стоя-
ла тихая погода, это предвещало хороший урожай
хлебов.

(Hietarvi — Хуетаярви)

Lapiksi näin on: kun on Rostovasta Vierist'ää šoaten hyvä seä, i se lienöy pyhälassusta Pedruu šooten hyvä seä; a kuin on Rostovasta Vierist'ää soa pahat seät, vihmat, n'amä kuur'at, talvella kuur'at ollaa, a kežällä roitaa.

(Ремшьева зап. в 1976 г. от Федотовой Ф.Н., НА, 34/237)

Huomeneksella arvautellah, starinua sanotah illalla, sanotah, jotta siitä rautavanneh tulou ympäri pirtistä, kun starinua sanotah. A kun siitä arvautellah huomeneksella, siitä kun ken arvuau, se rautavanneh lähtöy pois pirtistä. Se oli vanhan kansan tapa... A siitä kun et arvua, ka siitä se lähtöy sen vantehen kera Huikkol'ah.

(Лавонен, 1977, s. 23)

Illalla ei arvauteltu — arvautuksen akka tulou. Illalla jos arvauteltih, siitä yöllä moatessa kuvatteleutu. Huomeneksella arvauteltih, illalla starinoa sanottih. <...> Ken on moasteri starinan sanoja ta sanou niitä äijär rahvahalla, soau jo sillä tuonilmaisen sijan. Joka talossa pitäisi sanuo kolme starinoa joka ilta. Siitä tulis kolme rauvaista vannehta huonehien ympärillä ta ne suojeltais taluo kaikilta pahoilta. Starinan hos sanonou ni pahemmanki siitä ei tule reähkä, vet Jumala suutkan suvaččou.

(Virtaranta, 1958, s. 570)

Kolme päivyä ennen Roštuota alkau vierissän keški ta loppuu Vieristäh. Šilloin ei šua meččyä liikuttua. Tuoretta puuta ei šua ottua mečäštä, vain honkua šuau ottua. Šilloin ei šua lammaškaršinua purkua, ei tuhkie hinkalošta liikutella, ei nokie šortua piipušta eikä laešta, ei luajita lipeää eikä šillä peššä, ei villua kesrätä, ei lampahie keritä eikä kylvššä kylpie.

(Hautala, 1982, s. 418)

По-карельски так: если от Рождества до Крещения будет хорошая погода, то и от Масленой недели до Петрова дня будет хорошая погода; а если от Рождества до Крещения плохая погода, дожди, вьюга, зимой бывает вьюга, и летом будут [дожди].

(Prokkol'a — Юккозуба)

Загадывают загадки по утрам, сказки рассказывают вечерами, говорят, что тогда железный обруч образуется вокруг дома, когда сказки рассказывают. А когда по утрам загадывают загадки, то если кто отгадает загадку, то железный обруч снимается вокруг дома. Это такие манеры у стариков были... А если не отгадал, то тогда отправляешься в Хуйкколя с этим обручем.

(Uhut — Ухта)

Вечером не загадывали загадок — иначе придёт хозяйка загадок. Если вечером загадывать, то тогда во сне привидится. По утрам загадывали, а вечерами рассказывали сказки. <...> Кто мастер рассказывать сказки и рассказывает их много людям, уже за это получит своё место в раю. В каждом доме надо бы рассказывать каждый вечер три сказки. От этого вокруг комнат замыкалось бы три железных обруча, и они охраняли бы дом от всего плохого. Если сказку и похуже расскажешь, от этого греха не будет, ведь Бог шутки любит.

(Kontokin Akonlahti — Аконлахти)

Святки начинаются за три дня до Рождества и заканчиваются в Крещение. В это время нельзя тревожить лес. Нельзя рубить растущие живые деревья, разрешается рубить только сухостой. Нельзя чистить овечий загон, трогать золу на шестке, чистить от сажии печную трубу и потолок. Нельзя варить щёлочку и стирать им, нельзя пряхать шерсть, стричь овец и мыться в бане.

(Vuonnini — Войница)

- Vierissänkešellä pirtti pyyhittih vaštahhakoа jotta lampahat sikeytyis. Siitä rupieu vuonnimah hyvin.
(*Virtaranta, 1958, s. 440*)
- Synnyn aigua ei sua pestä sobua eigo kuadua ligavezii muah.
(*Hautala, 1982, s. 419*)
- Vierissän kešellä ei kontieta šua mainita, še ahistau kešällä karjua pahemmin, još mainiččou.
(*Hautala, 1982, s. 419*)
- Sv'atkis ei pie mainita ni kondiedu, ni hukkuа, eiga kezäl mečäs vastah tullah.
(*СКЯ ливв, с. 354*)
- Vierissän kešellä još tuhkie pihalla vietäh, kašvau kešällä tuliheinyä peltoh.
(*Hautala, 1982, s. 419*)
- Rastavan da uvven vuvven välil ei vietä pihale hiildy eigo kegälehii, ku kezäl ei olis tulipaluo.
(*Hautala, 1982, s. 419*)
- Kaikis kallehimat päivät, konzu on hyvä kuolta, ollah Spuasan pruazniekat Rastavan aigua.
(*Hautala, 1982, s. 419*)
- Rastavan da Vieristän välil ei tyhjilleh jätetä riihty. Yksi libo enämbi lyyhtehty pidäy olla, ku ei taloi muga köyhäkse menis, ku puimistu nimidä ei olis.
(*Hautala, 1982, s. 419*)
- Vierissänkeški kun še loppu, viimisenä Vieristiltana käveltih huuhelnikkoina.
(*KKS, VI, s. 594*)
- Roštuon, Uuden vuoden da Loppiaisen aigua šanottih Vierissänkežekši. Še oli sitä hullutusaigua, taiga-aigua. Silloin kulettiin huhl'akkana, pukeuvuttiin mikä
- В Святки избу подметають в обратную сторону, от дверей, чтобы овец было больше. Тогда будут хорошо ягниться.
(*Tollonjoki — Толлорека*)
- В Святки нельзя стирать бельё и выливать грязную воду на землю.
(*Salmi — Салми*)
- В Святки нельзя говорить о медведе, иначе летом он будет больше нападать на скот.
(*Vuonnini — Войница*)
- В Святки не надо говорить ни о медведе, ни о волке, а то они летом в лесу встретятся.
- Если в Святки вынести золу на улицу, летом на том месте на поле вырастет конский щавель.
(*Vuonnini — Войница*)
- Между Рождеством и Крещением не выносят на улицу угли и головни, чтобы летом не было пожаров.
(*Salmi — Салми*)
- Самыми лучшими днями, когда хорошо умереть, считаются праздники Спаса во время Рождества.
(*Tulejärvi — Туломозеро*)
- Между Рождеством и Крещением не оставляют пустой ригу. Там должно быть один-два снопа, чтобы дом не обеднел настолько, что нечего молотить.
(*Suistamo — Суїстамо*)
- Когда заканчивались Святки, в последний святочный вечер ходили ряжеными.
(*Uhut — Ухта-Калевала*)
- Период между Рождеством, Новым годом и Крещением называли Святками. Это было время безрассудства, время гаданий. Тогда ходили ряжеными —

miksikin ja naamioitiin itsensä, mikä biessakši, mikä ruumihiksi. Kyllä myö varazimma lujasti. Välin kulkivat ”hääkulkueina” — sulhanen, da moržian da pat’vaška. Aina kuin taloon tulivat, niin käytti lupa, suapiko hyö bläššie ja ainahan ne lupasi. Kadrilli kizattiin ja jatkettiin sitten seuraavaan taloon. Kyllä akoilla oli arvaamista — kuka ken oli. Kun olivat kaikki naamioineet itsensä...

<...> Väliin kulkivat hauda-saattueina. Oli luaittu grobu, sitä vejettiin čunalla. Ja grobu kannettiin perettiin, ja sitte ne pajattivat kuolinpajuja. Vain kyllä meita poikasia varautti...

Kun miekin jo aloin olla yli 10 vuoven vanha, niin silloin olin jo rohkiemi. Väliin kuin nägimä tuhmannäköisiä huhl’akkoja, niin silloin druzazittima seuraavaan tapaan: ”Huhl’ai, bahl’ai, staaroi starikka, gorbaatoi mužikka”. Kyllä monet kerrat saimme pingota pagoon. Valiin kuin kiini saivat, tavoittivat huhl’akat, kyllä lunda sai — työnsivät paidan ja pukšut täyteen.

Väliin kulkivat isoina laumoina, oli noin kymmeniä henkiä huhl’akkoja, ja kulettivat elavia skotinoida mukana. Oliba joskus suuri häkki, ja toisin aijoin oli bokkoja, ja milloin mitäkin.

(Степанова, 2000, с. 265–266)

A iel’ä vet’ oli bes’oodat meil’ä. Bes’oodat ogromatnoit. S’v’atk oli, čuudiečettii, kaiken luaduu čuudittii. I kuolieda tuuvah i, čuudiečtii, kondien tuuvah i, hebozen tuuvah, bes’oodaa. I kaikešta volos’t’ista hypätää. Čuudozin rahvaš ka kaččomah. Meil’ä čuudiečettii. Ka tuloo s’v’atki kakši n’ed’elie kaikki hypel’l’ää čuudozin. I tuuvahhena pappiloi tuuvah. I Ivan Čubit’ tuuvah, še Ivan Čumič istuu da ”Ivan Čumič, za što šumiš?” ”Da ženitse hoču”. Tuuvaa t’yt’ön hänen luo. ”Fuu, nos krivoi, n’e hoču s et’im ja. Fuu, n’e hoču s et’im”. Etu provod’at, drugu pr’ivedut. ”Nu, Ivan Čumič, vot d’efka kaka horoša, evo t’it’ki bol’ši”. N’an’n’it šuuret oo. ”N’an’n’it šuuret, kačokko, vedi. Huvä t’yt’t’ö on, pid’ää ottua”. ”Fuu, n’et, n’e nade. Eep pie, eep pie miula t’äd’ä t’yt’t’yä. T’ämä t’yt’t’ö kač oo. N’en’äg on vier’in t’äl’l’ä t’yt’öl’l’ä, eep pie”. Da kaikki t’yt’öt kohendaa ka, tuot hänel’l’yö, hän istuu da šumjuu, šuorieččen

хухляками, наряжались кто кем, делали маски, кто бесом, кто скелетом. Ну и боялись же мы, дети. Иногда устраивали «свадебную процессию» — были жених, невеста, патьвашка. Всегда, заходя в дом, просили разрешения, можно ли поплясать, и всегда разрешали. Играли кадрили и шли дальше, в следующий дом. Для женщин было заботы — отгадывать, кто есть кто. Все были замаскированы...

<...> Иногда устраивали «похоронную процессию». Был сделан гроб, который везли на санках. Гроб занесли в дом и пели погребальные песни [?!]. Мы, малышки, очень боялись...

Когда и мне уже исполнилось лет десять, я был уже посмелее. Иногда увидим некрасивых ряженных, дразним их: «Хухляй, бахляй, [старый старик], горбатый мужик». Много раз приходилось удирать. Если же когда поймают, «хухляки» напихают снегу полную рубашку и штаны.

Иногда ходили большой толпой, до десяти человек ряженных, даже скотину водили с собой. Иногда быка ведут, иногда баранов, когда кого.

Раньше ведь у нас были вечеринки, многолюдные посиделки. Были святки, чудили, всяко чудили: и покойников «приводили», и медведя, и лошадь «приводили» на вечеринку — всяко чудили. Со всей волости люди приходили смотреть. А у нас вот как чудили: наступят Святки, так две недели ряженными бегают, а нет, так попа «приводят» и Ивана-чудного «приводят». Сидит этот Иван-чудной и [спрашивают]: «Иван-чудной, чего шумишь?» — «Жениться хочу». Приводят к нему девушку. «Фу, нос кривой, не хочу на этой жениться». Эту уведут, приведут другую. «Ну вот тебе, Иван-чудной. Вон как девка хороша, глянь-ка, какие груди большие, глянь же, какие груди большие. Ведь хороша девка, надо её взять». — «Фу, нет, не хочу на этой девке, видишь, у этой девки нос на боку, не надо её». Так он всех девок «возвеличит». Приводишь к нему, а он сидит

pakšušti. Ivan Čumič, ni ka še čuarieččoo, valiččoo, jo tuloo ostuatko t'yt't'ö. T'amän ottaa vain jo mučokši Ivan Čumič. Ka čudieččoo, mie čuudimma, mie hyppe-
lii. Mie ka jo olim muččona, ka t'iel'ä jo olii. Jo oli Miša šuadu. A min mužikka že miula vet' hyppe-
lii män't'ie mis's'ä šiel'ä. Šie kuulit naverno? Šaneli hiän naverno. Monin vuožiin, monin vuožii hyppe-
lii. A mie ka t'äš. Da jo oli Miša šuadu. A ukko skokahtah kiugualda, ka die-
do. "Mänee, muččo, kakkarua paistamaah". Mie s'ečas luapot'it kengii. Pahaa saraaffanan piel'l'ä panee. Pa-
haa sorokkaa šivoo pieh, i rieht'il'än otaa, kattilaa tuhkua hämennää. Otaa rieht'il'ää, i l'ähen bes'oodua myöt', hyppiemäh, kakkarua paistamaa. Vain oven avuan, rieht'il'äh ku bamahutan: "Oi kakkarua paistai aštuu, oi, kakkarua paist". "Kačo polviloilla kakkarua paissan, kačo polvilo". Pakotaa: "Miula, miula pid'ää, miula". "S'ečas kaikill annaa, s'ečas kaikilla".

A yks' oli tullun upolnomočennoi t'äštä rajionašta. A mie varajin hänel'l'ä kakkarua ž andua, što mieš on, kuin to načal'nikka ni, n'eudobno. Da, a hiän i šanoo: "A mid'ä šie kaikill annoit kakkarat, miul et andan kakkarua". Mie šanon: "Mie en ruoht'in s'iul andua, što varajin, što šie et ota kakkarua miulda". "Otan, otan, otan, pane, pane t'ää miula štan', pane kakkara". Mie i t'äl'l'ä kakkarua panin štani.

— A min't'ää "paissetaa kakkarua?

Ka čuudieččie pid'ää. Čuudieččie, ka čuudož'in, ka šuoriečemma ka čuudož'in da ka kakkarua, ka tuhkua hämennät kattilaa da vain ka, trrii, tri-i-i-i. T'amä že kooža kakkarua paissoit rieht'il'ä že čirajaa, ka krii. Ka kakkarua, ka mie šuvaičin, mie šuvaičin čuudie ni, män't'ie kuin.

(Pягоев, 1980, с. 198–199)

Sithäi Synnynmoanaigah ylen äijäl kävväh smuutil.

— Nu, kerro si.

— Da, smuutil kävväh velli. Ennevahnas velli ylen äijäl käydih smuutil. Joukot kerävytäh, šuoritah sobih, akat šuoritah, akat šuoritah toiči mužikkoin sobih libo panah turkit muuri. Silmät peitetäh. Sit kerävytäh toiči joukot. Sit mennäh taloih, sit talois sie pläšitäh, pajate-
tah. Kudamas talois hyvin pietäh, sit ei nimidä sporita.

да шумит. Одет Иван-чудной толсто, так он и царствует, выбирает. Уже последняя девушка останется, только ту «возьмёт» в жёны Иван-чудной. Видишь, как чудили.

Я тоже чудила, бегала. Я уже замужем была, уже здесь жила, уже Мишу родила, а муж мой всё время был в бегах поди знай где. (Ты, наверно, слышал? Рассказывал он, наверно?) По несколько лет он ездил, а я жила здесь, уже Миша родился. Слезет дед с печки и [скажет]: «Иди, молодуха, блины печь». Я быстренько лапту обую, худенький сарафан накину на себя, завяжу плохую сороку, возьму сковороду, замешу в котле золы и пошла бегом на посиделки «блины печь». Лишь дверь открою, как тресну по сковороде. «Ой, стряпуха идёт, ой, стряпуха пришла». — «Смотрите, на коленках «блины пеку», на коленках пеку». Блинов просят: «Мне, мне, надо!» — «Сейчас, сейчас дам».

А как-то приехал уполномоченный из района, я побоялась ему «блинов напечь» (как-никак, а начальник же, неудобно). А он и говорит: «А чего же ты всем даёшь «блины», а мне не дала?». А я отвечаю: «Не осмелилась я Вам дать, боюсь, что Вы не примете моих «блинов». — «Возьму, возьму, положи положи вот сюда, на брюки положи «блины». Я и положила тому «блин» на брюки.

— А почему «блины пекут»?

— Да ведь чудить-то надо. Наряжались ряжеными да «блины пекли». Замесишь золы в котле и лишь — чирр, чирр (ведь когда блины печёшь, сковорода же шипит, ну и — чиррр). Вот и «пекли блины». Я любила, любила я чудить поди знай как.

(S'elis's'ä — Селище)

В Святки ведь ещё ходят ряжеными.

— Ну, расскажи.

— Да, ряжеными ходят. В старину очень много ходили ряжеными. Компании собираются, одеваются, женщины иногда одеваются в мужскую одежду или надевают вывернутые наизнанку шубы. Лицо прячут. Иногда собираются компании. Потом идут в дом, в этом доме там пляшут, поют. В котором

A kudamas talois vie čakatanneh da laskieta ei, sit toiči vie tullah vie tuvvah tuhkoa. Da sit iče pläšnee työtäh, iče vai tuhkoa ripoitetah lattiel. Se muudo daaže nečie Ven'al on, Sviril. Suomen aigah ven'alaizet gu tuldih, sit raukku hyö ylen äijäl, sit rauku laitah hebot. Hebot laittah, moizet hebot ramkois, sinne rahvasjoukko, heboloin kel. Sit mennäh taloih, sit pläšitäh, pläšitäh, toizeh mennäh, erästy, ottau vie komšaižen sie kereäy syömisty. Santah što, andakkoa, sit komšat vie pevostu da syömisty kerätäh. Annetah smuutil. Smuutil vroode on andoa hyvä. A kudamal taloih laskieta ei smuutii, sit midätahto poakoštintah, libo pino koatah, libo vereät salvatah, libo truba salvatah. No.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Угрияйнен зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3265/65)

Rastavan da Vieristän välil käydih smuutannu taloloi myö. Kylän nuoret kerävyttih yhteh da šuorivuttih muga, ku niidy ei tundiettas, tytöt brihoikse, brihat tyttölöikse. Kentah astui ies taloloi kyzymäs: "Sua-go taloih tulla gošt'ua?" Ku annettih luba, sit mendih pertih. Ku lienne olluh soittoigi keral, sit vähäzen tansittih da sit mendih toizeh taloih. Ku lienne ižändät kyzytty midä, ga enemyttech opittih muuttua iäni da paginluadu, ku ei vai tundiettas.

(Hautala, 1982, s. 419)

Smuutat kulgiettih sv'atkien aigua. Nuoret brihat da tytöt käveltih taloloi myö šuorivunnuot konzu kuigi, konzugo čiganoikse, uuhekse da sen tabazikse. Soitto oli keral, sil soitettih, konzu taloih tuldih, da tansittih. Talospäi tarittih čuajuu libo vuassua. Smuuttoi ei suannuh koskie. Hos veriviholline taloih olis tulluh, ga sendäh ruohti smuutannu mennä, sendäh gu smuuttu oli rauhoitettu olendo. Monet mendih smuutinnu sobimah vahnoi vihoi susiedoih.

(Hautala, 1982, s. 419)

доме хорошо встречают, ничего, не спорят. А в котом доме ругают, да ещё не пускают, то ещё иногда придут и золы принесут. А сами пляшут, да золу на пол сыплют. Эта мода даже в России есть, на Свири. Во время финнов как русские пришли, то они очень много, очень много лошадей из рамок делали. Лошадей сделают, таких лошадей из рамок, туда людей, с лошадьми. Потом идут в дом, там пляшут, пляшут, в другой идут, в третий, ещё берут с собой корзинку, собирают еду. Говорят, что дайте, ещё корзины еды собирают. Дают ряженым. Вроде ряженым давать хорошо. А в который дом ряженных не пускают, то те чего-нибудь напакостят, или поленицу развалят, или дверь закроют, или трубу закроют. Ну.

(Jovenkylä — Улялега)

Между Рождеством и Крещением ходили ряжеными по домам. Деревенская молодёжь собиралась вместе и одевалась так, чтобы их не узнали. Девушки переодевались в парней, парни — в девушек. Кто-либо шёл впереди и, первым заходя в избу, спрашивал: «Могут ли в дом зайти гости?» Если разрешение давали, то ватага заходила в избу. Если с ними был гармонист, то немного танцевали, а потом шли в следующий дом. Если хозяйева спрашивали что-либо, ряженные чаще всего старались изменить голос и манеру говорить, чтобы только их не узнали.

(Sortavala — Сортавала)

Ряженные ходили во время Святков. Молодые парни и девушки ходили по домам переодетые кто кем: кто цыганом, кто козлом и т. п. С собой [у них] была гармошка, на ней играли, войдя в дом, и танцевали. Хозяйева угощали ряженных чаем или квасом. Ряженных нельзя было трогать. В дом мог зайти даже кровный враг, он осмеливался прийти ряженым, потому что ряженный был неприкасаемым существом. Многие, переодевшись ряжеными, ходили к соседям улаживать старые обиды.

(Salmi — Салми)

Myökin kävelimmä, meillän šanottih gul'ašnikka... suorizimma mie, Viktor, tuo Hipan Anni, siitä oli Kokko Anni vielä elossa silloin, Jennu i viijen myö lähemmä, sillä Kokon Annilla vielä panemma poduškan tänne, jotta sillä on gorba, da turkki murnin päin. A ku hän käveli (gul'ašnikkana) jo hän oli kuuškymmentä vuotta lisän kera. Myö panemma ne, kellä on mitä semmoni tyylin'e silmille, jotta ei huomata. Šuoriemna, jotta mitä vuatetta on, ne pannah vielä murnin päin piällä, ta toisien vuateita, no ni siitä mänemmä vielä kylyä pitkin...

A myö ku lähemmä, niin... panemma kannuzen tähä, sivomma.../Maitokannun?/No, maitokannun sen panet tähä (selän tuakše), no. Šiitä kun mänemmä taloh, sielä pl'äššimmä, pl'äššimmä kaikki, no iändä myö emmä jäivi, emmä laula, emmäkä mitä, ni meillä šiitä šiihi kannuh ken mitäki panou, siitä kun sielä lähemmä, aino tulemma meillä, panemma teen lämmitä, no, siitä juomma yöllä šiitä vielä (nauraa)./Illallako kävelidih?/Illalla myö läksimä aina, myö kun olemma liävän ruatan, illaistan, šiitä lähemmä.

/No, kuinka monta joukkuo oli?/Myö erähän kerran ku kävelimmä, meitä oli viizi hengie, a myö vain talosta kerkieämmä vyidie, jo toized gul'ašnikat männäh uuvellah šiihi taloh./Oliko joukossa kolme — viizi henkie?/No, no.../Oliko i kymmenen henkie?/Ei, niin šuurda joukkuo ei ollut.

/Otettihko pualikat käteh?/Ka, oli... myö ku kävelimmä, ni Annid nuo otettih, Kokon Anni dai Hipan Anni, siitä koputtelet vielä./Mitäpä muilla oli?/Kolikka, kolikka, millä jalkoja pyyhitty... jotta ken ruvennou, jotta väkizin kaččomah, ni sitä käzie vašše huutuo./Golikalla?/Golikalla, da sillä, keppilöillä... Gul'ašnikkuo ei šua koškue./No, milloinpa tämä kaikki on ollut?/Ka, se oli jo... kuuškymmendäyksi vuoz, da ne vuuvet oltih... (Konkka, 2003a, c. 401–402).

Sv'atkoin välil kävelläh brihat tyttötaloloin kylyn päččilöi murendelemas, kylyn ikkunoi, riihen ahtostu sordamas, tervupučcii vahniman kylän tytön pihah vedämäs. Nevon regilöi da muidu brujii vedelläh pitkin

Мы тоже ходили, у нас гуляшниками называли... наряжались я, Виктор, эта Хипан Анни, потом Анни Кокко — ещё жива тогда была, Енну, и впятером мы отправимся, этой Кокон Анни ещё подушку привяжем сюда, сделаем ей горб, да шубу вывернем наизнанку. А ей уж было, когда гуляшниками ходили, шестьдесят с хвостиком. Мы надеваем эти, у кого что было: какой-нибудь тюль на глаза навесим, чтобы не узнали. А одевались так, что всю одежду ещё наизнанку вывернешь, да ещё чужую одежду брали, и вот так отправлялись по деревне ходить... А мы когда пойдём, то... привяжем бидончик сюда.../Молочный бидон?/Да, молочный бидон сюда (за спину) приторочишь. А потом, как придём в дом, там пляшем, пляшем все, а голоса мы не подаём, не поём и ничего такого, так нам в этот бидон кто чего положит, а потом оттуда уходим, всегда к нам заходим, ночью греем чай и пьём (смеётся)./По вечерам ходили?/Мы всегда вечером ходили. Мы сначала в хлеву все работы сделаем, поужинаем, а потом и отправляемся.

/А много ли ряженных ходило/Один раз мы ходили, нас было пять человек, так мы только из дома успели выйти, как уже другие гуляшники в тот самый дом заходят./Компании (обычно) из трёх — пяти человек были?/Да, да./А по десять человек?/Нет, таких больших компаний не было.

/Брали ли с собой палки?/Да было... когда мы ходили, так эти две Анни — Кокон Анни и Хипан Анни брали палки, ими ещё потом стучали./А у других что было?/Голик, голик, которым ноги вытирают, что если кто будет пытаться силой посмотреть (узнать), то по рукам хлестать./Голиком?/Голиком да этими палками... Гуляшника нельзя трогать./Когда же всё это было?/Да это было уже... в шестьдесят первом году, да в те годы...

(Puan'arvi — Панозеро)

В Святки парни ломают печки и окна в банях тех домов, где живут девушки. Роняют посадки в ригах, а во двор самой старой девы в деревне привозят бочку со смолой. Сани и прочую лошадиную

kyliä iżändän tiedämätä, da ylen äijy muidu piendu pahua kävelläh nuoret brihat ruadamas. Da kävelläh monet tytötgi niidy samoi pahoi ruadamas.

(Hautala, 1982, s. 420)

Synnynmoanaigah zamečaittih, štobi ylen äijäl ei lomista, ei kolloa. Midä enämbäl kollanet da lomizet, se elaiгу roiteh tože... roih midätahto lomuu, toroa libo midä. Synnynmoanaigu starajutsa hil'l'embäh eleä. No. Da vie ylen äijäl sanotah — ylen on vessely da komizet da lomizet, ni Synny ei sinä peän kuulu. Syndyy tah-tonen kuunella, sit pidäy sinä peän olla hil'l'ah. Eiga Syndy ei kuulu.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Угрияйнен зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3265/74)

Syndy kuuluu, ku sv'atkat on nygöi.

(СКЯ ливв, с. 354)

Sv'atkoina kuunnellah, ka hot' kylyn potokan alla rik-kazilla.

(СКЯ тв, с. 260)

Kun kuulunou jotta vil'l'oja kuatah, niin še tulou hyvä vuoši.

(KKS, VI, s. 626)

Sv'atka-aigah toko kuuneldih, kuuneldih i kylylöidä myöt' käveldih. Männäh kylystä rikkazet pyyhitäh da pihalla otetah da ka šiine kuunnellah, midä kuuluu. Kel-lä kuuluu, kellä ei kuulu. Ka. Kellä midägi.

(Пунжина зап. в 1970 г. от Лисицыной Е.Ф., ФА, 1592/9)

Nuoret nainduijäs olijat neidizet kävväh sv'atkoin välil kolmen tien šuaras puolenyön aigah karvaine lehmän-nahku al da lammasnahku korvil peitonnu kuundelemas. Ku kuulunou aižukellon iäni, sit sinä talvel tulou naimizih menendy da sulhazet. A ku ei kuulune, sit ei sinä talven ole ni tieduo sulhazis.

(Hautala, 1982, s. 424)

упряжь тайком от хозяина таскают по деревне и совершают много других мелких проказ. То же самое проделывают и многие девушки.

(Salmi — Салми)

Во время Святков замечали, чтобы очень сильно не греметь, не стучать. Чем больше стучишь и гремишь, то и жизнь будет тоже... Будет какой-то шум, драки или что-нибудь. Во время Святков стараются жить потише. Но. Да ещё слишком много говорят — очень весёлый да стучишь, да гремишь, Сюндю в этот день не будет слышно. Если хочу слушать Сюндю, то в этот день надо вести себя тихо. А то Сюндю не будет слышно.

(Jovenkylä — Улялега)

Слышно Сюндю, можно гадать, раз Святки сейчас.

В Святки ворожат, вот хоть под стрехой бани на мусоре встанут.

Если услышишь звук высыпаемого зерна, будет хороший год.

(Uhut — Ухта-Калевала)

Во время Святков обычно гадали, слушали и по баням ходили. Пойдут, в бане соринки подметут и на улицу возьмут и на них слушают, что услышится. Кто-то услышит, кто-то нет. Кому что.

(Tolmačšy — Толмачи)

В Святки девушки брачного возраста в полночь выходят слушать на перекрёсток трёх дорог. Слушают на мохнатой коровьей шкуре, уши закрывают овечьей шкурой. Если послышится звук колокольчика, в ту же зиму будет свадьба и сваты. А если не услышишь колокольчика, этой зимой сватов и в помине не будет.

(Salmi — Салми)

Mändih kylyh, šinne kylyh, a brihat šuadih tietä, što männäh kylyh šinne kuundelemah i ikkunazesta kät't'ä čökätäh, kellä midä andau, pal'l'aštago kättä ali midä. A šielä udalat brihat. Yhellä ka näin turkinnenä i ando: o-o-o, miula lieu bohatta šulahane, on karvakaš. Da, toine kiän čökkäi: i miula lieu bohatta, karvakaš, turkin polanke, ka n'äin kuottelou kät't'ä. Kolmaš čökkäi, kolmannella hfatittih, že karavulua rubei rava-jamah, pöllässyttih, kaikin lähtei, nasuli tytöldä i kiän laškei. I tyttö pölläšty.

(Пунжина зап. в 1970 г. от Лисицыной Е. Ф., ФА, 1592/9)

Sv'atkois vedeh kačotah.

(СКЯ ливв, с. 354)

Kuundelemah käydih rugehilla, missä oraš on lumella.

(СКЯ тв, с. 243)

Vahnah aigah tytöt käydih Rastavan da Vieristän välil soba korvis kaivonkannel kuundelemas sulhazien tulendua. Ku kaivospäi kuului kellozien helizendy, sit piäzi miehele vuvven aigua. A ku ei kuulunuh, sit ei olluh ni toivuo sulhazis.

(Hautala, 1982, s. 424)

Dorogoi l'eikkomaa käyd'ii. Koz'oloi kučuttii. Käyvvää kahen, kolmen n'eiččyöt. Yksi l'eikkuau, toini kyzyu: "Mid'ä l'eikkuat? Dorogua. — Miksi? — Koz'oloilla". Zavod'itaa stolan iestä, kai t'ämä l'eikataa, l'eikataa, l'eikataa pihalla šua dai pihalla, dai dorogalla, dai dorogoih sin t'iešuaralla šua... Otetaa kirvez libo vikate käd'ee, i piird'el'öy...

(Конкка, 1980, с. 111)

Rastavan da Vieristän välil kävväh kuundelemas riihen kynnyksen al. Ku jyvät šolistah, bohattuu, leivän kel eläy, ku ollen iänen kuulou, jäiy köyhäkse.

(Hautala, 1982, s. 424)

Пошли в баню, туда, в баню, а парни узнали, что пойдут туда, в баню, гадать и в окошко руку высу-нут, кому что подаст, голую руку или что. А там пар-ни бойкие. Одной так конец полушубка и дал: о-о-о, у меня будет богатый жених, шерстистый. И вторая высунула руку: и у меня будет богатый, шерсти-стый, с полой шубы, так руку пробует. Третья вы-сунула, третью схватили, она стала караул кричать, испугались, все уши, насили у девушки и руку от-пустил. И девушка испугалась.

(Толмаңи — Толмачи)

В Святки гадают на воде, в воду смотрят.

Ворожить ходили на озимое поле, на ржи, где озимь под снегом.

В старину между Рождеством и Крещением девуш-ки ходили к колодцу слушать, не придут ли сваты. Уши закрывали чем-либо из одежды. Если из ко-лодца слышался звон колокольчика, то в течение года девушка выходила замуж. А если нет, то не было никакой надежды на сватов.

(Помантси — Иломантси)

Ходили дорогу резать. Для сватов. Девушки ходят вдвоём, втроём. Одна режет, вторая спрашивает: «Что режешь?» — «Дорогу». — «Для чего?» — «Для сватов». Начинают от стола и режут, режут, режут до двора, и во дворе, и на дороге, и по дороге до раз-вилки... Возьмут топор или косу и чертят [по воз-духу].

(Suvipiä — Мяндусельга)

Между Рождеством и Крещением ходят слушать под порогом риги. Кто услышит шурушание зерна — разбогатеет, с хлебом будет. А кто услышит шелест соломы — останется бедняком.

(Помантси — Иломантси)

Rastavan da Vieristän välil käydih
smuutannu taloloi myö.

Между Рождеством и Крещением
ходили ряжеными по домам.

Sv'atkoin välil otetah pyhkityt topat pertin čupuspäi, mennäh kolmen tien šuarah, piirtäh veičel juno ymbäri da sen sydämeh pannah topat muah. Sit painetah očču niidy toppii vaste da ruvetah kuundelemah.

(Hautala, 1982, s. 424)

Čikko k oli vanhemi, hyö l'ähet't'ii koiroa haukuttamaa. Kašsettii päret't'ä sinne avandoo. Päried n'e poltettii svičassa pert'issä, dani hiil'et yskää da l'ähet't'ii. Män'n'ää pellon peäh da t'iešoaroilla. Monella t'iešoaralla män'n'ää, vierrää kumoallaa, hiil'et alla, iče vierrää siih peäl'l'ä. "Haukuš, haukuš, koirażeni, talon pojan tanhuzilla, praudoa miula hauku". Miula ku haukku harvazee. Vanha koira. Vanha zenihhä i rod'ii.

(Конкка, 1980, с. 107)

Rastavan da Vieristän välizenny aijannu työt käydih kuundelemas ikkunan al, sanoi ottamas. Ku kuultih hyviä, tuli parempi oza, ku huonuo sanua, paha oza.

(Hautala, 1982, s. 424)

Rastavan da uvenvuvven välil mennäh kudamahtah to taloih, kus on enämbi rahvastu, ajatellah kenentah to paginat ičelleh tapahtujakse, da pannah mustoh, midä se sanou. Sit voi tulijoi dieloloi arvata.

(Hautala, 1982, s. 424)

I ikkunan alla kävel'dii sanua otattamaa en'n'e. Män'n'ää, vot, lähet'ää n'eiččyöt kahen libo kolmen. Yksi sanou: "Mie otan tuon sanat", što sen hengen sanat". A toine sanou: "A mie l'ähen, t'ämän hengen otan sanat". No, vot ken kenen sanat ottau, mid'ä pagizou pert'issä se hengi, sid'ä miula lienou. N'e kudamad l'ähet'ää kuundelomaa, ga n'e t'ied'äy, kussa talossa on ked'ä eläjiä. Yksi, sanotaa, n'eičyt kuundeli sanua. A mänd'ii sinne, ga niät lasta oli, siid'ä, no ga se i sanou emän'd'ä: "Oi jo, sanou, t'äd'ä kummua, dai biessa l'ykkäi miulai t'ämän verran lasta!" A se n'eičyt sanou: "T'fu! T'ämän olizin t'ied'an, en oliz hänen sanoja

В Святки берут сметённый в угол сор, идут на перекрёсток трёх дорог, ножом проводят вокруг себя черту и внутрь этого круга на землю высыплют сор. Потом лбом прижимаются к этому сору и начинают слушать.

(Salmi — Салми)

Сестра была старше меня, так они ходили «заставлять собаку лаять». Мочили лучину в проруби, лучины эти жгли в избе, в светце, угли — в подол — и пошли. Пойдут на край поля или на развилке дорог (слушают). Лягут на спину, а угли под себя кладут. «Залай, залай, собачка у мужика (букв. крестьянина) на дворе, правду мне налай». Мне лаяла редко. Старая собака. Старый жених и был.

(Роаеп — Паданы)

В период между Рождеством и Крещением девушки ходили слушать под окно, «братъ слова». Если слышали что-либо хорошее — к счастью, а если плохие слова — к несчастью.

(Suistamo — Суйстамо)

В период между Рождеством и Новым годом идут в какой-либо дом, где побольше народу, и примеряют чьи-либо разговоры к себе, запоминают, что говорит кто-либо из находящихся в доме. Так можно узнать, что случится в будущем.

(Sortavala — Сортавала)

Под окнами раньше ходили «слова брать». Пойдут девицы вдвоём или втроём. Одна говорит: «Я возьму того-то слова», а вторая говорит: «А я пойду, возьму этого человека слова». И вот, кто чьи слова возьмёт, так что этот человек скажет, то и сбудется. Те, которые идут слушать, они знают, в каком доме кто живёт. Одна девушка слушала. А пошли [в такой дом], где детей было много. Хозяйка и говорит: «Вот, говорит, чудо какое, бес, что ли, мне столько детей подкинул?» А та девушка: «Тьфу! Знала бы это, не взяла бы её слов. У меня, наверное, будет много детей». Так (девушка) ведь

ottan. Miula lienou lasta äijä”. Ni sanou, jäl’gee mänin miehel’l’ä, niin rod’ii lasta miula äijä...

(Конкка, 1980, с. 111)

Talvella lieu Vasilein aigah sv’atka-aiga, lähet šie yhen ikkunalla, kuundelemah. Pidäy šuaha tietä: midä miula ielleh päit’ lieu. Šielä talošša ruvetah pagizemah, otat šie paginat. Paginat otat, hyviä paissah, hyviä šiul i lieu, a pahua paissah, pahua šie rubiet i vuottamah.

I tämä sv’atka-aiga mänöy kaksi nedelie. Sv’atka-aiga tämä... männäh kuundelemah, kuundelemah männäh peldoh. Peldoh männäh, šielä kuuluu, ken miehellä mänöy, šielä rubieu kellozilla ajamah, a ježeli ei mäne miehellä ili kuolou, nin humšahtau grobu.

(Пунжина, Семёнова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА, 683/5)

Sv’atka-aigah gadaijah, gadaijah. Männäh kylyh, kylvyn pyyhitäh, a rikkazet ne otetah tuuvah potokan alla pannah. Jalloilla šeizauvutah ših dai kuunellah, missä päit’en paissah. Missä päit’ lienen miehellä, šielä päit ruvetah pagizemah i laulamah. Missä päit’ mie miehellä olen, šielä päin briha laulo, rikkazilla šeizoin nin, i svistaičči. Mie niin i šanoin što missä päin mie lienen, šielä päin i laulakkah.

Briha kuundelesašša oli, sluužibah hänellä pidi männä, nin ambu. Otettaneh miun sluužimah, nin ambukah, nin vähäzeldi edizeh ambu. A šidä šanou: ”Midä žaleičet porohua, taigua enämmäldi!” Nin ves’ma äijäldi ambu. Šidä oli zirkaloh kaččomašša šinä že ildana. Zirkaloh mändih kaččomah, nin ištuu ves’ma jo hyvisä kartussiloissa piisari stolan tagana, hänellä že i nägyy. Tuli kodih dai šanou: nu tua kartussi kuin liennöy sluužibašša, nin lieu ves’ma šoma kartussi. I piisarina i oli sluužibassa. Hänellä ves’ma hyviin kuulu nagole. Kuulu i nägy.

(Пунжина, Семенова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА, 683/5)

A oli šaneldih i niin: paniin vihkon pielukših. Tuašen i tulou miula ovešta, ovešta tulou, a mie i rubien ravajamah: ken ollou tulou! Šidä mäniin, ovet mie

рассказывала потом, что вышла замуж и много детей народилось...

(Suviriä — Мяндусельга)

Зимой во время Василия настанёт святочное время, пойдёшь одна под окно, слушать. Нужно узнать: что со мной дальше будет. В том доме начнут говорить, возьмёшь разговоры. Возьмёшь разговоры, если говорят хорошее, и у тебя хорошо будет, а если о плохом говорят, то и ты будешь плохого ждать.

И это время Святок длится две недели. Ходят слушать в поле. Выйдут в поле, там слышно, кто замуж выйдет, там поедет с колокольчиком, а ежели не выйдет замуж или умрёт, то гроб тяжело упадёт.

(Halla — Морозовка)

Во время Святок гадают, гадают. Идут в баню, подметають пол, а соринки эти приносят и высыпають под стреху. Встають на это место ногами и слушают, в какой стороне разговаривають. Где замужем будешь, оттуда будет слышна речь и пение. Куда меня замуж взяли, там парень пел, на соринках стояла так, и свистал. Я так и сказала, что где замужем буду, там пусть и поёт.

Парень слушал, ему на службу надо было идти, так стреляло. Если меня призовут на службу, пусть стреляет, и сначала немного выстрелило. Он и говорит: «Чего порох жалеешь, грохни сильнее!» И очень сильно выстрелило. Потом в тот же вечер он смотрел в зеркало. Пошли смотреть в зеркало, так сидит писарь за столом в очень хорошем картузе, он это и увидел. Пришёл домой и говорит: ну, если на службе будет тот картуз, то будет очень красивый картуз. И писарем и был на службе. Он всегда очень хорошее слышал. Слышал и видел.

(Halla — Морозовка)

Говорили, было и так: положила в изголовье тряпку. Снова и приходит ко мне из дверей, а я как начну кричать: кто-то идёт! Потом пошла,

bluaslovenjanke paniin, nin tuaš ikkunalla i tuli, šanou: "Ota kodiniekakši!"

(Пунжина, Семенова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА, 683/5)

- Mibo Veändöi on?
- Veändöi se on Voasil'l'aspäi, vuota kačon kniigas. Synнынmoanaigu zavodih... G olis meijän deädin ga. No, kzyykkeä deädinäl. Sit vie opredel'onnoi aigu, se on saamoi sil'noi aigu. Sit net unet primetoijah. Net unet primetoijah. Nu vot sit tože unes ozutah, midä sie undu näit. Nähnet gu kondiedu, sit znaačit zenihy... Kondiedu gu nähtäneh, sil pyhäkeskel, znaačit, menöy miehel. Ženihy gu kondiennu gu tullou, se on znaačit ženihy bohattu da hyvä, taloin mužikku se roiteh. Se on hyvä nečidägoi ženihy. A erähäl tulou ženihy hukannu. Kudamal hukannu tullou, kačo iče, eule hyvä, jo elaigu roih ei moine ku kondien kel.
- Se unis se tulou?
- Hukannu ku tulou, se roiteh jo, moožet keyhembäine, moožet roiteh häi viinanjuoju. Eule se... Hukku on pahembi. Kel kui tulou.
- Kondii on parembi?
- Kondii on parembi, da.
- Voibo häi muitennu tulla?
- Voibo, voibo, bošinnu voibo tulla. Bošinnu. Nevestat tullah, nevestat tullah lambahannu sie ženihäl unes lambahannu. Kel minne tulou.
- A vai neidizet mennäh kuundelemah, vai mennähgi brihat?
- Ga dai brihat kävväh. Brihat dai nevestat. Toiči mennäh yhtes joukolleh. Akat raskažittih muga.
- Daigo sinä näit?
- Näin. Vot minä näin, minä näin minul uni andoi kätty. Minä näin, konzu minä miehel menin, jälgimästy vuvven. Minä vorožila i Synнынmuanaigah. Vorožila. Minä lain sillan.
- Kuibo lait?
- Synнынmoanaigu gu roih, voibi vihkoine panna peänpohjih. Kuz, znaačit... Muga pannah... En pannuh sildoa, a minä vihkoizen loajin. Vihkoizen panin peänpohjih. Znaačit: kunna minä miehel mennen, sit ozuta

с благословением двери закрыла, так снова под окно пришёл, говорит: «Возьми за домом присматривать!»

(Halla — Морозовка)

- Что такое Веяндёй?
- Веяндёй — это от Василия, подожди, посмотрю в книге. Святки начинаются... Была бы наша дядина (тётя, жена дяди. — Прим. сост.), так. Ну, спросите у дядины. Потом ещё определённое время, самое сильное время. Потом эти сны примечают. Эти сны примечают. Ну, вот что во сне увидишь. Если увидишь медведя, это значит жених... Если медведя увидят в этот Рождественский мясод, значит, замуж выйдет. Жених если медведем явится, значит, жених будет богатый и хороший, хозяин будет. Это хороший жених. А кому-то жених явится волком. Которой волком явится, смотри сама, это нехорошо, и жизнь не такая будет, как с медведем.
- Он во сне приходит?
- Если волком явится, то, может, победнее будет или пьяница. Волк — хуже. Кому как явится.
- Медведь лучше?
- Медведь лучше, да.
- А может он в другом образе явиться?
- Может, может, бараном может явиться. Невесты приходят овцами, невесты во сне к жениху приходят овцами. Кому чем явится.
- А только девушки идут слушать или парни ходят?
- И парни ходят. Парни и невесты. Иногда все вместе компанией идут. Женщины так рассказывали.
- И ты видела?
- Видела. Вот я видела, я видела, у меня сон в руку был. Я видела, когда замуж вышла, в последний год. Я ворожила во время Святков. Ворожила. Я мост делала.
- Как делала?
- Как Святки наступят, можно мочалку положить в изголовье. Где, значит... Так положат... Не ставила мост, а я мочалку сделала. Мочалку положила в изголовье. Значит, куда я замуж выйду, то по-

se uni, znaačit. Što sih talois vihkoizen kel, sit sen taloin dolžnaa ozuttoa da emändyksii. Nu minä vihkoizen panin, ga huondeksel nouzin, iče duumaičin: nado že vihkoizen panin, unis nimidä en nähnyh. A undu näin yksikai. A en maltanuh sidä arvata vot. Yöl, jo vroode unis vstreetimmos minä vot minun ukon sizären kel. Minun ukon sizären kel vstreetimmokseh. Häin oli minun podruuga. Iče sanoin, minä sanon: "Nadož la, unis la mennyt yön näin Ved'oin Ol'oa." Rodih: hänen kel vstreetimmokseh, a häin kävelöv, hänel on kul'kaine, häin minul andau kul'kaizen. Sanou: "Nina, sanou,— na, minä sinul annan, sanou, Mikkeljärven ahvenistu." Minä sen kul'kaizen ahvenizien kel. Sen minä unis näin. Iče duumaičen: hospodi, midä Ol'a andoi ahvenistu, Mikkeljärven ahvenistu? A midä hänel minä annan. Minä hänel... Minä sanon: "Ga, Ol'a, minä nygöi nämät ahvenizet otan, ga minä sinul annan Ved'amoan särgisty." Tilah hänel annoin särgie. I minä undu en arvannuh, kuni en vai miehel mennyh. Miehel gu menin, sit minul juuhtui Mikkeljärven, kačo, minul... Lamminsellän, lamminselläizet Mikkeljärven kaloa soahah. Ol'a minul andoi Mikkeljärven ahvenistu, a minä hänel annoin Vid'onan särgisty. Häi meni Vid'd'onal miehel, a minä menin Lamminselläl Mikkeljälän ahvenistu syömäh. Miehel menin, sit juhtui uni mieleh. Kačo, uni kätty andoi. Da. Häi meni Vid'd'anan särgisty syömäh. Minul tuli ukko kuivannu kalannu.

- Kuivannu kalannu?
- Da. Kel tottu, sanotah, ... tulou hämähäkki, kel kui, sanotah ženihy tulou. Unis. Se Veändöin aigah.
- A mikse kuivannu kalannu tuli?
- A sidä en tiije, sit kuivannu kalannu, vot sidä en voi merkitä, mikse häin kuivannu kalannu häi. A minul tuli ukko kuivannu kalannu. Iče duumaičin: näigo, unis nimidä en nähnyh ženiheä... A ženihy, kačo, kui ozuttih.
- A vot Veändöi, viehäi on kezäl Veändöi?
- Kezäl on Veändöi Iivananpäivän Pedruspeän Veändöi.
- Iivananpäivän i Pedrunpäivän väli — Veändöi.
- Da, da, se on Veändöi.
- I talvel on Veändöi?
- Talvel Synнынmoanaigah, se on... dai Veändöi.
- Ongo pitky aigu? Ongo nedäli? Vai kaksi vai puuli vai...

кажи этот сон, значит. Что в том доме с мочалкой, то этот дом должна показать и хозяйничание. Ну, я мочалку положила, а утром встала, сама подумала: надо же, мочалку положила, во сне ничего не видела. А сон всё равно видела. А не сумела его разгадать, вот. Ночью, уже вроде во сне встрети-лась я с сестрой моего мужа. Встретилась с сестрой моего мужа. Она была моя подруга. Сама сказала, я сказала: «Надо ж, во сне прошлой ночью видела Ведёйн Олю». Было: встрети-лась с ней, а она идёт, у ней кулёк, она мне даёт кулёк. Говорит: «Нина, го-ворит,— на, я тебе дам, говорит, окушков из Мик-кельского озера». Я этот кулёк с окушками [взяла]. Это я во сне видела. Сама думаю: господи, чего Оля дала окушков, окушков из Миккельского озера? А я чего ей дам. Я ей... Я говорю: «Так, Оля, я сей-час у тебя этих окушков возьму, так я тебе дам плот-чик из Ведямоа». Взамен дала ей плотвы. И я тот сон не разгадала, пока не вышла замуж. Как вышла замуж, так и вспомнила, что на Миккельском озере ламминсельские рыбачат. Оля мне дала окушков из Миккельского озера, а я ей дала плотичек из Ви-дёны. Она вышла замуж в Видёну, а я вышла в Лам-бисельгу окушков кушать. Замуж вышла, так сон и вспомнила. Смотри, сон в руку. Да. Она вышла есть плотву из Видёны. Мне муж явился сушиком.

- Сушиком?
- Да. Кому, говорят, правда, является паук, кому как, говорят, жених является. Во сне. Это во время Веяндёй.
- А почему сушиком явился?
- А этого я не знаю, сушиком, вот это обозначить не могу, почему он сушиком явился. А мне муж явился сушиком. Сама подумала: смотри-ка, во сне никакого жениха не видела... А жених, смотри, как показался.
- А вот Веяндёй, ведь ещё летом бывает Веяндёй?
- Летом Веяндёй продолжается от Иванова до Пет-рова дня.
- Между Ивановым и Петровым днём — Веяндёй.
- Да, да, это — Веяндёй.
- И зимой Веяндёй?

— En tiije, ollougo nedäli vai enämbi on, vot se vai kyzykkeä meijän deädinäl. Vot Rastavan da Voasil’l’assah — se on... Kyzykkeä meijän deädinäl. Deädiny nenet dielot ylen hyvin tiedäy. A Synnynmoanaigu vie prodolzaičeh.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Узриайнен зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3265/63)

Rostanile kogodutau viiž hinged (liig heng pidau olda, ei rovnoid puarad). Šiid ykš, liig heng kudain on, se lähtes šyndy kundelmaa pertis piäi ottau šiižman. Šiižmal se liig miež kierdau ymbäri arttelis, šiid iče šiižmanke vierou heile keskee, a kai šilmäd pandau umbee, kumadi vierdau i vaikastutau. Šiid kodvaine oldau vaikkani. Kudamas kyläs i kudamas taluos lie nou svuad’b, kuuluškadau, heläidaškadau porokel. Šiid i hebuoil ajetau, kudamas čuras piäi i kudamaa taluoh, šiid taluois sen talven lie nou svuad’b. I it’k kuuluu šiid taluois i pajo, a toižes taluos, kudamas kuuluu, što vestetau midä tahto, šiid d’o šyndyn kundel’l’ad duumaitau, šiid taluos sen vuoden ken tahto kuolou.

(LKN, s. 262, Bošin kylä)

Sv’atkoin välil kerrattih ylen viärikse kaksi pelvasrihman palastu da pandih ne vezilaudazele vierekkäi. Ku net kieryttih toine toizeh, sit silloi tuli niis puaru, kenen nimile net rihmat nimitettih, a ku langat ei kieryty yhteh, sit parastu oli sen brihan kel loppie kävelendy, ku sit ei sen parembua voinnuh tulla.

(Hautala, 1982, s. 425)

Synnyn aigah, Rastavan da Vieristän välil, nuoret brihat da neidizet kačotah zirkalos; yhteh zirkaloh kaččou, toine on taganpäi, da se pidäy kaččuo puolenyön aigah, da kaikkien pidäy olla hil’l’ah. Uksi pidäy avata hurual kandupiäl, da sit nägyy tyttölöil mittuon ukon suabi tulien vuon, a ku ruuhen nähnöy, sit kuolou tulien vuon.

(Hautala, 1982, s. 425)

— Зимой, во время Святков, это — Веяндёй.

— Это длинное время? Неделя? Или две или половина?

— Не знаю, неделя или больше, вот это спросите у нашей дядины. Дядина эти дела очень хорошо знает. А Святки ещё продолжаются.

(Jovenkylä — Улялега)

На росстанях соберётся пять человек (один человек должен быть лишний, чтобы не было двух ровных пар). Потом один, тот, что лишний, идёт Сюндю слушать, из дому берёт сквородник. Сквородником обводит чертой всю группу, а сам со сквородником ложится к ним в середину, все закрывают глаза, ложатся ртом вниз и замолкают. Некоторое время лежат молча. В какой деревне и в каком доме будет свадьба, оттуда слышен звон колокольчика. Затем и на лошадях едут, с какой стороны и в какой дом, в том доме этой зимой будет свадьба. И плач, и песня слышны из того дома, а в другом доме, где слышно, как что-то строгают, в этом году кто-нибудь умрёт, так думают слушающие Сюндю.

(Bošin kylä — Новосёловская)

В Святки сучили обрывки льняных нитей, чтобы получились очень кривые нити, и клали их рядышком в тарелку с водой. Если они соединялись, то те, именами которых были нити названы, становились парой. А если нити не соединялись, то лучше всего было прекратить общение с этим парнем, поскольку ни к чему хорошему оно не приведёт.

(Salmi — Салми)

Во время Святков, между Рождеством и Крещением, молодые парни и девушки смотрят в зеркало. В одно зеркало смотрят, другое ставят сзади. Смотреть надо в полночь, всем надо сидеть тихо. Дверь надо открыть левой пяткой, и тогда девушки увидят, за кого выйдут замуж в будущем году. А если девушка увидит гроб, то она умрёт в следующем году.

(Imbilahti — Импилахти)

Myö erähäl'l'ä kerdoa, miuda oli vanhemi čikko kolmie vuotta, sinne sobiralissen, joukkoo, kuuš-šeiččemen t'yt't'yö, ruvetaa žirkkalošta kaččomaa. Značit, hebozen länget tuodii pert't'ii da žirkkalo panna, yksi istuotou tässä, jumaloijen alla, tukad laškou t'yt't'ö väl'l'äl'l'ä, no a toine, še onhän tuo meil'ä prilafkalla pertissä, siih panna hebozen längetten, da siih panna širkkalo, no dani tuohuž virit'et'ää, ruvetaa siid'ä kaččomaa. Eräž män'öy avoau tagakannalla oven, značit, lugou sielä: "Ken olled bogasuuzennoi, ken olled bogar'aažennoi, tule n'yt t'ähä žirkkaloo kaččomaa". Kučutaa... No i hyö šiel'ä kačotaa, značit, ken ženihhä, myt'ys' kel'l'ä ženihhä tulou, tulougo hän yl'en siid'ä vessel'änä, vai tulou hän hramoina, vai minä tulou, kel'l'ä myt'yž lienöy še vašt'ineh. Siel'ä yksi ku kaččou nii še poiž l'äht'öy n'yttten, se mänöy, toine smenakkaa, siid'ä kačotaa. Eräs kaččo, kaččo siel'ä ku ravahti äijäl'di kaččuošša, raugahti da peä tagaa päi t'ikahti, hän, značit pöl'l'äst'y: siel'd'ä tuodii grobu, suuree soppii kannettii dai tuohukset ymbäri palamaa.

(Конкка, 1980, с. 108–109)

Ennevahnas sv'atkoin aigua kačottih kuus, äijygo vel lie on sil brihal, kudamal tyttö menöy miehele da päinvastoi. Kaččojes jäi kuu sellän tuakse, a zirkaluo piettih ies, muga ku kuun nägis zirkalos. Min verdu tiähtie ilmestyi kuun ymbäri zirkaloh kaččojes, sen verdu vellie oli tytön tulijal ukol libo brihan tulijal andilahal.

(Hautala, 1982, s. 425)

Sv'atkoin välil yö kerävytäh työt taloih, laskietah yö lattiele, sen piäle pannah leibymuruu, yksi jogahistu tyttö kohti da nimitetäh net. Sit laskietah kukoi lattiele. Kenen murut se n'okkiu, net työt mennäh terväh miehele, ga ei se kaikkii muruloi n'oki.

(Hautala, 1982, s. 425)

Enne sie sv'atkien aigu da neidizet yhteh sijah kerävytäh, yhteh taloih. Davaite, sanou, midätahto čuudimah. Davaite, sanou, hos leibiä pyörittämäh. Dai ruvetah

Мы один раз, сестра у меня была на три года старше, собирались там артелью — шесть-семь девушек. Будем в зеркало смотреть. Значит, хомут от лошади принесут в избу да зеркало поставят. Одна садится здесь, под богами (иконами), волосы распустит свободно, ну, а вторая — она на прилавке в избе, там поставят хомут да зеркало. Свечку зажгут и начинают смотреть. Одна пойдёт, встанет спиной к двери и откроет дверь пинком, говорит: «Кто ни есть богосуженый, кто ни есть богоряженный, приходи в зеркало смотреть!» Зовут... ну, а они там смотрят, значит, кто жених, какой кому жених будет: придёт ли он очень весёлый, или он хромой придёт, или какой явится, какой кому образ достанется. Одна как посмотрит, так прочь уходит, вторая идёт на смену. Одна смотрела, смотрела, да вдруг испугалась сильно, вскрикнула, и голова назад откинулась (у неё), она, значит, испугалась: там принесли гроб в красный угол и свечи вокруг гроба горели.

(Jängärvi — Янгозеро)

В старину в Святки примечали по месяцу, сколько братьев у парня, за которого девушка выйдет замуж, и наоборот. При этом гадании месяц оставался за спиной, а зеркало держали спереди так, чтобы в нём отражался месяц. Сколько звёзд появлялось вокруг отражения месяца в зеркале, столько братьев будет у мужа девушки или у невесты парня.

(Salmi — Салми)

В Святки ночью девушки собираются в одной избе, на пол кладут пояс, на него насыпают хлебные крошки, одну для каждой девушки, и каждая примечает «свою» крошку. Потом на пол выпускают петуха. Чьи крошки он съест, те девушки вскоре выйдут замуж. Но петух не съедает все крошки.

(Salmi — Салми)

Раньше идут Святки, и девушки в одном месте собрались, в одном доме. Давайте, говорит, чегонибудь чудить. Давайте, говорит, хоть хлеб крутить.

hyö leibiä pyörittämäh. Ezmäi pannah sieglu, kui on i piettävy, sit pannah sieglal krugloi leiby, sit sen piäl pandih tuohus da viritettih palamah. Sit otetah da kah-tei ruvetah sidä pidämäh. Kai toizet nostetah nel’äl peigoil. Sieglua pietäh. Hyö sil gadaijah, čto menen-go minä täl vuvvel miehel. Siit yksi sie i duumaiččou, sanou: ku menenhäi tänävuon miehel, sit pyörikkäh vastupäiväh. Dai sil neidizel pyöri myödypäiväh, kai tuohuz häneh päi kikkoi dai se neidine meni sil vuvvel miehel.

(Волкова зап. в 1936 г. от Машиной П. Е., НА, 132/93)

Sv’atkaigah tuuvah yöllä kukon da kanan pertih. Šiidä šivotah tytön kassanuoralla kukon jallan i kanan jallan. Kun kana vedäy, niin tyttö ei mäne miehellä; a kun kukko vedäy, niin mänöy miehellä.

(KKN, I, s. 94)

Sv’atkoin välil azetetah vezistokan kumalleh valgien bumuagan piäle, kudamal on venčusormus. Sit kačotah sormukses läbi. Sit nägyy sulhaine, kudai on tulii ukko. Sormus pidäy olla zakonan mugah miehele mennyön naizen, muite se ei päi.

(Hautala, 1982, s. 425)

Sv’atkoin välil illal sivotah ruskei lentaine lehmän sarveh libo kellorihmah. Sit mennäh sanua virkamattah muate, da kudai mies tulou unis sidä piästämäh, se on sen tytön tulii ukko.

(Hautala, 1982, s. 426)

Mie olin Vierissän aigaa Jängärvessä adivoissa, jo olin n’eičyt polnoi, no ni senin keräyd’ymä illalla, Syn’d’yo kuundelemaa. A seukku miula oli yhenigähine, l’äkkä, šanou, tuošša on perässä tämä ozrakego, niin hambahilla pid’äy kevosta olgie n’yhät’ä. No, mänimä, kualoimma dai toimma ollet kodii. Tulima kod’ii,

И начинают они хлеб крутить. Сначала положат сито, как и надо держать, потом на сито кладут круглый хлеб, потом на него клали свечку и зажигали. Потом держат его вдвоём. Все остальные поддерживают четырьмя большими пальцами рук. Сито держат. Они им гадают, что выйду ли я в этом году замуж. Вот одна там и думает, говорит: если в этом году я выйду замуж, пусть крутится против солнца. И у этой девушки крутилось по солнцу, даже свечка в её сторону упала, и та девушка в тот год вышла замуж.

(Piži — Обжа)

Во время Святок ночью в избу приносят петуха и курицу. Потом лентой из косы девушки связывают ногу петуха и лапу курицы. Если потянет курица, то девушка не выйдет замуж; а если потянет петух, то выйдет замуж.

(Tolmačči — Толмачи)

В Святки на белую бумагу ставят стакан вверх дном. Под стакан кладут венчальное кольцо. Затем смотрят в кольцо. Там покажется жених, который и станет будущим мужем. Кольцо должно обязательно принадлежать женщине, которая сочеталась законным браком. В противном случае оно не годится.

(Salmi — Салми)

В Святки вечером привязывают красную ленточку к рогам коровы либо к ремешку, на котором висит колокольчик (ботало). Затем, ни слова не говоря, ложатся спать. Тот мужчина, который во сне придёт отвязывать ленточку, и есть будущий муж девушки.

(Salmi — Салми)

Я на зимние Святки в Янгозере была в адво (гостила), девушкой уже была на выданье, ну и собрались вечером Сюндю слушать. А у меня была великовозрастная двоюродная сестра, пойдём, говорит, там за домом есть копна ячменной соломы, так зубами надо из копны соломинку вытянуть.

d'iäd'inä šanou, n'yttē, šanou, pid'äy n'eiččyzie pan-na muate sillalla. No meijen olled n'e panou i luadiuven päret't'ä, sel'gäpäret't'ä, značit pindašta luad'iu päriet. Enžimäzen sen ku otatten randazesta. Pindapäriest'ä luad'iu meil'ä sillan da niin siihi sillan piäl'l'ä panou da miäd muate panou da kassan riiččiy, a kaššat panou lukkuu, lukun riputtau tukkii. Nastojaššoin lukun ri-putti siihi kaššaa, a l'entta, mi on kaššaa pl'et'it't'y, ni sen ved'äy l'ehmä'l'l'ä šarviloilla liävää. No, miäd muate panou. Nouzima huomuksella. Mid'ä n'ägijä unišša. Emmägo t'ijjä, mid'ä n'ägimä. No, miula šanou: "Sie, pl'eman n'ičča, šanou, mänēt t'ällä vuuvella miehel'l'ä. Paššan l'ehmä'l'l'ä sivoin kudaman l'entan, ni kušša magai, ni sil'l'ä paikalla, šanou, ku mänin avuamaa huomuksella, (oli), ei noššun, a siun l'entan kudamalla sivoin, ni se oli noššun, i tuli, šanou, oven šuušša maguau, šanou, ovee kohti. I n'äin unišša, ken tahokkaa libo koziččija rod'ietou vahna, libo ženihhäs rod'ietou vahna". Mie it'kemää. En oliz vierryn sil'l'ä sillalla, k olizin smiet't'inyn pahan unen, starikalla mänen, engo mäne, mid'ä mie mänen starikalla. "Ka heit'ä hoi, gluuppa, šanou, it'end'ä, možet tulou starikka siuda koziččomaa, a tulou nuorella", no ni mie šina vuode-na i mänin miehel'l'ä, a käveli buat'uška koziččomaa. A ukolla oli seiččementoista vuotta.

Ratosta jauhomma jauhondakivel'l'ä. Nieglan piä ku katkieu, ni se jiiä ratoš, perä ku katkieu. Ka joi zapasua i panna. No, siid'ä ku jauhondakivee laššet, ei oo jyviä, siidä ratosta jauhoh, značit en kui päräjäy se kivi, kuin šanou Sirguo, vain šanou Van'kua, vai ked'ä. Kui šanonouven — sir, sir, sir, — vai šanou jur, jur, jur, n'yttē Jyrgi on, ni miula ku jyrget't'i, ni Jyrgi i oli.

(Конкка, 1980, с. 110–111)

Otetah hebozen tanhuošt yöllä tytöt i brihat laiseman; tuuvah da šilmillä paikan šivotah, tyttö šelgäh istuoččou. Hebone ei niä, kunne männä, mänöy hangeh i aidah i hiržitukkuloih. Kumbazen brihan pihalla

Ну сходили, по снегу побродили и принесли соломины домой. Пришли домой, жена дяди говорит, что теперь надо девиц положить спать на мост. Наши соломины кладёт и лучину строгаёт, заболонную лучину отщепляет от самого края, ту, которую первую сдирают. Из заболонной лучины делает нам мост и на этот мост нас спать кладёт, и косы расплетает и замыкает замком, замок к волосам подвешивает. Настоящий замок вешает на волосы, а ленту, которая вплетена в косу, её привязывает корове на рога в хлеву. Ну, нас спать кладёт. Встали утром — что во сне видели (спрашивает)? А мы не знаем, что видели. А мне говорит: «Ты, племянница, выйдешь в этом году замуж. Выйдешь, говорит, корова, на рога которой я Пашину ленту привязала, где спала (с вечера), утром на том самом месте и была, не вставала, а которой твою ленту привязала, та вставала, пришла и спит у двери (хлева), прямо напротив. А во сне я видела, что кто-то, либо сват, либо жених, будет старый». Я давай плакать — не надо было мне ложиться на тот мост, если бы я смекнула про плохой сон — за старика выйду, не пойду за старика, что я за старика пойду... «Да брось ты, глупая, — говорит, — плакать, может, придёт старик тебя сватать, а выйдешь за молодого». Так я ведь в том году замуж и вышла, сватом был батюшка, а мужу было 17 лет.

На жерновах мололи ратошь (ratoš). Когда головка у иглы обломится, останется ратошь. В запас (для этого случая) и откладывали. Ну, и в жернова опустишь, без муки, ратошь молешь, слушаешь, какое имя у жениха будет, — значит, как скрипит этот камень, говорит ли «Сергей» или «Ванька» или ещё как. То скажет «сир-сир-сир», а то говорит «юр-юр-юр», значит Юрий (кар. Jyrgi), а мне как «наюргедал», так Юрги и вышел.

(Jouhvuara — Евгора)

Девушки и парни выводят из конюшни лошадь поленивее; завязывают ей глаза платком, девушка садится верхом на лошадь. Лошадь не видит, куда идти, идёт прямо на наст, в изгородь, в кучи брёвен.

viey, šillä miehellä i lienöy. (Briha sežo voi nosta hevон selgäh da oppie samal taval arvata, kes naibi).
(*KKN, I, s. 94*)

Sv'atkoin aigah kaksi neijisty pidäy vezikorenduo käzis, kolmas uvehtu suičis viettäy korendos piäliči. Ku ubehen kabjat kosketettaneh korenduo, viettäi neidine menöy miehele.
(*Hautala, 1982, s. 426*)

Konzu tahtottih tiijustua tulien sulhazen nimi, pidi Rastavoin välil kudamannutahto päivänny azettua kaksitähkähine olgi uksen kamajan piäle. Ken miesvieras enzimäzekse tuli pertih, tytön sulhazel tuli olemah sama ristindynimi kui hänel.
(*Hautala, 1982, s. 426*)

Sv'atkoin välil avatah huruan jallan tagakannal kai ukset da päčinjuškat da sit sanua virkkamata mennäh muate. Ken unis tulou uksii salbuamah, se on tullii ukko.
(*Hautala, 1982, s. 426*)

Rastavan da uvven vuvven välil pannah kelletahto tiedämätä piän alle yökse avain da lukku. Sit hänel pidäs unis nähtä tullii vastineh.
(*Hautala, 1982, s. 426*)

Virit't'iät kolme paret't'ä, šil'l'ä oven peäl'l'ä pannaal palamaa. Siid'ä n'e hiilet kerät'ää siihi mih tahokkaa, ribuu libo mih tahokkaa. Ni ku muate vierrää, ni pannaal n'e hiil'et, pannaal žirkkalo, pannaal šuga pieluksii dai luvetaa: "Ken olled bogasuužennoi miun, ni tule näid'ä ottamaa pieluksista". Dai miän čikko še kuotellaa, poltellaa n'e hiil'et da mie olen nuori t'yt't'ö, tovariššaksi taluu. N'yd lähemmä kod'ii. Hiän ku miun n'ägyvissä ei oliz niid'ä pannun pieluksii ga mie, možet, en oliz ni kuullun ni mid'ä engo olis' pöl'l'äšt'ynyn. Vanhaššaa vet ei ollun kravat't'ie, siel'ä yksi kravat't'i oli, sil'l'ä kravat'illa kel'l'ä oli veikko, ni še veikko

Во двор какого парня привезёт, за тем девушка и замужем будет. (Парни таким же образом могут попытаться узнать, на ком женятся.)
(*Толмачи — Толмачи*)

Во время Святков две девушки держат в руках коромысло, третья под уздцы проводит над ним жеребца. Если копыта жеребца коснутся коромысла, та девушка, что вела коня, выйдет замуж.
(*Salmi — Салми*)

Когда хотели узнать имя будущего жениха, в какой-либо день между старым и новым Рождеством клали соломинку с двумя колосками на дверной косяк. Будущего жениха девушки звали так же, что и гостя-мужчину, первым пришедшего в избу.
(*Imbilahiti — Импилахти*)

В Святки пяткой левой ноги открывают все двери и печные вьюшки и, не говоря ни слова, ложатся спать. Кто во сне придёт двери закрывать, тот и будет будущим мужем.
(*Salmi — Салми*)

Между Рождеством и Новым годом кому-нибудь под подушку, втайне от него, на ночь кладут ключ и замок. Этот человек во сне должен увидеть будущую половинку.
(*Sortavala — Сортавала*)

Загнут три лучины, над дверной притолокой жгут... Потом эти угли собирают куда-нибудь, в тряпку или ещё куда. А когда спать ложатся, кладут эти угли, кладут зеркало, кладут гребень под подушку и говорят: «Кто будешь богосуженый мой, приходи эти (вещи) забирать у меня из-под подушки». И моя сестра колдует, палит эти угли, а я маленькая девочка (была), берёт меня в товарищи. Идём домой. Если бы она при мне не положила их под подушку, так я, может, и не услышала бы ничего и не испугалась бы. Раньше ведь не было кроватей, там одна кровать была, на той кровати, у кого был брат, так этот брат спал на кровати,

magai kravat'illa, a dostalid magazima rivissä lat't'iella. N'äin on ašutettu gorniččaa sielä Jängärvessä šijoa, šiihi vierimmä muate, dai hiän panou pieluksii, dai siid'ä muataa tuatto, muamo, siin'ä lat't'iella. Ku kerģizimmä vain muate vierrä, oi kun rod'ii kellon, tullaa hebozilla, onhän panna se svoid'buloi vaš kellotten, no ni šiihi loaduu on pandu kellod vembelii, i ajetaa, tullaa. Alusta ku loittuna, loittuna, se lähenöy, lähenöy. A hiän miula šanou: "Ko kuulled mid'ä ni elä virka ni mid'ä, no". Kuulen jo lähet'ää, lähet'ää, ka lähet't'ii, jo pihalla tuldii. Ka ko pihalla tuldii, da meilä oli veräjäs-sä kol'čča, ka ku avuatten, sidä kol'ččoa ku hel'äytetää ni ku mie ku varrevuinen, pöl'l'äššyin, mamalla šanon: "Hoi mama, ket tuldanou, nouze poiš!", ravahin. Mama ko hypäht'iat, a mama arvai, šanou, kuottelija mid'ä tahokkaa, no. Dai hiän nouzi, dani tulen šai, mäni dai niin uuvveštaa veräjät avoali da niin umbee pani.

(Конкка, 1980, с. 109)

Sv'atkoin välil mennäh pihale da kačotah sydämeh ikkunas čupukas läbi, kuduah on luajittu silmyloukot. Ku kentah pertis olijois ozutah ilmai piädy, se terväh kuolou. Ku tytöl ei nävy palmikkuo selläs, se menöy sinä vuon miehele.

(Hautala, 1982, s. 427)

Synnynmuan aigua kajoksinen siä pidäy olla, pilviksi-zel ei ni kuulu. Konzu tähties taivas on da sit tuule ei, sit ylen hyvin kuuluu.

(Миронова зап. в 1997 г. от Поповой Е. в с. Ведлозеро, ФА, 3340/19)

Synnyin aigua otetah päčilpäi päre hambahil. Sit men-näh jovele libo kaivole da kastetah päre vedeh. Järilleh pertih tulduu päre azetetah čikkah, a ku sidä ei ole, sit seinän ragoh. Tämä kai pidäy ruadua koskematta pä-retty käzil. Sit sytytetäh päre tuleh. Ku se palau ylen ilozesti, ennustetah sille, ken pärien toi, naimizih mendyy hyviä elostu, a ku se palannou pahoi, ennus-tetah huonuo elostu.

(Hautala, 1982, s. 427)

а остальные спали в ряд на полу. Так там, в Янгозе-ре были спальные места устроены. Туда спать легли, она (вещи) кладёт под подушку, а рядом на полу спят отец и мать. Только успели лечь, да (слышу) как на лошадях с колокольчиками поехали — привязывают ведь перед свадьбой колокольчики лошадям, да как колокольчики на дугах звенят, и едут, едут... Внача-ле вроде далеко, далеко, а потом всё ближе, ближе. А она (сестра) мне сказала, что «если услышишь что, то ничего не говори». Слышу — уже приближаются, приближаются, уже на двор въехали. Да как во двор въехали, а у нас в воротах было кольцо, да как откры-вают, кольцом этим звякают, да я испугалась, маме говорю: «Ой, мама, кто-то идёт, вставай!» Мама как вскочит, а она угадала — говорит, наколдовали чего-то, что ли. Она встала, огонь зажгла, пошла, ворота открыла и снова закрыла.

(Jängärvi — Янгозеро)

В Святки выходят на улицу и смотрят вовнутрь, в окно сквозь блин, в котором проделаны дырки для глаз. Если кто-либо из находящихся в избе покажет-ся без головы, он скоро умрёт. Если у девушки на спине не видно косы, она в этот год выйдет замуж.

(Salmi — Салми)

Во время Святок (земли Сюдю) должна быть яс-ная погода, в пасмурную и не слышно. Когда небо в звёздах и ветер не дует, тогда очень хорошо слышно.

(Vieljärvi — Ведлозеро)

В Святки зубами достают с печки лучину. Потом идут на реку или на колодец и окунают лучину в воду. Вернувшись в избу, лучину ставят в светец, а если его нет, то втыкают в щель в стене. Все надо проделать, не касаясь лучины руками. Потом лу-чину зажигают. Если она горит очень хорошо, это предвещает принёсшему лучину хорошую жизнь после женитьбы. А если лучина горит плохо, это предвещает плохую жизнь.

(Imbilahti — Импилахти)

Arvadeltau, kuga mille tulou ženih, kudamas čuras piäi i kudamas tiešuaras piäi. Šiid ehtaižel magatta vierdes, ku kai vierdau magatta pereh, a neičud mänöu d'älgele kaikkid pihale i ottau kolme halgošt ynd'yriginäšt i šeižattau pihale. Iče tulou, magatta vierou. Huondeksel nouzou, lat't'an pyhkiu, topat šiih halgoiden lu vief. Šiid letau kudamas čuras piäi harakad topid n'uokkima, šiid čuras piäi pidau vuottada hällei ženihod. I harakad halgoižele šeižatetule ištuzetau. Lekahtoittau ku halgod, se halg langenu. Harakad kai lendoo hypnitau. Neičud nägöu ikkunas, harakad letti iäre i halgoine on ykš langenu suvee piäi. Hän tervašči mänöu pihale, halgoižed ned kolme ottau käživardele, kakš diättau šenčoihe, a langennuden halgoižen tuou perttii päččis poltettavakš. Sen halgoižen päččii pandes sanuu: "Mitte nimi lienou minun ženihole, sen nimelline tulгаа tänäpäi endžimaižikš rištikanz perttii." Semmoine nimi lienou hänen ženihole.
(LKN, s. 265)

Vierissän kežellä kakš netelie gul'aitih, suoriuvutih maskirovannoiks, da taloloita myötä kävelti, da kižattih taloloissa, annettih kižata.../Kuin karjalaksi sanottih?/Gul'ašnikat, gul'ašnikat. Muin'en suoriuvutih kaikkieh tap(ah), kellot kaglah, vaššat kät'eh otetah, ta ni vaššat sivotah vyöllä, jotta kylyh matatah, da... Kaikkiella luatuo šuoritah, da narošno käveldih taloloita myöt'e. Da laškietti muin'en, laškietti. Kušša talošša vielä garmon'ojen kera käyti, garmon'al šamašša tanssimah ruvettih talošša, annettih tanššata...

/Mitä panitta piällä?/Ka, vaikka mimmoista, ken panou ylen hyväd vuat't'iet, ken panou ylen pahad vuat't'iet... Ka, vot pannah huilu piäh (näyttää), niät sie — ei ožuttauvuttu, lakki piässä, sit't'e näin vähäzeldä vain, jotta nähtäiz matata kuil'l'ah, näil'l'äh kaikki(h) taloloih männäh, kymmenie hengie kerrašša käyt', viizi hengie, kuuži hengie, konza miki, no.../Oliko kaikilla huilut?/Kaikilla, kaikilla huilut, et šua tunnistua, et tunne, et tunne, vierahašta vua(te)tta pannah piällä, dai, jottei tundietaiž, vieraž vuate piällä on. Kaikemmoista vuetta, murnin vuetta pantih,

Гадают, откуда ко мне придёт жених, с какой стороны и с какого перекрёстка. Вечером, когда вся семья ляжет спать, девушка после всех выходит на улицу и берёт три круглых полена, устанавливает их на улице. Сама возвращается домой, ложится спать. Утром встаёт, подметает пол, а сор выносит к поленьям. С какой стороны прилетят сороки сор клевать, с той стороны ей надо ждать жениха. Сороки сядут на стоящее полено, шевельнут его, оно и упадёт. Все сороки разлетятся. Девушка увидит в окно, что сороки улетели, а одно полено упало в сторону юга. Она быстренько выйдет на улицу, возьмёт эти три полена, два оставит в сенях, а упавшее полено принесёт в избу, чтобы сжечь в печи. Кладёт это полено в печь со словами: «Что за имя будет у моего жениха, пусть с таким именем первым сегодня зайдёт человек в избу». Такое имя будет у её жениха.
(*Bošin kylä — Новосёловская*)

На Виериссян кески (Святки) две недели гуляли, маскировались и по домам ходили, да плясали в домах, давали поплясать.../Как по-карельски называли?/Гуляшники, гуляшники. Раньше наряжались по-разному, ботала (повесят) на шею, веники в руки возьмут да веники на пояс привяжут, что будто в баню идут, да... Одевались по-всякому и нарочно ходили по домам. И пускали раньше, пускали. В какой дом ещё и с гармонью придут, под гармошку и плясать начнут в доме, давали плясать...

/Во что одевались?/Да хоть во что, кто самые лучшие одежды наденет, а кто самые плохие. Ну, вот, надевали платок на голову (показывает), видишь ты — не открывались, шапка на голове, потом только чуть-чуть, чтобы было видно идти (снизу приоткрывали), так во все дома и заходили, десятки человек могли одновременно зайти (в дом или группами) по пять, шесть человек, когда сколько.../У всех ли платки были?/У всех, у всех платки — нельзя опознать, не узнаешь, не узнаешь, чужую одежду наденут на себя, чтобы не узнали. Всякую одежду (надевали), наизнанку одежду надевали,

kaikkieh tapah suorittih, ylen mukavašti... Kakši viikkuo gul'aitih. Ei meččätyötä ruattu monet. Tuošša Motan mužikad mändih, molod'ež, kakši päivyä oldih dai poikeš, täällä, Vierissän kežellä tuldih gul'aimah.

/No, ku tuletta taloh?/Taloh tullah, hil'p'azeh tullah kaikki: "Voiko tulla?" Ovešta ku tullah — "Voitko yleš tulla?" Ei izännät kielletty: "Tulkua, tulkua, tulkua käykyä, käykyä!" Izändä is't'uu: "Kižakkua, šanou, tanššakkua,— stolan kokašša iče is't'uu,— tanššakkua. Ta sitä myö tanššuumma, monihičči avauvumma, monihičči emmä diäviy, a tanššuumah ku ruvetah, ni d'ö avatah, avatah tanššatešša, no. Mužikanti garmon'an kera, da... poika garmon'an kera matkuau...

Vielä oli uuži moržien! Tämä, sorokka piässä, siitä moržien poklonoa vet'äy, mänöy taloh, poklonoa vet'äy. "Passibo, passibo,— emändä šanou,— passibo kannetuizen, passibo, kenen ričkan (?) sie laps' ollet, šanou.../Mieskö vai nain'e näytteli?/Ka, t'yt't'ö da poika. T'yt't'ö on poikana...

Käveltih gul'ašnikkana, lehmänkellot tuuvvah, čillit tuuvvah kaikki taloh. No, jotta hyö kuletetah lehmie, oššettih, da... Ka, niin no, šanot, jotta toizella jänellä: "Myö lehmän ostima, tuomma kotih, kuletamma, ka iellä otimma kellon, siitä tuomma lehmän kotih"... Oi, mukava se oli, ylen mukava.../Mitäpä izändäväki vastasi?/Izändä: "Hyvä olet, moločča ku niini tahot hyvin elyä", — emändä vastuau.

/Näyttelikö gul'ašnikat köyhie?/Oli, oli köyhyä, dai annettih šangie, keralla annettih hänellä, dai... Ku šanou, jotta en ole syöryn engä juonun, niin kiirehen kautti työstä läksin, da... Sitä hänellä annetah keralla šangie, da kolačču, da.../Mitä hänellä oli piällä?/Ka, šanat jalašša, fuffaikka piällä, prostoih vuatteih semoizih suorittu. No, huilu piässä — kellä on marl'asta, kellä oldih maskat, oli d'ö lopulla maskoja./Mistä ne oli tehty?/Ka, no, pahvist'a, dai vielä oli kroassittu i kaikki, en'n'en' muin'en sielä d'oi luajittih, kaupoiissa (ostettih), tuotih Kemistä. Silmäd oldih, nenä oli, no, šuu oli.../Oliko parta?/Dai parrad, dai kai oldih jo maskassa./Tuohesta eikö tehty?/Tuohesta luajittih,

po-всякому одевались, очень интересно... Две недели гуляли. Многие и на лесоразработки (на работу) не ходили тогда. Вот тут, мужики Мотты (дом в Панозере) пошли, два дня побыли и обратно вернулись гулять на Виериссян кески.

/Ну, а когда в дом придёте?/В дом приходят, тихо все идут: «Можно ли зайти?» В двери когда заходят: «Можно ли наверх пройти?» (снизу из сеней в избу. — Прим. сост.). Хозяева не запрещали: «Заходите, заходите, проходите, проходите!» Хозяин сидит: «Играйте, говорит, пляшите, — сам на конце стола сидит, — пляшите». Вот мы и танцуем, бываем, открываемся, а бывает, и не показываем себя, а плясать как начнут, то уже открываются, во время пляски открываются. Музыканты с гармонью да, парень с гармонью ходит...

Ещё молодуха была! Вот, сорока на голове, молодуха поклоны бьёт, идёт в дом, кланяется. «Спасибо, спасибо, — хозяйка говорит, — спасибо тебе чужими выношенная (kannettuizeni в свадебных плачах обозначает принадлежность к роду жениха. — Прим. сост.), спасибо, чья (неясно) ты дитя есть»./Мужчина или женщина одевалась (молодухой)?/А девушка и парень (т. е. речь идёт о ряженных, одевавшихся «женихом» и «невестой»). Девушка парнем (наряжалась) ... Ходили гуляшниками, коровьи ботала, колокольчики принесут в дом. Будто они перегоняют коров, купили, да... Ну вот, скажешь, только чужим голосом: «Мы корову купили, ведём домой, гоним, да сначала принесли колоколец, а потом приведём и корову домой»... Ой, интересно было, очень весело!../Что хозяева отвечали?/Хозяин: «Молодец, раз так хорошо хочешь жить». «Хорошая женщина, раз так хорошо жить хочешь», — хозяйка отвечает.

/Наряжались ли нищими?/Было, были и нищие, и шаньги давали, с собой ему давали, да... Как скажет, что не ел и не пил, что прямо с работы пришёл, торопился, да... Ну, тут ему дают с собой шаньги, да калачи, да.../Что на нём было надето?/Так, на ногах штаны, фуфайка надета, в простые одежды наряжён был. Ну, платок на голове, у кого из марли, у кого и маска, уже под конец маски были./Из чего они

da... Oli kaikkie, kesselilöitä, dai kaikkieh tapah käveldih, bokovoit sumkat kainalošša, kesseli seläsä.../Mitä ne talossa teki?/Ka, niin erikseh paistih hänen kera — mitä varten hän kuletellou händä, kesseliie pitäy... Se šanou, jotta mitä varten hiän kesseliie kuletellou selässä — hänellä pitäy šuaha siihen vaikka mitä, kesseliie. "Mit'ä voin'etta, sitä antakua miulla kesseliie siihi, no, mitä voin'etta luovuttuo, syömispuolta". /Näyttelikö joku pakšuna olleita naisie?/No, pantih, pantih marat, šuured marat, odvah häilytäh, kävel-läh: "Ruavosta tulimma, da emmä voi ni kävellä kovuan", šanotah. "Kiirehämmä poikeš kotih, da t'öitä ruatamah, da..." Vielä akad narošno rugaijah: "Ei meččähini t'eit'ä i käyt'ä, tuommozen maran kera, mitäi kai vodiuvutta!" /Mitä ne vastah sano?/Ka, himottau se i meillä kävellä, loppu nuort' aikua provedie, mara meitä ei meššaičči, maran takie myö voimma käyvvä..."

/Millä tavalla ne puhuivat?/Ka, vot puhuttih kuin lie-nöy toizella iänellä, no.. (näyttää — puhuu korkealla inisevällä äänellä), jottet huomua pakinašta. Ka kaikkiella šabal'al'l'a pieksävyvttih, kaikkiella... Kaikkeh tapah pieksävyvttih, no mukualiuvttih kaikkiel', no ken mitäiki... ken on šairaž, da ken kuinki...

/Oliko rampoja, panivatko gorban?/Ka, buittei, pantih gorbat dai kaikkie luajittih ičestäh, vaikka mitä riputettih. Ka, moničči lapšet varatah, kiukualle kiirehen kautti, ku tullah pirttih kellot kalatah libo mi kaččo... Mitä tuhmemmua, da mitä semmoista piällä i pandih, jottei tundietais.

Se žei oli vasta, kai hyvällä mielin vuotit. Gul'ašnikkana gul'aitih, laulun kera ku poikki jovešta tullah tän manderelle, sit'ä monda taluo käyväh, käyväh, käyväh... Muutomassa talossa ku on lapsie äijän, ni ei laškiettu, lapset varattih — strašnoit ollah, turkit murnin, mur-nilluah pannah, villapuolet ulkoahuokš...

/Mihin aikah gul'ašnikat käveli?/Yöllä kaikki, kai yöllä, gul'ašnikkana yöllä. Illalla myöhäzeh, vot sem' časov, večerom kaikki ruavot ruattih, večerom...

/Käviko gul'ašnikat koskaan taloissa ennen Rostuota?/Ei. Roštuona, Roštuošta Vieristäh šuat'e. Vierissan synnyinpiänä d'ei käyty, piätinččänä, sit'ä lauvantai...

были сделаны?/Так, из картона, да ещё были и покрашены и всё такое, уже тогда (в старое время) уже начинали делать, в магазинах (покупали), привозили из Кеми. Глаза были, нос был, ну, рот был.../Была ли борода?/И бороды и всё уже было на маске./Из берёсты не делали?/Из берёсты тоже делали, да... Всего было, с кошельками и по-всякому ходили, бокковые сумки под мышкой, кошель за спиной.../Что они в доме делали?/Так, разговаривали с ним как бы отдельно, почему он с ним, с кошельком ходит... Он отвечает, почему он держит кошель за плечами, ему надо положить туда хоть что-нибудь, в кошель. «Что можете, то и положите мне в кошель этот, ну что можете дать, съедобного чего-нибудь».

/Изображал ли кто беременных?/Ну, делали, делали животы, большие животы болтаются, еле ходят: «С работы идём, да не можем и ходить быстро», — говорят. «Торопимся домой хозяйством заниматься, да...» Ещё бабы нарочно ругаются: «И леший-то вас не заберёт, с такими животами что и ходите!»/Что они отвечали?/Так хочется ведь и нам погулять, провести конец молодой жизни, живот нам не мешаает, и с животом можем ходить...»

/Каким образом они говорили?/Так вот, говорили как-то другим голосом, да.. (показывает — говорит тонким писклявым голосом), что и не поймёшь по разговору. Да всякой шабалой дурачились, притворялись по-всякому, кто во что... кто больной, да кто какой...

/Были ли хромые, наставляли ли горбы?/Будто нет, и горбы делали, да и чего только из себя не делали, чего только не навешивали! Так часто дети боятся, на печку сразу лезут, придут (ряженные) в избу — ботала гремят или ещё чего... Чего посмешней (букв. подурней), да вот такое на себя и наденут, чтобы не узнали... Вот уж было так было! Ждётся, бывало, с радостью (Святок. — Прим. сост.). Гуляшниками гуляли, как с песней с того берега реки придут сюда, на материк, потом по домам ходят, ходят, ходят... В некоторых домах, где много детей, туда не пускали, дети боялись — страшные такие, шубы навыворот перевернут, шерстью наружу...

ne kaks päivyä d'ei käyt'y. Ei enämbyä Vieristyä vašše käyty...

(Конкка, 2003a, с. 396–399)

Huhl'akka, huhl'akka. Mie olin yl'en ohotnikka mie olin yl'en väril'l'ine, ku l'ähen ad'voih tuuvan Semčärvee, ni kolmin n'ed'elin olin, značit, l'ähemmä t'äst'ä jo Veden'jasta, libo l'ähemmä myöhembä t'iän uuvan vuuvan aigaa, Kreššen'ja on pruaznikka, Vierist'ä Semčärveessä, suuri kyl'ä, ni ad'vuo n'el'l'äkymmen'dä tulou Sellistä — suuresta kyl'äst'ä, da illalla l'ähemmä huhl'akaksi. Šuoriemma hyvin, po-starinnomu. N'ävöl'l'ä hyvän paikan, siiččazen valgien paikan panemma, a no a siid'ä... t'ämänmoized n'e emuššat, ni zavod'iu alahalda yl'ää suah panou, a kaššad n'e toože sivomma t'ähä käzipaikkoi. Pl'äššimä kadrilie, a ozutuat emmä, pl'ässimä, toista toizee taloo.

T'yt'öt k olima, erähän kerran ku t'ässä kävelimä, olima Keldovuaras, ni mie tulin t'ägäli märgä, tata joi haukku, haukku, emmä virkkan, mama sanou: ”El'ä hauku, ko on moda, ana hyö t'yt'öt kävel'l'ää”. Mie suoriettin silloin brihaksi, panin štad'id mužikkoin, paijan piäličči, t'äh panin hyvän remenin, t'äh panin galstukan, olen se tobie, zdoorovoi. Mänimä toizen kerran Okkuliinaa, baba se päčil'l'ä viru, mie mänen sie hän'd'ä sebiämää, n'okkua andamaa, a en ni ozuttuavu. Sanou, vähä rod'ieu, sanou ukosta, Mikistä, a mie olen n'eičyt, dai ei tunnettua ket olemma, olemma, pl'ässimmä, tulemma kod'ii, nagramma, meid'ä ei tunnettua.

(Конкка, 1980, с. 104)

Šynd'yö kuunnellaa, se Vierissän da niin Roštovan väli se on, sil'l'ä väliil'l'ä kuunneldii Šynd'yö. A mama meän šano, erähičči šano kuin l'äksimä siel'ä Šynd'yö kuun-

/В какое время гуляшники ходили? /Ночью всё, всё ночью, гуляшниками ночью (ходят). Вечером поздно, примерно вот в семь часов, вечером, (когда) все работы по дому сделаны, вечером...

/Ходили ли гуляшники по домам до Рождества? /Нет. На Рождество, от Рождества до Крещения. Уже и в канун Крещения не ходили, в пятницу, потом суббота... эти два дня не ходили. Перед Крещением больше не ходили...

(Puan'arvi — Панозеро)

Хухляки, хухляки. Я была большой охотницей (рядиться). Как отправлюсь в адво (гостить) в Семчезеро, так по три недели там жила. Отправимся отсюда уже на Введение или попозже, около Нового года, а в Семчезере праздник Крещения. Большая деревня была, так по 40 адво приезжает из Сельги — большого села, и вечером отправляемся хухляками. Одеваемся хорошо, по-старинному. На лицо хороший платок — ситцевый белый платок — наденем, ну а потом... такие вот подолы женских рубах, так начиная снизу и доверху (друг на друга) наденем, а косы тоже в платки завяжем. Пляшем кадрили, а не открываемся, так и ходим из дома в дом.

Ещё в девичестве один раз были в Келдовуаре, так я пришла вот до сих пор сырая, отец ругает, ругает, мы молчим, а мать говорит: «Не ругайся, раз мода такая, пусть они, девушки, гуляют». Я оделась тогда парнем, надела мужицкие штаны, рубаху навыпуск, сюда надела хороший ремень, сюда — галстук, большой стала, здоровой. Другой раз пошли к Окулине, она на печи лежит, я лезу её обнимать, носом тереться, а не открываюсь. Говорит, мало от мужа, от Микки (ласк) получаю, а я ведь девушка... да так и не узнали, кто мы такие, поплясали, да (и всё), приходим домой, смеёмся — нас не узнали.

(Собене — Чёбино)

Сюндю слушают в промежутке между Рождеством (Rostuo) и Крещением (Vieristä). Мама наша рассказывала: однажды, когда они отправились слушать

delomaa, veikod hänel'lä oldii, brihad da bratanad, da no šanotaa, pid'äy ottoa l'ehmän nahka, no. Se karvane puoli jät't'ia ičel'lä istuošša, a tol'ko ei piekset't'y nahka, pieksämätöin. A še kumbazen n'yl'l'ed, ni še bokka panna lumella peällä. Sanou, dai myö ottimäsen nahkan, läksimä Šynd'yö kuundelomaa. Mänimä, šanou, sinne riihil'öin l'ähil'lä, iššumma sil'lä, ottimäsen od'd'ualan peäh istuošša, štobi emmä kyl'mäissen. Kuundelima, kuundelima, sanou. A sielä, značit, kuulaa kušta päin liet'enöy tulija, ni siel'dä päin lietää i zenihhäd libo brihoilla andilahad. Ken mist'ä päin. N'yt ottau yksi sanan, značit, mie kuundelen, siid'ä siun jäl'gee toizee smenaa...

Siid'ä erähän kerran lähen uamalla, on huomuz, ni pid'äy l'äht'ie, šanou, siel'ä muamoo šanou. Huomuksella paisesetaa niid'ä blinkkoi, no ni blinkasta läbi ikkunasta läbi kačotaa pert't'ii, značit, mid'ä pert'issä n'ägyy, značit, tulougo ken, vai ei tule. Ku ken tullou mužikkapuoli, značit, se on zenihhä tullaa...

Kuin kävel'dii [kuhl'akat], ka maskiruijaze, ken mužikka panou akan šobat peällä, da akka mužikan šobat, suoreutaa, libo siel'ä ka iel'lä vet oli niid'ä, kuvotaa emuštoi kirjakkahie, niid'ä panna moni piäl'ekkää, käzipaikkua vyöl'lä sivotaa, ken mi. Peäh panna paikka, a siidä toine paikka libo šoapka panna piäličči. Ka piet't'ii tuohesta dai bumoagašta loajittii semmoized maskatten n'e pojatten piet't'ii niid'ä maskoi, vetten oli Petroskoilla sillozella vanhalla aijalla tuodii siel'dä kondien peäl'öi moizie, dai kaikkie niid'ä, pojilla, t'yt'öt ei niid'ä piet't'y.

Kuhl'akat ei n'e eän'n'etty, niil'lä ku kel'lä lienöy olun ni oli soittoja, omahaš tuuvvaa siel'd'ä soitto, ni siid'ä kizataa da pl'äšsit'ää ket ollaa, a pajatettoa ei n'e kuhl'akatten, pajatat, pajošta arvataa, tunnetaa, a hyö tundomattomaksi. Tullaa, pl'äšsit'ää, da kizataa, da. Nu keššä vielä keit'et'ää čoaju, siel'ä aigauduu juuvvaa čoaju, vähäzeldi fata nošsetaa siel'ä alla. Kyl'ä šuuri, kuni projittaa, l'ähetää yn'n'ä kyliä ga. Illoilla [kävel'dii], toičči i päivil'lä kävel'dii, on i päivil'lä, a liiga illalla, kuuvven aigaa da seiččemen aigaa.

(Конкка, 1980, с. 104)

Сюндю, братья с ней были, братья и братаны. Говорят, надо взять коровью шкуру и сидеть на той стороне, где шерсть, а только невыделанную шкуру надо (взять). А другой стороной положить на снег. Мы, говорит, взяли эту шкуру и пошли Сюндю слушать. Пошли, говорит, туда, к ригам, сидим на ней, взяли одеяло, чтобы накрыться с головой, чтобы не замёрзнуть. А там, значит, слушают, с какой стороны приближается путник, так с той стороны придут и женихи (или невесты). Кому откуда слышится. Тут один слово взял (сел слушать), а я (значит) слушаю после тебя в другую смену...

Вот однажды я пошла утром (гадать), ну надо идти, мама говорит. Утром ведь пекут блины, и через блин в окно избы смотрят, значит, что в избе видно, появится ли кто-нибудь. Если покажется кто-нибудь мужского рода, значит, женихи придут (свадьба в этом году).

Кухляки ходили, маскированные, какой-нибудь мужик оденется в женскую одежду, а баба наденет мужскую, наряжаются... или раньше ведь были такие — ткали узорчатые станушки, их наденут много штук друг на друга, кто полотенец на пояс навяжет, кто чего. На лицо надевают платок, а потом второй платок или шапку надевают сверху. Ещё делали из берёсты или бумаги такие маски, парни носили эти маски, ведь бывали в Петрозаводске, и в те старые времена привозили оттуда медвежьих головы да всё такое — для парней, девицы их не надевали.

Кухляки, они голос не показывали, у них, у кого были гармошки — для себя (гармонисты) привозили оттуда гармони — так тогда играют и пляшут, а петь не пели кухляки эти, ведь споёшь, так по голосу узнают, а они неузнанными (хотят остаться). Придут, попляшут, сыграют, да. Ну, у кого-то (дома) ещё чаю вскипятят, чай там пьют, немного фату приподнимут снизу... Деревня большая, пока пройдут всю, уже снова начинают. Вечерами ходили, иногда и днём ходили, а больше вечерами, около шести да семи часов.

(Jängärvi — Янгозеро)

A miän kyl'ässä Suondelešša ku kävel'dii, no ni koza oli se, rogoza pandu. A se oli peä loajittu ni ku koza oli suuri, ni jo puini oli kieli. N'äin ku kieli, nuoran'e oli t'äh kiel'ee sivottu t'ähä sii pandu rogozaa, a siel'ä on rogozašša mužikka. N'äin ku tulou, puu on pandu t'ähä n'äin, kozan pid'äy peäl'l'ä. Ku sen kallou n'äin, šuun avou kahallaa. Buhhankkoja ottau, kymmenen buhhankoin ottau l'eibeä. Värčči sii toizilla mužikoilla iel'l'ää andau se, kumban'e on rogozašša siel'ä seämee. No se loajittu oli, vahnasšaa loajittu. A siid'ä jäl'gee ei rassittu. Sanotaa, int'ereesnoi vreednoi oli. Ku noaraa siid'ä ku l'äht'öy lokuuttu... Hebozengo peä ollou olun. Loajittii nahkasta, naverno.

(Конкка, 1980, с. 105–106)

Sv'atka-aigah šuurieliečettih kegriksi, lapšie pöllätel'dih i šuurieliečittih čuudat, bes'oudah tul'dih da karrat'tih ves'ma hyviin. Kaikkeh rukah šuoriečettih: brihakši i tyttöksi.

(Пунжина, Семенова зап. в 1966 г. от Сухичевой И. Н., ФА, 683/5)

Sv'atkoin välil mennäh työtöt yöл ruiskevon luo, pannah käit sellän tuakse da otetah varovazesti hambahil olen kevos vedämäl. Ku sen ollen piäs on tähky, vedäi piäzöy talollizele miehele, ku on olgi ilmai tähkiä, suau köyhän, taloittoman miehen.

(Hautala, 1982, s. 426)

Sv'atkoin välil azetettih riehtilän piäle kylys otettu kivi, riehtiläh valettih vetty da pelvaspivo pandih kiven piäle palamah. Sen jälles pandih raudupada kumalleh niilöin piäle. Ku vezi piästi porahtajan iänen, tuli riidelii anoppi; ku ei puan ualpäi kuulunuh nimidä iändy, tuli hyvä anoppi.

(Hautala, 1982, s. 426)

А в нашей деревне Сондалы, когда ходили кухляками, то коза была такая, рогожа была надета. А была голова сделана как козья, большая, и был у неё деревянный язык. Верёвочка была к этому языку привязана, [к голове] рогожа была приделана, а там, в рогоже — мужик. Идёт, планка деревянная была здесь приделана, козу держит над собой. Как наклонит, так рот (у козы) открывается. Буханками хлеб «съедает» [с воронцов берёт], десятками буханок забирала хлеба. Другим мужикам в мешок передаёт этот, который в рогоже сидит. Такая была коза, сделана ещё в прежние времена, а позже уже не стали [«козой» ходить]. Говорят, интересная, вредная была. Как за верёвку пойдёт щёлкать... Может быть, и лошадиная голова была, из кожи сделанная, наверно.

(Šuonpal — Сондалы)

Во время Святки одевались ряжеными, кегри, пугали детей и одевались ряженные, приходили на бесёду и очень хорошо танцевали. Одевались повсякому: парнями и девушками.

(Halla — Морозовка)

В Святки ночью девушки идут к ржаному стогу, убирают руки за спину и осторожно зубами вытягивают из стога соломинку. Если соломинка окажется с колосом, то вытянувшая её девушка выйдет замуж за богатого мужчину, с домом и хозяйством. А если соломинка будет без колоса, то девушка выйдет замуж за бедняка, у которого нет дома.

(Salmi — Салми)

В Святки на сковороду клали камень, взятый с камени в бане. В сковороду наливали воду, под камнем зажигали пучок льняного волокна, потом сверху клали перевёрнутый вверх дном горшок. Если вода издавала звук, как при кипении, то свекровь будет сварливая; если из-под горшка ничего не было слышно, свекровь будет покладистая, добрая.

(Salmi — Салми)

Akkoa burbetetah: pannah kivi keskiriehtiläl vedeh, riehtilä on lattiel. Sen kiven piäl pannah työdä, se työ tuleh čökätäh da maidopada kumalleh peäl. Šiit vezi burbettoa; sanotah: ”Moatuška kehno burizoo, paha roih miul moatuška”. Tuli ryuppeää veet poan sydämeh, jeää riehtilä kuiva kui zdunai. Kel ei puutu paho moatuškua, sil ei vezi burbeta, vai bul’ahtelieteh dai sih järilleš šlovahuttoa.

(KKN, II, s. 137)

Lehmiä lypsetäh: rugehenolgie on lattiel riehtilän ual, iče nenga olgiloin piäl seizatutah. Kivi on riehtilän oal, riehtil on kallelleh; viet on yhes rannas. Seizotah kieve vas täs rannas. Šiit olgie kaksin kerroin kiännät, iččeh päi vedelet kui lehmiä lypsät, märräl n’äpil olgie vedelet. Kel lehmä roiteh, siit vezi kiehuu da olgi šn’augoa (olgi tärävytteä riehtilä, tärinehen täh kiehuu). Kel ei roite lehmiä, sil ei olgi vingu eigo vezi kiehu riehtiläs.

(KKN, II, s. 137)

Synnynmuan aigah korbikuusta poltetah: lattiee ragoh pyssetäh pärettä loštikkoni, peäh työdä töppyni. Alahan päi viritetäh. Tuli yläh päi nouzoo. Sit kunne päi koaduu korbikuuzi, sielpäi ukko puuttuu. A ku ei koavu, hiililleh happanoo, sit ei puutu ukkuo, neizakaks jeät.

(KKN, II, s. 137)

Korbikuustu poltetah synnynmuanaigah. Pärepuikko pystytetäh lattienpuazuh, piäh punotah työdy vähäine, viritetäh, palau; kuduah puoleh kuaduu, sit neidine menöy sinnepäi miehele; toizel ei kuavu nikunne, se hiili jäy pystöilleh, sit neizakaks jäy.

(KKS, II, s. 331)

Женщину заставляють ворчать: на середину сковороды в воду кладут камень, сковорода стоит на полу. На камень кладут льняное волокно, поджигают, сверху [горящее волокно] закрывают горшком из-под молока. Вода бурлит, говорят: «Свекровь, чертяка, ворчит, плохая свекровь у меня будет». Огонь засосёт воду внутрь горшка, сковорода станет сухая. Кому не достанется плохая свекровь, у той вода не бурлит, только побулькивает и потом назад выплёскивается.

(Suojärvi — Суоярви)

Корову доят: на пол под сковороду кладут ржаную солому, сами встают на солому. Под сковородой лежит камень, сковорода наклонена; вода собралась на одном краю. Стоят с этой стороны напротив камня. Потом по два раза повернёшь солому, к себе тянешь, как будто корову доишь, мокрой щепотью солому вытаскиваешь. У кого будет корова, то вода кипит и солома движется (солома сотрясает сковороду, из-за дрожания и вода кипит). У кого не будет коровы, у того солома не визжит и вода не кипит в сковороде.

(Suojärvi — Суоярви)

В Святки «жгут ель»: в щель в полу втыкают тонкую лучину, сверху кладут клочок кудели. Поджигают снизу. Огонь поднимается кверху. В какую сторону упадёт ель, оттуда муж будет. А если не упадёт, до углей сгорит, то не будет мужа, в старых девах останешься.

(Suojärvi — Суоярви)

На Святках гадают на жениха: «жгут ель» (korbikuusi — ель, растущая в глухом лесу, высокая, с редкими ветками). Тонкую щепочку втыкают в щель в полу, на конец накручивают немного кудели, поджигают, она горит; в какую сторону упадёт, туда девушка и замуж выйдет; а у которой никуда не упадёт, прямо останется уголёк стоять, та девушка старой девой останется.

(Siämärvi — Сямозеро)

Šiid'ä lähet'ää vielä, missä ollou hod mi tahokkaa regi, t'yt'öd l'ykät'ää iäres, l'eikataa regil'öissä zaverkat. Ana mužikka panou huomuksella noštuo. Semčarvessä reit panna pihalla, niin ku suknitaa alamägee ni sinne män'n'ää. Panna veräjil'öih sivotaa, štobi pert'ist'ä et piäst'äis izän'n'äd da emän'n'ät, huomuksella.

Kolduidii t'yt'öt. Kerävyvtyä pert't'ii, otetaa sorokka akalda, peit'et'ää sorokkalen'točkat, panna bl'udan alla. Senin t'ähä panen mie torelkkalla, bl'uuda on, toine ei kačo, toine toizen, kassal'entat. Znaačit t'ämä noštau: ku sorokka nouzi bl'udan alda, miehel'l'ä mänet t'änä vuodena. A ku noštanou kassal'entat — n'eičyt oled vielä.

Vielä talvella luajitaa kuvahane, n'äin ka lumessa, n'äi yn'n'ä vierrää sinne lumee, kaikki ojennetaa da, se kuvahane. Toine t'yt't'ö noštou, štob et pačkaiččis sid'ä kuvahaista. No, huomuksella män'n'ää kaččomaa. Olou ku se kuvahane kaikki l'yödy vičoilla, znaačid, lie-nöy mužikka l'yöjä. A ku ei olle košken vičoilla ni mid'ä, še lienöy hyvä mužikka.

Vielä vašta uuži panna pielukšii, kučutaa bohos-lužennoida r'aažennoida v saduu gul'aimaa. No ni šiid'ä uissa ožuttauduu, tulou se ženihhä.

(Конкка, 1980, с. 112)

/Oligo teila šielä Koivuniemen puolella šemmoista, jotta arvouteltih?/

Oli, oli, arvotettih. Oli babka, no hiän arvotti šemmoizie, no arvakkua, lapšet, mi on: "Kakši karvaist'a vaššakkah?"

/A mibä še on?/

A še on šilmät/muatešša/, luomet vaššakkah, no. A šid'ä oli hanel'l'ä viel'ä, vuota šie, kun en muis's'a: "Nellä miešta yhen šuapkan alla šeizotah".

/Štola, no še stola./

Nel'l'ä miešt'a... še tulou jo huliganškoj.

/Šano, šano./

Потом девицы ещё пойдут и если найдут хоть какие сани, вытолкают их (под горку) и обрежут завёртки на них (завёртками — берёзовыми вицами крепятся к саням копылья и оглобли. — Прим. сост.). Пусть мужик новые утром поставит, как проснётся. В Семчезере, там сани во дворах стояли, как столкнёшь под гору, так только и видели... Поставишь их к воротам, привяжешь, чтобы хозяева поутру не смогли из дома выйти.

Девицы колдовали. Соберутся в избе, возьмут сороку у бабы, спрячут ленточки у сороки, положат под блюдо. А я кладу под блюдо, под тарелку, — вторая девушка не смотрит — ленту от косы. Значит, она поднимает, и если сорока выпала, то замуж выйдешь в этом году. А если лента выпала, то ещё девицей побудешь.

Ещё зимой делают отпечаток [своего тела] в снегу, просто ложатся в снег, все (руки и ноги) вытянут, вот тебе и изображение, кувахайне. Вторая девушка помогает подняться, чтобы не испортить этот отпечаток. Ну, утром идут смотреть. Если этот след весь побит как будто вицами, значит, мужик будет бить. А если не тронута ничего, значит, хороший мужик будет.

Ещё кладут новый (неиспользованный) веник под подушку и зовут богосуженого-ряженого в саду гулять. Ну, тогда во сне привидится, придёт жених этот.

(Suvipiä — Мяндусельга)

/У вас там, в Койвуниеме, загадывали загадки?/

Было, было, загадывали. Была бабка, так она загадывала: «Ну-ка, отгадайте, дети, что это? Два волосистых друг против друга?»

/А что это?/

Это глаза, ресницы друг на дружке, ну. А было у неё ещё погоди-ка, вот не вспомню: «Четверо мужчин под одной шапкой стоят?»

/Стол, это стол./

Четверо мужчин... Это будет уже хулиганская.

/Говори, говори./

Четыре человека [мужика] в одно отверстие мочатся.

Nel'l'ä miešt'ä yhteh loukkoh kuššah.

/Lehmyä lypšetäh.../

A myö lapšet duumaičemma, duumaičemma, mi on, mi on? Emmä tiijä, mi on.

/A mihi aigah arvouteldih? Illalla, huomenekšella?/

Illalla, babka še meil'ä tulou. Myö čokkoh kizuamma. Čokkoh: še on šilmät šivomma i hakkualemma, še meil'ä oli čokko. Toine toist'a tavottelemma: kenen tavotat, še i čokko, tuaš šil'l'ä šilmät šivotah...

I še babka meil'ä tulou, tuaž myö hänel'd'ä: "Baabuška, šano meil'ä šuarnua". Hiän šuarnua šanomah. Hiän ylen äijän tiedi šuarnoja.

/A eigö ollun teilä semmoišta, kun et monta arvoutušta arvota, šiitä työnnetähgö kunne?/

Še oli jo jalečči, šuurembana, no jo šuurembana. T'yönnnet'äh mid'ä kaččo tuomaa.

/Huikkol'äh ei työnnetty?/

Ei... En ole šid'ä kuullun... A t'yönd'äy viel'äi veil'l'ä erähičči. No, ruavon andau min kaččo, kun ed arvu.

/A eigö šeinyä vejeldy... piirretä očalla?/

Oi, oli še, oli, oli. Kun et arvu, ni min šiel'ä pannah... Muin'ein kun ne oldih ne välit, hiržišein'ät. Šanou šiel'ä: "N'el'l'ä hirt't'ä očallaš piird'yä pid'äy". Kai očča jiiäy ruškije: t'yr-t'yr-t'yr... oli, še oli...

/A mita vielä oli nakazanju?/

Muuda nakazanju mie en... Viel'ä oli, oli... Šanou: "Kolme kerdua ymbäri pertišt'ä libo viizi kerdua, yhel'l'ä jalalla hyppie". Hengi kädeh šuati. No, hypit, hypit, hypit, no kuni et omua šid'ä normua šuane, ni ei ni jalgua heit't'yä, yhel'l'ä jalalla hyppie.

/A eigö käšetty kiuguan trubah mitänih kirguo?/

Ei, šid'ä ei ollun... Oli. Oli še, oli še — huhuttih trubah... Vain en mie muis's'a, mid'ä huhuttih. Oli še, oli. Mie vain en huhunnun ni kerdua. A šein'yä piirrin, dai yhel'l'ä jalalla hypin...

(Степанова, 2000, с. 148–150)

/Корову доят в подойник./

Ну, это бабка говорит: «Отгадайте, дети, знаете ли вы, что это такое?» А мы, дети, думаем, думаем, что это, что это? Не знаем, что это...

/А в какое время загадывали? Вечером, утром?/

Вечером. Бабка к нам придёт, а мы в жмурки играем. В жмурки — глаза завяжем и ловим, друг друга ловим. Это у нас были жмурки. Друг друга ловим. Кого поймаешь, тот и ищет, и водит. Ему опять глаза завяжут.

Бабка к нам приходит, мы опять к ней: «Бабушка, расскажи нам сказку». Она давай сказки сказывать. Она очень много знала сказок.

/Не было ли у вас такого — если не отгадаешь несколько загадок, то отправляют... Куда отправляют?/

Это было уже позже, когда мы были больше, это уже старших детей отправляют. Пошлют что-нибудь принести...

/А не отправляли в «Хуйкколя»?/

Про это я не слыхала... Отправляли ещё иногда... Ну, работу давали какую-нибудь, если не отгадаешь.

/А по стене лбом не водили?/

Ой, было это, было, было. Как не отгадаешь, а ведь раньше были зазоры между брёвнами [обоев тогда не было], только брёвна. Говорит: «Четыре бревна надо лбом пробороздить, прочертить». Аж лоб весь покраснеет: тыр-тыр-тыр. Было, это было.

/А какие ещё были наказания?/

Других наказаний я не помню... Было ещё, было... Говорит: «Три раза вокруг избы, либо пять раз, на одной ноге проскакать». Аж душа в пятки... Прыгаешь, прыгаешь, прыгаешь, пока эту норму не сделаешь, вторую ногу опускать нельзя, на одной ноге всё прыгаешь.

/А в печную трубу ничего не выкрикивали или голове не просовывали?/

Нет, этого... Было, было, это было, в трубу кричали. Только не помню, что кричали. Но это было. Только я не кричала ни разу. А стену лбом «бороздила» и на одной ноге скакала...

Eräs neidine sie kuundeli, ku ildaine syödih, häi pani pyhkimen piäh da stolan alle meni kuundelemah. Kuundeli, kuundeli, ga hänel toi šuaškan, miittuod ollah saldatoil. Hänen mielezpiettävy oli saldatannu. Häi lähti iäre, siid oli, eli vähäzen dai mielezpiettävy tuli iäre dai otti hänen mučoiakse. Siid hyö ylen l’ubovah eletäh. Mučoi ku menöy sundugah, ga mužikku i dogadiu, čto sundugan juaššiekaz on šuašku i kyzyy:

— Mibo neče sinul šuaškoi on?

A mučoi sanou:

— Olithäi sinä saldatannu, siit minä kuundelin Syndyy i minul tuodih šuašku. Siid mužikku otti sen šuaškan da mučoil piän leikkai, sanou:

— Sinun täh minul pidi voloččiekseh ku minul časovoinnu ollez otettih karut šuašku.

(Волкова зап. в 1936 г. от Машиковой П. Е., НА, 132/72)

Neičud, ei kožita ni ken šidä neičyt. Neiččel on igad d’o kakškymne vuott. Neičudel on paha miel i duimaiččou: mille pidau keda tahto löutta, hyväd rištikanzad. Eig voiž hän mille luadida šidä hyvytt, lembed nostada? N’evvottii neiččele rištikanz, što kudain malttau lembed nostada. Hän mäni hänel lu, nu i sanuu: ”Luadi šina mille šida hyvytt, što edgi vuoi lembed nostada.” Hän sanuu: ”Vuoin, tule huondeksel ende päivän nouzud minul lu.” Hän huondeksel mäni hänel lu i kolahtoit ikkunan al. Akaine se heraštui, kuul’ kolotindan i l’äht’, pan’ čabatod d’alгаа, pövyižen piäle, padan ot’t kädee, kirvehen toižee, i mänöu neiččen lu pihale. Neiččele sanuu: ”Läkkä minunke randaa!” Akaine edel, neičud mänöu akaižele d’älgee. I mändii lähtegile. Akaine kirvehel avaiž kolme lähtet i kolmes lähteges ot’t padal vett. Neiččele sanuu: ”D’aksaze alašči i lähtemme rostanile tuaha.” Rostanile mändii akaiženke, neiččen šeižat’t akaine, neičud sobad piäl heitti i räččinän. Andoi hällel akaine kolmašči suuhu ryöpsäitä i padašpiäi veded neiččee piähä valuoi kaiked hibd’ad myöi. Šiid neiččele käšk puhtahan räččinän panda piäle i suorita, mändä kodii.

(LKN, s. 264)

Одна девушка там слушала, как ужин съели, она накрыла голову скатертью и залезла под стол слушать. Слушала, слушала, так ей принёс шашку, какие у солдат бывают. Её любимый был солдатом. Она вышла, потом прожила немного, вернулся её любимый и взял её замуж. И живут они в любви. Жена как полезла в сундук, так муж и заметил, что в ящике сундука лежит шашка, и спрашивает:

— Что это за шашка у тебя?

А молодуха говорит:

— Был же ты солдатом, так я слушала Сюндю, и мне принесли шашку.

Тут муж взял эту шашку и жене голову отрубил, говорит:

— Из-за тебя мне пришлось волочиться, когда у меня черти забрали шашку, когда я часовым был.

(Piži — Обжа)

Девушку никто не сватает. Девушке уже двадцать лет. Она расстроена и думает: мне надо найти кого-нибудь, хорошего человека. Не мог бы он мне сделать доброе дело, лемби поднять? Посоветовали ей человека, который умеет лемби поднимать. Девушка пошла к ней и говорит: «Сделай мне доброе дело, не можешь ли лемби поднять». Та отвечает: «Могу, приходи утром до восхода солнца ко мне». Она утром пошла к ней и постучала под окном. Та женщина проснулась, услышала стук и пошла, обула чёботы, надела шубу, в руку взяла горшок, в другую — топор, и выходит на улицу к девушке. Говорит девушке: «Пойдём со мной на берег!» Женщина впереди, девушка вслед за ней. И пошли к прорубям. Женщина топором открыла три проруби, из трёх прорубей зачерпнула горшком воды. Говорит девушке: «Раздётся догола и пойдём на росстани, вон туда». Пришли на росстани с женщиной, она девушке поставила, девушка одежду сняла и рубаху тоже. Дала ей женщина трижды отпить из горшка, и всю воду из горшка ей на голову вылила, чтобы по телу стекло. Потом велела девушке надеть чистую рубаху, одеться и пойти домой.

(Vošin kylä — Новосёловская)

07.01 (25.12) – Rastavu, Roštuo, Rastav

Rastavu rauguu, Vieristy vinguu, vilgoin silmät vihažat, ei net tulla tänne.

(СКЯ ливв, с. 300)

Rastau rauguu, Vieristy vinguu.

(KS, s. 420)

Rastavu rauguu, Vieristy vinguu, kiven ual kirguu, aitan ual ambuu.

(KS, s. 420)

Rastavu rauguu, Vieristy vinguu, Vassil'p'u vanguu.

(KS, s. 420)

Rastavu rauguu, Vieristy vinguu, Äijypäivy ärizöy, kel-lojallat tärizöy.

(KS, s. 420)

Rastavu rauguu, Vieristy vinguu, lihabučit liikkuu, kalapučit kuaduu.

(KS, s. 420)

Rastavu ravizou, kiven ual kirguu, aitan ual ambuu.

(KS, s. 420)

Rastavu ränggy, Vieristy vinguu, Äijypäivy änggy.

(KS, s. 420)

Raštava rauguu, Vieristä vinguu, Äijpäiv älizöö, kiven oal kirguu, aitan oal ambuu.

(KKN, II, s. 135)

Rastavu räigäy, Vieristy vinguu, Äijypäivy kätty andau.

(Макаров, Рягоев, 1969, с. 72)

Rastavu ikkunat tyriččöy.

(KS, s. 419)

07.01 (25.12) – Рождество

В Рождество мороз трещит («Рождество ревет»), в Крещение полоз скрипит («Крещение визжит»), у волка злые глаза, не смеет подойти сюда.

Рождество ревет, Крещение визжит.

(Videl – Видлица)

Рождество ревет, Крещение визжит, под камнем кричит, под амбаром стреляет.

(Tulejärvi – Туломозеро)

Рождество ревет, Крещение визжит, Василий воет.

(Tulejärvi – Туломозеро)

Рождество ревет, Крещение визжит, Пасха рычит, колокольня трясётся.

(Salmi – Салми)

Рождество ревет, Крещение визжит, бочки с мясом движутся, бочки с рыбой опрокидываются.

(Imbilahti – Импилахти)

Рождество ревет, под камнем кричит, под амбаром стреляет.

(Tulejärvi – Туломозеро)

Рождество ревет, Крещение визжит, Пасха бурчит.

(Suojärvi – Суоярви)

Рождество ревет, Крещение визжит, Пасха галдит, под камнем кричит, под амбаром стреляет.

(Suojärvi – Суоярви)

Рождество ревет, Крещение кричит, Пасха руку подаёт.

(Sammatus – Самбатукса)

Рождество окна законопатит.

(Siämärvi – Сямозеро)

Rastavan da Vieristän pakkaizet ei jää pidämätä.
(KS, s. 419, Siämärvi)

Не бывает Рождества и Крещения без морозов.
(Сямозеро)

Talvel ollou Rastavan aigua tuučat, sit on Pedrun piän
aijan vihmat.
(Ларионов зап. в 1936 г. от Филипповой А.П., НА, 136/91
(559))

Если зимой во время Рождества бывает снегопад,
то во время Петрова дня будет дождь.
(Tiihonselgy — Новая Заживка)

Rastavannu jo päčči liigua lämbiey huondekses.
(KS, s. 419)

В Рождество уже печь топится лишку с утра.
(Siämärvi — Сямозеро)

Rastavan aigua päčči liigua lämbiey (Päivy on pitkem-
bi päčän lämbiändän aijan).
(Макаров, Рягоев, 1969, с. 72)

Около Рождества день прибывает настолько, что
печь успевает протопиться.
(Sammatus — Самбатукса)

Rastavana on sen verran päivä pitkempi ku hiiri kolme
kerdua kätkyön ymbäri juoksoo.
(KS, s. 419)

В Рождество день длиннее настолько, что мышь
успевает обежать вокруг колыбели три раза.
(Suistamo — Суїстамо)

Rastavas päivä kesäh, ilma talveh.
(KS, s. 419)

С Рождества день на лето, солнце на зиму.
(Suojärvi — Суоярви)

Rastavas on puoli lundu.
(KS, s. 419)

На Рождество выпадает половина снега.
(Salmi — Салми)

Roštuona liey meččä härmäššä, liey leibävuoži.
(СКЯ тв, с. 273)

В Рождество лес в инее, год будет урожайным на
хлеб.

Ku on Rastavannu äijä puis lundu, tulou rikas vuozī.
(KS, s. 419)

Если в Рождество на деревьях много снега, будет
богатый год.
(Suojärvi — Суоярви)

Čigan Rastavannu turkin myö, a muut vaste ombelut-
tau.
(KS, s. 517)

Цыган в Рождество шубу продаёт, а остальные
только шьют.
(Siämärvi — Сямозеро)

Roštuo noštuo, Äijäpäivä päivän noštuo, Petrunpäivä
silmien peštyö.
(KKS, V, s. 163)

Рождество наступит, как встанешь, Пасха, как солн-
це взойдёт, Петров день, как умоешься.
(Kontokki — Контокки)

Tahtot gostiekseh Äijänpiän, gostita iče Rastavan.
(СКЯ ливв, с. 299)

Если хочешь угощаться в Пасху — сам угощай
в Рождество.

Lihua, rokkua, voidu, maiduo da piiruadu. (Soittau kirkön kello vahnannu Rastavannu, konzu pyhä on lopus) (KS, s. 245)	Мяса, супа, масла, молока и пирогов. (Звонит церковный колокол на старое Рождество, когда заканчивается пост.) (Salmi — Салми)
Ennen kesä lehmättä, kuin joulu akatta. (KS, s. 150)	Скорее лето без коровы, чем Рождество без жены. (Suistamo — Суїстамо)
Ennen talvi lehmättä kui joulu akatta. (KS, s. 506)	Скорее будет зима без коровы, чем Рождество без жены. (Imbilahti — Импилахти)
Ennen kesä lehmättä, kui joulu viinatta. (KS, s. 150)	Скорее лето без коровы, чем Рождество без вина. (Imbilahti — Импилахти)
Jouluna juoksoo joga heboni, piäsiesenä on piävündähini. (KS, s. 110)	В Рождество бежит каждая лошадь, в Пасху — случайная. (Suistamo — Суїстамо)
Joulu on juhli jaloin, ildupuoli pyhälaskus. (KS, s. 111)	Рождество — самый дорогой праздник, вечер — самое лучшее время в заговенье. (Imbilahti — Импилахти)
Jouluks pidäy piimiä suaha, vaikka suappahas kirnuomal. (KS, s. 111)	К Рождеству надо простокваши достать, хоть в сапоге и взбить. (Imbilahti — Импилахти)
Joulu juhlista jaloin, vävy muista vierahista. (KS, s. 111)	Рождество — самый дорогой праздник, зять — самый драгоценный из гостей. (Imbilahti — Импилахти)
Jouluna Jumala syntyi, paras poika pakkasel. (KS, s. 111)	В Рождество Бог родился, лучший из сынов в мороз. (Suistamo — Суїстамо)
Joulu tuloo, andaa tulla, avua uksi, anna männä. (KS, s. 111)	Рождество приходит, дай ему прийти, открой дверь, дай уйти. (Suistamo — Суїстамо)
Joulu tulla jollottaa, makkara kakkara kainalossa. (KS, s. 111)	Рождество идёт с громким криком, с колбасой и блином под мышкой. (Suistamo — Суїстамо)

Rastavu rauguu, Vieristy vinguu,
vilgoin silmät vihažat, ei net tulla
tänne.

В Рождество мороз трещит
(«Рождество ревьёт»), в Крещение
полоз скрипит («Крещение
визжит»), у волка злые глаза,
не смеет подойти сюда.

Hohoi, kun tulis joulu, ni sais yöl syyvä.
(*KS, s. 111*)

Uvven Rastavan yöl tytöt lykättih vastu kylyn levole.
Kunnepäi vastan tyvi ozutti, siepäi tuli sulhaine algu-
ajan vuvven aigua.
(*Hautala, 1982, s. 18*)

Roštuon huomenešša ei liäväššä käyvä ennen kuin on
iče šyöty, eikä anneta lemillä vettä ennen kuin vašta
iltapäivällä, kun päivä luoteh kiäntyy. Kaikki aštiet pi-
täy olla kumollah šiloin.
(*Hautala, 1982, s. 387*)

Rastavakse päččih pandih halguomattoloi halgoloi, ku
naizet suadas poigulapsii.
(*Hautala, 1982, s. 390*)

Rastavan aigua pannah päččih joga halgo huabane. Sit
lambahat poigii valgiedu vuonastu.
(*Hautala, 1982, s. 390*)

Počילוile ei ozuteta päivästy Rastavannu, ku kezäl net
ei mendäs aidah töngimäh.
(*Hautala, 1982, s. 391*)

Kanoile ei ozutettu Rastavannu päivästy. Net pandih
karzinah, da tulenalgiel suadih syvvä, ku ei kezäl
mendäs vil'l'upeldoloih.
(*Hautala, 1982, s. 391*)

Rastavan huondes pidäy aijoi emändöijä. Sit sen taloin
tytöt mennäh nuorennu miehele. Samal taval pidäy
brihataloloin aijoi emändöijä, suahah aijombah akat.
(*Hautala, 1982, s. 394*)

Ох, вот настало бы Рождество, можно было бы но-
чью есть.
(*Suistamo — Суїстамо*)

В ночь на новое Рождество девушки бросали веник
на крышу бани. В какую сторону показывал комель,
оттуда в наступающем году и жених приезжал.
(*Kurkijoki — Куркиёки*)

Утром в Рождество не идут в хлев, пока не поедят.
И коровам дают пойло только во второй половине
дня, когда солнце повернёт к северо-западу. Вся
посуда к тому времени должна быть перевёрнута
кверху дном.
(*Vuonnini — Войница*)

Чтобы женщины рожали мальчиков, на Рождество
в печь закладывали нерасколотые дрова.
(*Salmi — Салми*)

Во время Рождества в печку закладывают только
осиновые поленья. Тогда овцы будут приносить бе-
лых ягнят.
(*Salmi — Салми*)

В Рождество свиньи не должны видеть солнце, что-
бы летом они не разрывали огороды.
(*Suistamo — Суїстамо*)

В Рождество курам не показывали солнце. Их са-
жали в подполье и кормили при свете огня, чтобы
летом не ходили на хлебные поля.
(*Suistamo — Суїстамо*)

Утром в Рождество надо рано сделать всю домаш-
нюю работу. Тогда девушки из этого дома моло-
дыми выйдут замуж. Так и в тех домах, где есть
неженатые парни, нужно пораньше справиться
с домашней работой, тогда парни раньше обзаве-
дятся жёнами.
(*Salmi — Салми*)

Roštuona nouššah aivoin ylöš, Vieristänä aivoin, šamoin Äijänpäivänä. Ei nikellä pitäisi muata, ei jakšua jalkojah. Ken on pal’lahin jaloin šilloin, šinä kešänä jalat šattauvutah.

(Hautala, 1982, s. 394)

Rastavan huondeksel, konzu pyhkitäh latettu, topat pidäy vediä kolmen tien tiešuarah. Midä tiedy tulou enzimäine miesgošt’u, sidä tiedy tullah sulhaizet algajannu vuvvennu.

(Hautala, 1982, s. 411)

Rastavannu tiedovoittih. Konzu perti pyhkittih, viettih topat keskel tiedy. Ku lienne sih tulluh harakku, viejy meni naimizih.

(Hautala, 1982, s. 413)

Roštuon huomenešša käyväh kuuntelomašša, mimmoni vuoši tulou; myöš vanhan vuuvven meno kuuluu. Kuunnellah paikka korvissa riihen kynnykšellä, aitan kynnykšellä tai kolmen tien risteykšeššä, kunne on rikat viety, kun on pirtti pyyhitty vaštahakoh, ovešta peräh päin. Kuuntelomašša on kolme tai viisi henkie tai vain yksi. Liikaluku, ei tašaluku.

(Hautala, 1982, s. 413)

Kun männäh liäväh Roštuona, vaikka kuin myöhäh männäh, ta lehmät vielä muatah ruahallisina, niin tulou rauhallini kešä, mutta kun ollah lehmät šilloin levottomat, tuloy häisky kešä.

(Hautala, 1982, s. 414)

Rastavan aigua pietäh languviyhtii pieluksen al muates. Kenen kel sit unis kangastu panet, sen ristikanzan suat anopikse.

(Hautala, 1982, s. 426)

Roštuona — ”Hristos roždajetse”... Käydih nuoret ”sluavimah” talolois’s’a. Suahah d’engua da sriäpn’yä. Muata pandih aigazeh, huomenekšella nostih nel’l’än da viijen aigah.

В Рождество поднимаются рано, в Крещение рано и на Пасху. Никому не надо бы спать, не надо и разуваться. Кто в эти дни босиком ходит, тот летом ногу ушибёт.

(Vuonnini — Войница)

Утром в Рождество, как подметут пол, сор нужно вынести на перекрёсток трёх дорог. По какой дороге придёт первый гость-мужчина, по той же дороге и сваты приедут в начавшемся году.

(Sortavala — Сортавала)

На Рождество гадали. Подметали пол и сор выносили на середину дороги. Если на сор прилетала сорока, то того, кто относил сор, ждала свадьба.

(Tulejärvi — Туломозеро)

Утром в Рождество ходят слушать, какой год будет; можно услышать и события старого года. Слушают на пороге риги, закрыв уши платком, или на пороге амбара, или же на перекрёстке трёх дорог, куда относят сор, после того, как подметут избу от дверей к окнам. Слушать ходят втроём или впятером, или в одиночку. Слушающих обязательно должно быть нечётное количество.

(Vuonnini — Войница)

Когда в Рождество идут в хлев как угодно поздно, а коровы лежат спокойно, то и лето будет спокойное, но если коровы в это время беспокойные, то и лето будет беспокойное.

(Vuonnini — Войница)

В Рождество на ночь под подушку кладут моток ниток. С кем во сне будешь ткацкий станок заправлять, та женщина и будет твоей свекровью.

(Suojärvi — Суоярви)

В Рождество — «Христос рождается...» Молодёжь ходила по домам «славить». Давали деньги, стряпню.

Ложились накануне рано, утром вставали в четыре,

Kävel'dih nuorizo, podroskat. Olii kyžyjšyä da niiššoida. Kävel'dih köyhemmät. Koroba on.

Hoš ken tullou taloh, se on položeno — kyžyjšyä ilman el'ä t'yön'ä, ilman miilostinua. Muamo šano: "Hoš, šanou, ken tullou, ollou ni, hot' kartohkua anna, libo paissikašta, nagrist'a".

Taloh tuldih, kyžyt't'ih: "Voitgo t'eil'ä "Hristos sluavie?" Lampattaizen virit'ät, hiän rubieu Hristos sluavimah... Pajattau: "Hristos roždajetse, slavite..." Še on Roštuon raju...

Dai lapset kävel'dih. Toizešta kyl'äst'ä tullah, pienist'ä kylist'ä. Huutora ku on pieni. Jo pruzazniekakši tulou t'äh fatieralla. I läht'öy kyla myöt'en. Hän jo t'ied'äy: t'änpiän koroba on t'äyži. Ollou hän'el'l'ä kattilaini, hän'el'l'ä maiduo pannah, rahkua miskah pannah.

Šilloin vet oldih kyžyjšät. Muin'ein ei ollun penzied'ä.

... A kumbani on mesnoi, sil'l'ä pruzazniekkana viijäh iče eman'n'ät, akat jo tiijet'äh...

(Степанова, 2000, с. 264–265)

Rastavan aigua miärätäh latettu kengäl. Ku et suanne kogo kengän paikkua jiamäh seiniä vaste, suat lesken ukokse libo mučokse, ku jännöy kogo kengan paikku, suat brihan ukokse libo neidizen mučokse.

(Hautala, 1982, s. 426)

Roštuošta lähtietäh zbornoit.

(СКЯ тв, с. 288)

Huhl'akkana käveldih Roštuošta uudeh vuodeh šuaten.

(СКЯ тв, с. 58)

Lapset tullaa Kristuo sluavimaa da emän'd'ä käski, siid'ä pajatetaa: "Rostuo noštuo, kil'edua, koledua, emän'd'äne-ehtolane, paissa l'ammin kakkarane, kiel'yt't'ä kiän'diässä". Talošta taloo. Ken andau kakkarane, šen paistau. Ken andau [kopeikan] kopeikka silloin vet oli se kal'l'is. Roštuona dai uudena vuodena käyd'ii kirikköo toože. Kirikön jäl'gie t'ädä ruataa.

Roštovana murginaa sua ei käydiä ni kunna, murginan

в пять часов. Ходила молодёжь, подростки. И нищие были. Ходили, кто победнее. С коробом.

Хоть кто придёт в дом, было положено — просителя/нищего без милостыни не отправлять. Мать говорила: «Хоть, говорит, кто придёт, если нет ничего другого, подай картошки либо пареной репы».

Заходили в дом, спрашивали: «Можно ли у вас Христа славить?..»

Лампадку зажжёшь, и начинают Христа славить. Пели: «Христос рождается, славьте...» Это рождественский стих...

И дети ходили. С других деревень приходили, с небольших деревень. Маленький ли хутор там. Уже на время праздника приходит на квартиру. И отправляется по деревне. И уже знает: сегодня короб будет полный. Если с собой кастрюлька, то и молока ему нальют, творогу дадут в миску.

Тогда ведь были нищие. Пенсий не было раньше... А кто местный [бедняк], тем уже в праздники сами хозяйки и несут, знают...

В Рождество меряют пол сапогом. Если у кого-либо из гадающих вдоль стены не поместится весь сапог, то он женится или выйдет замуж за вдовца. Если вдоль стены поместится весь сапог, девушка получит в мужья парня, а парень в жены — девушку.

(Suojärvi — Суоярви)

Сборища начинаются с Рождества.

Ряженные ходили от Рождества до Нового года.

Дети приходят славить Христа, (если) хозяйка решает, то они поют: «Хозяюшка-голубушка, спеки тёплый блин, языком поворачивая» (т. е. «за разговорами»). (Так) из дома в дом. Кто испечёт блин, кто даст копейку, копейка ведь тогда дорогая была... На Рождество и в Новый год ходили в церковь. Вот после церкви и делают (про христославенье).

На Рождество до обеда никуда не ходят, как

syöd'yö kävel'dii kizaa. Kiza, šuorittaa guarustoih da kai kizaa, siid'ä panna päivälounan syöd'yö toizet tuassen prostoimmat sobad, niin vot piettii iel'l'ä pruaznikkoja. Siid'ä Roštuosta tuas šen Vasil'jaa sua aino niin päiväkezroo, n'ain assutaa, kävel'l'ää, ruado oteeta käd'ee, t'yt'öt šuorittaa.

(Конкка, 1980, с. 101–102)

Roštuo on enžistäh, siitä vasta Vieristä. (Roštuona) ajeldih, muin'e vielä ajeldih, kylyä myöt'e hepozilla ajeldih... vain lentad liehutah... Ajeldih ymbäri kylästä, tuosta... Mikan randa, siellä kylyä myöt'e, myötäh päiväyän näin matattih. Oi, väkie, kuin monda hevoista, šuuret čillit. "Купи, барин, не скупись, со мной съезди, веселись" — čillih kirjutettu oli, meillä on čilli. /Laulettihko? /Ka, buittei, laulettih, dai t'yt'öt laulun kera matatah, da garmon'oijen kera (ajellah), da... /Mitä laulettih? /Ka, kaiken'moist'a virt't'ä, ka, ei pohabnoita laulettu kuin nyt... Da niin is's'uttih. Muutoma poika t'yt'ön käy, dai ajelutti, mielitiättävän, no...

(Конкка, 2003a, с. 396)

08.01 (26.12) — Rastavanjumaldoman päivä, Roštuonjumaltovanpäivä, Rastavad'umaldomanpäiv

Rastavanjumaldoman päivä — toine Rastavan päivä.
(KKS, V, s. 163)

Toizesta päivästä Roštuota läht'iet't'ih gul'ašnikoiksi... (Taloloissa) šilma ei tundieta, hyö kävelläh ymbäri siusta, kačotah, sie pualikkazella lossit.../Oli ko jokahizella pualikka?/Pualikkaizet jokahizella, gul'ašnikoilla oli pualikkaizet, jotta ei ni ken heitä liikkuttais./Yritettihkö kaččuo?/Mindäh že ei! No, yksi oli Anni Šuarella, ka šehan oli šemmoni, jotta se mäni jokahizelda kiškomah da kaččomah, semmoni oli (nau-raa).

Kun myö läksimmä kerran, meijän Vasken tyttären hiäd oldih enžipiänä, toizena piänä myö läksimä gul'ašnikaksi... mie, Helmi, miun čikko, sitä miun

отобедают, отправляются на игрища. Одеваются в гарус (гарусный сарафан), и все — на беседу, а потом, после полдника, надевают уже другие наряды, попроще. Так вот раньше праздновали. Потом опять с Рождества до Василия девицы наряжаются, так вышагивают на супрядки днём, пряху с собой носят.

(Jouhvuara — Евгора)

Сначала бывает Рождество, после него только Крещение (наступит). На Рождество катались, раньше ещё, бывало, катались на лошадях по деревне, только ленты развевались... Катались по деревне, отсюда, от берега Мика вдоль по деревне, по солнцу так и катались. А народу! Сколько лошадей! Бубенцы большие... «Купи, барин, не скупись, со мной съезди, веселись» — было на одном из них написано, у нас дома сохранился такой.

/А пели ли? /Будто нет! Пели, и девицы катаются с песней, да и с гармониями тоже, да.../Что пели? /А всякие песни, да не похабные песни, которые нынче поют... Да и так сидели (без песен). Несколько парней девушек прокатят, зазнобушек своих, но...

(Puan'arvi — Панозеро)

08.01 (26.12) — Второй день Рождества, Собор Пресвятой Богородицы

День Рождественской Богородицы — второй день Рождества.

Со второго дня Рождества отправлялись гуляшниками ходить.. (В домах) тебя не узнают, они ходят вокруг тебя, смотрят, а ты палкой машешь.../У каждого палка была?/Палки у каждого, у гуляшников палки были, чтобы никто их не трогал./Пытались проверить что-ли?/Будто нет! Вот, одна была, Анни с Острова, так она такая была, что каждого старалась раскрыть да посмотреть, такая вот была (смеётся). Один раз мы отправились, у нашего Васке, у доче-ри его свадьба была в предыдущий день, а на другой день мы гуляшниками пошли... я, Хельми, моя сестра, потом соседка моя... вчетвером отправились.

susseda... nel'än myö mänimä. Mänimmä enzimäksi Iivanan luo, nuoremman vellen luo. Pl'äššimä, Helmi pani vanhat kal'sonat, ukkoh, jalkah... Yksi oli päretä, niinko buitto viululla, soittau, a mie olin metsäs-täjänä, miulla oli pyssy ta siitä niätän škurkka tässä, da kattilani toizessa puolen (nauraa)./Ihan oikie pyssy?/No, silloin že oli joka talossa pyssy./A piässä mitä oli?/A piässä oli huilu, lakki piässä da huilu, jotta ei näkynyt... No, ta siitä navettaniekka oli, se oli miun nuorin sizär, hiän pani — meijän äiti ruato navetas-sa — hän pani sen halatin piällä da šuuren fartukan, riibuškat kengät jalkah, da...

Siitä myö mänimmä taloh. Emändyä eulun koissa, a izändä oli. Myö mänimmä hänen luo. "Terve, terve, tul-kua. No, mitä työ tiijättä, da mitä työ miulla šanotta". Ni myö ken laulamma, ken pl'äšsin, ken mitäi, kaik-ki hurššit tukkuh panimma. Hiän šanou: "No ket työ oletta, kun mie en tunne, ket työ oletta?" Emmä myö virkkan ni mitä, jotta ken myö olemma.

No, a sillä aikua tuldih miun velli Vaske da siitä sus-seda hänen tuldih tože gul'ašnikaks. Vaskella oli kon-dien se, tal'l'a pandu piällä, sivottu.../Minä vuonna se oli?/Se oli viiskymmendä... vain kuuskymmendä jo vuotena./No, näyttelikö hän sitä kondieta? Millä tavalla?/Ka, näytti hän sitä./Kävelikö hän nelinkon-tin?/Käveli da pl'äšši, takajaloillah bringutti (nau-raa)./Mörisikö vai?/Ka, no. Poika oli hänen keralla, sussedan poika, käveli hänen kera. A meitä oli nel'l'ä. A siitä myö jo joukossa kaiken kävelimmä./Ihan joko ta-lossen?/Ihan joko talossa! A silloin tulija ei ollun, näitä, sähköä, a vain lampat. A muutomassa talossa on rappu-zet pität da paharaizad, siellä sitä ku mutirkallah tulet (nauraa) ...

/Tekikö ne gul'ašnikat pahuo?/Ei hyö pahuo, muu-tomat, vot, kun koikapuolini, hyö šalvattih trubie, no miksi trubat šalvata, vet siitä kiukua šavuamah rupieu, da kai... Ili že näillä, oven piällä pandih, vejettih reki, jottet piäse pirtistä... vezikorvoja kuattih, da ken mi-täki. Peitettih niitä, čunie, tuakše huonehien kunne kaččo pandih peittoh, halkopinoja kuattih, da...

A siitä kävelläh kuundelomah, nuorizo, naprimer... siitä lähet gul'ašnikkana, mänet kuundelomah tuoho,

Сначала пошли к Ивану, моему младшему бра-ту. Плясали там, Хельми надела старые кальсоны мужнины... Одна лучиной (водит), будто на скрип-ке играет, а я была охотником одета, у меня было ружьё, да шкурка куницы здесь, а котелок на дру-гом боку (смеётся)./Настоящее ружьё?/Да, тогда ведь в каждом доме ружьё было./А что на голове-то было?/А на голове был платок, шапка на голове и платок (под ней. — Прим. сост.), чтобы не видно было... Да ещё скотницей была наряжена, это моя младшая сестра была, она надела халат этот да боль-шой фартук, рибушные ботинки на ноги, да...

А когда мы в дом пришли, то хозяйки дома не было, а хозяин был. Мы — к нему. «Здравствуйте, здрав-ствуйте, проходите. Ну, что вы знаете, да что вы мне расскажете?» А мы — кто петь, кто плясать, кто что — все половики смяли в кучу. «Ну, кто же вы та-кие, никак не могу узнать, кто такие?» А мы — ни слова не сказали, не признались кто такие.

Ну, а в это время как раз пришёл мой брат Васке да со-сед его с ним, пришли тоже гуляшниками./Когда это было?/Это было в пятьдесят... или в шестидесятых уже годах было. У Васке была медвежья шкура на-дета, привязана./Изображал ли он медведя? Каким образом?/Да, изображал./Ходил ли он на четверень-ках?/Ходил, да и плясал, да задними ногами дрыгал (смеётся)./Что, и рычал тоже?/Да, да. Ещё мальчик был с ним, сын соседа, ходил с ним. А нас четверо было. А потом мы уже вместе все обошли./Что, в каждом доме были?/В каждом доме! А тогда света не было, этого электричества, а только лампы (керосиновые. — Прим. сост.). В иных домах лестницы длинные да про-худившиеся, оттуда кубарём спускаешься (смеётся) ...

/Гуляшники безобразили как-нибудь?/Да не то что-бы худое что, вот некоторые, которые поздоровее (?), те закрывали трубы (снаружи. — Прим. сост.), ну, зачем трубы-то закрывать, ведь печка дымить будет, да всё такое... Или же дверь припирали, навалят сани, что и из избы не выйти... воду из кадок выливали, да кто что. Прятали, эти самые... подсанки — за дом куда-нибудь спрячут, да поленицы сваливали, да...

kirikön lukkuh, käymmä kuundelomah. Da siitä do-rogavierih, missä on nel'lä dorogua lähtöy, no siihi is't'uvvut... hirven tal'l'an libo min kaččo alla... Vain ei pie jättyä ni mitä, jotta et kierrä. No, i siitä kuin äijä sopiu siih, is't'uvvut sen tal'l'an alla i kuundelet. Yksi siitä veičen kera kiertäy sen, jotta ei meččähäni tuliz da ei veiz... siitä kiertäy, da lukou sitä mitä lukonou sielä. No, a siitä sen veičen pistäy lumeh, jotta kuni kuulumah rupieuh, ku kuuluu... jottei ni ken tulis sinne liikuttamah, häiriččömäh. No, ni siitä kellä mitä kuuluu. Kellä kuuluu jesli sielä d'yvyä kylvetäh, se bohatta lienöy... kellä kuuluu mistä päin kričkuttau tulla kylmissä kengissä, sinne päin se mänöy miehellä ili sielä päin tulou hänellä se ukko-päiväni lienöy (nagrau).

(*Конкка, 2003a, c. 399–401*)

Suurisyndy, Syndy, Vierissänsiga, Vierissäns akka, Šynd

Rastavua vaste Syndy heittähes taivahaspäi.
(*СКЯ ливв, c. 355*)

Suurisyndy syöttäizeni, läkkä miul keral kaččomah, i vardoimah, i kuulu miulleni, midä täl vuuvvel roih elosta.
(*KKS, V, s. 585*)

Suurisyndy Rastavua vaste synnynpiän tulou mual.
(*KKS, V, s. 585*)

Anna hospodi tuonilmastu sijua, valgiedu ruajuu, Suu-rensynnyn bes'odua.
(*KKS, V, s. 585*)

— Mimmone oli Syndy, sinä etgo ole kuulluh? Mituine se oli Synny? Min muodone, min nägöne?

А ещё слушать ходили, молодёжь, например... пойдёшь гуляшником и слушать отправишься — к церковному замку ходили слушать. А потом у дорог, где четыре дороги (на перекрёстке), то там, бывало, и сядешь... лосиную шкуру или там что-нибудь под себя постелешь... только нельзя ничего неочерченным оставлять. Ну вот, сколько туда (гадающих) влезет, столько и сядут под этой шкурой и слушают. А один там (снаружи) обходит с ножом, чтобы леший не пришёл и не унёс... обходит и говорит слова какие-то там. Ну, потом нож этот воткнёт в снег, чтобы, когда слушать будут, никто бы их не тронул, не пришёл бы мешать. Ну, а там кому что слышно бывает. Кто услышит, что зерно там просеивают, значит богатым будет... кому слышно — идёт, скрипит в холодных башмаках, а откуда услышала, в ту сторону и замуж идти или оттуда к ней тот самый муж-солнышко придёт (смеётся).

(*Puan'arvi — Панозеро*)

Великий Сюдю, Сюдю, Крещенская свинья, Крещенская старуха

Перед Рождеством Христос спускается с неба на землю.

Великий Сюдю, кормилец, пойдём со мной смотреть и примечать и Расскажи мне, какая жизнь будет в этом году.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Великий Сюдю в Рождественский сочельник приходит на землю.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Дай, Господи, место на том свете, белый рай, беседу с Великим Сюдю.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

— Как выглядит Сюдю, ты не слышала? Какой он? Какой формы, какого вида?

- Kuulevai, posloovitsa on tämänmoine. Oi tulou nečie ukxes, gu Syndy. A myö nečis kyzymmö toiči moamoil dai boabuskal dai: mibo se on Syndy? A Synny se on semmoine suuri, sanou, gu hyvä, suuri heinysoatto. Kai, sanou, hovun salboau.
- A ongo se inehmizen moine vai ihmizen moine vai min žiivatan moine vai?
- Häi, minä točno kaikin...
- Ei ole sidä?
- Ei ole sidä.
- Gu heinysoatto?
- Da. A toičči vie kai sanotah heinysoatto. Toičči gu tieduijahhäi, savus tulou heinysoatton. Daaže iče näh-täh, santah: soatto kattiu, ičekseh tulou, i pr'aamo si-nuh. I pr'aamo sinuh.
- Se on paha, paha. No semmoine on pohoože. "Oi, nečis ukxes tulou gu suuri Syndy". Midä tämä tarkoit-tau: Suuri Synny — ei soa megäläizil ni objasnie.
- Häi on gu heinysoatto.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Узрайainen зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3265/75)

Svätkiz Rastavua vasta Syndy muale heitäh, sidä enne primietittih käydih kuundelemah, a Vieristiä vasta nouzou. Siid sidä kuunellah kelgi midä kuuluu.

(Волкова зап. в 1936 г. от Демоевой А., НА, 132/71)

- A kusbopäi Syndy heitty?
- Ga Syndy, santah, heitty taivahas. Da.
- Ga midäbo laittah sil aigoa?
- Ga en tiije midä. Daaže, konzu se Syndy zavodih, daaže Synnyn leibee pastettih.
- Kuibo sidä pastettih?
- Ga en minä sidä tiije.
- Et tiije? Kuulluh olet?
- Synnyn hattaroa pastettih. En tiije, se olluhgo lien-ne hapoi vai mi lienne. Synnyn, sanou, hattaroa pas-tettih. Synnyn hattaroa... Häi hattarat pidäyhäi. Sen olen kuulluh, a engo nähnyh, engo ole midä.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Узрайainen зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3265/59)

- Послушай-ка, пословица есть такая. Ой, входит в двери, как Сюдю. А мы тут иногда у мамы и у ба-бушки спросим: «Что это за Сюдю?» А Сюдю это такой большой, говорит, как хорошая, большая копна сена. Весь проход, говорит, закроет.

— А он похож на человека или на животное?

— Он, я точно всех...

— Этого нет?

— Этого нет.

— Как копна сена?

— Да. А иногда даже говорят: копна сена. Иногда как поворожат, так в дыму идёт копной сена. Даже сами видят, говорят: копна катится, сама идёт, и прямо на тебя. И прямо на тебя.

— Это плохо, плохо. Но такой, похоже. «Ой, тут в двери идёт, как Большой Сюдю!» Что это зна-чит: Большой Сюдю — нашему брату и объяснить нельзя.

— Он как копна сена.

(Jovenkylä — Улялега)

В Святки накануне Рождества Сюдю на землю спускается, раньше примечали, ходили слушать, а накануне Крещения поднимается. Потом его и слушают, кому что послышится.

(Piži — Обжа)

- А откуда Сюдю спускается?
- Так Сюдю, говорят, с неба спускается. Да.
- Что делают в это время?
- Так не знаю, что. Даже, когда Сюдю начинается, даже хлеб Сюдю пекли.
- Как его пекли?
- Так я не знаю.
- Не знаешь? Слышала?
- Портянки Сюдю пекли. Не знаю, блин это был или что. Портянки Сюдю, говорит, пекли. Портян-ки Сюдю... Он ведь портянки носит. Это я слышала, а не видела, и ничего.

(Jovenkylä — Улялега)

— Sarail. Sarailhäi heinee oli tukut sie suuret, sit sinne mennäh. Libo mennäh, nečidägoi, tiešoaroil mennäh. Sit en tiije, kui sie vie kohtu se kui sanotanneh, raukku, en tiije kui sanotah. Čertti vietäh. Sit sinne sih čertih... da vie hoduine jätetäh, sit sih čertih sinne kattavutah miltah. Sit sie kuunellah. Sit sie voijah zagadat' tože... akat raskažittih, što zagadaijah; kunnapäi gu mennen täl pyhäkeskel minä miehel, anna koiraine haukkuu. Sit znaačit kuunellah, sie istutah, istutah, sit vroode rubieu sie koiraine räyskymäh, kuultah koiraisen räyskehen. Sit znaačit sinä sil pyhäkeskel se tyttö menöy miehel. Ihan ozuttau napravleenien, kunnapäi häi menöy. Sen olen kuulluh tože.

— A äijgo ihmendy käi kuundelemah kerralle?

— Käi toiči joukot kävväh. A toiči voijah kahtei mennä, toiči yksinä. A toiči Syndyy ni kuunella ei. Iče kuuluu, Syndy iče kuuluu. Vot. Meijän Rupčois On'n'oin baba oli. Konzu tämä ennen voinoa häin kuuli, häin lähti Syndyy kuundelmah. Sit kuundeli, kuundeli Syndyy, iče häin raskaži. Sit tänne Jessoilähpäi, sanou, gu lehmy möngyi. Sit, sanou, lehmän mönggeh kuului. "Mi neče, — sanou, — čuudo roih? Synнынmoanaigah, — sanou, — lehmy möngyi." Sil vuvvel laitih raududorogu i pojezdu rubei, nečidägoi... Se ozuttihes hänel pojezdan röngeh. Pojezdan röngeh ozuttihes On'n'oin babal. Da-a.

— A käydih kuundelemah, pandihgo midä al vai... Istuttih vai seizottih sit lumel vai?

— Ga pandih... Kattavuttih... Naverno lumel, en voi minä sidä hyvin sanuu. Sanottih, što vroode kattavuttih — otetah valgei hurštine. Valgien hurstizen oal sinne kattavutah. Kattavuttih vroode. A moožet i muudu oli, minä en tiije.

— No a lähtielöil?

— A lähtielöil, lähtielöil minä čevo-to en tiije.

— Kyzyygo se Syndy mitä kuulijoi?

— Ga en voi minä sidä sanuu...

Syndyl kzyyttih.

— A midä hänel kzyyttih?

— Nu a kzyytäh, ken kui vorožiu, kačo, što ozuta koiraine, kunna miehel mennen, dak anna siepäi koiraine haukkuu. I koiran haukkuu sidä kuultih, räyskäy koiraine daaže opredelittih. Eräs, kačo, räyskäy räyskäjen

— На сарае. На сарае ведь были большие кучи сена, вот туда пойдут. Или на росстани пойдут. Потом не знаю, как это место ещё называют, этого не знаю, как ещё называют. Черту проведут. Потом туда, внутрь этой черты, да ещё проходик оставят, потом внутри этой черты накроются чем-нибудь. Потом там слушают. Потом там могут загадать тоже, женщины рассказывали, что загадывают: куда в этот Рождественский мясоед замуж выйду, оттуда пусть и собачка залает. Потом, значит, слушают, сидят там, сидят, потом вроде собачка начинает лаять, слышат лай собаки. Вот, значит, в этот Рождественский мясоед эта девушка выйдет замуж. Прямо показывает направление, куда замуж выйдет. Это я тоже слышала.

— A сколько человек ходило слушать за один раз?

— Иногда компанией идут. А иногда могут вдвоём пойти, иногда в одиночку. А иногда Сюдю и не слушают. Сам слышен, Сюдю сам слышен. Вот. У нас в Рубчейле бабушка Оннёй была. Она это до войны слышала, она пошла Сюдю слушать. Слушала, слушала Сюдю, она сама рассказывала. Потом отсюда, от Эссоилы, как будто корова замычала. Потом, говорит, мычание коровы послышалось. «Что это, — говорит, — за чудо? В Святки, — говорит, — корова мычала». В тот год построили железную дорогу, и поезд стал ходить. Это она услышала рёв поезда. Рёв поезда услышала бабушка Оннёй. Да-а.

— A как ходили слушать, что-нибудь клали под низ? Сидели или стояли там на снегу?

— Так клали... Накрывались... Наверное, на снегу, не могу это хорошо сказать. Говорили, что вроде накрывались — возьмут белую простыню. Белой простыней накроются. Вроде накрывались. А может, и другое было, я не знаю.

— A к прорубям ходили?

— A к прорубям я чего-то не знаю.

— Сюдю спрашивает что-нибудь у слушающих?

— Не могу я сказать... У Сюдю спрашивали.

— Что у него спрашивали?

— Ну, спрашивают, кто как ворожит, смотри, что, собачка, покажи, куда я замуж выйду, так пусть оттуда

kui reboihut räyskäy. A eräs suurembal eänel, daaže vroode miettuine sie on ženihi. Ongo häi ylen bojevoi vai on... roiteh räyskäččy moine.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Угрияйнен зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3265/61)

Syndy ei ozutannuhes, a oli Syndy, sanottih. Boabuška sanou, sie kerävyttih taloih kuundelema, a hihetetäh, da hohotetah, da nagretah. Sanou: ”Ainos kerävyttö neččih, ei pie Syndy kuunelta nagron kel da hihetyksen kel. Synnyn kuuneltes ei pie ni päivän pahoi paista, pidäy olla hyvin.” ”A ei, sanou, midä rodei!” A hyö ku ruvettih. Sanou: truväs teä tulou gu piiraivärtinästä, plital kirbuou. A boabuška päčil magoau, boabuška oli tiedäi. ”Nu, sanou, это ерунда! A kaččokkoa ikkunah nygöi, midäbo sie tulou! Sie, sanou, tulou gu heinysoatto, dorogoa myö tänne, vieröv.” ”Nu nygöi, sanou, lapset, veräit pidäv salvata!” Boabuška päčil lähti, sit veräit salbai, aminoiči sie kui pidi. En tiije kui. Sit, sanou, azetui. Sanou, butto sanou boabuškal: ”Hyvä, sanou, ennätit tulla salboamah. Ato, sanou, musteltus!” A sit baabuška sanoi: ”Kačo! Minä teidy kielän, pidäy olla hyväizilleh, a työ höhötättö da kaikkie! Ei soa, sanou, Syndy kuunelta nengaleite.” A sit heitettih käyndy, sanou. No en tiije, en tiije minä en. Minä en käynyh.

(Иванова, Миронова, 2008, с. 744)

Synnymmoan aigas Syndy moal kävelöy, 12 yöd om moan peäl. Syndy nähtih buit ennen vahnaz, matkai kui heinysoatto mustu libo kui čingoitettu hurst’i mual lendi peldoloi myö. Kykkyizilleh Syndy kuunelalah, pyhkimel katetah, yks čuras seizou šiizman kel, sid ei Syndy koske. Pidäy Synnyl porrastu pastoa Vieristeä vas(t) kokkoi (lähtendysynnynpeän).

(KKS, V, s. 607)

собачка залает. И слышали лай собаки, собачка лает, даже определяли. Одна собачка тявкает, как лисица. А другая погромче, даже вроде, какой жених будет. Очень он боевой или нет, ворчливый такой будет.

(Jovenkylä — Улялега)

Сюндю не показывается. Но Сюндю был, говорят. Бабушка говорит, собрались в доме слушать, а хихикают, хохочут и смеются. Говорит: «Всё время собираетесь здесь, не надо Сюндю слушать со смехом и хихиканьем. Когда собираешься Сюндю слушать, в течение дня нельзя плохо разговаривать, надо вести себя хорошо». «А, ничего не будет!» А они как начали! Говорит: из трубы выходят ну как скалки, на плиту падают. А бабушка на печке спит, бабушка была знахарка. «Ну,— говорит,— это ерунда! А посмотрите-ка сейчас в окно, что там идёт! Там,— говорит,— идёт словно бы копна сена, по дороге катится. Ну, сейчас,— говорит,— дети, дверь надо закрыть!» Бабушка с печки слезла, двери закрыла, перекрестила, как нужно было. Не знаю как. Тогда, говорит, остановился. Говорит, будто бы сказал бабушке: «Хорошо,— говорит,— что успела прийти закрыть! А то,— говорит,— попомнили бы!» Тогда бабушка сказала: «Смотри! Я вас предупреждаю, надо вести себя хорошо, а вы хохочете всё! Нельзя,— говорит,— Сюндю так слушать!» А потом, говорит, перестали ходить. Но не знаю, не знаю я. Я не ходила.

(Jessoilu — Эссоила)

В Святки Сюндю ходит по земле, 12 ночей на земле находится. В былые времена будто бы видели Сюндю, двигался как чёрная копна или как будто натянутый кусок мешковины (парусины) летал над полями.— Сюндю слушают (сидя) на корточках, скатертью закрываются, один в стороне стоит со сковородником, тогда Сюндю не трогает.— Надо для Сюндю «коккой» — лестницу испечь в канун Крещения, перед днём его ухода. (Kokkoi — продолговатые по форме лепёшки из жидкого теста из овсяной и ржаной муки.— Прим. сост.)

(Siämärvi — Сямозеро)

Enne voinoa oli. Lähtietih kirikön ručkah kuundelemah. Sit heile ručkan andoi. Sie tyrän. Pappi sie rinnal da papissah juostih sit pappi sanoj. Joga ikkunal pani poat kumalleh da sit äminöiči. Hyvä, sanou, tiezittö, tiedänys g'et ga. A sie ken hihettäy, ken midä. Sie ei pie nagroa lähtet, kuundele, kel kui ozuttav./ A oligo nähty syndy? / — Vot što net tak net. Syndy en, se on, naverno, en tiije gu čortu, naverno, Syndy. Hospodi, en tiije näit, en tiije! Enzimäi minä aiven varain, a nygöi en varoa ni.../ A kuspäibo häi tulou?/ Taivahaspäi heitty. Šestovo heitty, šestovo vaste. Sit vosemnatsatovo jo eäre lähtöy janvar'a. Syndy heitty toa yläheäpäi alah. Häin moadu myöte kävelöy ras heitty. A vosemnatsatovo eäre lähtöy... Sobia synnynmoanaigah ei pesty... Eigo lattieloi, eigo sobii pesty Synnynmoanaigah. Äijyg' on? Kaksi nedälie kaikkiedah on: 7–8–9–10–11–12–13–14–15–16–17. Kaikel kuul yksitoistu päiveä, kahtendeltostu eäre lähtöy. Voihäi olla pezemättä? Voi! Ei pestä, ei. Synnynmoanaigah ei pestä.

(Иванова, Миронова, 2008, с. 745)

Menöy sie rihty salbuomah. Enne ku riihytty ku pietih. Sie päčči lämbii. Salvata pidäy riihi kuivah. Menöy. Synnynmoan aigah on. Menöy. Hänel sie Syndy kobristau käin, sanou: ”Mi yksi?” Mužikku ei varavunnuh, sanou: ”Minä täs”.

- Mi kaksi?
 - Silmät piäs.
 - Mi kolme?
 - Svuaassu (?) [st'aganoin] jallat.
 - Mi nelli?
 - Lehmän nännit.
 - Mi viizi?
 - Käit da sormet.
 - Mi kuuzi?
 - Riessä kablahat.
- Sit mužikku piäzi.

(Рязгов зап. в 1966 г. от Жидковой Ф. М., ФА, 703/1)

До войны было. Пошли к дверной ручке церкви слушать. Вот им дало ручку. Килу... Но поп был рядом, до попа добежали, тогда поп сказал. На каждое окно положил горшок дном кверху да перекрестил. «Хорошо,— говорит,— знали, если бы не знал, то...» А там кто хихикает, кто чего. Не надо смеяться, когда пойдёшь, слушай, кому что покажется.— А видели Сюдю? — Вот чего нет, того нет. Сюдю — это, не знаю, это как чёрт, наверно. Господи, не знаю, не знаю! Раньше я всё боялась, а теперь не боюсь.— А откуда он приходит? — С неба опускается. Шестого опустится, перед шестым. А 18 января уже обратно уходит. Сюдю опускается оттуда, сверху вниз. Он по земле ходит раз опускается. А 18-го обратно уходит. Бельё во время «Земли Сюдю» (название зимних Святок. — *Прим. сост.*) не стирали. Ни полы, ни бельё не мыли и не стирали во время «Земли Сюдю». Долго что ли? Всего лишь две недели: 7–8–9–10–11–12–13–14–15–16–17. Изю всего месяца 11 дней, на 12-й обратно уходит. Можно ведь не мыть (и не стирать). Можно! Не моют, нет. Во время «Земли Сюдю» не моют.

(Jessoilu — Эссоила)

Идёт там ригу закрывать. Раньше ведь риги держали. Там печь топилась. Закрывать надо ригу, чтобы сохла. Идёт. Во время Святок («Земли Сюдю») было. Идёт. И ему там Сюдю руку сжал, спрашивает: «Что один?» Мужик не испугался, говорит: «Я здесь».

- Что два?
- Глаза на голове.
- Что три?
- Ноги у тагана.
- Что четыре?
- Соски у коровы.
- Что пять?
- Руки и пальцы на руках.
- Что шесть?
- Копылья в санях.

Так мужик освободился.

(Jessoilu — Эссоила)

Avandoo, avandoo, no. Talvella avandoo. Ka kuin? Pa-
net šukan jalгаа, l'ähет pal'l'ahin jalloin, hyppiät sin-
ne randaa, pal'l'ahin jalloin hyppiäd lunda myöt'en,
ei ole kyl'mä. Sillä aigoo, vet ei jalgoi kyl'mä t'yt't'ön
ollessa. Mänet avandoo jallan kassat, dai ei pid'än
jäl'l'epäin kačćuo, hyppiät kod'ii, dai viered moata, a
siidä unissa niät, kuin, značit, tullaa šukkoa, ken tulou
jallašta ottamaa, se lienou zenihhäksi. A jäl'el'l'ää päin
ku kačćot, ga hän läht'öy jäl'gie ajamaa. Yksi t'yt't'ö ku
jäl'el'l'ä päin kačćo, ni ku hein'ätukku jäl'gee vieri,
dai veräjää soa pordahii soa tuli. Hän ravušša pert't'ii,
dani malitvon kera veräjä umbee pandii kuin, ni unis-
sa n'ägi. Ožakaš olit, šanou, kergizid veräjän umbee
panna malitvon kera. Et olis kerinny ga mie olizin
ožuttan sukan kaššannan./A kenbo se unissa on ol-
lun?/A kenbo t'ied'äy, ken oli, ka Synd'y vain ken oli,
naverno Synd'y oli.

(Конкка, 1980, с. 106–107)

Enne piettih bes'odua. Yksi akku oli ku minä toine da
ainos pidi bes'odua. Käydih kai brihat i neidizet. Siit
tuldih svätkäт, hyö kaksitoštu neijjisty lähtieh päretty
kastamah lähties, dai kastetah lähtieh päriet dai tullah
kodiһ, sinne bes'odupertih pagoh ku kuultih rubei mi-
lienoo joves šuhizemah, moine rodih šuhu joves. Siit
hyö ku tullah sinne pertih da kaikin mennäh laučoin
ual. Hyö pöllästyтäh. Bes'odupertin ovvostau i panou
kaikil puat piäh. Kuulouhāi akku, ga kohun kel tulou
dai ukxen avuau da neidizil kaikil lykkiäy puat piäh dai
akal, kuitenkin piät katkai, ga ku oli puat piäs, ga siit
puat pakuttih.

Sie oli yksi briha moine. Häi tossu illan sanou: "Läh-
ten minä lähties jallan kastan". Dai menöy dai kastau
jallan, sit häi ei mene kodih a nouzou kohtah tädin lyö.
Häi ku menöy sinne ga rodih neče... kai ukset, ikku-
nat i truvat kai panou malitun kel salbah dai viertäh
hyö muata. Dai yöl tädilleh unis ozutah, sanou, što
časliivoi olit, ku panit veriät malitun kel salbah, eigä
minä händy dorogal tavannuzin ku lähtenys kodih, ga
siit häi mustellus, ei kastanus enämbiä da ni muidu ei
käskenys. Briha se oli minun tuatto.

(Волкова зап. в 1936 г. от Машкиной П. Е., НА, 132/91)

В прорубь, в прорубь, зимой — в прорубь. Наденешь
чулок на ногу, пойдёшь босиком, прибежишь туда,
на берег, босиком проскачешь по снегу — не холод-
но. Ведь в девичестве ноги не мёрзнут. В проруби
ногу намочишь, да нельзя было назад смотреть,
прибежишь домой и спать ляжешь, а потом во сне
увидишь, кто придёт (чулок) с ноги снимать — та-
кой и жених будет. А назад если посмотришь, то он
погонится вслед. Одна девица как назад посмотре-
ла, так (увидела как) копна сена за ней покати́лась
и до ворот, до крыльца дома гналась. Она в испуге
в избу убежала, да с молитвой как закрыли входную
дверь, так во сне услышала (голос): «Счастливая
ты, — говорит, — успела ворота закрыть с молитвой.
А если б не успела, то я показал (а) бы тебе как чу-
лок мочить». / Кто это во сне мог быть? / А кто знает,
кто это был, Сюдю или кто, наверно, Сюдю был.
(Prokkol'a — Юккозуба)

Раньше проводили бесёду. Одна женщина, как я,
всё время проводила бесёды. Ходили все парни
и девушки. Настали Святки, двенадцать девушек
пошли в проруби лучину мочить, намочили в про-
руби лучинки и приходят домой, туда, в бесёдную
избу убежали, как слышали, что что-то в реке за-
шипело, такое шипение в реке поднялось. При-
ходят они туда, в избу, и все залезают под лавки.
А (хозяйка) бесёдной избы догадалась и всем на
голову горшки надела. Слышит женщина, как
с шумом идёт, и дверь открывает и всем девушкам
и женщине горшки на голову бросает, всё-таки
всем головы свернула, как горшки были на головах,
так попадали.

Там один парень такой был. Он на другой вечер го-
ворит: «Пойду я в проруби ногу намочу». И пошёл,
и намочил ногу, потом не домой пошёл, а к своей
тёте (сестре матери. — *Прим. сост.*). Он как зашёл
туда, так стало... все двери, окна и трубы, все с мо-
литвой закрыла, и ложатся они спать. И ночью тёте
во сне приснилось, говорит, что счастливая была,
что двери с молитвой закрыла, а то я бы его по до-
роге схватила, как пошёл бы домой, так тогда долго

Vierissänakka tulou avannošta. Še kun oli ennein vanhah männyn muka še Vierissänakka järveh.
(KKS, VI, s. 594)

Šitä Vierissänakkua kun kuunneltih illalla ta huomenekšella.
(KKS, VI, s. 594)

- A etkö sie muista sellaista luvettih vielä ”Mikä yksi?”
- A še on šemmoni, kuulehan, männäh avannolla.
- Konsa se männäh?
- Vieristänä. Vähäistä ennen uutta vuotta. Männäh, sieltä tulou vejen oma ta antau siula voprossat.
- A mimmoni se on se vejen oma?
- En mie ole nähny. Mie vain olen kuullun.
- A onko ne akat nähny?
- En mie tiijä. Še noušou, antau voprosat. Jesli sie et šuattane, niin hän siulta piän ottau. No. Šiitä pitäy sih vielä varuštautuu. No.
- A miten se varuštautuu?
- Ka se niin, jotta kyšymykšet ken ni vanhuš šiula šanou, siitä lähet sieltä no. Hiän šanou, vetehini šanou:
- Mikä yksi?
- Minä tässä.
- Mikä kaksi?
- Silmät piässä.
- Mikä kolme?
- Pannussa jalkua.
- Mikä nellä?
- Lehmän nännie.
- Mikä viisi?
- Härkkimessä čorkkua.
- Mikä kuuši?
- Rejessä kaplašta.
- Mikä šeičcemän?
- Otavašša tähtie.
- Mikä kahekšan?

бы помнил, больше бы не мочил, и другим бы не велел. Этот парень был мой отец.
(Piži — Обжа)

Виэриссянакка, Крещенская баба, выходит из проруби. Говорят, будто в старые времена она ушла в озеро.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Крещенскую бабу слушали утром и вечером.
(Hietarvi — Хуетаярви)

- Не помнишь ли такого, когда читали ещё «Что один?»
- А это когда ходят к проруби.
- А когда ходят к проруби?
- В Крещение. Незадолго до Нового года. Идут, от туда приходит хозяйка воды и даёт тебе вопросы.
- А какая эта хозяйка воды?
- Я не видела. Я только слыхала.
- А женщины видели?
- Я не знаю. Она поднимется, задаст вопросы. Если не сможешь ответить, она с тебя голову снимет. К этому надо ещё готовиться.
- Как готовиться?
- Так, кто-то из стариков скажет тебе вопросы, потому ты пойдёшь. Он говорит, водяной говорит:
- Что один?
- Я здесь.
- Что два?
- Глаза на голове.
- Что три?
- Ножек у котла.
- Что четыре?
- У коровы сосков.
- Что пять?
- У мутовки зубцов.
- Что шесть?
- В саях копыльев.
- Что семь?
- Звёзд в Большой Медведице.

- Tynnyrissä vannehta.
- Mikä yheksän?
- Yheksän reikä ihmisessä.
- Mikä kymmenen?
- Kymmenen kynttä varpahissa.

(Лавонен зап. в 1983 г. от Терентьевой М.И., НА, 106/3,4)

Vierissän akka on liikkeellä Vierissän kesessä — Vierissän keski alkaa kolme päivää ennen Rostuuta ja loppuu kolme päivää ennen Vieristää — riihessä se puipi, läävässä lehmiä silittelö ja pakajaa, menestyykö ne hyvin tai huonosti, lypsää myös lehmiä; aitassa akka puurnuloita katselee ja pakajaa: tuossa puurnussa on sitä ja sitä, tuossa sitä, tyhjä on puurnut jne.

Muuten on akka semmoinen turjuksen näköinen, semmoinen suokale. Sanotaan: Vierissän akka da turjuhärkin.

(SKS, Paulaharju 4481. 1911)

Rostuonaattoiltana nousou avannosta Vierissän siga. Silloin algau Vierissän keski, se aika, jolloin ruvetaan kuutesiutumah. Rostuon da Vierissän välillä ei sua liikkuu tulen kera. Muga Vierissän siga vihuu tulta. Kun Vierissän pruasnikka on tullut, niin pappi mänöy jordanalla, kastau ristin avantoon; silloin muga Vierissän sigakin on painunut avantoon

(Niemi O., 574, SKS, 1936, Joosef Ragueff)

Šynd vedee mänöö. (Rastavu lopeh vienristimizeh, Vieristäh).

(LMS, s. 414)

14.01 (01.01) – Vuasil’l’u, Vasil’l’a, Vahnu Uuzi Vuoz, Vanha uuši vuoshi, Vahn uužvuož

Vasil’l’anpäiväks ku tapetah počči, Vasil’l’u tuaste tulien vuon uvven kazvattau.

(Hautala, 1982, s. 11)

- Что восемь?
- В бочке обручей.
- Что девять?
- Девять дырок в человеке.
- Что десять?
- Десять ногтей на пальцах ног.

(Амрарноі – Амбарный)

Крещенская баба появлялась в Святки — Святки начинались за три дня до Рождества и кончались за три дня до Крещения — в риге она молотит, в хлеву глатит коров и говорит, будут ли они здоровы или нет, доит коров тоже; в амбаре баба осматривает лари и говорит: в этом ларе то-то и то-то, там другое, эти лари пустые и пр.

Вообще баба вся такая неухоженная, рибушная, косматая. Говорят: «Крещенская баба и (как) деревянная мутовка».

(Vuonnini – Войница)

Вечером на Рождество выходит из проруби Крещенская свинья (Vierissän siga). Тогда начинается Виериссян кески (время между Рождеством и Крещением), тогда начинают кудесовать <...> Между Рождеством и Крещением нельзя ходить с огнём. Будто бы Виериссян siga не любит огня. Когда Крещение наступит, то поп идёт на иордань, мочит крест в проруби, тогда, будто бы, и Виериссян siga уходит в прорубь.

(Jyškärvi – Юшкозеро)

Сюндю в воду уходит. (Рождество заканчивается водокрешей, Крещением).

(Tivdii – Тивдия)

14.01 (01.01) – Василий, Старый Новый год

Если на Васильев день зарежут свинью, Василий на будущий год новую вырастит.

(Salmi – Салми)

Vasileina kun pität sosul'kat, keviä lienöy pitkä.
(СКЯ тв, с. 256)

Tuman uuvenvuon, talvi keskel kezii.
(KS, s. 527)

Tuman on lämmäksi. (Uvvenvuvven.)
(KS, s. 527)

Kun tähti kulgoo kuun iel, tuloo hyvä vuozii, izändä kazakkua eččii, a kuin tähti kulgoo kuun jälles, tuloo huono vuozii, kazakka izändää eččii.
(KS, s. 514)

Kun Uttavuotta vaššen oli tähtie äijä taivahalla, ta šiitä pakkašenšilmie muašša — niitä pakkašenšilmie mi kil'četti muašša — šanottih, jotta šiitä tulou hyvä marjavuoši.
(KKS, IV, s. 126)

Luajittih šiitä Uuvenvuuvven iltana tahtahašta šikoja šemmosie.
(KKS, VI, s. 440)

Vasileida vaššen valettih tinua, gadaidih midä taki liey.
(СКЯ тв, с. 298)

Tinanvalandulugu:
Hyödynet: hörčy,
kuadunet: kartu,
miehel mennet: venču,
parannet: parču.
(Hautala, 1982, s. 15)

Kuollen kartta, hyötynen horččä, miehel mänen venča.
(KS, s. 135)

Если на Василия длинные сосульки, то весна будет затяжной.

Туман на Новый год, зима посреди лета.
(Siämärvi — Сямозеро)

Туман к теплу. (В Новый год. — Прим. сост.)
(Siämärvi — Сямозеро)

Если звезда движется перед месяцем, будет хороший год, хозяин будет батрака искать, а если звезда движется за месяцем, будет плохой год, батрак будет хозяина искать.
(Suistamo — Суїстамо)

Если в канун Нового года на небе было много звезд, а на земле много инея, говорили, что в наступающем году будет хороший урожай ягод.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

В новогодний вечер из теста делали свиней.
(Uhut — Ухта-Калевала)

Накануне Васильева дня лили свинец, гадали, что будущее сулит.

Заговор при гадании на олово:
к богатству — фигура с торчащими отростками (с бугорками, украшение),
к смерти — корыто (в значении «гроб»),
к замужеству — венец,
к богатству — парча.
(Salmi — Салми)

Если умру, пусть будет корыто, если разбогатею — фигура с торчащими отростками (с бугорками), если выйду замуж — венец.
(Suojärvi — Суоярви)

Kun kuadunen, ga kartta, hyödynen, ga hörččä, vihittänoö, ga venča.
(KS, s. 135)

Ennein pruaznuičimma uutta vuotta Vasleida. Vasleida vaš valoma tinua: midä lieu miula tänä vuodena: kuolen ali miehellä mänen. Miehellä mänen, nin venčikkä langieu. Kuvahazeh kaččoma šeinäh, a kuolen, nin grobu. Panima ennein vettä stokanah i šinne panima kol'čazen. Miehellä mänemäh näh, nin šulahane tuli šinne, kol'čazeh, a kun muuda, nin muuda i talou.
(Пунжина, Семёнова зап. в 1966 г. от Сухичевой И. Н., ФА, 683/5)

Vejen käymmä avannolta, siihen panemma lunta, tinnan suletamma kauhasta, siitä siihen kuamma siihen ulkkuh, se lumeh mänöy, tulou hörčy, mit enämpi tulou hörčy, niin kuin pohatut sinä vuotena. Siitä vieläi ruamma sen jotta kassamma oikien kiän siihen veteh, tinaveteh, että siitäi niämme unissa kuvammo sinne i miehelle, se on ainai tyttärillä se miehelle mänö. Se oli aina.
(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Карповой А. Н., НА, 44/120)

Vasil'la se on Rostuosta n'ed'eli, kaksi n'ed'elie on Vierist'ää, no da siihi suate on Vierist'ää sua niin kävel'l'ää, huhl'akkana da kai. Suorittaa int'eresnoiloih šobii, ken suoriu hyvii, n'äid'ä olihän iel'l'ä räččin'äd n'e kirjutetud meil'ä ollaa, n'e panna n'äin, piäl'ekkää se t'ässä yhet, yhet kirjat piäl'ekkää, piäl'ekkää, no ken panou muurnin šuuban piällä, ken kuingi, ken suorieu miksigi ken štanid n'äin, eräs siiččoih, hyvih sobii niihi šerst'anoiloih niuh suorieu, šulkkupaikat kai n'e, t'ähä fata tol'kko panna, štobi ei n'ägyis t'ässä roža. Senin i brihat. Ken briha hän možet suorieu t'yt'öksi, t'yt'tö suorieu brihaksi. Illoilla, dai päivällä käyd'ii. Mid'ä ei sano, pl'äššit'ää, toičči soitto se mi otetaa käd'ee, yksi soitto, toižet pl'äššit'ää konža kandrelie, konža niin, konža midägi siel'ä pualikka kiässä,

Если умру, то пусть будет корыто, если разбогатею — фигура с торчащими отростками (с бугорками), если обвенчают — венец.
(Suistamo — Суїстамо)
(Варианты: KS, s. 91, Ilomantsi, s. 92, Videll)

Раньше праздновали Новый год, Василия. Накануне Василия лили свинец: что будет у меня в этом году: умру или замуж выйду. Замуж выйду, так венчик упадёт. Смотрели на тень на стене, а умру, то гроб. Раньше наливали воду в стакан и туда клали колечко. К замужеству в колечке появлялся жених, а если что-то другое, то другое и появится.
(Halla — Морозовка)

Брали воду из проруби, туда клали снег, растапливали свинец из ковша, потом выливали, он в снег уходит, образуется ветвистая фигурка. Чем больше фигурка, тем больше разбогатеешь в этом году. Ещё делаем так: намочим правую руку в этой воде, куда лили свинец, чтобы во сне увидеть, как высохнем, туда и замуж пойдём, это всегда девушкам надо знать, куда замуж идти. Это всегда было.
(Kiestinki — Кестеньга)

Василий — это через неделю после Рождества, а через две недели — Крещение, и до Крещения так ходят — хухляками (ряжеными), да по-всякому. Одеваются в интересные одежды: кто одевается в хорошее, у нас раньше были рячины (рубашки) вышитые, их надевают так — друг на друга, так одна, на неё ещё одна, сверху ещё, ещё... Кто надевает шубу на выворот, кто как, кто кем оденется, кто штаны наденет, кто ситцевый сарафан, в хорошие одежды, в шерстяные оденется, шёлковые платки (надевали), сюда (на лицо) фату только накинут, чтобы лица не видно было. Так же и парни. Кто-нибудь из парней, тот девицей нарядится, а девица парнем оденется. Вечерами да и днём ходили. Ничего не говорят, пляшут, иногда инструмент

eräs vielä kaččou šid'ä da erähät iče ožutetaaže da kušša talossa ollou päiväkezronikkua libo mid'ä siid'ä gost'itetaa viel'ä, ku ožutetaaže, no ožutetaa rožat — toičči.

Koirua haukutettii kävel'dii, kellä ku koira haukkuu n'ain yl'en čuastoizee, niin i zenihä se lienöy, a kel'l'ä nu n'ain hau-hau, mado vetten, se rubieu harvazee pagizomaa, se mužikka.

(Конкка, 1980, с. 102)

Uvven vuvven vastazel illal mennäh kenen nägemätäh tiedämättäh yksinäzeh pertih. Keral pidäy olla zirkalo, venčusormus da tukku tieton piäs. Zirkaloh kaččojen pujoitetah tukku sormuksen läbi da pietäh tukku mollembas n'okas kiini. Kahtentostu čuasun aigah yöl sormus heiluu tukas. Sen heilahtuksis sinnetänne suau lugie oma igä.

(Hautala, 1982, s. 16)

Kolme tyttyö vei korendon da ubehen Uvven vuvven yöl kolmen tien tiešuarah. Kaksi tyttyö nosti korendon da pidi sidä aiga korgiel ylähän, kolmas tyttö hypitytti uvehtu sen piäliči. Min kerdua uveh hyppäi piäliči, ku sen jallat ei käydy korendoh, sen verran vuottu pyzyi tyttö vie miehele menemättäh. Ku hevон jallat kolah-tettihes korendoh jo enzi hypyl, piäzi tyttö jo tulijannu vuonnu miehele. Uvehtu hypitti vuoron mugah korendos piäliči jogahine tyttö, ken sit oli.

(Hautala, 1982, s. 17)

Tyttö šuau tietyä, minne päin miehellä mänöy, kun illalla uutta vuotta vaššen käy minnih talon pinošta varaštamašša halon ta šen pissyttäy lumeh. Minne päin halko yöllä kuatuu, šinne joutuu miehellä.

(Hautala, 1982, s. 19)

какой-нибудь с собой носят — пляшут когда кад-риль, когда и так, что придётся, кто и с палкой в руке... кто-нибудь ещё проверяет (пытается опознать ряженого), а иные и сами раскрываются, а если в избе ещё супрядки (или складчина) идут, то его и угостят за то, что раскрылся. Иногда ведь открывали лица.

Ходили «собаку заставляя лаять». У кого (кто услышит, что) собака лает очень часто, частит, значит, и жених так же (быстро и много) говорить будет, а у кого так: «хау-хау», вот ведь мадо (руг., букв. «змея»), то мужик будет неразговорчивый.

(Jouhvuara — Евгора)

Вечером в канун Нового года идут незаметно для окружающих в одинокую избу. С собой нужно взять зеркало, венчальное кольцо и волос с головы своего парня. Смотря в зеркало, волос продевают сквозь кольцо и держат волос за оба конца. В 12 часов ночи кольцо закачается на волосе. По его качанию из стороны в сторону можно сосчитать, сколько лет проживёшь.

(Sortavala — Сортавала)

В новогоднюю ночь три девушки приводили жеребца и приносили коромысло на перекрёсток трёх дорог. Две девушки поднимали коромысло и держали его довольно высоко, третья девушка заставляла жеребца прыгать поверх коромысла. Сколько раз жеребец прыгал через коромысло, не касаясь его ногами, столько лет девушке не выйти замуж. Если ноги жеребца стукнулись о коромысло при первом прыжке, уже в наступающем году девушка выходила замуж. Жеребца заставляли прыгать через коромысло все девушки, участвовавшие в гадании.

(Sortavala — Сортавала)

Девушка может узнать, куда выйдет замуж, если вечером накануне Нового года украдёт из чьей-либо поленицы полено и воткнёт его в снег. В какую сторону полено упадёт ночью, туда и замуж идти.

(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Tikku hallattih, ragoh azetettih toine tikku da sytytetih palamah. Minnepäi palaju tikku sit pirskahti, sinnepäi piäzi miehele.

(Hautala, 1982, s. 20)

Illal uuttu vuottu vaste pidäy panna kaglah länget, kudamat oldih hevol pokoiniekkua kalmoile vedäjes. Sit pidäy mennä peitoči ikkunan uale syöndyaigah. Kačotah sit längilöin läbi ikkunas pertis olijoi. Ku kentaah ozutah ilmai piädy, sit häi kuolou sinä vuon, ku kaikil ollah piät, ei sinä vuon kuole niken sit taloispäi.

(Hautala, 1982, s. 21)

Märgy sukku pannah pieluksen uale uvven vuvven yökse. Ken tulou kuivuamah, se tulou sulhazekse.

(Hautala, 1982, s. 22)

Tytöt šuahah tietyä, minne miehellä männäh, kun uuvven vuuvven iltana muata ruvetessah kaššetah oikien paijanhiemuan avannošša. Kenen talošša on unis sa šitä kuivuamašša, šinne miehellä mänöy.

(Hautala, 1982, s. 22)

Uvven vuvven yöl kastetah paijan hiemai tinavedeh, da sanua virkkamata mennäh muate. Ken tulou yöl sidä hiemuadu kuivuamah, se on tulii ukko.

(Hautala, 1982, s. 22)

Tinanvalanduvies pidäy naimattomal tytöl kastella paikkua da panna se piäh muate mennes. Unis tuou tuliju sulhaine uvven, kuivan paikan.

(Hautala, 1982, s. 22)

Uvven vuvven yökse pannah luzikku pieluksen uale. Unis nähtäh tulien ukon kuva.

(Hautala, 1982, s. 22)

Спичку расщепляли вдоль, в щель вставляли другую спичку и зажигали её. В какую сторону летели искры, туда и замуж идти.

(Salmi — Салми)

Вечером накануне Нового года нужно надеть на шею хомут, который был на лошади, что везла на кладбище покойника. Потом надо незаметно пойти под окно дома, где в это время едят. Сквозь хомут смотрят в окно на находящихся внутри. Если кого-то увидишь без головы, то он умрёт в этом году. Если у всех будут головы, в этом году в этом доме никто не умрёт.

(Imbilahti — Имтилахти)

В новогоднюю ночь под подушку кладут мокрый носок. Кто придёт его сушить, тот и окажется женихом.

(Korbiselgä — Корбисельга)

Девушки могут узнать, куда выйдут замуж, если в новогодний вечер, перед тем, как лечь спать, намочат в проруби правый рукав рубахи. В чьём доме будешь его сушить во сне, туда и замуж выйдешь.

(Pistojärvi — Тухтозеро)

В новогоднюю ночь рукав рубахи окунают в воду, куда лили олово при гадании, и, не говоря ни слова, ложатся спать. Кто ночью придёт рукав сушить, тот и будет будущим мужем.

(Salmi — Салми)

В воде, куда лили олово, незамужняя девушка должна намочить платок и надеть его на голову, ложась спать. Во сне будущий жених принесёт новый, сухой платок.

(Sortavala — Сортавала)

В новогоднюю ночь под подушку кладут ложку. Ночью приснится будущий муж.

(Sortavala — Сортавала)

Uvvennuvuon kielastetah toine tostu, tinua valetah da piiroa luajitah, viinua juvvah, zirkaloh kačotah.
(KKS, VI, s. 440)

Hyvä oza tulou taloih, ku uvven vuvven enzimäzenny huondeksen pyhkitäh pertin late uksičupuspäi peräle päi.
(Hautala, 1982, s. 9)

Enzimäzenny uvven vuvven päivänny ei suannuh pyhkie latettu pertis da čakata lapsii; uskottih, sit lapsis tullah hyvätabazet da hyvä oza tulou taloih tulien vuvven aijakse.
(Hautala, 1982, s. 10)

Ku olis tulluh täydeläine vuozii vil'l'as, viettih enne ainos ahtos riiheh uvvekse Rastavakse. Sit ei suannuh riihi olla tyhjänny (ahtos — se miäry vil'l'ua, kudai kerdah syndyy riihen ahtosparziloil kuivamah).
(Hautala, 1982, s. 12)

Uuvven vuuvven yönä tyttö kylväy ošrua oman makavošijan alla. Kumpašen talon pellolla on yöllä leikkuamašša, šinne mänöy miehellä.
(Hautala, 1982, s. 23)

Šuau tietyä kellä miehellä mänet, kun illalla uutta vuotta vaššen luajit muata menneššä puikoista kaivon pielukšen alla. Yöllä unissa mänet hakemah vettä šen talon kaivošta, kumpašešša on sulhani.
(Hautala, 1982, s. 23)

Uuven vuvven yöllä tytöt piettih muates piän al yhteh kuoreh kuoritettuu nagristu, ku voidas nähtä tulien sulhazen unis.
(Hautala, 1982, s. 23)

В Новый год обманывают друг друга, льют олово и пекут пироги, пьют вино, смотрят в зеркало (гадают).
(Siämärvi — Сямозеро)

В доме будет счастье, если в первое утро нового года подмести пол от входной двери к передней стене.
(Suistamo — Суїстамо)

В первый день нового года нельзя было подметать пол в избе и ругать детей. По поверьям, в этом случае у детей будет хороший характер и счастье будет в доме весь наступающий год.
(Sortavala — Сортавала)

Чтобы в новом году не было недостатка в хлебе, в старину на новое Рождество в ригу всегда относили полную покладу снопов, чтобы рига не стояла пустой. (Поклада снопов — то количество зерна (снопов), которое можно просушить на колосниках в риге за один раз.)
(Sortavala — Сортавала)

В новогоднюю ночь девушка насыпает ячмень под свою постель. На чьём поле во сне будешь жать, в тот дом и замуж выйдешь.
(Kontokki — Контокки)

Узнать, за кого выйдешь замуж, можно, если вечером накануне Нового года, перед тем, как лечь спать, выложить под подушкой колодец из щепочек. Ночью во сне пойдёшь за водой на колодец того дома, где жених живёт.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

В новогоднюю ночь, чтобы приснился будущий жених, девушки клали на ночь под голову репу, очищенную [от кожуры] одной непрерывной лентой.
(Kurkijoki — Куркиёки)

Illalla uutta vuotta vaššen mennäh tytöt lammas-karsinah ta silmät ummešša otetah kiinni lampahan. Još še on pokko, niin sinä vuotena tyttö mänöy miehellä, još uuhi, niin ei mäne.

(Hautala, 1982, s. 24)

A patom ved' meil' on Uuž vuaž, Uut vuatt vaššen myä gadaičem. Inagda mänemm jovell, šial' avannošt šuavuštlemm kiviz'ii, jes'li šilii kivyt, to šomall viijit miähel'l', a kun r'aboi kivi to r'aboill. A kois's' panem poduškzen all štaniloi, br'ukii, što brih tulou meid' noššatmah. A to viäl' kaivz'en ruavamm, što kaivol' tulou ken juatmah, moož miun brih tulou, täl'l' i miähel'l' viijin. Da i viäl' gadaiččim, što z'irkloh kačot v dvenatsat' časof, kakš tuahušt vir'tät, nu täd on struašno. Kuil' l'yälöy yhel'l' t'ytel'l' šial' ožuttuuči, nin daž i houk-keni i kuali. Aha, a to viäl' gadaičemmo on bumaskuu poltam, bumaškašt vrod' viidiu to magil, to šial' ris't'i, nu myä i nagramm, "Navern tän vuaden kualemm".

Uuden vuaden šuar'ičtah čigankoill, roožill. Kävell'äh kyli myt't'en i kaartah, i muan'tellah, i gadajah i čigankoikš ruaduačtah. Kaikkeh luaduh luadiičtah uuden vuaden.

(Пунжина, 2001, с. 140–141)

Uvven vuvven yöl kävväh Syndyy kuundelemah. Mennäh moizeh paikkah, kus tie eruou kolmeš čurah, otetah mintah to žiivatan nahku korvile da viertäh vačalleh. Kus kuulunou suksien šuhineh, tulii sulhaine on vai suksimies, eigo hänel ole hebuo. A ku kuulunou hevон kello, sulhaine on bohattu.

(Hautala, 1982, s. 28)

Uvven vuvven yöl mennäh riihen uksen uale kuundelemah. Kahtentostu čuasun aigah siepäi rubieu kuulunou, ku sie taloin haldiet hälistäh. Pidäy varovazesti kyzellä, eiga riihen uksi voibi tulla silmile.

(Hautala, 1982, s. 30)

Вечером накануне Нового года девушки идут в загон к овцам и, закрыв глаза, ловят овцу. Если попадётся баран, то в этом году девушка выйдёт замуж, а если овца, то нет.

(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

А потом у нас ещё ведь Новый год, и в канун Нового года гадаем. Иногда пойдём на реку, там достаём из проруби камешки. Если камешек гладкий, то замуж выйдешь за красивого [парня], а коли неровный камень, то за рябого. А дома положим под подушку штаны, брюки: парень придёт нас будить. А то сделала ещё [из лучинок] колодец: на колодец кто-то придёт поить лошадь, может, мой парень придёт, за этого и замуж выйду. Да, ещё гадали: смотришь в зеркало в двенадцать часов [ночи], зажжёшь две свечи — но это страшно: как-то одной девушке показалось там [такое], что она даже с ума сошла и померла. Да. Бывало, ещё гадали: жгли бумажки, из бумаги получится там вроде могилы, то ли там крест. Ну, мы и смеёмся: «В этом году, наверно, помрём».

В Новый год наряжаются цыганами, [на лицо] маску. По деревне ходят и пляшут, гадают, обманывают, прикинутся цыганами. В Новый год всяко чудили.

(Semnouskoi — Семёновское)

В новогоднюю ночь ходят слушать Сюндю. Идут в такое место, где дорога расходится в три стороны, закрываются шкурой какого-либо домашнего животного (коровы, лошади) и ложатся на живот. Если послышится шорох лыж, то у будущего жениха нет лошади, только лыжи. А если послышится лошадиный колокольчик, жених будет богатый.

(Pomantsi — Иломантси)

В новогоднюю ночь идут слушать под дверь риги. В 12 часов ночи будет слышно, как духи дома шумят. Нужно осторожно задавать вопросы, а то дверь может упасть на голову.

(Salmi — Салми)

Uvven vuvven yöl mendih peitoči susiedan ikkunan alle kuundelemah. Midä kuului jogahizen kuundelijan vuoroh — hyviä libo pahua — pertis paistavua, sidä tuli sille kuundelijale algajan vuvven aigua tapahtumah. (Hautala, 1982, s. 30)

18.01 (05.01) – Vieristänsynnypäivy, Lähtendysynnypäivy, Vierissänsynnypäivä, Vederistänsyndympäiv

Vieristänsynnypäivy pyhitettih.
(KKS, VI, s. 594)

Vieristänsynnypäivän ei argie syvvä.
(KKS, VI, s. 594)

Lähtendysynnypäivän pidäy Synnyl piirastu pastua, Vieristiä vaste kokkoi.
(KKS, III, s. 594)

19.01 (06.01) – Vieristy, Vieristä, Vederist

Vieristäny hukkuine lapsi ellendäy, što päivy on jo pitkempi.
(KS, s. 574)

Vederistan aiga kätkydes viruunik lapš d’o dogadihe, što om päi pit’emb.
(LT, III, s. 386)

Vieristän jo hukkuine lapsi ellendäy, päčči liigua lämbiey.
(KS, s. 574)

Loppiezen aigah jo päčči päiväs kerran liigua lämbiey.
(KS, s. 251)

Vieristäny jogahizen pettäy maguamah valgieh päivässäh. Sendäh sinä huondes päiväl päčči lämmitetäh.

В новогоднюю ночь тайком ходили под окно к соседям слушать, о чём говорят в избе. Что слышали по очереди все слушающие, хорошее или плохое, то и ожидало их в новом году.
(Kurkijoki – Куркиёки)

18.01 (05.01) – Крещенский сочельник

В Крещенский сочельник постились.
(Salmi – Салми)

В Крещенский сочельник не едят скоромного.
(Siämärvi – Сямозеро)

В Крещенский сочельник, «сочельник ухода», надо для Сюдю испечь пироги, овсяные хлебцы.
(Siämärvi – Сямозеро)

19.01 (06.01) – Крещение

В Крещение маленький ребёнок понимает, что день уже стал длиннее.
(Salmi – Салми)

В Крещение и ребёнок, лежащий в колыбели, понимает, что день уже стал длиннее.
(Hal’d’ärvi – Галлезеро)

В Крещение уже и маленький ребёнок понимает, что печь дольше топится.
(Salmi – Салми)

В Крещение уже печка раз в день лишку топится.
(Suistamo – Суйстамо)

В Крещение каждый спит, пока не станет светло. Поэтому в это утро печь топят днём. Всегда говорят

Mainitah sananpolvi ainos: ”Vieristän jo hukkuine lapsi ellendäy, päčči liigua lämbiey”. Jo näit on muga pitky päivy, ga yö menöy lyhembäke.
(Hautala, 1982, s. 31)

Vieristänä ku nävytäh šeiččemen tähtie kauhazešša, liey že vuoži lammasvuoži.
(СКЯ тв, с. 334)

Vieristänaiguzet vilut, Vuasil’l’anaiguzet vuatropat.
(KKS, VI, s. 594)

Kreššen’n’alla kui on kylmä dai t’ähtie taivahalla — lienöy kuiva kežä, a kui lunda panou da taivaš on pilveššä — lienöy marjoa da šiend’ä.
(Степанова, 2000, с. 272)

Vieristän jälles päivä kezäh, ilma talveh.
(KKS, I, s. 436)

Vieristän yön Syndy nouzou taivahah.
(СКЯ ливв, с. 429)

Vieristy vinguu, Rastavu rauguu, Äijypäivy älisöy.
(KS, s. 574)

Vieristy vinkuu, Rastava raukuu, kiven alla kirkuu, äitan alla ampuu.
(KS, s. 574)

Vieristänä kuunnellah avannolla. Šiellä vieneläjä tulou pakinoilla. Ken ošuu sen kera vaštahakua paissa, šille vetehini kertou koko elämän. Šanotah: ”Pakajau kun vetehisellä vaštahakua”.
(Hautala, 1982, s. 33)

Vieristänä vesiristi, Makoveina toini.
(KKS, VI, s. 594)

эту пословицу: в Крещение и маленький ребёнок понимает, что печь лишку топится. День становится уже длиннее ночи.
(Salmi — Салми)

Если в Крещение видны все семь звёзд в ковшике Большой Медведицы, будет тот год удачным на овец.

Крещенские холода, Васильевские ураганы.
(Siämärvi — Сямозеро)

Если в Крещение холодно и небо звёздное, будет сухое лето, а если идёт снег и небо в тучах, будут ягоды и грибы.

После Крещения день — на лето, погода — на зиму.
(Suojärvi — Суоярви)

В ночь на Крещение Христос возносится на небеса.
(Вариант: KKS, VI, s. 594, Siämärvi)

Крещение визжит, Рождество ревет, Пасха галдит.
(Salmi — Салми)

Крещение визжит, Рождество ревет, под камнем кричит, под амбаром стреляет.
(Imbilahti — Имтилахти)

В Крещение гадают, слушают у проруби. Оттуда выходит поговорить водяной. Кто сумеет говорить с ним наперекор, тому человеку водяной расскажет всю его жизнь. Говорят: «Говорит, как с водяным, наперекор».
(Vioppini — Войница)

В Крещение водокреща (освящение воды), на Маковея — вторая.
(Kontokki — Контокки)

Vieristänä kuunnellah avannolla.
Šiellä vieneläjä tulou pakinoilla. Ken
ošuu sen kera vaštahakua paissa,
šille vetehini kertou koko elämän.
Šanotah: ”Pakajau kun vetehisellä
vaštahakua”.

В Крещение гадают, слушают
у проруби. Оттуда выходит
поговорить водяной. Кто сумеет
говорить с ним наперекор, тому
человеку водяной расскажет всю
его жизнь. Говорят: «Говорит, как
с водяным, наперекор».

Siid'ä Vieristä ku tulou, jäl'gikerda se, kirikössä sluuzitaa, männää, avando suuri, jordana vesset'ää t'ähä luajitaa järvee, siid'ä kuplitaa. Vielä männää kirikkö, niissä märissä sobissa, da eigo prostudittu en t'ie kuin, kuplittii t'yt'öt, a brihat ei. Sivotaa da kuin n'ain nuoraa da sobissa sielä laššelletaa. Siihi kirikkö kerrytää da hot' sie miuda pyrit'ät t'äned: "Läkkiä, mie rubien kuplimaa, t'yö piekkiä t'ästä". Hoikis's'a n'äissä sobissa, dani siidä kirikkö hypät'ää, dani siidä kirikössä ko suorittanee vai kodii hypät't'änee siid'ä viel'ä jäl'gee suoriemaa.

(Конкка, 1980, с. 102)

Vieristännä ei otettu vetty kaivos ni järves enne gu pappi oli piästänh ristittyöt kiriköspäi da käyttänh "jordanal".

(Hautala, 1982, s. 32)

Talvel' oli Vieristä, Puan'arveh tuldih hepozilla, hepozilla tuldih bruazniekalla. / Mikä päivä se on, tämä Vieristä? / Vieristä... meillä ved' kylpiettih jovessa, pappi sluuzi, nelläkulmane d'ordana luajittih, sinne naized, niin oldih boikoid, t'outa t'äššä on vielä, bunukka Kokon tuuvalla piäššä eläy, hänen t'outa, muamoh šiško — butkahti. Muin'ai hiljازه totuttih... d'ordana nelläkulmani, siihe burahettih janvar'assa... sitä suurembuo pakaista ei ollun kun janvar'assa... Näillää hiljازه tässä laijassa ollah, siitä se mužikka hiljازه lykkyäy, siitä burahetah, siitä ruttozeh noššaldau utiral'nikašt, tuommoini utiral'nikka on kuin miulla ikonaššä on, semmozella utiral'nikalla noštou, jotta luja pitäy olla mužikalla noštuaessa (käzipaikka), muutoma naini boikoi...

/Vaatteissako (kylvettin)? / Ei ku hoikaššä vuattieššä, ei ole äijyä vuatetta, sitä panou kuivan šaal'an piäh, vielä kellojalkoih käy, zvoni, da kellojaloista šolahti — t'outa se. Käy ristih, sitä poikki jovesta Šuarella st'ogaičči, vain lumi tomajau kun mänöy, d'uoksou... Vot kuin oldih, dak, boikoid rahvaš... ka nyd, nyd ollah ku torokanat, mitä vähän — d'oi pipeyvytäh... Oi, Vieristä oli väkie, a ku kaikki diä painu, kai vezi noužou, niin äijä jovella väkie...

Когда Крещение придёт, конец Святков наступит, в церкви служат, тогда прорубь большую, иордань вырубят, здесь, на озере сделают её, а потом купаются. Ещё и в церковь идут в этих мокрых одеждах и не простужаются, уж не знаю как. Купались деvушки, а парни — нет. Привяжут так верёвку (к поясу) и в одежде опускают (в воду). Народ собирается в церкви, и вот хоть ты меня попросишь: «Пойдём, я буду купаться, а ты поддержишь». В тонких одеждах в церковь прибегут и либо в церкви оденутся или домой побегут переодеваться...

(Jouhvuara — Евгора)

В Крещение не брали воды ни из колодца, ни из озера, прежде чем батюшка не отпустит народ из церкви, не искупает в «иордани».

(Salmi — Салми)

Зимой было Крещение, в Панозеро на лошадях приезжали, на лошадях приезжали на праздник. / Какой это день, это Крещение? / Крещение... у нас ведь купались в реке, поп служил, квадратную иордань делали, туда женщины — такие были бойкие — тётка здесь ещё есть, внук Кокко живёт там конце, его тётка, сестра матери, прыгнула. Раньше потихоньку привыкали... иордань квадратная, в неё ныряли в январе... крепче мороза и не было как в январе... Вот так тихонько на этом краю стоят, потом мужик потихоньку подтолкнёт, потом нырнут, потом быстренько поднимет за утиральник (полотенце), такое полотенце, как у меня на иконе, за такой утиральник поднимет, крепкий должен быть у мужика (утиральник), некоторые женщины бойкие...

/В одежде (купались)? / Нет, в тонкой одежде, не было много одежды, потом наденет сухую шаль сверху, и ещё на колокольню сбегала, позвонила (в колокол) да вниз соскочила — тётка та. Сходила к кресту, потом как через реку на Остров стеганула — только снег летит (из-под ног) как бежит... Вот какой бойкий народ ведь был... а теперь, теперь как тараканы, чуть что — уже и заболели... Ох, на

/Kävit sie jortanassa?/En raukka, en mie käynyn. Mie jo varuššin kai, tuon uteral'nikan varuššin kai, pakšuna olin, a mamma ei lašken, mie olizin lähten, d'o varuššin. Velli šanou: lähe Dun'a, tämä nyt Oudi, läkkä mie noššatan, šanou, rutto siun noššatan, läkkä, ni ei mamma lašken, šanou, hulluksi tulou lapsi, libo iče, mie se olin raškaž, da pakšu olin, da vielä olin nuori...

(Конкка, 2003а, с. 402)

/No, mitäpä Vierissäinä, jordana tehtihkö?/Ka, Vierissäinä d'o... Vieristäh šuahe vain ni kuunneldih, a iče Vieristä-bruazniekka ku tuli... ei gul'ašnikad enämbyä käveldy. Jordana piettih, jordana ne kylpiet't'ih, jordana luajittih ku tämä mejän peldo, šemmoini levie./No, metrie kymmenen?/No, ei se kymmentä, no metrie viis-kuuži on kaikkienne päin. I šiitä, vot ken siul on ristimuamo ili ristuatto — vot sinne (siun) piti tulla da hypätä vet'eh — lykätäh silma, se ristuatto lykkyäy, i pyyheliinat pität sivottu, šiitä silma vejälletäh sielt. Se on jordana kylpie, jotta riähkie poikes... no, jotta mändäiz jordana kylpi(essä). No, i šiitä vielä piti, sieldä kun nossettih šilma, šiitä vielä mäne, kellonjaloissa oli kakstoista kelluo, kirikön, kolmet rappuzed noušša sinne pakkazella — a Vieristänä ved' on pakkazet — no, ni sieldä siidä vasta ku zvonid ne kaikki kakstoista kelluo, siitä vasta kotih juokset pereodevatsa. Vot kun oldih krepkoid rahvaž. Pereodeičiuvučit, tuled vielä sluužballa. Mie muissan ku monet kylpiet't'ih.

/Oliko ne miehie vai naizie?/Ihan naizie da tyttöjä, näin, jo neiččyzie semmozie, da brihoja.../Oliko niiläkin riähkyö äijän?/Ka mindäh že ei, tottaže oli i niiläkin d'o riähkyö (nagrau).

/Kylpikö sairaita?/Ei hyö kaikki kylpiet't'y, ne vain rohkiemmat kylpiettih, jotta ket ei varattu, jotta tervehyzie oli... Mejän täti oli, isän čikko Natalie, hän Kemissä šiitä i eli, kaheksankymmentäkolme (?) vuotta hänellä, i jesli hänellä vain ei olis se, hänellä oli

Крещение было народа, ведь лёд прогибается, даже вода поднимается, так много народа на льду...

/Сама-то в иордань ходила?/Нет, золотко моё, не была я. Я уже всё приготовила, и утиральник приготовила, а как беременная была, так мама не пустила, я бы и пошла, уже всё приготовила. Брат говорит: пошли, Дуня, Оуди то есть, пойдём, я подниму, быстро тебя подниму, пойдём, так мама не пустила, говорит, ребёнок помешанный будет или сама (помешаешься), я ведь на сносях была, с животом ходила, да молодая ещё была...

(Puan'arvi — Панозеро)

/Что на Крещение, делали ли иордань?/А на Крещение уже... До Крещения только и слушали (гадали), а сам праздник Крещения когда наступал, то и гуляшники больше не ходили. Иордань была, в иордани они купались, иордань делали величиной с этот наш огород, широкую такую./Метров десять?/Ну, не десять, а метров пять-шесть была каждая сторона. И потом, вот кто у тебя крёстная мать или крёстный отец — туда (тебе) надо было прийти и прыгнуть в воду — тебя толкают, крёстный отец толкает, и полотенца длинные привязаны, потом тебя вытасят оттуда. Купаться в иордани, это чтобы от грехов прочь, ну, чтобы пропали, когда в иордани купаешься. Ну, и потом ещё надо было, после того, как подняли тебя оттуда, потом ещё иди, на колокольне было двенадцать колоколов церковных, три лестничных пролёта подняться надо было туда на морозе — а на Крещение ведь мороз — то когда там позвонишь во все двенадцать колоколов, то тогда только домой бежишь переодеваться. Вот какой народ крепкий был. А переоденешься, так ещё и на службу придёшь. Я помню, не один раз видела, как купались.

/Это мужчины были или женщины?/Все женщины да девицы, уже девушки, да парни.../У них тоже грехов было много?/Так почему же нет, наверно уж и у них грехи были (смеётся).

/Купались ли больные?/Они не все купались, это только самые смелые (из них), которые не боялись (простыть). У нас тётка была, сестра отца Наталья,

n'apa pienestä šuahe, kasvo šuureksi, a vet' goorodas, ni ei käynyn lääkärilöih i konsa, semmoni oli. No, ni hiän kačo kylpi sen jordanan... hänellä naverno oli vuotta kaksikymmeniäviizi konža hiän kylbi sitä jordanua, no a šiitä hän Kemis miehellä ku mäni, da sielä siitä i eli...

(Конкка, 2003a, с. 403–404)

Vierissän aigaa mändii avandoo, vot en'n'e huhl'akoiksi käydii. No, ni siid'ä sanotaa, buit't'o kuin ku riähät pezöy, se ku huhlakaksi kävel'öy, ni se buit't'o kuin rist'ikanza on riähässä.

No ni buit't'o kuin hiän ku Vierist'an'ä se jo loppuu huhl'akusaiga, no ni ku hiän ved'ee käyd, ni hiän vrod'e buit't'o za vseh čisto, ristived'ee siihi. No, nii hiän käveli kaksi kerdua jordanua, kahtena vuodena. Kolmat en muišša, a što kahtena käy, kaksi jordanua kyl'bi Vierissän aigaa i n'ytten on elossa viel'ä in'ehmine. Kuššakka sivotaa kazi i ved'ee heit'et'ää. Miehed n'e piet'ää kuššakoi, vyöl'l'ä. En'n'e piet't'ii, turkit oldii moizet pit'äd ved, no, libo tužurkka pit'kä on, remelin sijassa kuššakka ruškie oli, libo kel'l'ä on sinine ruškein, polossikaž moine, no dani siihi kuššakkoo händ'ä sivotaa, heit'et'ää kuššakko vyöl'd'ä, siihi kuššakkoo sidou mužikka, dani järvee taluou, ottau regee, aida...

(Конкка, 1980, с. 106)

Enne oldih pruzniekat prestol'noit, kačo sanottih, prestol'noikse nygöi sanotah, ga myö emmö tiedännyh mit, prestol'noit vai mit oldih; mejjän vai sanotah: "Vieristy tulou, da Rastavu tulou, da Pokrovu tulou, da Stroičan päivät — kai tullah".

Vieristy ku lienöy jongoi, rubieu tulemah, kuulen minä akat pajistah (minä vie olin nuori tyttö sie), ga ainos santah: "Lähtedgo, raukku, jordanal, Trohimouna?". Muamal kzyztäh. — "Ga en tid'd'ä, — sanou, — pidänöygo täl vuvvel lähtie vai ei pidäne lähtie, sanou, jordanal, vaste mulloi olin, sanou, jordanal ga". A myö emmo työnä muamuo jordanal.

она потом в Кеми и жила, восемьдесят три (?) года ей, и если бы только у неё не было бы этого, у неё «пуп» (пупочная грыжа. — Прим. сост.) был с детства, вырос большой, а ведь в городе ни разу к врачам не ходила, такая была. Так вот она купалась в этой иордани... ей, наверно, лет двадцать пять было, когда она в иордани купалась, ну, а потом она как в Кеми замуж вышла, так там потом и жила...

(Puan'arvi — Панозеро)

На Крещение прыгали в прорубь, ведь раньше хуляками ходили. Ну, говорили, что вроде как грехи отмывает (купающийся), тот, кто хуляком ходил, будто они грешными становятся. Ну вроде он, когда на Крещение заканчивается время маскирования, он как в воде побывает, то вроде как за всех очищается в этой освящённой (букв. окрещённой) воде.

(Одна женщина) два раза ходила купаться в иордани, два года подряд. Третьего не помню, а два раза (точно) ходила, купалась в двух иорданиях в Святки, и теперь ещё жива, женщина эта. Кушак привязывают на руку и в воду бросают. Мужчины эти кушаки носили на поясе. Раньше носили, шубы были такие длинные или тужурка длинная была, а вместо ремня кушак красный был или у кого был синий с красным, полосатый такой. Ну и к этому кушаку её привязывают, снимают кушак с пояса, мужик привязывает да до озера довозит на санях, айда...

(Suviriä — Мяндусельга)

Раньше праздники были: престольные, видишь ли, называли и теперь называют престольными, но мы не знали, престольные они или какие были; наши лишь говорят: Крещение подойдёт, Рождество придёт, и Покров придёт, да дни Троицы — все наступят. Как будет Крещение, начнёт приближаться, слышу я, что бабы толкуют (я в это время была молодая девочка), говорят всегда: «Пойдёшь ли ты, Трофимовна, купаться в проруби?» У матери спрашивают. «Так не знаю, идти ли в этом году или нет, — говорит [она], — только что в прошлом году была». А мы не отпускаем мать купаться.

Jordan se luajitah yheksiä syldy, yheksä syldy on, kus se on syvä moine kohtu, da jordan laitah. I se laitah huondeksel Vieristänny (se Vieristy kaikin tietäh, krešteenis se on). Huondeksel laitah mužikat, moožet on kymmene mužikkua purastajua: sie on vet' jie toiči metrie sangie. Dai laitah se jordan, sih kerdyu jordanniekkua äijy, pappiloil se ylen hyvä mieles, što jordanal rahvas tullah, kačo nygöi vieruijah täs. A rahvas mennäh, mennäh sidä peris, što meile jumal riehkis proštiu; da možet vie sie, kačo, minul riehkie on äijy: midätahto kielastin, libo varrastin, libo muujien mužikoin kele elin, libo midätahto: anna jumal riähkis prostiu, kerran jordanan kylven. Kolmekymmen graduussie, kolmekymmen viizi on viluu.

Sit lähtemmö jordanal. Sukkaizet pannah jalgah, pluat't'aine pannah yksi, eule muudu ni midä, ku alaštitoi, räččinäine (pluat' t'aine) piel yksi, muudu eule mittumua, alashibju. Pannah noskaizet hienoi- zet, ei ni ostonoskaizie panna, kois kuvottih enne räččinäizes langas, net noskaizet jalgah panou, da sit seizou kaksi čuassuu. Pappi vai vetty sida rištiy da rištiy ainos, kuni käske ei sinne jordanah hypätä, a hyppiemäh ku ruvetah, kązipaikat sivotah netäh, keskikohtazel, da otetah vie hyvä nostai siepäi: häi hyppie sinne syvälhäi, syvälhäi hyppie da vie sanou: "Hätkembi pie minuu, sanou, sie jordanal". — "A kui sinuu hätken piet, kuoletähäi sinne". — "A kuollen ga kuoppah", — sanou. A miän muamas oli možet, kui sanou, yheksäkymmen kiluo viessua, järei akku. Häi ottau oman vel'l'en nostamah sih jordanal. Ottau kızıpaikan hyvän, pelvahizen, ilmanigäizen. Kızıpaikku se on hienoine, ga možet on jo hapannut, on mentiä min igiä, možet buabo buabol, da ei sua tiedie min aigui- ne se on kızıpaikku. Sih kızıpaikkah sidou. Minä olen vie tyttöine ylen [pieni]: yheksä vuottu ollut lie, konzu jordanua [kylbiettih], muamal kızıpaikku katkieu, en olluh vie ni yheksändel, en tiedännyh vie ni itkie, en itkennyh da ni midä.

Dai kerdyu rahvastu sih kaččomah kolmesadua hengie libo nellisadua. Sit hebuo on joga sijaine: pihat nämät tävvet, kirikkö täyzi, ristat matkatakah ymbäri kirikkös dai kai net.

Прорубь эту делают девять саженой [в длину], де- вять саженой делают прорубь, где такое глубокое место. И это делают в Крещение утром (Крещение все знают). Так. Мужики утром делают, может, там мужиков десять рубят лёд: иногда ведь там лёд с метр толщиной. И сделают прорубь. Тут соберётся много купающихся, [а] попам это очень уж по душе ('хорошо в уме'), что народ идёт купаться в прорубь: смотри-ка, верует народ. А народ идёт, и идут из-за того, что Бог нам грехи простит — может, там у меня грехов много: что-нибудь [кого-нибудь] обманула, или украла, или жила с чужими мужьями, или что-нибудь — пусть Бог простит грехи, раз искупаюсь в проруби. Градусов тридцать, тридцать пять холода. И идём, отправляемся к проруби. Чулочки надева- ют на ноги, одно [лишь] платьице надевают, больше ничего нет, как голая, одно платьице на себе, больше нет никакой [одежды], голое тело. Надевают тонень- кие носочки, непокупные, раньше дома вязали из простых ниток, те носочки надевают на ноги и стоят тут два часа. А поп всё время воду крестит и крестит до тех пор, пока не велит туда, в прорубь, прыгать. А как будут нырять, завязывают полотенце сюда, по- середине и берут хорошего вытаскивающего ('подъ- ёмщика') оттуда: ведь она прыгнет туда глубоко, на глубину же прыгнет да ещё скажет: «Подольше дер- жи меня, — говорит, — там, в проруби». — «Как же тебя поддержишь долго, умрёшь ты там». — «Умру, так в яму», — отвечает. А наша мать, как сказать, весила, может, килограммов девяносто, толстая [была] баба. Она берёт своего брата из проруби поднимать [себя]. Берёт старое хорошее льняное полотенце. Да. Пото- лтенце тоненькое, может быть, уже гнилое, поди знай, сколько времени, может, бабушке бабушка [переда- вала], да и нельзя знать, с каких времён это полотен- це. Этим полотенцем [брат] завязывает [её]. Я была девочка очень маленькая, если лет девять было, ког- да купались в проруби. У матери полотенце обры- вается; мне и девяти лет не было, и плакать ещё не знала, не плакала.

И собирается тут народу человек триста или че- тыреста смотреть; тут лошадей на каждом месте:

Jordanal sit oli, sanottih... viizitostu hengie, sanottih, oli jordanan kylbijie. Minul se [maaman velli] died'ö tuli, kačo muaman velli [muamo] sanou: "Hoi, Iivan, sanou, joga vuottu sinä nostat aijoi minuu viespäi, piälakkaine ei ehti kastuo, ga nygöi ku vedeh hypännen, sit, sanou, pie pikoi vähäine minuu vies". Muamo nevvoo kui nareko.

Dai raukku muamo ku vedeh hyppie, ga ristižäl jii käzipaikkua pikoi palaine kädeh: käzipaikkua katkeni. Da. Häi pollästyi: lienöygo zavodinnuh jo nostuo viespäi, vai kuiboi liennoh hypätes katkennuh kerras, sidoi — ei katkennuh, a katkei kai käzipaikkua. Nu katkei ga, rištižä ei tiijä ni midä [ruaduo]. Rahvas hypättih, kai ruvettih kirgumah, sanottih: Kyčöin leski vedeh meni, Kyčöin leski vedeh meni". Kolme lastu piendy, kai pienet vie, mina vahnin vai, sie vie yheksie vuottu eule minul, kaheksa vuottu sie, naverno. Sanotah: " [naverno] häi ei puutu". Eigo maltanuh häi uidua. Inehmine zdoroovoi.

Rubei keskikohtal sie (rahvas sanottih jällel, myö emmohäi tiedännyh) kaččou — sormet nävytäh vähäizel. Häi jo sit iče jällel sanoi: "Minä jo duumaičin nygöi: mindäh Iivan ei nostane hätken nygöi, hätken midä vies pidäy (häi on čusvies, zdoroovoi ku on), minä, naverno, olen väl'l'äl nygöi, sanou, nimidä ole ei".

Dai hyö sidi kaikin pollästyttih, papit pollästyttih kai, yksi mies, Ruvan mies, zdoroovoi neče mužikku, ylen hyvä. "Nygöi, — sanou, — tuos on häi keskikohtal, häi ku uidua maltas, sanou, randah lähenis". A sih on, keskikohtah, puolitostu syldy mendävie, metrie nelli, naverno, on vie rannas da randah, nikui ei voi häi randah tulla, ku uidua ei malta. Häi keskel sie käil syvittäy, mentie midä syvittäy. Häi ku, raukku, jaksaldah (pind'žakon piel heittäy da kengät jallas) da häi uijaldau. "Da minuu piettäkkie, — sanou, — minä hänen spasin lapsien täh!". Nuori briha!

Da hänen spassi: käis kobristi muaman, da händy spassittih toizet kui liennoi sit, raukku. Naverno, nuorua vai midä lienöi tuodu, dai händy nostettih sih maksah, nengoine. Rahvastu — struašnohäi on! Sit on kolme sadua hengie!

Jo meile kodih viešti tuodih: "Lapsi-rukat, jaittö siro-

дворы эти полные, церковь полная, с крестами движутся вокруг церкви и всё такое.

Говорили, что возле проруби тут было... пятнадцать человек, говорят, было купающихся в проруби. Мне он [брат матери] приходился дядей, и сестра [мама] говорит брату: «Иван, — говорит, — ты каждый год меня поднимаешь рано из воды, макушка не успевает намокнуть, если теперь прыгну в воду, то поддержи меня хотя бы немного в воде». Мать учит словно нарочно.

Как только мать прыгает в воду, у крестного остаётся в руках маленький кончик полотенца — полотенце оборвалось. Да. Он пугается: то ли начал уже из воды поднимать, или как-то при прыжке сразу оборвалось: завязывал — не оборвалось, а оборвалось [целиком] всё полотенце. Оборвалось, а крестный не знает, что делать. Люди вскочили, все начали кричать, говорят: «Кютчиева вдова утонула, Кютчиева вдова утонула». Трое детей, все ещё маленькие, лишь я постарше, девяти лет нет ещё мне, наверно, лет восемь так. Говорят: «Её, наверно, не поймать». А плавать она не умела, женщина здоровая. Смотрят: пальцы начали там, на середине, виднеться (люди говорили после, мы не знали). И она сама после говорила: «Я тут уж подумала: чего же Иван теперь так долго не поднимает из воды, долго держит меня в воде (она в сознании, раз здоровая). Я теперь, наверно, не завязана, — говорит, — ничего нет».

И все они тут напугались, попы все испугались. Один мужчина, мужчина из Руги, здоровый такой мужик, очень хороший [говорит]: «Теперь она тут, на середине, — говорит он. — Если бы она умела плавать, то приблизилась бы к берегу». А до середины полторы сажени расстояние, метра четыре, наверно, от берега до берега; она никак не может приблизиться к берегу, раз плавать не умеет. На середине там она барахтается руками, поди знай, чего барахтает. Он снимает с себя пиджак и сапоги и быстренько подплывает. «Поддерживайте меня, — говорит он, — я спасу её ради детей». Молодой парень!

И спас он её: схватил мать за руку, а его каким-то образом спасли другие. Наверно, верёвок или чего-

takse, jaittö sirotakse, kačo muamas kuoli, tuattuadas eule, i muamas kuoli”. Muamo sit piezi, da piezi sih muamo hyväh čusvieh, eigo pidän puistattua, eigo pidän midä. Häi vie astui zvonimah. Kaikin rahvas kieltäh, sanotah: ”Älä mene, Trohimovna, zvonimah, sanotah, sinä olet nygöi kylmännyh”. — ”En ole, — sanou, — kylmännyh en ole, sanou, kylmännyh. Nygöi kačo, Iivan, hyvin, sanou, piit sinä minuu tämän kerran”.

Dai kačo kodih tullah, jo nenga sovat ollah: kouftat, kouftat net jongoi, kaihäi kylmetäh sovat sie nostettuu, ku kolmekymmen viizi gruadussie [viluu]. A enne oldih net mittumat pakkaizet pihal!

Tulou kodih, myö kaikin ihastuimmo. Täh [taloih] tulou rahvastu mentijä mi, händy žieleijäh.

Nu vot se ničevo, muamo eli sen vuvven. Toine vuozu opadi i tuli — meijän muamo opadi šuorieu sinne, jordanal. Jo mentie min aigua jordanal kävyv sinne, vuottu viizi vai kuuzi käynnöy. Myö sanommo: ”Sinä ku olet leski, ga nygöi, naverno, sina ainos spasittos nečis jordanas, muul pidie spassiekseh, ei jordanal spassiekseh”.

Sit muga sidä jordanua ainos piettih. Papit ihastuksis oldih: papil pandih sinne griunua, kopeikkua (vai mit oldih) net jordand’engat, konešno, da sih käydih riehkii sanomah da kaikkie. Pappi käski jordanal, sanou: ”Mengie kylbiekkie jordan, sanou, sit vai kolme kerdua jordanua kylbiet, sanou, sit sinul Ohpoi mennä ei pie molimahes”. Vot: kolme kerduo, kolme Vieristie [kylbie].

A vie toine kerdu kylbiettih. Toine kerdu kylbiettih jordanua kezäl Makovein aigah. Se on augustal. Augustal kylbietäh. Ga sit jongoi nimidä, onnuako, ei rodei: eigo riehkie prošti jumal, eigo midä. Sit on lämmin vezi, sit on ku kezoin kylvendy. Sil kezoil i minä käin, počinrandazel menen, kylvemmös dai iere hyppien i mene kunne tahtot.

(Макаров, Рягоев, 1969, с. 206–211)

то принесли и её подняли на край проруби, такую. Народу — даже жутко! Тут человек триста. Нам уже домой весть принесли: «Ребятки, остались сиротками, остались сиротками, ведь мать умерла, отца нет, и мать умерла». Так вот. Мать пришла в себя. Пришла тут мать в чувство, и трясти не надо было, и ничего не надо было [делать]. Она ещё пошла звонить [в колокол]. Да. А люди всё не велят, говорят: «Не ходи, Трофимовна, звонить, ты ведь простыла». — «Да не простыла, — говорит она. — Вот теперь, Иван, хорошо поддержал, — говорит, — в этот раз». Приходят домой, одежда уже так: кофты, кофты — те уже... ведь вся одежда замёрзнет раз тридцать пять градусов холода, а раньше такие были морозы на улице. Пришла она домой, мы все обрадовались. Сюда, в дом, приходит народу поди знай сколько: её жалеют.

Так это ничего, прожила мать этот год. Наступил следующий год, наша мать опять туда собирается купаться в проруби. Уже поди знай, сколько времени ходит она туда купаться, лет пять или шесть ходит. Мы говорим: «Раз ты вдова, так, наверно, всегда спасаешься [от грехов] ты купаньем. Другим [путём] надо спастись, не купаньем спасаются».

Так всегда устраивали купанье. Попы радостные были. Попу, конечно, клали гривенники, копейки (или какие там [монеты] были), деньги за купанье, ходили сюда грехи отмаливать и всё такое. Поп велел [купаться] в проруби, говорит: «Идите, искупайтесь в иордани, — говорит, — и как только трижды искупаетесь в проруби, тогда тебе в Охпой не надо идти молиться». Стало быть, три раза, три Крещения [купаться].

А ещё купались второй раз. Второй раз купались летом во время Маковея. Это в августе. В августе купаются. Так тогда уж, наверно, ничего не будет: и грехов не простит Бог и ничего. Тогда вода тёплая, тогда как [простое] летнее купание. На такое купание и я ходила, иду на бережок, искупаюсь и назад выпрыгиваю, и иди, куда хочешь.

(Veškelys — Вешкелица)

Uhtualla kirikkörantah joveh jyssetih suuri jortana. Aikaihmini, naini hyppäsi siih avantoh, se oli sitä vesiristie, muka prostiuvuttih, jotta jumalalla reähät.../Yksiko kävi?/Yksi. Siitä häntä nossettih sieltä ta heposen... rekeh katettih ta vietih kotih, talvella.../Miksipä hän sinne hyppäsi?/Ka, hyppäsi, ”Jumala prosti, sanoi, reähät”. Naverno se oli glavnoi... Pappi kiertän oli sen avannon kuateľničan keralla./Vuatteissako hyppäsi?/Vuatteissa, no, vielä vorsstat vuattiet piällä oltih, karjalaiset vuattiet... Märkänä rekeh ta kotih. Melko syvä se se paikka on jovessa, en muista oliko nuora sivottu... vobšče se oli sama kuin lapsie rissittih kirjössä kupelissa...

(Конкка А. зап. в 1980 г. от Ватанен Т.Д., ФА 2928/1)

Kn’äžöissä käytih jortanossa. Lammit ku oltih, missä kanava nyt on, ni sinne lampih jyssetäh avanto i siitä čerkvussa molitah. Siitä čeloveka sivotah paikoilla kainaloista i niin lasetah (Jo onnako mie sanon äijä pitäis antaa kun mie läksisin sinne lampih). I kolme kertuo maknitah, ihan umpipiäh. I siitä niin nošsetah, siitä märkänä mänöy tserkvuh i vielä kumartelou siellä. Ei varattu ennen jotta prostiuvutah./Kokonahko oli alačči?/Ei alačči. Vuate piällä. No, sen verran vuatetta piällä, jotta siitä sieltä juossah, kotvan oli siitä lamesta sinne kyläh juossa, silloin se oli se kylä ylempänä.../Oliko ne ukkoja, akkoja vai ketä?/En mie tiijä, a muamo sanoi, jotta l’uboi ženščina lähtöy, eto, grehi davat’.

Ennen enämpi varattih sitä reähkyö čem nyt./nykyäh/mimmonipa ei liene pruasnikka, vuatetta pessäh, ommellah, tikutetah, kesrätäh, raznitša netu, jotta minulla on vyhodnoi...

(Конкка А. зап. в 1987 г. от Вдовиной Ф.В., ФА, 3055/25)

Siitä 14. tammikuuta oli vanha uusi vuosi, ta sen jälkeh oli Vieristä, 19. tammikuuta. Se oli muissinpäivä, sinä

В Ухте (Калевале) на церковном берегу (на Крещение) в реке делали большую иордань. Женщина в возрасте прыгала в эту прорубь, это была водокреща, вроде как прощались, чтобы грехи перед Богом (смыть) .../Одна купалась?/Одна. Потом её поднимали оттуда, да на лошадь... закрывали в саях и домой отвозили, зимой.../Почему она туда прыгала?/Так, прыгала: «Господи, прости, — говорила, — грехи». Наверное, это было главное. Поп обходил эту прорубь с кадильницей./В одежде купалась?/В одежде, да, ещё в нарядные одежды были одеты, карельские (национальные) одежды... Мокрой в сани и — домой.

Довольно глубокое это место в реке, не помню, была ли верёвкой привязана... вообще это было то же, как детей в купели в церкви крестили...

(Uhut — Ухта-Калевала)

В Княжой в проруби купались. Ламбы были, вот где сейчас канал, так там, на ламбе, сделают прорубь, а потом в церкви молятся. Потом человека полотенцами привяжут за подмышки и так опускают. (Я, наверно, сказала уже, что много бы мне надо было бы пообещать, чтобы я согласилась опуститься туда, в эту ламбу.) И три раза макают, прямо с головой. А потом так же поднимают, и потом мокрым идёт в церковь и ещё молится (кланяется) там. Не боялись раньше, что простудятся./Совсем, что ли, голые были?/Нет, одежда была, но столько (немного) одёжки было, что могли бегом бежать в деревню, недалеко деревня была, тогда она была выше.../Это были мужики или женщины?/Не знаю я, а мама говорила, что, мол, любая женщина пойдёт, это, грехи отдавать.

Раньше больше боялись грехов-то, чем теперь. Нынче хоть какой там праздник — бельё стирают, шьют, вяжут, прядут, разницы нет, что, мол, у меня выходной...

(Birža — Биржа)

Потом 14 января был старый Новый год, а после него Крещение, 19 января. Это был поминальный

piänä vainajie muisseltih, sriäpittih ta vietih muiste-
lijaisie toisih taloloih. Vielä luajittih päriestä ristijä ta
vietih rantah avannon laijoilla, no sitä mie en muissa,
mitä se tarkoitti.

(Пекшьева, 1993, с. 37)

29.01 (16.01) – Talvi-Pedru, Talvi-Petru, Tal’v-Pedru

Pedrun piän aigah on lumikuu, nedälii jälles Vieristiä.
(KKS, III, s. 179)

Pedruo pruaznuidih kakšičči vuuvvešša: kežäpedru i
talvipedru.
(СКЯ тв, с. 83)

Talvenselgy

Talvenselgy katkei, päiväine keviäh punaldih.
(СКЯ ливв, с. 375)

Talvenselgy, keskitalvi on Sreiten’n’an aigah.
(KKS, VI, s. 36)

Tuulenaijat on nygöi, talvenselgy onhäi.
(KKS, VI, s. 36)

Tuulensellät on tuhun aijat keskitalven ymbäri.
(KKS, VI, s. 328)

Talvensellät on nygöi, nygöi opittelou nuorii miehii.
(KKS, VI, s. 36)

Talven selgy on pitky.
(KSP, s. 186)

день, в этот день поминали покойников, пекли
и носили поминальную стряпню в другие дома.
Ещё из лучины делали кресты и относили на берег,
на края проруби, но я не помню, что это значило.
(Kostamus – Костомукша)

29.01 (16.01) – Пётр зимний

Время Петрова дня на снежный месяц падает, че-
рез неделю после Крещения.
(Siämärvi – Сямозеро)

Петров день праздновали дважды в год: летний
Петров и зимний Петров день.

Хребет (середина) зимы, вьюги в декабре и январе

Хребет зимы переломился, солнце на весну повер-
нуло.

Хребет зимы, середина зимы падает на время Сре-
тенья.
(Siämärvi – Сямозеро)

Хребет зимы – время ветров.
(Siämärvi – Сямозеро)

«Хребты ветров» – это время метелей в середине
зимы.
(Siämärvi – Сямозеро)

Сейчас хребты зимы, испытание для молодых муж-
чин.
(Siämärvi – Сямозеро)

Спина у зимы долгая.
(Priäžy – Пряжа)

Harja-aika

Harja-aika — pakkas-, tuhu- da kevätkuu, konzu on äijy tuhuu.

(KKS, I, s. 174)

12.02–25.02— Harja

(Hautala, 1982)

Harjan purrut (talven sellät) on pyhäkesses.

(KKS, IV, s. 526)

Jyrris harjanpurrrut alguateh.

(KKS, I, s. 174)

Kuus netälie Roštuošta šiitä še on harjat, ta yhekšännellä loppuu. Harjan tuiskut turpiemmat, harjan pakkaset pahimmat.

(KKS, I, s. 174)

Harjan tuiskut turpiemmat, harjan pakkaset pahimmat, istujan koiran kattau.

(KKS, VI, s. 267)

Harjan purut purkusimmat, harjan pakkaset pahimmat, harjan šuvet šuurimmat.

(KKS, I, s. 174)

Harjan purut purkusimmat, harjan pakkaset pahimmat, ukon koiran ulvottau, akal lehmän ammottau, heposen varšan vaččah kylmäy.

(KKS, IV, s. 526, run.)

Kyllä keštäy harjan hankkie kovie, akan lehmän ammuo, ukon koiran ulvuo. Harja alkau kymmenennellä netälillä Jyrrinpäivästä talvella päin, ta yhekšännellä

Время харья, время метелей

Харья называют январь, февраль и март, когда часто бывают метели.

(Роаеп — Паданы)

12.02–25.02 — Харья, время метелей в середине зимы.

Метели харья, хребты зимы, приходятся на Рождественский мясоед.

(Suojärvi — Суоярви)

Послерождественские вьюги харья начинаются с Юрьева дня.

(Suojärvi — Суоярви)

Послерождественские метели (метели харья) начинаются на шестой неделе после Рождества, а заканчиваются на девятой. Метели харья самые густые, морозы харья самые злые.

(Kiestinki — Кестеньга)

Послерождественские метели (метели харья) самые густые, морозы харья самые сильные, сидящую собаку заметёт.

(Kiestinki — Кестеньга)

Послерождественские вьюги самые сильные, морозы на харья самые злые, оттепели — самые длинные.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Послерождественские метели (метели харья) самые сильные, морозы харья самые злые, заставляют выть собаку старика, мычать корову бабы, заморозят жеребёнка в животе у кобылы.

(Kontokki — Контокки)

Уж во время послерождественских метелей придётся вдоволь потерпеть: хозяйкиной корове мычать, хозяйской собаке выть. Харья начинается на

Harjan purut purkusimmat, harjan
pakkaset pahimmat, ukon koiran
ulvottau, akal lehmän ammottau,
heposen varšan vaččah kylmä.

Послерождественские метели
(метели харья) самые сильные,
морозы харья самые злые,
заставляют выть собаку старика,
мычать корову бабы, заморозят
жеребёнка в животе у кобылы.

loppuu. Še on kešän ta talven jama.
(Hautala, 1982, s. 55)

Harjanpurrut jumal pidäy keskitalven aigah, kolmeh
kerdah sidä on.
(KKS, I, s. 174)

Harjanpurrut pilmuu sortah puulois.
(KKS, I, s. 174)

Jos harjalla on šuvi, niin pitkä kevät tulou, ta hallavuoši.
(Hautala, 1982, s. 55)

Kun on harjalla purku, niin tulou vihmani kešä.
(Hautala, 1982, s. 55)

Kun on harjalla pakkani, niin tulou poutakešä.
(Hautala, 1982, s. 55)

Harja kun luatiu pirttijien räyštähillä lumešta alaš riip-
puvie räyštähie, tulou hyvä osravuoši.
(Hautala, 1982, s. 55)

Harjalla kun on hiiren hanket, nin kevöällä on heposen
hanket.
(Virtaranta, 1958, s. 585)

Nuottusiä (tuiskusiä) — nuoren miehen nuottusiä,
vahnan miehen naindusiä.
(KKS, III, s. 549)

Harjan on purkut purkusimmat,
Harjan on pakkaset pahimmat,
Harjan päitä peittelöy,
Lakeitah lavottelou,

десятой неделе от Юрьева дня к зиме, а на девятой
заканчивается. Это граница зимы и лета.
(Vuonnini — Войница)

Послерожественские метели Бог посылает в сере-
дине зимы, они бывают трижды.
(Siämärvi — Сямозеро)

Послерожественские метели стряхивают сор с де-
ревьев.
(Siämärvi — Сямозеро)

Если во время послерожественских метелей (ме-
телей харья) в середине зимы случится оттепель, то
в этом году будет затяжная весна и заморозки.
(Vuonnini — Войница)

Если во время послерожественских метелей будет
пурга, лето будет дождливое.
(Vuonnini — Войница)

Если во время послерожественских метелей мо-
роз, летом будет вёдро.
(Vuonnini — Войница)

Если во время послерожественских метелей на
стрехах домов вырастут снежные, свисающие вниз
сосульки, уродится много ячменя.
(Vuonnini — Войница)

Если во время послерожественских метелей наст
выдержит мышшь, то весной наст выдержит лошадь.
(Vuokkiniemi — Вокनावолок)

Время метелей — молодому мужчине время невод
тянуть, пожилому — время жениться.
(Siämärvi — Сямозеро)

Вьюги харья — самые сильные,
Морозы харья — самые злые,
Верхушки коньков позакрывает,
Гребней прячет, выровняет.

A havajaa havuni metsä,
Hansisilla verhouliloilla,
Karkeilla nyt kattelou,
Kaikki kavottelou,
Suven emät, surman emät,
Kahen puolen plahvessenjan
Jos mie oisij joulukuussa,
Ukon koiran ulvottaisin,
Akan lehmän ammottaisin.
Kylmäsin vaččah hevosen varsan,
Vaimon käsin taikinah,
Kui voisin pitää piänahkan,
Vain kun kerkey suvi-ilmät,
Päivä paistau pehmiestä.
Yö lyhyeksi käyt,
Yö min kylmööä,
Päivä kaksi kertaa suloau,
Elä heitä ukko heinärekeäs joven taa.

Tarkoittaa talviaikaa, 7 viikon kuluttua joulusta alkaa harja. Ensimmäiset 9 suutkat on harjoa, jos silloin tulou äijän lunta, tulou hyvä kevät, kauniit ilmat. Jos silloin ei sada lunta, tulee räntäkevät. Toiset 9 suutkat ollah lakeita. Kolmannet ollah hanhet. Sitten tulou karkiet 6 suutkat. Niillä piittäis lunta satoa, että oikein tien peittäis. Jos ei lunta satane, niin karkien lumet ei kavo taivaha, ne satau vaik osrana orahalla (Kerrankin vasta ohran oraalle satoi semmoisen lumen, että kolme päivää olivat oraat lumen alla ja siitä kun tuli kaunis kesä, että ensi viikolla Petrun päivän jälkeen jo leikattiin, eikä Iljan päivän aikaan (3 viikkoa Petrusta) voinut viikatetta ottaa käteen (jo heinään mennä) vaan piti mennä leikkuuseen). Sitten tulou suven emät, 6 suutkat (kaivojen kaivaajat), sitten kahmeloiset kuuvvet suutkat, siih loputah kaikki harjan ilmat. Niitä kaikkia sanotan yhdellä nimellä — harjan verhulit.

(Луото зан. в 1941 г. от Карповой Е.Г., НА, 17/19)

Свои горушки валками складывает,
Но шумит сосновый лес,
Снежными занавесками завешивает,
[Сейчас] грубыми накроет.
Всё потеряет.
Хозяйки (матери) юга, матери смерти,
С двух сторон от Благовещенья.
Коли был бы я в декабре,
Повыл бы хозяйский пёс,
Заставил бы хозяйкину корову помычьать,
В утробе бы заморозил жеребёнка,
Жену [заморозил] бы за руки в тесто,
Если бы моя голова уцелела.
Но когда наступает оттепель,
Солнце светит ласково,
Ночь станет короче,
Что ночь заморозит,
Солнце два раза растопит,
Не оставляй, старик, воз с сеном за рекой.

Обозначает зимнее время, через семь недель после Рождества начинается время послерождественских метелей. Первые девять суток длится время послерождественских метелей, если в это время выпадет много снега, будет хорошая весна, хорошая погода. Если в это время не будет идти снег, то будет слякотная весна с мокрым снегом. Следующие девять суток — ровные. Третьи — насты. Потом наступают шесть тяжёлых (горьких) суток. В эти сутки нужно, чтобы выпал снег, чтобы всё хорошо закрыл. Если снег не выпадет, то снега тяжёлых суток не исчезнут в небе, они выпадут хотя бы на всходы ячменя. (Однажды только на всходы ячменя выпал такой снег, что всходы были под снегом три дня, и потом, когда настало погее лето, на следующей неделе после Петрова дня уже жали, и во время Ильина дня (три недели от Петрова дня) нельзя было взять косу в руки (уже идти на сенокос), надо было идти на жатву). Потом наступают хозяйки лета, шесть суток (копатели колодцев), потом студёные шесть суток, на этом заканчивается вся непогода послерождественских

Harjan purut purkusimmat,
Harjan pakkaset pahimmat,
Puruillah ruvettuhuo.
Pakkasillah paneutuo,
Lakeita lavottelou,
Harjan päitä peittelöy.
Kun pakkasillah paneutuu,
Niin emän varsa vatsah kylmäy.
(Aikaa talvella — kertojan mukaan — kuusi viikkoa jäl-
keen joulun ja loppuu seiččemen viikkoa jälkeen jou-
lun).
(*Lyomo, 1941, HA, 17/20a*)

Talviargi, talviarki, tal'var'g

On liikkuju Äjjiänpäivän mugah.

Tuhukuu, helmikuu

Helmikuu sano tammikuulla, jotta kun mie oisin siu-
na, kylmäsin heposenvarsan vaččah, ta emännän keän
taikinah — vain kun en voi kylmöö kun toini silmäni jo
vettä vuotau.
(*Virtaranta, 1958, s. 584*)

Jos helmikuun viimesenä piänä laskenoo hot yhen pi-
saran räystäältä, tulou aigane kesä.
(*Кауконен зап. в 1943 г. от Марковой М., HA, 5/26*)

Kudualbo kuul kaikis vähimbän vetty juvvah?

Tuhukuus
(*Пакаринен зап. в 1936 г. от Захарова В., HA, 136/148*)

метелей. Их всех называют одним именем — што-
ры харья.
(*Kenttijärvi — Кентозеро*)

Послерождественские метели — самые сильные,
Послерождественские морозы — самые злые,
Как начнёт мести,
Как начнёт морозить,
Ровное выровняет,
Верхушки коньков закроет.
Как станет морозить,
То жеребёнка у матери в утробе заморозит.
(Начинаются зимой — по словам рассказчика —
спустя шесть недель после Рождества и заканчива-
ются спустя семь недель после Рождества).
(*Kostamus — Костамукиа*)

Зимний мясоед

Длина его (от шести до десяти недель) зависит от
даты Пасхи. (*Прим. сост.*)

Февраль

Февраль сказал январю: если бы я был тобой, то за-
морозил бы жеребёнка у кобылы в утробе, и руку
хозяйки в квашне — только не могу я заморозить,
потому что из второго глаза вода течёт.
(*Tollonjoki — Толлорекка*)

Если в последний день февраля капнет хотя бы
одна капля со стрехи, то будет раннее лето.
(*Poaep (Pogosta) — Паданы (Погост)*)

В каком месяце пьют меньше всего воды?

В феврале
(*Vahvojjärvi — Вагвозеро*)

15.02 (02.02) — Sreiten'n'u, Sr'eten'n'a, Strieten'd

Sreiten'n'as talvi lähtöy kevätpuoleh.
(СКЯ ливв, с. 343)

Sreiten'n'as päivy rubieu selgenemäh.
(KS, s. 475)

Sreitenieda myöt' primietitäh keviädä.
(СКЯ тв, с. 257)

Sreiten'n'ašta jo linduzet kerävytäh lendämäh järelläh päin.
(СКЯ тв, с. 257)

Srietenieštä jo linduzet puaraziin složiečetah.
(СКЯ тв, с. 255)

Kuuz nedälie on Raštavan synnynpäiväs parahiks Sreiten'n'ah.
(KKS, V, s. 506)

29.02 — Kasjananpäivy, Kasjananpäivä, Kasjananpäiv

Kasjanan päivä tämä on osobe. Kasjanua pruaznujajah vain nellännellä vuuvella, Kasjanan piänä vain muissellah ripuštuáčennuzie da vedeh uponnuzie, juočiečennuzie. Šillä päivällä vain heidäh otpevajah. Oma piä luadikkah iččiellä nin kolmen vuuvan jälgeh vain muissellah... Kasjana on ves'ma strougoi, kunne päit' kačahtau, i kun rahvahaže päit' kačahtau, ... nin šinä vuodena lieu ves'ma äijä kuolijua. Jygie vuoži lie-nöy rahvahalla. Kačahtau meččih päit', mečät ruvetah palamah... Kasjana on kallis i varattava päivä.
(Пунжина зап. в 1970 г. от Лисицыной Е. Ф., ФА, 1593/5)

15.02 (02.02) — Сретение

После Сретения зима пойдёт на лето.

Со Сретения день проясняется.
(Siämärvi — Сямозеро)

По Сретению примечают весну.

Со Сретения птички собираются лететь обратно.

Со Сретения птички начинают складываться в пары.

От Рождественского поста до Сретения шесть недель.
(Suojärvi — Суоярви)

29.02 — Касьянов день

Касьянов день — особый. Касьяна празднуют только на четвёртый год. Только на Касьяна поминают повесившихся и утопившихся, спившихся. Только в этот день их отпевают. Кончишь жизнь самоубийством, только через три года помянут... Касьян очень строгий, куда взглянет, и как на людей взглянет... то в этом году будет очень много умерших. Тяжёлый год у людей будет. Посмотрит на леса, леса гореть будут... Касьян — почитаемый и страшный день.
(Толтаңу — Толмачи)

Kevätćura — talven kevätpuoli

Pyhäkeski, pyhäkeški, pyhäkešk

Pyhäkeski — aigu Rastavas Maidopyhäälaskussah.
(*KKS, IV, s. 558*)

Pyhänkežeššä ei roattoa, pidäy gul'aiija.
(*KKS, IV, s. 558*)

Pyhäkesk on kuuluž argi svuad'boih niškoin.
(*KKS, IV, s. 558*)

Adivonedeli oli pyhänkeššesšä Muaslenčah šuaten.
(*СКЯ тв, с. 9*)

Pyhälasku, pyhälaskunedäli, pyhalašku, pyhalaškunetäli, pyhälask

Pyhälasku — päivy pyhiä vaste. Suurenpyhälasku, roštuonpyhalašku (spuasunpyhälasku), petrumpyhälasku.
(*KKS, IV, s. 558*)

Pyhänlaškuna ei roata nimidä, čurissah.
(*KKS, IV, s. 558*)

Pyhälaskus vai riehtilät rämistäh.
(*СКЯ ливв, с. 291*)

Pyhälaskun ku ompelet, sit sormii ajaa koko vuuven.
(*Рауха зап. в 1905 г. от Палагу Есой, НА, 5/68*)

Pyhälaskuildannu ei stolua kabrastettu.
(*KKS, IV, s. 558*)

Pyhälaskun pitkiä pelvastu čuratah, tyttöloin lähtielöi poltetah.
(*СКЯ ливв, с. 291*)

Вторая, весенняя половина зимы

Рождественский мясоед, период между постами

Рождественский мясоед — время от Рождества до Масленицы.

В Рождественский мясоед не работают, надо гулять.
(*Tunguo — Тунгуда*)

Рождественский мясоед — знатное время для свадеб.
(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица*)

Гостевая неделя была в Рождественский мясоед, до Масленицы.

Заговенье, мясопуст, Масленая неделя

Заговенье — последний день мясоеда, день накануне поста. Заговенье перед Великим постом, перед Рождественским постом, перед Успенским постом и перед Петровским постом.

В мясопуст ничего не делают, катаются с гор.
(*Valdai — Валдай*)

В заговенье только сковороды гремят. (На Масленной неделе пекут блины. — *Прим. сост.*)

Если в мясопуст будешь шить, то пальцы будет нарывать весь год.

Вечером в заговенье не убирали со стола.
(*Imbilahti — Имтилахти*)

В мясопуст катаются, чтобы длинный лён вырос, жгут костры у прорубей тех домов, где имеются де-вушки на выданье.

Pyhälaskunedäli kai čuratah mägie, vahnembi čuruau pitkiä pelvastu.
(KKS, IV, s. 558)

Pyhälaskunedäli on lauzinani, argie syyväh joga päiveä.
(KKS, IV, s. 558)

Pyhälaskunedäлил blinua da kyrziä syyväh.
(KKS, IV, s. 558)

Muaslenčanedelillä rejen jällen kattau lumella, nin liey gribavuoži.
(СКЯ тв, с. 42)

Šanotah muaslenčanedelillä konža lunda laškou, niin lieu gribua äijä, šiendä da gribua.
(KKN, I, s. 92)

Lumi lumele surmua jälgeh pyhälassun.
(KS, s. 254)

Gu oli viimine pyhälasku tuuzan keskiine dai blahozeen'an on merituulet, sit kalakezä.
(Суксина зап. в 1936 г. от Тимофеевой Н.И., НА, 135/26 (837))

A ka alottuč arg, viijittih miähel'l', a Muas'l'enčan mol-doit tullah gos't'ih. Šilloin brihat paktah miäčcy, značit täm väv andau brihoill tämän miäčcyn. Ei! D'engu andau, hin andau d'engu viinah, a brihat antah tämän miäčcyn. I vot kaiken muas'lenčn'ed'lin lipaijah, r'iktah miäčcy, vävyt brihoild miäčcy ottah i l'eiktah. Hy ei annet, hy heil'd šuapkat ottah, vävyt. Muuvet i torah šuat, i šid' tuvvah tuaš miäčcyn, raz' napas'it! Ned'lin aloo miäčcy kolm n'el'l' l'eiktah. Do tavo lipaijah. Što väv ottau, l'ähtöy hyppimäh, kunnen'but' furniu ili rikkou tämän miäčcyn, a brihoil žual'. Ka täd ruattih muas'l'enčan brihat ed vävyt nuaret.
A laptuh kizattih, šanon viäl', naiz'et moržimet. Yks'nain' ol' jygihän' i kizai, l'äks' hyppimäh, hänen i

На Масленой неделе все катаются с гор, взрослые катаются, чтобы длинный лён вырос.

На Масленой неделе послабление в еде — каждый день едят скоромное.
(Suojärvi — Суоярви)

На Масленой неделе едят блины.
(Siämärvi — Сямозеро)

Если на Масленой неделе санный след покроеет снегом, будет грибной год.

Говорят, если на Масленой неделе будет идти снег, то уродится много грибов, пластинчатых и трубчатых.
(Tolmačču — Толмачи)

Снег снегу смерть несёт после Масленой недели.
(Suojärvi — Суоярви)

Если в последний мясопуст шёл снег и в Благовещение будет дуть ветер с моря (Ладожского озера. — Прим. сост.), то будет рыбное лето.
(Rajakondu — Погранкондуши)

А вот мясоед начался — замуж выходили, а в Масленицу молодые ходят в гости. Вот тогда парни и просят мяч, значит молодой мужчина ('зять') даст парням мяч. Нет! Денег даст, он даст денег на вино, а парни дадут [им] этот мяч. И вот всю масляную неделю гоняют, колотят по мячу. Молодые зятя отбирают у парней мяч и рвут. Они не отдают мяча, а как не отдали — зятя отбирают у них шапки. Иной раз и до драки [доходило], а потом принесут мяч. Разве напасёшься! За неделю мяча три-четыре порвут. Пинают до того, что зять заберёт, побежит, куда-либо швырнёт или порвёт этот мяч. А парням жалко. Парни да молодые зятя вот это и проделывали в Масленицу.

ožattih šarzell. A šantah ”Mid händäh ožuul’et! Hänešt liäy s’eičas kakš!” I nagrettih.
(Пунжина, 2001, с. 100–101)

Maidopyhälasku (pyhäpäivy), Muaslenča, Pyhälasku, Pyhälask

Muaslenčašta lähtöy pitkä šeiččimen nedelie pyhä.
(СКЯ тв, с. 163)

Kuna talvena Muaslenčan čuravojällen kattau lumella, že liey gribavuoži.
(СКЯ тв, с. 163)

Enžimäzen kerdazen kun čurahtau lotkalla gorua myöten Muaslenčana, kun edähäkš mänöy, niin pitkiä pelvašta lieu.
(ККН, I, с. 92)

Maidopyhälaskun ajeltah heboloil, sit pitkiä pelvastu kazvau.
(СКЯ ливв, с. 201)

Ajeldii pyhälaskuna. Pyhä proid’iu, roštuan pyhä, no, se rodieu d’o pyhälasku, ni siid’ä. Suurda pyhiä vasse, jäl’gimäzet päivät tuasta, pyhälasku aijat toože ad’voih kävel’d’ii... No, ni siid’ä pyhälaskuo vassen n’ed’eli yn’n’ää gul’aidii...
No, silloin regyzil’l’ä kataijahaze, da siid’ä hebozilla ajellaa, da... Kel’l’ä ad’vuo on, da siid’ä pyhän’ä piän’ä hebozie val’l’assetaa da ajellutetaa da, pajossa. T’yt’öt korj’aa kerryt’ää, da pajatetaa, siel’ä briha ajeluttau. Briha siel’ä ku ollou znakomoi, kel’l’ä ženihha. Pit’kie pajoloja pajatetaa. Pyhälaskuna tullaa lähizistä kylistä gostii, hebozilla tullaa, siid’ä ajellutetaa, ked’ä on omua, kerryt’ää, da ajellutetaa t’yt’öl’öjä. Brihat ajellutetaa, diäd’öt ajellutetaa plem’an’ničjoja.
(Конкка, 1980, с. 113)

А в лапту играли, к тому ещё женщины, молодухи. Одна женщина была беременной и то играла, побежала, её и ударили мячом. А тут и говорят: «Что ты её бьёшь! Из неё сейчас двое получится!» Вот и смеялись.
(Nouvoi — Новое)

Воскресенье Масленой недели, Масленица, Прощёное воскресенье

От Масленицы начинается в семь недель долгий пост.

Если на Масленицу зимой заметёт следы от ката-ния, то год будет грибным.

Когда на Масленицу первый раз скатиться с горы на ледянке и проедешь очень далеко, то уродится высокий лён.
(Толмаччи — Толмачи)

В воскресенье Масленой недели катаются на лоша-дях для того, чтобы вырос хороший длинный лён.

На Масленицу катались. Пост пройдёт, Рождествен-ский пост, а потом уже наступит Масленица, перед постом (в кар. слове «Масленица» — pyhälasku / букв. «отпуск поста» / подчёркивается переходность време-ни Масленицы. — Прим. сост.). Перед Великим постом, в последние перед ним дни, на Масленицу тоже гостили, (девушки) ходили в адьво... неделю до начала поста всю гуляли.
Тогда на санках катаются да на лошадях ездят, да... У кого девушки-адьво гостят, то в воскресенье ло-шадей запрягут и девиц катают, с песнями. Девицы в санях сидят, песни поют, а парень за кучера, зна-комый или жених чей-нибудь (из катаемых). Дол-гие песни поют. На Масленицу приходят из сосед-них деревень, а если в гости на лошадях приезжают, то те катают, собирают своих, кто есть, катают де-вушек. Парни катают да дядья катают племянниц.
(Suvipiä — Мяндусельга)

Korjat, pyhälaskuna l'ähet'ää ajelomaa, t'yt't'yö da brihoa, hyväd hebožed, l'entad vembelil'öih panna t'äh, erähäl'l'ä ei joo korjoo ga, reješša, ridil'öil'l'ä. Kel'l'ä on uhažoara niin viel'ä uhažoara tulou hebožella otamaa.

(Конкка, 1980, с. 112)

/Muissat sie kuin pyhälaskuna ajellutettih?/Sen mie muissan hyvin, no, laitareillä... silloin korisettih hepozie./Milläpä ne korisettih?/No, näin lentad sivotah en aioih, da vembeleih sivotah, da.../Minkä värizie ne oli?/No, mie nyd en muissa, ruškeida, naverno, enämbistö oli... No, šiinä kun ajeldih, ka šiinä elä mäne tiellä! Šiinä kačottih kellä on paraž heponi.

/Aha, että šiinä niin kuin kilpailu oli?/No, se oli ku kilpailu, no ei hyö näin, jotta rinnakkah ajettu, a toini toizel jälkeh. No, kylieä myöt'e ajetah, dak šiinä-to kyličče ed mäne, no vot jovella vyiditah, ni šiinä kačotah šiiä kenen se on heponi enžimäine. Sen mie muissan hyvin!/Jokieko pitkin ajettih?/Ei, kun hyö ajettih kylieä, (ni) käythi šuaressa. Mie muissan hyvin kuin hyö ajettih — tuolda Alapiästä aletah ajua, no, tämä piä tästä puolen ajau, a se mierun tie oli, Pavlov St'epkan šiinä talo oli, šiinä Graffan taluo eule...

/"Mierun tie" sanottih?/No, mierun tieksi, mitä myöt'ei painuo vejettih, vot kaikki — heinäällä lähetäh, šiiä poikki jovešta matattih. Tuosta se mäni, tuossa vanha Kokon talo oli tuossa, sen rinnoičči, ni šiinä mukka oli kak raz oikein šuuri. Ni šiinä ku vauhtie hyvyä männäh, ni välillä ku lennetäh... Se piti mahtoa šiinä rulie hevoista, jotta se ei... niin äkkie pyörähtäy, jotta pyörähyttäy jo rejed...

/Oliko ne pojat (ajelluttajina)?/Sielä pojat, miehed, työtö, tyttöi ajellutettih... naizie mužikat šemmozet ajellutettih... vingutah šiiä, karjutah./No, kuinka äijä (henkie) mahtui rekeh?/No, hengie nel'l'ä. Laitareki, dak. Sielä tyttö pojan kera voi olla ili, možot, miež nuori naizeh kera voiz olla./A muita sukulaizet ajellutti?/Dak, kyläläizet, kaikki tuttavat. Yksi šanou: tule miun kera, toinen: tule miun kera, vot. Meidä-da äpärehiä ei otettu, konešno.../No, sielläkö laulet-

На Масленицу парни и девицы отправляются кататься на санях (праздничные сани — корьят) — хорошие лошади, ленты к дуге привязывают... У некоторых нет корьи, так в (простых) санях, в дровнях на ридилях (жердях) сидят. У кого есть ухажёр, так ещё и ухажёр приедет на лошади забирать.

(Sel'gi — Сельги)

/Помнишь ли, как на Масленицу катались (на лошадях)?/Это я хорошо помню, да, на лайтареки (сани с высокими краями) ... тогда лошадей украшали./Чем украшали?/Вот так ленты привязывали на оглобли да на дуги привязывали, да.../Какого цвета они были?/Ну, сейчас не помню, красные, наверное, большинство были... Но, тут как раскатывали, так тут на дорогу не ходи! Там смотрели (оценивали), у кого лучше лошадь.

/Ага, значит, соревнование было?/Да, было как соревнование, но не так они, чтобы рядом ехали, а друг за другом. По деревне-то едут, так тут сбоку не обойдёшь (не обгонишь), а вот на реку выедут, так там уже посмотрят, чья лошадь первая (придёт). Это я хорошо помню!/Вдоль по реке ехали?/Нет, когда они по деревне ездили, то заезжали на Остров (ехали поперёк реки). Я помню хорошо, как они ехали — оттуда с Алапия (Нижний конец) начинают, а на этом конце со своей стороны едут, а там мирская дорога была, Стёпки Павлова там дом был, там (теперь) дома Граффа нет...

/Называли «мирской дорогой»?/Да, мирской дорогой, по которой грузы возили, все — вот за сеном поедем, так в этом месте реку переезжали. Вот там она шла, там старый дом Кокко стоял, рядом с ним (проходила), так там как раз поворот был большой. Там как на большой скорости едут, так иногда как будто по воздуху летят... Это надо было там уметь управлять лошадью, чтобы она не... так быстро повернёт, что вывернет и сани...

/Парни возчиками-то были?/Там парни, мужчины, девицы... девиц катали, женщин мужчины уже катали... визжат там и кричат./Сколько человек в сани входило?/Ну, человека четыре. Лайтареки,

tih?/Laulettih, da vinguttih, karjuttih mukissa niiz, siellähän lumi lendäy, ku heponi hellistäy semmoista kyytie, jotta...

/Oliko semmozie — kordiksi vielä kučuttih — pruzniekkarekilöi?/No, miehan sanon — laitarejet, polukrugloid laijad näin... laitarejet, jo melko korkiet laijat.../Oliko se semmoni kaitani?/Ei, ihan nastojaščoista rejestä (otettu malli). Kaitazet ne nykyäh, mie kačon, venäläized näydetäh, tuommozed jalakset, nehän heti... a tämä oli ihan nastojaščo rei, melko levie, vot tämänmoini... Kolme hengie ihan voit sopie tuakše is't'umah./Onko niitä vielä teillä tässä kylässä?/Ei, ei enämbyä. Niitä piettih tol'ko bruazniekoilla ili kunne gostih lähettih, vot, šanomma täst' meildä Kurkeh ili D'yskärveh, vot, ne laitarejet otettih. No, hyö oldih kepied rejiet, jalakset hoikad dai hyö oldih vähäistä lyhyemmät mitä nain kuormarejet./Oliko raspisnoit?/No, ne oli kruassittu, maalattu vain kaitenmoizella värillä, no, näin že kukkie sielä oli laitoja myöt'e kaikki... lauta hoikka, no, jotta kepie reki (oliz).
(*Конкка, 2003a, с. 404–405*)

Vierissän jäl'gie vielä on argi aino, ni siidä konža on kaheksua n'ed'elie, konža on seičendä, konža kymenee sua n'ed'elie kävel'öy, no ni siid'ä tulou ässe pyhälasku. Toičči ko on kymmenen n'ed'elie, siid'ä kaheksan n'ed'elie ku proid'iu Rostovasta, siid'ä ruve-taa tuas ad'voist'eliemaaze da kai tuas t'yt'öt, tol'kko ei huhl'akaksi käyd'ä, a niin suoriellaa, päiväkezroo kävel'p'ää, tuassa meil'ä oli mägi, siihi kerryt'ää illoilla siid' tansuijaa, siid'ä čurnitaa alaa t'än regyzillä niil'l'ä. Pyhälasku oli, ni mägirindaa kävel'dii. T'ämä oli lihapyhälasku, enzimäine, t'ämä maidopyhälasku jäl'gee. Maidopyhälaskuna jäl'gee toože čurnitaa, ilda sie čut' keräyvyvtyä dai en'ambi ei käyvvä. Äijääpäivää sua sil'l'ä.
(*Конкка, 1980, с. 102–103*)

так. Там девица с парнем может кататься или, может, молодой мужчина с женой./А других родственники возили?/Да деревенские, все ведь знакомые. Один говорит: иди ко мне, другой скажет: ко мне иди, вот так. А нас-то, ребятишек, не брали, конечно.../Пели ли там (катающиеся)?/Пели и визжали, и кричали на поворотах, там ведь снег летит, когда лошадь несётся таким ходом, что...

/А были ли такие — называли их ещё кордя — праздничные сани?/Так я и говорю — лайтареки, полукруглые края вот так... лайтареки, но, довольно высокие края.../Были ли они (сани) узкие?/Нет, прямо как настоящие сани. А узкие, они нынче, я смотрю, русские (сани) показывают (по телевизору), такие полозья, они же сразу... а это были совсем настоящие сани, довольно широкие, три человека спокойно назад садятся./Есть ли они ещё в вашей деревне?/Нет, нет больше. Ими пользовались только на праздниках, да если отправлялись куда в гости, вот, скажем, от нас в Кургиево или в Юшкозеро, вот тогда эти лайтареки брали. Да, они лёгкие сани были, полозья тонкие, да они были чуть покороче, чем грузовые сани./Были ли расписные?/Да, они были крашеные, покрашены разноцветными красками, да так вот цветы были нарисованы вдоль краёв везде... доска тонкая, чтобы лёгкие сани (были).
(*Puan'arvi — Панозеро*)

После Крещения ещё долгий мясоед, а потом когда через семь недель, когда через восемь, а когда и до десяти недель доходит — наступает Масленица. Когда десять недель бывает (мясоед), то как пройдёт восемь недель (т. е. за две недели до Масленицы), тогда начинают опять ездить в адьво (гостьба у родных по материнской линии) и опять девушки, только уже не хухляками ходят, а одеваются (в праздничное платье) и ходят на супрядки. У нас тут горка была, здесь собираются вечерами, танцуют, а потом ещё на подсанках с горы катаются. На Масленицу на горы ходили (букв. «на склоны»). Это была мясная неделя, первая, а молочная неделя после неё была. На молочной неделе тоже

Myä t'yt'et, nuaret t'yt'et, i läksim Vasiljeskoih kataičičimah yhel'p' hebzella.

— Hebon'e oli hyvä?

Hyv ol' o, a hebon' ol' äijäl'd' hyv. A patom meil' vaštah i ožauvuttih Vasiljeskois't, kum myä läksimm täšt kyläšt šuarinnut. Urhii i brihoi, i ajettih hyä hebzell pahačzell hebzell, i täll hebzell oldih štanit pandu. A tälp' hebzell pahall hebzell, vaštah ožauvuttih mit, štanit oldih nadinittu, holshizet. Nin täm hebon' čyt aštu, i patom išuttih reješš, i vömblöšš oldih vaššat ripteldu i oldih, i oldih näm pordhat täšš i kaik šub oldih. Oldih šuarinnut hyä i trub ol' heil'. A myä čyt ne vstreli, emm yhteydyn heinken, hy kun trubah kizallettih, miän hebon' kun läksi zugrob! Miät kaik šub kavotel'p', my raujimm! Šid näm tuldih miän kyläh, meid hebon' tarakši zugroboi myt', miän kyläh tuldih kešk kyläl'p', prognalla narduu mi sobričči! Tä m nebon' pyätty, šan "Davai zakurim", nagrettih nagrettih, i myä myäštičimm. Ka n'am täšš i trubah kizattii i kaikkii, ka ol' muasl'enču kuin strečaičim.

— A čurajija kyliä myöt' ali kuin?

A kataičičim, meil' on jogi myt'. Oli jovell, i jiad' myt' jiad' myt' oli dorog. Nui kyli myt' kataičičim. Daa, a viäl' mi t'yt'ras'kz'i pikkarz'ii kataičiin, läksin jovell ajamah šial' jiad' myt'. Hy kun zapoidih virt, mi pualet t'yt't'eras's'at i kavotiin. Hebon' kun läks' taššimah! I vet' šial' äiji kataičičettih, i miänkyl'zet i tuapualizet, i kaikin šub kataičičettih, virt lauletah.

(Пунжина, 2001, с. 70–71)

Maidopyhälaskuehtäl toine toizel prošken'n'ua otetah.
(СКЯ ливв, с. 201)

с горы катаются, вечерами ещё собираются немного (перед постом) и больше не ходят. И так до Пасхи.
(Jouhvuara — Евгора)

Мы, девушки, молоденькие девушки, как-то поехали на одной лошади покататься в Васильевское.

— Лошадь была хорошая?

— О-о, хорошая была, лошадь была очень хорошая. Мы как выехали наряжённые из этой деревни, навстречу нам и попались из Васильевского мужики и парни, а ехали они на плохой лошадейке. И у этой лошади были надеты штаны. А у той лошади, плохой, что ехали навстречу, были натянуты холщовые порты. Так эта лошадь еле шла, и в санях сидели. А на дуге были повешены веники, и была лестница тут и всякая всячина. Они были наряжены, и труба у них была. А мы чуть не встретились, едва не столкнулись с ними. Они как заиграли в трубу, наша лошадь как понеслась в сугроб, нас всех и порастеряла. Мы кричали-кричали! Затем те приехали в нашу деревню. Лошадь нас протащила по сугробам. Они приехали в нашу деревню, [остановились] посреди деревни. Народу сколько собралось в прогоне! Эта лошадь остановилась, [мужик] сказал: «Давайте закурим». Смеялись, смеялись! Мы вернулись. Эти вот и на трубе играли, и всего было. Вот как Масленицу встречали.

— А по своей деревне катались или как?

— А катались у нас по реке, на реке было [катание]. И по льду, по льду была дорога. Ну, и по деревне катались. А я [как-то] маленьких девчонок катала. Поехала на реку кататься по льду. Они как запели песню, я половину девчонок и порастеряла. Лошадь как понеслась! Там ведь много [народу] катались: и наши деревенские, и с той стороны [реки]. Все катались и песни пели.

(Nouvoi — Новое)

Вечером последнего дня Масленой недели просят друг у друга прощения.

Lihapyhälasku on nedäli ennem suurdu pyhiä.

(СКЯ ливв, с. 186)

Lihapyhälaskuh lopeh liha-argi.

(ККС, III, s. 94)

Lihasuovattu on pokoiniekkoin pruzaniekku, a lihapiätteničy on muga kallis päivy.

(СКЯ ливв, с. 201)

Lihasuovatas vie nedäli jïäy suureh pyhäh.

(СКЯ ливв, с. 186)

Maidopyhälaskunnu ku ollou päivänpastro, sit tulou poudu vierdoaigu (kaskenpoltanduaigu).

(Hautala, 1982, s. 67)

Maidopyhälaskunnu astiet pezemätä jätetäh stolale da syömitet, ku vil'oih ei kazvas ohtoidu da heiniä.

(Hautala, 1982, s. 77)

Maidopyhälaskunnu jätetäh stola kabrastamata. Stolas nostah hedi syöndän loppiettuu, ku tyttäret ei jïädäs vahnoikse neidizikse.

(Hautala, 1982, s. 77)

Emändäl pidäy olla ainos jalloil maidopyhälaskupyhänpiän, ku pelvahat oldas šuoriet. Gu mennöy pitkälleh, sit net pelvahat mennäh lagoh, ku istavunnou, sit tullah viärikse.

(Hautala, 1982, s. 82)

Maidopyhälaskun ildazel olles kudai jälgimäzekse syömäh jïänöy, da ku hänen vie stolas olles vieras tullou pertih, ei syöjy elä toizeh maidopyhälaskussah.

(Hautala, 1982, s. 108)

Muaslenčan jälgeh pyhänäpiänä illalla poltamma maijot.

(СКЯ тв, с. 216)

Мясопуст — это неделя перед Великим постом.

Мясоед — период между Рождественским и Великим постом — заканчивается в мясопуст.

(Siämärvi — Сямозеро)

Мясопустная суббота — праздник поминания усопших, а мясопустная пятница — просто почитаемый день.

От мясопустной субботы до Великого поста остаётся одна неделя.

Если на Масленицу светит солнце, то во время сжигания подсеки будет вёдро.

(Suistamo — Суїстамо)

В воскресенье Масленой недели на столе оставляют немытую посуду и остатки еды, чтобы на хлебных полях не росли сорняки и осот.

(Pomantsi — Иломантси)

В воскресенье Масленой недели не убирают со стола. Из-за стола поднимаются сразу по окончании ужина, чтобы дочери не остались старыми девами.

(Salmi — Салми)

В воскресенье Масленой недели хозяйке надо всё время быть на ногах, чтобы лён вырос ровный. Если хозяйка приляжет, то и лён ляжет, если присядет, лён вырастет кривой, неровный.

(Suistamo — Суїстамо)

Вечером в Масленицу кто за ужином последним останется за столом, и если в это время в избу зайдёт гость, то едок не доживёт до следующей Масленицы.

(Salmi — Салми)

После Масленицы в воскресенье вечером разводим костёр, «сжигаем молоко».

Suuri pyhä, Šuuri pyhä, Suur' pyhä

Nellä pyhyä oli vuuvešša. Enzin tulou Šuuri pyhä — šeiččemen nedälie, Pedrunpyhää nellöä nedälie. Šiidä tulou Spواسunpyhä, se on kahta nedälie, šiidä Roštuonpyhä tulou kuutta nedälie.

(KKS, IV, s. 556)

Pyhät andau pappi Suures pyhäs da Spواسanpyhäs.

(KKS, IV, s. 557)

Muštikoin maiduo pučis, painindu nenäs. Ken argie pyhäs syöy, hänel pappi korvat leikkuau da suun paikkuau.

(KS, s. 299)

Ken kai pyhät pidää, se kai nällät nägöö.

(KS, s. 409)

Pyhän aigah vuassu pannah, siendy syvväh, kuaššua, kartohkua, kuivua kalua, paččoi.

(KKS, IV, s. 556)

Pyhä on mennyh, dai vuassu on mennyh.

(KS, s. 408)

Pyhän aigah pidäs kangahat kудuo, voida suittua, kuni lehmät lypsetäh.

(KKS, IV, s. 556)

Sboru on Suuren pyhän enzimäine pyhäpäivy, silloi luajittu pruazniekku. Nedäli ku menöy Suurdu pyhiä, on sboru. Suures pyhäs ei syvvä kalua, ezmäi syvväh sborunnu, sit blahošen'n'an, muul aigua ei.

(KKS, V, s. 503)

Kui proidii pyhäkešk, šiid endžimaine nedal' Suurt pyhäd, endžimaine pyhäpäi oli zbuorupyhäpäi, linnass oli suuri d'armanк. Šihe pyhäpäiväi suai zbuoruisuai ka ku suurei mägei pidi nosta. Se ozutihe endžimaine

Великий пост

В году четыре поста. Первым наступает Великий пост — 7 недель, Петров пост — 4 недели, Успенский пост — 2 недели, Рождественский пост — 6 недель.

(Rugarvi — Ругозеро)

Поп причащает во время Великого и Успенского постов.

(Šiämärvi — Сямозеро)

Молоко Чернушки в бочке, макиво в носу. Кто в пост скоромного поест, тому поп уши отрежет и рот залатает.

(Šiämärvi — Сямозеро)

Кто все посты соблюдает, тот всякий голод знает.

(Suistamo — Суїстамо)

Во время поста ставят квас, едят солёные грибы, кашу, картошку, сушик, пареную репу.

(Šiämärvi — Сямозеро)

Пост кончился, и квас кончился.

(Salmi — Салми)

Во время поста надо холсты ткать, масло копить, пока коровы доятся.

(Suojärvi — Суоярви)

Сбор — первое воскресенье Великого поста, праздник, отмечаемый в этот день. Пройдёт неделя Великого поста, наступает Сбор. Во время Великого поста не едят рыбу. Рыбу можно есть только на Сбор, потом на Благовещение, в другое время её нельзя есть.

(Šiämärvi — Сямозеро)

Когда заканчивался Рождественский мясоед, а затем первая неделя Великого поста, первое постное воскресенье называлось Сбор. В городе проходила большая ярмарка. Дожить до этого воскресенья

pit'k nedal'. A d'älgele zbuorud aig mäni ka ku alamaigei, kuuš nedälid äijäipäiväisuai ned ozuttazuttii lyhydembakš.
(*LT, I, s. 344*)

Šuuri pyhä kun alkau, primietittih: ni enšimmäini oli kevätpäivä, toini oli siitä kešäpäivä, a kolmas — šyyšpäivä.
(*Näytteitä karjalan kielestä, 1994*)

Kolme päivyä primietittih kun šies ollou ni paremin, tulou se kešä, a purku ollou, puolenpäivän purku toisen hot' sielä ni šanotah nyt puoli tulou paremmin, purku a toini šieštä ka kaikkie še tulou ka kuitenkin primietittih niistä.
(*Näytteitä karjalan kielestä, 1994*)

Vot on ollun konsa tulou Suur pyhä. Tiijettö työ Suur pyhä mi on — paska. Ensimmäiset päivät kun ollah pyhässä, ni kun ollou kaunis päivä, sanomma, ensimmäine päivä, no niin siitä tulou kaunis talvi, a toini kun ollou päivä kaunis, ni kesä tulou kaunis, kolmas päivä — syyspäivä, mimmoini tulou se päivä — semmoini ilma käy.
(*Лавонен, Коски зап. в 1977 г. от Васильевой Е. А., НА, 43/105*)

Suuri pyhä surettau, aika kallis kamottau.
(*зап. в 1947 г. от Ё. Хямäläйнен, НА, 23/102*)

Šuurešša pyhäššä, koko seiččemäntenä netälinä, ei pitäis šyyveššä paissa mitänä. Eikä illaššušaikana pitäis konšana paissa, riähkä tulou.
(*Hautala, 1982, s. 112*)

Suures pyhäš ei venčaija, eigo sulhasteta, eigo kizata, eigo liedžuta.
(*KKS, V, s. 585*)

было, как на большую гору подняться. Такой длинной казалась эта неделя. А после Сбора время шло как будто под гору, шесть недель до Пасхи казались более короткими.
(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

С началом Великого поста примечали: какой первый день поста, такая весна будет. Какой второй день — такое лето будет, а третий день покажет, какая будет осень.
(*Oulanka — Оланга*)

Три дня примечали, если погода получше, то и лето будет хорошее, а если пурга, хотя бы и полдня, то половина лета будет хорошая, а другая — нет.
(*Oulanka — Оланга*)

Вот когда наступает Великий пост. Вы знаете, что такое Великий пост — Пасха. Первые дни поста, если первый день погожий, то будет хорошая зима, а если второй день погожий, то будет погожее лето, третий день — осенний день, какой будет этот день — такая и погода будет.
(*Kiestinki — Кестеньга*)

Великий пост тоску наводит, пора дорогая приводит в ужас.
(*Uhut-Kalevala — Ухта-Калевала*)

Во время Великого поста — все семь недель — во время еды не надо бы ничего говорить. И во время ужина не надо болтать, это грех.
(*Vioppini — Войница*)

Во время Великого поста не венчают в церкви, не женихаются, не играют, не качаются на качелях.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Suuressa pyhässä ei soa kisata. Vain nuorasillah juostih, vain ei kisattu. Sanottih jotta tyttäret kuoppah ta pojat karsinah Äijähpäiväh soate.

— Mintähän tyttäret kuoppah ta pojat karsinah?

No kačo ne ei soa männä miehellä Suuressa pyhässä, eikä i kisata.

(Virtaranta, 1958, s. 568)

Suures pyhäs voidu, maiduo suitetah kevätarres syvvä.

(KKS, V, s. 585)

Iellä pyhät oli kuuzi n'ed'elie, seiččemestä k oli Äijäpäiviä, ni hot ollou jo viizi vuotta ku siun brihačču, vie pienemmät, ni ei annettu maiduo, mid'ä syyvvää vanhemmat, sid'ä i sie syö. En tiijä, hapatetaa vain kunna pandii, voida taiginat suuret siäset'ää dani. Vet' oli gluupat dielot, pravdua sanuo. Lapsi n'al'giä kyzyy, dani kyzyy maiduo, da itköy, a hyö pyhiä piet'ää. Mie muissan, kolme l'ehmiä meil'ä oli aino da n'el'l'ä t'ässä talossa. Mänet siel'ä šipnit, otat mid'ä kai rahkua peiton piäh, a annettua ei syyvvä. Seiččemen n'ed'elie, sie duumai. Se oli Rostuonpyhä toože, dai Spuassunpyhä, Pedrunpyhä.

(Конкка, 1980, с. 103)

Kun oli Suuri pyhä, ei suanun syvvä lihua, voita, maituo. A Suuri pyhä pijettih talvella. Siitä sanottih lapsilla: pitäy pyhittyä. Jos syöttä maituo ta voita, niin jumala tulou Äijänpäivänä ta panou teijät altahan alla. Siitä että niä Äijäpäivyyä.

Suuressa pyhässä hauvottih naurista kiukuassa, čuhurnikassa i kaikkie pyhähistä ruokua, vain ei maituo. Jauhottih ruista käsikivellä, i rukihisesta jauhosta luajittih mämmi.

(Лютютинен зап. в 1985 г. от Лютютинен К., НА, 118/93)

В Великий пост нельзя играть. Лишь только с верёвочкой бегали, но не играли. Говорили, что девушек в погреб и парней в подполье до Пасхи.

— Почему девушек в погреб и парней в подполье?

— Им нельзя выходить замуж в Великий пост и играть (танцевать).

(Sohjanansuu — Софьянга)

Во время Великого поста запасают масло и молоко, для еды во время весеннего мясоеда.

(Siämärvi — Сямозеро)

Раньше посты были по шесть (Рождественский) да по семь (Великий пост) недель, и вот хоть пять лет было, как твоему парнишке, да ещё и поменьше, так не давали ведь молока. Что родители едят, то и ты ешь. Не знаю, в простоквашу ли превращали или куда девали, масло бочками сохраняли. Ведь глупые были дела, правду сказать. Ребёнок есть просит, плачет, а они постятся. Я помню — по три коровы у нас было, да по четыре в этом доме. Пойдёшь, да что-нибудь ущипнёшь, возьмёшь какого-нибудь творогу украдкой, а так не давали есть. Семь недель — ты подумай. Рождественский пост был тоже, и Успенский пост, и Петров пост.

(Jouhvuara — Евгора)

Во время Великого поста нельзя было есть мясо, масло, молоко. А Великий пост был зимой. Говорили детям: надо поститься. Если будете есть молоко и масло, то в Пасху придёт Бог и положит вас под корыто. Тогда вы не увидите Пасху.

Во время Великого поста парили репу в печи и ели постную еду, только не молоко. На ручном жёрнове мололи рожь и из ржаной муки готовили мямми (мучную кашу с солодом. — *Прим. сост.*).

(Luusalmi — Луусалми)

Ristuleibynedäli, Ristileipänetäli, Ristleibnedäl'

Ristaleibänedäli on Suures pyhäs nelläs nedäli.
(*KKS, V, s. 123*)

Ristinetälikši šanottih nelläš netäli Šuurta pyheä.
(*KKS, V, s. 123*)

Varoi lähtijes sanou sygyzyl: ristuleibynedälil tulen, a ku en tulle, en ole hengis.
(*KKS, V, s. 123*)

Ristuleibynedälil pastetah ristuleibiä, pietäh rugehis puurus da kylväjes keviäl i sygyzyl žiivatoile syötetäh.
(*KKS, V, s. 123*)

Ristuleibypäivy, Ristileipäpäivä, Ristleibpäiv

Ristuleibypäivy on Suuren pyhän nelländen nedälin kolmaspäivy, konzu pastetah "ristuleibii".
(*KKS, V, s. 123*)

Ristaleibäpäivä on Suures pyhäs nellännel nedälil kolmanpiän.
(*KKS, V, s. 123*)

Suures pyhäs on ristuleibypäivy, sit rissällyö kävyvy ristimpoigu ristuleivil, andelou leivän.
(*KKS, V, s. 123*)

Ristuleibynedälil pastetah leiby da sen piäle luajitah taiginas ristu. Jogahine ristilapsi vief ristižäle libo rist'oise leivän ristupäivänny.
(*Hautala, 1982, s. 307*)

Средокрестная, Крестопоклонная неделя

Крестопоклонная неделя — четвёртая неделя Великого поста.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Крестопоклонной неделей называли четвёртую неделю Великого поста.
(*Kontokki — Контокки*)

Ворона, улетающая осенью, говорит: прилечу на Крестопоклонной неделе, а если не прилечу, значит, меня нет в живых.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

На Крестопоклонной неделе пекут хлебцы с крестом, хранят в закроме с рожью, скормливают скотине весной, во время сева, и осенью.
(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица*)

Средокрестие

Средокрестие — это среда четвёртой недели Великого поста, когда пекут хлебцы с крестом.

Средокрестие (день хлебца с крестом — букв.) приходится на среду четвёртой недели Великого поста.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Во время Великого поста есть средокрестие, тогда к крестному приходит крестник на хлебцы с крестом, даёт хлебец.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

На Крестопоклонной неделе пекут хлеб, а сверху делают крест из теста. Каждый крестник в средокрестие относит своему крестному или крестной этот хлеб.
(*Pomantsi — Иломантси*)

Ristileipien netäli kun tuli, šiitä käytih ristileipie kantamah, vietih hoš kellä heimolaisella, parahittuan kylä ristimuamolla ta ristituatolla. Ne oli šiitä ristileivät, vaikkei ois vienyn kun vuatetta, koššon elikkä peretnikän.

(KKS, V, s. 122)

Kun lähettih ristileipie kantamah nin otettih leipä ta pantih šuolua ta šiitä pantih ristimuamolla räččinä tahikka peretnikkä. Tahi kellä oli enämpi mistä pan-na ni se pani ihan kostoh soate. Siitä ristimoamolla annettih ta šiitä jalkah kumarrettih. Yškäh heitettih ristimoamolla ta šiitä jalkah kumarrettih: ristileivät ota vaštah! — No ristimoamo otti ne vastah. Siitä ristimoamo vastai suuremmalla mitalla, enemmän se sieltä lahjoa vastah anto. Se anto kostuo ta räččineä ta peretnikkeä ta paikkaa ta... Ristitoatolla kannettih päitavoate tahi puksuvoate tahi mitä semmoista.

— Mimmoni se ristileipä oli?

Se oli tavallini leipä, niinkun Karjalassa leivottih semmoini.

— Oliko siinä ristileivässä mitänä ristie näköšällä?

Olihan siinä semmosella päriellä tahi sul'ččinalassalla paineltu ristih, jotta siih tuli niinkun verkon silmät.

— Voitihko ristileivät kantoa semmoisella ken ei ollut lasta ristieissä pantu ristitoatoksi?

Voitih kantoa. Jos sattu niinkun keltä ristitoatto eli ristimoamo kuolomah tahikka mäni loitommaksi jotta ei voitu kantoa ristileipie, nin ketä himotti šiitä ristitoatoksi niin se šiitä ristitoatoksi tahi ristimoamoksi nossettih. Ta kannettih šiitä sinne ristileivät.

(Virtaranta, 1958, s. 586)

Kolme ristaleibiä paisetah, yks rištimal, toine rištizäl, kolmas pannah jumaloin edeh nedäliks, siit ruispuurunuh; siit otetah kylväjes komššah. Rištima (libo rištizä) ristaleivän ottau da ristityttären (libo ristipoijan) piäl nostelou: jumal andakkah lykkyö, tervehyttä (andau vie puarat libo paidazen).

(KKS, V, s. 122)

Когда наступала Крестопоклонная неделя, ходили раздавать хлебцы с крестом, носили кому-либо из родни, лучше всего, конечно, крестной и крестному. Это были хлебцы с крестом, даже если бы и не относили ничего, кроме одежды, кошто (сарафана) или передника.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Когда шли раздавать хлебцы с крестом, то брали хлебец, клали соль и сорочку или передник для крестной. Или если у кого была возможность больше положить, тот накладывал прямо до сарафана. Потом крестной отдавали и в ноги кланялись в ноги: прими хлебцы с крестом! Крестная принимала хлебцы с крестом. Потом крестная в ответ дарила больше подарков. Она давала сарафан или передник, платки... Крестному относили отрез на рубаху или штаны или что-нибудь подобное.

— Как выглядел хлебец с крестом?

— Это был обыкновенный хлеб, какой пекли в Карелии.

— На хлебце с крестом был какой-нибудь крест?

— Лучиной или лопаточкой для сканцев прижи-мали тесто крестообразно так, что получались как будто ячеи сети.

— Могли ли относить хлебцы с крестом тому, кто не был при крещении ребёнка назван крестным?

— Могли. Если у кого-нибудь умирал крестный или крестная, или уезжал подальше, что не могли туда отнести хлебцы с крестом, то крестным или крестной называли того, кого хотели. И несли туда хлебцы с крестом.

(Akonlakši — Аконлакши)

Пекут три хлеба с крестом, один — крестной, другой — крестному, третий кладут перед иконами на неделю, а потом в закрое с рожью; потом берут с собой в корзинке, когда идут сеять. Крестная (или крестный) берёт хлебец и поднимает над головой крестницы (или крестника): дай Бог удачи, здоро-вья (и ещё даёт парочку (женский наряд. — Прим. сост.) или рубашечку).

(Suojärvi — Суоярви)

Puoles Suures pyhäs pastetah ristuleivät (rugehine, oz-raine libo kagraine), huvembaizet muudu leibiä, piäliči sormen järevyöt tahtaspatat ristah; jumaloin piäl pal'čal heitetäh; sit kylvyö vaste puurnuh heitetäh; sit kagroin kylväjes otetah yksi keral — vil'l'an keskes on komšas kylvändyaigah — sit kodih tulduu syvväh.

(KKS, V, s. 122)

Mi ristuleibypiän level, se D'yrrinpiän muas.

(KS, s. 429)

Kolmanpiän kävväh ristuleivil: rodnis kävelläh, ristuleiby annetah (nižuline libo rugehine leiby, sormenjärevis ristu piäl tahtahas), vastah annetah podarkua libo jengua.

(KKS, V, s. 123)

Suuren pyhän viijes nedäli, Šuuren pyhän viiješ netäli, Suuren pyhän viidež nedäli

Suurez pyhäh ku Muarjan yöl on äijy tiähtie viijendel nedälin nellätty päiviä vasta, siid roih sinä vuon äijy muarjua.

(Волкова зап. в 1936 г. от Тимофеевой Н.И., 132/71)

В середине Великого поста пекут хлебцы с крестом (ржаной, ячменный или овсяный), меньше размером, чем обычный хлеб, сверху укладывают в форме креста кусочки теста толщиной с палец; кладут на полку над образами; потом перед севом кладут в закрюк; когда идут сеять овёс, один хлебец берут с собой — во время сева он лежит в корзинке вместе с зерном — потом, вернувшись домой, его съедают.

(Siämärvi — Сямозеро)

Сколько в средокрестие на крыше, столько на Егория на земле (о снеге).

(Siämärvi — Сямозеро)

В среду ходят на хлебцы с крестом: обходят родных, дают хлебец с крестом (пшеничный или ржаной хлеб, сверху крест из теста толщиной с палец), в ответ дают подарки или деньги.

(Siämärvi — Сямозеро)

Пятая неделя Великого поста, «Похвальная»

Если в Великий пост в Марьину ночь много звёзд на пятой неделе накануне четверга, то в этом году будет много ягод.

(Piži — Обжа)

Kevät

Весна

Keikkuvat on kevyäset päivät.
(KSP, s. 77)

Изменчивы весенние деньки.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Kevyäl'l'ä šii äjau šeiččemel'l'ä hebozella päivän oloo.
(Степанова, 2000, с. 272)

В весенний день погода едет на семи лошадях.

Kevätpäive kaheksal hebol äjau.
(KSP, s. 84)

Весенний день на восьми лошадях едет.
(Pelduoine — Пелдожа)

Kevätsiä kahteltostu podvodal äjau.
(KKS, IV, s. 421)

Весенняя погода на двенадцати подводах едет.
(Siämärvi — Сямозеро)

Viitenä kuutena kevyäni päivä, šeiččemenä jo šykyšynä.
(šii muuttuu)
(Ремшьева зап. в 1976 г. от Ремшьева П. С., НА, 60/148)

Пять-шесть дней — весна, на седьмой уже осень.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Kevähini kehno ilma hyvyä ajattelou.
(KSP, s. 84)

Весенняя непогода о хорошем думает.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Ägieh keviäs päivy paistaa, ga kezä kylmä i tulou.
(KS, s. 152)

Жарко весной солнце светит, да холодное лето будет.
(Suistamo — Суйстамо)

Aigaseh päivä paistaa, vilu kevät tuloo.
(KS, s. 411)

Рано солнце светит, будет холодная весна.
(Suistamo — Суйстамо)

Päivä kun kuloh äijän räkittää, ka vilu kevät tuloobi.
(KS, s. 411)

Если солнце сильно печёт на прошлогоднюю траву, будет холодная весна.
(Korbiselgä — Корбисельга)

Jäiheš kevyäni päivä paistau — pitäkši kevyäkši.
(Ремшьева зап. в 1976 г. от Ремшьева П. С., НА, 60/235)

Ildarusko on keviäl keliksi, sygysyllä lämbimiksi.
(KS, s. 97)

Kevätrusko kelijä, syysrusko lämminä.
(KS, s. 152)

Kevätrusko kelikse, syysrusko rännäkse.
(KS, s. 152)

Kevätrusko talven jatkuo, syysrusko sadetta.
(KS, s. 152)

Luodehen koitto keviäs kelikse, sygyzys lämnikse.
(KKS, III, s. 195)

Keviäl kelikse, sygyzyl lämbimikse (sanotah ilduzor'as).
(KS, s. 151)

Kevät jo oččua ozuttau.
(СКЯ ливв, с. 136)

Kevätpäivy vuvven syöttäy.
(СКЯ ливв, с. 136)

Tyvi ylähpäi, ladvu alahpäi.
(СКЯ ливв, с. 102)

Jesli ollou jiapurahat pitkät — kevät roih pitky.
(Макаров, Рягоев, 1969, с. 192)

Pitkät purahat roih, sit pitky kevät roih, a lyhyöt on, sit lyhyt kevät.
(KKS, IV, s. 519)

Если весеннее солнце припекает, пока лёд не сошёл,
это предвещает затяжную весну.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Вечерняя заря весной к морозу, осенью — к теплу.
(Suistamo — Суйстамо)

Весенняя заря к морозам, осенняя заря к теплу.
(Imbilahti — Импилахти)

Весенняя заря к морозам, осенняя заря к дождю.
(Imbilahti — Импилахти)

Весенняя заря — продолжение зимы, осенняя
заря — к дождям.
(Salmi — Салми)

Заря на западе весной к морозу, осенью к теплу.
(Suojärvi — Суоярви)

Весной к морозам, осенью к теплу (о вечерней заре).
(Suistamo — Суйстамо)

Весна уже лоб показывает.

Весенний день год кормит.

Комель кверху, вершина книзу.

Если сосульки длинные — весна будет длинная.
(Kolatselgy — Колатсельга)

Если образуются длинные сосульки, будет затяж-
ная весна, а если короткие, то весна будет короткая.
(Siämärvi — Сямозеро)

Jiäšorpu

Сосулька

Primietitäh mečas. Ku puulois ymbäri on rounoi lumi, sit pitky kevät roihes. Neče pitky kevät roihi, a vai puulois ollou midä kiehkoiti ymbäri, sit roihi ylen lyhyt kevät. Sit žiivattu voibi aijombi meččäh työtä.

(Рягоев зап. в 1966 г. от Гориловой А.Г., ФА, 698/17)

Hyvii vuozii vaste ylen äijäl matkuau joves jiä, a pahoi vuozii vaste onhäi ku verkonsilmil menöy, sit vie hizizöy.

(KKS, VI, s. 698)

Kevätjiä sanou: minä hos en virka nimidä, ga tulla ei pie, a syysjiä sanou: minä hos vongunen, ga tule ielleh.

(KKS, II, s. 155)

Jiän aigua merituulespäi (Luadogaspäi) ku jyräjäy, sit roihi meri vihazembi sinä kezän.

(KKS, III, s. 293)

Jos ukkoni jyrisöy jäihen aikah, niin meččä liikkuu, s.o. kontieta äijä.

(Кауконен зап. в 1942 г. от Трохкимайнена В., НА, 5/252)

Kuna vuodena d'ia on pakšu, niin väliämbäh šulau, a kuna vuodena kun on hoikka d'ia, še kodvan ei šula.

(Степанова, 2000, с. 272)

Kuin ukkoni d'äihi d'yräjäy, niin vuoži lien'öy d'ygie.

(Степанова, 2000, с. 272)

Ukko lumen piällä jurahiti, lieu pattie kežä.

(СКЯ тв, с. 201)

Ku lumenke jyräjää, ni, ka primečaidii, ni vilu kežä lie-nöö. A ku joolu ni mis's'ä jryä, a t'äd'ä, lunda, jyräjää, ni ka l'ämbymä kežä.

(Рягоев, 1980, с. 358)

Примечают в лесу. Если вокруг деревьев ровный снег, то долгая весна будет. Эта весна долгая будет, а если вокруг деревьев есть круги, то будет очень короткая весна. Тогда скот можно будет пораньше в лес отправить.

(Korzu — Корза)

Год будет хороший, если лёд очень быстро движется по реке. Год будет плохой, если лёд будто покрывается ячейками сети и шуршит.

(Siämärvi — Сямозеро)

Весенний лёд говорит: я хоть и не говорю ничего, но идти не надо, а осенний лёд говорит: я хоть и вою, да иди, не бойся.

(Siämärvi — Сямозеро)

Если гром гремит со стороны морского ветра (с Ладоги), пока не сошёл лёд, то в этот год море (Ладога) будет злее.

(Salmi — Салми)

Если гром гремит, пока не растаял лёд, то лес будет двигаться, т. е. медведей будет много.

(Pirttilahti — Пирттилахти)

В который год лёд толстый, он быстрее растает. А в какой год лёд тонкий, он тает медленно.

Если гром гремит, пока не растаял лёд, год будет трудный.

Если снег не сошёл, а гром гремит, то лето будет тяжёлое, «суровое».

Примечали, если есть снег и гром гремит, то холодное лето будет, а если снегу нет нигде и гремит, лето тёплое будет.

(S'elis's'ä — Селище)

(Вариант: KS, s. 109, Suistamo)

Kačottii, što vilu kežä tuloo, ka Birčovan järvie kačottii. Järvel'lä Birčovan ku tuloo kyl'ää päin jie, aštuu kyl'ää pään. Ni še hyvä kežä tuloo, a kun mänöö ka šinne Bui-kovaa randaah, jie, pah kežä lienöö. Harva päävä vain l'ämbymä tuloo, kaikki vilu tuloo.

(Pязоев, 1980, c. 353)

Keviäs jatkuu talvizet tuulet.

(KS, s. 152)

Keviäl merituuli on vilukse, sygyzyl lämmäkse.

(KKS, III, s. 293)

Keviästä luuvehtuuli on taivahan vasta.

(KS, s. 152)

Kevätahava — kuivu kevätтуули.

(KKS, II, s. 155)

Ahavusiä — kuivu, vilu da tuuline siä.

(KKS, I, s. 2)

Ahavutuuli — puriju tuuli.

(KKS, I, s. 2)

Keviäpäivä kuivuau.

(СКЯ тв, с. 97)

Kevätтуули ei ole syvystuulen vägevytтеh.

(KKS, V, s. 616)

Keviäl raista regie tervates, sygyzyl venehty tervates.

(KS, s. 152)

Rais keviäl vilukse, a sygyzyl lämmäkse.

(KS, s. 418)

Kevätvihma kažvattau, šyvyšvihma hapattau.

(KSP, s. 83)

Примечали, что холодное лето будет: вот, по Бирючёвскому озеру примечали. Если на Бирючёвском озере пригонит лёд в сторону деревни, плывёт в сторону деревни, тогда хорошее лето будет. А как отгонит лёд в сторону Буйкова, плохое лето будет: редкий день тёплым будет, всё время холода будут.
(S'elis's'ä — Селище)

Весной продолжают дуть зимние ветры.

(Salmi — Салми)

Весной морской ветер (ветер, который дует с середины озера) — к холодам, осенью — к теплу.

(Siämärvi — Сямозеро)

Западный ветер весной веником небо метёт.

(Korbiselgä — Корбисельга)

Вешняя «ахава» — сухой весенний ветер.

(Suojärvi, Siämärvi — Суоярви, Сямозеро)

Погода «ахава» — сухая холодная ветреная погода.

(Suojärvi, Siämärvi — Суоярви, Сямозеро)

Ахавутуули — сухой холодный («кусающий») ветер.

(Siämärvi — Сямозеро)

Весенний день сушит.

Весенний ветер не такой силы, как осенний.

(Siämärvi — Сямозеро)

Весной град идёт при смолении телеги, а осенью при смолении лодки.

(Suojärvi — Суоярви)

Град весной — к холоду, а осенью — к теплу.

(Salmi — Салми)

Весенний дождь растит, осенний дождь гноит.

(Puasinkoi — Пасынки)

Kevätvihmu kirren suluau, heiniä kasvattau.
(*KKS, II, s. 157*)

Päiväine pälveh, ilmu kezäh.
(*KS, s. 414*)

Pälven peittiäzet pidää, hoz adran pielukseh (keviäl panou lundu).
(*KS, s. 414*)

Kevät rikan eččiy.
(*KS, s. 152*)

Rikan peittäy, kaksi avua.
(*KS, s. 428*)

Rospuutta tulou, jo ollah dorgan rikkojat täl mual.
(*KS, s. 435*)

Dorogansordajat čiučakot harmagad oldii, d’oga vuot kevädel diävizuttii dorogale, ni ende ni d’älgele ei nägyny heid, vai ku ned diävizuttii kevädel hot’ vie oli pakain’ ilm, šit sanuttii dorogansordajat čiučakot tul’dii, dorogad myö ei hätked aja, hot’ pakaine ilm olnou, teravai heitetav ajand. Lendeltii suuris parvis, a mis hyö oldii ende da d’älgei dorgan langedust, ei sa tieta. Oldii mugomat seruoid, valgedad piät.
(*LT, II, s. 145*)

Vain kuin koivun varba on ruškie, še lien’öy lämmin.
(*Степанова, 2000, с. 272*)

Kun ukonlammas keviäl mäkättää, tuloo vilut.
(*KS, s. 543*)

D’ányöi suau endžimaižed poigad pälvee, toižed poigad suau kagrorahaizile, kolmanded suau šängee, nel’l’änded suau rugehen oz’mile šygyzel.
(*LKN, s. 269*)

Весенний дождь мерзлоту оттает, траву вырастит.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Солнышко на проталины, погода на лето.
(*Salmi — Салми*)

Прячет проталины, хоть на подушку сохи (снег идёт весной).
(*Suistamo — Суїстамо*)

Весна соринку ищет.
(*Salmi — Салми*)

Соринку спрячет, две откроеет.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Распутица надвигается, уже разрушители дороги на нашей земле (сойки весной).
(*Suistamo — Суїстамо*)

Разрушители дороги, «чиучаки», были серые, каждый год весной появлялись на дороге, ни до, ни после их не было видно. Когда они появлялись весной, даже в морозную погоду, говорили, что прилетели разрушители дороги, «чиучаки», по дорогам недолго поездишь, хоть и мороз, а скоро поездки прекратятся. Они прилетали большими стаями, а где были до и после разрушения дороги, неизвестно. Это были серые птицы с белыми головами.
(*Hal’d’ärvi — Галлезеро*)

Если ветки у берёзы покраснеют, будет тепло.

Бекас весной кричит к холодам.
(*Suistamo — Суїстамо*)

Зайчиха котится первый раз на проталине, второй раз — на всходах овса, третий раз — на стерне, четвёртый — на всходах ржи осенью.
(*Bošin kylä — Новосёловская*)

Kuu kiurus on kezäh.
(*СКЯ ливв, с. 145*)

Kiurut tuldih, kuu kezäh vielä.
(*KKN, I, s. 81*)

Kiurulojen tulduo kuu kezäh vielä.
(*KSP, s. 86*)

Kuu on kiurušta kezäh, puoli kuuda peibožešta, päistärüköštä ei ni päivä.
(*KKS, II, s. 234*)

Kuu kiurus kezäh, puoli kuuda peibozes.
(*KKS, IV, s. 191*)

Kiurun tulendas on kezäh kuu, ezmäzes lumes talves-sah on vie kuu.
(*СКЯ ливв, с. 167*)

Kuu on kiurusta kešäh, puoli kuuta peiposesta, västäräkistä on vähäni, peäčkyst ei ni päivä, keästä ei ni keättävöä.
(*Virtaranta, 1958, s. 351*)

Kiurukuu — kiurun enzymäine lauluaigu keviäl. Hebo kiurukuun tiedäy (väzyu da laihtuu).
(*KKS, II, s. 234*)

Vielä on kezä loittuona, ylähäkkäli lendäy d'ouččenet.
(*KKS, I, s. 514*)

Taivazalua myö lennetäh linnut, lyhyt kevät roih.
(*KKS, VI, s. 19*)

Konzu kurret keviäl kil'p'utah, vilu tulou (närhit keviäl).
(*KS, s. 199*)

С прилётом жаворонка до лета остаётся один месяц.

Жаворонки прилетели, до лета ещё месяц.
(*Tolmačči — Толмачи*)

Прилетели жаворонки — месяц до лета.
(*Tolmačči — Толмачи*)

С прилётом жаворонка до лета остаётся один месяц, с прилётом трясогузки — ни денька.
(*Tunguo — Тунгуда*) (Варианты: *KS, s. 206, Tulemjärvi, KKN, II, s. 134, Suojärvi, KS, s. 206, Salmi*)

С прилётом жаворонка до лета остаётся один месяц, полмесяца — с прилётом зяблика.
(*Suistamo — Суйстамо*)

От прилёта жаворонка до лета остаётся один месяц, от первого снега до настоящей зимы ещё месяц.

Месяц от жаворонка до лета, полмесяца от зяблика, от трясогузки немножко, от ласточки ни дня, от кукушки — не успеешь повернуться.
(*Tollonjoki — Толлорека*)

Месяц жаворонка — время весной, когда жаворонки поёт первый раз. Лошадь знает, когда наступит месяц жаворонка (устаёт и худеет).
(*Suojärvi — Суоярви*)

Лето ещё далеко, лебеди летят высоко.
(*Tunguo — Тунгуда*)

Птицы летят очень высоко, весна будет короткая.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Журавли весной кричат к холодам (сойки весной).
(*Suistamo — Суйстамо*)

Kurgi keviäl briiluu, kovat pohjazet tuloo.
(KS, s. 204)

Kuren kun kuulet, nin nälän niät.
(Денисов, самозапись в 1974 г., НА, 60/109)

Kurgi suot kuorittau.
(KS, s. 204)

Keviäl on kai akat yhtehizet. (Sanotah, konzu kuullah keviäl kurgiloi iändämäs suoloil).
(KS, s. 151)

Kui kurgi täl mueal tuluobi, sit on kylän akat yhtehizet.
(KKN, II, s. 101)

Kai linnut keviäl ollah puarakkai.
(KSP, s. 70)

Keviäl ku koro pitkäh laulau, tulou pitky kevät.
(KS, s. 151)

Lyhyöh korolintu laulaa, lyhyt kevät tuloo.
(KS, s. 189)

Kärgi kriikka, lyhyt kevät roiteh.
(KKS, II, s. 560)

Kärgi ku se puudu kolahuttau, pitkähes se kolahuttau, sit roih kevät pitkempi, a ku ylen ruttoh ”sanoldau”, sit roih ylen ruttoh kezä, kezä terväh roiheze.
(Макаров, Рягоев, 1969, с. 218)

Meil oli muguoine lindu, pit’k n’uokk, must, šidä sannuttii palokärg. Se huaban oksai päräidyöttäu n’uokal, pit’kaheze kons ku päräidyöttäu n’uokal, šiid oli primet, što se keväž lienou ylen pit’k, vedau žiivatan kor-

Журавль слоняется весной — будет сильный северный ветер.
(Suistamo — Суїстамо)

Если услышишь журавля, то будешь голодать.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Журавль с болот корку снимет.
(Siämärvi — Сямозеро)

Весной все женщины общие. (Говорят, когда весной слышны журавли на болотах в брачный период.)
(Imbilahti — Импилахти)

Как журавль прилетит в эти края, так все женщины в деревне станут общими.
(Syskyvä — Сюскювя)

И птицы весной парами гнёзда вьют.
(Kotkatjärvi — Коткозеро)

Если весной чёрный дятел долго стучит по стволу сосны, то будет долгая весна.
(Salmi — Салми)

Коротко дятел стучит, короткая весна будет.
(Korbiselgä — Корбисельга)

Желна (чёрный дятел) кричит, весна будет короткая.
(Suojärvi — Суоярви)

Чёрный дятел (желна) как стукнет по дереву, если стучит протяжно, тогда весна будет длинная, а если очень круто «сказанёт», тогда очень круто лето наступит, лето скоро будет.
(Vehkuselgy — Вехкусельга)

У нас была такая птица, с длинным клювом, чёрная, её называли желной. Когда она стучит по суку осины клювом, была примета, если долго стучит, то весна будет очень долгая, подберёт корм скотины,

mud, a kons ku lyhykäšči pärähyöttäu: ”no tämä keväh lyhyd lienou, ei äijät pida žiivatale kormud, teravai tu-
lov uuš hein.”

(*LT, I, s. 347*)

Palokär’k kuivaj oksai päräidyöttäu n’uokal, kui
pit’kai päräidyöttäu se om pit’k keväh, kui lyhydäšti
päräidyöttäv on lyhyt keväh.

(*LT, III, s. 386*)

Enzikerran ku pilmun puistau, sit on kuuzi nedälii
kezäh, toizen kerran ku puistau, sit on kolme nedälii, a
kolmanden kerran — nedäli kezäh.

(*Макаров, Рягоев, 1969, с. 192*)

Havuloista kun nieklaset aivoin kevöällä kirpoi moah
ni aikani kesä tuli. Vielä sanottih jotta se on seiččemen
netälie kesäh.

(*Virtaranta, 1958, s. 255*)

Minä päivän mečän puhastau hvojan (havulois nuag-
lot) sordau lumen piäle. Aijoi myöhä sordanou, siidä
päivästä on kaheksan nedelii kezäh. Se ei valehta nikedä,
siidä voi smielo sporie, tozi on.

(*Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46*)

Mečänpuhtastus — kevätmyrsky, kudai puistau lumen
puulois. Ezmäizes pilmus tuulel havunnenät kirjotah,
oksastu katkou, se on mečänpuhtastus, sit on 12 ne-
dälii kezäh.

(*KKS, III, s. 298*)

Peiboi hammasta kriičkuttoa viluloi vas.

(*KKS, IV, s. 191*)

Peiboi kriičkahteleh, vie viluu toivottau (keviäl).

(*KKS, IV, s. 191*)

Tedri ku keviäl hykärämäh rubieu, sit yheksä nedä-
lii kezäh, sanottih, sit yheksän nedälin peräs sula roih
muu.

(*Макаров, Рягоев, 1969, с. 218*)

a когда коротко стучит, то говорили: «Эта весна бу-
дет короткая, не надо скотине много корма, скоро
вырастет свежая трава».

(*Hal’d’ärvi — Галлезеро*)

Когда чёрный дятел стучит по сухому суку клювом,
примечают: если долго стучит, то будет долгая вес-
на, а если коротко — будет короткая весна.

(*Hal’d’ärvi — Галлезеро*)

Первый раз, когда вытрясет сор с деревьев, тогда
шесть недель до прихода лета, второй раз как вы-
трясет, тогда три недели, а третий раз, то неделя.

(*Kolatselgy — Колатсельга*)

Когда иголки с хвойных деревьев опали на зем-
лю рано весной, наступало раннее лето. Ещё гово-
рили, что от этого момента до лета семь недель.

(*Tollonjoki — Толлорека*)

В какой день опадут в лесу иголки с хвои на снег.
Рано ли, поздно ли упадут, с этого дня восемь не-
дель до лета. Эта [примета] никого не обманет,
можно смело спорить, это правда.

(*Sel’gi — Сельги*)

Очистка («уборка») леса — весенняя буря, которая
стряхивает снег с деревьев. Сначала на ветру опа-
дают кончики хвои, ломаются маленькие сучки, это
и есть «уборка леса». До лета остаётся 12 недель.

(*Siämärvi — Сямозеро*)

Зяблик скрипит зубами перед холодами.

(*Suojärvi — Суоярви*)

Зяблик поскрипывает, холода предвещает (весной).

(*Siämärvi — Сямозеро*)

Как начнёт весной тетерев ворковать, то говорили,
что девять недель до лета осталось, что через де-
вять недель земля будет талая.

(*Vehkuselgy — Вехкусельга*)

Tedri kukerdaa, ku kevät tuloo.
(*KS, s. 508*)

Varoi on pohjamuan piäčköi. (Pohjamuakse sanottih salokyläi, kus talvel ei olluh varoloi. Net tuldih vaste keviäl).
(*KS, s. 559*)

Varoi on Uomahan piäsköi.
(*KS, s. 559*)

Kevätkeskel paltinoin vallatah hangel.
(*СКЯ ливв, с. 136*)

Ku et mustanne vallata palttinua hangen aigah, valgua sit marjan kukinduaigah.
(*KS, s. 359*)

Keviäl ku halguo leikkuat paidazilleh, ni kylvät kezäl turkkizilleh.
(*KS, s. 151*)

Kevät kuččuu adrat peldole kyndämäh, lindut lavlamah.
(*KSP, s. 84*)

Kuni keviäl enzi lämmin tullou vihmana, niin sinä vuodena urožai roih hyvä rugehella. A kui päiväpaistolla roinneh enzi lämmin, niin rugehella urožaida sinä vuonna paha roitou jarovoilla (kagrua, ozrua, i.m.i.) pidäy kylviä enämbi. Niillä sinä vuodena lienöy urožai hyvä.
(*Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46*)

Kylvöaigua primietittih puuloida myöt', mittynäne taivaš on.
(*СКЯ тв, с. 126*)

Тетерев токует, как весна придёт.
(*Suistamo — Суїстамо*)

Ворона — ласточка глухих лесных деревень. (Похьямуа, северной землёй, называли глухие лесные деревни, где зимой не было ворон. Они прилетали только весной.)
(*Suistamo — Суїстамо*)

Ворона — ласточка [деревни] Уома.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Весной отбеливают полотна на снегу, на насте.

Если не вспомнишь, что нужно отбелить холсты во время наста, тогда отбеливай во время цветения ягод.
(*Salmi — Салми*)

Если весной рубишь дрова в рубашке, то летом будешь сеять в тулупе.
(*Salmi — Салми*)

Весна соху зовёт на поле пахать, птиц — песни распевать.
(*Munjärven Lahtenkylä — Снасская Губа*)

Если весной первое тепло придёт дождём, то в этот год рожь хорошо уродится. А если первое тепло будет в солнечный день, то в этот год плохо уродится яровая рожь, нужно больше посеять овса и ячменя, они в этом году хорошо урождаются.
(*Sel'gi — Сельги*)

Время сева примечали по деревьям, [и] смотрели, какое небо.

En'n'ein konža ruvettih kylvämäh, primietittih žemmuost'a päiviä, štobi ois'en taivaš hienozinkena valgeizinkena pil'vyzinke da i keššeštä i čirotteliis.
(Пунжина зап. в 1966 г. от Лисицыной Е. Ф., 675/2)

Ka on hatakkozin taivaš, on kylvöpäivä!
(KKN, I, s. 93)

Kylvä jyvä muah, ku taivas on pilves.
(KS, s. 118)

Povvalla kynnä, reduh kylvä — kagra kažvau.
(СКЯ тв, с. 126)

Kagru kylvetäh, kuni jiä on järves.
(СКЯ ливв, с. 102)

Kagra sanoo: isännäl hal'l'akkua hattarat toisin, kun minuo paloh ensimmäiseksi kylvettäs.
(KS, s. 121)

Kagrua kyl'vettiihena, vain ku tuloo hyvä keviet da kuiva, aivoin, eezis't'ää kagran i kyl'vet'ää, vopervih kagraa, eez'imöi suamo kagran i kyl'vet'ää, vain lumi l'äks'i, da peldo kuivi vähäzee, kagran kyl'vet'ää. Šid'an kyl'vet'ää kagran jäl'gee ozran. Ozran jo kyl'vet'ää myöhä, jo l'eht'i tuloo šuuri. Iel'l'ä ukot šanottih, što, koivušša l'eht'i tuloo hiiree korvazem muon'e, značit kyl'vä kagra, a ku lienöö jo puoli l'eht'ä, ni kyl'vä ozra, a kogonan'e l'eht'i jo tuloo, koivušša, kyl'vä pelvas.
(Рязгов, 1980, с. 347–348)

Ku piduličat urvat on lepäs, sit roih kagruvuozii.
(KKS, II, s. 22)

Konža huavašta puuha lendäy, šilloin pidäy ozrua kylviä.
(СКЯ тв, с. 126)

Jämiet pilvet on, ga ozrua pidäy kylviä.
(KKS, IV, s. 293)

Раньше, когда начинали сеять, примечали такой день, чтобы на небе были тонкие белые облачка и между ними проблёскивало солнце.
(Толмацши — Толмачи)

Небо облачно, день подходит для сева!
(Толмацши — Толмачи)

Сей зерно в землю, когда небо в тучах.
(Salmi — Салми)

В ведро паши, в грязь сей — овёс вырастет.

Овёс сеют, пока с озера лёд ещё не сошёл.

Овёс говорит: хозяину принёс бы суконные портянки, чтобы меня на пожогу первым посеяли.
(Suistamo — Суїстамо)

Овёс сеяли рано. Как только настанет ранняя весна да подсохнет, самым первым овёс сеют, самым первым овёс. Самым первым овёс и сеют. Как только снег сошёл да поле немного подсохло, овёс и сеют. После овса сеют ячмень. Ячмень уже поздно сеют, уже листья большие [появятся]. Раньше мужики говорили, что как только на берёзе листик будет с мышинное ухо, значит, сей овёс, а как половина листа, сей ячмень, а когда на берёзе будет полный лист, сей лён.
(S'elis's'ä — Селище)

Продолговатые серёжки на ольхе — к хорошему урожаю овса.
(Siämärvi — Сямозеро)

Когда с осин пух летит, тогда надо ячмень сеять.

На небе плотные тучи — надо сеять ячмень.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Ožrua kylvetäh šilloin, konža kadaja rubieu kukkimah. (СКЯ те, с. 80)	Ячмень сеют тогда, когда зацветает можжевельник.
Ozrua kyl'vetäh šilloin, konža kadaja rubieu kukkimah, a ruista kyl'vetäh, konža keldakukkazet lovalla avau- vutah kun harjazet. (Пунжина зап. в 1966 г. от Лисицыной Е. Ф., 675/2)	Ячмень сеют, когда зацветает можжевельник, а рожь сеют, когда жёлтые цветочки на лугу рас- крываются, как гребешки. (Tolmačču — Толмачи)
Kylvä ozra kogo kobril, ruis ripsua näppilöillä. (KSP, s. 100)	Ячмень сей полной горстью, рожь — щепоткой. (Jängärvi — Янгозеро)
Ei ruis kazva kylvämättä. (KS, s. 440)	Рожь не вырастет, если не посеешь. (Imbilahti — Импилахти)
Rugehen kylvöl, ahvenen kuvul da tedren kiimal ei ole kiirehty. (KS, s. 440)	Сев ржи, нерест окуня и брачный период тетерева проходит без спешки. (Salmi — Салми)
Tedrin kiimašta da ahvenen kuvošta et diä. (KSP, s. 187)	Не упустишь поры, когда токует тетерев да нере- стится окунь. (Tunguo — Тунгуда)
Äijä gurbua lepäššä, äijä ozrua kazvau. (KKS, VI, s. 766)	Много шишек на ольхе — к хорошему урожаю яч- меня. (Porarvi — Поросозеро)
Koivur rutta ruisvuotta, lepär rutta ozravuotta. (KKS, V, s. 178)	Серёжки на берёзе — к хорошему урожаю ржи, се- рёжки на ольхе — к хорошему урожаю ячменя. (Suistamo — Суйстамо)
Lepän urbu leibävuotta, pajun urbu pahua vuotta, koi- vun urbu kovua vuotta, huavan urbu hallavuotta. (KS, s. 242)	Много серёжек на ольхе — будет хороший урожай хлебов, много серёжек на иве — будет плохой год, много серёжек на берёзе — будет трудный год, мно- го серёжек на осине — к заморозкам. (Suistamo — Суйстамо)
Ku on koivus urvua äijy, sit roih ruisvuozu. (KKS, V, s. 178)	Если на берёзе много серёжек, в этом году будет много ржи. (Siämärvi — Сямозеро)
Ozrankylvändyaigana kylvettih liina. (KKS, IV, s. 67)	Во время сева ячменя сеяли и коноплю. (Tunguo — Тунгуда)

Lepäs konz on äijy urbua, tuloo hyvä kagruvuozii,
a konz on koivus, sit tuloo ruisvuozii.
(KKS, V, s. 178)

Kuna vuonna kun koivuh ajau rutan edizeh nin že lie-
nöy kebiemi rahvahalla eliä; a kun lienöy lepässä edi-
zesh, šinä vuonna lienöy rahvahalla jygie eliä.
(Virtaranta, 1990, s. 444)

On lovalla hiinua äijä, nin liey pelvašvuožii.
(СКЯ тв, с. 53)

Kananhangi ku olis nelländel nedälil Jyrgih, sit rodizih
pelvastu sinä vuon hyviä.
(KKS, II, s. 45)

Pelvahan kylvähy sanotah: kuldaine Kuz'moi-Timnu,
kazvata tämä pelvashuuhu koivun korgevuokse, kuu-
zen kuidrevuokse.
(KKS, IV, s. 196)

Pelvahan kylvämisluu
Tule Kusmoi kuuen tyttären ker pelvastu kasvattamah.
Kuosalrihman pituutta, rauan lujuuu, jäičän valkeu-
vuutta, šulkun silevytty.
(Пауха зап. в 1905 г. от Палагу Есой, НА, 5/64)

Pelvahan kylväjes sanottih: heinät piendareh, pelvas-
muah pelvasta.
(KKS, IV, s. 558)

Aijoin kylvät — aijoin vil'lua keriat.
(Евсеев зап. в 1962 г. от Савельевой А.И. и др., НА, 157/39)

Ken päivyä ennen kylväy, še netälie ennen korjuau.
(KSP, s. 81)

Когда много серёжек на ольхе, будет хороший уро-
жай овса, а когда много серёжек на берёзе, хорошо
уродится рожь.
(Videl — Видлица)

Если сначала на берёзе появятся серёжки, в тот год
людям легче жить будет; а если серёжки сначала
появятся на ольхе, то в этом году людям тяжело
жить будет.
(Puasinkoi — Пасынки)

Если на лугу много паутины, то будет урожай на
лён.

Если на четвёртой неделе перед Егорием образует-
ся куриный (тонкий. — Прим. сост.) наст, то в этом
году уродится хороший лён.
(Siämärvi — Сямозеро)

Посеяв лён, говорят: Кузьмой-Тимну, золотко, вы-
расти эту подсеку льна высотой с берёзу, кудрявую,
как ель.
(Siämärvi — Сямозеро)

Заговор при посеве льна
Приходи, Кузьма, с шестью дочерьми лён растить.
Длинный, как нить на прялке, крепкий, как железо,
белый, как яйцо, гладкий, как шёлк.

При севе льна говорили: трава — на между, на лья-
ное поле — лён.
(Korbiselnä — Корбисельга)

Рано посеешь — рано хлеб соберёшь.
(Čobene — Чёбино)

Кто на день раньше посеет, тот на неделю раньше
уберёт.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Nedälii enne kylvetty, kahtu aijembi leikattu.
(KSP, s. 133)

Et kylvä — et ni leikkua.

(Евсеев зап. в 1962 г. от Савельевой А.И. и др., НА, 157/40)

Ei voi puhuo rosadniekkua enzimäsargena, pidäy tois-
argena, libo nellänäpiänä.

(СКЯ тв, с. 39)

Konža aštoičet i ahavoiččou, liey leibä, vihma — ei lie.

(СКЯ тв, с. 10)

Ei pie astavua vediä pihua myö, sit kondii tulou karjah.

(KKS, I, s. 81)

Ei pie astavua vediä piendarii myö, eiga mado tulou pi-
hah, pidäy sellälleh vediä libo kandua.

(KKS, I, s. 81)

Vilu vil’l’an kazvattau.

(СКЯ ливв, с. 434)

Tule Pyhä Lukki lakkapiä kapustua kazvattamah.

(KS, s. 409)

Juablokka muah pidäy issuttua šilloin, kun huavašša
lieu lehti kolmekopeikkahizen muone.

(KSP, s. 67)

Jos turkkilois kylvetäh, pal’tolois leikatah.

(KS, s. 529)

Touguo kylväissä turkki piällä, a leikatessa šobazin.

(KKN, I, s. 81)

Tuatto lähti vähäl äijii suamah.

(KS, s. 521)

На неделю раньше посеешь, на две раньше со-
жнёшь.

(Mägriä — Мегрега)

Не посеешь — и не сожнёшь.

(Čobene — Чёбино)

Нельзя засевать парник в понедельник, нужно во
вторник либо в четверг.

Когда боронишь и обветрит пашню — будет хлеб,
а если дождь — урожая не будет.

Борону не надо тащить по двору, а то медведь за-
берётся в стадо.

(Siämärvi — Сямозеро)

Борону не надо тащить по межам, иначе змея за-
ползёт во двор. Борону нужно тащить зубьями
кверху или нести.

(Siämärvi — Сямозеро)

Холод зерно растит.

Приходи, Святой Лука, ровная голова, капусту растить.

(Pomantsi — Иломантси)

Картошку надо сажать, когда осиноый лист выраст-
ет с трёхкопеечную монету.

(Puasinkoi — Пасынки)

Если сеют в тулупах, то жать будут в пальто.

(Vieljärvi — Ведлозеро)

Сеешь в шубе, а жнёшь в лёгкой одежде.

(Tolmačči — Толмачи)

Отец пошёл малым большое добывать (отправился
сеять).

(Suojärvi — Суоярви)

Tuomen halvastandan aigah ollah vilut siät.
(СКЯ ливв, с. 392)

Tuomen halvastandan aigah lahnu kudou.
(СКЯ ливв, с. 57)

Enzimäi on havvin kuduaiгу, sit ahvenen.
(KKS, II, s. 486)

Haugi hallal kudou, särgi siäl lämbimäl.
(KKS, V, s. 630)

Hauki hallalla kutou, särki žiällä lämpimällä.
(KSP, s. 46)

Havvin kudu on keväizil jialöin lähtehey.
(СКЯ ливв, с. 160)

Haugi hallal kudoo, piäkala koval siäl.
(KS, s. 50)

Särgi kudou lämmäzel.
(СКЯ ливв, с. 359)

Särgi rubieu kudomah, kun koivun lehti on hiirenkorvalla.
(KKS, III, s. 46)

Ei kuukši kalan kutuo, netälikši neijen häitä.
(KKS, II, s. 486)

Ruogošiiga tulou kaksi ili kolme päivöä šären kuvun jälgeh.
(KKS, II, s. 486)

Haugi kun šuahah enžimmäini, ennen Jyrrinpäiviä, šiidä puhatah. Šiidä kačotah šid'ä makšua. Jesli on še hyvä makša, puoli i toini, tazaini, ukot ne hyvällä mielin, što rubieu kala puuttumah, i ozra rubieu hy-

Во время цветения черёмухи стоит холодная погода.

Во время цветения черёмухи лещ нерестится.

Сначала нерестится щука, потом — окунь.
(Siämärvi — Сямозеро)

Щука нерестится в заморозки, плотва — в тёплую погоду.
(Suistamo — Суїстамо)

Щука нерестится в холод, плотва — в тёплый день.
(Kokkosalmi — Коккосалми)

Нерест щуки бывает весной, после ледохода.

Щука нерестится в заморозки, главная рыба в суровую погоду.
(Suistamo — Суїстамо)

Плотва нерестится, когда уже тепло.

Плотва начинает нереститься, когда лист на берёзе становится величиной с мышинное ушко.
(Roop — Паданы)

Не месяц длится нерест рыбы, не неделю играют свадьбу девушки.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Камышовый сиг приходит через два-три дня после нереста плотвы.
(Tunguo — Тунгуда)

Когда на Егория (перед Юрьевым днём 06.05/23.04) поймают щуку, её потрошат и рассматривают печень. Если печень хорошая, ровная, старики радуются — значит, будет рыба ловиться. И ячмень

vin kažvamah t'änä vuodena. A jesli siel'ä on yksi puoli hoikembaini ili kežel'd'ä on hoikembi, keškikežän aigana lienöy vilu, rikkou vil'l'at. A šygyžyl'l'ä jo lien'öy lämmembi.

(*Степанова, 2000, с. 272*)

Toisinah koko (hauvin) makša on šilie, šiitä on kaunis kešä, pouta.

(*KKS, IV, s. 422*)

Hauvin makšašta kačottih niin jotta kun on šinini hauvin makša, šiitä tulou vihmani kešä, a kun on puhaš valkie, šiitä poutakešä tulou.

(*KKS, IV, s. 423*)

Endžimaižen haugin kui suaime kudun aiga kevädel, kui puhkaidamme, šiit primietimme maksass, kui endžimaine n'okk oli piähäpiäi d'äredemb, se aigaine siemendo rugehen oli paremb, a ku tagaine n'okk oli d'äredemb, händäi piäi, šiid myöhäine siemendo sobii paremb.

(*LT, I, s. 345*)

Primietitäh (kylvölöih nähden), kun saahah haugikala, sit puhkatak da kačotah, gu ollah leviembi maksu kulkuspäi, sit pidäs tulla enzikylvö paras, a gu keskel, ga sit kagral kylvö paras, a toizil on hännäspäi tože leviembi, sit juuri viimine kylvö roih paras.

(*Суксина зап. в 1936 г. от Тимофеевой Н.И., НА, 135/26 (837)*)

Hauvin makšašta kačottih kun keveällä haukie šoatih. Toini puoli on šiitä peäpuoli kumpani on peäh päim makšašta še on kevättä, toini puoli on kešä ta šykyšyö. Kun tulou keveästä kylmeä ta vihmuo še on halki teältä yläpeästä — toisinah väki šyväh ollah halki. Toisinah koko makša on šilie, šiitä on kaunis kešä, pouta.

(*Virtaranta, 1958, s. 254*)

No siitä nyt paistih sillä keinoin jotta kun keveällä soau ensimmäisen hauvin ta se ois noin huntan tahik-

вырастет хороший в этом году. А если один край печени тоньше или посередине она тоньше, то середина лета будет холодной, посевы попортит. А осенью уже будет теплей.

Если печень шуки вся гладкая, лето будет хорошее, ясное и сухое.

(*Kontokki — Контокки*)

По печени шуки примечали, какое будет лето. Если печень синяя, лето будет дождливое, а если печень чистая, светлая, летом простоит ведро.

(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)

Выловив первую шуку во время нереста весной, выпотрошив её, примечали по печени: если толще передний край, тот, что ближе к голове, значит, лучше будет ранний сев ржи. А если толще задний край, тот, что ближе к хвосту, значит, поздний сев лучше подойдёт.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

Примечают (насчёт сева), как поймают шуку, выпотрошат и смотрят, если печень шире со стороны горла, то первый сев должен быть самый лучший, если посередине, то сев овса будет лучший, а у других [печень] шире со стороны хвоста, тогда последний сев будет самый лучший.

(*Rajakondu — Погранкондуши*)

Смотрели по печени шуки, когда поймают первую шуку весной. Одна сторона, та, что ближе к голове, показывала весну, другая — лето и осень. Если весна будет холодная и дождливая, то с верхнего края будет трещина, иногда очень глубокая трещина. Иногда вся печень гладкая, это предвещает хорошее лето, ясную тёплую погоду.

(*Akonlahden Vornanniemi, Sappovoara — Ворна, Шанноваара*)

Говорили так, что как поймают весной первую шуку, и она будет весом с фунт или два, как выпотрошат,

ka kahem painava, ni siitä se kun siivotah ni se pitäy maksa ottoa kokonaisena ta siitä kaččuo jotta mitys kesä tulou, jotta tulouko sateini vain tulouko pouta-kesä. Jos on peäpuolessa siinä maksassa ihan silietä jottei mustoa viivoa ole ollenkana niin se on keveästä pouta. Jos on yläpuolessa musta viiva, niin se on siitä vihmoa kevätpuoleh. Jos keskikohta on ihan silie nin silloin on keskikesällä pouta. Jos on keskimaksa toas musta, se on vihmoa. Ta siitä toas häntäpuolessa: jos on se silie niin se tietäy sykysyllä poutoa.

(Virtaranta, 1958, s. 254)

Havvin kudu on enzimäzeks kezän allukse.

(KKS, I, s. 187)

Harjuksen kudu on jäälöin lähtijes.

(KKS, I, s. 176)

Haugirastas laulau, ruvetah pyytämäh haukie.

(KKS, I, s. 187)

Kalan kudule kui on hyvä ilm, pohd'aine ei tuule, šiit tänä vuode rugehele lienou hyvä kiärmehaig, ei keskustuoita pohd'aine. Hyvä lähtö tulou.

(LT, I, s. 346)

Ku lotuoinkudut kevädel ei šeguoitannu i šiid rugehen kiärmeht ei šeguoita.

(LT, I, s. 345)

Keviällä ensi kerran jesli näet skokunua märällä mualla, nii sinä vuotena jos on lehmä hänellä, lehmä rupei hyvin lypsämäh. A jos niät kuivalla, nii sinä vuotena pahoin lypsäy.

(Онегина зап. в 1975 г. от Карповой А.Н., НА, 44/246)

Puun ladvas kägöit ylen äijäl kukutah, leiby kallistuu.

(KKS, II, s. 418)

нужно печень вынуть целиком и потом посмотреть, какое будет лето, дождливое или ясное и тёплое. Если печень со стороны головы совершенно гладкая, совсем без чёрных чёрточек, то весна будет ясная и тёплая. Если на верхней стороне есть чёрная черта, значит, весной будут дожди. Если середина совсем гладкая, в середине лета будет ведро. Если середина печени чёрная, это к дождям. Так и со стороны хвоста: если она гладкая, это предвещает ясную и сухую осень.

(Akonlahden Kuikka — Куйка)

Шука нерестится первой в начале лета.

(Salmi — Салми)

Нерест хариуса приходится на ледоход.

(Salmi — Салми)

Певчий дрозд поёт, начинается лов щуки.

(Suistamo — Суистамо)

Если во время нереста рыбы весной стоит хорошая погода, не дует северный ветер, значит, в этом году время цветения ржи будет хорошее, северный ветер не помешает, будет хороший урожай ржи.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Если ничто не помешает нересту лягушек, то ничто не помешает и цветению ржи.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Если весной первый раз увидишь лягушку на сырой земле, то в этом году корова, если есть, будет хорошо доиться. А если увидишь на сухом месте, то в этом году корова будет плохо доиться.

(Sohjanansuu — Софьянга)

Кукушки очень бойко кукуют на вершинах деревьев — хлеб подорожает.

(Siämärvi — Сямозеро)

Kun käki hyvin alahana kukkuu keväällä, niin še on pahoikši vuošikši, hallavuoši tulou. Kantojen päissä ta sielä vain moaperässä (so. ei kasvavassa puussa) kukkunou ni hallavuuvet tulou. Kun puijen latvoissa ta loitompana (käki kukkuu), jottei ois kylän lässä, nin siitä hyvikse vuošikše.

(Virtaranta, 1958, s. 351)

Kun käki aijanseipähissä kukkuu, tulou nin kun lähellä taloja, nin hallavuotta pitäy vuottua.

(Virtaranta, 1958, s. 351)

Minä vuodena kägöi šittuu, se vuozi ei ole lykykäs.

(KS, s. 589)

Käki kun lienöy seipähissä kukkun, nin ei silloin vuotta (so. hyvää viljavuotta) tullun — meilä niin sanottih. Eikä tullun! Jopa niin!

(Virtaranta, 1958, s. 351)

Kägöi piän šittuu (sen, ken huondesveruo syömättä kuulou kägöin kukkujan keviäl enzimäzen kerran).

(KKS, II, s. 549)

Enžimen kuuluššat kägie nälgåvačalla, nin liey nällisteliēcie kaikki vuoži.

(СКЯ тв, с. 39)

Keviällä viijit huomenekšella pihalla, kági vain kukkuou, nin šilloin rubiet läzimäh. Pidäy nagole šyvvä palane lähtiessä huomneksella.

(Пунжина, Семёнова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА, 683/5)

Suuruksettomal suul kuulet kägöidy, kägöintäidy taruu.

(KKS, II, s. 549)

Keveällä kylvöššä šilmät riššittih ja kun noustih huontekšella ylöš, ni heti nouštešša pantih leipeä

Если кукушка весной кукует очень низко — к плохому году, будут заморозки. Если на пнях и только на земле (не на растущем дереве) кукует, то будут года с заморозками. Если на вершинах деревьев и подальше (кукушка кукует), не рядом с деревней, это предвещает хорошие годы.

(Tollonjoki — Толлорека)

Если кукушка кукует на жердях изгороди, прилетает близко к домам, в этом году надо ждать заморозков.

(Tollonjoki — Толлорека)

В какой год кукушка нагадит, тот год будет несчастливый.

(Suistamo — Суйстамо)

Если кукушка куковала на жердях, то в этом году не будет хорошего урожая хлебов — у нас так говорили. И не было! Даже так!

(Kiimaisvaara — Няргиев Двор)

Кукушка на голову нагадит (тому, кто весной первый раз услышит кукушку, не позавтракав).

(Tulejärvi — Туломозеро)

Коли весной впервые услышишь кукушку на голодный желудок, то придётся голодать весь год.

Весной выйдешь утром на улицу, если только кукушка прокукует, то заболеешь. Надо всегда съесть кусочек, выходя утром.

(Halla — Морозовка)

Если услышишь кукушку, не поев хлеба, то клещ присосётся.

(Tulejärvi — Туломозеро)

Весной во время сева перекрестятся, и, когда утром встают, то сразу, вставая, в рот берут хлеб, чтобы

šuuhu, että käki enne šyöntiä ei kerenny kukkua. Još käki ennen šyöntiä kukku, ni šinä päevänä ei voenu kylieveä ni mitäh.

(Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/9)

Käki sittuu kun mäntih huomenekšella pihalla. Ta jos käki kukku jottei otettu suuhus mitänä ni se silloin situ. Ta jos otettih jo leipöä lähtiessäh kun läksi pihalla nin ei se silloin sittun se käki.

Vielä sanottih muutomat jotta se ei pitäis sinä vuote-na ken käki sittuu nin kylvötyötäkänä tehä. Se oli niin voarallista keän sittumini. Sitä kuoteltih ottoa vaikka kerta haukata leipöä kun läksi pihalla näin kevöällä kun se keän kukkumisaika tuli, jotta se ei käki sittuis.

— Lapsetki?

Ka lapsetki kun muissettu ois vain. Sanottih lapsetki jotta ei käki sittuis, pitäy ottoa leipöä suuh.

(Virtaranta, 1958, s. 351)

Kevöällä kun tulou lintujen tuloaika nin pitäis ottoa suuhu suurusta ennenkun niitä lintuja näköy sinä peänä. Käkiehän sitä varotettih kaikkein parahittoan, jottei sittuis. Ken peltuo kylväy nin ei millänä keinoin pitäis antoa keän sittuo. Sanottih jotta ei se mänessy peltuo jos sen kylväjän käki sittuu.

(Virtaranta, 1958, s. 352)

Vikli sittuu — seki on niin suvilintu. Huomeneksella kun näin mänit pihalla ta kun et liene syöнын ni vikli sittu.

Annahan mie luvon jotta kuin monta lintuo sittuu: varis sittuu ensimäkse. Siitä kuikka sittuu, peäčky — kaikki ne suvilinnut. Se vikli ta jouččenet, hanhet. Ne sittuu kun et kerinne niitä sittumah.

(Virtaranta, 1958, s. 352)

кукушка не успела прокуковать до еды. Если кукушка куковала до еды, то в этот день ничего нельзя было сеять.

(Juškärvi — Юшкозеро)

Кукушка нагадит, когда выходили на улицу утром. И если кукушка куковала, когда в рот ничего не брали, тогда она гадила. И если брали кусочек хлеба в рот, выходя на улицу, то тогда эта кукушка не гадила.

Ещё некоторые говорили, что тому, кому в этом году кукушка нагадила, не надо бы сеять. Так опасно было, если кукушка нагадит. Старались хотя бы раз откусить хлеба, когда выходили на улицу весной, когда наступало время кукования кукушки, чтобы кукушка не нагадила.

— И дети?

— И дети, если только помнили. И дети говорили, чтобы кукушка не нагадила, надо взять хлеба в рот.

(Venehjärvi — Суднозеро)

Весной, когда наступает время прилёта птиц, надо взять в рот хлеба, прежде чем увидишь этих птиц в этот день. Прежде всего, остерегались кукушки, чтобы не нагадила. Кто поле засеваает, ему никак нельзя допустить, чтобы кукушка нагадила. Говорили, что поле не будет удачным, если кукушка нагадит на того, кто его засеваает.

(Tollonjoki — Толлорека)

Кулик нагадит — он тоже считается птицей, которая может принести несчастье, если услышал её на голодный желудок. Если утром не поел и вышел на улицу, кулик нагадит.

Дай-ка я посчитаю, сколько птиц гадит: ворона гадит первой. Потом гагара гадит, ласточка — это всё птицы, которые приносят несчастье, если услышишь их на голодный желудок. Потом кулик и лебеди, гуси. Они нагадят, если не успеешь им нагадить.

(Tollonjoki — Толлорека)

Hyvil vuozil kägöi kukkuu kyhlähän piäs.
(KS, s. 88)

Jouččenet lugletuksenke matkatah, piäčköit selläs.
(KKS, I, s. 514)

Peäčkyt tullah kuikan siiven alla, peäčky ta kuikka tullah yhtäikoa.
(Virtaranta, 1958, s. 351)

Kuikku lammis guikkau, vilut roih.
(KKS, II, s. 404)

Kuikka potkiu jäät iäreh pois.
(KKS, II, s. 404)

Konzu kuullet kullin iänen, sit älä mene järven jäle.
(KS, s. 199)

Kun kuulet kuikan iänen, elä mäne järven jäle.
(KS, s. 194)

Kuikka tulou jäitä potkimah. Piäčkyt tullah kuikan šiiven alla.
(KKS, II, s. 40)

Kuikan kakattahuu nedälin sydämeh jiän ottau.
(KSP, s. 92)

Kun šie kuulet kuren iänen, elä mäne järven jäällä.
(KSP, s. 97)

Pidäy mukki kiändiä, kuikku kakardi.
(KKS, II, s. 404)

Keväjäl päivä päriekse, varoi kukoikse.
(KS, s. 152)

В хорошие годы кукушка кукует на верхушке суслона.
(Salmi — Салми)

Лебеди летят с курлыканием, ласточки у них на спине (следом за ними).
(Siämärvi — Сямозеро)

Ласточки прилетают под крылом гагары, ласточка и гагара прилетают одновременно.
(Venehjärvi — Суднозеро)

Гагара на ламбе кричит, гукает — похолодает.
(Siämärvi — Сямозеро)

Гагара выталкивает лёд прочь.
(Suistamo — Суïстамо)

Как услышишь голос кроншнепа, то на лёд не выходи.
(Suistamo — Суïстамо)

Как услышишь голос гагары, на лёд не выходи.
(Suistamo — Суïстамо)

Гагара прилетает льды выталкивать. Ласточки прилетают под крылом гагары.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Закричала гагара — в течение недели лёд растает.
(Kotkatjärvi — Коткозеро)

Услышишь журавлиный крик, не выходи на лёд озера.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Надо сделать кувырок, гагара крикнула.
(Siämärvi — Сямозеро)

Весной день удлиняется, ворона каркает рано по утрам, как петух.
(Suistamo — Суïстамо)

Päivät pitkenöy, piustat lyhenöy. (Keviäl on vähempi käziruaduo.)
(KS, s. 413)

Päivä pitkenöö, piusta lyhenöö.
(KS, s. 413)

Olis ku päiväset pitembäh, olis piustatki pitkembät.
(KS, s. 414)

Päivät pitketäh, sylet lyhetäh.
(KS, s. 413)

Päivät pitkenöö, säigehet lyhenöö.
(KS, s. 413)

Tytöl kun keväel kerää ei olle, ga kegri nostaa trubah.
(Enne oraskuudu pidäs kangahat kudu)
(KS, s. 535)

Pitky kebäd obiedua ei d'ätä.
(KS, s. 389)

Pitky kevät on, vie sarain katos typpiet jerit iäres.
(KS, s. 389)

Kevätperse kai laskoo.
(KS, s. 152)

Kevät on keziä mielužembi. (Keviän jälles on kezä)
(KS, s. 151)

Keviällä keyhät naibi — syksyllä häit pietäh.
(KS, s. 151)

Näkyvissä on nälkävuosi, kun on halla heinän piässä.
(Тупицына зап. в 1966 г. от Кузьминой М. Т., НА, 158/24)

Дни удлиняются, нити укорачиваются. (Весной меньше занимаются рукоделием. К этому времени заканчивали прядение, ткацкие работы — Прим. сост.)
(Imbilahti — Импилахти)

День удлиняется, нить укорачивается.
(Suistamo — Суйстамо)

Были бы деньки длиннее, были бы и нити длиннее.
(Imbilahti — Импилахти)

Дни удлиняются, сажени укорачиваются.
(Salmi — Салми)

Дни удлиняются, волокна укорачиваются.
(Salmi — Салми)

Если у девушки весной не будет клубка, кегри поднимет на трубу. (К маю надо бы соткать холсты.)
(Suojärvi — Суоярви)

Затяжная весна подберёт все остатки кормов.
(Siämärvi — Сямозеро)

Долгая весна, ещё с крыши сарая вырвешь все затычки.
(Salmi — Салми)

Весной любая еда пойдёт.
(Korbiselgä — Корбисельга)

Весна приятней лета. (За весной следует лето.)
(Salmi — Салми)

Весной бедняки женятся — осенью свадьбу играют.
(Korbiselgä — Корбисельга)

Будет голодный год, если верхушку травы прихватило заморозком.
(Kalevala — Калевала)

Kun on halla heinän piässä, vilu on keškellä kešyä.
(*Мякеля А. зап. в 1956 г. от П. В. Мякеля, НА, 28/250/22*)

Näkösällä on hallavuosi, kun on halla heinäpiässä,
outo orahan nenässä.
(*Конкка У. зап. в 1956 г. от Минкиной Е., НА, 31/24*)

Kun se kerran halla huuhan panou, ei se toista kertua
sinä vuotena, kyllä se muistau sen ”kerran halla huu-
han panou, ei se tuota tuloksie”, kyllä se vaivat tyhjäh
mäntih.
(*Лавонен, Федотова зап. в 1981 г. от Мастинен Е. М., НА,
85/77*)

Kevätkuu

Martal endžimaizem päivän kui vaigat potokaspiäi, se
oli lyhyt keväs.
(*LT, I, s. 344*)

Martal d’o hot’ kanal vetty ei pie kandua.
(*KSP, 116*)

Martal vie vazan vaččah kylmiäy.
(*KSP, 116*)

Martta hevol varzan vaččah kylmättäis, ga päivä en-
nätteä.
(*KKS, III, s. 276*)

Maaliskuu kylmäs akan käin taiginah, tammal varsan
vaččah, ku ei vai toine silmä vettä vuodas.
(*KS, s. 289*)

Ukon lehmät ummottaa, akan lehmät ammottaa, koi-
ran koukkuh vetäh, jos ei päivä lämmittäis, varsat
vaččah kylmäis, akoil käen taikinah, jos ei päivä läm-
mittäis (kevätkuun merkit).
(*KS, s. 542*)

Если верхушку травы прихватило заморозком, то
середина лета будет холодная.
(*Kivijärvi — Кивиярви*)

Будет голодный год, если на траве заморозок, чу-
жой, непрошенный на всходах зерновых.
(*Uhtuo-Kalevala — Ухта-Калевала*)

Если заморозком один раз прихватит подсеку, то
в этом году толку не будет, помнишь: «если раз за-
морозком подсеку прихватит, то результата не бу-
дет», все труды пропали.
(*Sohjanankoski — Софнороз*)

Март

Если в первый день марта капает с крыш, то весна
будет короткая.
(*Hal’d’ärvi — Галлезеро*)

В марте хоть для кур не надо воду носить.
(*Pyhärvä — Святозеро*)

В марте телёнок и в утробе коровы замёрзнуть может.
(*Priäžy — Пряжа*)

Март у лошади в брюхе жеребёнка бы заморозил,
да солнце не даёт.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Март заморозил бы руку хозяйки в квашне, жере-
бёнка — у кобылы в утробе, если бы из другого глаза
вода не текла.
(*Suistamo — Суйстамо*)

Мужниных коров заставил бы мычать, жениных
коров заставил бы мычать, собаку скрючил, если бы
солнце не согрело, жеребят заморозил бы в утробе,
руки хозяек в квашне, если бы солнце не согрело
(приметы марта).
(*Suistamo — Суйстамо*)

Martan viluloilla n'el'l'äkežähizel'd'ä härräl'd'ä šarven katkuau.

(*Virtaranta, 1990, s. 444*)

Maaliskuun vihmat on huhtikuun pakkasiksi.

(*KS, s. 289*)

Martan lopulla on huomenekšilla tumana, liey pelvašvuoži.

(*СКЯ тв, с. 203*)

Martta kuin on pakkane, šiidä tulou kevät lyhyt.

(*KKS, III, s. 276*)

Martal dorogat lopeh.

(*KKS, III, s. 276*)

Martalla ajat kartalla.

(*KSP, 116*)

Martalla vezi virduau, apr'el'alla heinä kažvau.

(*СКЯ тв, с. 157*)

Martal ku veži ei pagene šid aprilil hein ei kazva.

(*LT, I, s. 345*)

Мартовские холода у четырёхлетнего быка рог обломают.

(*Puasinkoi — Пасынки*)

Дожди в марте к морозам в апреле.

(*Salmi — Салми*)

Если в конце марта по утрам туман, будет урожайный год на лён.

Если март морозный, то весна будет короткая.

(*Porarvi — Поросозеро*)

В марте дорогам конец.

(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица*)

В марте и на корыте едешь.

(*Puasinkoi — Пасынки*)

В марте вода течёт, в апреле трава растёт.

Если в марте не бежит вода, то в апреле трава расти не будет.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

14.03 (01.03) — Oudokkiet, Joutokei

Oudokkieloin tuhut pidäy joga vuottu.

(*СКЯ ливв, с. 247*)

Kun Oudokeina čirottau da vajattau, liey ogurčavuoži.

(*СКЯ тв, с. 193*)

Oudukeina kanaine ei juo, Jyrginä lambahane ei šyö.

(*СКЯ тв, с. 193*)

Potokašta ku Outokkiana vezi tippunou, sit D'yrği vet-tä andau.

(*KKS, IV, s. 88*)

14.03 (01.03) — Евдокия Плющиха

В день Евдокии ежегодно бывают бураны.

Коли на Евдокию солнце светит и тает, год будет урожайным на огурцы.

Если на Евдокию курочка не попьёт, на Егория овечка не пощиплет.

Если на Евдокию со стрехи вода капает, то Егорий даст воды.

(*Роаеп — Паданы*)

Ku kukko Outokeina potokan alda vettä d'uou, ni Jyrinpäivänä häkki poriesta d'uou.

(KKS, IV, s. 415)

Kun Joutokeina (14.03/01.03) šuau kukko n'okallah räyštähästä ni šilloin juou Jyrkinä (06.05/23.04) härkä poriešta.

(KKS, IV, s. 399)

Potokašta ku Outokiana vezi tippunou, sit Dyrği vettä andau.

(KKS, IV, s. 415)

Oudokkien da vahnan Blahveššen'n'an tulduu primietitäh, ongo tuuli meres vai eule. (Tuuli merelpäi enusti kalakeziä.)

(KKS, IV, s. 88)

Oudokkies lumi rikan peittäy, kaksi avuau.

(KKS, IV, s. 88)

Oudokkii rikkazen umbaa, kaksi avaa.

(KKS, VI, s. 409)

Oudokkiennu toze primietitäh. Ku rikan vedänöy poikki dorogaz, siid roih kevät pitky.

(Волкова зап. в 1936 г. от Демоевой А., 132/71)

Oudokkiennu ku ei lundu liikutanne, sit roih kevät hyvä, kylvös da kalas.

(KKS, IV, s. 88)

Oudokkiennu ku tuhuu yhtes jallakses piäliči dorogas, sit polttinan leiby kallistuu, a ku toizen jallaksen yliči, sit rubl'an.

(KKS, IV, s. 88)

Jälles Oudokkiedu lundu panou istujua koirua.

(KKS, IV, s. 88)

Если на Евдокию петух под стрехой воды попьёт, то на Егория бык с заберега напьётся.

(Роаеп — Паданы)

Если на Евдокию (14.03/01.03) петух под стрехой попьёт, то на Егория (06.05/23.04) бык напьётся с заберега.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Если на Евдокию со стрехи капает, то Егорий даст воды.

(Роаеп — Паданы)

На Евдокию и старое Благовещение примечают, с моря ветер дует или нет. (Ветер с моря предвещал рыбное лето.)

(Salmi — Салми)

С Евдокии снег соринку спрячет, две откроет.

(Salmi — Салми)

Евдокия соринку прикроет, две откроет.

(Tulejärvi — Туломозеро)

На Евдокию тоже примечают. Если соринку перенесёт через дорогу, то весна будет долгая.

(Piži — Обжа)

Если на Евдокию снег останется нетронутым, то весна будет хорошая и сев, и рыбалка будут удачными.

(Siämärvi — Сямозеро)

Если на Евдокию метель заметёт дорогу на один полоз, то хлеб подорожает на полтину, а если и на второй полоз, то на рубль.

(Siämärvi — Сямозеро)

После Евдокии снегу наматает высотой с сидящую собаку.

(Siämärvi — Сямозеро)

Ku kukko Outokeina potokan alda
vettä d'uou, ni Jyrrinpäivänä häkki
poriesta d'uou.

Если на Евдокию петух под стрехой
воды попьёт, то на Егория бык
с заберега напьётся.

- Oudokkien ku ei poikki dorogas lundu kandanne, ga sit roih lyhyt kevät.
(*KKS, IV, s. 88*)
- Oudottien k ei lunda toizel jallaksel vierittäne, ga sit roih lyhyt kevät.
(*KKS, IV, s. 88*)
- Oudokkies vie lundu panou istujua koirua da šittujua akkua.
(*KS, s. 344*)
- Oudottiena kun lunda poikki ties juoksuttaa, ni vilu kevät tuloo.
(*KS, s. 344*)
- Po-staromu pervoina martan, po-novomu četirnatsatoina martan: kun ollou tyyni siä, niin lienöy kevät hyvä, a ku lumen kandanou vil'vettäjen piäliči dorogas, se lienöy pitkä kevät. (Viikon lumi ei lähte.)
(*Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46*)
- Jos Outokian piänä tuulee, niin tulee aikainen kevät. Jos on tyyni ilma, niin rodiu pitkä kevät.
(*Кауконен зап. в 1943 г. от Марковой М., НА, 5/26*)
- Outokkies koiran šittu pellol happanoo.
(*KS, s. 344*)
- Oudokkeina kanoil annetah avaimet käteh.
(*KS, s. 344*)
- Oudokkeis viskua Jumala lämmän kiven mereh, vilun kiven lähtieh.
(*KS, s. 344*)
- Joutokeina kuuma kivi avantoh laškeutuu.
(*Ремшьева зап. в 1976 г. от Ремшьева П.С., НА, 60/217*)
- Если на Евдокию не наметёт снега поперёк дороги, то будет короткая весна.
(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица*)
- Если на Евдокию не наметёт снега на второй полоз, то весна будет короткая.
(*Suojärvi — Суоярви*)
- С Евдокии ещё снега выпадет с сидящую собаку и испражняющуюся бабу.
(*Salmi — Салми*)
- Если на Евдокию наметёт снега через дорогу, то весна будет холодная.
(*Suistamo — Суїстамо*)
- По-старому 1 марта, по-новому 14 марта: если будет безветренная погода, то весна будет хорошая, а если снега нанесёт много через дорогу, то весна будет долгая. (Долго снег не сойдёт.)
(*Sel'gi — Сельги*)
- Если в день Евдокии дует, то весна будет ранняя. Если тихая погода, то весна будет долгая.
(*Poaen (Pogosta) — Паданы (Погост)*)
- С Евдокии собачьи испражнения на поле будут гнить.
(*Imbilahti — Импилахти*)
- На Евдокию курам ключи в руки дают.
(*Imbilahti — Импилахти*)
- На Евдокию Бог бросает тёплый камень в море, а холодный камень в прорубь.
(*Imbilahti — Импилахти*)
- На Евдокию горячий камень в прорубь опускается.
(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)

15.03 (02.03) — Fedotanpäiv, Fedotta

Fedotoina tuulou, liey pitkä kevät.
(СКЯ тв, с. 310)

Fedottana kun tuulou, nin kaikki mäkel'ničöin pohjat
pyhkiy.
(СКЯ тв, с. 171)

Fedottana tuulou vain, niin ruuvat loppieččetah, lieu
ruogua vähä, mäkel'ničät puistau.
(KKN, I, s. 93)

30.03 (17.03) — Oleksii, Oleksei

Oleksei Božii riščikanz muan aluižed lukud avaidau. Se
primet pageniškadou d'ogut mägespiäi kui lumi sulau.
(LT, I, s. 344)

Oleksienpäivänny hiilavu kivi mereh laskeh.
(KS, s. 326)

Oleksei Boože kiven laskou vedeh, rubiau lämbiämäh
vezi.
(Кауконен зап. в 1943 г. от Лесонена Х., НА, 5/113)

Enne Olekseinpäiviä vai potokku vajatannou, ga se ke-
väel kormu keräilley.
(KS, s. 326)

Olekseinpäivän jälles ei pie purastu jiäl jättiä.
(KS, s. 326)

Miitrienpäivy d'ärvet ombelou, a Oleksinpäivy savodiu
riičie, a D'yrripäivy jo tyrät nylgöy.
(KS, s. 283)

15.03 (02.03) — Федот

На Федоты дует, будет долгая весна.

Если на Федота ветер, то выметет все углы «основа-
ния» сенных сараев (долго не будет зелёной травы).

Если только на Федота будет ветер, то корм для ско-
та закончится, будет мало корма, сенные сараи вы-
трясет.
(Толмацци — Толмачи)

30.03 (17.03) — Алексей — человек Божий

Алексей Божий человек открывает подземные ключи.
В этот день начинает бежать маленький ручеёк
с горы, когда тает снег.
(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

На Алексеев день горячий камень в море опуска-
ется.
(Siämärvi — Сямозеро)

Алексий Божий [человек] опустит камень в воду,
вода начнёт нагреваться.
(Jängärvi — Янгозеро)

Если до Алексеева дня будет с крыши капать, то
весна корм подберёт.
(Siämärvi — Сямозеро)

После Алексеева дня не надо оставлять пешню на
льду.
(Siämärvi — Сямозеро)

Дмитриев день озёра зашивает, Алексеев день на-
чинает распарывать, а Егорий уже кожу снимает.
(Siämärvi — Сямозеро)

Oleksista heinällä juurut lekahtau.
(*СКЯ тв, с. 50*)

Sulakuu, huhtikuu

Huhtikuu sanoo maaliskuul: ”Jos minä sinunnu olizin, ka hebozel varzan vačah kylmäzin da emändän käin taiginah, vai minä en voi, ku oigei silmy vetty itköö.”
(*KS, s. 65*)

01.04 (19.03) — Duarjanpäivy, Tuarienpäivä, D’ašimpäiv

D’ašim päiv. Se lähtegei šittuu, se primietittii d’o kui ymbäri lähtege sulaškaž.
(*LT, I, s. 344*)

07.04 (25.03) — Blahveššen’n’u, Plahveššen’n’a, Muarienpäivä, Blahveščen’d

Blahveššen’n’an linduine pezästy ei luaji, tyttö kassua ei pleti.
(*СКЯ ливв, с. 25*)

Blahvošen’an ni linduine pesiä ei liikuta.
(*KS, s. 29*)

Plahveššenjana midä ei roattu; niken ei ottan ombelusta ni tikuttamista käteh, nimitä.
(*Кауконен зап. в 1943 г. от Марковой М., НА, 5/26*)

Blahvošen’an jo kiuruine enzi kerran laulau.
(*KS, s. 29*)

Blahozen’an pidäy kiurun kizertiä kirikön ristol, hot kieli katkekkah.
(*KS, s. 29*)

С Алексея корешок у травы пойдёт в рост, стронется.

Апрель

Апрель говорит марту: «Если бы я был тобой, то заморозил бы жеребёнка у кобылы в утробе и руку хозяйки в квашне, но я не могу, потому что правый глаз водой плачет».
(*Salmi — Салми*)

01.04 (19.03) — Дарьин день

Дарьин день. Дарья проруби обгадит. Примечали, как начинает таять вокруг проруби.
(*Hal’d’ärvi — Галлезеро*)

07.04 (25.03) — Благовещение

В Благовещение птица гнёздышка не вьёт, девушка косу не плетёт.

В Благовещение и птица гнезда не вьёт.
(*Salmi — Салми*)

В Благовещение ничего не делали; никто не брал в руки ни шитья, ни вязания, ничего.
(*Роаеп (Pogosta) — Паданы (Погост)*)

В Благовещение уже жаворонок поёт в первый раз.
(*Salmi — Салми*)

В Благовещение жаворонок должен петь на церковном кресте, хоть язык сломайся.
(*Salmi — Салми*)

Blahouššen'anny toze ei työtty lehmii meččäh, kolmazpäivy da piätniččy ollah pyhityzpäivät, a blahouššen'n'u on kalliz pruazniekku.

(Волкова зап. в 1936 г. от Демоевой А., 132/71)

Ollou Muarjuyön tähtie taivahal, sit sygyzyl roih äijy marjua.

(СКЯ ливв, с. 382)

Ku Blahveššen'n'an vastazenny yön on taivahal äijy tähtie, sit tulou hyvä marjuvozi.

(Hautala, 1982, s. 128)

Oudukeilla vettä kukolla n'okata, Blahveššen'n'alla härrällä juvva.

(СКЯ тв, с. 19)

Blahveššen'n'an huondeksel sit harakkua pidi nähtä, nähtyy sanotah kolme kerdua: harakku ku kurikku, minä ku harakku (sit ristikanzu roih kebjeliikkehine ruadolois)

(KKS, I, s. 171)

Plahveššen'n'ašta kuu kukokši, päivä päriekši.

(Hautala, 1982, s. 124)

Plahošen'n'asta päivä pärieksi, varis kukoksi.

(KS, s. 29)

Ku Marijua vaššen yöllä on tuuli suvešta, älä jätä heinärekie joven tuakši, kun on pohjošešta, on talvie, vaikka ajaisit mereštä mereh.

(Hautala, 1982, s. 125)

Kudai tuuli Blahveššen'n'annu tuulou, se Pokrovassah rubieuv tuulemah.

(СКЯ ливв, с. 25)

В Благовещение тоже не выпускали коров в лес, среда и пятница — постные дни, а Благовещение — почитаемый праздник.

(Piži — Обжа)

Если в Марьину ночь на небе звёзды, то осенью будет много ягод.

Если в ночь на Благовещение на небе много звёзд, будет ягодный год.

(Salmi — Салми)

В Евдокию воды — петуху клюнуть, в Благовещение — быку напиться.

Утром в Благовещение нужно было увидеть сороку. Увидев, сказать три раза: сорока как курик, я как со- рока (тогда этот человек будет проворен в работе).

С Благовещения месяц вместо петуха, солнце вместо лучины (становится светло, и лучину больше не жгут).

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

С Благовещения день вместо лучины, ворона вместо петуха.

(Korbiselgä — Корбисельга)

Если в ночь на Марию дует южный ветер, не оставляй воз с сеном за рекой. А если дует ветер с севера, ещё зима продержится, хоть от моря до моря поезжай.

(Repol'a — Реболы) (Вариант: KS, s. 292, Suistamo)

Откуда в Благовещение ветер дует, оттуда будет дуть и до Покрова.

Jesli Plahvessen'n'ana näin šuvešta tuuli tuulou, ni še on lämmin ta i lämmin kevät.

(Näytteitä karjalan kielestä I, 1994, s. 31)

Blahavešenja još šuvešta tuulou, ni šillon pitäy tulla lämmin kešä ja hyvä vuosi, mutta još pohjošesša on tuuli, ni tulou hallavuoši.

(Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/21)

Plahvešenja oli meillä šuuri proasniekka. Jos Plahvešenjana vienoset tuulou, nii tulou aigane kevät, jos tyyni, nii pitkä kevät.

(Кайконен зап. в 1943 г. от Марковой М., НА, 5/26)

Jesli Blahveššen'n'ana jalakšešta piäličči lumen viey, šilloin krutoi kevät lien'öy, šilloin joven tuakši hein'äregie ei pie jät't'yä, pidäy srazu tuuva. A jesli ei, šilloin lien'öy pit'kä kevät, voit käyvä merešt'ä mereh šuorah.

(Степанова, 2000, с. 271)

Blahveššen'n'ua vaste ku häkki juou vetty pihal, suat vie Viiburispäi mennä suolua ostamah.

(Hautala, 1982, s. 125)

Mi Muariena katol, se Jyrginä muas (lundu).

(KS, s. 292)

Mi on Blahveššen'n'ana katokšella lunda, še lien'öy D'yripäivänä mualla.

(Степанова, 2000, с. 272)

Mi Blahouvšen'annu kivel, se Jyrrinpiän levol (lumeh näh).

(KS, s. 29)

Mi tuuli on vanhana Plahveššen'n'ana, niin sitä šamua tuulta enimmäkšeh tuulou koko kešän, vanhah II'lanpäiväh šuaten.

(Hautala, 1982, s. 126)

Если в Благовещение ветер дует с юга, то будет тёплая весна.

(Oulanka — Оланга)

Если на Благовещение дует ветер с юга, тогда должны быть тёплое лето и хороший год, но если дует северный ветер, в этом году будут заморозки.

(Jyškärvi — Юшкозеро)

Благовещение у нас был большой праздник. Если в Благовещение слабо дует, то будет ранняя весна, если безветрие, то долгая весна.

(Poaen (Pogosta) — Паданы (Погост))

Если на Благовещение снег на дорогах с полозьев сдует, то весна будет крутая, за рекой сено не оставляй — не вывезти будет, сразу домой вези. А если нет, то весна будет затяжная, можешь проехать от моря до моря прямо.

Если накануне Благовещения бык напьётся воды на улице, то можно ещё в Выборг за солью съездить.

(Salmi — Салми)

Сколько на Благовещение на крыше, столько на Егория на земле (снега).

(Imbilahiti — Импилахти)

Сколько на Благовещение снега на крыше, столько будет на земле на Егория.

Что в Благовещение на камне, то на Егория на крыше (о снеге).

(Siämärvi — Сямозеро)

Какой ветер дует на старое Благовещение, тот ветер будет дуть, по большей части, всё лето, до старого Ильина дня.

(Salmi — Салми)

Kun ennen Plahveššen'n'ua räyštähie vajattau da tyrt-
tehie luatiu, niin on pitkä kevät ta vilu.

(Hautala, 1982, s. 127)

Kalua pidäs syvvä Blahvoššen'n'annu, sit tulis hyvä
kalavuozi da syjälä sinä kezän hyvä kalalykky.

(Hautala, 1982, s. 129)

Blahousen'annu kalan keitändyaigah primietitäh, mit-
tuine tuuli on. Ku liennov olluh järvituuli, siid sinä
vuon oli järvituuli dai kalua oli, a ku lienuo olluh toine
tuuli, sid kalua ei olluh.

(Волкова зап. в 1936 г. от Демоевой А., 132/71)

Marijanpäivänny pidäy mennä aijoi muate, ku ruavot
kezäl suas aijoi loppie.

(Hautala, 1982, s. 130)

Marijanpäivänny pidäy mennä aijoi muate, ku syömi-
zet ei loppevuttas aijoi.

(Hautala, 1982, s. 130)

Tuuli pidäs olla vahnannu Marijanpäivänny merelpäi,
suvespäi, sit olis hyvä kalavuozi, ku tuuli on pohjazes-
päi, sit tulou paha kalavuozi.

(Hautala, 1982, s. 130)

7.04 (uutta myöte) ku ollou siä tyyni, hyvä, niin kala
hyvin kudemah rubieu sinä vuodena, i ylen tukkužaldi
ylen äijy tulou kalua.

Dai linnut lietäh tukusta kiimimäh. A ku ollou sinä
piän tuulisiä, kalan kuvut roittau huonot, dai linnun
kiimat liettäy harvat. (Jesli ollou suvine tuuli sinä piän,
niin roihe rutto rospuutta. Ku ollet kustaho, niin kii-
rehtä kodih teriämbäh, a to rospuuttii.)

(Туткова зап. в 1938 г. от Турьева Т.Е., НА, 61/46)

Varis tulou Karjalah jo Plahvessen'jalla. Sanottih aina
jotta: varis liitollah tulou. Siitä tulou ne suuret suvet
vasta, Plahvessen'jan suviloikse sanottih ta siitä tulou

Если до Благовещения течёт со стрехи и образуются
сосульки, то весна будет затяжная и холодная.

(Vuonnini – Войница)

В Благовещение надо есть рыбу, тогда год будет
рыбный, и едоку этим летом будет сопутствовать
рыбацкая удача.

(Salmi – Салми)

В Благовещение во время варки рыбы примечают,
какой ветер. Если ветер был с озера, то в этом году
дуло с озера и была рыба, а если был другой ветер,
то рыбы не было.

(Piži – Обжа)

В день Марии надо рано лечь спать, чтобы все рабо-
ты летом удалось завершить вовремя.

(Salmi – Салми)

В день Марии надо рано лечь спать, чтобы рано не
закончились съестные припасы.

(Salmi – Салми)

На старое Благовещение ветер должен бы дуть
с моря, с юга, тогда год будет рыбный, а если дует
с севера, то рыбы в этом году не будет.

(Salmi – Салми)

Если 07.04 (по новому стилю) будет безветренная
хорошая погода, то рыба в этот год будет хорошо
нереститься и очень кучно будет ловиться очень
много рыбы. И птицы будут кучно токовать. А если
в этот день будет ветренная погода, то нерест рыбы
будет плохой и птицы будут редко токовать. (Если
в этот день будет дуть южный ветер, то будет бы-
страя распутица. Если окажешься где-нибудь, пото-
ропись домой, а то дорогу развезёт.)

(Sel'gi – Сельги)

Ворона прилетает в Карелию уже в Благовещение.
Всегда говорили: ворона прилетает в срок. Толь-
ко после этого наступают большие оттепели, их

hanket suven jälkeh. Monta kertoa kun oltih reissu-
loissa heposilla näin Kemissä ta i teälä Kajoanisssa ta-
hikka Oulussa, ei peästy kulkomah kun niin tuli suvi!
Istuo piti kokottoa monta päivie — ei peästy kulkomah,
oli niin tiet pehmitty. Siitä kun tuli jälelläh pakkaset ta
tuli kylmäset ni siitä ajettih. Yökylmäset ta pakkaset
tuli ni siitä ne kesti vielä.

(Virtaranta, 1958, s. 352)

Još Marijanpäivänä makuau ruokalepuo, niin sinä vuo-
tena ei löyvvä hauvin kutupaikkoja.

(Hautala, 1982, s. 130)

Plahveššen'n'ana ei šua muata. Još makuau, ei kuule
mečon iäntä soittimella.

(Hautala, 1982, s. 130)

Plahveššen'n'ana ei pitäis muata kenenkänä. Ken ma-
kuau, sillä tulou lahokesseli kešäkši šelkäh. Šemmoni
vaiva, jotta aina haluttais muata.

(Hautala, 1982, s. 130)

Ken Plahvessenjan näköy, še on talven voittan.

(Hautala, 1982, s. 124)

Virboinedäli, Virponetäli, Birboinedäl'

Virbanedelillä huomenekšella kylmättäy, liey hyvä
kyndö.

(СКЯ тв, с. 338)

Naizet virboinedeliksi pestih pertilöjä.

(СКЯ тв, с. 338)

называли Благовещенскими оттепелями, а после
оттепелей образуется наст (настаёт время наста. —
Прим. сост.). Много раз были в поездках на лоша-
дях в Кеми и здесь, в Каяни или в Оулу, не могли
ехать, потому что наступала оттепель! Приходи-
лось сидеть много дней — не могли ехать, так раз-
мягчались дороги. Ехали только тогда, когда снова
возвращались морозы и заморозки. Ночные замо-
розки и морозы наступали и ещё продолжались.

(Tollonjoki — Толлорека)

Если в день Марии приляжешь отдохнуть после
обеда, то в этом году не отыщешь мест, где щука
нерестится.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

В Благовещение нельзя спать. Кто спит, тот не
услышит голоса глухаря на току.

(Vuonnini — Войница)

В Благовещение никому нельзя спать. Кто спит, тот
получит гнилой кошель на спину на всё лето. Его
всё время будет одолевать сонливость.

(Vuonnini — Войница)

Кто Благовещение увидит, тот зиму одолел.

(Vuonnini — Войница)

Вербная неделя

Если в Вербную неделю с утра подмораживает, то
будет удачная пахота.

Женщины к Вербной неделе мыли избы.

Virboi, Virpopyhäpäivä, Birboipyhäpäi

Virboisuovattan kävväh virboiviččua keriamäh, yksi jogahizele taloin eläjäle, žiivatoilegi. Pannah vičat obrazoin alle. Pyhänpiän huondeksel se, ken enzymäzekse ehtinöy, nouzou virboittamah toizii, ket vie virutah, iččiedäh enzymäi virboittau. Sit ižändät kävväh virboittamas heboloi, emändät — lehmii. Sit kai pyzytäh terveheny kogo vuvven, eigo heih tartu nimi taudi.

(Hautala, 1948)

Virboi on Äijiäpäiviä nedälie enne. Virboinna enne murginua tuohukset viritetäh, silmät ristitäh, vičat kuajitah, yhtel vičal kai lehmät, lambahat, toizel vičal hebuo virvoitetah.

(KKS, VI, s. 646)

Virboinnu virboiviččua tuvvah lambahazien keräizin, net kuajitah huondeksel, tuvvah kirikköh, stolale pannah, sit pappi viel priskuttau, kuajiu, sit otetah kodih, virvoitetah žiivatat, sit iččie.

(KKS, VI, s. 646)

Storožu tuou kirikköh virboiviččazet valmehekse, kirikös svätitäh da pappi andau rahvahale; žiivatoin työn-däjes virboiviččaine vedeh lykätäh.

(KKS, VI, s. 646)

Virboipyhänpiän virvoitetah rahvastu da žiivattua, sanotah:

Virvotti, varvotti,
Tuorehekse, tervehekse,
Kulu kettu iäres, uuzi kettu tilah.
Sinul vičču, minul jäiččy
Nedälikse velgua.

(Огнева зап. в 2005 г. от Мухорова П. Ф., НА 173/96)

Вербное воскресенье

В субботу перед Вербным воскресеньем ходят за вербой, берут одну веточку на каждого обитателя дома, включая домашних животных. Ветки вербы кладут под образа. В воскресенье утром тот, кто первым успеет, встаёт и хлещет вербой остальных, тех, кто ещё лежит. Себя хлещет в первую очередь. Потом хозяева идут хлестать вербой лошадей, а хозяйки — коров. Так все будут здоровыми весь год. И никакая болезнь к ним не пристанет.

Вербное воскресенье отмечается за неделю до Пасхи. В Вербное воскресенье до еды зажигают церковные свечи, крестятся, кадят ветки вербы, затем одной веткой хлещут всех коров, овец, другой веткой хлещут лошадь.

(Suojärvi — Суоярви)

В Вербное воскресенье приносят домой ветки вербы с белыми барашками. Их кадят утром, приносят в церковь, кладут на стол, батюшка ещё окропляет водой, кадит, потом их уносят домой, хлещут этими ветками домашний скот, потом себя.

(Siämärvi — Сямозеро)

Сторож наготово приносит в церковь ветки вербы, в церкви их освящают, и поп раздаёт ветки прихожанам. Выпуская домашний скот весной из хлева, ветку вербы бросают в воду.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

В Вербное воскресенье хлещут веточкой вербы людей и домашних животных, приговаривая:

Virvotti, varvotti,
будь свежим и здоровым,
старую кожу вон, новую кожу вместо неё.
Тебе — вица, мне — яйцо,
на неделю в долгу.

(Jyrgil — Юргилица)

Virboi varboi, tuoreheks terveheks, vanha kett eāreh,
uuzi kettu tilah, vuuveks vaboa, nedäliks velgoa, siul
vičča, miul jäiččä.
(*KKN, II, s. 135*)

Hörčäks hyödymäh, parčaks puadumah (lugietah lap-
set virboittajes).
(*KKN, II, s. 115*)

Meilä ennen kun virvottih — se oli netäli Äijähpäi-
väh — lapsie nossatettih makoamasta, luvettih:
Virvan, varvan,
vuuvekse tervehyökse,
netälikse velkapeäkse;
siula vičča — miula kakkara.
Miula moamo aina laitto virpaviččoih kukkasie tilkus-
ta, ta niillä löi siitä meitä. Vičat pijettih oprasan iessä
Äijähpäiväh soahan.
(*Virtaranta, 1958, s. 587*)

Netälie ennen Äijööpäivöä oli se Virpopyhäpäivä. No
siitä käytih suovattiltana semmosie varpoja miss oli
ukonlammasta. Siitä huomeneksella aikaseh nousi
yksi henki, otti varvan kätehes, yhen kerralla, siitä vir-
po joka henken, luki jotta:
Virvon, varvon
tuorehekse, tervehekse,
vuuvekse vapoahekse,
netälikse velkapeäkse:
siula vičča — miula kakkara!
Sitä mäntih leäväh ta joka lehmä virvottih samoin kun
imehniset. Varvat pantih lakeh, moatinčan rajah pis-
settih. Siitä siinä Äijänpäivänyönä ne varvat kaikki ko-
vottih ta siih poltettih.
(*Virtaranta, 1958, s. 587*)

Kun tuli Virpopyhäpäivä siitä käytih suovattana
virpoviččoa; siitä kun tuli se Virpopyhäpäivä, siitä kun
nousi emäntä ensimäksi, se otti sen virpovičan ta se
virpo sillä viččalla kaikki, näin voatteista peäličči, sano
siitä:

Верба, варба, будь свежим и здоровым, старую кожу
вон, новую кожу вместо неё, год дрожать, неделю
быть в долгу, тебе — вица, мне — яйцо.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Пожелание разбогатеть тому, кого хлещут вербой
(дети читают, когда хлещут вербой).
(*Suistamo — Суїстамо*)

У нас раньше как стегали легонько вербой — это
было за неделю до Пасхи — детей будили, приго-
варивали:
Вирван, варван,
на год здоровья,
на неделю в должники;
тебе вица — мне блин.
У меня мама всегда в пучок вербы клала цветочки
из лоскутков и ими нас стегала. Ветки вербы дер-
жали перед иконами до Пасхи.
(*Sohjanansuu — Софьянга*)

За неделю до Пасхи было Вербное воскресенье.
В субботу вечером ходили за ветками вербы, на
которых были барашки. Рано утром вставал один,
брал ветку в руку, одну за один раз, потом стегал
каждого, приговаривал:
Вирвон, варвон,
будь свежим и здоровым,
на год свободным,
на неделю должником:
тебе вица — мне блин!
Потом шли в хлев и стегали каждую корову, так же,
как и людей. Ветки клали под потолок, за матицу.
Потом в Пасхальную ночь эти ветки собирали и тут
же сжигали.
(*Tollonjoki — Толлорека*)

Когда наставало Вербное воскресенье, в субботу хо-
дили за ветками вербы; когда наступало Вербное
воскресенье, хозяйка поднималась первая, брала
ветку вербы и этой веткой стегала легонько всех
поверх одежды, приговаривала:

Virvon, varvon
tuoreheksi, terveheksi,
netäliksi velkapeäksi.

Ta ne oltih siitä käyty sussietastaki virpomah, ken ker-
kisi.

Siitä kun mäni netäli ta tuli se Äijäpäivä, ni se joka kävi
sussietasta häntä varpomah ni heän vei sillä virpojalla
kakkaran, se jota virvottih.

(Virtaranta, 1958, s. 587)

Suuri nelläspäivy, Šuuri nelläspäivä, Suur' nelläspäiv

Suurinelländennypäivänny ku ollou kylmy, ga vie nel-
likymmen kylmiä on.

(KS, s. 494)

Jesli Šuurda Nellät't'ä päiväyä vaššen on kylmäni, šilloin
viel'ä lien'öy nel'l'äkymmendä kyl'mäistä.

(Степанова, 2000, с. 271)

Kun Šuurena nellänäpiänä eu hallua, to hallat lietäh
heinaigah šuat.

(СКЯ тв, с. 45)

Šuurinellänpiänä on halla, kagrua kylvä hot' tuhjon
alla i to kažvau.

(СКЯ тв, с. 126)

Šuurnellänpiänä kun on kylmä, niin liey kagrua äijä.

(KKN, I, s. 91)

Suurinellänpäivänny gu on tiähtie, sit marjua roih.

(KS, s. 494)

Suurnellänpiän ne peitetäh iäres värttinäzet, piirai-da
kezriändyvärttinät peitetäh.

(KKS, V, s. 584)

Вирвон, варвон,
будь свежим и здоровым,
на неделю должником.

Кто успевал, ходил стегать вербой и к соседям. По-
том, как пройдёт неделя и настанет Пасха, тот, кого
хлестали вербой у соседей, приносил хлеставшему
блин.

(Akonlakši – Аконлакши)

Великий, чистый четверг

Если в Великий четверг будет заморозок, то будет
ещё сорок заморозков.

(Siämärvi – Сямозеро)

Если на Великий четверг приморозит, то будет ещё
сорок морозных утренников.

Если на Великий четверг нет утренника, то замо-
розки будут до сенокоса.

Если в Великий четверг будет заморозок, то овёс
хоть под куст сей, и то вырастет.

Если в Великий четверг морозно, будет хороший
урожай овса.

(Tolmačši – Толмачи)

Если в Великий четверг видны звёзды, будет хоро-
ший урожай ягод.

(Salmi – Салми)

В Великий четверг прячут с глаз долой веретёна
и скалки.

(Salmi – Салми)

Suurnellänpiän laitah härkindy, sit enämbi voidu sil vuvvel suittuu.

(KKS, V, s. 584)

Suurnellänpiän kai puuhizet brujat pidäy peittä. Muga ruatah, ku ei nähtäs maduо kezäl.

(Hautala, 1982, s. 136)

Ku Suurnellänpiän pannah taigin, tänävuon pidäy panna nellikymmen taiginua liigua.

(Hautala, 1982, s. 136)

Šuurena nellänäpiänä kadajua tuuvvah, hauvutah taiginat i kaikki puizet i kaikki aštiet, i poat i kaikki.

(KKN, I, s. 91)

Ku Suurnellänpiän nähnet pihale lähtiettyy nuorupalazen muas, sit kezäl näet ylen äijän maduо.

(Hautala, 1982, s. 136)

Suurnelläspäivy on hyvä leikata pardua da kynzii sego polttopärien kuadamizeh.

(Hautala, 1982, s. 136)

Suurnellänpiän suolat (lehmile annettavat) suolumöykyt.

(KKS, V, s. 584)

Kolme vuotta peräkkäi pannah Suurnellänpiän huondeksel suolua päčin tuhkuverčiekkäh da saman päivän illal otetah net iäre. Joga vuozii samoil suolil luajitah sama. Net sit parandetah hos mittumantahto tavvin kui ristittyzis mugai žiivatois.

(Hautala, 1982, s. 136)

Äijänpäivän nellänpiän pastetah kolme ristuleibiä, kai samas jauhos: yksi rugehen, yksi kagran kylvöh niškoi da yksi halgoloin leikkuandah lähtijes syödäväkse. Yhty pietäh obrazoin piäl sygyzsyssä, kagran leikkavossah. Se kuivatah enzymäi päčin reunal, ku ei rikko-

В Великий четверг изготавливают мутовки, тогда в этот год удастся запасти больше масла.

(Siämärvi — Сямозеро)

В Великий четверг надо спрятать все деревянные орудия труда. Это делают для того, чтобы летом не видеть змей.

(Salmi — Салми)

Если в Великий четверг поставят тесто, то в этом году придётся поставить тесто сорок лишних раз.

(Salmi — Салми)

В Великий четверг приносят можжевельник, парят квашни и всю деревянную и прочую посуду, горшки и всё остальное.

(Tolmačču — Толмачи)

Если в Великий четверг увидишь на улице кусочек верёвки, то летом увидишь очень много змей.

(Salmi — Салми)

В Великий четверг хорошо стричь бороду и ногти, валить деревья на лучину.

(Salmi — Салми)

Четверговая соль — комочки соли, которые скармливают коровам.

(Suistamo — Суйстамо)

Три года подряд утром в Великий четверг кладут соль в зольную дверцу печи и вечером того же дня вынимают оттуда. Каждый год это проделывают с той же самой солью. После эта соль может излечить любую болезнь, как у людей, так и у домашнего скота.

(Salmi — Салми)

В четверг на Пасхальной неделе пекут три хлеба с крестом, все из одной муки: чтобы съесть один перед тем, как отправиться сеять рожь, один — перед тем, как пойти сеять овёс, и один — перед тем, как идти заготавливать дрова. Один хлеб держат над

vus. Kylvämäh lähtijes ristuleiby livotetah da syvväh;
erähät annetah palazen hevole.
(Hautala, 1982, s. 137)

Šuurda nelläpäiviä vaš otetah sporenieda žiivatašta.
(СКЯ тв, с. 256)

Da, Šuur' nelläšpäiv ran'š lugittih što täm päiv on, vel-
gah ei pi andu nimid. I možiu ottu spoorostin leiväšš
ali ruavošš, ili missäm butten viäl'.
(Пунжина, 2001, с. 38)

Äijänpäivän piätenčy, Äijänpäivän piätenčä, Äijänpäivän piätnič

Äijänpäivän piätenčänä ei pitäis niin äijän paissa eikä
nakrua, jotta hampahat näkyu. Riähkä tulou.
(Hautala, 1982, s. 413)

Strašnoina piätinčänä ei šyvvä tähtilöih šuat.
(СКЯ тв, с. 213)

Äijänpiän piätenčän ei sua pilata eigo viilata, eigo ni-
midä leikata kirvehel, silleh piästettäs Antihristos väl-
läle.
(Hautala, 1982, s. 143)

Jos pitkäpiätinčän ottaa vasaran tai kirvehen, luadih
Puasal ristua.
(KS, s. 390)

Ken tahtou ičelläh kaunehen lauluiänen, šen pitäy
kovašti laulua Äijänpäivän piätinčänä.
(Hautala, 1982, s. 143)

Tytöllä vuattiet lisävyvtyh, kun Äijänpäivän piätinčänä
aitašša vuattehie lippahašša noštelou, alimmaisie
piälimmäisiksi.
(Hautala, 1982, s. 144)

иконами до осени, до жатвы овса. Сначала его высу-
шивают на краю печи, чтобы не испортился. Перед
тем, как отправиться сеять, хлеб с крестом размачи-
вают и съедают. Некоторые дают кусочек лошади.
(Salmi — Салми)

В канун Чистого четверга ворожкой добывают уда-
чу со скотом.

Да, Великий четверг. Раньше считали, что в этот
день в долг не следует давать ничего, и можно за-
брать удачу в хлебе или работе, или в чём-либо ещё.
(Nouvoi — Новое)

Страстная пятница

В Страстную пятницу не надо бы много говорить
и смеяться так, чтобы зубы были видны. Это грех.
(Vuonnini — Войница)

В Страстную пятницу не едят до вечерних звёзд.

В Страстную пятницу нельзя пилить и шлифовать,
и ничего нельзя рубить топором, чтобы этими дей-
ствиями не выпустить на волю Антихриста.
(Salmi — Салми)

Если в Страстную пятницу возьмёшь в руки моло-
ток или топор, значит, сделаешь Спасителю крест.
(Suojärvi — Суоярви)

Тот, кто хочет обрести красивый певческий голос,
должен громко петь в Страстную пятницу.
(Akonlakši — Аконлакши)

У девушки прибавится нарядов, если в Страстную
пятницу в кладовке перебрать одежду в сундуке,
поднять наверх то, что лежало внизу.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

... Strašnoi peätenčy. Äijänpäivän jälgimäizel nedälil roavot roattih kai. Äijänpäivän nedälil nečidägoi, Strašnoil nedälil glavnoit roavot jo dolžni roata olla: pezot nenet, kai, ligaravot.

— Ei roattu?

— Ei roattu, da. A Äijän peätenčän voops'e ei roattu, ei soannuh ligaroadoloi roata. Nu midä l'ohkoidu sai roata, nenii midä ježednevnoidu. A štobi lattiet pestä, senčoit da kai nenet. Net jo ennen kai uberittih.

— Ei soannuh pestä?

— Ei soannuh pestä, da. A Strašnoin peätenčän meijän mama ainos pyhitti. Häin argehistu nimidä ei syönnyh, häin pyhitti kaloa da vot. Kaloa g'ei lienne olluh, ga parembi siendy söi da pyhitti.

— Sinä pyhitätgo muga?

— Minä en pyhitä. A teijänhäi suomalaiset nenga sanotah: "A ei häi... se suuh tule, häi suuspäi lähtöy. A pyhitys se on tyhjä dielo" — suomelaizet nenga sanotah. Suomes pyhitetähgo?

— Toizet pyhitetäh, toizet ei.

— Nu meijän rahvas pyhitettih, pyhitettih. Erähät ristikanzat peätenčän voops'e ei syönnyh nimidä, nimidä ei syönnyh kaiken päivän syömättäh oli, kudamat äijäl Jumaloo vieruittih da kai. Oli. A mama meijän pyhitti Strašnoin peätinčän ob'azatel'no pyhitti. Daaže konzu pyhä zavodih, dak... pyhä konzu zavodih, sit on enzimäine nedäli, konzu pyhä zavodih, sit tože, nečidägoi, pyhitti.

— A vie midäbo kielettih peätenčän roadoa? Mužikal da akal?

— Oi, se on reähky. Tiijen minä, midä sinä duumaičet. Äijänpeän sidä roadoa... dai peätinčän se tože on reähky, se roado. Ei, sidä ei.

— Kielettih?

— Kielettih, kielettih.

— Kogo nedäli vai?

— Naverno, kogo nedäli. Se on kielty. Sidä ei.

— Kuultihgo konsa joka... sen reähkän, ja midä sit tuli?

— Sit voi Jumal rangastoa. Nakazat'.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Урпийainen зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3264/61)

... Страстная пятница. На последней неделе перед Пасхой выполняли всю работу. На Пасхальной неделе, на Страстной неделе уже должны быть сделаны главные работы: стирки эти, мытьё, все грязные работы.

— Не делали?

— Не делали, да. А в пятницу перед Пасхой вообще не работали, нельзя было грязную работу делать. Ну, что-то лёгкое можно было делать, ежедневные дела. А чтобы полы мыть, сени и всё это. Это всё раньше убিরали.

— Нельзя было мыть?

— Нельзя было мыть, да. А в Страстную пятницу наша мама всегда постилась. Она не ела ничего скромного, она постилась рыбой, вот. А если рыбы раньше не было, так лучше солёных грибов поест, и постилась.

— А ты так постишься?

— Я не пощусь. А ваши финны ведь так говорят: «А не в рот ведь оно идёт, а изо рта выходит. А соблюдение постов — это пустое дело», — финны так говорят. В Финляндии постятся?

— Одни постятся, другие — нет.

— Ну, наши люди постились, постились. Некоторые в пятницу вообще ничего не ели, целый день без еды были, которые сильно в Бога верили и всё. Было. А мама наша постилась в Страстную пятницу обязательно. Даже когда пост начинался, так... пост когда начинался, в первую неделю, как пост начинался, тоже постилась.

— А что ещё запрещали делать в пятницу? Мужчине и женщине?

— Ой, это грех. Я знаю, о чём ты думаешь. В Пасху это делать... и в пятницу это тоже — грех, это дело. Нет, это нельзя.

— Запрещали?

— Запрещали, запрещали.

— Всю неделю или?

— Наверное, всю неделю. Это запрещено. Этого нельзя.

— Слышали ли, если кто так согрешил, то что потом было?

— За это Бог может наказать.

(Jovenkylä — Улялега)

Äijänpäivän suovattu, Äijänpäivän šuovatta, Äijänpäivän suobat

Äijänpäivän suovattan ei ajelta piirualoi.
(KKS, VI, s. 766)

Äijänpäivänä jos sreäppi, siitä reähkä tulou. Äijänpäivän šuovattana piti sreäppie.
(Virtaranta, 1958, s. 220)

Äijypäivy, Äijäpäivä, Äipäiv

Joka vuosi vuotetah köyhempäh kotih.

(Лавонен, 1982, с. 66)

Proasniekka

Seitsentä virstaa silta, sillan päässä risti, ristissä kai-
ken maailman pyhä.

(Лавонен, 1982, с. 66)

Proasniekka, Äijypäivä

Seitsemän virstua vesistä suota, vesisuon piässä kulta-
kerä, kultakerässä jäiččä.

(Лавонен, 1982, с. 114)

Äijypäivä

Äijänpiän ni piäsköi ei pezästy luaji.
(KS, s. 604)

Äijäpäivä päivän nostuo, Vieristä silmien pestyö.
(KS, s. 604)

Äijäpäiviä päiväinegi pläššii ažmo ga ristikanzat.
(KS, s. 604)

Äijänäpiänä päiväne nouššešša kižua.
(СКЯ тв, с. 352)

Šitä varteitih Äijänäpiänä päivännoušuo, vuuven
šanomat hiän (päiväni) toi.
(KKS, VI, s. 766)

Великая суббота

В субботу перед Пасхой не раскатывают сканцы.
(Siämärvi — Сямозеро)

Стряпать в Пасху — грех. Стряпать надо было в Ве-
ликую субботу.
(Kiestinki — Кестеньга)

Пасха

Каждый год поджидают в бедном доме.

(Kalevala — Калевала)

Праздник

Мост в семь вёрст, в конце моста — крест, на кре-
сте — всеобщий праздник.

(Kalevala — Калевала)

Пасха

Семь вёрст топкого болота, в конце болота золотой
клубок, в золотом клубке яйцо.

Пасха

В Пасху и ласточка гнезда не вьёт.
(Siämärvi — Сямозеро)

Пасха с восходом солнца, Крещение после умывания.
(Suojärvi — Суоярви)

На Пасху и солнце пляшет, тем более люди.
(Siämärvi — Сямозеро)

В Пасху, когда солнце всходит, оно испускает лучи,
играет.

На Пасху караулили восход солнца. Солнце прино-
сило вести о том, какой будет год.
(Uhut — Ухта-Калевала)

Vanhannu Äijänpiän huondes päiväne kizua, a muinnu päivin ei.
(KS, s. 556)

Tulou hyvä vuosi ku päiväine kizuabi Äijänpäivän huondeksel.
(Hautala, 1982, s. 152)

Äijänpäianä jesli päivännouzu nägyy, on jasnoi siä — lienöy kevät hyvä, lämmin, kala rubieu kizuamah. A jesli ei nävy — lienöy kevät paha. Kakoi enzimäini Äijäpäivä — šemmoni lienöy kevät. Kakoi toini Äijäpäivä — šemmoni lienöy kežä.
(Степанова, 2000, с. 271)

Äijäpäivän huondeksen kačuoimme päivän nouzud, kui oli kajakšine huonduz, n'ägyi vähäizel: ninga hypii ka kui električestvo paluoi, šidä šanut't'ii što päivyöi šyöttäi i se hyväl mielel on što D'umal voskres.
(LT, III, s. 386)

— Mama vie magoau, myö ploat'an peäl, gu lähtemmö kylee myö joga taloih kävymmö, dai muut lapset. Joukolleh sinne da uudizii ozuttamah. Tulemmo, mama jo nouzou, enzimäizekse sanou: "Lapset,— sanou,— läkkee kačommo: joga päiväine pläššiy?" Äijypäivy oli kaikkies kallehien proazniekku. Sit myö lähtemmö man kel pihal. A toičči bivaičou aijoi, kačo, tänävuon oli aprel'al. A toičči bivaičou: jo on lämmin, jo pal'l'ahien jalloin voi juoksendella. Menemmöhäi, neče päivy pas-tau, a se päiväine vroode pläššiy. "Kačo, sanou, päiväine pläššiy". I pravda, kačommo, vrode gu päiväine pläššiy, pr'aamo gu pläššiy. No, no, "Kačo, sanou, nečidägoi, Jumal radujetsa, što poigu elivyi. Jumal iloiliheh, hyvä mieles on, što ozuttau, što päiväine pläššiy."

— Kävyttögo kačomah, kui päiväine pläššiy, nygöi?

— Nygöi emmo kävy. A nygöi minä daaže en tiije: pläššiygo päivy vai ei, en tiije. Emmo kävy, emmo. A lapsennu, kačo kävyimö.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Узриайнен зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3264/57)

На старую Пасху утром и солнышко играет, а в другие дни — нет.
(Salmi — Салми)

Будет хороший год, если солнце играет утром в Пасху.
(Salmi — Салми)

Если на Пасху видно, как восходит солнце, если ясно — будет хорошая тёплая весна, рыба будет играть. А если пасмурно — весна будет худая. Каков первый день Пасхи, такая будет и весна. Каков второй день Пасхи, таким будет и лето.

Утром в Пасху смотрели, как солнце встаёт. Если было ясное утро, то немного видно было, как оно прыгает, как будто электричество горит. Тогда говорили, что солнышко-кормилец радуется, что Бог воскрес.
(Hal'd'ärvä — Галлезеро)

— Мама ещё спит, а мы платье наденем, как пойдём по деревне, мы в каждый дом заходим, и другие дети. Компанией туда, да обновки показывать. Придём, мама уже встанет, в первую очередь говорит: «Дети,— говорит,— пойдёмте, посмотрим: солнце уже пляшет?» Пасха — самый почитаемый праздник. Потом мы с мамой идём на улицу. А иногда бывает рано, смотри, в этом году в апреле. А иногда бывает: уже тепло, уже босиком можно бегать. Как пойдём, солнце светит, и это солнышко вроде пляшет. «Смотри,— говорит,— солнышко пляшет!» И правда, смотрим, вроде как солнышко пляшет, прямо пляшет. Но, но, «Смотри,— говорит,— Бог радуется, что сын воскрес. Бог радовался, в хорошем настроении, что показывает, что солнышко пляшет».

— Ходите смотреть, как солнышко пляшет, теперь?
— Теперь не ходим. А сейчас я даже не знаю: пляшет солнце или нет, не знаю. Не ходим, нет. А детьми, смотри, ходили.
(Jovenkylä — Улялега)

Äijämpäivän huondeksen kačuoimme päivän nouzud, kui oli kajakšine huonduz, n'ägyi vähäižel: ninga hypii ka kui električestvo paluoi, šidä šanut't'ii što päivyöi šyöttäi i se hyväl mielel on što D'umal voskres.

Утром в Пасху смотрели, как солнце встаёт. Если было ясное утро, то немного видно было, как оно прыгает, как будто электричество горит. Тогда говорили, что солнышко-кормилец радуется, что Бог воскрес.

Mitä päivä Piäsiäisenä, sitä siä särenkuvussa.
(KS, s. 413)

Ku Äijänpäiviä vaste kylmä, sit ozru kazvau hyvin.
(Hautala, 1982, s. 151)

Äijänpäivän huondeksel pidäy mennä kaivon kannelle ottamah suuh jäädy da sidä puretella, ku čakat ei kezäl n'okittas.
(Hautala, 1982, s. 153)

Kezäkazakku on Äijäspäiväs syvyspyhälaskusah.
(KKS, II, s. 149)

Äijänpiän harakan näin huondeksel, sit kirmei roimos ku harakku kebjei.
(KKS, I, s. 171)

Kristossies annetah Äijänpäivän jäiččy ylen omil. Äijänpäivän jäiččii mujutetah laukan kojah. Huondeksel jäiččii syvväh kristositah.
(KKS, VI, s. 766)

Sanottih jotta Neičyt Moarie oli Äijänpäivän huomenessa sul'činua ajellun. Niin siitä kun se oli se poika hänellä kateis's'a silloin. Se siitä kun tuli Äijänpäivän huomenessa hänen luokse — hänellä oli pyy kattilassa kiehumassa, nin se pyy läksi kattilasta lentoh, ta siitä poalikka katkesi keässä. Siitä meil ei annettu Äijänpäivänä ajella sul'ččinua, ne vanha kansa, jotta se on reähkä siitä semmoni. Ta i ihan keitántä kiellettih, jottei pitäis lihoa keittöä sinä peänä, Äijänpäivänä. Siitä oli toas semmoni sakona.
(Virtaranta, 1958, s. 220)

Kallis on jäiččä Äijänpiän.
(KS, s. 130)

Какой день на Пасху, такая погода будет во время нереста плотвы.
(Imbilahti — Импилахти)

Если накануне Пасхи подморозит, то ячмень будет хорошо расти.
(Sortavala — Сортавала)

Утром в Пасху надо пойти на колодец, взять в рот лёд и погрызть его, чтобы комары летом не кусали.
(Salmi — Салми)

Работник на лето нанимается от Пасхи до последнего дня осеннего мясоеда.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рытушкалица)

Утром в Пасху видел сороку, буду таким же проворным, как сорока.
(Salmi — Салми)

Когда христосуются, пасхальное яйцо дают близким родственникам. Пасхальные яйца красят луковой шелухой. Утром христосуются, едят яйца.
(Siämärvi — Сямозеро)

Говорили, что Дева Мария раскатывала сканцы в Пасхальное утро. И этот сын ей позавидовал тогда. Он как пришёл к ней утром в Пасху — у ней в кастрюле рябчик варится, так этот рябчик взлетел из кастрюли, и скалка в руке переломилась. Поэтому нам не давали в Пасху раскатывать сканцы те старые люди, потому что это грех такой. И запрещали варить вообще, мол, не надо варить мясо в этот день, в Пасху. Это тоже был такой закон.
(Venehjärvi — Суднозеро)

Дорого яичко к Христову дню.
(Suistamo — Суїстамо)

Sanou: "Korvan leikkoan, perzien paikkoan". A myö sidä varaimmo, što korvan leikkoav.

— No, varaitgo si nyt si?

— En varoa, konzu duumaičin, kui häi voi korvan leikata. Nygöi en varoa. A sillos varain.

— Lapsennu varait?

— Lapsennu varain. Emmo tarvin. A sit Äijinpäivin, kačo, kaikkie pastat, sit isä kävyu... "Hristos voskres!" kai... Äijänpeän sit nimidä, vai ristah kačotah. Veit dai kai hallot tuvvah, nimidä ei tuvva. Štob ei čakkoa rodis, kačo, halguu tuvvah, vetty, sit roih čakkoa...

(Лавонен, Тимонен, Угрийнен зап. в 1991 г. от Потаповой Е. Г., ФА, 3266/29)

A myö nygöi tože, Äijänpeän, minä tože nygöi tässä min elän, Äijänpeän illal kylyy, kačo, en lämmitän. Tože pastan illan, sit pastan tože, ga, konešno, nellässäh časovnah, konešno, seizomah emmo mene, da i nellässäh en istu. Peäzen pastoksis, sit vieren moata. Ukko jo magoau, a minä jälles, kuni en roadoloi roa. Dai tože vetty emmo tuu, viet kannammo, hallot tuummo kai Äijäksepäivee. Syömisty tože: suupat keittämmö, jäičät keittämmö, jäiččee kroasimmo. Jäičät olah kroasitut kaikkieh loaduh. <...>

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Угрийнен зап. в 1991 г. от Сергеевой Н. И., ФА, 3264/58)

Äijänpäivän yöl tuodih viesti Spuasan emäl, što Spuas-su nouzi.

(KKS, VI, s. 766)

Äijänpäivän yöl ku ei magua, sit kogo vuvven ei liijakse nukuta.

(Hautala, 1982, s. 153)

Äijänpäivän yöllä käyvväh häiriččemäššä toini toista. Hienuo ripakkuo on keralla, još ketänih löyvetäh makuamaššä, poltetah ripakkuo nenän alla, ku havaččuis. Äijänpäivän yöllä ei kellänä ole šijua, ei šua muata.

(Hautala, 1982, s. 153)

Говорит: «Ухо отрежу, задницу залатаю». А мы этого боялись, что ухо отрежет.

— Ну, боялась ты сейчас?

— Не боюсь, как подумала, как он может ухо отрезать. Сейчас не боюсь. А тогда боялась.

— Ребёнком боялась?

— Ребёнком боялась. Нам не нужно было. А потом в Пасху напечёшь всего, потом отец ходит... «Христос Воскрес!» все... В Пасху ничего не делают, только на крест смотрят. Воду и дрова все принесут, ничего не носят. Чтобы комаров не было, смотри, дрова принесут, воды, тогда комары будут...

(Jovenkylä — Улялега)

А мы сейчас тоже, в Пасху, я тоже до сих пор, сколько живу, в Пасху вечером баню не топила. Пеку тоже весь вечер, но, конечно, до четырёх в часовню, конечно, стоять не ходим, да и до четырёх не сижу. Как освобожусь от выпечки, так ложусь спать. Муж уже спит, а я после, пока работу не сделаю. Да и воду тоже не носим, воды наносим, дров наносим, всё к Пасхе. И еду тоже [приготовим]: суп сварим, яйца сварим, яйца покрасим. Яйца красим по-разному. <...>

(Jovenkylä — Улялега)

В Пасхальную ночь матери Спасителя принесли весть о том, что Спаситель воскрес.

(Salmi — Салми)

Если не спишь в Пасхальную ночь, то и целый год не будет сильно клонить в сон.

(Pomantsi — Иломантси)

В Пасхальную ночь мешают друг другу спать. Носят с собой тонкую тряпку, если кого-то обнаружат спящим, то поджигают тряпку прямо у него под носом, чтобы проснулся. В Пасхальную ночь никому нельзя спать.

(Vuonnini — Войница)

Tyttäret kuoppah da pojat karsinah Äijähpäiväh šuate (Äijähpäivässäh ei käydy venčal).
(KKS, VI, s. 766)

Äijähpäiviä vaššen männäh ymbäri kiriköst palajin tuohukšin kera, i kun ei šammuta tuohukšet, niin liey hernehtä äijä. Tuuli kun on, konž šammutah, niin šanotah: "Ei pie kylviä hernehtä tänä vuonna!"
(KKN, I, s. 91)

Äijähpäivän yö se valvottih, vanhat risti silmie, nuoret issuksi ta starinoitih, minkä mitäi. Akat sreäpittih. Ken uinosi yöllä ei muuta kun ripakkosavuo poltettih ne-näh. Kyllä se sitä havaččeutu!
Äijähpäivän yönä ei sul'ččinua loajittu akat. Sitä ei poalikkoa kolisseltu silloin. Ken sul'ččinoa ajeli se jo Äijähpäivän suovattana ajeli. Ta Äijähpäivän murki-noa ei syöty ennen kun päivä nousi. Monen siitä vielä i rosveti, mäni pahat puksuh kun peäsi arkehiseh kä-siksi.
(Virtaranta, 1958, s. 587)

— Olen kuulluh paginoa neče Voaras. Ristikanzu vot... Ukko oli tyrmäs, i kak ras tuli Äijeäpäivee vaste kodih... Da, minä olen akois kuulluh, iče oli akku raskažinnuh. Sit Äijähpäivän yö... ukko oli kymmene vuottu vai en tiije min tyrmäs oli, Äijähpäivän yö reähkävyi. Hänel rodih lapsi invaliedu. Da. Ainos sanoi: "Äijähpäivän yö reähkävyin," - sanou. Olen minä sen kuulluh, olen.
— A pestä nimidä ei soannuh sil nedälil?
— Suuret pezot nenet, sovan pezot, kai net jo toizel nedälil pestih.
— A mikse ei soannuh, midäbo sit tuli?
— Nu Strašnoi nedäli oli, Strašnoi nedäli.
— Nu a jesli pezit, midäbo rodih?
— Ga sit pestyi tožo, enzymäizekse reähky roiteh. A toizekse, kui Jumal vie kačahat, miettumal silmä, voibi toože nakazat'. Muga rahvas sanotah.

(Лавонен, Степанова, Тимонен, Урпийainen зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3264/62)

«Дочери — в погреб, парни — в подполье» — до Пасхи (до Пасхи не венчали).
(Oulanka — Оланга)

Накануне Пасхи обходят церковь с горящими церковными свечами в руках. Если свечи не погаснут, то будет хороший урожай гороха. А когда дует ветер и свечи гаснут, то говорят: «Не надо сеять горох в этом году!»
(Tolmačči — Толмачи)

В Пасхальную ночь бодрствовали, старики крестились, молодые сидели и рассказывали сказки. Женщины пекли. Кто ночью засыпал, у того под носом поджигали тряпку. От дыма тот, конечно, просыпался!
В Пасхальную ночь женщины не пекли сканцы. Скалкой не стучали. Кто сканцы раскатывал, так делал это в Великую субботу. И Пасхальный обед не ели, пока солнце не взойдёт. У многих после этого был понос, как поедят скоромного.
(Hietarvi — Хуеаярви)

— Слышала там разговоры, в Воара. Человек вот... Муж был в тюрьме и как раз накануне Пасхи пришёл домой... Да, я от женщин слышала, сама женщина рассказала. Вот в Пасхальную ночь... муж был десять лет, или не знаю, сколько, в тюрьме, в Пасхальную ночь согрешила. У неё родился ребёнок-инвалид. Да. Всегда говорила: «В Пасхальную ночь согрешила»,— говорит. Я сама это слышала.
— А мыть ничего нельзя было на той неделе?
— Большую уборку, стирку белья, всё это уже на другой неделе мыли, стирали.
— А почему нельзя было?
— Ну, Страстная неделя была, Страстная неделя.
— Ну, а если стирала, что случилось?
— Так тогда, как постираешь тоже, во-первых, грех будет. А во-вторых, как Бог ещё посмотрит, может тоже наказать. Так люди говорят.
(Jovenkylä — Улялега)

Äijästäpäivästä kaksi netälie on ruajun veräjät kahalah.

(KKS, VI, s. 766)

Äijänpäivän syvväh yheksän kerdua.

(KS, s. 604)

Äijänäpiänä rubiemma iskuzeh.

(СКЯ тв, с. 70)

Äijänpiän vai juo vetty stolas, sit on eläviä kezäl pertis.

(KKS, VI, s. 766)

Äijänpiän ildaine syvväh aijoi, ku kezäruavot aigoin aijal suadas valmehekse.

(Hautala, 1982, s. 153)

Pikkarain'e primietaine Äijämpäivän oli: ehtäizil ildaštimme aiguooin, sent'ai što kezal lehmät tuldav aigemb mečaspiäi kodii.

(LT, III, s. 80)

Äijänäpäivänä syvväh nagrista. Sit ei syö čakat eigo kərbäzet kezäl.

(Hautala, 1982, s. 153)

— Jesli uudistu kel euluh, hot' kezäl pesty, štob olis kezäl pesty, hyvin pesty, peäl panna pidi Äijänpeän, štob olis uudine.

— A midäbo piti olla se uudine.

— Uudine, se, kačo, ostathäi uvven. Jesli eule uuttu, sit kezäl pesty olgah. Kezäl, kačo, hyväs vies pezet. Talvel eihäi muga, kui kezäl... Äijinpäivin enne oli interesno, kaikkie pastettih.

— Eiko nygöi?

— Nygöi ei. Päčit lämmitettih illoil. Huondeksel mendih Spoassoa vastoamah kirikköh. Ken kois sie oli lapsien kel, enin rahvas obrazoin kel käveltih ymbäri kirikkös. Oi, ennen kui äijy...

(Лавонен, Тимонен, Угрияйнен зап. в 1991 г.

от Потаповой Е. Г., ФА, 3266/30)

Две недели после Пасхи открыты ворота рая.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

В Пасху едят девять раз.

(Suojärvi — Суоярви)

В Пасху будем бить яйца друг о дружку.

Если в Пасху выпьешь за столом воды, то летом в избе будет много насекомых.

(Salmi — Салми)

В Пасху рано ужинают, чтобы вовремя завершить летние работы.

(Salmi — Салми)

Была маленькая примета на Пасху: вечером ужинали рано, чтобы летом коровы приходили из лесу домой пораньше.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

В Пасху едят репу. Тогда летом не будут кусать комары и мухи.

(Suistamo — Суйстамо)

— Если у кого не было обнвы, в Пасху надо было надеть хотя бы летом выстиранную одежду, чтобы была летом выстирана, хорошо выстирана, чтобы была обнова.

— А почему должна была быть обнова?

— Обнова, это, смотри, купишь новую. Если нет нового, пусть будет летом выстирана. Летом, смотри, в хорошей воде стираешь. Зимой ведь не так, как летом... В Пасху раньше было интересно, всё пекли.

— А сейчас нет?

— Сейчас нет. Печки топили вечером. Утром шли встречать Спасителя в церковь. Кто-то и дома был с детьми, а большинство с иконами ходили вокруг церкви. Ой, раньше как много...

(Jovenkylä — Улялега)

- Ezmäzenny Äijänpäivän päivänny pidäy mennä aijoi muate, ku syömizet ei aijoi loppizih.
(Hautala, 1982, s. 153)
- Muul aigua kui tahto, a Äijänpiän muate enne päivän-laskuu.
(KS, s. 20)
- Kezäl näit maduo, värttinöi ku näit Äijänpäivän aigua.
(KKS, VI, s. 766)
- Äijäkšpäiväksi (tai Petrukši) šuurella pešulla pirtti peššäh.
(KKS, V, s. 584)
- Še peštih joka kevät laki viršulla i čuurulla.
(KKS, V, s. 584)
- Kevätbuukkuloi piettih Äijiipäivii vaste.
(KKS, II, s. 156)
- Äijänpäivän huondeksel pastetah kyrziä joga talois Anukses.
(KKS, VI, s. 766)
- Äijänpäivien aigah liedžutah, da pajatetah da ollah vesselät.
(KKS, III, s. 91)
- Äijänpäivän jälgeh liekuttih liekkuloilla Vozn'esenjah šuat.
(СКЯ тв, с. 137)
- Keviäl'l' kun sv'atoi tulou, šilloin ei ruavet' kogonzen n'edlin. Ka t'yt'öt i brihat i viijitäh, meil oldih, miän kyläšš ol' kakš luugu, i nazvaiččettih Kidžuškan luugat. Alimmazel luugall oldih ruavet' r'el'kat ristin rastin, kozlat. Nuaran riptetah i täš t'yt'et ed brihat liaktah. Lavvan nuarih pannah, lavvall istučtah, a n'am potkitah yhešt pualešt i toiz'ešt pualešt. Brihat enämmän potkittih, a t'yt'öt issuttih.
- В первый день Пасхи надо рано лечь спать, чтобы съестные припасы рано не закончились.
(Salmi – Салми)
- В другое время как угодно, а в Пасху надо лечь спать до захода солнца.
(Siämärvi – Сямозеро)
- Летом встретишь змей, если в Пасху увидишь веретено и скалку.
(Salmi – Салми)
- К Пасхе или Петрову дню проводят большую уборку в избе.
(Uhut – Ухта-Калевала)
- Каждую весну потолок натирали лаптем с песком.
(Pistojärvi – Тухтозеро)
- Перед Пасхой устраивали весеннюю стирку.
(Salmi – Салми)
- Утром в Пасху в каждом доме в Олонце пекут блины.
(Nekkula-Riipuškala – Неккулица-Рытушкалица)
- На Пасху качаются на качелях, поют и веселятся.
(Suojärvi – Суоярви)
- После Пасхи качались на качелях до Вознесенья.
- Весной, как подойдёт Пасхальная неделя, тогда не работали всю неделю, вот девушки и парни выходят [на улицу]. У нас, в нашей деревне, было два луга, и назывались они Кичушкины луга, на нижнем лугу качели устроены, козлы крест-накрест. Верёвку повесят, и тут девушки да парни качаются. Доску закрепят верёвками, усядутся и раскачивают с одной и другой стороны. Парни чаще раскачивали, а девушки сидели.

— I monen keššä?

Mon' mon' miäšt, miäšt n'el'l' istuččou, lavvan pannah pit'än, nuar on pakš. A nadoim, toiz'et smen'aičićtah. A viäl' ol' luug, žel'l' luugal laptu äijäl'd' kizattih toož. Šaran' ol' muan' muštan', dubnat oldih l'yv. Algetah kizat znacit, nazvaiččič muatk ed buat'k, i tullah täh puarzet šiäl', arbz'ih luakšittih. Täh art'lih, täh pualeh kymnen miäšt i täh pualeh kymnen miäšt. Ka arbzeh luuvvah, ken šiäl' vodij šaras't tautell, a kentiäl' palii. Ka tämän i luuvvah, a täš kun pal'tah i hypel'l'äh. Hyptäh hyptäh i bačnitah, značit toiz'en viäl' bačnitah šarzel, i tämän part'in zamnitah. Ei rubi pal'mah, läh-töy vod'mah šinn, a že part'i tulou tänpäin šaras't pal'mah.

— Ken kizai laptuh?

Kizattih? I t'yt'et i brihat, i naiz'et nuaret kizattih, šilloin vet' oli nardu äij kyläšš. I nuaret moržimet sv'atoil kizattih, nuaret urhot.

(Пунжина, 2001, с. 100–101)

Ruadi neidoi Ruadenčoi, vai ei ruadi Äijjapäiviä. (Ei venčaittu pyhän aigah da Äijjänpiän, vai kaksi nedälii sen jälles, Ruadenčoin jälles.)

(KS, s. 308)

Enž Äijjänpäinä meillä ei tanššattu, en'n'en muin'en, en'n'en meitä, miun t'äti (kerto)... Šuarella oli liekku, šuuri liekku luajittih, kačaiččiuvuttih, šiinä siitä lauletih... Muin'en ei tanššattu, a miän aikana jo tanššattih Äijjänpäivänä.

(Поздняк зап. в 1995 г. от Елисейевой Е.К., Касс. 01/27)

Hyö pyhit'et'ää. Äijjänpäinä ku striäppimää ruvetaa, ni k ei ni yht'ä oland'aista annettua, što riähkä on suyvvä. Sluuzba matkuau kirikössä. L'ähet, ni siid'ä vasta syömää rubiet jo huomuš lienou. Jo zor'a lienou, päiväne rubieu noužomaa siidä. Yn'n'ä yön olet siel'ä. Siid'ä k ihassut, oland'ua anetaa da kalittua da... Moine oli mooda. Se i on pasha. [jäiččiä] oli erähičči, keit'et't'ii

— И несколько человек?

— Несколько, несколько человек, человека четыре сядут. Положат длинную доску, верёвка толстая. А надоест, другие сядут. А ещё луг был, на том лугу тоже часто играли в лапту. Мячик был такой чёрненький, палки были бить. Начнут играть: значит, [двое] назывались matka да батька, и парочки подходят сюда, бросают там жребий: в эту артель, на эту сторону десять человек и в ту сторону десять человек. Жребий бросят: кто водящий, кому бегать за мячом, а кто здесь — бьёт [по мячу]. Вот из-за этого [жребий] и бросят. А здесь, где бьют, и побегут, бегут-бегут, мячом и пятнают, ещё другого ударят мячом, и [тогда] эту партию сменят. Та не будет бить, а пойдёт туда, водить, а та партия придёт сюда бить по мячу.

— Кто играл в лапту?

— Играли? И девушки, и парни, и молодые женщины играли. Тогда в деревне народу ведь было много. И молодые замужние женщины играли на святой [неделе], молодые мужчины.

(Nouvoi — Новое)

Рада девушка Радунице, да не рада Пасхе. (В пост и на Пасху не венчали, только через две недели после Пасхи, после Радуницы.)

(Suistamo — Суїстамо)

В первый день Пасхи здесь танцев не было, это раньше, до нас ещё, моя тётя (рассказывала)... На Острове были качели, большие качели делали, качались и пели там... Раньше не танцевали, а в наше время уже танцевали на Пасху.

(Puan'arvi — Панозеро)

Они постятся. На Пасху когда стряпать начнут, то ни одной оладушки не дадут, грех ведь есть. Служба идёт в церкви. Придешь (после службы), так только потом есть садишься, уже утро наступает. Уже заря на небе, солнце уже начинает подниматься. Всю ночь там проводишь. А потом как обрадуешься — олады дадут, калиток, да... Такая была мода. Это

pruaznikoiksi, kruassittii. Kristossima. Se ku syömmä, muata vierrää.

No, siidä ku muataa, murginoičemma, siidä hristosimaa lähemmä, nossaa ku ni. No se vet pikkarazena hristossiimma dai vahnembienna hristossitaa. No, mänet, ni ku vuotat, što andaugo mid'ä vaan ei ana. Konža kassal'enttua, konža greb'onkkat andau. Myö Paškein An'n'in kera toko kävelimä kristossimaa, rist'imuamo oli t'ässä Makongoralla. Dai rosloi kävel'l'ää. Kristossitaa, t'ijjetää rist'imuamoksi. Dai mužikat, dai. [Rist'imuamo] andau, n'e l'entočkat oldii en'n'en ved hyvät šulkkuzet, no ni andau lentočkan. Konza andau paikän. Aino andau, andau rist'imuamo. Erähičči mamalla oli t'ämä Doron Man'u rist'it'yt'är, tuli kahella jäičäl'l'ä, mama toko roskaazivaičči. Sanou, paissan kalittua, a buabo oli meil'ä. Buabo i virkki sanou: "Ana sie siend'ä hänel'l'ä". Sanou: "Ana vai jäiččä järel'l'ee, kui n'äi sie". Miulda, sanou, jäičän kisko ristit'yt'är dai l'äksi, en kerin ni andua. Siidä, sanou, käyn heih da podarkkad vein, sanou, ni jäičät ando järel'l'ee. Buabo oli šuut't'ija miän. Ana sie siend'ä hän'el'l'ä, sanou. But't'o siend'ä pid'äy rist'it'yt't'äril'l'ä.

(Конкка, 1980, с. 113)

Suuri pyhä, seičemen netälie, siitä tulou sen jälkeen se Äijäpäivä. Se oli illalla piti ruveta jo muata, ei tulta annettu suaha, piti lapsiin kaikkien kumarrella ja niin sijah. Ei annettu pyyhkiä latetta eikä stolalta ruokia kerätä. Mitä oli se siihen katettih. Muata piti ruveta...

(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Карповой А. Н., НА, 44/135)

Äijänpäivänä ei annettu syövä, ennenkun päivä nousou. Koko yö sriäpittih ta valmistauvuttih Äijäpäivä vastah ottamah. Äijäpäivä vassen koko yössä ei muattu. Päivä kun nousi, siitä laitettih stolat, siitä ruvettih syömäh ta juomah, Äijäpäivä pitämäh. Äijänpäivänä ei annettu syövä ennenkun päivä nousi, a Rostuona kun nostih.

(Лютинен зап. в 1985 г. от Лютинен К., НА, 118/93)

и есть Пасха. Яйца иногда варили на праздник, красили. Христосились. Поев, ложились спать.

После сна обедаем, а потом отправляемся христосоваться. Ну, ведь и маленькими христосовались и взрослые христосуются. Ну, как пойдёшь, так ждёшь — даст ли чего или нет (крёстная мать). Когда ленту в косу, когда гребёнку даст. Мы с Пашкейн Анни всё ходили христосоваться, крёстная мать была здесь, на Маконгоре. Да и взрослыми ходили. Христосуют, почитают крёстную мать. Да и мужики. Крёстная даст, вот (хоть) эти ленточки — раньше ведь были хорошие, шёлковые. А когда даст платок головной. Всегда даёт. Мама рассказывала, что у неё была Дорон Маня в крестниках. Однажды пришла с двумя яйцами. Говорит, пеку калитки, а бабушка и скажи: «Дай ты ей грибов солёных». [Крестница] говорит: «Дай-ка яйца обратно, раз такое дело». У меня, говорит, яйцо [из рук] выхватила и ушла. Потом я, говорит, ходила к ним и подарки отнесла, так та яйца отдала обратно. Бабушка у нас шутница была: дай, говорит, грибов ей! Будто грибы нужны крёстным дочерям!

(Kumsjärvi — Покровское)

Великий пост, семь недель, после этого наступает Пасха. Ложиться спать надо было уже вечером, не давали зажигать свет, всем детям надо было кланяться и [идти] в постель. Не разрешали подметать пол и убирать еду со стола. То, что было, закрывали. Надо было ложиться спать...

(Sohjanansuu — Софьянга)

В Пасху не давали есть, пока солнце не встанет. Всю ночь пекли и готовились к встрече Пасхи. Перед Пасхой не спали всю ночь. После восхода солнца накрывали столы, садились есть и пить, праздновать Пасху. На Пасху не давали есть до восхода солнца, а в Рождество [можно было есть], как встанешь.

(Luusalmi — Луусалми)

Tytöllä lempi nousou, kun Äijänpäivänä peitočči šitou hivukšijah kirikönkellon kieleh. Maine kuuluu niin laajalla kuin kellon iäni.
(Hautala, 1982, s. 158)

Kevätargi, kevätarki, keväs'ar'g

Kevätargi — aigu Äijänpäivän jälles, konzu ei pyhitetä, kestäy kaheksa nedälii.

Kevätargi kestäy Äijäspäiväs kevätpyhäälaskussah.
(KKS, II, s. 156)

Kevätarres rossoadoi pannah da ogorodua ištutetah.
(KKS, II, s. 156)

Krisen'n'a, Krisen'n'

Enzimäine pyhäpäivy Äijänpäivän jälles, pyhän Homan pyhäpäivy. Krisen'n' on pyhäpäivä, Äijäspäiväs nedäli.
(KKS, II, s. 379)

Ruadenčat, Ruat'enčča, Ruadenc'

Roatinčankeski — aigu Äijäspäiväs Homan pyhänpäivän jälgehizeh tossargessah.
(KKS, V, s. 138)

Še on še kakši netälie še roatinčankeški — še roatinčankeški šoitettih koko aika kirikönkelloja.
(KKS, V, s. 138)

Ku proid'iu Äijäpäivä, nin kaikilla oli lašsettii kolokol'n'aa, hot kuin ollemma malttan zvonie, ni n'ed'elin aino zvonima, aino zvonu oli kyl'ässä.

У девушки поднимется лемби, если она на Пасху тайно привяжет свои волосы к языку церковного колокола. Слава [о ней] будет слышна так же далеко, как звон колокола.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Весенний мясоед

Весенний мясоед начинается после Пасхи и длится восемь недель, в течение которых не постятся.

Весенний мясоед продолжается от Пасхи до заговенья Петрова поста.
(Salmi — Салми)

Во время весеннего мясоеда сажают рассаду и обрабатывают огород.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Фомино воскресенье

Первое воскресенье после Пасхи, Фомино воскресенье. Крисенье — воскресенье, через неделю после Пасхи.
(Suojärvi — Суоярви)

Радуница

Радуницкий промежуток — время от Пасхи до вторника после Фомина воскресенья.

Радуницкий промежуток длится две недели. Всё это время звонили в колокола.
(Uhut — Ухта-Калевала)

Как пройдёт Пасха, всех пускают на колокольную, пусть хоть кто как умеет, а неделю всегда звонили, постоянно звон стоял в деревне. И дети ведь

I äbrehed mänemmä, ken mid'ägi kellozilla, eigo kiel'let't'y. Päiväl'l'ä i illalla. Männää i ked maltetaa zvonie, mužikat kävel'dii zvonimaa, akat kävel'dii. N'ed'eli, n'ed'eli. Homa soahe on. Homa oli, Homan päivä, ni siih šoa zvonittii.

(*Конкка, 1980, с. 118*)

Ei roatinčojen kešellä šoa kylpie eikä peššä voatteita eikä lattiaa. Siitä tulisi kaikki likaveši pokoinikkojen tuolla ilmalla juotavakši.

(*Hautala, 1982, s. 173*)

Roatinčojen välillä ei villasta kesrätä.

(*Hautala, 1982, s. 173*)

Roatinčojen keški on netäli Äijästäpäivästä. Šilloin vašta tuloo pokoinikoille arki. On pyhää ollun heillä koko yhekšän netälie. Sillä välillä, roatinčojen välillä, pitäisi jokahisen ilottaa toisillah ta kulettaa ilopaikkah, ken ei piäše. Još šoattaa itkemäh toisen, joutuu šiitä tulla ilmalla kärsimäh.

(*Hautala, 1982, s. 173*)

Toissargen on Ruadinčat jälles Äijäpäiviä (pokoiniekoin Äijypäivy).

(*KKS, VI, s. 766*)

Enzi Äijänäpiänä kirikköö käyvää, yöl'l'ä sriäpit'ää, siid'ä päivä muataa, a kaksi Äijäpäiviä kävel'dii t'ämä taloloja myöten, silloin vet kluubua ei olun. Äijästäpäiväst'ä oli n'ed'eli ruadenčoja. Kag raz n'ed'eli, a toizet on sygyzel'l'ä ruadenčat. "Ruad'i defka ruadenčua, ruaden'ča tuli dai miehel'l'ä piäzöy". A ruadenčoih sua ei mäne viel'ä. Vuotti kai n'ed'elin ruadenčua. Äijänäpiänä svuad'boloi ei piet't'y, dai ei miehellä, se ko tuli, n'ed'eli proid'i ruadenčoih, siid'ä void miehellä männä.

(*Конкка, 1980, с. 103*)

ходили, кто как колоколами (бренчал), но не запрещали. Днём и вечером. Ходят и те, кто умеет звонить, мужики ходили звонить, бабы звонили. Неделю, неделю. До Фомы. Фома был, Фомин день, так до него звонили.

(*Šuonpal — Сондалы*)

В промежуток от Пасхи до Радуницы нельзя мыться, стирать и мыть полы. Иначе всю грязную воду придётся выпить покойникам на том свете.

(*Vuonnini — Войница*)

В промежуток от Пасхи ло Радуницы не прядут шерсть.

(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)

Радуницкий промежуток — это неделя после Пасхи. Только тогда наступает скоромное время для покойников. У них пост длился целых девять недель. В это время каждый должен радовать других и приводить туда, где веселятся, если [он] сам не может прийти. Если заставишь плакать кого-либо, то на том свете будешь терпеть муки из-за этого.

(*Vuonnini — Войница*)

Во вторник после Пасхи — Радуница (Пасха мёртвых).

(*Suojärvi — Суоярви*)

В первый день Пасхи ходят в церковь, ночью стряпают, потом день спят, а потом два дня Пасхи (второй и третий день) ходили по домам, гостили, тогда ведь клуба не было. Через неделю после Пасхи была радуничная неделя, а вторая Радуница была осенью. «Рада девка Радунице, Радуница пришла и замуж пошла» (букв. может выйти замуж). А до Радуницы ещё не выходит. Ждала, видно, до Радуницы. На Пасху свадеб не играют и замуж не выходят, но когда неделя пройдёт до Радуницы, тогда можешь замуж выходить.

(*Jouhvuara — Евгора*)

Ruadenčoina muisseldih rodit'el'azie, ei muisseldu Äi-jänäpiänä.

(СКЯ тв, с. 165)

01. oraskuudu, 01. oraškuuta

Kägöi kukkuu vanhana vappuna vaikka huavan liukus.
(KS, s. 219)

Meil muull aiga ni konz ei luadittu tult. Kons kezad vastažimme, en'džimäižem päivän maja, šiit kogodui-me lapsed i vahnembat kävyttii. Kuss oli korgehembat kohtad, ei loitton kodišpiäi, kogožimme kuivat puud, luadiimme tulen, čajut keitimme šiga, d'äičät keitimme, šiga kezam vastatess. A meil mama yhtem vuoden vie oland'uoit keittel'. Myö enimän kavyime suvi-obodale. Kesked obodad oli Safkampuust, peldo, se oli kauniš koht, d'ärven randal. Minä brihan oldes kävyim vie garmonijanke, pläšittii šiga puustal, kävyime d'o ehtpuolei, toiči olimme kahteitoš čuassui yöd.

Kend'ärves kui kezad vastattii, d'o oldii viinan d'uojad brihad, kyläd oli puaksui heiss ymbäri, počši d'oga vuot torattii. Meil toko sanuttii: a Kend'ärv on hyvin kezad vastattu.

(LT, III, s. 79)

Toože käytih mečissä. Toože tyttäret keräyttih, no mie yhen kerran vain kerkisin käyvä, mie olin pieni. Keräytäh, tuas otetah sinne čajjuu ta šokerie, jauhuo, sielä lättijä paistetah mečässä. Tuas kun pojat suahah tietyä että mitä suolo lähetäh. Ne noussah mäntylöih ta sieltä kačotah, mistä šavu lähtöy.

— Kuin tätä kučutah?

Kesyä vastah ottamah. Siitä se tuas sielä pietäh piuruja ta nu pojat tuas.

(Лавонен, Онегина зап. в 1980 г. от Кирилловой А.Н., НА 84/227)

Усопших поминали в Радуницу, в Пасху не поминали.

Первомай, день встречи лета

На старьй первомай кукушка кукует хотя бы в дупле осины.

(Suistamo — Суйстамо)

Раньше у нас никогда не жгли костры. Когда встречали лето 1 мая, то собирались мы, дети, и старшие тоже приходили. Недалеко от дома, на возвышенных местах собирали сухостой, разжигали костёр, там кипятили чай, варили яйца, встречая лето. Однажды наша мама напекла блинов. Мы по большей части ходили на летнее пастбище. Посреди пастбища была Савкина пустошь, поле, это было красивое место, на берегу озера. Я молодым парнем ходил туда ещё и с гармошкой, мы там танцевали на пустоши, ходили туда уже вечером, иногда были там до двенадцати часов ночи.

Когда встречали лето в Кончезере, уже парни были пьющие, вокруг них деревни стояли часто. Почти каждый год дрались. У нас всегда говорили: а кончезерцы хорошо встретили лето.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Тоже в лес ходили. Тоже девушки собирались, но я только один раз успела сходить, маленькая была. Соберутся, возьмут туда чаю и сахару, муки, там олады пекут в лесу. А парни как узнают, что пошли, они залезают на сосны и смотрят оттуда, откуда дым поднимается.

— Как это называется?

— Лето встречать. Потом там тоже пиры проводят и парни тоже.

(Kokkosalmi — Коккосалми)

**06.05 (23.04) — Kevät-Jyrgi,
Jyrrinpäivy, Kevät-Jyrki, Keväz'-D'yrgi**

D'yrgi pruaznik tulou vedenke, Miikkul pruaznik tulou heinanke.

(*LT, I, s. 345*)

Jyrgi tuou heiniä näppizel, a kevät-Miikkul takkazel.

(*СКЯ тв, с. 256*)

Jyrgi tuou takan heiniä, Miikkul tulou heinyrien kel.

(*Hautala, 1982*)

Jyrgi heintakan kera kulgou, Miikkul reil vedäy.

(*KS, s. 117*)

Paimen Jyrginä karjan kierdäy.

(*СКЯ тв, с. 77*)

Paimenet Jyrgii kučutah abuh karjua kaččuo.

(*СКЯ тв, с. 9*)

Jyrgi da Vlasei äbäzöijäh žiivattoida.

(*СКЯ тв, с. 351*)

Jyrginä bluaslovitah žiivatan kežäallukši.

(*СКЯ тв, с. 97*)

Jyrgi havvin ker, Miikkula mečoin ker.

(*KS, s. 117*)

Jyrgi tulou kalakaššalin ker, Miikkul tulou heinyhurs-

tizen ker.

(*KS, s. 117*)

Jyrki ahvenkesselin kera tulou, Miikkula vihannan vih-

kon.

(*Hautala, 1982, s. 184*)

Jyrgi jyrähti, mua tärähti.

(*KS, s. 117*)

**06.05 (23.04) —
Егорий вешний, Егорьев день**

Праздник Егория приходит с водой, а праздник Ни-
колы — с травой.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

Егорий приносит щепотку травы, а Никола Вешний
охапку.

Егорий приносит охапку травы, а Никола приходит
уже с возом.

(*Salmi — Салми*)

Егорий ходит с охапкой сена, Никола на возу везёт.

(*Tulemjärvi — Туломозеро*)

Пастух обходит стадо на Егория.

Пастухи Егория зовут на помощь стеречь стадо.

Егорий да Власий хранят скотину.

На Егорьев день благословляют скот на всё лето.

Егорий со шукой, Никола с глухарём.

(*Imbilahti — Импилахти*)

Егорий приходит с кошелём рыбы, Никола прихо-
дит с травяной простыней.

(*Tulemjärvi — Туломозеро*)

Егорий прибывает с кошелём окуней, Никола —
с зелёной тряпкой.

(*Vuonnini — Войница*)

Егорий громыхнул, земля задрожала.

(*Suistamo — Суїстамо*)

Jyrgi tulou kalakaššalin ker, Miikkul
tulou heinyhurstizen ker.

Егорий приходит с кошелём рыбы,
Никола приходит с травяной
простыней.

Jyrgi jyrähtih, kalavadi kalahtih.
(KKS, s. 117)

Jyrginä jyrähtäy kalamiehen kattilah. (Pidäs suaja ve-
res rokku.)
(KKS, I, s. 549)

Jyrinpäivä kun oli, sanottih: Pyhä-Jyrki Kormeličča,
Karjalan kalajumala! — silloin ruvettih kevätkaloa
pyytämäh.
(Virtaranta, 1958, s. 294)

Ensimäiset kalat alettih Jyrkinä soaha, sinä kevöänä.
Se Jyrinpäivästä läksi se kalanpyynti matkah. Ken
Jyrinpäivänä sai kaloa nin se oli hyvä kalastamah.
Sitä ei soatu nin aivoin kaikki, a ken ei soanut, se
oli prostoi.
(Virtaranta, 1958, s. 294)

Haugiaiga, havvinpyvvändäaiga on yksi-kaksi nedälie
Jyrrinpäivän aigah.
(KKS, I, s. 187)

Havvin pääs da köyhän aitas yhten verran eluo.
(KKS, I, s. 187)

Ku enne Jyrrinpäiviä ken mavon tappanou da viey ka-
pustupeldoh, sit sinä kezän ei madozet kapustoi syvvä.
(Hautala, 1982, s. 184)

Jyrrinpäivänä ei šua halkoja kolisten heittyä lattialla,
kun ukkoni ei kešällä jyräjäis pirtissä.
(Hautala, 1982, s. 184)

Lutikkoin karkoittamizekse taloispäi tuodih enne Jyr-
gii tapetun mavon piä kenen nägemättäh pertih da
pandih seinän ragoh. Sit lähtiettih lutikat taloispäi
iäre.
(Hautala, 1982, s. 184)

Jyrrinpäivänä on piirailoin luajindu värttinäzel kiel-

Егорий громыхнул, блюдо с рыбой звякнуло.
(Imbilahti — Импилахти)

На Егория бухнет в котелок рыбака. (Нужно пой-
мать рыбы на свежую уху.)
(Repol'a — Реболы)

На Егорьев день говорили: Святой Егорий Корми-
лец, рыбный бог Карелии! — тогда начинали ловить
весеннюю рыбу.
(Akonlakši — Аконлакши)

Первую рыбу весной начинали ловить на Егория.
С Егорьева дня начинался лов рыбы. Кто поймал
рыбы в Егорьев день, тот был хороший рыбак. Её
не все так рано ловили, кто не поймал, тот протак.
(Tollonjoki — Толлорека)

Время ловли шук — одна-две недели во время Его-
рия Вешнего.
(Tunguo — Тунгуда)

В голове шуки и амбаре бедняка одинаково богат-
ства.
(Videl — Видлица)

Кто до Егория убьёт змею и отнесёт на капустное
поле, у того в этом году черви не будут есть капусту.
(Suistamo — Суйстамо)

На Егория нельзя с грохотом опускать на пол дрова,
чтобы летом гром не гремел в избе.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Чтобы избавиться от клопов, в избу незаметно для
окружающих приносили голову змеи, убитой до
Егория, и прятали её в паз в стене. Тогда клопы ухо-
дили прочь из избы.
(Sortavala — Сортавала)

На Егория запрещено использовать скалку при

letty. Dai nuorua ei sinä piän pidäs nähtä, ku kezäl et nägis äijän madu. (Hautala, 1982, s. 185)

Jyrinny ei sua vediä nimidä toizeh taloih, kai tuldu ei sua vediä. (Hautala, 1982, s. 185)

Jyrinpäivänny kai nuorat, kirvehet, vazarazet, stoikat, härkimet, piiraivärttinäzet, sieglat da veičet peitettih muah libo kunnetahto muijal, ku net ei oldas nägyvis. Tämä peitändy oli sih niškoi, ku dielot oldas kunnos, eigo olis kiistua taloin eläjien kesken. (Hautala, 1982, s. 185)

Jyrginä žiivattua virbazella ajetah, šiidä žen polossalla i pissetäh. (СКЯ тв, с. 338)

Žiivattua enžimen peldoh laškietah Jyrginä. (СКЯ тв, с. 39)

Paimenella Jyrginä šiegläšša šiibi, jäiččä i jumalane. (СКЯ тв, с. 75)

Jyrinpäivä on heposien henkähtyšpäivä. Šilloin ei šua ajua heposilla. Ken ajau, sitä karhu kešällä ahistau. (Hautala, 1982, s. 185)

Pyhä Jyrki se oli heposien paimen. Työnnettih ke-vöällä heposet meččäh nin sanottih jotta: ”Pyhä Jyrki Kormeličča, kačo hevoistani, kun työnnän meččäh!” (Virtaranta, 1958, s. 588)

Kun peässettih hevoset meččäh, kun vietih niitä ve-räjällä, ta siitä ylimpäini riuku jätettih ylös jotta siitä ylimpäisestä riuvusta alačči vietih, siitä sanottih: ”Pyhä Jyrki kačo miun hevoistani!” (Virtaranta, 1958, s. 588)

приготовлении пирогов. И ещё в это день верёвка не должна попасться на глаза, чтобы летом не видеть много змей. (Suojärvi — Суоярви)

На Егория нельзя ничего относить в чужой дом, даже огонь. (Imbilahti — Импилахти)

На Егория все верёвки, топоры, молотки, косы, мутьовки, скалки, сита и ножи закапывали в землю или прятали куда-нибудь, чтобы все дела были в порядке и жители дома не ссорились между собой. (Suojärvi — Суоярви)

На Егория скотину выгоняют вербочкой, потом её втыкают на полосе.

Скотину выпускают первый раз в поле на Егория.

У пастуха на Егория в решете крыло птицы, яйцо и образок.

Егорьев день — день отдыха лошадей. В этот день нельзя ездить на лошадях. Кто поедет, на того летом медведь нападёт. (Vuoppini — Войница)

Святой Егорий был лошадиный пастух. Когда весной выпускали лошадей в лес, говорили: «Святой Егорий Кормилец, смотри за моими лошадьми, как отправлю в лес!» (Venehjärvi — Суднозеро)

Когда лошадей выпускали в лес, когда подводили их к воротам, то верхнюю жердь оставляли наверху, проводили лошадь под верхней жердью, говорили: «Святой Егорий, приглядывай за моими лошадьми!» (Akonlakši — Аконлакиши)

Jyrrinpäivänä rauvoilla kierrettih pertit ympäri kirves käessä, mitah rauta kainalossa tai muuten, ku mavot ei tultais pihah.

(Hautala, 1982, s. 185)

Jyrrinpäivänä juoššah lapšet koko huomenekšen kello käeššä; lehmät tullah paremmin kotih.

(Hautala, 1982, s. 187)

Jyrginä kelloilla avannosta vettä tuodih.

(Конкка А. зап. в 1986 г. от Эракко М.В., ФА, 2935/14)

Enne oli semmoine taba, ku Jyrrinpäivän vastazel il-
lal juostih lehmän kellot kaglas myödypäiväh kois da
huonuksis ymbäri kolme kerdua da juostes lugiettih:

Pyhä Jyrgi syöttäi,
pane hurtat kiini;
sivo sellin seibähäh,
očču päin kiveh,
tagaraivo tandereh,
olgizih ohjaksih,
vaskizih val'l'ahih,
raudazih rinnuimih!

(Hautala, 1982, s. 187)

Ilal kevät-Jyrgie vas: kellot aitas tuuvah, koajitah
gloadansavul; silmät rištitätä da kävelläh ymbäri tan-
huos da kois kelloloin ker, kellot on kaglas, toizet käes.
Huondeksel toine kerda silmät rištitätä päivän nostuo;
tuas malitun ker ruvetah kävelemäh, kolme kerdoa kä-
velläh. Murginan syödyö pannah kellot lehmil kaglah,
a taiginvettä vanhiman lehmän kellon sydämeh, se
kello pannah korvien toaks piäh malitun ker. — Ennem
murginoa vanhin emändä joga lehmäl nyhteä villoa
sarviloin välis, sägän piäl da ristaluulois selläs lande-
hil, tuloo kodih, stolal ne villat kai piekselöö taigin-
tahtahan ker. Päčin pyhkii peräh päi da edeh päi, sit
paistoa rieskazen; sanoo: ”Päčči lämmäšti lämbiöö;
muga lehmäzelleni olgah vaččani lämmä joga ildoa ko-

В Егорьев день с топором в руках или чем-либо же-
лезным под мышкой обходили вокруг избы, чтобы
змеи не заползали во двор.

(Potantsi — Иломантси)

На Егория дети всё утро бегают с колокольчиком
в руках; тогда коровы лучше будут возвращаться
домой.

(Venehjärvi — Суднозеро)

На Егория колокольчиками из проруби воду при-
носили.

(Repol'a — Реболы)

Раньше был такой обычай, что вечером накануне
Егория обегали по солнцу три раза вокруг дома
и хозяйственных построек с коровьим боталом на
шее. При этом читали заговор:

Святой Егорий Кормилец,
закрой зверей,
привяжи спиной к колу,
лбом к камню,
затылком к земле,
соломенными вожжами,
медной упряжью,
железной супонью!

(Salmi — Салми)

Вечером перед Егорием вешним: приносят из чу-
лана колокольчики, окуривают ладаном; крестятся
и обходят вокруг хлева и дома с колокольчиками,
у одних колокольчики на шее, у других — в руках.
Утром с восходом солнца крестятся второй раз;
снова с молитвой обходят хлев и дом три раза. Пос-
ле обеда надевают колокольчики коровам на шею,
а воду из квашни наливают в колокольчик старшей
коровы, этот колокольчик кладут за уши на голову
с молитвой.

До обеда старшая хозяйка вырывает у каждой ко-
ровы немного шерсти между рогами, на холке и на
спине, на крупе, в области крестца, приходит домой,
на столе эту шерсть смешивает с тестом из квашни.

dih tulemah”. Rieskazen ottoa, panoo päčin selläl lagie vas.— Ku ruvetaž žiivattoi työndämäh meččäh, murotetah puoli rieskasta lehmil vedeh, se juotetah kaikil lehmil, toine puoli syötetäh Pokrovanna libo jälles, ku ei enämbi meččäh työtä.— Muga kai roatah.

(KKN, II, s. 137)

Jyrinpäivän huondeksel, enne syöndiä, enne juondua, hedi nostuu, pannah kirves vyön alle da otetah kellot kädeh. Kierretäh taloi kaksi kerdua myödypäiväh, keran vastupäiväh. Lugietah:

Pyhä Jyrgi kormeličča, kui kačoit katokšen alla, niin kačo kannarvikossa, luaji raudazet aijat muast suati taivahazeh, taivahasta muaha asti, ku ei piäzis lindu piäliči lendämäh, hiiri aliči juoksemah.

(Hautala, 1982, s. 187)

Keviäl ei ruata nikus Jyrrinpiän.

(KKS, I, s. 548)

Enne Jyrgii ei karjua pihale piästetä. Piästetäh libo sinä piän, a ku ei silloi vie suanne piästiä, samannu nedälinpäivännu myöhemi.

(Hautala, 1982, s. 188)

Lehmii ei työtä meččäh kolmanpiän, ni piätniččän, a ezmässargen libo tossargen, libo pyhänpiän da nellinpiän.

(Волкова зап. в 1936 г. от Демоевой А., НА, 132/71)

Enne oli tavannu, ku Jyrinpäivän huondeksel laskietih lehmät enzi kerran pihale. Olgisive pandih uksiloukon poikki, da emändy huarotti reijet uksen piäle, ku lehmät astuttas olgisidien da emändän reizien aliči. Sit uskottih, ku kondiet ei syvvä kezäl žiivattoi.

(Hautala, 1982, s. 189)

Метёт под печи от устья и к устью, печёт лепёшечку, говорит: «Печь топится тепло; и у моей коровушки пусть каждый вечер будет на сердце тепло домой возвращаться». Возьмёт лепёшечку, положит на печь под потолок.

Когда скотину выпускают в лес, крошат половину лепёшечки в поило коровам, дают его всем коровам пить, другую половину скармливают в Покров или после, когда уже больше не выпускают в лес.

Так все делают.

(Suojärvi — Суоярви)

Утром в Егорьев день, до завтрака, сразу после пробуждения, засовывают топор под ремень и берут в руки колокольчики. Обходят дом по солнцу два раза, один раз — против солнца. Читают заговор: «Святой Егорий Кормилец, как оберегал под крышей, так оберегай в вересняке, поставь железные изгороди от земли до неба, от неба до земли, чтобы птица не могла пролететь поверху, мышь пробежать понизу».

(Suojärvi — Суоярви)

Весной в Егорьев день нигде не работают.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

До Егория скот не выпускают на улицу. Выпускают или в этот день, а если на Егория ещё нельзя выпустить, то в тот же день недели позднее.

(Pomantsi — Иломантси)

Коров не отправляют в лес в среду и пятницу, а в понедельник или во вторник, или в воскресенье и четверг.

(Pizi — Обжа)

Раньше был обычай утром в Егорьев день первый раз выпускать коров на улицу. Соломенную привязь клали поперёк дверного проёма, и хозяйка раздвигала бёдра над дверью, чтобы коровы прошли под соломенной привязью и бёдрами хозяйки. Верили, что тогда медведи не будут нападать летом на скот.

(Pomantsi — Иломантси)

Jyrrinpiän žiivattoi enzi kerdua pihale piästäjes peitetäh kirves höštölöin alle tahnun uksen edeh, ku žiivatat ukxes tulles jovvuttas astumah sen piäliči. Tälleh zvierit ei tulla karjua ahtistamah.

(Hautala, 1982, s. 190)

Keviän merkipäivis oli Jyrgi karjan kezäzele menestymizele tärgei. Silloi laskieth karju hos käymäh pihal da pieth eri luaduu vardoičustu kondiedu vastah. Jo sygyzyl oli jogahizes vil'uluavus jätetty jälgimästy kohtua leikates lyyhteh, kudai pieth tallel keviässäh. Jyrrin huondeksel nämmä lyyhtehet puidih, da vil'at anneth žiivatale. Paimen kuuli lehmät kogo kezän, ku silloi konzu oli karju enzi kerdua pihal, joi lehmänkellon vetty kelospäi.

(Hautala, 1982, s. 190)

Ku lehmät meččäh työtäh keviäl, sit alaizet on käis emändäl, virboivčan ottau lais, išköy kaikkie lehmie proijies sil viččazel.

(KKS, VI, s. 646)

Jyrrinpäivä. Hil'l'akkazeh kaikin pidäy olla. Ajetah pel-doh virvalla lehmät, lambahat, hebozet; i šiel sväditäh.

(KKN, I, s. 91)

Meil oli moda muguoine: D'yrigid vaste kui lehmäd on vie tahnass, emänd ottau vahnem kai kellod, kudamad kellod on žiivatal kaglass olnuded, kai kellod ottau yhtei kädei, šiid ottau d'umalan tuohuksen, šiid ottau rosp'atilluo obrazaižen, šiid myötpäiväi kävelöy ymbäri huonehess kolme kierad, se: butto ku kierdau žiivatad ned, i lugou malitvod käveltes.

A ku žiivattad suadii laskemai, kudam oli tuohus hälläi šiid viritetty tiedad, i vie se tuohus oli vard'uoittu Äijämpäivän yön ku seižut čerkovas, kudamal tuohuksel d'umalad vastadat kädess, net kandad oldii vard'uoittu.

В Егорьев день, выпуская скот первый раз на улицу, прячут топор под навозом перед дверью хлева, чтобы скот, выходя из дверей, прошёл над топором. Тогда звери не будут нападать на стадо.

(Salmi – Салми)

Из весенних праздников Егорий являлся важнейшим для сохранности и благополучия домашнего скота летом. В это день скотину выпускали на улицу хоть ненадолго и применяли разного рода обереги против медведя. Ещё по осени, во время жатвы, из последних колосьев каждого вида зерновых оставляли по снопу, которые сохраняли до весны. Утром в Егорьев день эти снопы обмолачивали, а зерно скармливали скоту. Пастух слышал коров всё лето, если выпивал полное коровье ботало воды (прямо из ботала) в то время, когда скот первый раз был на улице.

(Imbilahti – Импилахти)

Когда весной коров выпускают в лес, хозяйка надевает варежки. Она берёт с потолка ветку вербы и хлещет всех коров, когда они выходят из хлева.

(Siämärvi – Сямозеро)

Егорьев день. Всем надо вести себя тихо. Вербой выгоняют в поле коров, овец, лошадей и там освящают.

(Tolmačču – Толмачи)

У нас был такой обычай: в канун Егорьева дня, когда коровы ещё были в хлеву, старшая хозяйка брала в одну руку все колокольчики, которые были у скота на шее, потом брала церковную свечу и икону с распятием и обходила с молитвой помещение (хлев) по солнцу три раза, обходила скот.

Когда скот первый раз выпускали на улицу, брали свечу, которую зажигали на Егория, а эта свеча была припасена ещё с Пасхальной ночи, когда в церкви встречали Бога со свечой в руках. Вот эту недогоревшую свечу сохраняли.

Kui žiivattad laskemai suadii, net d'umalan kandad net tuohuksed viritettii i pandii veraim piäle, žiivat proidittii alači. Vahnembal emändäl obrazaine pandu šinnä ylähäks, toine rosp'att oli kädess, šiid oldii pandu alaizet kädei, pal'l'ahin käžin ei laskedu. Paimuoid ajettii aidašigal eņčpäivän i šigä ičekš lašk kard'an paimuoi se.

(*LT, V, s. 38*)

Lehmät kun kevöällä meččäh työnnetäh, siitä kierretäh se karja ta luvetah.

— No mintähen kierrettih?

Ka jotta paremmin karja pisyis kovolla kesällä. Tottahan sen takie. Eikä mitänä pahoa tulis karjah. Siitä luvetah, emäntä lukou:

Mečän tytti, mielineiti,
aja karjani kotih!

Pane paju paimenekse,
tuomi tuojakse kotih!

Jos ei paju paimentane,
tuomi ei kotihin tuone
illan tullen, yön pimeten

hämäränki hässiessä,
siitä se kučuu iččieh sitä mečän tyttyö jotta:
tuo karjani kotih

illan tullen, yön pimeten,
jottei karvana katois,
puolikan ei pois mänis.

Kontiella sanotah:

Pissä turpasi tuhoh,
Paina peäs mättähäh!

(*Virtaranta, 1958, s. 425*)

Jyrkinä se juostih ympäri huonehista lehmänkello keässä. Kaks kertoa juostih myötäh päivöä ta kerta vastahpäivöä. Se juostih sentähen jottei lehmät moattais mečässä yötä.

(*Virtaranta, 1958, s. 588*)

Hebuo aidah menijä pietäh pimies kon'ušis Jyrrinpiän, ilmua ku ei nägis da ni päiviä.

(*KKS, I, s. 548*)

Когда выпускали скот, зажигали эти свечи и клали над дверью, а скот проходил под ними. Старшая хозяйка туда, наверх, клала икону, вторая с распятием была у ней в руках. Голыми руками не выпускали, на руках были рукавицы. Пастухи в первый день сами отпускали скот в загон, а оттуда в лес.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

Когда коров выпускают весной в лес, обходят стадо и читают заговор.

— Для чего обходили?

— Чтобы стадо лучше держалось вместе летом. Для этого. И чтобы ничего плохого со стадом не случилось. Вот и читают, хозяйка читает:

«Дева леса, любимая дева,
гони моё стадо домой!

Поставь иву пастухом,
черёмуху приводящей домой!

Если ива не будет пасти,
черёмуха домой не приведёт
с наступлением вечера, с темнеющей ночью,

со смеркающимися сумерками,
тогда она зовёт саму деву леса:

приведи моё стадо домой,
с наступлением вечера, с темнотой ночи,
чтобы не шерстинки не потерялось,
ни половинки не ушло».

Медведю говорят:

«Пропади твоя морда,
Прижми голову в кочку!»

(*Venehjärvi — Суднозеро*)

На Егория бегали вокруг избы с коровьим колокольчиком в руке. Два раза обегали по солнцу, один раз против солнца. Бегали для того, чтобы коровы не ночевали в лесу.

(*Tollonjoki — Толлорека*)

Лошадь, травящую посевы, на Егория держат в тёмной конюшне, чтобы света белого не видела и солнца.

(*Siämärvi — Сямозеро*)

Jyrrinpiänkakkaru — kakkaru, kudamah on pastajes pandu lehmän karvua da kudai Jyrrinpiän syötetäh lehmile enne pihale työnändiä, ku net pyzyttäs yhtes.
(*KKS, I, s. 548*)

Karvukakkaru pastetah Jyrrinpäivän huondeksel. Jogahizen lehmän turvas otetah karvua, net sevoitetah taiginah da päcis pastetah. Konzu lehmät laskietah meččäh, annetah muruine jogahizele, sit ei vieravuta.
(*Hautala, 1982, s. 192*)

Pyhä Jyrgi syöttäine, pane hurtat kiini raudazih rahkehiih, vaskizih vandeih.
(*СКЯ ливв, с. 79*)

Jyrrinpäivästä on kakšitoista kaženajopäivyä Miikkulah šuate.
(*KKS, I, s. 548*)

Jyrrin da Miikkulan välil on kaksitostu kaskenajopäiviä da pyhäpäivät vie piäl.
(*KS, s. 118*)

Kazakkoida palkattih Jyrristä šyvyš-Kazanskoih šuaten.
(*СКЯ тв, с. 199*)

Jyrgi pruzniekka meilä, žiivattaziin pruzniekka, myö pruznuičemma. Paimen lähtöy žiivattazie ajamah yl'či kylän, hloptniu kolme kerdua. Tuuvvah jäiččä paimenella, tuuvvah piiruada. Kolme kerdua hloptniu ruošalla, bremozeh šoittau, ka kaikin laškietah žiivattazet. Tulah obrazaziin kena. Bluaslovitah hänen kežäallukši. Kierretäh žiivattazet, štobi čakka ei koskiis.
(*Пунжина, Семёнова зап. в 1966 г. от Николаевой А.П., ФА, 685/2*)

Salmin Lunkulansuares on olluh tavannu lahjoittua časounah Jyrrinny bošši "villuvuonu". Kentah uskaldah sen luadimah pahan ozan eistämizekse libo karjan menestyksekse. Se uskaldetah jo lambahan syndyhyu.

Егорьевский блин — это блин, в который при выпечке добавлена коровья шерсть. Его скармливают коровам перед тем, как выпустить их на улицу, чтобы держались вместе.
(*Korbiselgä — Корбисельга*)

Блин с шерстью пекут утром в Егорьев день. С морды каждой коровы берут немного шерсти, замешивают её в тесто и пекут в печи. Когда коров выпускают в лес (на пастбище), дают крошечку блина каждой, тогда коровы не отвыкнут от дома.
(*Salmi — Салми*)

Святой Георгий Кормилец, закуй зверей диких в железные гужи, в медные обручи.

С Егорьева дня до Николы двенадцать дней вырубали подсеку.
(*Tunguo — Тунгуда*)

Между Егорием и Николой двенадцать дней, когда рубят подсеку, и ещё воскресенья сверху.
(*Suistamo — Суїстамо*)

В батраки нанимали от Егория до осенней Казанской.

Егорий праздник у нас, праздник домашней скотины, мы празднуем. Пастух пойдёт выгонять скотину через всю деревню, хлопнет три раза. Приносят яйца пастуху, приносят пироги. Три раза хлопнет бичом, в рожок заиграет, так все скотину выпускают. Приходят с иконками. Благословляют его на летний период. Обходят скотинку, чтобы комар не трогал.
(*Prudova — Прудовка*)

В Салми, на острове Лункулансуари, на Егория было принято жертвовать в часовню барана, «шерстяного агнца». Кто-либо даёт обещание сделать это в целях отвращения неудачи или для прибавления

Endizeh aigah syödih vuonu časounas, myöhemi tuli tavakse se myvvä; jengat sai časounu.

(Hautala, 1982, s. 186)

Tas nygöi keviäl, maajal, on ezmäzikse Jyrinpäivy pruzneikku. Enne oli vie jiaksindähiine. Heinannes ezmäine pyhäpäivy (lullunpäivy nazivoiččih) jiaksitty oli. Enne oldih, kačo, pad'ožat, žiivattua langei da kai. Sit jiaksitty oli pruzneikku: tulou pappi da sit obrazas alači žiivattoi taluttih da svätittih.

Nygöi prevratittih se, Jyrinpäivy, pruzneikakse nastojuašo. Nygöi sidä pruzneikkua pruznuičemma, Jyrinpäiviä. A sit toine on sygyzyl Kuzmoi, okt'apskoin aijan, toššupian, sr'uado jälles okt'apskoidu: kolmas — Vuasil'l'u, ennevahnas, po-staromu uuzi vuoz, jälles Rastavua nedäli, sit Vuasil'l'u. Kolme pruzneikkua pruznuičemma.

Nygöi vähäl tunduu pruzneikakse. Nygöi ehtäl tullah kedä siä omat, da. Huba pruzneikku. Ennevahnas myö kavyyimmö, ga nedälilöin ad'vois olemmo, ga ligapalat pakui vai, pruznuičimmo da ad'voičimokseh da kai. Oli kaikkie: brihua dai neiijšty.

A nygöi? Nygöi pastetah da sellitäh enämbi, hyvä on pruzneikku, a enne pyöräkyö luajimmo da studenii keitetih, omua lihua kel oli da kai, da sil pruznuittih. A rahvastu oli viižinkymmenin hengilöin talois. A nygöi viittykymmen hengie ni hierus eule vous'o.

Nygöi on kebd'ei pruznuija: mi pidänöy ičele, sei pasta. Kes kaksi hengie, kes kolme hengie; omat vai, nastojuašoit omat tullah. A enne ruavot oldih da pruzneikat oldih suuret. Talois kolmes-nel'l'äs Päčiiil ga kihizi. Meijän, Tutturin talois täs, da sit Akimas, da Iivin Kostis sie, Iivin talois, ga sit kihizi rahvastu: oli viižinkymmenin dai enämbin hengin pruzneikan gost'ua. A nygöi ei ole, nygöi huba pruzneikku on, vai mielessäh piämmö, buite ku sen päivän, a rahvahah niškoi — ei äijjä.

(Макаров, Рягоев, 1969, с. 135–136)

стада. Барана обещають сразу, как ягнёнок родится. В старину барана ели в часовне, позже вошло в обычай продавать его; деньги шли в пользу часовни.

(Salmi — Салми)

Тут теперь весной в мае, во-первых, наступает Георгиев день. Раньше там был ещё по обету, обещанный праздник. Во время сенокоса первое воскресенье (назывался день Луллу) был обещанный праздник. Раньше, видишь ли, был падеж скота, скот подыхал и всё такое. Тогда был обещан праздник; приходит поп, да тут под иконой скот прогоняли да освящали.

Теперь превратили его, Георгиев день, по-настоящему в праздник. Теперь этот праздник празднуем, Георгиев день. А вот второй праздник отмечаем осенью, это Кузьмин день, около Октябрьских, на второй день сразу же после Октябрьских. Третий — Васильев день, в старину, по-старому Новый год, после Рождества через одну неделю. Это Васильев день. Три праздника празднуем.

Теперь вечером придёт кто-нибудь из своих. Да, скромный праздник теперь. В старину мы ходили, так по неделям были в гостях, только грязь комками летела, так праздновали да в гостях гуляли и всё такое. Всех было: парней и девушек.

А теперь? Теперь больше пекут и наряжаются лучше, легко праздновать. А раньше колобы пекли да студень варили, у кого мясо своё было. Так и праздновали. А народу было по пятьдесят человек в доме. А теперь пятидесяти человек и во всей деревне нет. Теперь легко праздновать: сколько себе надо, столько и настряпай. У кого два человека, у кого три, только родня, кровные свои приходят. А раньше затеи и праздники были большие. В двух-трёх домах в Печном только кишело. В нашем, Туттуревском доме тут, да ещё у Аникиевых, да у Кости Иванова, в доме Ивановых — так там кишело народу: было по пятьдесят и больше человек гостей на празднике. А теперь не бывает, теперь небольшой праздник. Теперь лишь отмечаем, будто тот день, а людей немного бывает.

(Ря́щю — Печная Сельга)

Jyrris da Pokrovah on kai akat yhtehizet.
(KS, s. 118)

Kuni Jyrrin kuudu, sini on viluu.
(KS, s. 118)

Jyrgi kiistäy viluu, a Miikkul sanou: lämmät roih.
(KS, s. 118)

Jyrrin da Miikkulan välil kägöi vaikka huavan liukus kukkuu.
(KS, s. 118)

Kevät-Jyrrinny karvat yhteh laskietah (sugupuolielokses).
(KS, s. 152)

9.05. ku kylmänöy muan, sinä yönä, niin sinä vuoden marjoa ei liene. Ku siän kyl'mi, niin marjatgii kyl'mi. (Se oli iele Jyrrinpäivä.)
(Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46)

Konzu jyrizöy enne Jyrrinpäiviä, pidäy kolme kerdua mukki kiändiä, ku niittäjes da leikates sivuloi ei kivistäs.
(Hautala, 1982, s. 183)

22.05 (09.05) — Kevät-Miikul, Miikkulanpäivy, Kevät-Miikkula, Keväz'-Miikul

Kevät-Miikul kylviä käsköy.
(СКЯ ливв, с. 136)

Kevät-Miikkulassah vai syömistä täydyis, ga Miikul tulis heinyhurštin kel.
(KKS, II, s. 156)

Miikkula on konža Sroičan jälgeh, konža ennen Sroiččua.
(СКЯ тв, с. 160)

С Егория до Покрова женщины общие.
(Salmi — Салми)

Пока длится месяц Егория, до тех пор и холода стоят.
(Salmi — Салми)

Егорий говорит: будет холодно, а Никола говорит: тепло будет.
(Tulemjärvi — Туломозеро)

Между Егорием и Николой кукушка, хоть в осино-вом дупле, да кукует.
(Suistamo — Суїстамо)

На Егория вешнего волосы соединяются (о половой жизни).
(Siämärvi — Сямозеро)

Если ночью 09.05 будет заморозок на земле, то в этом году не будет ягод. Если подморозило, то и ягоды замёрзли. (Это раньше был Егорьев день.)
(Sel'gi — Сельги)

Когда гром гремит до Егорьева дня, нужно сделать три кувырка, чтобы поясница не болела во время косьбы и жатвы.
(Suistamo — Суїстамо)

22.05 (09.05) — Никола Вешний

Никола Вешний велит сеять.

Только бы до Николы Вешнего корма хватило, а Никола придёт с травяным холстом.
(Tulemjärvi — Туломозеро)

Никола бывает когда после Троицы, а когда до Троицы.

Miikkulana ku hebožii laskiettih pihalla, pappi sluuži molebenan.

(СКЯ тв, с. 161)

Mitys on päivy Miikkula, siid i kezä tuloo.

(KS, s. 412)

Miikkulanpiän ku vihmuu keväjel, sit kulun rugehen puurnus ottau, a Voznesen'n'annu ku vihmuu, sit sen vastuau Miikkulan vihman.

(KKS, VI, s. 606)

Kun ollou Miikkulana umpihanget, niin hallavuoši on näkösellä. Šanotah: ”Kun on Miikkulan hanki haukatava, niin leina leivän sijašša”.

(Hautala, 1982, s. 209)

”Miikkula on moine mužikka, keväel tulou heinähurstin kel”, sanotah kevät-Miikkulanpäivänny, sendäh gu silloi algau heiny kazvua, da karju voibi laskie pihale.

(Hautala, 1982, s. 209)

Miikkula tulou vihannan vihkon keralla, jotta silloin jo lehmät meččäh soau työntyä.

(Virtaranta, 1958, s. 588)

Siitä kun lienöy lampahat kavottu, molittih Pyhää Miikkuloa: Kun Pyhä-Miikkula lampahat kotih soattanet nin pokon soat! — Ta niinhän ne tultih kotih Pyhän Miikkulan avulla.

(Virtaranta, 1958, s. 588)

Miikkulana hevot enzi kerdua meččäh laskiettih, Jyrginä lehmät.

(Hautala, 1982, s. 209)

Kevät-Miikkul heinyrien ker tulou.

(KS, s. 152)

На Николу когда выпускали лошадей на пастбище, поп служил молебен.

Какой день на Николу, такое и лето будет.

(Suistamo — Суйстамо)

Если весной на Николу идёт дождь, то прошлогоднюю рожь из ларя возьмёт, а если идёт дождь в Вознесение, то он возместит дождь на Николу («вернёт» убыток от дождя на Николу).

(Siämärvi — Сямозеро)

Если на Николу сплошной наст, то в этом году будут заморозки. Говорят: «Когда на Николу придётся наст кусать, то вместо хлеба придётся бедность грызть».

(Vuonnini — Войница)

«Никола такой мужик, который весной приходит с травяным половиком», — говорят в день Николы Вешнего, потому что тогда начинает трава расти, и скот можно выпустить на улицу.

(Suojärvi — Суоярви)

Никола приходит с зелёной тряпкой, тогда уже коров можно в лес выпустить.

(Venehjärvi — Суднозеро)

Если терялись овцы, то молились Святому Николаю: «Святой Николай, если ты приведёшь овец домой, то получишь барана!» Они и приходили домой при помощи Святого Николая.

(Venehjärvi — Суднозеро)

На Николу лошадей первый раз выпускали в лес, на Егория — коров.

(Suistamo — Суйстамо)

Никола Вешний прибывает с возом травы.

(Tulejärvi — Туломозеро)

- Miikkula tuloh heinähurštin ker da Jyrgi nuakloin ker.
(*KS, s. 283*)
- Miikkula tuloo heinyrein ker, Jyrgi kalakaššalin ker.
(*KS, s. 283*)
- Miikkul kui tulis, se tulis heinyviršin kera.
(*KS, s. 283*)
- Miikkulanpäivän kahen puolen mečot alletah kiimie.
Šanotah: ”Miikkula, kuukkula, pane meččo kattilah!”
(*Hautala, 1982, s. 209*)
- Miikkulannedelillä hos uumenešša ni kukkuu kägi.
(*KKS, II, s. 547*)
- Ta lintujen jumala oli Pyhä-Miikkula.
— Mitein sitä Miikkulooa moanitettih?
Ka ne vain sanottih jos noin mi tuli, kun mečällä lähettih nin sitä sanottih jotta Pyhä-Miikkula auttais jotta lintuja soatais.
(*Virtaranta, 1958, s. 589*)
- Miikkulan da Jyrrin välil kägöigi kukkuu.
(*KS, s. 283*)
- Miikkulan aikah pitäy käen kukkuo vaikka liukun suulla.
(*Hautala, 1982, s. 209*)
- Kägöi kukkuu Miikkulana, hos huavan liukus.
(*KS, s. 218*)
- Kägi myöhäh kukkuu, ga myöhäni vuos tuloo.
(*KS, s. 218*)
- Никола приходит с простыней травы, а Егорий с гвоздями.
(*Suojärvi — Суоярви*)
- Никола приходит с возом травы, а Егорий с кошелём рыбы.
(*Suistamo — Суйстамо*)
- Если бы Никола пришёл, то пришёл бы с корзиной травы.
(*Tulejärvi — Туломозеро*)
- На Николу у глухарей начинается время токования. Говорят: «Мийккула, кууккула, положи глухаря в котёл!»
(*Vuonnini — Войница*)
- На Николиной неделе хоть в гнезде, но кукушка должна куковать.
(*Poaen — Паданы*)
- Святой Николай был повелителем птиц, птичьим богом.
— Как этого Николая заманивали?
Они только говорили, когда в лес шли, что помоги, Святой Николай, птицу добыть.
(*Vuokkiniemi — Вокнаволоок*)
- Между Николой и Егорием и кукушка кукует.
(*Salmi — Салми*)
- На Николу кукушка должна куковать хотя бы у входа в гнездо.
(*Pomantsi — Иломантси*)
- На Николу кукушка кукует, хотя бы в дупле осины.
(*Suistamo — Суйстамо*)
- Кукушка поздно кукует, поздний год будет.
(*Suistamo — Суйстамо*)

Miikkulanpäivän kahen puolen mečot alletah kiimie. Šanotah: "Miikkula, kuukkula, pane meččo kattilah!"

На Николу у глухарей начинается время токования. Говорят: «Мийккула, кууккула, положи глухаря в котёл!»

Miikkulannedelillä hos uumenešša ni kukkuu kägi.

На Николиной неделе хоть в гнезде, но кукушка должна куковать.

Zapasi suatto heinad Miikkulan aiguižekš tuučakš. Meill oli primet: Miikkulan aiga vähä vuožit proidii kui ei olnu tuuččad, pohd'aine tuul' konz lunt pani, a konzgi vihmui ylen äijäl.

(*LT, I, s. 345*)

Kuivarvessa oli čeässöynä siinä Hilipän pihalla, Pyhän Miikkulan čeässöynä. Niskärvessä čeässöynä oli enein ollut kalmismoan luona, seki Pyhän Miikkulan čeässöynä.

— Missä kylissä sitä Pyheä Miikkuloa proasnuitih?

Pyheä Miikkuloa proasnuitih Kuivarvessa, Hietärvessä, Vuokinsalmessa, Niskärvessä ta Soarijärvessä. Latvarvie, Ponkalaksie ta Vuokkiniemie myöt'en kokouvuttih Pyhän Miikkulan proasniekalla.

(*Virtaranta, 1958, s. 589*)

Voznesen'n'u, Vosnesen'n'a, Voznesen'd

Kallis nelläspäivy, 40 päivän mendyy Äijäspäiväs. Voznesen'n'an piätenčy kaččoy langeilijas tavvis (Ei pie syvvä argie ni kalua.)

(*KKS, VI, s. 688*)

Jumala Voznesenjana noužou mualda taivahaže.

(*СКЯ тв, с. 163*)

Ruajun veriät on Äijäspäiväs Voznesen'n'assah avvoi.

(*KKS, VI, s. 688*)

Kallis nelläspäivä, on niin šuuri päivä, ettei šilloin heinä kašva eikä lintu kortta liikuta.

(*Hautala, 1982, s. 220*)

Puun šolmitah Voznesenjana, šiidä Duuhhana männäh kaččomah. Kenen on kuivannun, niin liey midä ni buit gor'ua, a kun ei kuiva, niin vuoži liey hyvä.

(*KKN, I, s. 91*)

Запаси копну сена на время Николиного снегопада. У нас была примета: на Николу редкий год не было снегопада, когда при северном ветре шёл снег, а иногда шёл очень сильный дождь.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

В Куйваярви была часовня, там, во дворе у Хилиппы, часовня Святого Николая. В Нискаярви раньше была часовня около кладбища, тоже часовня Святого Николая.

— В каких деревнях праздновали Святого Николая?

— Святого Николая праздновали в Куйваярви, Хие-таярви, Вуокинсалми, Нискаярви и Соариярви. На праздник Святого Николая собирались из Ладвозера, Поньогубы и Вокнаволока.

(*Hietarvi — Хиемаярви*)

Вознесение Господне

Почитаемый четверг, через сорок дней после Пасхи. Пятница перед Вознесением бережёт от падучей болезни. (Не надо есть скоромного и рыбы.)

(*Siämärvi — Сямозеро*)

Бог в Вознесение поднимается с земли на небеса.

Ворота рая открыты от Пасхи до Вознесения.

(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкилица*)

Почитаемый четверг (Вознесение) такой великий день, что тогда даже трава не растёт и птица стебля не тревожит.

(*Vuonnini — Войница*)

В Вознесение связывают дерево, в Духов день идут смотреть. У того, чьё дерево засохло, будет какое-нибудь горе, а если дерево не засохнет, то год будет хороший.

(*Tolmačči — Толмачи*)

Voznesen'n'an mendyy liedžut riičitäh.
(KKS, VI, s. 688)

Kussa päin tuulou Voznesenijan, ni sinä kezänä rubieu liijan siepäin tuulemah. Sygyzyn Iivananpiän suateh, 29. päivän suate sent'abr'an k.
(Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46)

Semikke

Enzimäine kevätkezäpruazniekku, kudamua pietäh seiččemendenny nellänpäin Äijänpäivän mendyy, kolmie päiviä enne Sroiččua. Semikkenä muisseldih uponnuzie, pahalla šurmalla kuolluzie.
(СКЯ тв, с. 251)

Sroičänpäivän piätenčy, Sroičänpäivän piätenčä, Sroičänpäivän piätnič

Kolme piätenčä pidäs vanhal nepremenno pyhitii vuvves: Il'änpäivän piätteničy, Sroičänpäivän piätteničy, kolmas Äijänpäivän piätteničy. Ei ni kalua syvvä.
(KKS, V, s. 508)

Kun Sroičän piätenčänä yöllä istuu kivellä, niin joskin kylmäy, tulou nälkävuosi, vaan još še lämmittäy, tulou leipävuosi.
(Hautala, 1982, s. 221)

Sroičänsuovattu, Sroičänsuovatta, Sroičänsuobat

Sroičänsuovattu on pominoičuspäivy, kävväh kalmoil erähät. Pominkupäivät ollah roadeničat, muistin-suovattu, sroičänsuovattu.
(KKS, V, s. 508)

Sroiččua vaš on kallis muissinšuovatta.
(СКЯ тв, с. 165)

После Вознесения разбирают качели.
(Siämärvi — Сямозеро)

Откуда дует ветер в Вознесение, оттуда в это лето будет дуть лишний раз, до Иванова дня осенью, до 29 сентября.
(Sel'gi — Сельги)

Семик

Первый праздник весеннее-летнего календарного периода, справляемый в седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы (Прим. сост.). В семик поминали утопленников, умерших не своей, плохой смертью.

Троицкая пятница

Старому человеку надо поститься непременно три пятницы в году: в Ильинскую пятницу, в Троицкую пятницу, в Страстную пятницу. Даже рыбу не едят.
(Siämärvi — Сямозеро)

Если в Троицкую пятницу ночью сесть на камень и он будет холодить, будет голодный год, а если камень будет греть, то год будет хлебный.
(Vuoppini — Войница)

Троицкая суббота

Троицкая суббота — поминальный день. Некоторые ходят на кладбище. Поминальные дни — Радуница, поминальная суббота, Троицкая суббота.
(Siämärvi — Сямозеро)

В канун Троицы — почитаемая родительская суббота.

Sroičču, Sroičča, Sroičč

Sroičča on kuuvven netälin pruasniekka, še pokon'n'iekkojen Äijäpäivä.
(KKS, V, s. 508)

Tuomi kukkiu Sroiččanpäivän ymbäri.
(СКЯ ливв, с. 344)

Sroiččanpäivän aigua pidäy nagristu palaine panna.
(СКЯ ливв, с. 344)

Sroiččanpäiv on viijendelkymmenendel päiväl Äijänpäivän proidihuu.
(KKS, V, s. 508)

Sroiččanpäivän koivuu pordahien edeh pannah, koivunvarbazii pertih zirkaloloin tuakse, jumaloin edeh, kartinkois ymbäri.
(KKS, V, s. 508)

Sroiččana koivuzen pissetäh jumalakodah, štobi ei strela tulis.
(KKS, V, s. 508)

Sroiččanpäivänä jokahini mänöy kalmisomah koatimah, još hyvä šeä ollou.
(KKS, V, s. 508)

Sroičča on suuri pruaazniekka, kaikin rahvaš kävelläh kalmoilla, kaikilla koivuzet kiäššä.
(KKS, V, s. 508)

Sroiččan še oli koko netäli vainajien muissinnetäli.
(KKS, V, s. 508)

Sroiččana keitetäh huomenekšella šuurimoista puuro maitoh ta pannah voita šilmäkši. Kivikupissa puuro vietäh hauvalla ta vielä kučutah köyhie šyömäh, iče ei maisseta.
(Hautala, 1982, s. 223)

Троица

Троица — праздник шести недель, Пасха мёртвых.
(Uhut — Ухта-Калевала)

Черёмуха цветёт около Троицы.

В Троицу надо посеять немного репы.

Троица приходится на пятидесятый день после Пасхи.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

В Троицу перед крыльцом ставят берёзки, берёзовые ветки кладут в доме за зеркала, перед иконами, вокруг картинок.
(Siämärvi — Сямозеро)

В Троицу в божницу втыкают берёзку, чтобы стрела (молния) не ударила.
(Tveri — Тверь)

В Троицу каждый идёт на кладбище кадить, если погода хорошая.
(Kiestinki — Кестеньга)

Троица — большой праздник, все ходят на кладбище, у всех берёзовые ветки в руках.
(Tveri — Тверь)

Троицкая неделя — вся неделя поминовения усопших.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Утром в Троицу варят из крупы кашу на молоке и кладут глазок масла. В каменной чашке кашу относят на могилу и приглашают бедняков поесть, сами и не пробуют.
(Uhut — Ухта-Калевала)

Sroiččana on muissinpäivä, eikä šiitä enämpi ole muissinpäivvyä ennen kuin šykyšyllä.

(Hautala, 1982, s. 223)

Troiččana da Roadenčana käyvväh kalmismualla pokoinikko muistelemassa. Troiččana kaikki kylän rahvas on sielä. Mužikat ei käyvvä, akat vain käyvväh. Rissitäh silmie, muissellah, itetäh. Tuuvah syömisie: kakkarua, sul'ččinua, kalittua, kalakukkuo, rahkamaiduo. Nosatetah pokoinikko syömäh, muissellah, iäneh itetäh. Kaikki syömiset annetah vanharaizoilla akoilla, jotta muissetais pokoinikko. Iče hauvvoilla ei syyvä.

(Konkka U., 1948, 164/19)

Sroičan jälgeh jo voit katata leheštä.

(СКЯ тв, с. 133)

Sroičanpäivännedälil oldih svuad'bat.

(KKS, V, s. 508)

Sroičanpiän ku vihmuu, siid roih siendy.

(Волкова зап. в 1936 г. от Демоевой А., 132/71)

Sit Sroičanpien aigah enämbälleh kai riepöi nouzou randah sil aigua. Enne Sroičanpäivie vähän rieppöi, vähän kevätty tulou. Vot kui. Sit Sroičanpien ymbäri ainos tuli rieppöi randah. Sit jo nuattih rieppöi sait. Vot kui. A sit ku riepöin sen piivoit, sait, sit opat' riepöi rubieu tulemah. Ga illoil jo pyvvät. Jo pidäy ei tietä, konna tulou heidy. Tiedämättäh ei sua pyydyä. A sit riepöi heittäy tulendan. Sit rubieu jo siigu randah lähenöy, viendöin aigu tulou.

(Рязгов зап. в 1966 г. от Нестерова А.И., ФА, 694/3)

Stroič, pruznik Stroičampäiv, hin kaikkeh otčinah on, ei šta abezatel'no vain miän kyläš. Kaiked päin tuv vah johhin' iknall venkz'ii. I venkoill kävyim. Keriimm johhizešt, kešt ken i kakšiin jäičöin al' kolmiin, i kuaret void. Šiäl' talošš paissam kyrzii i täd, piroškuu kakruu, i brihoinke mänemm meččäh, šiäl' jo laulamm virt,

Троица — поминальный день, после неё поминальных дней нет до осени.

(Vuonnini — Войница)

В Троицу и на Радуну ходят на кладбище помянуть покойников. В Троицу там находится всё население деревни. Мужчины не ходят, ходят только женщины. Крестьяне, поминают, плачут. Приносят еду: блины, сканцы с кашей, калитки, рыбники, творог с молоком. Будят покойников поесть, поминают, причитывают. Всю еду отдают бедным старушкам, чтобы помянули покойников. Сами на могилах не едят.

(Jyškärvi — Юшкозеро)

После Троицы уже можно ломать берёзовые веники.

На Троицкой неделе играли свадьбы.

(Salmi — Салми)

Если на Троицу идёт дождь, то уродятся пластинчатые грибы.

(Piži — Обжа)

Потом во время Троицы больше всё ряпушка к берегу идёт. До Троицы мало ряпушки, мало по весне попадает. Вот как. Потом около Троицы всегда ряпушка к берегу приходила. Потом уже неводом ряпушку ловили. Вот как. А потом как ряпушку эту (?) поймал, потом опять ряпушка пойдёт. Уже вечерами ловишь. Уже надо, не знают, куда она придёт. Не зная, ловить нельзя. А потом ряпушка перестаёт идти. Потом уже сиг к берегу приближается, начинается время вяндёй.

(Ugmoilu — Угмоила)

Троица, праздник Троицын день, он [ведь] во всей округе, не только в нашей деревне. Со всех сторон все несут на окна венки [из веток берёзы]. За венками ходили и мы, [девушки], с каждой соберём, кто [даст] и по два яйца или по три, масла и сметаны. В доме там напечём лепёшек и пирожков, блинов, с парнями

koivušt ymbär' kävl'emm. Šit' koivušt katkum venkz'ii. I šuuren venkan otamm, venkall riptamm omat fatat šulkzet i lähemm jovella, ka jovell tulemm, venkz'ii n'am fur'aičemm. Venkan' kumban' uppuu, značit, välin kualet, a ei uppu, značit my elošš. Šit' tulemm täh taloh, gul'aičem i brihat täšš. Brihat viinu tuvвах miän kakrat, jäišnič. Nu täšš i kargaičemm. Eii oldu muazet što ka bajanat, a oldih muazet garmonit meil', nu n'äih garmonih kargaičemma.

(Пунжина, 2001, с. 140–141)

Duuhanpäivy, Tuuhanpäivä, Duuhanpäiv

Duuhanpäivy — Pyhän Hengen päivy, Sroičan toine päivy. Se on Sroičanpiän iččenäh mua laittu, a Duuhanpiän elävät.

(KKS, VI, s. 325)

Duuhanpäivänny ei sua ruadua muaruadoloi: eigo kai-vua pelduo, eigo kyndiä, eigo istuttua eigo kytkie.

(Огнева зап. в 1998 г. от Мухоровой М.С., НА, 173/94)

Duuhana šivotah kakši koivupuuhutta ladvazista vaššakkeh.

(СКЯ тв, с. 35)

Sroičašta, Duuhašta voit jo katata vaštua.

(СКЯ тв, с. 35)

Duuhampäivä, ka Sroičašta Duuhampäivy. Ku Duuhampienä vilu ni šel'gä zat'anivuu. Duuhanpienä tuaš vilu. Kaikki kežä lienöö. Kumman'e päivä lienöö l'ämbymä, eini kaikki vilut lienöö. Paha kežä lienöö.

(Рягоев, 1980, с. 358)

Duuhanpäivän huondekses oli paha siä, vihmu, a ehtäkse luadi hyvän. I kaiken kezan roih nengoine siä: huondekses vihmuu, a ehtäkse roih hyvä.

(Огнева зап. в 2012 г. от Вдовиновой Н.П., НА, 173/98)

в лес и пойдём. Там уже поём песни, вокруг берёзы [хороводом] ходим. Затем с берёзы ломаем веночки, возьмём большой веночек, на веночек повесим свои шёлковые фаты и пойдём к реке. Придём на реку, эти веночки бросим в воду. Который веночек утонет, значит, скоро умрёшь, коли не утонет, значит, будем жить. Потом возвращаемся в этот дом, веселимся, и парни тут. Парни приносят вино, [а] блины и яичница — наши. Ну, тут мы и пляшем. Были не то чтоб баяны, а гармонии такие, ну мы под эти гармонии и пляшем.

(Semnouskoi — Семёновское)

Духов день

Духов день — день Святого Духа, второй день Троицы. В Троицу сделана сама земля, а в Духов день — насекомые.

(Salmi — Салми)

В Духов день нельзя работать с землёй: ни копать, ни пахать, ни сажать, ни полоть.

(Jyrgil — Юргилица)

В Духов день связывают две берёзки вершинками друг к другу.

С Троицы, Духова дня уже можно ломать веники.

Есть Духов день, за Троицей — Духов день. Если в Духов день холод, вот так спину затынет. В Духов день опять холод. Всё лето будет холодное, лишь некоторый день выдастся тёплым, а так всё холода будут, плохое лето будет.

(S'elis's'ä — Селище)

В Духов день с утра была плохая погода, шёл дождь, а к вечеру распогодилось. Такая погода будет стоять всё лето: с утра будет идти дождь, а к вечеру распогодится.

(Kuujärvi — Михайловское)

Kezä, kešä, kežä

Лето

Ku olis kezä da pyhä, ni olishäi se hyvä.

(KS, s. 150)

Ku olis aiven kezä da pyhä da suuret päivypalkat, sit olis ihmizil hyvä eliä.

(KS, s. 150)

Kezäl ei jället tunnu.

(KS, s. 148)

Kesäl on jälgi mustu, hos kunne mene.

(KS, s. 150)

Kešä keikkuvuon tulou, eikä piätä muurrellen.

(KKS, II, s. 149)

Kešä keikkuoin tulou, talvi šuuta viärissellen.

(KKS, VI, s. 36)

Keikkujen kezä tulou, talvi jalgoi taputellen.

(KS, s. 149)

Kezä keikkujen tuloobi, talvi suuri taivastellen. (Ei enzi enteistä kesä eikä talvi tule.)

(KS, s. 149)

Kuspäi päiväine nouzou, siepäi kezäine tulou.

(СКЯ ливв, с. 135)

Если бы было лето да праздник, было бы хорошо.

(Imbilahti — Импилахти)

Если бы всегда было лето и большая подённая плата, тогда было бы хорошо людям жить.

(Salmi — Салми)

Летом следов не видно.

(Siämärvi — Сямозеро)

Летом след чёрный, куда ни пойдн.

(Salmi — Салми)

Лето приходит, покачиваясь, а не понуриг голову.

(Kiestinki — Кестеньга)

Лето приходит покачиваясь, а зима — рот кривя.

(Kontokki — Контокки)

Лето приходит покачиваясь, зима — ногами при-топывая.

(Suistamo — Суйстамо)

Лето приходит, покачиваясь, зима большая — останавливаясь и глаза. (Лето и зима не наступают по первым признакам.)

(Suistamo — Суйстамо)

Откуда солнышко встаёт, оттуда летушко приходит.

Tägäli kezä tulou, mejjän kavati talvi.
(KS, s. 151)

Vigl'ud tuldii, terävää kezä tulou.
(LMS, s. 127)

Kiurus kezäh kaksi kuudu, kottaraizes kuuzi nedälii,
piäsköis ni päiviä.
(СКЯ ливв, с. 155)

Kuu kiurusta kezäh, viikko viččalinduzesta, yksi päivä
piäčkyzestä.
(KS, s. 206)

Piäsköi tulles siivil kezän tuou.
(СКЯ ливв, с. 272)

Piäsköi kezän tuou dai viey.
(KS, s. 393)

Čiäräni enžimmäini tulou kuren šiiven alla.
(KKS, II, s. 467)

Piäsköi kudamah räystähäh peziä luadiu, ga se taloi vie
eläy.
(KKS, IV, s. 251)

Ei ole kezä kärren kiales, kezä on kurren kukkaros.
(KKS, II, s. 467)

Käki tuou šuven šanoman, piäškyni päivän lämpimän.
(KSP, s. 102)

Kägöi tuou suven sanoman, piäsky päivän lämbimän.
(KS, s. 218)

Kakse kaunište kezäl: lehtet puus da heine muas.
(KSP, s. 71)

Здешними местами лето приходит, через нас зима.
(Siämärvi — Сямозеро)

Прилетели улиты (речные кулики), скоро лето на-
ступит.
(Tivdii — Тивдия)

От жаворонка до лета — два месяца, от скворца —
шесть недель, от ласточки — ни одного дня.

От прилёта жаворонка — месяц до лета, неделя — от
прилёта трясогузки, один день от прилёта ласточки.
(Suistamo — Суйстамо)

Ласточка на своих крыльях лето приносит.

Ласточка лето приносит и уносит.
(Siämärvi — Сямозеро)

Ласточка первая прилетает под крылом журавля.
(Tunguo — Тунгуда)

Если ласточка под стрехой гнездо вьёт, то в этом
доме ещё поживут.
(Nekkula-Riiruškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Лето не у чёрного дятла на языке, а у журавля в ко-
шельке.
(Porarvi — Поросозеро)

Кукушка приносит весточку о лёте, а ласточка —
тёплые дни.
(Uhut — Ухта-Калевала)

Кукушка приносит весть о лёте, ласточка — тёплый
день.
(Suistamo — Суйстамо)

Две прелести летом: лист на дереве да трава на земле.
(Pelduoine — Пелдожа)

<p>Kaksi on čomua kezäl: lehti puus, heiny muas, tuomen kukku kolmas. (KS, s. 127)</p>	<p>Летом две прелести: лист на дереве, трава на земле, третья — цветок черёмухи. (Salmi — Салми)</p>
<p>Kezäl yösiyas eluo ei makseta: voibi kuuzen d'uurel kučerdua. (KSP, s. 83)</p>	<p>Летом за ночлег не платят: каждый кустик ночевать пустит («можно под ёлкой свернуться») (Priäžy — Пряжа)</p>
<p>Kezäl paimendau keppine, a sygyzyl paimoine. (KSP, s. 83)</p>	<p>Летом стадо пасёт батожок, осенью — пастушок. (Mägriä — Мегрега)</p>
<p>Kešällä varušša reki, talvella kärryt. (Мякеля зап. в 1956 г. от Мякеля П. В., НА, 28/252/21)</p>	<p>Готовь сани летом, телегу — зимой. (Vuokkiniemi — Вокнаволок)</p>
<p>Olis ku kezä da kärbästy, olis keyhäl ystävie. (KS, s. 149)</p>	<p>Было бы лето да мухи, у бедняка были бы друзья. (Imbilahti — Импилахти)</p>
<p>Kuni kesä, sini kärbäset; kuni talvi, sini pakkaset. (KS, s. 150)</p>	<p>Покуда лето, до тех пор и мухи, покуда зима, до тех пор и морозы. (Imbilahti — Импилахти)</p>
<p>Kezähallu on pahempi syvyshallua. (СКЯ ливв, с. 136)</p>	<p>Летний заморозок опаснее осеннего.</p>
<p>Kezähallu on pahempi keväthallua. (KSP, s. 82)</p>	<p>Летние заморозки опаснее весенних. (Sammatus — Самбатукса)</p>
<p>Kuloh ku päivä pastaa, vilu kezä tuloo. (KS, s. 199)</p>	<p>Если солнце сильно припекает прошлогоднюю траву, холодное лето будет. (Salmi — Салми)</p>
<p>Kun kulohoza päivä paistaa, tuloo kylmä kezä. (KS, s. 199)</p>	<p>Если солнце сильно припекает прошлогоднюю траву, холодное лето будет. (Suistamo — Суйстамо)</p>
<p>Kesäni päivä ta syksyini yö kymmenellä hevosella kyn-täy. (Lyytinen, s. 19)</p>	<p>Летний день и осенняя ночь на десяти лошадях па-шут (о переменчивой погоде). (Vuokinsalmi — Вуокинсалми)</p>
<p>Poudua vaste kaste verkožil on. (СКЯ ливв, с. 281)</p>	<p>Перед ведром роса лежит на паутине.</p>

Vihmat roih, vezikorendot lennelläh.
(KKS, VI, s. 564)

Vihma lienöy kun ei kašše lähe heinäštä.
(KKS, II, s. 87)

Huomenešzor'a kuin on kahallaa, niin päivä lienöy paha.
(Степанова, 2000, с. 272)

Zaapadnoi tuuli päivän kun tuulou, niin yökši laivenou.
(Степанова, 2000, с. 272)

Šiäkšet lennellää tukušša — lienöy hyvä šia.
(Степанова, 2000, с. 272)

Konzu amburjaine muah pezän luadiu, roih poudu heinargi, a konzu puuh libo oksah — roih vihmukezä.
(СКЯ ливв, с. 20)

Kesäl on kevyt eliä.
(KS, s. 149)

Kezäh kuolluttu ei ole.
(KS, s. 149)

Kezäh piästyy ei ole niken kuollut.
(KS, s. 149)

Kezäruoho ruokkii, päiväpaisto parantaa.
(KS, s. 151)

Kežäpäiv maksau talvinedälid.
(Евсеев зап. в 1962 г. от Зайцевой А. Ф., НА, 157/4)

Kezäine päivy vuvven syöttäy.
(СКЯ ливв, с. 136)

Midä kezäl keriiät, sidä talvel tabuat.
(СКЯ ливв, с. 378)

Стрекозы летают — быть дождям.
(Siämärvi — Сямозеро)

Будет дождь, если роса на траве не высыхает.
(Tveri — Тверь)

Если утренняя заря открытая, ясная, то день будет пасмурный, плохой.

Если в течение дня дует западный ветер, то к ночи стихнет.

Комары летают кучно — будет хорошая погода.

Когда оса делает гнездо на земле — в сенокос будет ведро, а когда на дереве или на суку — лето будет дождливое.
(Sammatius — Самбатукса)

Летом легко жить.
(Korbiselgä — Корбисельга)

Летом никто не умирает.
(Salmi — Салми)

Кто до лета доживёт, тот не умрёт.
(Salmi — Салми)

Летняя трава накормит, солнцепёк вылечит.
(Suistamo — Суйстамо)

Летний день стоит зимней недели.
(Munjärven Lahtenkylä — Спасская Губа)

Летний день год кормит.

Что летом соберёшь, то зимой на столе найдёшь.

Rua kezäl, sit vai talvel ikkunua puhut.
(*KS, s. 150*)

Работай летом, тогда зимой только в окно дуть будешь.
(*Salmi – Салми*)

Ken kezäl ongii, se talvel nälgiä čongii.
(*KS, s. 150*)

Кто лето просидит с удочкой, тот зимой будет голодать.
(*Suistamo – Суїстамо*)

Kesäl ku kosal niität, sit talvel vemppeel viät, a ku kosal et niitä kesäl, sit talvel vemppeel niität.
(*KS, s. 150*)

Если летом накосишь косой, то зимой вывезешь дугой, а если косой летом не накосишь, то зимой накосишь дугой.
(*Imbilahti – Импилахти*)

Kežällä kossalla et niitä, nin talvella vembelellä niität.
(*Фёдоров зап. в 1955 г., НА, 155/83*)

Летом косой не покосишь, зимой дугой будешь косить.
(*Troškino – Трошкино*)

Ken kezäl hierus keiluu, se talvel mečäs kobrii puhuu.
(*KSP, 80*)

Кто летом по деревне болтается, тот зимой в лесу в ладошки дует.
(*Suarimägi – Саригора*)

Kesällä on kiireh kirmiel, a leuto laiskalla elellä, vain talvihan se laiskan tabua.
(*KS, s. 149*)

Летом бойкий поспешает, а ленивому вольготно живётся, но зима ленивого догонит.
(*Suistamo – Суїстамо*)

Kus kukut kezän, a siel tanssi talvigi.
(*KS, s. 149*)

Где лето прокукуешь, а там и зимой танцуй.
(*Imbilahti – Импилахти*)

Ken kezät kyndämättäh, se talvet taiginattah.
(*KS, s. 149*)

Кто летом без пахоты, тот зимой без квашни.
(*Salmi – Салми*)

Kezäl kattilua stolale ei kanneta.
(*СКЯ ливв, с. 129*)

Летом котёл на стол не ставят.

Kezäl on kolme kiirehty: heinän helinä, rugehen rubina, kagran kahina.
(*KS, s. 149*)

Летом три спешки: шелест травы, шуршание ржи, шорох овса.
(*Imbilahti – Импилахти*)

Ei kesäl rahtii ajeta eigä talvel ruistu leikata.
(*KS, s. 150*)

Летом грузы не возят, зимой рожь не жнут.
(*Imbilahti – Импилахти*)

Pelvas perzien suvaičcou. (Kytkendäh näh.) (KS, s. 373)	Лён задницу любит. (О прополке.) (Salmi — Салми)
Vilu vil'ʼan kašvattau, lämpöni terän teköy. (KSP, s. 208)	Холод хлеб растит, тепло колос наливают. (Juvöälahti — Ювялакса) (Вариант: KKS, III, s. 223, Siämärvi)
Poudukezäl vil'ʼat mennäh päivyteräh. (СКЯ ливв, с. 294)	В сухое лето колос становится неполновесным.
Kagru varuau kahtu: päivyteräh menendiä da sygys- hallua. (KSP, 70)	Овёс боится засухи да осенних заморозков. (Priäžu — Пряжа)
Kahtu kagru varuau: viluu da lämmiä. (KS, s. 122)	Овёс боится двух: холода и тепла. (Salmi — Салми)
Kägöi heittäy kukundan, konzu ozran tähky valmistuu. (СКЯ ливв, с. 162)	Кукушка перестанет куковать, когда ячменный ко- лос созреет.
Näin kun oli hyvin lämmin kesällä, ta kaunis ilma, nin sanottih: ”Toas Syöttäjä kävi kylvövakkah kera!” — Vil'ʼat siitä neät rupei kasvamah. (Virtaranta, 1958, s. 255)	Когда летом было очень тепло и стояла хорошая погода, то говорили: «Опять Кормилец приходил со своим лукошком для сева!» Хлеба после этого, видишь, начинали расти. (Tollonjoki — Толлорека)
Ozra rodieu ovahalla — kägi heittäy kukunnan. (Деревня Юккогуба и её округи, 2001, с. 221)	У ячменя ость образуется — кукушка перестаёт ку- ковать.
Kägöil ovas kulkkuh mänöö, kākästelöö, kun ozrat täh- käl mänöö. (KKS, VI, s. 359)	Кукушке в горло попадает ость, поперхнётся, когда ячмень заколосится. (Suistamo — Суйстамо)
Kägi heittäy kukunnan, ožran ovaš mänöy šen kulkkuh. (KKS, IV, s. 66)	Кукушка перестаёт куковать, когда ячменная ость попадает в горло. (Tunguo — Тунгуда)
Ozru, sanotah, ku ogahal menöy, sit kägöi ei voi sanuo kukkuo, sanou hahhaa. (KKS, IV, s. 89)	Говорят, когда у ячменя образуется ость, то кукуш- ка не может сказать «ку-ку», говорит «хах-ха». (Salmi — Салми)

Kun kägöi put'pettua, tuloo vihma.
(KS, s. 219)

Tihi tuo kokkozen. (Äijy tihii — hyvä kagruvuosi.)
(KS, s. 513)

Minä vuonna on äijä keldapuarmua, niin hyvä ozra-
vuosi tulou.
(KKS, VI, s. 698)

Puarmuvuosi — leibyvuosi, puarmatoi — leivätöi.
(KKS, VI, s. 698)

Puarman igä on yksi päivy.
(СКЯ ливв, с. 284)

Kudaman kezän lapset puarmoil puikkoloi perzieh pis-
telläh, lantut tullah puikkokkahat.
(KKN, II, s. 100)

Kezäl puarmu vihkiy.
(KS, s. 150)

Mäne vain kezäl meččäh, siel puarmat venčaijah.
(KS, s. 150)

Tougoloih jumala jyveä kazvattoa, ku on pilvizet seät.
(KKS, VI, s. 160)

Ei kezä mene veittä eigo talvi tavoitta.
(KS, s. 151)

Ei kezä mene vihmumatta eigä talvi pakkazetta.
(KS, s. 151)

Kezävezi pezöy, talvivezi huuhtou.
(KS, s. 151)

Если кукушка бормочет, значит, будет дождь.
(Salmi — Салми)

Комар принесёт овсяный хлебец. (Много комаров —
к хорошему урожаю овса.)
(Salmi — Салми)

Если много жёлтых слепней, будет хороший уро-
жай ячменя.
(Tunguo — Тунгуда)

Много слепней — год будет хлебный, нет слепней —
нет и хлеба.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Слепень живёт один день.

В то лето, когда дети втыкают слепням в зад соло-
минки, брюква уродится с грубыми, «деревянны-
ми» волокнами.
(Imbilahti — Импилахти)

Летом слепень обвенчает.
(Imbilahti — Импилахти)

Летом только пойдя в лес, там слепни обвенчают.
(Suistamo — Суїстамо)

Бог вырастит на яровых зерно, если будет пасмур-
ная погода.
(Suojärvi — Суоярви)

Не проходит лето без воды, а зима без гнева
(т. е. без мороза).
(Salmi — Салми)

Не проходит лето без дождя, а зима без мороза.
(Imbilahti — Импилахти)

Летняя вода вымоет, зимняя вода прополощет.
(Salmi — Салми)

Kezä da talvi ei tule ilmai vihmua da rändiä da eluo ilmai gor'ua. (KS, s. 151)	Лето и зима не приходят без дождя и мокрого снега, а жизнь без горя. (Siämärvi — Сямозеро)
Kesäpilvi on valloilleh, vihmuu minne kaččou. (KS, s. 151)	Летняя туча своевольная, прольётся дождём, где захочет. (Suistamo — Суйстамо)
Iivanantuučča — nälgätuučča, il'antuučča — leibä-tuučča. (KKS, VI, s. 336)	Иванова туча (туча на Иванов день. — Прим. сост.) — голодная туча, ильинская туча (туча на Ильин день. — Прим. сост.) — хлебная туча. (Роаеп — Паданы)
Vihman nenäh (enne vihmua) ei pie ruista kylveä. (KKS, VI, s. 604)	Перед дождём не надо рожь сеять. (Suojärvi — Суоярви)
Kudai kezä kastau, se i kuivuau. (KS, s. 148)	Которое лето намочит, то и высушит. (Salmi — Салми)
Konzu on buolu halvas, sit on ruis kärpäizes. (KKS, I, s. 159)	Когда брусника в цвету, тогда и рожь цветёт. (Siämärvi — Сямозеро)
Kärvästysaigah ei pidäs rugehen ualduolla. (KKS, II, s. 563)	Во время цветения рожь не должна колыхаться. (Imbilahti — Импилахти)
Konz on hyvät ilmat kärvästysaigah, sit roih hyvä terä. (KKS, II, s. 563)	Когда во время цветения ржи стоит хорошая погода, будет хороший колос. (Tulemjärvi — Туломозеро)
Rugehien kärväständän aijan gu tyyndy pidännöh, sit roitah hyvät rugehet. (KKS, II, s. 563)	Если простоит тихая безветренная погода во время цветения ржи, то рожь уродится хорошая. (Videl — Видлица)
Tuohi pagenou rugehen kiärväständän aigua. (СКЯ ливв., с. 146)	Берёста отделяется во время цветения ржи.
Kuni ruis kukkiu, sini kiänä mukkii, a ku ruis kukkiu, näbiezeh čirpi olgupiäl da iče ruistu pagizuttamah. (KS, s. 440)	Пока рожь цветёт, кувыркайся, а как рожь отцветёт, аккуратненько серп на плечо да сам с рожью разговаривать. (Siämärvi — Сямозеро)

- Kun on äijä kadajašša marjoo, on rugehešša vil'l'oo
(tulou hyvä ruisvuoži)
(*KKS, II, s. 93*)
- Konzu on tuomenmarjua äijy, sen vuvven on leibyvuozii.
(*KSP, s. 90*)
- Primietuoič kezal, ku rugiš kazvaškadou. Meil oli
pikkaraine muguoine rugizlinduine, se huondeksel
aigašči i ehtaižil myöhäšči rugehes aina rähk: ”ä-ä-ä!”
Rugizlindu rähkäy, tänä vuode hyvä lähtö lienou ru-
gehis. A toiči kudaman vuoden lähtöd ei liene, ka šiid
rugizlindu sanuu: ”frut, frut, frut, frut!” Šiid ylen hu-
no lähtö tulou rugehis.
(*LT, I, s. 346*)
- Vai ovastuu ruis, heittäy tuulen varuandan.
(*KKS, IV, s. 89*)
- Kagruvuozii roih ku on tihivuozii.
(*KKS, II, s. 22*)
- Konža kagra rubieu tähkällä manömäh, nin tulda räi-
syttäy.
(*KKS, VI, s. 359*)
- Kun ukko vil'l'anterindäaigah jyrizöö, tuloo hyväte-
rästä viljua.
(*KS, s. 541*)
- Ruis da kagru ollah vellekset. Kagru sanou rugehel:
min sinä kazvannet, sen i minä kazvan.
(*KS, s. 440*)
- Ruvis ei jätä kagrua.
(*KS, s. 439*)
- Ruvis vuottaa kagrua. (Gu heinykuus vihmunnou, sit
rugehen jyvä kazvau hil'l'embä, muga kagru kazvau
sidä enämbän).
(*KS, s. 439*)
- Если на можжевельнике много ягод, то и рожь хо-
рошо уродится.
(*Роаен — Паданы*)
- Много ягод на черёмухе — хороший урожай хлеба.
(*Ноškil — Гошкила*)
- Примечали летом, когда рожь начинает расти. У нас
есть маленькая птичка, коростель. Она рано утром
и поздно вечером всегда кряхтит во ржи: «ä-ä-ä!».
Если коростель кряхтит, то в этом году будет хоро-
ший урожай ржи. А в год, когда нет хорошего уро-
жая, то коростель говорит: «фрут-фрут-фрут-фрут!»
Тогда ржи уродится очень мало.
(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)
- Как только рожь заколосится, ветер не будет ей
страшен.
(*Siämärvi — Сямозеро*)
- Если будет много комаров, уродится много овса.
(*Salmi — Салми*)
- Когда овёс начинает колоситься, молнии сверкают.
(*Tveri — Тверь*)
- Если гром гремит, когда в зерновых образуется ко-
лос, то колос в хлебах будет хороший.
(*Suistamo — Суистамо*)
- Рожь и овёс — братья. Овёс говорит ржи: насколько
ты вырастешь, настолько и я вырасту.
(*Salmi — Салми*)
- Рожь овёс не оставит.
(*Vieljärvi — Ведлозеро*)
- Рожь овёс поджидает. (Если в июле идут дожди, то
замедляется рост зерна у ржи, а овёс растёт лучше.)
(*Vieljärvi — Ведлозеро*)

Karjan kyndeh kun vihmuu, ni tulou hyvä šia päivällä.
(*Степанова, 2000, с. 272*)

Ilalla kun tulou stuada pellošta, da kun mušta lehmä edizeh tulou, nin toissa piänä lieu vihma, a kun kirjava, nin i šia kirjava, vihmanke da čirozenke, a kun valgie lehmä, ni toispiänä lieu pouda, čirone.
(*Пунжина зап. в 1966 г.от Лисициной Е. Ф., ФА, 675/2*)

Kežällä hoikat pilvet taivahalla — šia huomneksi paha (luogo pidäy rabieštua).
(*Степанова, 2000, с. 272*)

Raista pidäy vaššata riehtilällä.
(*СКЯ тв, с. 229*)

Vien kiärväständän aigah kala ei puutu.
(*СКЯ ливв, с. 146*)

Marjavuozu on halluvuozu.
(*ККС, III, с. 275*)

Mandžoihuizie kypsendetäh marjukattizet.
(*ККС, III, с. 271*)

Mard’akatti, mäne kypsennä mard’at, elä teälä heiniss ole!
(*ККС, III, с. 273*)

Marjukatti laulau, kun marjat kypsyu.
(*ККС, III, с. 273*)

Kačo, marjakatti buolua kypsendäy kauhazel (konzu buolan lehti on mennyh kauhazekse rouno).
(*ККС, III, с. 273*)

Marjačirkka on loadinuh kauhazen buolua keittiä ičelleh.
(*ККС, III, с. 274*)

Если дождь пройдёт (утром) перед выгоном скота на пастбище, днём будет ведро.

Если вечером, когда стадо приходит с поля, впереди идёт чёрная корова, то на другой день будет дождь, а если пёстрая, то и погода будет пёстрая, с дождём и солнцем, а если белая корова, то на другой день будет ведро, солнце.
(*Tolmačči — Толмачи*)

Лёгкие, прозрачные облака на небе летом — погода назавтра испортится (сено надо убрать).

Град нужно отводить сковородкой (во время града сковороду выносят на улицу).

Во время цветения воды рыба не ловится.

Ягодный год — год, когда бывают заморозки.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Кузнечики земляничку «вызревают» (делают спелой).
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Кузнечик, иди, сделай ягоды спелыми, не сиди здесь, в траве!
(*Poaen — Паданы*)

Кузнечик запоёт, когда ягоды поспеют.
(*Korbiselgä — Корбисельга*)

Смотри, кузнечик ковшичком делает бруснику спелой. (Когда брусничный лист сворачивается как будто ковшиком.)
(*Suojärvi — Суоярви*)

Кузнечик сделал себе ковшичек бруснику варить.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Marjačirkka čičetteä, marjoi kypsendeä. (KKS, III, s. 274)	Кузнечик стрекошет, делает ягоды спелыми. (Suojärvi — Суоярви)
Mussikaista ei peitokkali syö, suu mustenou. (KKS, III, s. 381)	Чернику тайком не поешь, рот почернеет. (Mändyselgä — Мяндусельга)
Mussikkavarba da ruškie kangaššammal oli paraš kaškimua. (KKS, III, s. 381)	Черничник и красный боровой мох — лучшая земля для подсеки. (Tunguo — Тунгуда)
Ku buolu on puolikypsi, sit on ruis kogo kypsi. (KS, s. 33)	Когда брусника наполовину поспеет, тогда рожь полностью созреет. (Salmi — Салми)
Vavarna kypši, niin ruispeldo valmis, buola kypši, niin tougopeldo valmis. (KKN, I, s. 94)	Малина поспела, рожь готова, брусника поспела — яровые созрели. (Tolmačči — Толмачи)
Konža on äijä räbiniä, niin lienöy vihmoa äijä, šgyžyllä touguo keräteššä. (KKN, I, s. 92)	Когда на рябине много ягод, то во время уборки яровых будет много дождей. (Tolmačči — Толмачи)
Kezällä ku ollou pihl’asta äijy marjua, nii sygyzy roitou ylen vihmaksi. A kun ei ole pihl’an mard’ua, nii sygyzy roitou kuiva, hyvä syys. (Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т. Е., НА, 61/46)	Если летом на рябине много ягод, то осень будет очень дождливая. А если нет ягод рябины, то осень будет сухая, хорошая осень. (Sel’gi — Сельги)
Olkivuosi ohruvuosi, hillovuosi halluvuosi. (KS, s. 326)	Много соломы — к хорошему урожаю овса, хороший урожай морозки — к заморозкам. (Salmi — Салми)
Kun pieni kezä on kylmä, tuloo suuri kezä lämmin. (Pieni kezä enne Iivananpäiviä, suuri sen jälles.) (KS, s. 378)	Если маленькое лето было холодное, значит, большое лето будет тёплое. (Маленькое лето до Иванова дня, большое — после.) (Suistamo — Суйстамо)
Kesäkuussa kesä tulou, tuul mistä tuul. (KS, s. 151)	В июне лето приходит, откуда-нибудь ветер. (Imbilahti — Импилахти)
Mäne koira kongelo kodihes, kāske tänne kāsäpäitä. (KS, s. 179)	Иди, собака тощая, домой, вели рылоголовым сюда прийти. (Suistamo — Суйстамо)

Kun on pieni kesä lämmin, on suuri kesä kylmä, kui on pieni kesä kylmä, niin on suuri kesä lämmin.
(KS, s. 379)

Kesällä sanoo susi koiralle, että mäne kongelo kodihe, käske tänne kärsikästä, lambahan lapakkohäntiä.
(KS, s. 150)

Kevätpyhälasku, kevätpyhålašku, kevåz'pyhålašk

Kevätpyhälasku — jälgimåine argipåivy apostoloin pyhiå vaste (algavuu nedålin mendyy Sroičanpåivås).
(KKS, II, s. 156)

Kevätpyhälaskunedåli — jälgimåine nedåli enne apostoloin pyhiå.
(KKS, II, s. 156)

22.06 — Pålivån seizondaigu, pålivånpalaušk

Påivy ku seizou, eigo hæi jatku, eigo lyhene, sit on pålivy pezås. (Rastavan da liivanan aigua.)
(KKS, IV, s. 226)

Perunat ja kaikki kasvikset suau panna muah pålivånpalaukseh suaten (22.06), siitå kuin pålivå seisautuh tasallah 22. pålivå, pålivå se låhtöy talveh, a myö kesyå vuotamma pohjolassa tiålå kuin meilå on vilu. Pålivå talveh, myö kesåh.

(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Токаревой У. Т., НА, 44/151)

Если маленькое лето тёплое, то большое лето холодное, а если маленькое лето холодное, то большое лето тёплое.
(Suojårvi — Суоярви)

Летом волк говорит собаке, мол, пойдй, тощåя, домой, пошли сюда того, что с рылом, плоскохвостых овец.
(Suistamo — Суйстамо)

Заговенье на Петров пост, последний день весеннего мясоеда

Заговенье на Петров пост — последний скоромный день перед Петровым постом (начинается через неделю после Троицы).
(Suojårvi, Siåtmårvi, Nekkula-Riipuškala — Суоярви, Сямозеро, Неккулица-Рыпушкалица)

Неделя заговенья на Петров пост — последняя неделя перед Петровым постом.
(Suojårvi, Siåtmårvi — Суоярви, Сямозеро)

22.06 — День летнего солнцестояния

День как будто стоит, не удлиняется и не укорачивается, солнце сидит в гнезде. (Во время Рождества и на Иванов день.)
(Salmi — Салми)

Картошку и все овощи можно сажать до дня летнего солнцестояния (22.06), после того, как солнце остановится 22-го, солнце повернёт на зиму, а мы на севере ждём лета, потому что у нас здесь холодно. Солнце на зиму, а мы на лето.
(Kiestinki — Кестеньга)

25.06 (12.06) – Onofrienpäivy, Onofrienpäivä, Onofrienpäiv

Kevätkezä on Onofrienpäiväs (25.06/12.06) Pedrunpäivässäh (12.07/29.06).
(KKS, II, s. 156)

Jo kiändyy syyskezäh vuozii Onofrienpäiväs.
(KKS, V, s. 615)

Nagrehenpuhundu on Onofrienpiän aigah. Suuspäi puhutah, lipas otetah suuh siemendy; puolipuuh pidäy kaččuo puhujes, ei pie kaččuo juurih da ni ladvah.
(KKS, III, s. 448)

Palo kynnettih; vai lehti homeheh meni (palo varustetah puhuttavakse nagrehel), vai leppäh neče homeh roiheze, homehtu kazvau lepän lehtilöih, valgei ku jauho. Hiili vie roih taivahah, konzu ei ylen šuorei taivas ole, sit narovit nagrehen puhuo. Sit suurembakse nagrehet kazvetah, a šuoriel taivahal ei muga kazvanuh. Pilvihyöl nagristu puhuttih ennen, sit nagristu kazvau, tiijät gu šliäppiä nečis.
(Макаров, Рягоев, 1969, с. 218)

Nagris pidäy puhuo, konzu on leppy homehes (enne puarmoii).
(Макаров, Рягоев, 1969, с. 192)

Nagristu kylvetäh, konzu leppy on homehes.
(KSP, s. 132)

Kun on pilvini, ni šiitä kylvetäh šinä piänä nakris.
(KKS, III, s. 448)

Nagrispilvi — pieni pyöryžettävy nagrehen nägöine pilvi. Nagrispilvet ollah taivahal, pidäs nagristu puhumah lähtie.
(KKS, III, s. 449)

25.06 (12.06) – Онуфрий

Начало лета (пролетье) от Онуфрия до Петрова дня.
(Siämärvi — Сямозеро)

С Онуфриева дня год уже поворачивает к концу лета.
(Siämärvi — Сямозеро)

На Онуфрия сеют репу. Семена выплёвывают изо рта, из посуды берут семена в рот; выплёвывая, выдувая, нужно смотреть на середину ствола дерева, на корни и на вершину смотреть нельзя.
(Siämärvi — Сямозеро)

Пожогу пахали; пожогу готовят под репу, когда лист будет в плесени, как только на ольхе появится плесень, белая плесень наростёт на листьях ольхи, как мука. На небе ещё будут тучи, и небо не очень ясное, тогда норовишь сеять репу. Тогда репа покрупнее вырастет, а когда небо чистое, тогда не так росло, раньше в пасмурный день сеяли репу. Тогда репа вырастет, знаешь, со шляпу [величиной].
(Vehkuselgy — Вехкусельга)

Репу надо сеять, «дуть», когда ольха в плесени (до оводов).
(Kolatselgy — Колатсельга)

Репу сеют, когда на ольхе «плесень» появляется.
(Mägrädd'ärvi — Мегрозеро)

Репу сеют в пасмурный день.
(Jyskäarvi — Юшкозеро)

Репная туча — маленькая круглая туча, напоминающая репу. Репные тучи на небе, надо бы идти репу сеять.
(Siämärvi — Сямозеро)

Nagrehen puhuhuu laitah lippah talkkunua, huuhtal seizotah, muah heitetäh talkkunua vuitti Pyhä-Ägröil, loput puhujat syvväh, sanotah: ”Pyhä-Ägröi, anna sinä nettäh nagristu huuhtah, myö sinul talkkunua annamo.”

(KKS, III, s. 448)

Šemaijah čuuruh nagrissiemendy kylväjes, a puhujes kuuzenkoskuos laitah lippu, sit joga kerran ottajes sienien pidäy koskettua sih huuli, sit ei sorra n’uattiloi madoine.

(KKS, III, s. 449)

Villane lanka minuh illal sivo, tule huondeksel, ga katkennut. (Nagrehet kazvetah.)

(KS, s. 581)

Ei pie ymbär nagrehes kuorittua pitkiä kettuo kazvajes, pidää kuorittua nilottamal.

(KKN, II, s. 119)

Vihmuvuozi on nagrisvuozi da kartohkuvuozi.

(KKS, III, s. 449)

Leppy on homehes — dai tougovil’l’at on orahas.

(KSP, s. 109)

Pedrunpyhä, Petrunpyhä, Pedrunpyhä

Pedrunpyhä lepän lehti homehtuu, sit roijah puarmat.

(СКЯ ливв, с. 72)

Kylmiit, ga Pedrunpyhä suluat.

(Макаров, Рягоев, 1969, с. 70)

Посеяв репу, в посудину, где были семена, насыпают толокно. Стоя на подсеке, на землю высыпают немного толокна — долю Святому Ягрёю, остальное съедают сеявшие, говорят: «Святой Ягрёй, подай на эту пашню репы, а мы тебе толокна дадим.»

(Siämärvi — Сямозеро)

При севе смешивают семена репы с крупным песком, а когда сеют, «дуют» репу, из еловой коры делают черпачок (специальную посудину для сева репы), и каждый раз, когда берут из неё семена, надо коснуться губами посудыны, тогда гусеницы не попортят ботву.

(Siämärvi — Сямозеро)

Вечером обяжи меня шерстяной ниткой, утром она уже будет разорвана. (О растущей репе.)

(Suistamo — Суйстамо)

Когда репа растёт, не надо счищать с неё длинную полоску кожуры, нужно очищать кожуру, отковыривая кусочками.

(Suistamo — Суйстамо)

В дождливый год будет хороший урожай репы и картошки.

(Siämärvi — Сямозеро)

Появилась «плесень» на ольхе — яровые пошли в рост.

(Hoškil — Гошкила)

Петров пост

В Петров пост лист у ольхи покрывается плесенью, из неё появляются слепни.

Замёрз, так в Петров пост растаешь. (Во время Петрова поста стоит тёплая погода. — Прим. сост.)

(Sammatus — Самбатукса)

Kezäkeričys on Pedrunpyhäs.
(*KKS, II, s. 149*)

Pedrunpyhäs vedetäh höštöged (pellole).
(*LMS, s. 303*)

Kezäkeski, syväinkezä

Kezäkeski — aigu algukezäs uudizessah.
(*KKS, II, s. 149*)

Kezäkeskes tulou puute.
(*KKS, II, s. 149*)

Kezäsydämel pidäy ruadua talveh varoi.
(*KKS, II, s. 151*)

Heinargi, heinäaika, heinar'g

Heinyargi on Pedrunpäivän (12.07/29.06) da Jumaldoman pyhän (14.08/1.08) väline argi, kudai kului heinän luadijes.
(*KKS, I, s. 202*)

Heinargi on Pedristä Spoasunpyhäh.
(*KKS, I, s. 202*)

Heinarg Pedrus Spoasampyhää suai.
(*LMS, s. 66*)

Ehtit kylvävyö, heinargi jalgoi polgou.
(*СКЯ ливв, с. 170*)

Heinarres enzimäine pyhärpäivy oli lullunpäivy.
(*СКЯ ливв, с. 193*)

Летнюю стрижку овец проводят в Петров пост.
(*Suistamo — Суйстамо*)

В Петровский пост на поля вывозят навоз.
(*Terun Priäžy, Noatoilu — Пряжа, Намоево*)

Середина лета, разгар лета

Середина лета — время от начала лета до нового урожая.
(*Suistamo — Суйстамо*)

В середине лета ощущается недостаток (в хлебе).
(*Suistamo — Суйстамо*)

В середине лета нужно работать для того, чтобы прожить зиму.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Сенокос, «сенокосный» мясоед

Сенокос, «сенокосный» мясоед — мясоед между Петровым днём (12.07/29.06) и Успенским постом (начало с 14.08/01.08), во время которого заготавливали сено.

Сенокос длится от Петрова дня до Успенского поста.
(*Tunguo — Тунгуда*)

Сенокос длится от Петрова дня до Успенского поста.
(*Bošin kylä — Новосёловская*)

Только успеешь отсеяться, сенокос на пятки наступает.

Первое воскресенье в сенокосную пору называлось день «луллу».

Valasinpäivä on ensimmäinen keuhkarin päivä, Spu-
asanpyhiä vasten. Pyhiä Valassii mustellah kaikkien
žiivattoin täh.
(*KKS, IV, s. 557*)

Pyhä-Ulassie oli lehmillä, sanottih: ”Pyhä-Ulassie,
kačo lehmieni! Pie rauhassa tervehenä lehmieni kun
lasen meččäh!”
(*Virtaranta, 1958, s. 425*)

Lehmie kun työnnettih meččäh, nin vanhat sanottih
jotta: ”Pyhä-Ulassie Kormeličča, vie lehmät meččäh ta
i tuo kotih!”
(*Virtaranta, 1958, s. 425*)

Heinäaigah vikattehen polvi ei kassu, leikkavoigah
čirpin varzi ei ni kuivaksendele.
(*Яковлев зап. в 1937 г.*)

Kastie vikattehen hivou.
(*Евсеев зап. в 1962 г. от Савельевой А.И., НА, 157/55*)

Niitä kosal, älä jiä vembelel niittämäh.
(*KS, s. 190*)

Heinäaikana kun poutoa vuotettih kysyttih etonalta
jotta: etona pötönä, näytä sarves, tulouko huomena
pouta vain vihma!
(*Virtaranta, 1958, s. 255*)

Toivomus heinätoih läksijillä:
Heinätyöt kun aletah
niin viikattehet tavotah
haravat hankitah
heinäniityllä lähetäh.
(*Luutinen, s. 37*)

День Власия — первый день летнего мясоеда, перед
Успенским постом. Святого Власия вспоминают за
весь домашний скот.
(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица*)

Святой Власий был у коров, говорили: «Святой Вла-
сий, смотри за моими коровами! Держи моих коров
в покое, здоровыми, как отпуска в лес!»
(*Venehjärvi — Суднозеро*)

Когда коров выпускали в лес, то старики говори-
ли: «Святой Власий Кормилец, отведи коров в лес
и приведи домой!»
(*Akonlakši — Аконлакши*)

Во время сенокоса изгиб косы не намокает, во вре-
мя жатвы черенок серпа и не высыхает.
(*Сезозерский р-н*)

Роса косу наточит.
(*Šobene — Чёбино*)

Коси косой, чтоб не косить дугой. (Если сам не на-
косишь сена на зиму, то придётся покупать. — *Прим.
сост.*)
(*Salmi — Салми*)

Во время сенокоса, когда ждали ведро, спрашивали
у улитки: «Улитка-улитка, покажи свои рожки, бу-
дет завтра ведро или дождь?»
(*Akonlahden Vornanniemi, Sappovoara — Ворна, Шанноваара*)

Напутствие отправляющимся на сенокос:
Когда начинается сенокос,
то точат косы,
берут грабли,
идут на луг.
(*Vuokinsalmi — Вуокинсалми*)

**07.07 (24.06) — Kezä-Iivan, Iivananpäivy,
Lehti-Iivana, Iivananpäiv**

Ku ei keziä enne Iivananpäiviä, sit ei talvie enne Ras-tavua.

(KS, s. 148)

Još Iivananpiänä vihmuu, nin tulou ruoštetta marjah ja viljah.

(Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/21)

Kezällä Iivananpiänä ku ollou vihma, niin siendä lie-nöy äijä sinä sygyzynä, a kun ollou päiväpaisto, kuiva siä, niin siendä ei liene sinä vuon.

(Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46)

Ei jyvätöindä Juakkuo, tähkätöindä juhannusta.

(KS, s. 118)

Juhannuksesta päivä talveh, ilma kesäh.

(KS, s. 111)

Vašsakšešša käytih kevätkešäštä, vain ei ennen Lehti-Iivananpäiviä, šitä ennen ei šuanut varpoa veičellä ka-tata.

(KKS, III, s. 46)

Ennen Lehti-Iivananpäivyä ei šua lehtijä rauta-aseella taittua, vain käsillä.

(Hautala, 1982, s. 254)

Iivananpäivöä vassen tuotih lehtikerppu joka pirtin čuppuh. Siitä ruvettih lehtie leikkoamah vasta, ennen ei soanun leikata. Se oli Lehti-Iivananpäivä. Sanottih jotta meččä on niinkun rosenčča kun ennen leikatta-neh.

Sanottih jotta ennen Iivananpäivöä ei ois pitän seäk-sie tappoa yhtänä; ennen Iivananpäivöä kun seäk-sen tappo ni siekla lisäyty moailmah. No siitä kun Iivanan-päivä sai jälellä, siitä siekla puoleni kun yhen seäk-sen tappo.

**07.07 (24.06) — Иванов день, летний Иван,
Лиственный Иван**

Как нет лета до Иванова дня, так и зимы нет до Рождества.

(Salmi — Салми)

Если в Иванов день идёт дождь, то на ягодах и зер-новых образуется ржавчина.

(Jyškärvi — Юшкозеро)

Если летом в Иванов день идёт дождь, то этой осе-нью будет много пластинчатых грибов, а если будет светить солнце, погода будет сухая, то в этом году не будет пластинчатых грибов.

(Sel'gi — Сельги)

Не бывает Якова без зерна, Иванова дня без колоса.

(Suistamo — Суйстамо)

С Иванова дня солнце на зиму, погода на лето.

(Suojärvi — Суоярви)

За вениками ходили в начале лета, но не раньше Иванова дня, до этого времени нельзя было срезать ножом ветки.

(Kontokki — Контокки)

До Иванова дня нельзя срезать и ломать ветки же-лезными орудиями, можно только руками ломать.

(Uhut — Ухта-Калевала)

Накануне Иванова дня приносили связку берёзо-вых прутьев с листьями в каждый угол избы. Только после этого начинали резать веники, до этого нель-зя было. Это был день Ивана Лиственного. Говори-ли, что лес как роженица, если раньше будут резать. Говорили, что до Иванова дня нельзя было убивать ни одного комара; если до Иванова дня убил кома-ра, то прибавится решето комаров. А после Ива-нова дня решето комаров убавится, если убьёшь одного комара.

Iivananpäivöä vassen konstuitih lutikoilla. Loajittih semmoni hyvin pikkaraini niinkun lapsen kisattava veneh. Siitä pantih siihi aivot ta huoparit niinkun puitto konsanahki veneheh, ta i purjeh pahtih valkie. Siitä ruskieh ripakkoh kolme yheksöä lutikkoa pantih sihi kerättih. Siitä pantih sihi veneheh ne lutikat ta vietih järveh. Siitä se viejä eänellä itki vielä jotta:

Koalelkoa kajon ruttosih,
elkää kajon olovikse aijoikse mänköä,
jottei kajon suuret ikäväiset
kajon koaleltais ta kajon assuksenneltais!

Niillä kun piti vastahakoa itkie! Niin miun ämmö se itki, jällelläh kučču. Kun kaksi henkie piti olla viemässä, nin heän otti miun toisekse. Mie kun siitä ymmärrin hänen itkusanat mie sanon jotta: ”No mikse sie niitä jällelläh kučut?” — No heän rupei siitä kovin nakramah jotta kun mie ymmärrin jotta mitä heän itki. No siitä myö nin nakroma jotta siihi tipahtima pitäkseh molommat, pitkäpivuttah ihan oikenima.

Siitä sanou se ämmö kun selkisi jotta: ”Annahan” sanou, ”nakratit nin nyt ei läheta” sanou, ”lutikat, kun nakroma!” — Siitä ne kuitenkin läksi. Ne nin meälyssäh mäntih ta niin myö vain niistä eris peäsimä.

Sitä pit’i vielä varottoa jotta ei virkkoa i mitä jotta ”Jo matkoau lut’ikat!” Ne jällelläh ois myössytty.

Siitä jos ken lienöy löytän sen venehen, ta kaččon siihi veneheh, nin siitä venehestä ne lutikat kriesiyvyttih sillä kaččojalla taloh.

(Virtaranta, 1958, s. 590)

Meilä leikattih kerppuja ta tuotih pirttih. Aina nurkkih pantih. Lehtikerppu leikattih a teälä (so. Suomessa) pannah Iivananpäivöä vassen koivuja pystyh. A meilä kerppuja leikattih ta pantih nurkkih tuonne, pirttih.

— Joka nurkkah?

No ken pani joka nurkkah ta ken toi yhen. Ta riivittih siitä lauččojen alla siitä leht’ie sinne pantih. Meilä kun oli laučat pirt’issä nin sinne lauččojen alla pantih, siitä riivittih — ka ei kaikissa, ka toisissa riivittih. Tuskin heän kaikissa tuotih sitä i leht’ikerppuo! Myö aina kun

Накануне Иванова дня с помощью колдовства избавлялись от клопов. Делали очень маленькую, как детскую игрушку, лодку. Как в настоящую лодку, клали туда вёсла и кормовое весло и белый парус. В красную тряпочку собирали 27 клопов. Потом клали этих клопов в лодку и отвозили в озеро. Отвозившая ещё и причитывала так:

Поспешите прийти поскорей,
не уходите на веки вечные,
чтобы большие печалюшки
не пришли и не настигли!

Нужно было причитывать неверно, наоборот! Так моя бабушка причитывала, назад звала. Так как отвозить надо было двоим, она меня взяла второй. Я как поняла её слова причети, так спрашиваю: «Зачем ты их назад зовёшь?» Она стала очень сильно смеяться, что я поняла, что она причитывала. Мы так смеялись, что обе тут и легли, вытянулись на спине во всю длину.

Потом бабушка, как отошла, сказала: «Дай,— говорит,— насмешила так, что они теперь не уйдут,— говорит,— клопы, раз мы смеялись!» Но они всё-таки ушли. Они такой большой кучей ушли, и мы от них избавились.

Нужно было ещё предостеречь, чтобы ничего не говорили, что «уже идут клопы!» Они могли бы вернуться назад.

Потом, если кто находил эту лодку и заглядывал в неё, то клопы из этой лодки упаковывались в ответ в дом к заглядывавшему.

(Tollonjoki — Толлорека)

У нас резали веники и приносили в избу. Всегда в углы клали. Связку берёзовых прутьев с листьями, а здесь (в Финляндии) накануне Иванова дня ставят берёзки. А у нас веники резали и клали в углы туда, в избу.

— В каждый угол?

— Кто-то клал в каждый, а кто-то приносил один. Да рвали листья и клали потом под лавки. У нас в избе как были лавки, так под лавки клали, не везде, но некоторые обрывали листья и клали. Вряд ли

olima sielä mečäl likellä nin myö toima. Ta riipimä sinne lauččojen alla. Meilä kun oli sielä Karjalassa laučat semmoiset leviet, kaikissa (taloissa), sinne lauččojen alla riipimä siitä Iivananpäivöä vassen niitä lehtie.

(Virtaranta, 1958, s. 591)

Ennen Lehti-Iivananpäivyä ei pie tuuvva heinyä pirttih eikä kukkua. Lapšet još tuuvvah, niin heti pitäy vetyä ne pihalla, sillä niijen mukana tulou kaikki paha, syöpäläiset, karpäset, pitkänenät ta kaikki. Ta kun tulta isköy ukkosen ilma, niin niih huonehih paremmin isköy, kumpasih on heinyä tuotu. Ei ennen Iivananpäivyä pitäis mitänä heinyä liikuttua. Jälkeh kyllä šuau tuuvva. Heinän pitäy antua rauhašša kašvua, še on šiiitä täyši Iivananpäivän yönä. Još ennen Iivananpäivyä leikkua veičellä lehtie, niin meččä liikkuu paremmin, ta karja rupieu mänömäh alaspäin, još antau niitä lehtijä karjalla. Iivananpäivänä tuuvvah ympärä šeinän lehtijä pirttih. Šiiitä lutikat lähetäh pois pirtistä.

(Hautala, 1982, s. 254)

Vaštat loajitah rauvuškoivušta.

(KKS, VI, s. 519)

Ohtajaiset pellošta hävitäh, kun Iivananpäivän yönä kerätäh yhekšän ohtajaisen juurta ta sivotah ne yhteh kassarihmalla. Šiiitä luajitah lepäštä puntarin tapaini ta alletah punnita niitä. Muu talon väki herätetäh ta nauraen ta meluten šanotah: ”A voi kun ollah jykiel!” Muu väki nakrau myöš ta muka ihmetellen päivittelöy niijen painavuutta.

(Hautala, 1982, s. 236)

Nuotalla käydii Iivananpäivyä vaššen, yöllä osoobenno. Šinä yönä kai veräjät avauvutah kalalla. Kalua puuttuu äijä.

(Степанова, 2000, с. 275)

в каждый дом приносили и веник! Мы как были всё время рядом с лесом, так приносили. Да рвали листья [и клали] под лавки. У нас в Карелии как были широкие такие лавки во всех домах, то накануне Иванова дня рвали листья [и клали] под лавки.

(Tollonjoki – Толлорекка)

До Иванова дня не надо приносить в дом травы и цветы. Если их принесут дети, то сразу же надо вынести их на улицу, потому что вместе с травой и цветами в дом приходит всё плохое, паразиты, мухи, комары и т. п., и когда будет молния в грозу, то она, скорее всего, ударит в те дома, куда принесли траву. До Иванова дня не надо бы трогать никакие травы. После можно приносить. Траве надо дать вырасти в покое, тогда она наберёт полную силу в Иванову ночь. Если до Иванова дня срезать ножом ветки, то растревожится лес, и стадо будет убывать, если скот кормить этими ветками. В Иванов день в избу приносят ветки и укладывают вдоль стен. Тогда из избы выведутся клопы.

(Vuonnini – Войница)

Веники делают из бородавчатой, повислой берёзы.

(Kontokki – Контокки)

Осот не будет расти на поле, если в Иванову ночь собрать корни от девяти растений осота, связать их вместе верёвкой от косаря. Потом из ольхи делают что-то наподобие весов и начинают взвешивать эти корни. Всех остальных обитателей дома будят и, смеясь и шумя, говорят: «Ой, какие тяжёлые!» Все остальные смеются и, как будто удивляясь, переживают, что эти корни так много весят.

(Vuokkiniemi – Вокнаволок)

Накануне Иванова дня, особенно ночью, тянули невод. В эту ночь для рыбы все ворота открыты. Рыба хорошо ловится.

Kun hyvin kala puuttuis — pidäy suorita kalaštuas's'a riibuškavuatteih.

(Степанова, 2000, с. 272)

Yheksät veriät avavutah kalamiehile Iivananyönä.

(KKS, I, s. 427)

Ta Iivananpäivän yönä lehmijä katehuitih. Jotta niistä siitä niinku se maito kato, tahikka joku tuli sillä leh-mällä. Jotta sitähän piettih niin pahana sielä sitä Iiva-nanpäivän yötä Karjalassa.

(Virtaranta, 1958, s. 592)

Iivananpäiviä vaš tytöt kerättih kukkie, kylbiettih ku-killä.

(СКЯ тв, с. 68)

Iivananpäiviä vaste tuldu poltetah mägilöil ijän kaiken, kokil ollah.

(KKS, I, s. 426)

Iivananpäiviä vaššen toko ečittih uarehie.

(СКЯ тв, с. 328)

Lehti-Iivananpäivän ta Petrunpäivän välillä on ruajun veriät kahallah.

(KKS, III, s. 46)

Ei pie kägöin kukutun lehten vastal kylbie (lehtes puo-li on ruskei).

(KKS, VI, s. 519)

Tyttärillä lempie noššettih Lehti-Iivananpäivä vaste.

(KKS, III, s. 60)

Iivanan da Pedrun välil'l'ä kävel'dii kaššetta kualamaa, järvie kyl'vet'ää, kaššetta siel'd'ä kerätää, da pessää, l'embie noššetaa, štobi brihat kizautettaiz, l'uubittaiz da, mänet niijen brihojen ruišpelduo qualat da siel'd'ä

Чтобы рыба хорошо ловилась, надо на рыбалку одеться в рибуши.

В Иванову ночь рыбакам открываются девять во-рот.

(Tunguo — Тунгуда)

В ночь на Иванов день наводили порчу на коров. У них пропадало молоко или случалась какая-нибудь неприятность с коровой. Поэтому там, в Каре-лии, Иванову ночь считали такой плохой.

(Akonlahden Kuikka — Куikka)

Накануне Иванова дня девушки собирали цветы, парились цветами.

Накануне Иванова дня всегда зажигают ивановские костры на возвышенностях, собираются на костёр.

(Siämärvi — Сямозеро)

(Вариант: KKS, II, s. 286, Suojärvi)

В канун Иванова дня обычно искали клады.

Между Ивановым и Петровым днём ворота рая от-крыты.

(Kiestinki — Кестеньга)

Не надо париться веником, сделанным из веток, на которых кукушка куковала (у листьев одна сторона красная).

(Siämärvi — Сямозеро)

Девушки поднимали лемби накануне Иванова дня.

(Kontokki — Контокки)

Между Ивановым и Петровым днём ходили в росе ка-таться, в озере купались, росу собирают да умываются, лемби (девичью «славучность», эротическую при-влекательность. — *Прим. сост.*) поднимают, чтобы

kaikkie pl'et'id niid'ä rugehie.

(*Конкка, 1980, с. 111*)

Lempi nousou kun Iivananpäivyä vaššen yöllä otetah kolmešta yheksäštä kolmišuaraisešta männyštä keškimmäiseštä šuarašta puuta ta lämmitetäh niillä kyly. Šiitä otetah yheksäštä koivušta oksua ta luajitah niistä vašta, otetah kolmešta košešta ta kolmešta lähteheštä vettä ta šiitä kylvetäh. Vien loppu vietäh järelläh koškikh ta lähtehih, kumpasista otettih.

(*Hautala, 1982, с. 244*)

Muurazmättähie poltettii. Pannaa tuli muurazmättähieh. Yöl'l'ä, yö'l'l'ä, yö'l'l'ä. Mečässä. Peldoloilla män'n'ää, kušša siel'ä ruataa niid'ä, siel'ä i poltetaa. T'ytöt poltettii. Ei pojat. Pojilla on lembi nošsettu kaikella aigua.

(*Конкка, 1980, с. 114*)

Iivananpäivän aiga ku tulou, mängeä, šanou, t'yt'öt, Pustavašša on brihoa, šanou, neičyt't'ä ei oo. Mängeä sen talon peldoloissa, ruišta plet'ikkeä, kaššoa, šanou, rugehee pangoa, šanou sid'ägo, sivokkoa l'entat, kel'l'ä ku kašša se hoaronnou, no ni se sin'ä vuodena miehel'l'ä mänet't'ä.

Otakkoa mängeä butilkat, šanou, dani mängeä t'iešoaralla Hebovoaralla, dani pangoa t'iešoaraa muurazmät't'ähää butilkan da sidokkoa omat l'entat kaikki siih gorliškaa, meil'ä n'euvvou. Myö l'äksimä, butilkat ottima, mänimä t'iešoaralla, vaššat kartoamma, a Pedrun šuovattana, šanou, tuotta siel'dä da kyl'yy käyt't'ä niil'l'ä vassoilla, ruvetaa, šanou, brihat kižauttamaa. Myö mänimä dai butilkat n'e panima sinne ruoppahaa dai kod'ii tulima.

Huomuksella lähemmä Šalmii hein'ä'l'l'ä, kymmenen virstoa sin pid'äy män'n'ä suoloista poikki sin hein'äl'l'ä, Pašša dai mie lähemmä sin Šalmee hein'äl'l'ä. Mie ku Šalmee hein'äl'l'ä mänin, a ku

парни приглашали на игры и танцы, чтобы любили. Пойдешь да во ржи в полях этих парней в росе катаешься, да всякое там заплетаешь, в этой ржи.

(*Jouhvuara — Евгора*)

Лемби поднимется, если ночью перед Ивановым днём взять с трёх девяти (с 27) трёхствольных сосен со среднего ствола дров и истопить ими баню. Потом взять ветки с девяти берёз и сделать из них веник. Из трёх порогов и трёх родников взять воды и вымыться ею. Остатки воды отнести обратно в пороги и родники, откуда вода была взята.

(*Akonlahti — Аконлакши*)

Жгли муравейники. Ночью в лесу подожгут муравейник. На поля когда пойдут, где всё это делали (кувыркаются в росе и прочее), там и жгут. Девуцы жгли, не парни. У парней лемби и так всё время поднята (случаи «поднятия лемби» у парней тем не менее известны в Карелии, Финляндии и Эстонии. — *Прим. сост.*).

(*Šobene — Чёбино*)

Время Иванова дня как придёт, идите, говорят, девушки — в Пустава парни есть, а девиц нет — идите в поля того дома, плетите рожь, косы заплетите во ржи, потом заплетите (в косах) ленты, у кого коса раздвоится, та в этот год замуж выйдет.

Возьмите, говорят, бутылки и идите на развилку дорог, на Хебовуара, да вставьте бутылки в муравейник у развилки и привяжите все свои ленты к горлышкам бутылок этих — нам советуют. Мы пошли, бутылки взяли, пошли на развилку, веников наломали, а в Петровскую субботу, говорят, принесёте оттуда да в баню с теми вениками пойдите, так будут, говорят, парни вас приглашать на игрищах. Мы пошли, да бутылки положили в муравейник и домой пришли.

Утром отправляемся в Салму («салма» — пролив) на сенокос, десять вёрст туда надо идти через болота, а комаров — дышать нельзя! Я отцу говорю: «Я не буду здесь комаров кормить, пошли-ка луч-

Iivananpäiviä vaste tuldu poltetah
mägilöil ijän kaiken, kokil ollah.

Накануне Иванова дня всегда
зажигают ивановские костры на
возвышенностях, собираются на
костёр.

čakkoa, ni ei šoa hengit't'ëä. Mie šanon tatalla: "Mie t'ässä en rubie čakkoja syöt't'ämää, l'äkkä vai kod'ii pois". Tata šanou: "An'uttaženi, kuin kai peat'inčää šoa olemma, dai lähemmä Pedrulla Jouhoaraa, šanou, tata hebožen val'l'aštai, lähemmä hebožella Pedrulla Jouhoaraa. Mie ku tulin kod'ii da huomuksella šuovattana pid'äy lämmit't'ëä kyl'y dai läht'ie pid'äy, mie mänin dai omani butilkan sen otin siel'dä, ni miun butilkassa t'ämän verda oli vajoa, muurahaista, a Paššan oli butilkka täyzikkäne, Paššan butilkka, a ku l'entat ni, muurahažet kustu kai oli yn'n'ää svet pot'er'alis. A An'nin sen Poton An'n'in oli ni vasta vielä puoli butilkkoa oli, a Pašša se, možet, oli prauda, Pašša mäni sin'ä vuodena miehel'l'ä, a mie mänin toissa vuodena. Kyl'yy käymmä, dai An'n'i baba, muiššan, kyl'vet't'äy lauvoilla, ni ku mänimä Pedrun Jouhoaraa, ni ku siih šoaten kižautettii, ni kaheksin brihoin yht'ee kandrelii kižautettii.

(Конкка, 1980, с. 114)

Tytön muamo viebi tytön Iivananpäivän yönä kenengi nägemättä rugeheh. Tyttö jaksavuu da heittäy sovat rugeheh. Sit alasti kualelou rugehes, ku suabi kastetta selgäh. Sit lembi nouzou. Muamol on toizet, puhtahat sovat kainalos. Tyttö šuorivuu niih sobih, a endizet jätetäh rugeheh kolmekse päiväke. Nyt muamo kirguau kolme kerdua: "Yheksä kerdua enämbi nyt mielidykkiä nuoret miehet, kui ennen!"

(Hautala, 1982, s. 243)

— Iivananpäivy piettih joga kyläs, se oli proazniekku joga kyläs, a juhlahat piettih kai matkattih sinne rahvas sinne Lamminselläl Iivananpäiväh. Händy kaikkien proaznuittih, a joga kyläs od'd'el'no.

Iivananpäivy se oli Lamminselläl. Illoil bes'odat laittih, tansit, bes'odat. Sit yöl lähtiettih tuldu poltamah. Laittah, mennäh korgiel mäil, sit nečidägoi, tuli laittah suuri-suuri kostru, sit peäliči hänes hypitäh, neidizet da brihat lembie nostetah. Ellendätgo?

— No, no, no.

— Lembie nostamah, dai myö tyttönny olles kävyimö

ше домой». Отец говорит: «Анюта, вот только до пятницы побудем и поедем на Петров день в Евгору. Лошадь запряжём и поедем в Евгору». Я как пришла домой — а утром надо затопить баню и отправляться — я пошла и свою бутылку взяла оттуда. В моей бутылке вот столько (немного) не хватало (до полной) муравьёв, а Пашина бутылка полнёхонька была, а ленты — так они от муравьиной кислоты совсем цвет потеряли. А у Анни, той, Потон Анни, только ещё полбутылки было, а Паша, может, и правда это, Паша вышла замуж в том году, а я на следующий год вышла.

В баню сходили, помню, что бабушка Анни нас парила на полке. А как поехали на Петра в Евгору, так до того приглашали нас на танцах, что по восемь парней бывало за одну кадрили приглашающих.

(Роаеп — Паданы)

Мать девушки в Иванову ночь отводит дочь незаметно для всех на ржаное поле. Девушка раздевается и кладёт одежду в рожь. Потом раздетая катается по ржаному полю, чтобы роса намочила спину. Так лемби поднимется. У матери наготове сухая одежда под мышкой. Девушка переодевается в сухую одежду, а старую оставляют на ржаном поле на три дня. Теперь мать кричит три раза: «В девять раз больше прежнего влюбляйтесь, молодые мужчины!»

(Suistamo — Суїстамо)

— Иванов день праздновали в каждой деревне, это был праздник в каждой деревне, а праздники проводили, все люди шли туда, в Ламбисельгу на Иванов день. Его все праздновали, в каждой деревне отдельно...

Иванов день был в Ламбисельге. Вечерами бесёды устраивали, танцы, бесёды. Потом ночью шли огонь жечь. Сделают, пойдут на высокую гору, делают огонь, большой-большой костёр, потом через него прыгают, девушки и парни лемби поднимают. Понимаешь?

toze Rupčoih Iivanan yöl. Joga kyläs käydih lembie nostamah. Peäliči tules hypimmö, sit vai kapsahutammo. Sit vai koputus menöy. Brihat dai neidizet.

— Oligo suuri tuli?

— Suuri, suuri tuli. Menemmö suurel mäil da sit.

— Se tytöt vai?

— Tytöt, dai pojat, kai.

— Kaikki?

— Kaikki.

— A mih aigah? Yöllä vai?

— Yöl, yöl, keskiyön aigah, kahtentostu aigah. A Lamminselläl vit' joga vuottu sie piettih tože sie oli mägi suuri dorogal poltettih kostroa. Se ennen oli moine moodu. A nygöi nämin vuozien jo eule, ei kävvä, a ennen oli. Vie myö tyttönny olles vie kävyimö tyttönny olles.

— A muččoinu olles?

— Muččoinnu en. Ei pidänyh lembie nostoa. Se Iivanan päivän yöl. A sit gu tulou Iivananpäivy, päivy se, juhla, proazniekkupäivy, sit šuuriemmo kaikkien, sid menemmö Lamminselläl, kunna se on proazniekku. Dai toizet proazniekat muga on. Sit menemmö sinne huondekses ajammo proazniekkah. Sie ollah bes'odat, sie, kačo, omoa on kaikkial. Sit bes'odas olemmo päivän da ildubes'odu vie laittah, päivybes'odu. Tansuičemmo brihoin, neidizien kel. Illal uvvessah ildubes'odu laittah, da tože kävyimmö sinne tansiloih. Sit kodiloih järilleh yöl.

— Kävyittögo kirikköh?

— Kirikköo sih aigah, mejän aigah, euluh. Kiriköt johäi kai hävitettih.

— I časovnat?

— Časovnat seizottih, ga ei časovnah käydy, sie eigo olluh midä. Časovnah ei käydy sil aigoo, eigo olluh pappiloi, papit jo kai tožo... Mejän aigah, konzu myö tyttönny olimmo, euluh sidä mooduu, štobi časovnah kävvä. Net kai hävitetyt oldih.

— Midä vuottu sinä olet?

— Minä olen tritsaatoidu vuottu.

— A etgo musta konzu loputettih se tulen poltandu da...? Minnä vuodena?

— No minä vie tyttönny olin, vie, kačo, vie vähäizel, nečidägoi, käydih. Myö kävyimö.

— Но, но, но.

— Лемби поднимать и мы, будучи девушками, тоже ходили в Рубчейлу в Иванову ночь. В каждой деревне ходили лемби поднимать. Через огонь прыгаем, только притопываем. Тут только стук идёт. Парни и девушки.

— Огонь большой был?

— Большой, большой огонь. Пойдём на большую гору и там.

— Это только девушки?

— Девушки, и парни, все.

— Все?

— Все.

— А в какое время? Ночью?

— Ночью, ночью, в полночь, в двенадцать часов. А в Ламбисельге ведь каждый год проводили, там тоже была гора большая, на дороге жгли костёр. Это раньше такая мода была. А теперь, в нынешние годы, уже нет, не ходят, а раньше было. Мы, ещё будучи девушками, ходили.

— А будучи молодухами?

— А молодухами нет. Не нужно было лемби поднимать. Это в ночь на Иванов день. А как настанет Иванов день, этот день, праздник, праздничный день, то все соберёмся, идём в Ламбисельгу, где этот праздник (престольный. — *Прим. сост.*). И в другие праздники так. Туда едем с утра на праздник, там, смотри, везде родня. Потом на беседе день проводим, да ещё устроят вечернюю беседу, дневную беседу. Танцуем с парнями, девушками. Вечером снова вечернюю беседу устроят, тоже туда на танцы пойдём. Потом обратно домой ночью.

— В церковь ходили?

— В то время, в наше время, церкви не было. Церкви уже все ликвидировали.

— И часовни?

— Часовни стояли, но в часовню не ходили, там не было ни икон, ничего не было. В часовню не ходили в то время, и попов не было, попов уже всех тоже... В наше время, когда девушками были, не было такой моды, чтобы в часовню ходить. Они все уже ликвидированы были.

- Voinan jälgeh?
 - Voinan jälgeh, da, vie sie endisty akat gu meile kerrottih da kai lähtemmö sinne Iivananpäivän poltamah... Nenga sanottih, što kokkoa poltamah, vai kui lienne sanottu.
 - No, kokkuu poltamah.
 - Kokkuu poltamah. Sit järgieh jo, naverno, i loppietih. Jälles voinoo vie vähäine sie oli, jälles enämbi ei olluh. Ennen, kuni minä mieheli menin, ga ennen loppevuttih.
- (Лавонен, Степанова зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3264/1)*

Kudžoimätäs Viendöi ku tulou Iivananpäivy kačo kezäl, Iivananpäiviä vaste mennäh tulel. Azutah tuli mäil i sit tules piäliči hypitäh. Tules piäliči hypitäh, sit löytäh kudžoimätäs, kudžoimättähäh pannah dorogurandoih lentočku, muilu pannah, peitetäh sinne, sit sie pietäh Pedrunpäivässäh. Pedrunpäivässäh pietäh, Pedrunpiän aigah otetah, Pedrunpiän, sit muilal ruvetah hyö pezemäh silmii pyhinpäivin da pruažniekkoin, i lentočku se kassah pannah, nu i toiči pannah vetty sine butilkah, niil pezetelläh silmii kui lugietah, meil oli D'akan Var'oi, minä iče en d'vo voinnuh, ga ”kui kudžoit kerävytäh, kačo, lentočkah ymbäri da nečih muilah, muga brihat minuh ymbäri kerdyttähes”. Hoi hospodi.

(Näytteitä karjalan kielestä, 1994, s. 274)

Kassepizarehie kerätäh Iivananpäivän i heinänladvoi myö robehista vejelläh, huondekseh aigazeh, butilkazeh ruokkoh, sanotah: pädöö kibieh.

(KKS, II, s. 88)

- Какого ты года?
 - Я тридцатого года.
 - А не помнишь, когда закончили жечь костры? В каком году?
 - Но я ещё девушкой была, так ещё, смотри, немало ходили. Мы ходили.
 - После войны.
 - После войны, да, ещё о прежнем нам женщины рассказывали, да все пойдём туда в Иванов день жечь. Так говорили, что кокко жечь, или как-то так говорили.
 - Но, кокко жечь.
 - Кокко жечь. Потом, наверное, вскоре и закончили. После войны ещё немного там было, после больше не было. Раньше, до того, как я замуж вышла, раньше уже закончилось.
- (Jovenkylä – Улялега)*

Муравейник, как настанет веяндёй (время между Ивановым и Петровым днём) летом, накануне Иванова дня идут на костёр. Разжигают костёр на горе и прыгают через огонь. Прыгают через огонь, потом находят муравейник, в муравейник со стороны дороги кладут ленточку, мыло кладут, прячут туда, потом держат там до Петрова дня. До Петрова дня держат, в Петров день забирают, в Петров день, потом мылом умываются по воскресеньям и праздникам, и ленточку в косу заплетают, ну, и иногда воду в бутылке туда кладут, этой водой умываются и приговаривают. У нас была Дякан Варёй, я сама уже не могла, так «как муравьи собираются вокруг ленточки и этого мыла, так и парни пусть собираются вокруг меня». Ой, Господи.

(Rurčoi – Рубчейла)

В Иванов день рано утром собирают росу, проводя берестяным кузовком по вершинкам травы. Росу хранят в бутылочке, говорят, она обладает целебной силой.

(Suojärvi – Суоярви)

Iivanan yön'ä ei muattu t'yt'öt. Kai rugehet kualedii. Kaššetta kerät'tii, lembie noššettii./Kunne kaššetta kerät'tii?/Iččeh. T'yt'öt kyl'bömää män'n'ää, brihad män'n'ää sobat otetaa. (T'yt'öt) juokšennellaa, toizee puolee dorogaa sobat l'öyvvet'ää. Yöl'p'ä obezaatel'no, päiväne rubieü noužomaa, siid'ä män'n'ää kyl'bömää. Iivananpäiviä vasse. Iivananpäivän suovattana koivuvaššat šuahaa. Pannaa raznoida svetua sinne, hein'äsvetoja.

Iivananpäiviä vasse myö mänimä sielä, kussa on brihua, da brihan peldoloista toimma siel vil'l'ua, ruista, libo midä, ni siel' katoimma olgilo, da svetočkazie, da kyl'yl'öi l'ämmitimmä yöl da, pezevyimmä da. No, da siit kululoi venehie polt'imma, pialičči hypimmä, niis ven'ehis tulda piemmä keskidorogal. Venehet vanhalla sohran'ajjaa, kuivetaa, štobi Iivanan yöksi, da Pedruo vasse toože. Ni se meilä oli sv'ätkät moizet, sv'ätkät.

Muila oli miula, ni sinne panin, miun muamo käski, hobiezen den'gan sinne upot'in, oli pandu keskee, ni sid'ä emmä ole ottanut yn'n'ää, n'eičysaijassa, no ni kizautettii, da zenihhiä äijä oli miula, kymmenenel brihal mänin, raukkazeni, aino kožit't'ii.

(Конкка, 1980, с. 115)

Lembivastu laitah Iivananpäiviä vas tiešuarois, yhek-säs koivus, kylbehyö vedeh lykätäh libo kylyn levöl.

(KKS, III, s. 60)

Lembivastu laitah koivus, kudai on kudžoimättähäs, sil kylbietäh, sit Pedrunpäivänny poltetah.

(KKS, III, s. 60)

Kai vastat, kudamil työt kylbevyttih vuvven aijan, kerätäh Iivananpäivän yökse, poltetah net tiešuaras da hypitäh yliči tulen.

(Hautala, 1982, s. 252)

В ночь на Иванов день девицы не спали. Во всей ржи перевалялись. Росу собирали, лемби поднимали./Куда росу собирали?/В себя. Девицы купаться идут, а парни платья у них прячут. Девушки бегают (одежду ищут), на другой стороне дороги находят. Ночью, обязательно, как солнышко начнёт вставать, идут купаться. В субботу Иванова дня (в канун) берёзовые веники ломают. Разные цветы трав в веники кладут.

В ночь на Иванов день мы с полей парней приносили злаки — рожь там или чего, да там (в полях) ломали стебли и цветочки рвали, да бани топили ночью и мылись. Ну, да ещё старые лодки жгли, посреди дороги прыгали через эти горящие лодки. Раньше лодки сохраняли, их высушивали, чтобы [сжечь] на Иванову ночь и в ночь на Петров день тоже. Это у нас такие Святки были.

Вот у меня было мыло, так я в него вставила, мать мне велела, серебряную монету туда утопила в середину [куска]. Так потом так и не снимали, пока в девичестве была. Ну, и приглашали всегда меня [парни на играх], да и женихов много было у меня, за десятого, голубушка, жениха только вышла, постоянно сватали.

(Čobene — Чёбино)

Веник для поднятия лемби делают накануне Иванова дня из веток, собранных на росстанях, с девяти берёз. Попарившись, бросают в воду или на крышу бани.

(Suojärvi — Суоярви)

Веник для поднятия лемби делают из веток берёзы, которая растёт в муравейнике, им парятся, в Петров день сжигают.

(Siämärvi — Сямозеро)

Все веники, которыми девушки парились в течение года, собирают в Иванову ночь, сжигают их на росстанях и прыгают через огонь.

(Siämärvi — Сямозеро)

Kokkii polttajes kohendetah hiillos hyvin, ku ei jäs kegälehty. Min verdu kegälehty jïäy, sen verdu vahnuu neijisty jïäy kyläh.

(Hautala, 1982, s. 252)

Tyttölöin paidua piettih enne kolmennu yönny Iivanapäiviä vaste kudžoimättähäs. Iivanapäivän huondeksel paidu otetah kudžoimättähäs iäre, da tyttö suuu panna sen piäle kokile mennes. Nygöi tyttö on kokil olles arvokas, lemmekäs da huomattu.

(Hautala, 1982, s. 244)

Iivanapäivän huondeksel kastepizarehii lemmekse kerätäh, sit niilöil silmii pestäh, sit lembi nouzou.

(KKS, III, s. 60)

07.07 (24.06) — 12.07 (29.06) — Viändöi, Viändöinkeški, Viändie, Viänd

Veäntöinaika — aigu Iivanapäiväs Pedrunpäivässäh.

(KKS, VI, s. 581)

Iivanašta Pedrunpäiväh nagris kylvetäh i vaštat šuahah.

(Степанова, 2000, с. 272)

Viändienkežellä Iivanan da Pedrunpäivän välillä ei pie viikattehella, rauvalla leikata heinyä i lehtie, koivuo ei leikata. Vain riibimällä, nyhtimällä. Muiten tulou halla.

(Степанова, 2000, с. 275)

Meilä sanottih jotta Lehti-Iivanapäivän ta Petrunpäivän välillä on roajun veräjät kahallah. Silloin lähettih nuotalla kun oli Vetehisellä kala-aitat auki.

(Virtaranta, 1958, s. 592)

Когда жгут ивановский костёр, хорошенько поправляют угли, чтобы не осталось головешек. Сколько головешек останется в костре, столько старых дев будет в деревне.

(Sortavala — Сортавала)

В старину девичьи рубахи три ночи перед Ивановым днём держали в муравейнике. Утром в Иванов день рубаху доставали из муравейника, и девушка надевала её, идя на ивановский костёр. Теперь на костре девушка пользовалась большим вниманием и обладала высокой лемби.

(Sortavala — Сортавала)

Утром в Иванов день собирают росу для поднятия лемби. Ею умываются, тогда лемби поднимется.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рытушкалица)

07.07 (24.06) — 12.07 (29.06) — Вияндёй, летние Святки, период от Иванова до Петрова дня

Время Вияндёй — время от Иванова до Петрова дня.

Между Ивановым и Петровым днём репу сеют и венники заготавливают.

В летние Святки, между Ивановым и Петровым днём нельзя траву косой косить и ветви с берёзы ножом срезать (т. е. железными предметами). Срывать листья и рвать траву можно только руками. Иначе будут заморозки летом.

У нас говорили, что между Ивановым и Петровым днём ворота рая открыты. В это время тянули невод, потому что у Водяного были открыты рыбные амбары.

(Sohjanansuu — Софьянга)

Iivanašta Pedrunpäiväh nagris
kylvetäh i vaštat šuahah.

Между Ивановым и Петровым
днём репу сеют и веники
заготовляют.

Tulimadoizet Viändöin aigua
losnitah.

Во время летних Святков светлячки
сверкают.

Veändöinaigah kala kalpehtuu, ei tule.
(KKS, VI, s. 581)

Veändöinaigua kezoil ei pie mennä polvie syvembäks,
sanotah, vedehine ottau.
(KKS, VI, s. 581)

Tulimadoizet Viändöin aigua losnitah.
(KKS, VI, s. 281)

Tulimadoine yöl muas čilkettäy, ku olis šulkuzel paikal
tavata häнды, sit ardeheks muuttus.
(KKS, VI, s. 281)

Viändöinny kerätäh kadajan oksua da lepän varbua,
havvotah net hiilavil kivil, da nämil oksil sit havvo-
tah ruahtoastiet da lypsinrengit. Haudovezi juotetah
žiivatale.
(Hautala, 1982, s. 266)

Viändöinheiniä Pedrun da Iivanan välil kerättih suuret
tukut, da niidy žiivatale annettih.
(Hautala, 1982, s. 266)

Viändöinvoi — Iivananpäivän da Pedrunpäivän välil
pieksetty voi. Viändöinvoidu zel'p'akse laitah voidua
lehmien nännilöi. Kulkumuokkah pädöy kukoinvarbu
da viändöinvoi.
(KKS, VI, s. 581)

Viändöinsiigu — siigu Iivananpäivän da Pedrunpäivän
välil. Viändöinsiigu viändöin aigah kahahtah randah
tulou. Hevol piäčakas syötetäh viändöinsijan piädy
kuivattuu, jauhoks laittuu.
(KKS, VI, s. 581)

Viändöinaigah lembie nostetah neidizil da lutikkoi hä-
vitetäh pertilöis.
(KKS, VI, s. 581)

В летние Святки рыбы становится меньше, она не
ловится.
(Siämärvi — Сямозеро)

В летние Святки, купаясь, не надо заходить в воду
глубже, чем по колено, чтобы водяной не забрал.
(Suojärvi — Суоярви)

Во время летних Святок светлячки сверкают.
(Suojärvi — Суоярви)

Ночью на земле блестит светлячок. Если поймашь
его шёлковым платком, то он превратится в клад.
(Siämärvi — Сямозеро)

В летние Святки собирают можжевёловые сучья
и ольховые ветки, запаривают их на горячих кам-
нях, и этими ветками пропаривают подошники
и посуду для творога. Воду, в которой запаривали
ветки, отдают скотине.
(Tulejärvi — Туломозеро)

Между Ивановым и Петровым днём собирали
огромные охапки травы Вяндёй и скармливали её
скотине.
(Iomantsi — Иломантси)

Масло Вяндёй — масло, сбитое в период между
Ивановым и Петровым днём. Это масло использо-
уют как лекарство, им смазывают вымя коровы. От
боли в горле помогает шиповник и масло Вяндёй.
(Siämärvi — Сямозеро)

Сиг Вяндёй — сиг между Ивановым и Петровым
днём. Этот сиг во время летних Святок идёт к бере-
гу. Когда у лошади насморк, её кормят порошком из
высушенной головы сига Вяндёй.
(Siämärvi — Сямозеро)

В летние Святки поднимают лемби девушкам и вы-
водят клопов в избах.
(Siämärvi — Сямозеро)

Viändöintuli luajitah tiešuaroil da neidizet piäliči tules hypitäh, anna vahnat prizorat (tavvit) kai pakkuu iäre.
(KKS, VI, s. 581)

Viändöinaigah kastepizarehii kerätäh silmie kastoa lemmekse.
(KKS, VI, s. 581)

Viändöin välin aigah tytöt lohkotah kirikön libo časounan kelloloin reunis pienii muruzii, pannah net huavozeh da kanneltah tädä huavostu kormanis, ku heijän sluavu kuulus kui kirikön kellon iäni ymbäristös.
(Hautala, 1982, s. 266)

Viändöin aigah erähät tytöt alasti jaksetahes, vieretel-lähes brihataloin ruispellos, anna lembi nouzou.
(KKS, VI, s. 581)

Viändöin välil kylbietäh tytöt kukkuvastoil, ku lembi nouzis. Sil välil toizingi nostetah lembie tiedäjät puhujen da kylvettäjen kyllys.
(Hautala, 1982, s. 266)

Kogo viändöin välin aigu pietäh käziapaikkoi ikkunoin ulgopuolil kaikin, ku lembi liehus da nouzis.
(Hautala, 1982, s. 266)

— A sithäi Iivananpäiväspäi Pedrunpäiväs on Veändöi nazivajetsa. Sit Veändöin aigah čuudittih konzu ken midä: vereälöi salvattih neidizil, sit käydih neniigo pollettelmah pelvahii. Pelvahii polletellah yöl sie libo midätahto kylvöö. Sit sie gu čakatah hyvin, sit, kačo, neidizel lembi nouzou libo brihal. Meijän aigah vie sidä sobl'udaalos'.

- Käydihgo brihat da neidizet?
- Da, brihat da neidizet käydih.

Во время летних Святков жгут костёр Вяндёй на росстанях и девушки прыгают через огонь, чтобы старые болезни отступили.
(Siämärvi — Сямозеро)

В летние Святки росу собирают, чтобы умываться для поднятия лемби.
(Siämärvi — Сямозеро)

В летние Святки девушки откалывают от краёв церковных колоколов маленькие крошечки, кладут их в мешочек и после этот мешочек носят в кармане, чтобы слава о них разносилась так же далеко, как звук колокола в окрестностях.
(Korbiselgä — Корбисельга)

В летние Святки некоторые девушки раздеваются догола, катаются в ржаном поле того дома, где живут парни, чтобы поднять лемби.
(Siämärvi — Сямозеро)

В летние Святки девушки прячутся венками из цветов, чтобы поднять лемби. В это период знахари поднимают лемби и другими способами, заговаривая и паря в бане.
(Suistamo — Суïстамо)

На протяжении всего периода между Ивановым и Петровым днём с внешней стороны окон все вывешивают полотенца, чтобы лемби развевалась и поднималась.
(Tulejärvi — Туломозеро)

— А потом от Иванова дня до Петрова было, Веяндёй называется. Во время Веяндёй чудили кто чего: двери у девушек закрывали, ходили вытаптывать лён. Лён ночью вытопчут или другие посева. Потом как отругают хорошенько, так лемби у девушки поднимется или у парня. В наше время это ещё соблюдалось.

- Парни и девушки ходили?
- Да, парни и девушки ходили.

— A sinä iče käidgo?
 — Käin.
 — Oligo hyvä? Autoigo, nostigo lembi?
 — Minä muite olin lemmikäs, ei pidänyh nostoo. Minä olin lemmikäs. Minul oli poaroa, yhty L'ošoа oli kolme — L'oša nimillesty. Sikse oli neče, en olluh moine hyvä dai moine olin tiehoi, a minul oli brihoa, poaroa — brihoa gu koiran lihoa.
(Лавонен, Степанова зап. в 1991 г. от Сергеевой Н.И., ФА, 3264/2)

Šan'a-t'outan sanat lembeh niškoi. (Iče oli Kinelahtes-päi). Kezäsv'atkoin aigah konzuo on nouziju rodniekku, ezmäi sanuo sanat:
 Nouze, lembi, nostajes,
 Liiku, lembi, liikuttajes,
 Kirjavien kivyzien ual
 Ruskieloin vattieloin ual.

...
 Kirkokunnan kuuluvakse.
 Ottua malitun kere da viel rodniekaspäi silmii pestä da tukat.
(Огнева зап. в 1998 г. от Ивановой Л.С., НА, 173/93)

Mat't'i-diädysky tiedi vähäizen: žiivatat ku meččäh työnät, toiči ei tule lehmy kodih, ka hänellyö käydih. Häi sanoi, što pahan d'älgil'öis pielič on lehmy mennyh, pidäy kiänyttiä. Sit häi kiänyttämäh kävyi, dai löydyi lehmy. Koz vai häi kiänyttäy, sit lövvetäh. A enne sidä ei lövvetä: yöloin kaksin-kolmin on mečäs, häi sen tiedi žiivattoih niškoi vähäizen.
 Ilemmen nostandah niškoi... akku oli, tämä Makard'ouna. Häi tože vähäizen tiedi tyttärien kel, akku, Mat'in akku. Rinnal, meijän rinnal, El'midjärves, elmind'ärvil'äin oli. Tämä ku tulou migo kačo, viändöi. Pedrumpäivän da Iivanampäivän keskučal on viändöi, se on vägevin aigu, sit Iivanampäiviä vaste otetah vastu mečäs, da vie tiešuaroil, kolme tiešuarua kunne lähtöy, sit tiešuarois otetah koivun ladvaizet, kolme yheksiä koivun ladvas-tu pidäy ottua: yheksä koivun ladvastu tiešuaral, yheksä toizel, yheksä kolmandel vastah. Sit kyly kylbietäh, daže kolme kylyy kylbietäh.

— А ты сама ходила?
 — Ходила.
 — Хорошо было? Помогло, поднялась lembи?
 — Я и так была сладутная, не надо было поднимать. Я была сладутная. У меня пара была, одних Лёш было трое — по имени Лёша. К тому и было это, я не была такая пригожая да такая тихая была, а парни у меня были, пар — парней, как собачьего мяса.
(Jovenkylä — Улялега)

Слова тёти Саши о lembи. (Сама была из Кинелах-ты.) Во время летних Святков, когда ключ бьёт из-под земли, сначала произнести слова:
 Поднимайся, lembи, когда поднимают,
 Двинься, lembи, когда двигают,
 Под пёстрыми камешками,
 Под красными сукнами.

...
 Известной на церковный приход.
 С молитвой взять и водой из родника умыть лицо и вымыть волосы.
(Ut'arvi — Утозеро)

Дед Матти умел немного колдовать. Как выпустишь скотину в лес, иногда не вернётся корова домой, так к нему ходили. Он говорил, что корова перешла через следы нечистого, надо «вернуть». Он ходил «возвращать», и корова находилась. Как только он наговорит, найдётся [скотина]. До этого никак не могут найти: по две-три ночи находится в лесу, он умел немного насчёт скота.
 А как поднять девичью сладутность, знала бабка Макарьевна, жена Матти. Она тоже немного умела с дочерьми. Рядом с нами жила в Эльмитъярви, эльмитъярвская была.
 Как наступит Вяндёй, между Петровым и Ивановым днём Вяндёй, это самая сильная пора. Перед Ивановым днём в лесу, да ещё на развилке дорог, где развилка трёх дорог, берут вершинки берёзок; три по девять берёзовых вершинок надо взять, девять верхушек на одной развилке, девять на другой,

Nu olgah, hoz yksi kyly, Iivanampäiviä vaste kyly, Pedrumpäiviä vaste toine. I se vastu viijäh kudžoimättähäh. Sie keritetäh, kudai on varbaizeh sivottu sie, sie keritetäh, pystyölleh pannah kudžoimättähäh, sinne siiretäh tyvi, a ladvat ylähäkse diähäh. Sit kudžoit anna sit kavelläh. A se on hyvä, sidä minägi vein. Se on hyvä, hyvä, se on eule paha.

Hyö mondu dieluo tiettih, ga myö emmo tiedänyh ni midä sano nenga, myö olimmo tiedämättömät. Mat't'ilisto... žiivattu meččäh Iiennöy diänyh ga toizis kylispäi kai käydih, Mat't'i-d'ädyškäh sil: kiänytti häi... A sen vastan kui kudžoimättähäh viet, sie i on, et enämbi ota, et ota, sinne diäy, kudžoimättähäh. Sil vastal kolme kyly kylvet: Pedrunpäiviä vaste, Iivananpäiviä vaste op'at', otetah, yheksä rugehen tähkiä kolmes konnus: kolme tahkiä taloin peldolois, toine kolme toizen taloin peldolois, kolmas op'adi taloin peldolois — kolmen konnun tähkiä, yheksä tähkiä pannah vastah, Iivananbobua, Iivananbobaizet, ongo nygöi pihal Iivananbobua? Iivananbobua vastah pannah tože sil, kolme yheksiä tähkiä, Iivananbobua, kolme kyly kyl' bietäh, sit viijäh kudžoimättähäh, pystyölleh nenga pannah tyvi, vastu levitetäh, tyvi kudžoimättähäh, ladvat ylähpäi, sit anna (on). <...>

(Макаров, Рягов, 1969, с. 245–246, 273–274)

Viändienkezet (7.—12.07). Durakkua val'aiččima, rugehešša kävimä kataiččiuvuimma — unissa n'äggy ženihhä. Illalla mänimä, kahtehtoist'a šuate. "Kaššetta kualamma" rugehešša — Iivananpäivvyä vašše.

Lehtie pielukših pannah — koivun, huavan. Kun on ägie, pyyhit'äh/higi/paikkazeh. Lehet kiärit'äh ših paikkazeh i pielukših. Mid'ä unda ožuttau. A kun panet, ei pie ni mid'ä virkkua. Šiid'ä n'e lehet pid'äy panna rojilla kormanoh, peitočči, vain lehet. Jogahini omalla rojalla.

(Степанова, 2000, с. 270)

девять на третьей. Потом в бане парятся, даже три раза.

Один раз, допустим, перед Ивановым днём, второй раз перед Петровым днём. И этот веник уносят в муравейник. Прут, которым веник завязан, там развяжут, веник ставят стоймя в муравейник, черенок втыкают, а верхушки сверху остаются. Пусть муравьи ходят по нему. А это хорошо, я тоже относил веник. Это хорошо, хорошо, неплохо это.

Они много кое-что умели, а мы ничего не умели, незнающие были. Вот Маттилисто... если скотина осталась в лесу, так даже из других деревьев приходили к дедушке Матти, он «возвращал».

Как отнесёшь веник в муравейник, развяжешь завязку, так он и останется, не берёшь уже обратно, там остаётся, в муравейнике. Тем веником три раза парились: перед Петровым днём, перед Ивановым днём. Брали с полей трёх хозяйств девять ржаных колосьев, три колоса с поля одного дома, три с другого, ещё три с третьего, колосья с полей трёх хозяйств. Эти девять колосьев кладут в веник, ещё иван-чай кладут туда. Есть ли теперь иван-чай на дворе? Иван-чай тоже кладут в веник, девять колосьев [ржи], иван-чая, три раза парятся в бане, потом уносят в муравейник, ручкой ставят в муравейник, веник развяжут, ручку в муравейник, листьями вверх, пусть там [находится] ...

(Vuohjärvi — Вохтозеро)

Летние Святки (7–12 июля). Дурачились, ходили, во ржи купались [в поле] — мол, жених во сне покажется. Вечером идём, до двенадцати часов «по росе бродили», во ржи — накануне Иванова дня.

В изголовье клали листья — берёзовые, осиновые. В жару вытирают [платочком] пот. Листья заворачивают в этот платочек и — в изголовье. Что увидишь во сне. И как только положишь, уже нельзя разговаривать. А потом эти листья надо положить в карман парням, тайком, только листья (без платочка). Каждая своему парню.

12.07 (29.06) — Pedrunpäivy, Petrupäivä, Pedrumpäiv

Ainos on Pedrunpäiväl kezä.

(KS, s. 372)

Pedrušta päivä lyhenöy, Il'l'akši jo puoleh čuasuh.

(СКЯ тв, с. 148)

Pedrun dälgeh heinyä niittämäh da koivuo leikkuamah.

(Степанова, 2000, с. 275)

Pedrunpäiväs vie viikateh nurmel.

(KS, s. 372)

Ei tähkätöintä Petrunpäivyä.

(Hautala, 1982, s. 269)

Pedru on kalan jumala.

(Степанова, 2000, с. 275)

Ohoh, kalua täh andoi Pyhä Pedri hyvän röykyn!

(KKS, IV, s. 557)

Pyhä Pedri kalua andau.

(KS, s. 409)

Ku pyhä Pedri olizin, ga ongel mänizin.

(KS, s. 409)

Pyhä Pedri vereksil. (Sanotah vahnat ongittajat, konzu suajah enzymäzen kalan.)

(KS, s. 409)

— Hospoti plahoslovi pyhä Petri verekšilläš?

Noh, pyhä Petri verekšilläš. Tai kun šuatih veneheh kala, ni pyhä Petri verekšilläš.

— Še kalua anto?

No tottaše še oli še pyhä Petri.

(Ремшьева зап. в 1978 г. от Кеттунен А. В., НА, 41/229)

12.07 (29.06) — Петров день

В Петров день всегда лето.

(Salmi — Салми)

С Петрова дня дни убывают, к Илье уже на полчаса.

После Петрова дня начинается сенокос, заготовка веников.

С Петрова дня неси косу на луг.

(Suistamo — Суйстамо)

Нет Петрова дня без колоса.

(Vuonnini — Войница)

Пётр — повелитель рыб, рыбный Бог.

Ох, и дал рыбы святой Пётр хорошую кучу!

(Siämärvi — Сямозеро)

Святой Пётр рыбы даст.

(Tulejärvi — Туломозеро)

Если бы я был святым Петром, то пошёл бы удить рыбу.

(Suistamo — Суйстамо)

Святой Пётр на свежую. (Говорят рыбаки, когда поймают на удочку первую рыбу.)

(Suistamo — Суйстамо)

— Господи, благослови святой Пётр на свою свежую? Но, святой Пётр на свою свежую. Или когда вылавливали в лодку рыбу, то святой Пётр на свою свежую.

— Он рыбу дал?

Но, наверно, это был святой Пётр.

(Kalevala — Калевала)

Pedruna vihmuu — marjat mečššä ruvetah happane-
mah.

(*СКЯ тв, с. 335*)

Jesli on Pedruna vihma, niin buolua ei lie; buolat ha-
patah.

(*KKN, I, s. 91*)

Pedrun jälgeh puarmat kavotah, a slepn'at lieu pattiet.

(*Пунжина, Федотова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА,
683/6*)

Pedrun aigaa (Pedrukš) kabud luaditau.

(*LMS, s. 303*)

Paimoi suau Pedrunnu jäiččä, jogahistu paimendet-
tavua lehmiä kohti kymmene jäiččä da nuaglan voidu
abarakakse.

(*Hautala, 1982, s. 270*)

Ei Petrunpäivänä käki kuku, kun tähkä alkau rintua
pistyä.

(*Hautala, 1982, s. 269*)

Kägi kun ennen Pedrunpäiviä kukkuu, sille sanotah:
”Kuku, kuku kuldakägi, helgyttele hiedralindu: viego
mie elän monda vuotta, viego mie kodvan kuldaista
kassua kannan?”

(*Hautala, 1982, s. 269*)

Pedruu vaste kerätäh kolmel konnulpäi yheksä luaduu
kukkua piän pohjih da sivotah net yhteh. Unis tulou
kukkien erottelii.

(*Hautala, 1982, s. 270*)

Mie heitä ainakaan en ole ajan, a sanotah, jotta Pet-
runpäivä yötä vassen se pitäis. No ei niitä hyvin pal-
joo, kolmi yheksyä, panna tikkuloutah — koropkah ja
toimittua Petrunpäivän yönä mänemäh, ja vielä pan-
nah sihe tuikkosen nenäh ruškä flaku, jotta mänkyä
nyt leppäsellä lautalla iäkseh, jottai että konsa tulis.

— Mihin pannah?

Если в Петров день идёт дождь — ягоды в лесу будут
гнить.

Если в Петров день идёт дождь, брусники не будет;
брусника сгниёт.

(*Tolmačču — Толмачи*)

После Петра оводы исчезают, а слепни становятся
грозные.

(*Halla — Морозовка*)

На Петров день делают пирожки из творога.

(*Sununsuu, Terun Priäžu — Усть-Суна, Пряжа*)

В Петров день пастуху дают яйца, десяток за каж-
дую корову, которую он пасёт, и вдобавок фунт
масла.

(*Tulemjärvi — Туломозеро*)

В Петров день кукушка не кукует, потому что колос
начинает колоть грудь.

(*Vuonnini — Войница*)

Если кукушка кукует до Петрова дня, ей говорят:
«Кукуй, кукуй, золотая кукушка, звени хиедралин-
ту, сколько лет я ещё проживу, сколько лет мне ещё
носить золотую косу?»

(*Suojärvi — Суоярви*)

Накануне Петрова дня собирают в трёх местах де-
вять разных цветов и кладут в изголовье, связав их
вместе. Во сне кто-то придёт развязывать цветы.

(*Imbilahti — Импилахти*)

Я их ни разу не выгоняла (клопов. — *Прим. сост.*),
а говорят, что в ночь накануне Петрова дня надо бы
делать. Не надо очень много, три по девять, поло-
жить в спичечный коробок, и в ночь на Петров день
отправить в путь, и ещё красный флаг прилажива-
ют, мол, уезжайте на ольховом плоту навеки, чтобы
никогда не возвращались.

— Ruskie flaku (flag), etko malta veniäkse, ruskie pape-ri minih jotta hyö nyt lähettih leppäsellä lautalla ikui-sesti. Ni purjeheksi, jotta mänkäh.

— Siula nyt on kaikki mänty?

— Miula on nyt mänty kaikki ne. Ei ni mitä ole.

(Лавонен, Федотова зап. в 1981 г. от Мاستинен Е. М., НА, 85/25)

Il'änpäivän ta Petrunpäivän välillä lampahie ei pie keritä, jesli siula on lampahie, muissa se.

— A mitäpä siitä?

— Ei voi sillä vieläi susi keriččöy lampahat. Sie rupiet keriččemäh. Muissa vai štopi et keričis ni konsa.

— Petrun ta Il'an välillä, kolme netälie se on Petrun ta Il'an välie.

— Muuten susi siulta ne keriččöy.

(Лавонен, Федотова зап. в 1981 г. от Мастинен Е. М., НА, 85/24)

Voimatoim mies, libo ken, no značit, pid'äy käyvvä šoarella, sin ved'ia bokko. A bokko ved'ia miksi? Aha, siel'a pappi pajattau. Miula on äidi kuollun libo izä kuollun, niin papilla ved'ia, značit, že bokko sin. Libo l'ehmä ved'ia šoarella sinne. No, sin šoarella kun vijät, značit — myyvvää, ken oštau, ken andau kallehemman hinnan. No, a den'gad n'e tuldii kon'ešno kirkolla. Pappi hinnan šanou, enžimäžen hinnan. No, a toičči pappi ottau ičellä sen l'ehmän, a rahat sin panou. Viizi rubl'oa bokko makšo. Viistoista rubl'oa l'ehmä makšo, miun muištoo. Vot še Mahošoari i lujetaa, še duhovnii ostrof, kirkkuo siel'a piet'tii. Sen otti, jesli ken ollou izänd'ä oštanun, ni hän otti kod'ii. Rahat makšau papilla i vs'o.

Pedrunpäivä, siel'a käyd'ii, ku kirikoššä mi, aigoa mäni sluužba-aigaa, no šen aijan siel'a oli. Sluuži kirikön, da šen kera tagazin ven'ehil'l'ä kod'ii, poiš. No siel'a, kaksi čoassuo vain kolme, vain min. Sielä ven'eht'ä t'äyzi järvi. Kuunneldii sid'ä papin pajoloja. Ei kižattu. Šilložella aigoa ei kižattu. Kävel'dii tuuvalla Porarvešta šoaten, tuuvalla Rugarvešta šoa käyd'ii. Dai bokkuo tuodii libo bokon rahat tuodii. Sanomma, još hän ei

— Куда флаг ставят?

— Красный флаг, ты что, не понимаешь по-русски? Какую-нибудь красную бумажку, мол, они отправились на ольховом плоту навеки. Как парус, чтобы отправились.

— У тебя все ушли?

— Все у меня теперь ушли, ничего нет.

(Sohjanankoski — Софнорог)

Между Петровым и Ильиным днём не надо стричь овец, если у тебя есть овцы, запомни это.

— А что может случиться?

— Нельзя, потому что тогда волк выстрижет овец. Ты будешь стричь. Запомни, чтобы никогда не стригла. Между Петровым и Ильиным днём три недели. Или волк выстрижет.

(Sohjanankoski — Софнорог)

Больной (букв. бессильный. — Прим. сост.) мужчина или кто, ну, значит, надо съездить на остров, туда отвезти барана. А барана зачем отвозить? Ага, там поп служит. (Если) у меня мать умерла или отец умер, то надо попу отвезти, значит, этого барана туда. Или корову отвезти на остров. Ну, туда, на остров как отвезёшь, значит — продадут, кто даст большую цену, тот и купит. Ну, а деньги эти шли, конечно, церкви. Поп цену называет, первую цену. Ну, а иногда поп возьмёт себе эту корову, а деньги туда положит. Пять рублей баран стоил. Пятнадцать рублей корова стоила, как я помню. Вот и считается от Махošoари, духовный остров, службу там справляли. Брал её (скотину) хозяин — который купил, он брал её домой, деньги заплатит попу и всё.

В Петров день туда ездили, сколько времени уходило на службу в церкви, столько времени он там и был. Отслужили службу и обратно на лодках домой. Ну, там два часа или три, или сколько. Бывало там полное озеро (берег) лодок. Слушали песнопения попа, не играли. В те времена там игр не было. Приходили туда даже из Поросозера и из Ругозера приходили.

ole t'erveh, ni andau hän luban, što vot Pedruna pid'äy käyvvä Mahošoaree. Znaačit, Sellin šoaree pid'äy käyvvä, ved'ia sin reähätte, štobi mie popravl'us'. Kak but-to še šoari oli douhturi rouno, ku l'eäkär'i.

(Конкка, 1980, с. 116)

Ka tuošša oli Sv'atoi ostrof... Mahošoari, siel'ä oli kaksi časounoa. Yksi oli Pedrun, a toine oli Uspeni. Käyd'ii kakšitoištaš päivä t'äd'ä kuuda, a toine kerda käyd'ii, primerno, pervih čislah sent'abr'a... Papilla sielä oli, no šemmone storoža, da ken oli l'ubitel rinnalla, käs-köy buččie sinne ottoa, lihoa panna, voida, ved'i toine dvest'i, četiresta daže kilogram voida, mie kävelin, pikkarane olin mies, ni aino tuommošta kakši kaduškoa, kui siula šanuo, šain kiloloin mänöy siihi buččii voida, okolo 300 domof on selo, pane po polkilogramma, 150 kilogram bud'et... A hänel'l'ä mid'ä oli — sinne ved'äy, eryähäl'l'ä oli paištuo — lambahan, t'olkkažen, vot. Yhen kerran miula aigaudu olla, toreuvuttii n'e hänel'l'ä, pomoššikat. Da siid'ä häkki oli, dani kaksi oli bokkuo yksi oli tobie bokko, a toine pikkarane. Obično, sielä on iskijä: tapetaa da peät l'eikataa. (Täs pagin on kahteh pruazniekkah — Pedrunpäiväh da Emänpäiväh näh, konzu Sellispäi käydh Mahosuareh, kus žertvakse iškiettih žiivattua Emänpäiän. Pedrunpäiän kogo kyläs suareh viettih petroušnua — kerättih einehty da annettih kirikkoh.)

(Конкка, 1980, с. 116–117)

Pedruna šoaree käyd'ii papit, siel'ä sluužittii kuin tser'kvi, no, i proid'iu še, i siid'ä tulemma kai venehii šoamma da Rannan kyl'äl'l'ä, Rannan kyl'äl'l'ä proaznuičemma, tanssuo kaikkie siel'ä, nu i siid'ä kod'iloih. Huomena op'ad' viel'ä on Poavilanpäivä. Nu toože prodlima proazd'ikkaa, šillalla tuoh kerryymmä, mänemmä siid'ä gul'aičemma, kižoamma.

(Конкка, 1980, с. 118)

И баранов приводили или деньги за барана приносили. Скажем, если он нездоров, то даст он обет, что на Петра надо съездить на Махошоари. Значит, на Селецком острове (остров находится на оз. Селецком) надо побывать, отвезти туда грехи, чтобы мне поправиться. Этот остров был ровно доктор какой.

(Sel'gi — Сельги)

Вот там был святой остров... Махошоари, там было две часовни. Одна была Петра, а вторая Успения. Ездили 12-го числа этого месяца (июля), а второй раз ездили примерно в первых числах сентября (28.8) ... У попа там был такой сторож, да какой-нибудь ещё любитель рядом с ним, велит бочки туда везти, мяса взять, масла, везли по двести, по четыреста даже килограммов масла. Я когда маленький ещё мужичок был, так всегда таких вот две кадушки, как тебе сказать, по сотне кило в такие бочки вмещается масла. Около 300 домов село, возьми по полкило, уже 150 кг будет... Что у кого есть — туда везут, у некоторых было жаркое — ягнятина, телятина, вот. Один раз, когда я там был, разругались эти, его помощники. Тогда бычок был, да два было барана — один был крупный баран, а второй — мелкий. Обычно там бывал забойщик — убивают и головы отрезают. (Рассказ касается двух праздников — Петрова дня и Успения, когда из Селецком, где приносили жертвы: закалывали животных на Успения. На Петра со всей деревни на остров везли так наз. «петровщину» — собирали продукты и жертвовали их в пользу церкви. — Прим. сост.)

(Sel'gi — Сельги)

На Петра на остров попы ездили, служили как в церкви. Пройдёт это и потом в лодки садимся и (переезжаем) в деревню Ранта (дер. Берег, часть с. Сельги). В Ранта празднуем, танцуем всякие танцы, а потом по домам. Назавтра ещё день Павла, ещё продляем праздник, на мосту соберёмся, а потом гуляем, играем.

(Sel'gi — Сельги)

13.07 (30.06) – Puavilanpäivy, Puavilanpäivä, Puavilanpäiv

Toispiänä Pedrušta on Puavilanpäivä.
(СКЯ тв, с. 225)

21.07 (08.07) – Kezä-Kazanskoi

Kazanskoi on jälgimäine kezäpruazniekku.
(СКЯ ливв, с. 136)

Mussikka Kazanskoiksi mustenou.
(СКЯ тв, с. 168)

Enžimäzen kerran otetah mettä ennen Kazanskoida.
(СКЯ тв, с. 158)

28.07 (15.07) – Kirikämpäivy, Kiirikinpäivä, Kiirikämpäiv

Petrumpäivän jälkeh on nyt Kiirikkä netälin päästä,
Kiirikämpäivä. Šanotah jotta heinyä ei pitäis šuaha jotta
muka še on, šiitä kohašta jotta muka paletah heinät.
(Näytteitä karjalan kielestä I, 1994, s. 54)

Kiliköin i Il’l’an tuučat ollah pattiet.
(СКЯ тв, с. 310)

Pänttö läksi Kiirikkinä luokoja korjoamah voaran alta.
Siitä tuli ukkosen ilma oikein kova, jyrisi äijältä ta heän
niitä luokoja sielä korjoau — ei vielä satan, jyrisi vain.
Siitä heät kerrassa roassalti tukista ta löi moah päin.
Pänttö sieltä kun selvisi ni kotih läksi, jeäksiyty jotta
ijässäh ei mäne Kiirikin peänä töih!
(Virtaranta, 1958, s. 605)

Mie kuulin kerran Kenttijärvessä semmoni tapahus,
kun oli Kiirikinpäivänä haravoitih, heinöä. Ta siitä kun

13.07 (30.06) – день Павла

На другой день после Петрова дня — день Павла.

21.07 (08.07) – Летняя Казанская, Явление Казанской иконы Божией Матери

Казанская — последний летний праздник.

Черника к Казанской чернеет.

Первый раз мёд берут перед Казанской.

28.07 (15.07) – День Кирика и Улиты

После Петрова дня через неделю празднуют Кирика.
Говорят, что в этот день не надо заготавливать
сено, иначе оно сторит.
(Kiestinki — Кестеньга)

На Киликия и Илью тучи бывают страшные, грозные.

Пянттё пошёл в день Кирика убирать сено под сопкой.
Началась очень сильная гроза, сильно гремел гром,
а он там сено убирает — ещё не шёл дождь, только
гремело. Тут его разом схватило за волосы и ударило
о землю. Пянттё как очнулся, так домой пошёл,
дал зарок, что вовек на Кирика не пойдёт работать!
(Akonlahden Kuikkaniemi — Куйкканиеми)

Я слышала, однажды в Кентозере был такой случай,
когда в день Кирика сгребали сено. И как сметали

soapra luotih, sitä hyö oli tultu... tulisijah. Ta siitä lenti haukka aivan tulisijah, ta soatih se haukka kiini — sieltä kun pietti tuohesta löttö, ta siitä muutoma sai sen haukan kiini ta sito lötön haukan jalkah, ta viritettih tuli siihi pissettih löttö. Ta se haukka kun läksi lentämäh sen lötön kera ta siin oli ollun monta soaproa siinä nurmella, no se lenti siitä soapralta soapralla ta monta soaproa palo!

Sillähän sitä kielletti Kiirikinpäivänä ottamasta luokuo! — Ei se moni ottankana.

(Virtaranta, 1958, s. 605)

И'анpäivän piätenčy, И'ан piätinčä, И'анpäivän piätinč

И'анpäiviä vaste piätenčän ei kynnetä eigo kylvetä.
(Hautala, 1982, s. 276)

И'анpäivän vastazennu piätenčänny ei niitetä eigo tartuta terävih brujih. Ku nenga ei ruata, žiivatal roih paha. И'анpäivän kunnivoitetah ku ukonilmu ei luadis pilua žiivatale eigo rahvahale.

(Hautala, 1982, s. 276)

И'анpäivän piätenčän pidäy enzimästy kerdua oppie kaivua kartohkua.

(Огнева зап. в 1998 г. от Мухоровой М.С., НА 173/95)

И'ан да Stroičan peätinčänä ei kylvetty.

(Кауконен зап. в 1943 г. от Лесонена Х., НА, 5/20)

И'ан peätinčänä ei niitetty.

(Кауконен зап. в 1943 г. от Лесонена Х., НА, 5/20)

02.08 (20.07) — И'анpäivä, И'анpäivä, И'анpäiv

И'анpäivä on enzimmäini šyuyžproažnikka.

(KKS, I, s. 433)

стог, пришли они к кострищу. И тут прямо в кострище прилетел ястреб, и поймали этого ястреба — они как носили берестяные лапти, так один и поймал этого ястреба и привязал лапоть к лапке ястреба, разожгли огонь и сунули туда в лапоть. И этот ястреб как полетел с этим лаптем, а на том лугу было много стогов, и он перелетал со стога на стог, и много стогов сгорело!

Поэтому запрещали в день Кирика убирать сено! Немногие и убирали.

(Venehjärvi — Суднозеро)

Ильинская пятница

В пятницу перед Ильиным днём не сеют и не пашут.
(Ilomantsi — Иломантси)

В пятницу перед Ильиным днём не косят траву и не берут в руки острые орудия. В противном случае домашнему скоту придётся плохо. Илью почитают, чтобы гроза не навредила домашнему скоту и людям.
(Salmi — Салми)

В пятницу перед Ильиным днём первый раз копают картошку для пробы.

(Jyrgil — Юргилица)

В пятницу перед Ильиным днём и в Троицкую пятницу не сеяли.

(Jängärvi — Янгозеро)

В пятницу перед Ильиным днём не косили.

(Jängärvi — Янгозеро)

02.08 (20.07) — Ильин день

Ильин день — первый осенний праздник.

(Tunguo — Тунгуда)

Syvysvuosi allah Il'p'apäiväs.
(*KKS, V, s. 616*)

Mimmoni šii Il'p'apäivänä, šemmoni koko šykyšyn.
(*Hautala, 1982, s. 276*)

Il'p'anpiän iččenäh igäh kai on vihmu libo poudu.
(*KS, s. 98*)

Il'p'a vihmat tuou.
(*KS, s. 97*)

Il'p'u vezihändy.
(*KS, s. 98*)

Il'p'a tuou muštua pilvie.
(*СКЯ тв, с. 69*)

Jälles Il'p'apäiviä ku jyrizöy, sit roih lämmin sygyzy.
(*KKS, I, s. 549*)

Enne Il'p'apäiviä päivänlasku rojottau, sidä parembat siät, a ku jälles Il'p'apäiviä — sit vihmat da räznät.
(*KKS, IV, s. 579*)

Kezäpilvi on vallallini Il'p'apäiväs sai, ga sit tuuli val-
lan ottau.
(*KKS, I, s. 433*)

Ennen Il'p'apäiviä vastutuuleh vihmupilvi ei tule,
d'älles Il'p'apäiviä tulou.
(*KKS, VI, s. 605*)

Jällel Il'p'ua zerku hebo aijan tuan ei nävy.
(*Макаров, Рягоев, 1969, с. 69*)

Il'p'apäivän jälgeh ei harmua heboni aijan tagua nävy.
(*Hautala, 1982, s. 276*)

Осень начинается с Ильина дня.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Какая погода в Ильин день, такая простоит и всю
осень.
(*Vuonnini — Войница*)

В самый Ильин день всегда или дождь, или вёдро.
(*Imbilahti, Suistamo — Импилахти, Суйстамо*)

Илья дожди приносит.
(*Tulejärvi — Туломозеро*)

Илья — водяной хвост.
(*Tulejärvi — Туломозеро*)

Илья пригоняет чёрные (грозовые) тучи.

Если гром гремит после Ильина дня, то будет тёп-
лая осень.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Если закат краснеет до Ильина дня, будет хорошая
погода. А если после Ильина дня — то дожди и грязь.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Летняя туча по своей воле ходит до Ильина дня,
а потом ветер власть берёт.
(*Suojärvi — Суоярви*)

До Ильина дня дождевая туча против ветра не при-
дёт, после Ильина дня приходит.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

После Ильина дня белую лошадь за изгородью не
видно.
(*Sammatus — Самбатукса*)

После Ильина дня серую лошадь за изгородью не
видно.
(*Suistamo — Суйстамо*)

Il'änpäiväs lähtien valgei hebo aijan tagan ei nävy.
(KS, s. 98)

Il'an jälgeh ei voi kupaija.
(СКЯ тв, с. 123)

Il'änpäivänä ei enämpi harmoa heponi aijan takoa nävy, niin jo pimenöy yöt siih aikah.
(Virtaranta, 1958, s. 594)

Il'änpäivän jälgeh vilun kiven järveh viškoa.
(Hautala, 1982, s. 276)

Il'änpäivänä tulikivet lähteheh, jiapurahat jogeh.
(KS, s. 98)

Il'änpäiväs jogivezi vilustuu, a lähtevezi lämbiey.
(KS, s. 98)

Il'änpäivän jälgeh vilu kivi mereh, kyläs pellole, tuli pärieh. Hallu ei havon tagua lähte, kaste kaijas tilas.
(Hautala, 1982, s. 276)

Ei lähe halla havon alta eikä kasse kaikista kohin Il'änpäivän jälkeh.
(Lyytinen, s. 19)

Il'änpäiväs paimoi paglat kiinnittäy.
(KKS, I, s. 433)

Il'änpäivänä ken menöy heiniä luadimah, sil Il'a polttau pielekset.
(Hautala, 1982, s. 276)

<...> Ennen pyhinpäivin, proazniekku g liennou olluh, ei roattu. Meijän boabo mustelou. Каčo, Il'änpäivy on suuri proazniekku. A ennehäi pidi leikata kagroa,

Начиная с Ильина дня белая лошадь за забором не видна.
(Tulemjärvi — Туломозеро)

После Ильина дня нельзя купаться.

В Ильин день серая лошадь больше за забором не видна, уже так темнеют ночи в это время.
(Venehjärvi — Суднозеро)

После Ильина дня бросает холодный камень в воду.
(Suistamo — Суїстамо)

В Ильин день огненные камни в родник, сосульки в реку.
(Suistamo — Суїстамо)

С Ильина дня вода в реке остывает, а вода в роднике нагревается.
(Suistamo — Суїстамо)

После Ильина дня холодный камень в море, суслон на поле, огонь в лучину. Изморозь не исчезнет из-под гнилой коряги, роса с узкого места.
(Suistamo — Суїстамо)

Заморозок из-под гнилушки не уходит и роса изо всех мест после Ильина дня.
(Vuokinsalmi — Вуокинсалми)

С Ильина дня пастух оборы у лаптей потуже затягивает.
(Tulemjärvi — Туломозеро)

Кто пойдёт сено заготовливать после Ильина дня, у того Илья сожжёт заколины сена.
(Pomantsi — Иломантси)

<...> Раньше по воскресеньям, если был праздник, не работали. Наша бабушка вспоминает. Ильин день — большой праздник. А раньше ведь

kagrat valgiet, dai leikata pidäs, a Il'ānpäivy on se vie eule ni pyhänpeän, a toizel päiväl, nedälin päivil oluh. "Himoittas lähtie, — sanou, — leikkoamah i varoan, reähky on vet!" Ennehäi tiettih enämbäl. Nygöi myö ni meččeä emmo tiije, vot. "Lähten, — sanou, — dai iče sanou: silmät ristin, g ollov ylen reähky, tulgah mado vastah. A ku vai ei olle reähky, sit menen ielleh pellol, vie leikkoan, puolendan eäreh." Nečine pidäy menä, toane kangastu myöte i sie meijän enne kolhozoa net omat pellot oldih jagamattah. Jällehäi kolhoozah otettih. No. Astun kaiken matkan, ečin maduu. Kačon dorogaizeh, tropinkah: eigo kus mado vastah tule, sanou. Ei tulluh. Menin pellol, vaigu enzičirpil vejäldin kagroa, mado vizahtih tuli sih. Sit, — sanou, — sen kagrukobraizen heitäldin sih da silmät ristin. Znaačit, se reähky on, astun eäre kodih, da eäre kodih tulin, sanou. Vot. Nu mibo sit znoačči, ne znaju. Sofpala vai...

(Лавонен, Тимонен, Угрияйнен зап. в 1991 г. от Гавриловой А. Ф., ФА, 3266/61)

Syyspuoli kiänäh Il'ānpäiväs: vilu vezi juodavakse, pimei yö muattavakse.

(KKS, V, s. 615)

Il'ānpäivy gu proidiu, ga syvvyö muattavakse, lyhyt päivy ruattavakse.

(KKS, V, s. 616)

Hallu suol, leiby maal, pyhä Il'āu mättähäs.

(KS, s. 48)

Il'ānpäiväs kyhläs pellole, tuli pertih.

(KKS, I, s. 433)

Il'ānpäivänä ruiskego pellol da tuli perttih.

(KS, s. 98)

Il'ānpäivän aigah tuli čikkah, kuhilas pellol.

(KS, s. 98)

надо было овёс жать, овсы белые, и жать бы надо, а Ильин день, да ещё и не в воскресенье, а в другой день, на неделе. «Хотелось бы пойти, — говорит, — жать, и боюсь, ведь грех!» Раньше ведь больше знали. Сейчас мы ни черта не знаем, вот. «Пойду, — говорит, — и сама говорит: перекрестилась, если очень большой грех, пусть змея встретится. А если не грех, то пойду дальше на поле, ещё пожну, убавлю». Туда надо идти, туда, по бору и там до колхозов были наши собственные поля, не поделённые. Потом ведь в колхоз забрали. Но. Иду всю дорогу, ищу змею. Смотрю на дорожку, на тропинку: не встретится ли где змея, говорит. Не встретилась. Пошла на поле, только первый раз серпом провела по овсу, тут и змея приползла. Тут, — говорит, — эту горсть овса тут же положила и перекрестилась. Значит, это грех, пойду обратно домой, и домой пришла, говорит. Вот. Ну что это значило, не знаю. Совпало или...

(Jovenkylä — Улялега)

С Ильина дня год поворачивает к осени: холодная вода для питья, тёмная ночь для сна.

(Siämärvi — Сямозеро)

Как Ильин день пройдёт, так осенняя ночь для сна, короткий день для работы.

(Suistamo — Суйстамо)

Заморозок на болоте, хлеб на земле, святой Илья в кочке.

(Tulejärvi — Туломозеро)

С Ильина дня суслон на поле, свет в избу.

(Nekkula-Riipiškala — Неккулица-Рыпушкалица)

В Ильин день ржаной стог на поле да свет в избу.

(Suojärvi — Суоярви)

На Ильин день огонь в светец, суслон на поле.

(Suojärvi — Суйстамо)

Il'änpäiväs lähtien valgei hebo aijan
tagan ei nävy.

Начиная с Ильина дня белая
лошадь за забором не видна.

Il'änpäivän jälgeh vilu kivi mereh,
kyhläs pellole, tuli pärieh. Hallu
ei havon tagua lähte, kaste kaijas
tilas.

После Ильина дня холодный
камень в море, суслон на поле,
огонь в лучину. Изморозь
не исчезнет из-под гнилой коряги,
роса с узкого места.

Il'p'änpäivästä tuli perttih, kuhl'as pellolla, akka päčillä.
(KS, s. 98)

Päre čikkah, kyhläs pellol.
(KS, s. 414)

Il'p'u ruisrien ker tulou, leibyrien ker.
(KS, s. 97)

Il'p'ankuu on kaikis köyhin vil'p'as: kulujaine lopeh,
uudine kergie ei.
(KKS, I, s. 433)

Il'ja-prarok, hänel'p' oli jumlašta annettu vlas't', koož
andau mid. Oldih muazet aijat što kolm vuatt eij ol-
lun, l'eib ei kažvannun, ni vihmu nimid. A Il'ja-prarok
značit, hänel'p' kumarreldih i hin and vihman. Il'ja-
prarok haz'aistvuiččou vain Il'p'änpäiväh šut't'en, a
jäl'geh Il'p'änpäivi jo prarok Mois'ei, značit jo hin
moiz'i grozi andau. Ka Il'ja-prarok kažvattau l'eibi i
zasuhuu andau. Vet' kun jo kaiken rughen l'eiktah i
uglzeh, jäl'gmäs't polostu l'eikkut i uglzeh jättäh šiäl'
kolm t'ähkäs't il' šiäl' kuuž t'ähkäs't. Täm jo jumlah
varoin i jättäh. Il'ja-prarok varoin i jättäh n'el'l'-viiz'
t'ähkäs't, Il'p'an pardazekš šantah.
(Пунжина, 2001, с. 150–151)

No, iel'p'ä l'eikattii Il'p'aksi Pyhiä Il'p'ua, ruista, Il'p'aksi
l'eikataa ruista, sanotaa, Pyhä Il'p'a kergii, l'eibä. En-
zimäni l'eibä Il'p'aksi, Il'p'aksi uže l'eikataa ruista. No,
hyvä on, magie, yl'en oli hyvä se l'eibä, sveežoi... Oliz
vai sidä l'eibiä, ga buhankan mie söizin kerrassa, en
žal'eiččis.
Kaksin päivin aino gul'aidii, jogo pruaznikkua,
män'n'ää suovattana, kanun praaznika i dva dn'a
gul'ajut polnost'ju, a uže četv'ortii den' uhod'at. Mänet,
pozdorofkajes's'a, siuda vassataa, jallačit otetaa, ken-
gät jallasta rozd'evaijaa, jaksatetaa, šiid'ä šyöt'et'ää,
stolaa panna...
(Конкка, 1980, с. 115–116)

С Ильина дня свет в избу, суслон на поле, баба на
печку.
(Korbiselgä — Корбисельга)

Лучина в светец, суслон на поле.
(Salmi — Салми)

Илья приходит с возом ржи, с возом хлеба.
(Tulejärvi — Туломозеро)

Месяц Ильи беднее всех по части хлеба: прошло-
годнее зерно заканчивается, а хлеб нового урожая
не поспевает.
(Siämärvi — Сямозеро)

Илья-пророк — ему от Бога была дана власть: он
даёт, когда что [просят]. Такие времена были, что
три года не было [дождя], хлеб не рос, дождя ни-
сколько не было. Помолиться ему, и он дал дождь.
Илья-пророк всеилен лишь до Ильина дня, а по-
сле Ильина дня — уже пророк Моисей: значит, это
он уже такие грозы напускает. Илья-пророк растит
хлеб, но и засуху напустит. Ведь когда уже всю рожь
сожнут, жнёшь последнюю полоску, в уголке и оста-
вишь там три колоска или шесть колосков. Это уж
Богу оставляют, Илье-пророку оставят четыре-пять
колосков, говорят, что Илье на бородку.
(Semnouskoi — Семёновское)

Раньше к Ильину дню жали рожь — «святого Илью».
К Илье жнут рожь, говорят, святой Илья (то есть)
хлеб созревает. Первый хлеб на Илью. Хороший,
вкусный, очень хорош хлеб этот, свежий... Если бы
был тот хлеб, так буханку бы съела за один присест,
не пожалела бы.
По два дня гуляли, каждый праздник. Отправятся
в субботу, в канун праздника, и два дня гуляют пол-
ностью, а уже на четвёртый день уходят. Придётся,
поздороваешься, тебя встретят, обувку с ног сни-
мут, разденут, потом за стол посадят, накормят...
(Kumsjärvi — Покровское)

Il'anpardu jätetäh peldoh leikkoamattah vähäine (ei ni kobroa), anna tulien vuon parembi kazvattau vil'oa Pyhä-Il'ü.

(KKS, I, s. 433)

No se oli Pyhän-Il'an parta semmoini sitä sanottih... ne kun vil'at kasvo, peltoja leikattih, ta siitä ne kun leikattih nin siitä ne kun jauhotettih nin siitä otettih ta loajittih semmoisie rieskoja, ta niitä vietih kirikköh ta kirikössä siitä pappi se plahoslovi, enneinkun niitä alettih syömäh niitä vil'oja, siitä sen vuuven.

(Virtaranta, 1958, s. 595)

Spuasanpardu, ukonpardu — kobraine vil'ankorttu, kudamat jätetäh leikkuamata.

(KKS, V, s. 501)

Nu ku leikatah da sit lopeh leikoamine enämbi jo ei ole, kai leikatut roih, sit posledn'ois peldoizes sis jätetäh randaine leikoamattah, sit sanotah: Pyhällän parran jätämmö. Sit parran minä vie proobuicän toizel čirpil.

— Sit et uskonuh?

— Ga minä en ni duumainuh, što leikkoav. L'on'a kiel-di: "Ei pie koskie, pideli aijembah probuija oppie tädä sinun čirppii, a nygöi, — sanou, — Pyhällän ei pie." "Vähäizen leikkoan, opittelen" — sanoin, opin ongo hyvä, terävy se hänen čirppii. Vijäldinhäi nečis, ijän kaikken tunduu, muga neče leikkavui äijäl. Vot se: Pyhälläl par-doa älä koske. Jätettih gu Pyhälläl, anna se on Pyhälläl. Vot se mustellah, da se on tozi.

(Лавонен, Тимонен, Угрияйнен зап. в 1991 г. от Гавриловой А. Ф., ФА, 3266/62)

Kun Il'anpäivän aigah on kolme taimenda nagris-huuhtas, viel tulou nagrista.

(KS, s. 98)

Kun ennen Il'anpäiviä kärpäzen tapat, tulou kymmenen tilah.

(KS, s. 98)

Бороду Ильи (меньше пучка хлебных колосьев) оставляют на поле несжатой, чтобы в следующем году святой Илья вырастил ещё больше хлеба.

(Siämärvi — Сямозеро)

Бородой святого Ильи называли... Когда выраста-ли зерновые, жали поля, и как сожнут поля и сме-лют [зерно], то из этой [муки] пекли такие пресные хлебы и относили их в церковь, и поп в церкви их благословлял, перед тем как начинали есть зерно нового урожая этого года.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Борода Спаса, борода Укко (Укко — древнее небесное божество карелов, громовежнец — Прим. сост.) — пучок хлебных колосьев, который оставля-ют на ниве несжатым.

(Suistamo, Suojärvi, Salmi — Суїстамо, Суоярви, Салми)

Ну, как сожнут, и как жатва закончится, всё сожнут, на последнем поле оставят несжатым краешек, по-том говорят: оставим бороду святого Ильи. Потом я эту бороду ещё пробовала другим серпом.

— Не верила?

— Так я и не думала, что отрежет. Лёня запретил: «Не надо трогать, надо было раньше попробовать твой серп, а теперь, — говорит, — святого Ильи не надо». «Немного пожну, попробую», — сказала, по-пробую, хороший ли, острый ли его серп. Как про-вела здесь, всю жизнь чувствуется, так сильно по-резалась. Вот это: бороду у святого Ильи не трогай. Если оставили святому Илье, пусть будет у святого Ильи. Вот это вспоминают, и это правда.

(Jovenkylä — Улялега)

Если на Ильин день на репном поле будет три рост-ка, то ещё вырастет репа.

(Suistamo — Суїстамо)

Если убьёшь муху до Ильина дня, вместо неё десять появится.

(Suistamo — Суїстамо)

Konža pouat suuret oldih, Pyhää Il'aa molittii, što vihmat loadii. Ku vihmat oli, što pouat loadii.

(Кауконен зап. в 1943 г. от Лесонена Х., НА, 5/113)

Spassua ta pyhiä Il'ua molittii tuulen toači järvellä.

(Кауконен зап. в 1943 г. от Лесонена Х., НА, 5/113)

Pyhyä Il'ua vain mainittih, jotta še oli še taivahašta jaloin johti še pyhä Il'a. Jumalalta molittih šitä hyvvyä vuotta. Pyhä Il'a oli še mi ukkoista jyräsi ta vil'an kašvatti ta. No, pellošta kun piti urožai šuaaha, ni še šieltä kautti, šieltä kautti molittih.

— Olikoi pruasniekka hänellä?

Ka Il'anpäivä. Vuokkiniemen pruasniekka Il'anpäivä. Še oliko še kuulusa päivä. Šehän še oli še leipäpäivä, leipäjumala. Šillähän še oliko šuuri pruasniekka še Il'anpäivä.

(Ремшувца зап. в 1978 г. от Ремшу П. Т., НА, 41/189)

Pogostan toine kirikkö oli pyhitetty pyhäle Il'ale. Tämän päivän pietyn pruažniekan huondeksel voulosstin bohatat taloinmiehet tuodih häkkilöi kirikköh; kerdogan mugah niidy sai kerdyö kai 40 piädy. Kirikkö möi net sit kaupummiehile, kudamat Il'an illannu viettih net Anukseh.

(Виртанен зап. в 1944 г. от Воронова И., НА, 5/75)

Ruis kylvettih Il'anpäivän jälkeh.

(KKS, V, s. 175)

Il'anpäivän pölgätetäh kartohkuu. Kaivetah, keitetäh da opitah kui kartofei da kai, pölgätettih. Muga sanottih, a en tijä min täh, što pölgätettih.

(Огнева зап. в 2012 г. от Колесовой В. Т., НА, 173/99)

Oinaspyhäpäivy, Oinašpyhäpäivä, Bošakonpyhäpäiv

Enzimäine pyhäpäivy Il'anpäiväs se Oinaspyhäpäivy on; sit iškiettih bošši ainos joga vuotta Jessoilas časounan pihal, sit lihua keitetäh, rahvas syvväh, dostalit lihat myvväh, d'engat annetah časounah, se

Когда долго стояло вёдро, молились святому Илье, чтобы дал дождя. Когда были дожди, чтобы дал вёдро.

(Jängärvi — Янгозеро)

Спасу и святому Илье молились о ветре на озере.

(Jängärvi — Янгозеро)

О святом Илье говорили только, что он с неба руководил. Бога молили о хорошем годе. Святой Илья был тот, кто громом гремел и хлеб выращивал. Но с поля как надо было урожаем получить, так через него молились.

— А праздник у него был?

— Так Ильин день. Праздник Вокнаволока — Ильин день. Это был знаменитый день. Это был день хлеба, хлебный бог. У него и был большой праздник Ильин день.

Вторая церковь Погоста была освящена в честь святого Ильи. Утром в праздник, который проходил в этот день, богатые крестьяне приводили быков к церкви. По словам рассказчика, их могло набраться даже 40 голов. Церковь затем продавала их купцам, которые вечером Ильина дня отвозили их в Олонец.

(Vieljärvi (Pogostu) — Ведлозеро (Погост))

Рожь сеяли после Ильина дня.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

В Ильин день пугают картошку: выкапывают [на пробу], отваривают и пробуют, какая картошка [уродилась]. Говорили так: пугали картошку, а почему, не знаю.

(Pyhäarvi — Святозеро)

Баранье воскресенье

Первое воскресенье после Ильина дня — Баранье воскресенье; забивали барана каждый год во дворе часовни в Эссоyle; варили мясо, люди ели, а остатки мяса продавали, деньги жертвовали в часовню,

časounu kaččou žiivattoi sidä periä. Jessoilas on pyhän Jumaldoman časounu, huono ku roih vuonaine, sit uskaldetah; sit oinas kazvau hõtöttäy suurekse, sit suurrennu viijäh; vie toizii Jumal kaččou ku viijäh.

(KKS, IV, s. 16)

Enzimäine pyhäpäivy Il'änpäivän jälles on, Boššipyhäpäivy. Siämärven Jessoilan kylän pruazniekku, konzu iškiettih bošši lammasozan menestykseks.

(KKS, IV, s. 16)

Meil Hal'd'ärven kyläs ende pidettii ylen äi žiivattad, tähä valdai suai. Kel kui žiivatt ei seižuškannu tahnas, hävidaškaž iäre, šiid riščittii pyhä D'ürgile šilmäd, časoun oli meil, sulittii keittada kezal, ku oli bošši, pyhälaskun ykš bošši. Šiit se kai päiv ku tuli, iškedau bošakko, i suures kattilas keitetau kai. Šiit sus'odad mändau, pandau d'engad, otetau šiga rokkad i lihad. I se pošči oli d'oga vuož bošakon keitantpyhäpäi! Sen pyhänpäivän kogoduttii kai eläjät šihe ymbäri časounas, sluuzittii da patom kai päi šiid käveltii da pagistii ko jo midä. Milpiäi kakškimne virstad oli Nimärven kyläi. Heil tože heinarges oli bošakon keitantpyhäpäi. Hyö šikš pyhäpäiväkš ostettii harčud kui pruaznikakš. Kävyi rahvas toizis kylispäi, aino kučuttih nimärvilaižet tuttavid da omid roduid, gostii bošakon pyhäpäiväle.

(LT, III, s. 82)

Meil endižel aigal časoun oli, pyhä D'ürgi. Se oli keškkyläd. Okulaižen kohtas d'uuri. Šiit primetuoittii rahvas, ku pidettii ylen äi žiivattad, kel kui žiivatt ei seižuškannu, hävidaškaž, šiid riščittii pyhä D'ürgile šilmäd, sulittii keittada bošakko. Šiit heinarges oli pyhäpäi, šidä sanuttii bošakkopyhäpäi. Ken šilmäd rištii, se išk bošakon. Šiit suures kattilas keittettii, šiid ken rokkad da lihad otti, pandii d'engad časounan pi-

поэтому эта часовня и оберегала домашний скот. В Эссоиле есть часовня Пресвятой Богоматери. Как заболевает ягнёнок, его завешают [пожертвовать в часовню]; как вырастет баран большим, так и отведут в часовню; ещё и других Бог уберезёт за эту жертву.

(Siämärvi — Сямозеро)

Первое воскресенье после Ильина дня — Баранье воскресенье. Праздник Сямозерской деревни Эссоила. В этот праздник закалывали барана, чтобы приумножалось овечье стадо.

(Siämärvi — Сямозеро)

У нас в Галлезере до нынешней власти держали очень много скота. Если у кого-нибудь случался падёж скота, крестились на святого Егория; у нас была часовня, обещали сварить барана, если у кого был, в заговенье перед постом. Как настанет этот день, зарежут барана, сварят в большом котле всё мясо. Потом приходят соседи, кладут деньги, берут оттуда бульон и мясо. Почти каждый год было воскресенье, когда варили барана! В это воскресенье собирались все жители вокруг часовни, служили и потом всё воскресенье ходили там и разговаривали, кто о чём. В двадцати вёрстах от нас была деревня Нимозеро. У них тоже во время сенокоса было воскресенье варки барана. Они к этому воскресенью покупали провизию, как к празднику. Приходил народ из других деревень, нимозерцы всегда приглашали знакомых и свою родню в гости на Баранье воскресенье.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

У нас в старое время была часовня святого Георгия. Она стояла посреди деревни, прямо напротив Окулайнена. Люди верили, так как держали очень много скота, если у кого-нибудь случался падёж скота, то крестились на святого Георгия, обещали сварить барана. В сенокос было воскресенье, его называли Бараньим воскресеньем. Кто глаза перекрестил, тот и забивал барана. Потом варили в большом котле.

hal. Ned d'engad mändii pyhä D'yrigile. I d'älgele šilžo eläjäl ei enambad žiivat hävidaškannu, a popravizuttii kaikin. Nygy ei ken midä usko, a se oli kai elädes kädes. (*LT, III, s. 83*)

Häkinpäivy, Häränpäivä, Häkinpäiv

Enne oli moine taba Mančinsuarel, ku Il'lan časounan luo Peldoizis nedälii jälles Il'anpäivän piettih suuret pruzniekat. Miehet tuldih sinne račchahis eri puolispäi suardu, keral suolua da luzikku kengän siäres. Huondeksel enne päiväzen nouzuu iškiettih pyhäle Il'ale pyhitetty da hänen nimele omistettu häkki. Sen oli kentahto lahjoittanuh, da se oli jo mondu päiviä, tavalizesti nedälii enne viedy časounan kaččojale. Uskottih, ku se, ken časounale nenga häkin vedäy, suau oman karjan vardoitukse kondies. Konzu häkki oli iškietty, se paloitetih da lihat keitetih. Jogahine keitti omal, keral otetul padazel. Rannal syödih. Kylän köyhät käydih syömäh hos kenentahto padazes, kuduas iče tahtottih. (*Hautala, 1982, s. 277*)

Leikkavo

Peldo kuččus čirpii, kus oldaneh čirpit?
(*KKS, VI, s. 209*)

Čirpihallu — konzu vil'at leikatah ei kypsänny.
Čirpihallua luajit, pidäs vuottua valguondua.
(*KKS, VI, s. 209*)

Jumal abu terveh, čirpihalluago piet? A ku on lämmät vuvvet, sit eulla rakkahat čirpihallua pidämäh.
(*KKS, VI, s. 209*)

Потом те, кто брали мясо и бульон, клали деньги во дворе часовни. Эти деньги шли святому Георгию. А после у того жителя прекращался падёж скота, вся скотина выздоравливала. Сейчас никто ни во что не верит, а тогда в жизни всё в руках было.
(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

День быка

В старину на острове Манчинсуари был такой обычай: у Ильинской часовни в Пелтойнен спустя неделю после Ильина дня проводили большой праздник. Мужчины приезжали на него со всех концов острова верхом на лошадях, с собой у каждого была соль и ложка за голенищем сапога. Утром до восхода солнца закалывали быка, освящённого и посвящённого святому Илье-пророку. Быка кто-нибудь жертвовал, и обычно за неделю до праздника быка приводили к зрителю часовни. По поверью, тот, кто пожертвует быка в часовню, убержёт своё стадо от медведя. Когда бык был зарезан, его разделявали на куски и мясо варили. Каждый варил в своём, принесённом с собой горшке. Ели на берегу. Деревенские бедняки приходили и ели из любого горшка, из какого сами хотели.
(*Salmi — Салми*)

Жатва

Поле позвало бы серп, где же серпы?
(*Salmi — Салми*)

«Серпный заморозок» («чирпихалла») — это когда зерновые жнут недозрелыми. Морозишь серпом, надо бы подождать, пока колос побелеет.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Бог в помощь, здравствуй! Морозишь серпом? А когда год тёплый, тогда неохотно прибегают к «чирпихалла».
(*Salmi — Салми*)

Enzimäine pyhäpäivy Il'anpäivän jälles on, Boššipyhäpäivy. Siämärven Jessoilan kylän pruzniekku, konzu iškiettih bošši lammasozan menestyksekse.

Первое воскресенье после Ильина дня — Баранье воскресенье. Праздник Сямозерской деревни Эссойла. В этот праздник закалывали барана, чтобы приумножалось овечье стадо.

Leikkuamine ku loppih, sit laitah čirpiiruut.
Čirpiirualoil kučuttih.
(KKS, VI, s. 209)

Lopeteta leikkavon, valmissetah čirpiiruut, jälgimäzen liyhtehen šezateta jumaluglah.
(СКЯ тв, с. 29)

Vielä čirpiežet piemmä. Šiidä loajimma piirahat, voišša žoarimma ne, syömmä da plässimmä, kellä vägiä on ka siidä viinoa tuou.
(KKS, VI, s. 209)

Čirpiirait ollah net ku leikkuamine lopeh... Sit čirpiiruut luajitah. Piirait luajitah. Piivoa tuvvah. Sit vai... piirua luajitah. Sit kai kolhozniekat yhtes olemmo stolas — se čirpiirait meile, no, gostimmo.
(Рязоев зап. в 1966 г. от Еккоевой А.И., ФА, 715/8)

Ruis kuul'ahah, luukka vakkah.
(Virtaranta, 1990, s. 444)

Vuokinsalmen kylän Kammarinvuuran huuttorissa sukupolvesta sukupolveh novvatettih kolmea perinteellistä tapaa: Čirpin luojaset, Priusan kolkkajaiset ja Kuokan kolkkajaiset. Merkillistä näissä kolmessa pruasniekassa oli se, jotta nuapurien čäijyö juotuo ta sriäpnyä syötyö hyö talonväen kanssa vielä paistih taloushommista ta syystöistä. Ei kisattu eikä laulettu niin kuin toisissa pruasniekoissa. Jokahisella perehellä oli omat pellot. Kun tuli sykyys, pelloilta leikattih vil'lat ta siitä piettih Čirpin luojaset, se oli pruasniekka. Ken kerkisi kolmesta talosta ensimmäisenä leikata vil'lat pelloita, siinä talossa piettihki čirpin luojaset. Kučuttih rahvasta kahesta muusta talosta pruasnuimah. Sriäpittih kakkarua osrasesta jauhosta ta kalittua osran suurimasta. Sitä suatih sillä keinoin, jotta käsi-

По окончании жатвы устраивали угощение («серпные пироги»). Приглашали на праздник по окончании жатвы.
(Salmi — Салми)

Жатву закончат, приготовят угощение, последний сноп поставят в красный угол.

Ещё пожинки (праздник по окончании жатвы. — Прим. сост.) устраиваем. Готовим пироги, в масле их выжарим, едим и пляшем, у кого есть силы, так и вина принесёт.
(Роаеп — Паданы)

Пожинки (праздник по окончании жатвы, букв. серпные пироги. — Прим. сост.) бывают, когда заканчивается жатва. Тогда устраивают пожинки. Пекут пироги. Приносят пиво. Потом только пироги делают. Потом все колхозники сидим вместе за столом — это пожинки у нас, гостим.
(Salminiška — Салменица)

Рожь — в сноп, лук — в корзину.
(Puasinkoi — Пасынки)

На хуторе Каммаринвуара деревни Вуокинсалми из поколения в поколение соблюдали три традиционных обычая: праздник окончания жатвы, праздник завершения обмолота и праздник завершения уборки картофеля. В этих трёх праздниках было примечательно то, что соседи, выпив чаю и отведав выпечки, беседовали с хозяевами о хозяйственных делах и осенних работах. Не танцевали и не пели, как на других праздниках. У каждой семьи были свои поля. Когда наступала осень, на полях жали зерновые, потом отмечали праздник обжинки (праздник по окончании жатвы. — Прим. сост.). Обжинки устраивали в том доме из трёх, хозяева которого успевали первыми сжать своё поле. Праздновать приглашали жителей двух других домов. Пекли блины из ячменной муки

kivellä piti suurtua osrua. Lisäksi sriäpittih möykyistä taikinaisesta. Keitettih čäijyö, hauvottih maituo, sriäpnyä stolalla pantih ta vierahat kučuttih syömäh ta juomah.

(Lyytinen, s. 38)

Kun leikattih kaikki elot, osrat, kakrat, rukehet, kaikki, mitä vain oli, siitä piettih čirpinluojaset. Emäntä kun oli pirtissä nin emännällä tuotih čirpit kaklah, jos ei emäntä tietän jotta loatie čirpinluojasie, ni pantih kaklah. Kun oli čirpinluojaset valmehet, nin ei pantu kaklah. Se pelasti sen kaklah.

Sielä emäntä kalitto sreäppi, kakkaroa paisto, čäijy keitettih. Čirpinluojaset piettih, vaikka myöhä illallaki loppu leikkoamini, nin se lämmitettih pirtti, paissetih, sreäpittih. Varsinki kylästä kun oli leikkoajoa nin nehän siitä kiirehettih sen ulalla leikata niin jotta vain ois soatu ne čirpinluojaset...

Viikattehienluojasieki mainittih ku heinäroato loppu, ni viikattehenluojaset tulou. Vain ei ne muut luojaset ollun niin arvokkahie ku ne čirpinluojaset, ne ne oli... ne ne piettih vaikka yöllä! Yölläpä ne oliku useinki ku päivällä leikattih. Monta kertoa kun leikattih, ni sitelömättä jäi leikkuupellolla jotta čirpinluojaset vain tulis. Kyllä mie jälestä sitelin monta kertoa niitä.

(Virtaranta, 1958, s. 390)

Nälgä še vil'l'an šuluau.

(KKS, VI, s. 626)

Hiirenpezä korres ku on, sit leiby roih keskihinnalline, kallis ni huovis, a ku muas on, sit roih leiby kallis.

(KKS, I, s. 257)

Itke libo nagra, ga kazvanuh on kagra.

(KS, s. 121)

и калитки с ячневой крупой. Её получали таким образом, что на ручном жёрнове надо было смолоть ячмень. Вдобавок пекли круглые хлебцы из теста. Кипятили чай, готовили топлёное молоко, на стол ставили выпечку и приглашали гостей пить и есть.

(Vuokinsalmi — Вуокинсалми)

Когда были сжаты все зерновые, ячмень, овёс, рожь, всё, что было, устраивали праздник по окончании жатвы. Так как хозяйка была в избе, хозяйке принесли серпы, если она не успевала приготовить всё к празднику, ей на шею вешали серпы. Если угощение было готово, то не вешали их на шею. Так она спасала свою шею.

Хозяйка пекла калитки, тонкие блины, кипятили чай. Праздник по окончании жатвы устраивали, даже если жатва заканчивалась поздно вечером. Топили избу, пекли, стряпали. Особенно если жнецы были из деревни, они ведь потому и торопились сжать всё, чтобы получить угощение на празднике по окончании жатвы...

Когда заканчивался сенокос, был праздник по окончании сенокоса. Только праздники по окончании других работ не были такими почитаемыми, как праздник по окончании жатвы. Его праздновали даже ночью! Ночью они часто и были, потому что днём жали. Много раз бывало, что жали и оставляли несвязанные снопы на поле, только бы праздник по окончании жатвы наступил. Я после уже много раз их связывала.

(Venehjärvi — Суднозеро)

Голод зерно растопит.

(Tunguo — Тунгуда)

Если на стебле есть мышинное гнездо, то хлеб будет в средней цене, ни дорогой, ни дешёвый. А если мышинное гнездо на земле, то хлеб будет дорогой.

(Siämärvi — Сямозеро)

Хоть смейся, хоть плачь, а овёс вырос.

(Suistamo — Суїстамо)

Kyhlästy ei hyvän iel syvvä hiiret, se on voinan iel libo leiby kallistuu.

(KKS, I, s. 263)

Ku olis kakra karsinassa, osra orren piässä, leikata vai lebutteleisin, sit vai čupakkasta söisin naputteleisin.

(KS, s. 121)

Olisgo ozru orren piäs, kagru karzinas, pädis leikata leputella.

(KS, s. 342)

Kagran lago ei lasta kasvata, osran lago lapsen kasvat-
taa.

(KS, s. 121)

Jesli žiivattua meččä pidäy, niin kun on lehtie langennutta, niin pidäy; a kun eu, niin ei pie. Touguo leikatešša kačotah, ongo lehti langennun vain ei. Kun ei kuotella mečänpiennästä (tietäjällä), niin ei nähä; šiinä i ollah, et niä.

(KKN, I, s. 92)

Syyskezä, šyjškešä, šygyzkezä

Aigane griba viluu toivottau.

(KKS, II, s. 378)

Vuoziruis pidäy kylviä sygyzyl, konzu ollah lendäjät mauroit.

(Макаров, Рягоев, 1969, с. 192)

Konža ruvetah ruista kylvämäh: kun šittapöröllä on edizissä šorkissa enämbi poigua, niin že enžikylvö parembi, a kun tagazissa, niin jälgikylvö parembi.

(KKN, I, s. 91)

Мыши не к добру едят зерно в суслоне. Это перед войной, или хлеб подорожает.

(Siämärvi — Сямозеро)

Если бы овёс был в подполье, ячмень — на конце воронца, вот тогда бы я жала легко, потом только блины бы кушала.

(Imbilahti — Импилахти)

Был бы ячмень на воронце, овёс в подполье, хорошо было бы жать.

(Suistamo — Суїстамо)

Полёгший овёс ребёнка не вырастит, полёгший ячмень вырастит. (Овёс боится полегания, ячмень — нет. — Прим. сост.)

(Suistamo — Суїстамо)

Если лес удерживает скотину, когда уже листья опадают, то удержит; а если нет, то не удержит. Во время жатвы яровых смотрят, опала листва или нет. Если не обратятся к знахарю, когда скотину лес держит, то и не увидят [её], тут же и будет стоять, да не увидят.

(Tolmašči — Толмачи)

Вторая половина лета, конец лета

Ранний гриб предвещает холода.

(Salmi — Салми)

Озимую рожь надо сеять осенью, когда появляются летающие муравьи.

(Kolatselgy — Колатсельга)

Когда начинают сеять рожь, [смотрят], если у навозного жука больше деток на передних лапках, то первый сев будет лучше, а если больше деток на задних лапках, то последний сев будет лучше.

(Tolmašči — Толмачи)

Kylvöaigu tiettih sih mahtih: ku roihes neče nepremnenno rugehen panenduaigu, paras panendu, roih se tyyni, heittyi hämähäkin siimua puuloih, kai kanabrolain n'okkih heittyi, kadaimättähih, kai hämähäkin siimua roih, sit se on kylvöhuondes, sit kylvettih rugehet. Huolitettih — muat enne varustettih, sit iäre kylvetäh, kaikkii parahasti sit kazvau.

(Макаров, Рягоев, 1969, с. 218)

Taivahah rubei burangoloi jävimähes, kylvöaigu tulou. Kylvöpilvet burangoloi kävelläh.

(KKS, V, s. 615)

Vezikorendo rugehenkylvändaigah lendelöö.

(KKS, VI, s. 564)

Uudizes leiby ku pastetah, sit kuajitah jumaloin ual taigin da leivätgi.

(KKS, VI, s. 440)

13.08 (31.07) — Heinypyhälasku, heinarren jälgimäine päivy, heinargipyhälasku

Heinypyhälaskunedäli — heinarren jälgimäine nedäli.

(KKS, I, s. 204)

Spuasanpyhiä vaste pyhälaskunnu ku olis adru sarual, ruis kylvetty jo.

(KKS, IV, s. 558)

Heinargipyhälaskunedälil kylvetäh rugis.

(LMS, s. 66)

Время сева узнавали таким образом: когда наступит время сева ржи, лучшее время сева будет, когда будет тихо, опустится паутина на деревья, на верхушки вереска и на кусты можжевельника, тогда и будет утро сева, тогда сеют рожь. Спешили, землю готовили заранее, тогда уж сеют. Лучше всего тогда растёт.

(Vehkuselgy — Вехкусельга)

Когда на небе появляются тёмные, густые дождевые тучи, наступает время сева. Тучи сева ходят густо.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Стрекозы летают во время сева ржи.

(Suojärvi — Суоярви)

Когда пекут новинный хлеб (из зерна нового урожая), то кадят под иконами и квашню, и хлебы.

(Siämärvi — Сямозеро)

13.08 (31.07) — Заговенье на Успенский пост, последний день летнего («сенокосного») мясоеда

Неделя, на которую приходится заговенье перед Успенским постом, последняя неделя сенокоса.

(Siämärvi, Nekkula-Riipuškala — Сямозеро, Неккулица-Рыпушкалица)

Вот бы в заговенье накануне Успенского поста соха была бы на сарае, рожь была бы посеяна (как идеальная ситуация. — *Прим. сост.*).

(Siämärvi — Сямозеро)

На последней неделе сенокоса сеют рожь.

(Terun Priäžy — Пряжа)

14.08 (01.08) — Makovei, Enzimäinen Spuassu, Marja-Makovei

Makovei oli Spuasan pyhän alku, Makovei on enzimäinen päivä Spuasan pyhiä, heinarren loppehuu.
(KKS, III, s. 260)

Makovein hallat da Spuasunpäivän hallat, ne hallat kun mänöy yliči, niin šiitä ei tule toisie kotvilleh.
(Hautala, 1982, s. 290)

Makovein aikah jortano luajittih, Makoveina hypättih jortanoh.
(KKS, III, s. 260)

Makovei proasnuitih meilä; käytih jordanalla. Läzijät kastettih, samoin oli Vieristänä.
(Kaуконен зап. в 1943 г. от Марковой М., НА, 5/26)

Kos ristan pappi kastau, sit rahvas vetty pannah järves očah jogahine, ristah kävväh, priskutetah kaikkie.
(KKS, III, s. 260)

Kesällä Makoveina kylvettih järvie, marjua, kalua syöttih. Maituo, voita ei annettu, lihua ei syöty. Makovei oli Jyskjärven pruasniekka.
(Лукина, Лавонен, Конкка А. зап. в 1971 г. от Панкратьева Г. О., НА, 169/5)

Makoveina jordanua kylvetäh, luajitah kozlat matalaizella rannalla, kirikönrannoissa. Muuvalla ei kylvetty jordanua kuin vain kirikön luona. Pappi risti vesi. Risti kassettih veteh, šiitä otti pappi vettä astieh, šiitä vasta rahvas hypittih veteh.
(Лукина, Лавонен, Конкка А. зап. в 1971 г. от Луккаревой Ф. И., НА, 169/15)

Enžikylvö liey Makoveista.
(СКЯ тв, с. 39)

14.08 (01.08) — Маковей, Ягодный Маковей, первый Спас

Маковей — начало Успенского поста, Маковей — первый день поста после окончания сенокоса, летнего мяседа.
(Siämärvi — Сямозеро)

Заморозки на Маковея и Спаса как пройдут поверху, то других долго не будет.
(Vuonnini — Войница)

В Маковеев день делали иордань, на Маковея прыгали в иордань.
(Uhut — Ухта-Калевала)

У нас праздновали Маковей; ходили на иордань. Окунали больных, то же было и в Крещение.
(Роаен (Pogosta) — Паданы (Погост))

Когда батюшка окупёт крест в воду, люди намочат лоб водой из озера, подходят к кресту, окропляют всех присутствующих.
(Siämärvi — Сямозеро)

Летом на Маковея купались в озере, ягоды, рыбу ели. Молока, масла не давали, мяса не ели. Маковей был праздник Юшкозера.
(Jyškäarvi — Юшкозеро)

На Маковея купаются в иордани, делают козлы на маленьком берегу, на церковном берегу. В других местах в иордани не купаются, только у церкви. Поп крестит воду. Крест окунали в воду, потом поп набирал воды в посудину, только потом люди прыгали в воду.
(Jyškäarvi — Юшкозеро)

Начало сева озимых с Маковея.

Makovei — tänä päivänä otettih enši kerta perunua muasta.

*(Лукина, Лавонен, Конкка А. зап. в 1971 г.
от Луккаревой Ф.И., НА, 169/15)*

Makovei oli. Makovein ka Il'läšta n'ed'äli, ka Makovei. Ka Makoveina toožo pappi t'äd'ä, kropitti heboz'ie. Makoveina i käveli. Kyl'vetää rugehen že. Makoveih šua jo kyl'vetää rugehee. I kävy pellolla rugehie kropimaa, pappi kresnim hodom, ottaa ka kropittaa hebozet eiz'is't'ää, Makovein hebozilla iel'l' ei ruattu, hebozilla Makoveina ei ruattu, jiekšitt oo. Heboz'illa ei ruattu. Myö ijän ka hot' i tuatošša i, ka tiel'ä ijän emmä ruadam Makoveina hebozella. Emmä ruadaa.

A šid'än ottaa vejen i ka kresnim hodom, mis's' on rugehet kyl'vetty, n'äill orahilla mänöö, molebenan sluužuu pappi. Makoveina. Makoveida tsenittii. Hän on Il'läšta n'ed'äli, Makovei, tuloo pyhä, Makovei. Makovei tuloo, ka ni, ni "Makovei, razgovei". Značit, pyhä lienöö, Makoveista n'ed'äli Spuasun pyhä kaksi n'ed'älie.

(Рязов, 1980, с. 177)

14.08–28.08 (01.08–15.08) — Spuasanpyhä, Spoassunpyhä, Spuasanpyhä

Spuasan pyhä on jälles heinargie, Makoveis alguateh Emänpäivässäh.

(KKS, V, s. 501)

Puoles Spuasanpyhä on paras kylvö.

(KKS, V, s. 501)

Kezäkerdu tämä on nyt Spuasanpyhä, keritäh Emänpäiän aigah kezäkerdu.

Kezäkerran villat on pitkembät migu talvivillat.

(KKS, II, s. 149)

Маковей — в этот день первый раз копали картошку.
(Jyškärvi — Юшкозеро)

Был и Маковей. Маковей с Ильи через неделю. В Маковей поп тоже кропил лошадей. Как только закончат посев озимой ржи, так он в Маковей ходил в поле рожь кропить с крестным ходом. Сперва лошадей окропит. Раньше в Маковей на лошадях не работали, было завещано, чтобы в Маковей не работать, ни у отца, ни здесь мы в жизнь не работали на лошадях, нет, не работали.

Возьмёт поп воды, с крестным ходом идёт туда, где рожь посеяна, забредёт на всходы, отслужит молебен. Раньше праздник Маковей ценили, с Ильи через неделю Маковей, приближается пост. Как Маковей наступит, [говорят]: «Маковей, разговей». Значит, пост начинается. С Маковей неделя — Спасов пост, две недели поста.

(S'elis's'ä — Селище)

14.08–28.08 (01.08–15.08) — Успенский пост

Успенский пост наступает после сенокоса. Начинается с Маковей и длится до Успения.

(Suojärvi — Суоярви)

Середина Успенского поста — лучшее время для сева.

(Salmi — Салми)

Летняя стрижка овец приходится на Успенский пост. Во время Успения пресвятой Богородицы проводят летнюю стрижку овец. Шерсть летней стрижки длиннее, чем шерсть зимней стрижки.

*(Suojärvi, Siätärvi, Nekkula-Riipuškala —
Суоярви, Сямозеро, Неккулица-Рыпушкалица)*

Pyhäil'p'anparta (lampahie keriččieissä jätetty villatupsu)
(*KKS, IV, s. 558*)

19.08 (06.08) — Spuasanpäivy, Toine Spuasanpäivy, Spuassunpäivä, Spuasumpäiv

Spuassu telegäl ajau, toizih pyhä il'p'oih, pruanziek-
koih ad'vuo keräy.
(*KKS, V, s. 501*)

Kevät-Miikkulal piäčköit tullah tänne, lähtietäh Spua-
sanpäivän aigah.
(*KKS, V, s. 501*)

Spuasan pruaniekasta lähtien on vesi vilu juodava, yö
pimie muattava, halgo huabane jygie, harmua heboine
ei aijan tagua nävy.
(*Hautala, 1982, s. 290*)

Spuasanpäivän ku vihmus kirikköaigah, sit ei rodizih
sinä vuon tulipaluo mual.
(*KKS, V, s. 501*)

Spuasanpäivänny hos kolme pizarua pidäs vihmuo. Sit
tulien vuon rodies vähä tulipaluo.
(*Hautala, 1982, s. 290*)

Jos Spuasunpiänä vihmoi, niin sinä vuoten eu tule tu-
lipaloja.
(*Kaukonen зап. в 1943 г. от Марковой М., НА, 5/26*)

Enzimäzen Spuasun jälgie voit ruista kylvie, juablok-
kua šuau ottua šyödäväkse toizešta Spuasusta, herneh-
tä kolmannešta Spuasusta.
(*KKS, V, s. 501*)

Touvon leikkavo ennein Spuasuo zavodiečou, rugehen
ennein Il'p'ua.
(*СКЯ тв, с. 38*)

«Борода святого Ильи» — небольшой клочок шер-
сти, который оставляют на овце во время стрижки.
(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)

19.08 (06.08) — Преображение Господне, второй Спас

Спас на телеге едет, к другим святым Ильям, гостей
на праздник собирает.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

На Николу Вешнего сюда ласточки прилетают,
а улетают во время Спасова дня.
(*Suojärvi — Суоярви*)

От Спаса холодная вода для питья, тёмная ночь для
сна, осиновое полено тяжёлое, серая лошадь за из-
городью не видна.
(*Suistamo — Суїстамо*)

Если на Спаса пойдёт дождь во время церковной
службы, то в этом году на земле не будет пожаров.
(*Suojärvi — Суоярви*)

На Спаса должно выпасть хоть три капли дождя.
Тогда на будущий год будет мало пожаров.
(*Salmi — Салми*)

Если в Спасов день шёл дождь, то в этом году не бу-
дет пожаров.
(*Poaen (Pogosta) — Паданы (Погост)*)

После первого Спаса можно сеять рожь, яблоки
можно брать для еды после второго Спаса, горох —
после третьего Спаса.
(*Tveri — Тверь*)

Жатва яровых начинается до Спаса, ржи — до Ильи.

Uudizen pinnas, kulujazen kannas on Spuasanpäivy, ylen on kiireh: pidäy uvvistu piästäi, kalua suaha, piäy pruanziekkua vastata.
(*KKS, V, s. 502*)

Uudizen pinnas kalah kävväh.
(*СКЯ ливв, с. 268*)

Spuasanpäivänny nagrehet tuoduu pannah jumaloin edeh, sit kuajitah, kuajittuu jogahine kuorittau kynnel da syöy uvvisnagristu; enne Spuasanpäiviä ei syvvä.
(*KKS, V, s. 502*)

Enne Spuasanpäiviä ei nagristu kuoriteta ymbäri. Ken kuorittau, ei nagrehet enämbiä kazveta.
(*Hautala, 1982, s. 291*)

Spoassuna sanottih: mie tänäpäi en marjua syö.
(*Кауконен зап. в 1943 г. от Марковой М., НА, 5/26*)

Spuasanpäivänä ei syvvä marjua, niissä on Spuasan veri.
(*Hautala, 1982, s. 290*)

Potakkua ei šua šyyvvä ennein Spuasunpäivyä; tulou riähkä, još šyöy. Spuasunpäivä šiitä on potakkapäivä, šilloin luajitah monenmoista potakkaruokua.
(*Hautala, 1982, s. 290*)

Kazviksii ei otettu muas enne Spuasanpäiviä. Br'ukvas (lantus) otettih Spuasanpäivänny lehti. Sil voijeltih konzu rubei rungua pistämäh.
(*Hautala, 1982, s. 290*)

Kun kaikki potakat oli kuokittu, Kammarinvuaran huutorissa pijettih Kuokan kolkkajaiset – pruanziekkua. Suurin osa sriäpnäy ta syömistä silloin laitettih potakasta. Keitettih potakkavoita, lohkomaituo, sriäpittih potakkasankie, potakkakalittua, kakkarua, paissettih osrasesta jauhosta i lettuo niis, sillä ennen ei ollun valkieta jauhuo. Kučuttih nuapurit kostih ta sanottih:

Спасов день — на пороге нового урожая, когда заканчивается зерно старого урожая, спешка очень большая: нужно новину (хлеб нового урожая) сжать, рыбы наловить, праздник нужно встретить.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

На пороге нового урожая ходят рыбачить.

На Спаса репу кладут под образа, кадят, после чего каждый очищает себе репу нового урожая ногтем и съедает; до Спаса репу не едят.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

До Спаса кожуру с репы не срезают вокруг. Кто так очистит репу, у того репа расти не будет.
(*Salmi — Салми*)

На Спаса говорили: я сегодня ягод не ем.
(*Poaen (Pogosta) — Паданы (Позост)*)

В Спасов день не едят ягоды, потому что в них кровь Спасителя.
(*Potantsi — Иломантси*)

До Спаса нельзя есть картошку; если поешь картошки будет грех. Спасов день — день картошки, тогда из неё готовят много блюд.
(*Vuonnini — Войница*)

До Спаса не выкапывали корнеплоды. У брюквы на Спаса отрывали лист. Им смазывали тело, если начинало колоть.
(*Sortavala — Сортавала*)

Когда была выкопана вся картошка, на хуторе Каммаринвуара отмечали праздник окончания уборки картофеля куокан колккайсет (букв. звяканье мотыги. — *Прим. сост.*). Большую часть выпечки и еды готовили из картошки. Готовили тушёную картошку, тушёную в молоке репу, пекли картофельные шаньги и калитки, тонкие овсяные блины, пекли

”Nyt meilä on pruasniekka, kuokan kolkkajaiset. Syökyä ta juokua, hyvät vierahat.” Näin pruasnuittih kolkkajaisie.

(*Lyytinen, s. 39*)

Potakan kuokkimini kun loppu, nin piettih kuokanluojaset. Čäijy vain keitetih — nei ei ollut nin arvokkahat, paremmin sanottih jotta ’kuokankolkkajaiset’.

(*Virtaranta, 1958, s. 396*)

Pabuu ei annettu ni yhty jyviä lekahuttua enne Spuasanpäiviä, ei hernehty, eigo br’ukvua.

(*Hautala, 1982, s. 290*)

Spuasukši i herneh kergiey.

(*СКЯ тв, с. 257*)

25.08 (12.08) — Fotei

Oli jääksitty kylällä ei ruadua Foteina palošta.

(*СКЯ тв, с. 74*)

28.08 (15.08) — Emänpäivy, Uспен’n’u, Suuri pohročča, Ensipohročča, Emägänpäiv

Kun ukko jyräjäy Uспен’n’an jälgeh, niin liey pitkä i lämmin sygyzy.

(*СКЯ тв, с. 283*)

Emänpäivän aigah on ylen kovat tuulet. Niidy sanotah kylhästuulikse.

(*Hautala, 1982, s. 295*)

Enim piä Emänpäivän aigua, paras piä Spuasanpiän aigua piäsközis lähtöy.

(*ККС, V, s. 501*)

блины и из ячменной муки, потому что раньше не было белой муки. Приглашали в гости соседей и говорили: «Теперь у нас праздник, куокан колккайсет. Ешьте и пейте, гости дорогие». Так праздновали колккайсет.

(*Vuokinsalmi — Vuokinsalmi*)

Когда был выкопан картофель, устраивали праздник по окончании уборки картофеля. Только чай кипятили — это не был очень почитаемый праздник, скорее называли его куокан колккайсет.

(*Venejärvi — Суднозеро*)

До Спаса не давали трогать ни одного зёрнышка бобовых, ни гороха, ни брюквы.

(*Imbilahti — Импилахти*)

К Спасу и горох поспевают.

25.08 (12.08) — Фотей

На Фотей от пожаров всей деревней был дан обет не работать.

28.08 (15.08) — Успение, большая Богородица, первая Богородица

Если гром гремит после Успения, то будет долгая и тёплая осень.

В Успение дуют очень сильные ветры. Их называют суслонными ветрами.

(*Salmi — Салми*)

Большая часть ласточек улетает в Успение, а лучшая часть — на Спаса.

(*Salmi — Салми*)

Piäsköit lähtietäh sygyzyl lämlih mualoih: enzymäzet Emänpiän, toizet Spuasanpiän, suurin joukko Suuren-puruazniekannu, a jälgmäine Pokrovannu.
(KKS, I, s. 116)

Nellä netälie on Pohročojen välie, šillä välillä (häiskyn aikah — KKS, I, s. 370) še (karhu) kiimiy.
(KKS, IV, s. 370)

Kahten Emagan keskučal meil primietuoittii aino, šiid (kondijan) kiimindaig, kahten Emagan keskučal kačo se tulou augusta tämä d'älgele Uспен'd'at se: august, sent'abr', šillä välillä on, šiid on heijän kiima-aig.
(LT, V, s. 63)

Pohročan aikana ruis leikattih čirpillä.
(KKS, VI, s. 209)

Uvvista potakkua Pohročoiaksi otettih.
(KKS, VI, s. 440)

Emänpäivän aigah elokuus otetah pelvas da liinu.
(Hautala, 1982, s. 295)

Kezäzeh aigah Äijäksepäiviä ku valgait (päčin), sit Sroičanpäiväkse toine kerdu, Emänpäiväkse kolmas.
(KKS, I, s. 116)

Lošken kylä. <...> Časovnoa ei ollun. Sielä oli šuuri kuuži, daže, miän d'iedo eli šuanviistoista vuotta, ni enne d'ieduo še oli kuuži, sil'l'ä paikalla zavod'inun kažvua. <...>
Kuuži oli siliäl'l'ä paikalla, a siin'ä, kuužen luona oli kaikičči Uспен'jana tansuidii, ymbäri sid'ä, piha oli iče silie. T'ästä kylästä kai keräytää, nuorizot, vanhat, äijä oli rahvasta. Venehil'l'ä tullaa tuolda, Särgjärvest'ä, Hirvenniemest'ä, Mänd'yniemest'ä, niist'ä pienet kylät kai, kel'l'ä rodn'ua on. I kaksin päivin siid'ä aino kylässä, Lošken kylässä. [Kuuži] yksinää kažvo, se oli niin turbie n'äin, da pit'kä. Ni erähičči Uспен'jana,

Ласточки улетают осенью в тёплые края: первые — в Успение, вторые — на Спаса, самая большая группа — в Рождество Богородицы, а последняя — в Покров.
(Salmi — Салми)

Между Успением и Рождеством Богородицы проходит четыре недели. На это время приходится брачный период медведей — хяйскю.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

У нас примечали: брачный период медведя приходится в августе-сентябре на время между Успением и Рождеством Богородицы.
(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

В Успение рожь жали серпами.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Картошку нового урожая выкапывали к Успению.
(Uhut — Ухта-Калевала)

В Успение в августе убирают лён и коноплю.
(Salmi — Салми)

В летнее время побелишь печку к Пасхе, второй раз — к Троице, третий раз — к Успению.
(Salmi — Салми)

Деревня Лошке. <...> Часовни не было. Там была большая ель. Наш дед жил 115 лет, так раньше деда ещё стояла эта ель, на этом месте росла. <...>
Ель стояла на ровном месте, а там, около ели, всегда на Успение играли, вокруг неё, земля кругом была гладкая. Из этой деревни все собирались — молодёжь, старики — много было народа. На лодках приплывали из Сяргозера, Хирвенниями, Мяндюниями, из тех маленьких деревень у кого родня была [в Лошке]. И по два дня всегда в Лошке [гуляли]. Ель одна стояла, она была очень густая и высокая. Вот однажды на Успение — раньше ведь не дрались

iel'l'ä vet' ei torattu veiččilöin kera da kirvehien kera, da kaikkie... no, ni kui toini toista rinnoista n'yhit't'ii, kaheksantoista paidua revit'et't'ii, šiihi kuužee riputtettii. Toin toista d'orgaijaa, paida revit'et'ää šin kuužen ladvaa nošsetaa okšie myötee. Ni kaheksantoista paidua oli kuužen ladvašša. [Miksibä n'e sin'n'e nošsetii?] Ka, no poamet', ana poamet't'i on kuin Uспенja proid'i. (Конкка, 1980, с. 119)

No, Uспенjana da Pedruna. Znaačit, mänöy pappi, dai rahvas kai männää. Rahvas viet'ää voida sin, rahkoa, niid'ä, kaboа. Erähät značit, buitto miula ku toatto kuoli, miula on zavet ved'ia lammas Uспен'jana. Ved'äy, kerran lambahan villoа vietää. Pappi se yht'ä ku... kereäy. Sielä oli sluuzbat, kaksi oli časovnoа, siid'ä molimma. <...> Ven'ehtä on, kaksinkymmenin ven'ehin. Suvesta da t'äst'ä kai mänemmä Uспенjaa sin. Sii tuohusta pannaа, den'goа pannaа, eräs ved'äy käzipaikan, sidou obražalla, eräs metražen tavaroа, no ken mid'äi. Znaačit, miula kun rod'iiž gor'a, mie jo tuon, jo uššaldan, nu pid'äy vedeä. Zavetta. Nin uššaldanen hot' ko käzipaikan, hot' kaksi metroа. Toizista kylista kävel'dii Uспенjaa — mi gor'a rod'ietou, t'änne jeezd'it'ää, soaree sin männää. (Конкка, 1980, с. 117–118)

Uспенjalla oli žertvuidu meil'ä, obeščaidu žertva na boži pomošč' ili kak, štobi sohraanil bi naši stadi. No, niin d'ad'a kaikičči andau šen žiivatan, hot ollou kaksi še kezäne häkki, hod l'ehmä ei piendä, pereh oli vän-gä, ruadajat olima. (Žiivatta) pannaа šuuree venehee, šoаhaа, omat venehet on pien'emmat, ni naimitaa, silloin oli kaz'onnoit n'amä šploavan. Koar'eih šinne kol'ččii sivotaa nuorat t'ah, nuorat piäl'l'ä viel'ä, laudoa da godno luaduu, stobi še ei hypäht'äis ved'ee, panis rahvasta, nu i viämmä sin, siel'ä issemmä i siid'ä otetaа t'iaal'd'ä kattiloа, otetaа kaikkie, keit'et'ää, kaikilla mierolla keit'et'ää, siidä ken vai tahtou syyvvä, syögeä jogo toini, no. Syöt'et'ää rahvahalla

с ножами да топорами, да всё такое... так (однажды) когда один другого за грудки хватали, восемнадцать рубах порвали и на эту ель повесили. Один другого дёргает, рубаху порвут и на вершину той ели поднимают по веткам. Так 18 рубах было на верхушке ели! /Почему они туда их поднимали? /Так, на память, пусть память останется, как Успение прошло. (Prokkol'a — Юккозуба)

На Успение да на Петра. Значит, едет поп и деревенские все отправляются. Сельчане везут туда масло, творог, эти — кабуши (сухой творог в виде комьев). А некоторые — если вот (например) у меня отец умер, у меня завет отвезти барана на Успение. Везёт, а другой раз овечью шерсть отвезут. Поп вроде как (всё) собирает. Там службы были, молились, две часовни было. <...> Лодок было — по двадцать лодок приходило. Из Суви (часть с. Сельги) да отсюда — все отправятся на Успение туда (на остров). (В часовню) свечи кладут, деньги кладут, кто-нибудь привяжет платок, наденет на образ (икону), другой — может, метр ткани, кто что. Значит, если у меня горе, я уже везу, раз пообещала, ну, надо везти завет. Обещаю хоть платок, хоть два метра (ткани). Из других деревень на Успение приходили, если горе какое случится, сюда приезжают и на остров едут. (Sel'gi — Сельги)

На Успение у нас жертвовали, обещали жертву на божью помощь или как, чтобы сохранилось наше стадо. Так наш дядя всегда давал какую-нибудь скотину, пусть хоть двухлетний бычок, хоть корову на мясо, семья была крепкая, мы были работники. (Животное) ставят в большую лодку, свои лодки были поменьше, так наймут, тогда были казённые, сплавные (лодки). К кольцу в носу лодки привяжут верёвки, верёвками ещё сверху (свяжут), досками (нарастят борта) и всё по-годному, по-ладному, чтобы она в воду не прыгнула, ну, и отвозим туда. Там закальваем, а отсюда берут котлы, берут всё, варят, (мясо) всем миром варят, а потом кто только

kyl'l'äl'di, ota hoš, nu a dostalit stoarostalla anetaa, se tser'kovnoi oli starosta še, i mid'ä pid'äy žertvaksi t'ähä čassounaa, ikonoa pid'an'öy parandoa, ikonoa pid'an'öy, posvešnikkoa pid'an'öy, luadanoa, tuohušta, žertvu sinne kaikki. Siel'ä tapetaa i siel'ä kaikki mie-
rolla syöt'et'ää, mid'ä jänöy, dostali anetaa v pol'zu gosudarstva. Ken lambahuon, ken pien'en važazen, ken min voi.

(*Конкка, 1980, с. 118–119*)

28.08–27.11 (15.08–14.11) — Syvysargi, švyvšarki, šygyzar'g

Syvysargi on Emänpäivän jälgehine argi, kudai kestäy 13 nedälii.

Syvysargi Emänpäiväs työndyy syyspyhälaskussah.
(*KKS, V, s. 614*)

Syvysargi kezän loppou, talven tuou. Sidä argie on 13 nedälii.
(*KKS, V, s. 614*)

28.08 (15.08) — Leikkavoargi

Leikkavoargi, aigu, kudaman aigua ei pyhitetä, kudai algavuu Emänpäiväs
(*KKS, III, s. 48*)

31.08 (18.08) — Frolanpäivy, Hullarinpäivä, Frola, Frolanpäiv

Frola oli vakan vora. (Sinä piän voibi olla hallu.)
(*Virtaranta, 1990, s. 442*)

есть захочет — ешьте все, кто пожелает. Народ кор-
мчат досыта, бери, сколько хочешь, а остатки сторо-
жу отдают, это церковный был староста. И ещё что
надо пожертвовать в эту часовню: иконы ли надо
обновить какие, подсвечники ли требуются, ладан,
свечи — жертвуют всё туда. (Жертвенных живот-
ных) везут живыми, там убивают и всем миром там
едят, а что остаётся, то отдают в пользу государства.
Кто (везёт) овцу, кто бычка небольшого, кто что мог.
(*Sel'gi — Сельги*)

28.08–27.11 (15.08–14.11) — Осенний мясоед

Осенний мясоед наступает за Успенским постом,
длится 13 недель. — *Прим. сост.*

Осенний мясоед начинается с Успения и длится до
заговенья на Рождественский пост.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Осенний мясоед лето заканчивает, зиму приносит.
Этот мясоед длится 13 недель.
(*Salmi — Салми*)

28.08 (15.08) — Жатвенный мясоед

«Жатвенный мясоед», во время которого не постят-
ся, начинается с Успения.
(*Siämärvi, Tulejärvi — Сямозеро, Туломозеро*)

31.08 (18.08) — Фрол и Лавр

Фрол украл меру. (В этот день могли быть заморозки.)
(*Puasinkoi — Пасынки*)

A Frolua pruaznuidii, što tullaa huomuksella rahvas, emän'n'ät jo striäpit'ää, t'ijet'ää što tullaa rist'ikanzat n'e, mužikat, toizien kylien, hebozien kera. Zavtrokka luajitaa, tulella murgina, siihi, što tullaa gost'at. Loittozista kylist'ä tullaa, niät, jo illalla, huomukseksi, siihi, no lähizet jo tullaa huomuksella, čuaju juuvvaa, kuni časounassa ollaa, tullaa, murginoijaa i kod'iloil'ähet'ää, ket ollaa tel'egöil'l'ä, a ket sel'l'ässä, yksil'l'ä hebozilla i käyd'ii ku, a muut ei käyd'y pruaznikkaa ni ket, krome izvoššikka, heboni.

No, hebozed, žiivatat häviemää, no ni siid'ä oli butto jääksit't'y siihi Frolaa, no ni Frolaa kaikki tuodii, mid'ä t'ässä l'ähizie kylie, ni kaikki časounaa taluttii hebozie Frolana. Jiäksit't'y, zavet pandu, štobi ei hävit't'äis n'e hebozet, no luajittii en'n'nist'ää vanhua ei heiniä niit't'ia Il'l'an piät'incänä, heiniä niit't'ia sovsem, kel'l'ä ollou haravoidavua, vai haravoijaa, a niit't'ia ei. Oli časouna, no ni siihi jogo sid'ä Frolua taluttii hebozet siihi rist'ii, papilla, pappi rist'i siid'ä. En t'ia, mid'ä vet't'ä pani šiihe astieh, no ni sen, ku kruguška oli, no ni sid'ä bringutti, yhen bringuttau, toini izänd'ä ajau, toizen bringuttau, tuas izänd'ä tuou. Justärvestä, Pyhäniemest'ä, Semčärvestä, Čobenešta, n'amä kai kyl'ät siihi taluttii hebozie, tullaa huomuksesta käyvvää, murginan jäl'gie kai järel'l'ää.

(Конкка, 1980, с. 101)

Suvipiässä piet't'ii Frolua. Se aino luettii hebozien pruaznikka. Lähet'ää hebozella Frolan pruaznikkalaa, no, siel'ä vezissä rissitää, ni siel'ä heinästä, en t'ia mi hein'ä se on, kassikane vai mi, luajitaa kruževaa, semmone pikkarane sveta. Se vesi kassetaa siidä vašta ved'ee, da sil'l'ä vejellä hebozie bringutettii. (Da Frolana) rissit luajitaa t'ervalla sii ovey, piäl'l'ä azetetaa emännät.

(Конкка, 1980, с. 101)

А Фрола так праздновали: гости придут утром, а хозяйки уже стряпают, знают, что придут крещёные, мужики из других деревень, вместе с лошадьми. Приготовят завтрак, обед сварят для гостей. Из дальних деревень придут, видишь ли, ещё вечером накануне, ну, а из ближних придут утром, чаю пьют, потом в часовне побудут, потом отобедают и домой отправляются, бывает на телегах, а бывает верхом, те, которые на одной лошади прибывали. А остальные (из семьи) никто на праздник не ходил, кроме как извозчик и лошадь.

Когда лошади (или другие животные в хозяйстве) пропадали, тогда вроде как обет давали на Фрола. Тогда всех лошадей, какие были в ближних деревнях, всех приводили к часовне Фрола. Завет клали, чтобы не пропадали эти лошади (и ещё), издавна запрещали косить сено в Ильинскую пятницу, (тогда) нельзя было сено косить совсем, если у кого было что ворошить, то только ворошили и сгребали, а косить — нет. (У нас) была часовня, туда на каждый Фрол приводили лошадей крестить, поп крестил их. Не знаю, что за воду он наливал в посуду, (у него) кружка была, так он из неё брызгал. Одну (лошадь) побрызгает, вторую хозяин подгонит, вторую побрызгает, следующую хозяин подведёт... Из Юстозера, Святнаволока, Семчезера, Чёбина — из всех этих деревень приводили лошадей, придут, сходят с утра (к часовне), а после обеда все (уезжают) обратно.

(Sel'gi — Сельги)

В Сувипия (Мяндусельга) Фрола праздновали, он испокон веку считался лошадиным праздником. На Фрола отправляются на лошадях, там водой крестят, там из травы — не знаю, что за трава была: луговик (мятлик, вейник) или какая — делают кружева, такой небольшой веночек. Этот (веночек) намочат в воде и этой водой кропят лошадей. (И на Фрола) кресты мажут смолой хозяйки над дверями.

(Kumsjärvi — Покровское)

Şygyzy, şykyşy, şygyz

Осень

Sygyzy on bohattu, a kevät on köyhy vai kaunis.
(KS, s. 496)

Syksyllä yllin-kyllin, a keväsillä kellä-kuilla.
(Лютютинен зап. в 1984 г. от Лютютинен К., НА, 118/56)

Sygyzy talven sytyttäy, kevät kezän virittäy.
(KS, s. 497)

Päivy sanou: on kezä, a kuu sanou: nygöi on sygyzy, ai-
gugi sanou: on sygyzy, siä sanou: on sygyzy.
(KS, s. 413)

Sygyzyl on mual tuuli, merel kaksi.
(KS, s. 496)

Šyyšvilu — pitkyaigaine pohjaine tuuli.
(KKS, V, s. 616)

Syvystuuli on jygiembi kevätтууду.
(KKS, V, s. 616)

Päivä luuvehta, nedäli keziä. (Roih lämmin.)
(KS, s. 411)

Syyspilvi nouzou vastutuuleh i kävelöy burangoloilleh.
(KKS, V, s. 615)

Осень богатая, а весна бедная, да красивая.
(Salmi — Салми)

Осенью в изобилии, а весной у кого как.
(Luusalmi — Луусалми)

Осень зиму зажигает, весна лето разжигает.
(Imbilahti — Импилахти)

Солнце говорит: сейчас лето, а месяц говорит: сей-
час осень, и время говорит: сейчас осень, погода
говорит: сейчас осень.
(Salmi — Салми)

Осенью ветер дует на материке, два — на море.
(Salmi — Салми)

Осенний холод — продолжительный северный ве-
тер.
(Tunguo — Тунгуда)

Осенний ветер сильнее весеннего.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рытушкалица)

Если дует западный ветер, будет неделя лета (будет
тепло).
(Suistamo — Суйстамо)

Осенняя туча поднимается против ветра и ходит
густо.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рытушкалица)

Pilvi pohjazes sygyzyl lämmäkse, keviäl vilukse.
(KS, s. 386)

Syystumana lämmäksi.
(KS, s. 499)

Ei syvysšaižal kuulu kellot eigo mit.
(KKS, V, s. 616)

Sygyzy seibähäl vinguttau: kezäruadoloi kyzyy.
(KSP, s. 176)

Syysvihmu on vilu, ei kevätvihmakse.
(KKS, V, s. 616)

Keviälline vihma kažvattau, šygyžylline hapattau.
(СКЯ тв, с. 284)

Sygyzyl pizar vetty — korvoi ligua.
(СКЯ ливв, с. 355)

Sygyzyl luzikku vetty — polvessah reduu.
(Макаров, Рягоев, 1969, с. 128)

Šygyžyllä tilkka vettä — korvo ligua.
(KSP, s. 183)

Lusikka vettä — kanteika likua.
(Кондратьев, 1949, НА, 25/86)

Syysliga ei pihal terväh kuiva.
(KKS, V, s. 615)

Jo halla havon alda ei lähe.
(СКЯ тв, с. 45)

Sygyzyl ei nävy harmua hebo aijan tagua eigo kaste lähte havon tagua.
(KS, s. 496)

Sygyzyl yö on kui mustu kaži, päivy ku harmai hiiri.
(СКЯ ливв, с. 128)

Тучи на севере осенью к теплу, весной к холоду.
(Suistamo — Суйстамо)

Осенний туман к теплу.
(Suojärvi — Суоярви)

В осеннюю бурю не услышишь даже звон колокола.
(Siämärvi — Сямозеро)

Осень цепами стучит: летние работы спрашивает.
(Suarimägi — Саригора)

Осенний дождь холодный, не в пример весеннему.
(Siämärvi — Сямозеро)

Весенний дождь растит, осенний гноит.

Осенью капля воды — ушат грязи.

Осенью ложка воды — грязи по колено.
(Mägrädd'ärvi — Мегрозеро)

Осенью капля воды — ушат грязи.
(Tunguo — Тунгуда)

Ложка воды — кандейка грязи.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

Осенняя грязь на улице нескоро высохнет.
(Siämärvi — Сямозеро)

Заморозок уже не исчезает из-под колоды.

Осенью серая лошадь за забором не видна, и роса не исчезает за гнилушкой.
(Salmi — Салми)

Осенью ночь, словно чёрная кошка, день, словно серая мышь.

Valgei on vägevämbi pimiedy, syvvyö mustembi tervua. (KS, s. 552)	Свет сильнее тьмы, осенняя ночь чернее смолы. (Siämärvi — Сямозеро)
Šykšyni yö pimie, huapani halko lipie. (KSP, s. 183)	Осенняя ночь тёмная, осиновое полено склизкое. (Uhtuo — Ухта-Калевала)
Sygyzyl on kaksi pimiedy vastai. (KS, s. 496)	Осенью две темноты друг напротив друга. (Salmi — Салми)
Sygyzyine yö yheksäl hevol ajaa. (KS, s. 497)	Осенняя ночь на девяти лошадях едет. (Suistamo — Суїстамо)
Syvvyö kahteltostu podvodaj ajau — ehtäs on selgei, vähäine proidiu — pilvet tullah, tuuli nouzou — pilvet ajau. Bivaičeh kolmet-nellät kerrat — tiähtet yöš. (Макаров, Рягоев, 1969, с. 128)	Осенняя ночь на двенадцати подводах едет — с вечера ясно, немного времени пройдёт — тучи набегут, ветер поднимется — тучи разгонит. Бывает за ночь три-четыре раза звёзды видны. (Mägrädd'ärvi — Мегрозеро)
Syvvyssiäl pidäs panna kengät jalgah, toizet — takkah. (СКЯ ливв, с. 356)	При осенней погоде надо бы одну обувь обуть на ноги, вторую брать с собою в котомку.
Syvvyzor'a vihmakse, kevätzor'a kelikse (povvakse). (Макаров, Рягоев, 1969, с. 128)	Осенняя заря к дождю, весенняя — к заморозку (к вёдру). (Mägrädd'ärvi — Мегрозеро)
Šyysrusko suliksi, kevädrusko kylmiksi. (KKS, V, s. 616)	Осенняя заря к оттепели, весенняя заря к заморозкам. (Tunguo — Тунгуда)
Šyysruško lämbimiksi, kevädrusko viluloikši. (KKS, V, s. 616)	Осенняя заря к теплу, весенняя заря к холоду. (Роаен — Паданы)
Šyysruskad ränniksi, kevädruškat keliksi. (KKS, V, s. 616)	Осенние зори к слякоти, весенние зори к заморозкам. (Porarvi — Поросозеро)
Syvvyzor'a ku ruskottau illaspäi, sit roih pitkät lämmät. (KKS, V, s. 616)	Если осенняя заря с вечера рдеет, то ещё долго будет тепло. (Siämärvi — Сямозеро)
Päivänlasku rozottau keviäl kelikse, sygyzyl lämmikse. (KS, s. 411)	Закат ярко пылает весной к холодам, осенью к теплу. (Suistamo — Суїстамо)

Pit'knenä čak šygyzel lähtöy regel, a kevädel tulou sukšil.

(*LT, III, s. 385*)

Šygyzel lindud let'au alahakkali — aigaine tal'v lienou.

(*LT, III, s. 385*)

Taivasalua myö lennetäh linnut, vie on loitton talvi.

(*KKS, IV, s. 19*)

Konža kurret lähtietäh järelläh päiten l'endämäh merilöin tagah da kruuketah lähtiessä, nin toivotetah jygiedä vuotta rahvahalla, a konža iänettä len'n'etäh, že vuoži lieu kebiemi rahvahalla.

(*Пунжина зап. в 1966 г. от Лисицыной Е. Ф., ФА, 675/2*)

Jouččenen kynäs lumi, hanhen varbahas hallu.

(*KKS, I, s. 163*)

Talvi jouččenen jäleštä.

(*KKS, I, s. 514*)

Vilu jouččenen jaloissa, halla hanhen varbahissa.

(*KS, s. 581*)

Halla hanhen varbahas, talvi jouččenen takas.

(*KS, s. 48*)

Halla hanhen šiiven alla, talvi jouččenen takana.

(*KSP, s. 45*)

Lumi luikun šiiven alla, talvi jouččenen perässä.

(*Virtaranta, 1958, s. 354*)

Ei rännäl siäl koiru hauku.

(*KKS, V, s. 234*)

Длинноносый комар осенью уезжает на санях, а весной приходит на лыжах.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

Если осенью птицы летят низко, будет ранняя зима.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

Птицы летят очень высоко, ещё далеко до зимы.

(*Суоярви — Suojärvi*)

Когда журавли улетают обратно за моря и кричат, улетая, это предвещает тяжёлый год людям, а если улетают безмолвно, этот год будет для людей легче.

(*Tolmačču — Толмачи*)

На лебедином пере снег, на пальце лапы гуся — заморозок.

(*Salmi — Салми*)

Вслед за лебедем — зима.

(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)

Холод на лапах лебедя, заморозок на пальцах лап гуся. (Если в конце лета улетают лебеди или гуси, то во время созревания зерновых будут заморозки и холодная погода.)

(*Суйстамо — Suistamo*)

Заморозок на пальцах лап гуся, зима в котомке у лебедя.

(*Suistamo — Суйстамо*)

С отлётом гусей — заморозки, с отлётом лебедей — зима.

(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)

Снег под крылом гуся, зима вслед за лебедем.

(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)

В слякотную погоду собака не лает.

(*Suojarvi — Суоярви*)

- Varoi sygyzyl huutaa: gai miun, gai miun. Keviäl: kenen oli, sei vei, sei vei.
(*KS, s. 559*)
- Šyyšraiz on lämbimäkši, kevätraiz vilukši.
(*KKS, III, s. 223*)
- Sygyzyl ku raistu panou, ka sit yksi nedäli on vie läm-miä.
(*KS, s. 496*)
- Aigaine pilmu ku sorduu (koivulois lehtie, havuu pedä-jis, sygyzyl suurel tuulel) sit aigaine talvi roih.
(*KKS, IV, s. 291*)
- Röččäšä šyyš tulou kun vain pihlajamarjua ollou puis-sa hyvin.
(*KKS, IV, s. 271*)
- Räbinvuozi — rändžyvuozi, räbinätöi vie rändžembi.
(*СКЯ ливв, с. 322*)
- Min verda pihlajašša marjua — šen verda šygyžyllä vih-mua.
(*Степанова, 2000, с. 272*)
- Räbinävuoži — rändyvuoži, vihmat lietäh.
(*KKS, V, s. 235*)
- Kun on äijä räbiniä, šygyžy lieu redukaš i kažvau äijä gribua.
(*Virtaranta, 1990. s. 444*)
- Lehti kun on sygyzyl pitkäh puus, sit lumi on keviäl pitkäh muas.
(*KS, s. 237*)
- Kun lehti lähtöö sygyzyl verkkazeh, lähtöö keviäl lu-migi vitkal.
(*KS, s. 237*)
- Ворона кричит осенью: всё моё, всё моё. Весной: чьё было, тот и унёс, тот и унёс.
(*Salmi — Салми*)
- Осенний град к теплу, весенний — к холоду.
(*Pogarvi — Поросозеро*)
- Если осенью выпадет град, то будет ещё одна не-деля тепла.
(*Salmi — Салми*)
- Если сор с деревьев упадёт рано (лист с берёзы, хвоя с сосны, при сильном ветре осенью), то будет ранняя зима.
(*Siämärvi — Сямозеро*)
- Осень будет слякотная, если будет много ягод на рябине.
(*Vuokkiniemi — Вокनावолок*)
- Богатая рябиной осень — грязная осень, а осень, когда мало рябины, ещё грязнее.
- Сколько ягод на рябине, столько дождей осенью.
- Год, богатый рябиной, — слякотный, будут идти дожди.
(*Tveri — Тверь*)
- Если много рябины, то осень будет слякотная и вы-растет много грибов.
(*Puasinkoi — Пасынку*)
- Если осенью долго держится лист на дереве, то вес-ной снег будет долго лежать на земле.
(*Salmi — Салми*)
- Если осенью лист опадает медленно, то снег весной будет таять медленно.
(*Suistamo — Суїстамо*)

Lehten lähtendyaigah on pyudy suaha kaikissah paras. (Конкка А. зап. в 1973 г. от Локкина П.И., ФА, 1924/23)	Охотиться на рябчика лучше всего во время листопада. (Sel'gi — Сельги)
Kukerdus algau, ku havvu langieü. (СКЯ ливв, с. 160)	Тетеревиный ток начинается, когда опадёт хвоя.
Tedren kukerdukses sygyzyl on kuuzi nedälii talven tulendah. (Макаров, Рягоев, 1969, с. 192)	От осеннего тетеревиного токования шесть недель до прихода зимы. (Kolatselgy — Колатсельга)
Syvysoravu on puhtas, ammutah lumenpanendua ennettäväh dai lumel, talvel ei syvän lumen aigah sua kävellä koirien kel. (KKS, V, s. 615)	Осенняя белка чистая, её стреляют незадолго до того, как ляжет снег, а по снегу, зимой (по глубокому снегу) уже нельзя ходить с собаками. (Siämärvi — Сямозеро)
Kala šygyžypuoleh enämmän on hauvoissa. (СКЯ тв, с. 48)	Рыба под осень больше находится в ямах.
Kuin lehti langieü — paraš mujehen kuduaiğa. (Степанова, 2000, с. 272)	Когда лист с деревьев упадёт, это лучшее время нереста ряпушки.
Huvin mujeh puuttuis — enžimäzellä kerralla pidäy kaikkie kuotteluttua mujehella. (Степанова, 2000, с. 272)	Чтобы хорошо ловилась ряпушка, с первого улова надо всех её угостить.
Narjus hallalla kutou, matikka talven pakkazella. (Narjus kudou sygyzyl, matikku tuhukuus.) (KKS, I, s. 176)	Хариус нерестится в заморозки, налим — в зимние морозы. (Хариус нерестится осенью, налим — в феврале.) (Repol'a — Реболы)
Šilloin šiikani kutou, kalani karettelou, kun on jääššä järven rannat. (KKS, II, s. 486)	Тогда мой сижок будет нереститься, моя рыбка икру метать, когда заледенеют берега озера. (Vuokkiniemi — Вокнаволок)
Syvysjiä kielläy mennes piäl, kielluo et kuule, ga osu-di älä (gu uppuot). (KKS, V, s. 614)	Осенний лёд запрещает выходить на него, запрета не послушаешь, так не обессудь (если утонешь). (Siämärvi — Сямозеро)
Meččä pidäy žiivattua šygyžyllä lehenkirbuondah. (СКЯ тв, с. 133)	Осенью лес «держит» скот до листопада.

Syyskeričys villua andau parahittain.
(*KKS, V, s. 615*)

Koilline tuuli ku sygyzyl lumen panou, ga se pyzyy ke-
viässäh.
(*KS, s. 177*)

Lumi ku kandoih sygyzyl tarttuu, ga se lähtöy vie iäres.
(*KS, s. 255*)

Jos syvyshanki kestäy hiiren, niin keväthanki kestää
hevosen.
(*KS, s. 499*)

Šykyšyllä kun on hiiren hanki, nin kevyällä on hevosen
hanki.
(*Денисов, 1974, HA, 60/91*)

Routa porsahan kotih ajau.
(*Lyutinen, s. 19*)

В осеннюю стрижку с овец получают больше всего
шерсти.

Если осенью снег выпадет при восточном ветре, то
он пролежит до весны.
(*Salmi – Салми*)

Если осенью снег пристаёт к каблукам, то ещё рас-
тает.
(*Salmi – Салми*)

Если осенний наст выдержит мышь, то весенний
выдержит лошадь.
(*Suojärvi – Суоярви*)

Если осенью наст выдержит мышь, то весной вы-
держит лошадь.
(*Vuokkiniemi – Вокнаволок*)

Мерзлота поросёнка домой гонит.
(*Vuokinsalmi – Вуокинсалми*)

01.09 (19.08) – Donskoi

A kežällä pruanuidih Spuasua, da šidä pruanuidih
Donskoida. Donskoida pruanuidii, zaveščaidii Dons-
koilla kai, hebozie kropitettih i kr’osnim hodom t’äd’ä
kiriköštä siiričči kävel’dih i kr’osnim hodom. Hebo-
zie tuvva ni, tääven kylää, tääven kylää, i ka pappi
viid’yy veräjäs’t’ä ka šii pihalla. Vet iel’l’ ol’ aida da
veräjät oldii. I ka t’äd’ä hebozie kropitti. S’eizoo i ka
kropittaa heboz’ie. Volos’t’ilda kaikkielda, Zuagolod-
nistai, Kobin’jan Gorilda i kaikkielda kaikkielda ajet-
tii. Nu män’t’ie min verda heboz’ie. Ildaa šua pappi
kropittaa n’äid’ä heboz’ie. I rahvašta it’ t’äh sluužban
sluužuu. Ka kaikki jiekšindil’l’ä. Illalla zavoduu, i
šid’ään vain čuasuzen l’ebieččöo. I toissa pienä ka
počki päivän, kuni obed’n’ua sluužuu po zavetu on ka
kel’l’ä. Zavečaaajaahena t’äd’ä tuvva, jiekšitt on. To li
pomogaičči naverno ka t’ämä, Bohročča že, ali ei po-

01.09 (19.08) – Праздник Донской иконы Божией Матери

А летом Спасов день отмечали да Донского, Дон-
ского день праздновали. [Наша] церковь же была
Донской освящена, вот. Лошадей кропили да крест-
ным ходом ходили. Пригонят полную деревяню ло-
шадей, лошадей полная деревня, и вот выйдет поп
из ворот на улицу (раньше ведь забор был да во-
рота) и кропит лошадей. Стоит и кропит лошадей.
Со всей волости пригонят: и из Заголодно, из Кобы-
льей Горы — отовсюду, отовсюду пригоняли. Лоша-
дей — поди знай сколько. Так до вечера поп и кро-
пит этих лошадей. А народу! Все шли по завету, по
завету собирались. Поп службу отслужит. Начнёт
он вечером, часок отдохнёт, на следующий день
обедню отслужит, если у кого завещано (завещали
ведь отслужить обедню, завещано же). Вот он це-
лый день и служит. Не знаю, то ли помогало, то ли

mogainun. Ken Spuasulla jiekšitt on, ken, en'ämmät kaikki t'äl'l'ä ka Donskoilla. Ka hän oli nazvan'ja Donskoi t'ämä, palan oli, a vain oli t'ämä, ni, t'am oli nazvattu Donskoi. Ni ka t'äl'l'ä Donskoilla jiekšittih. Ni ka päävän, päävän pappi kropittaa, ka tuloo viid'yy kr'osnim hodom i ka ymbär'i kir'iköštä kolme kerdua pyörähtääh. Šid'ä n'ämä kr'osnoi hod vyöħ šinne kir'ikkööh. Viid'yy čašanke. Ka moine čaša oo. Čašua pid'ää t'ämä Ofon'ka, Ofon'ka t'äd'ä ka čašua pid'ää. Čaša šuuri, ka moine'e, čašua t'äd'ä pid'ää. A hän ka on muon'e vaštan'e. I ka t'äl'l'ä vaštazella heboz'ie kropittaa. Muduas' s'eezoo hebon'e, a ku muduos' l'äht'öö, varajaa, pöl'äštyy. Ei šua pidie hän'd'ä. Kahen keš povvašta vejet'ää šinne hebozen. Hvoi "hoh hoh hoh". Ei mäne šinne, varajaa. Nu s'o že viijää hänen, viijää t'ämän hebozen.

(Pязоев, 1980, c. 172)

11.09 (29.08) — Syys-Iivan, Kuivu-Iivan, Syys-Iivana, Kuiva-Iivana, Kuiv-Iivan

Kuiv-Iivan da Viizoi.

(KS, s. 194)

Kuivu Iivan da Sviizoi vastakkah puututtih.

(KS, s. 194)

Kuivasta-Iivanasta vihalduo viljua čirpil piäh.

(KS, s. 194)

Syysiivananpäivänä ei ois pitän puolukaista šyvvä, ruškieta marjua.

(KKS, V, s. 614)

Kuivan-Iivanan ei syvvä marjua, ni sv'oklua, ruskiedu da pyöryžiä nimidä ei syvvä.

(KKS, II, s. 409)

нет. Ведь кто и Богородице завещает, а кто и Спасу, ну а больше Донскому завещали (святого называли Донским, икона сгоревшая была, лишь эта [часть] осталась, и этого называли Донским, так вот этому Донскому завещали). Так он, поп, целый день, целый день кропит лошадей. Потом придёт, выйдет с крестным ходом и три раза вокруг церкви и пройдёт. А потом с крестным ходом он идёт в церковь. Потом он выйдет с чашей, у него такая чаша имеется, чашу Афонька [служка] держит, Афонька чашу эту держит, чаша большая, вот такая, а у попа вот такой венчик, так он этим венчиком лошадей кропит. Некоторая лошадь [смирно] стоит, а другая как начнёт — пугается, боится, её и не удержать, — вдвоём за повод тянут, тянут туда, а лошадь: хох-хох-хох — не идёт, боится. А всё же подводит её туда, приведут эту лошадь.

(S'elis's'ä — Селище)

11.09 (29.08) — Иван Постный, осенний Иван, сухой Иван

Сухой Иван и Воздвижение.

(Imbilahti — Импилахти)

Сухой Иван и Воздвижение друг напротив друга оказались.

(Imbilahti — Импилахти)

С сухого Ивана зелёные зерновые на ручку серпа.

(Suistamo — Суйстамо)

В осенний Иванов день нельзя было есть бруснику, красные ягоды.

(Vuokkiniemi — Вокнаволок)

На сухого Ивана не едят ягод, свёклу, ничего круглого и красного.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Kuivana-Iivanana mis kohtua marjua syönnet, se koh-
tu kuivau eigo nikonzu sie enämbi marjua kazva.

(Hautala, 1982, s. 277)

Kuivana-Iivanana ei syvvä marjua, sendäh gu se mehu,
kudai niis on, on Iivan Kastajan verdy.

(Hautala, 1982, s. 302)

Šygyzel pruaznuitii Kuiv-Iivan. Meil sem päiväm pri-
metuoittii, ni mit'ut muard'at suuhe ei nostettu sem
päiväm. Sen tiäi ei šyödy muard'ad, oldii kui verizet
šydämes. Sem päiväl pyhä Iivanal oli piä leikattu Iro-
dan käskendadmyöi. Sanuttii: šyöd muard'at kui pyhä
Iivanan vert.

(LT, III, s. 85)

Syys-Iivanan piänä ei syödy maidoo, ei kaloa, roatoh ei
käydy, ei syödy marjua.

(Кауконен зап. в 1943 г. от Марковой М., НА, 5/26)

Nakres-Iivanan päivä on sykysyllä. Sitä ennen ei sua
nakresta syyvvä. Jos enne syönöy, niin mato syöy ham-
pahie joka yö. Siitä vasta kun on Nakres-Iivana, tulou
lupa syyvvä nakrista. Siitä lähtöy mato nakrehesta
pois. Siihi suati on mato nakrehes, ta siitä suau syö-
jällä hampahih.

(Hautala, 1982, s. 302)

Uvvisnagristu kuajimattah vai syönnet, sit kazva ei
nagristu, vai jänöit syvväh.

(KKS, VI, s. 442)

Konzu enzymäzet nagrehet otetah muas, nagrehut
kuoritetah, jumaloin edeh pannah, kuajitah, malittuu
lugietah.

(KKS, III, s. 448)

Pyhä-Ägröi syöttäi, vardoiče miun nagriskuoppaista,
anna ei syös hiiri ni mygru.

(KKS, IV, s. 557)

На сухого Ивана где ягод поешь, то место высохнет
и там больше никогда не будут расти ягоды.

(Salmi – Салми)

На сухого Ивана не едят ягод, потому что сок, ко-
торый есть в ягодах, это кровь Иоанна Крестителя.

(Suistamo – Суйстамо)

Осенью праздновали сухого Ивана. В этот день у нас
была примета, не брать в рот никаких ягод. Ягоды
не ели, потому что они были как будто наполнены
кровью. В этот день отрубили голову святому Ивану
по приказу Ирода. Говорили: ешь ягоды как кровь
святого Ивана.

(Hal'därvi – Галлезеро)

В день Ивана осеннего не ели молоко, рыбу, не хо-
дили на работу, не ели ягоды.

(Poaen (Pogosta) – Паданы (Погост))

День Ивана Репного отмечается осенью. До этого
дня нельзя есть репу. Если есть репу раньше, то гу-
сеница будет каждую ночь грызть зубы. Репу раз-
решается есть только после наступления дня Ивана
Репного. С этого дня гусеница уходит из репы. А до
этого гусеница сидит в репе и оттуда может по-
пасть в зубы едоку.

(Vuonnini – Войница)

Если поешь репы нового урожая, не покадив её,
репа расти не будет, её только зайцы будут есть
(травить).

(Siämärvi – Сямозеро)

Когда выкапывают первую репу из земли, её очи-
щают от кожуры, ставят перед иконами, кадят, чи-
тают молитву.

(Siämärvi – Сямозеро)

Святой Ягрёй Кормилец, стереги мою яму с репой,
чтобы не потравили ни мышшь, ни крот.

(Suojärvi – Суоярви)

Nagrehen kojas on Spuasan hibjua. Nagrehen ku otat vierahas huuhtas, ku voizit kojines syvvä, ei ni riähky olis.

(KKS, V, s. 501)

Kanna, Pyhä-Ägröi meijän kuoppah nagristu kuoppu täyzi, mene kannu muijen huuhtis nagristu meijän kuoppah.

(KKS, IV, s. 557)

Pyhä-Äkräš kormeničča juohattau jumalan luomašta veještä kalua, jumalan luomašta muašta nakrista, kar-tohkua, ruista ta ošrua.

(KKS, VI, s. 770)

Pyhä-Äkräš kašvattau nakrista, Pyhä-Il'l'a vil'l'ua, Pyhä-Petri antau kalua.

(KKS, VI, s. 770)

A kus piän tuulou Iivananpiän, siellä piän rubiev ynnä talven tuulemah.

(Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46)

12.09 (30.08) — Puametti, Oleksandra

Vieljärven Jyrgilän kylän oma pruazniekku.

(Огнева зап. в 2008 г. от Стафеевой Л. Ф., НА, 173/97)

— Vielä oli Oleksandra, pruaznikka, t'ämä Kondievua-ran kylä oli, n'yt on rozorittu. Jo Oleksandran aigaa luukkie otettii, muissan kaikičči, luukat pidäy ottua, Oleksandra rodii, muasta, n'yhittii pois.

(Конкка У., Лааксонен зап. в 1974 г. от Ивановой А. П., НА, 8/2049/53)

В кожере репы есть частица плоти Христовой. Если украдёшь репу с чужой пашни и сможешь съесть её с кожейрой, то это не будет считаться грехом.

(Siämärvi — Сямозеро)

Натаскай, Святой Ягрёй, нам полную яму репы, на-таскай репы с чужих пашен в нашу яму.

(Siämärvi — Сямозеро)

Святой Якрыш Кормилец даёт из Богом созданной воды рыбу, из Богом созданной земли репу, кар-тошку, рожь и ячмень.

(Kiestinki — Кестеньга)

Святой Якрыш растит репу, святой Илья — хлеб, святой Пётр даёт рыбу.

(Pistojärvi — Тухтозеро)

A откуда будет дуть ветер в день Ивана Сухого, от-туда будет дуть всю зиму.

(Sel'gi — Сельги)

12.09 (30.08) — Александров день, день памяти преподобных Александра Свирского и Александра Невского

Престольный праздник деревни Юргилица Пря-жинского района.

(Jyrgil — Юргилица)

— А ещё был Oleksandra, праздник, была деревня Кондиевуара, сейчас разорена. Уже во время Олек-сандра лук убирали, я помню всегда [было], Олек-сандр настал, лук надо убрать, из земли выдёрги-вали.

(Ahvenjärvi — Ахвенъярви)

14.09 (01.09) — Simananpäivä, Simananpäivä, Šimanampäiv

Makovein päiväs kuu jäy Simananpäiväh, Simananpiän aigah alletah panna rihmua lumessah.
(KKS, V, s. 390)

Muissinšuovattah šoate pietäh rihmoja ta oravoja tape-tah — ta vielä nedäli muissinšuovatašta, rihmua.
(KKS, V, s. 89)

Simenanpiän alletah rihmua panna lumessah.
(KKS, V, s. 89)

Mejam baba peittel' kiärbäized šygyzell ende Šimanampäiväd. I Šimanampäi Vuoh't'ärves pruanuittii, se oli muguoin'e Kard'alas kiärbäizem peitantpäiv: tabuoittetii eläy kiärbäine pertis kobrai i viedii pihale. Kai vetii pikuo'i haudaine i pandii kiärbäine šihe haudaizei, katettii mual, šid ringuttii: "Ulli, ulli ukoštani, alli, alli akaštani, pit'kam piirum pidamišt!" Yhten kieran baba mejam peitt da peittades ullitt ylen äijäl, sus'dad d'uošcii pihale kundelmai, duumaittii, mii rodiihe, midä nygy Filatih t'otka ninga it'kou.
(LT, III, s. 102)

S'imnampäiv on pervag s'ent'abr'a, i meil' vain yhešš kyl'äšš, eu kaikilla. Meil' kuin ollou l'eibi äijäl'di šöi sliizen', yhen vuuven šöi i toizen vuuven. Nu i duumaidih, mid' rubim pruanuimah? Nu davai vot S'imnampäivän ustrojim. Nu täd tokku händ i pruanuijah, i vrod' l'eibii ei ruvennun sliizen' šyamäh.

— Naverno oli časoun'a kul'äššä?

Ol' meil' časoun'. Tok illalla tuuvah papin, časoun'aš šluužtah i ičn'äh S'imnampiin huamnekšell tuuvah časoun'ah, pappi vejeldih.

A viäl' jes'li ičn'äh S'imnampiin kär'bz'et kätet i kär'bz'i ei liä, abezat'el'n ičn'äh S'imnampiin pid'äy. Ka miä koropkzeh i muah kät'en, i kär'bz'et propditah.
(Пунжина, 2001, с. 154–155)

14.09 (01.09) — Семёнов день

C Маковея остаётся месяц до Семёнова дня. На Семёна начинают ставить силки и ставят до снега.
(Siämärvi — Сямозеро)

Силки ставят и белку стреляют до поминальной родительской субботы и ещё неделю после родительской субботы ставят силки.
(Rugarvi — Ругозеро)

В Семёнов день начинают ставить силки до снега.
(Siämärvi — Сямозеро)

Наша бабушка хоронила мух осенью, до Семёнова дня. А Семёнов день праздновали в Вохтозере. В Карелии был такой день, когда хоронили мух. Отлавливали живую муху в избе и выносили на улицу, выкапывали маленькую ямку, клали туда муху, засыпали землёй, затем кричали: «Улли, улли, моего муженька, алли, алли, мою жёнушку, за долгий пир!»
Однажды наша бабушка хоронила и очень громко кричала, так соседи выбежали на улицу послушать, что случилось, что это тётка Филатиха так плачет.
(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Семёнов день — первого сентября (по ст. стилю. — Прим. сост.) и не повсюду, а лишь в одной нашей деревне. У нас как-то слизень очень губил всходы ('хлеба'), год портил, другой. Ну и задумались: какой же [праздник] будем праздновать? Ну, давайте устроим Семёнов день. Вот по этой причине его и празднуют, и слизень перестал портить хлеб.

— Наверно, часовня была в деревне?

— Часовня у нас была. Вечером, бывало, привезут батюшку, отслужат в часовне. И в самый Семёнов день утром пригласят батюшку в часовню, привозили [его].

А ещё — коли в Семёнов день похоронишь мух, [в доме] мух не будет. Это надо [сделать] обязатель-

21.09 (08.09) — Suuripruazniekku, Pieni Pohročča

Suuripruazniekka pruaznuijah puoli nellättä nedälie ku menöy syysargie.

(KKS, V, s. 584)

27.09 (14.09) — Svižoi, Sviisenie, Svižen'd

Svižoinnu kus kohtie päivy nouzou, sit Spuasan ristu löyttih.

(KKS, V, s. 597)

Paras lintu Spuassasta, poika lintu Bokrovast, viimini lintu Sviisosta. (Muuttolindulois.)

(KS, s. 361)

Svižoi kois, rižoi tahnouh, n'akoi kuoppah, akku päčile.

(СКЯ ливв, с. 354)

Sviisenie, kuusenie, meččo orteh, härkä aittah, nakris kuoppah, vanha akka kiukuan perih.

(Hautala, 1982, s. 307)

Sviženja. Ei anettu maiduo. NAGRIS ku kuoppaa panna, a akka päčil'p'ä, Sviženjan aigaa nagris se uberitaa, n'yhit'ää, lissit'ää da kuoppaa panna i toko šuut'itti: ”NAGRIS kuopassa, akka päčil'p'ä, tulikegl'eh peržieh“.

(Конкка, 1980, с. 120)

Sviisenien aikana se pani vasta anšua.

(KKS, V, s. 597)

но в самый Семёнов день. Я вот соберу в коробочку и зарю в землю — мухи и пропадут.

(Semnouskoi — Семёновское)

21.09 (08.09) — Рождество Богородицы («Большой праздник»), маленькая Богородица

Рождество Богородицы празднуют, как пройдёт три с половиной недели осеннего мясоеда.

(Suojärvi — Суоярви)

27.09 (14.09) — Воздвижение

В Воздвижение там, где солнце встаёт, нашли крест Господень.

(Siämärvi — Сямозеро)

Самая лучшая птица со Спаса, бойкая птица с Покрова, последняя — с Воздвижения. (О перелётных птицах.)

(Korbiselgä — Корбисельга)

Свиженье в дом, корова (рыжка) в хлев, репа в яму, баба на печь.

Свижение-куужение, глухарь на воронец, бык в амбар, репа в яму, старуха на печь.

(Pistojärvi — Тухтозеро)

Свижение. Молока не давали [постный день]. Репу когда в яму уберут, а баба [заберётся] на печь, репу уберут, листья обдерут и в яму заложат, так только шутили [на Воздвижение]: «Репа в яму, баба на печь, горящая головня в задницу!»

(Kumsjärvi — Покровское)

В Воздвижение начинали ставить силки.

(Pistojärvi — Тухтозеро)

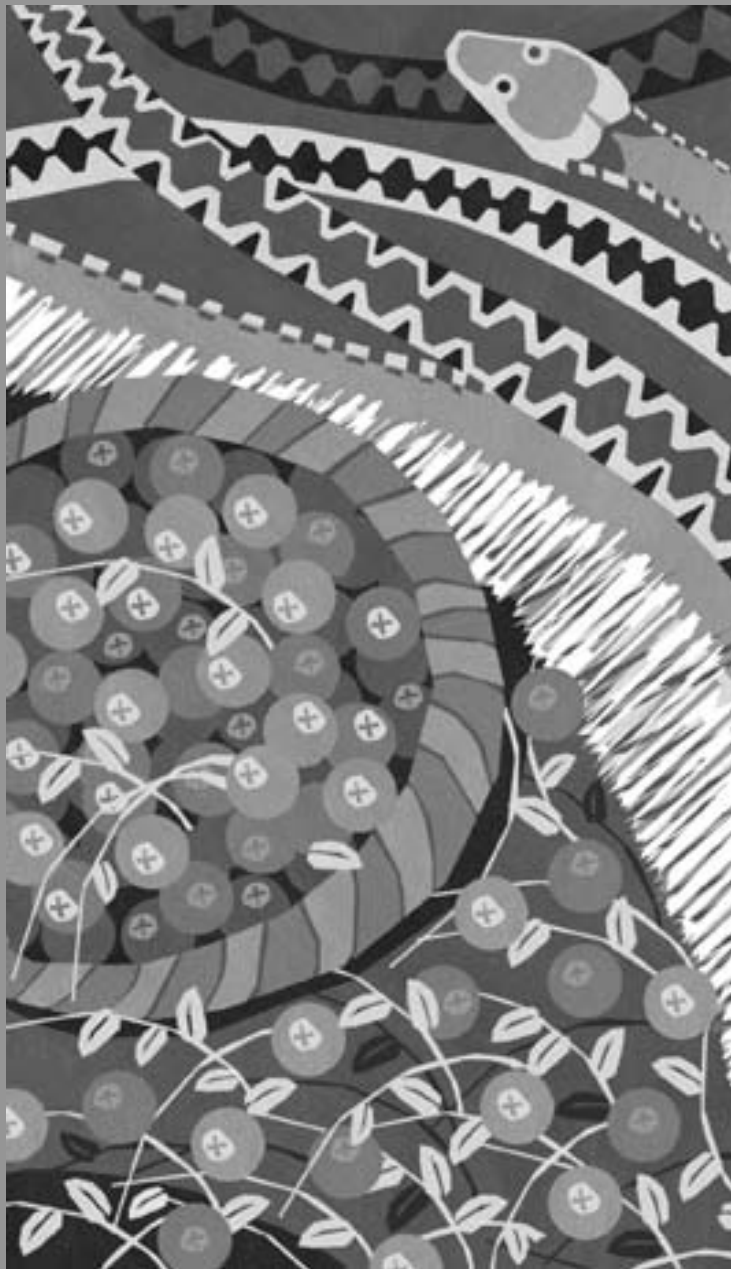
- Sviisenie, kuusenie, pane meččo kattilah, vain elä šyö šentäh.
(*KKS, V, s. 597*)
- Sviizoinnu mečoi ordeh, häkki tahnuo, nagris kuoppah, akat päččih.
(*KS, s. 495*)
- Sviizoi, skuuzoi, pane nagris kuoppah, mečoi kattilah.
(*KS, s. 495*)
- Sviizois kegäleh nagrismual. (Sviizoinnu pidäy ruveta nagristu ottamah.)
(*KS, s. 495*)
- Sviizoina nagrehet kuoppah, vahnat akat päčil.
(*KS, s. 495*)
- Nagrehet sanovat: kuin saisin kolme yödä kuivas tuhkas virua, siid minus mies tuloo.
(*KS, s. 304*)
- Sviizoinnu ei ruata, ei ni kalua syvvä.
(*KKS, V, s. 597*)
- Potakat kun kuoppah pantih, siitä kolme kive lykättih jalkojen välistä ta sanottih: hiiret hiiteh, mykrät myötäh!
(*Virtaranta, 1958, s. 397*)
- Sviizoinnu kävväh garbaloh da ruokkoh heitetäh, ei anneta syvvä.
(*KKS, V, s. 597*)
- Sviizoingarbalo — Sviizoinnu kerätty garbalo. Sviizoingarbaluo robehine kerätäh, anna olis tagan sluučein varah. Täintarhua voitah garbalol, juovundas syvväh.
(*KKS, V, s. 597*)
- Свижение, кужение, положи глухаря в котелок, но сам не ешь.
(*Vuokkiniemi — Вокнаволок*)
- В Воздвижение глухарь на воронец, бык в хлев, репа в яму, бабы на печку.
(*Tulejärvi — Туломозеро*)
- Свийжой, скуузой, положи репу в яму, глухаря в котелок.
(*Suistamo — Суїстамо*)
- С Воздвижения головня на репном поле. (В Воздвижение нужно приниматься за уборку репы.)
(*Suistamo — Суїстамо*)
- В Воздвижение репа в яму, старухи на печь.
(*Suistamo — Суїстамо*)
- Репа говорит: если бы смогла три ночи в сухой золе полежать, то стала бы человеком.
(*Suistamo — Суїстамо*)
- В Воздвижение не работают и рыбу не едят.
(*Siämärvi — Сямозеро*)
- Когда в яму убирали картошку, то между ног бросали туда три камня и говорили: мыши к чертям, кроты за ними!
(*Akonlakši — Аконлакши*)
- В Воздвижение ходят за клюквой и оставляют её про запас, не дают есть.
(*Siämärvi — Сямозеро*)
- Воздвиженская клюква — клюква, собранная в Воздвижение. Воздвиженской клюквы соберут берестяной кузовок, чтобы в случае чего была в запасе. Этой клюквой смазывают лишай, её едят, если угрят.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Sviižoinnu kävväh garbaloh da ruokkoh heitetäh, ei anneta syvvä.

В Воздвижение ходят за клюквой и оставляют её про запас, не дают есть.

Meččäh Sviiženiena ei käveldy, šanotah: zmejat norih lozgom männäh.

В лес в Воздвижение не ходили, говорят: змеи массой уходят в норы.

Meččäh Sviizeniena ei käveldy, šanotah: zmejat norih lozgom männäh.

(СКЯ тв, с. 260)

A Zviiz'ni pruaznikk on kaikilla päin, kaikell okrugall, kaikkeh ilmah on. Zviiz'nin ei männ i meččäh, i r'iiheh meil' ei ahet. A meččäh tämtokku što sobirajutsa tukkuh kaik zviär'it, zmejat i guadat i užat, kaik šub sobraičičtah tä'l'l'ä päiväl'l' tukkuh. Nu šin narod ei i käyv. I viäl on en'ämb tož, l'eib štob kažvais' i sliiz'eni ei šöis'. Zviiz'en' on godovoi pruaznik, šuur pruaznik.

(Пунжина, 2001, с. 155)

Sviizeniin jälgeh jo ei lie pilvie jyrynke.

(СКЯ тв, с. 77)

Sviizenien jäl'geh havun alda halla ei kavo.

(Virtaranta, 1990, s. 444)

Potakat kuoppah — hiiret hiiteh!

Jos talvella tavotan,
huulet survon huuhmaessa,
hampahat kivellä jauhон!

Näin sanottih kun ensimmäiset potakat kuoppah luuvah,
hos vakalla hos millä.

(Virtaranta, 1958, s. 397)

14.10 (01.10) — Pokrovu, Pokrova, Pokrou

Pokrova ajan kaheksi jakau.

(Hautala, 1982, s. 326)

Pokrovašta zavodiečou talvi.

(СКЯ тв, с. 288)

Min aijan on vahnas Pokrovas lehti puus, sen aijan on keviäl vahnas Jyrris lumi muas.

(Hautala, 1982, s. 326)

В лес в Воздвижение не ходили, говорят: змеи мас-сой уходят в норы.

А праздник Воздвижение — повсюду, во всей округе, на всём [белом] свете. В Воздвижение и в лес не идут, так у нас даже ригу не насаживали. А в лес [не ходят] из-за того, что все звери собираются вместе: змеи, гады и ужи — все собираются в этот день в кучу. Так народ туда и не идёт. И ещё также [примечали], чтоб хлеб рос и слизень [его] не трогал. Воздвижение — праздник раз в году, большой праздник.

(Semnouskoi — Семёновское)

После Воздвижения уже не бывает грозových туч.

После Воздвижения изморозь не исчезает под гни-лушкой.

(Puasinkoi — Пасынки)

Картошка в яму — мыши к чертям!

Если зимой поймаю,
губы истолку в ступе,
зубы жёрновом смелю!

Так говорили, когда первую партию картошки опускали в яму, хоть корзиной, хоть чем.

(Hietarvi — Хуетаярви)

14.10 (01.10) — Покров

Покров делит время надвое.

(Vuonnini — Войница)

С Покрова начинается зима.

Сколько времени на старьй Покров продержится листва на дереве, столько времени на старого Егор-рия будет лежать снег на земле.

(Salmi — Салми)

- Konzu sygyzyl on Pokrovan aigah lehti puuspäi jo pois, sit silloi keviäl on Jyrrin aigah mua sula.
(Hautala, 1982, s. 326)
- Если осенью во время Покрова с деревьев уже облетит листва, тогда весной во время Егория уже растает земля.
(Suistamo — Суїстамо)
- Lehti jos ennen Pokrovua langieuh, sit aigane kevät roih.
(KS, s. 237)
- Если лист опадёт до Покрова, то будет ранняя весна.
(Salmi — Салми)
- Kun Pokrovana on lämmin šii i čirottau, nin lieu talvi vilu.
(Virtaranta, 1990, s. 444)
- Если на Покров тепло и светит солнце, то зима будет холодная.
(Puasinkoi — Пасынки)
- Kun Pokrovana on vihma i šlöt't'ä, lieu hapan talvi, lämmin.
(Virtaranta, 1990, s. 444)
- Если на Покров идёт дождь и сыкотно, то зима будет гнилая, тёплая.
(Puasinkoi — Пасынки)
- Pokrova pihdin paččahah panou, tulipärien paččahan nenäh.
(Hautala, 1982, s. 326)
- Покров прикрепит к столбу светец, горящую лучину на печной столб.
(Vuonnini — Войница)
- Pokrova portahie luatiu jokiloih.
(Hautala, 1982, s. 326)
- Покров ставит на реки ступеньки (мостит мосты, закрывает льдом).
(Vuonnini — Войница)
- Pokrovu naaglan ker, Miikul sillan ker.
(KS, s. 397)
- Покров с гвоздями, Никола с мостом.
(Salmi — Салми)
- Pokrovah ku reil ajetah, ga Veden'n'ah venehel menäh.
(KS, s. 397)
- Если в Покров на санях едут, то на Введение на лодке.
(Siämärvi — Сямозеро)
- Endizeh aigah sygyzyl toizet ikkunat pandih enne Pokrovua, ku kezän lämmät jädäs sydämeh.
(Hautala, 1982, s. 326)
- В прежнее время вторые рамы ставили до Покрова, чтобы летнее тепло осталось внутри.
(Salmi — Салми)
- Pirtti on lämmin, kun Pokrova vassen yöllä tukkiu seinärakoja. Vähän nimeksi vain.
(Hautala, 1982, s. 327)
- Изда будет тёплая, если в ночь на Покров затыкать щели в стенах, хотя бы немного для вида.
(Pistojärvi — Тухтозеро)
- Pokrovasta kalat korvoh, linnut parveh.
(Hautala, 1982, s. 327)
- С Покрова рыба в ушат, птицы в стаю.
(Vuonnini — Войница)

Muuta ei ruata Pokrovana, kuin nuotalla käyväh.
(Hautala, 1982, s. 327)

Pokrova on kalajumala. Silloin suau nuottua vetyä, vaan ei muuta työtä tehä. Sanotah: ”Pokrova pohjimaiset kutumujuheth antau”.
(Hautala, 1982, s. 327)

Peltoja ei sua kyntää Pokrovan jälkeh. Jos kyntäy, alle tah kasvua tuliheinyä, ta riähkä tulou.
(Hautala, 1982, s. 327)

Pokrovan jälkeh ei muata sua liikuttua enämpi, ei pel tuo kyntyä. Pellot pitäy heittyä levähtämäh. Jos sen jälkeh liikuttau muata, niin se ei enämpi kasva.
(Hautala, 1982, s. 327)

Syvyskyndö lopeh jo Pokrovoikse.
(СКЯ ливв, с. 356)

Pokrovua vassen pannah karja kiinni.
(Hautala, 1982, s. 327)

Sänget kynnetäh lähembä Pokrovua, konzu ruavot loppu.
(KKS, IV, s. 381)

Pokrovan jälkeh lampahat liäväh, heposet tallih, veräjät kahallah vainioilla.
(Hautala, 1982, s. 327)

Pokrovalta karja kotih. Paimenelta makšotetah, još Pokrovan jälkeh lehmät šyuvväh šuaprašta pieleksestä.
(KKS, IV, s. 381)

Ensimmäiset korret pietäh obrazoin piäl. Sit net annetah lehmile Pokrovan huondeksel, konzu lehmät pannah tanhuoh.
(Hautala, 1982, s. 327)

В Покров ничего не делают, кроме как тянут невод.
(Vuonnini – Войница)

Покров — рыбный Бог. На Покров можно невод тянуть, а другую работу делать нельзя. Говорят: «Покров даёт ряпушку, нерестящуюся у самого дна».
(Vuonnini – Войница)

Поля нельзя пахать после Покрова. Если вспашут, то на полях будет расти конский щавель, и вообще грех будет.
(Vuokkiniemi – Вокनावолок)

После Покрова больше нельзя тревожить землю, нельзя пахать поля. Полям надо дать отдохнуть. Если после Покрова потревожишь поле, на нём больше ничего не будет расти.
(Vuonnini – Войница)

Осенняя пахота заканчивается к Покрову.

Перед Покровом скот закрывают на зиму.
(Ilomantsi – Иломантси)

Жнивьё пашут ближе к Покрову, когда все работы закончатся.
(Salmi – Салми)

После Покрова овцы в хлев, лошади в конюшню, ворота на поле открыты.
(Vuonnini – Войница)

С Покрова стадо домой. С пастуха высчитывают, если после Покрова коровы будут объедать сено со стогов.
(Kiestinki – Кестеньга)

Первые срезанные стебли [ржи] держат над иконами. Утром в Покров, когда коров закрывают в хлев на зиму, эти стебли им скармливают.
(Salmi – Салми)

Pokrova pokropaiččou: potakat
kuoppah, naiset nuottah, miehet
Ruoččih, vanhat akat kiukualla.

Покров покрывает: картошку
в яму, женщины за невод, мужчины
в Финляндию, старухи на печку.

Žiivattua paimennetah Pokrovah šuat, a Pokrovan jäl- geh paimen ei šoita bremozeh. (<i>СКЯ тв, с. 216</i>)	Скот пасут до Покрова, а после Покрова пастух не играет в рожок.
Tukkii ei sua paimoi enne Pokrovua leikata. (<i>Hautala, 1982, s. 328</i>)	Пастуху нельзя стричь волосы до Покрова. (<i>Salmi — Салми</i>)
Paimoi palkkavuu Pokrovassah. (<i>СКЯ ливв, с. 277</i>)	Пастух нанимается до Покрова.
Pokrovakši kai šygyžruavot jo ruattu, jiäy vai pelvas- ruado. (<i>СКЯ тв, с. 216</i>)	К Покрову все осенние работы сделаны, остаётся только работа со льном.
Pokrovas kākoi kuorpažes, akku — päčil. (<i>KSP, s. 159</i>)	С Покрова репа в яму убирается, жена на печку за- бирается. (<i>Mägrüä — Мегрега</i>)
Pokrovas lämmät pertih, vilut pihal, n’akoit kuorpah, akat päčil. (<i>KS, s. 397</i>)	С Покрова тепло в избу, холод на улице, репа в яму, бабы на печку. (<i>Videl — Видлица</i>)
Pokrova pokropaiččou: potakat kuorpah, naiset nuot- tah, miehet Ruoččih, vanhat akat kiukualla, riihen riu- ku persieh! (<i>KKS, IV, s. 381</i>)	Покров покрывает: картошку в яму, женщины за невод, мужчины в Финляндию, старухи на печку, колосник (в риге) в задницу! (<i>Kontokki — Контокки</i>)
Pokrova pokropaiččou: Nakrehet kuorpah, lehmät leäväh, vanhat akat kiukoan perih, — riihen riuku persieh! (<i>Virtaranta, 1958, s. 603</i>)	Покров покрывает: Репу в яму, коров в хлев, старух на печку, колосник (в риге) в задницу! (<i>Hietarvi — Хуетаярви</i>)
Nakris kuorpah, härkä puiseh, meččo orteh, akka kiu- kuan perällä. (<i>KKN, III, s. 158</i>)	Репу — в яму, быка — в кадку, глухаря — на воронец, жену — на печку. (<i>Kiestinki — Кестеньга</i>)
Heponi ei ole viluini talvella, kun Pokrovua vaššen pa- nou loimen šelkäh. (<i>Hautala, 1982, s. 327</i>)	Лошадь не будет мёрзнуть зимой, если накануне Покрова накрыть её спину попоной. (<i>Pistojärvi — Тухтозеро</i>)

Pokrova pokrovaiččou: lehmät leäväh, nakrehet kuopah. Pokrovana seinän juomut ta salmot sammallettih jott ois pirtti lämmin. Pokrovan jälkeh ei soanut siit enämpi moata liikuttoa, ei kyntöä yhtänä.

(*Virtaranta, 1958, s. 603*)

Pokrovana ei šua ajua hevosella.

(*Hautala, 1982, s. 328*)

Pokrovana kun panou liinaloukun selkäh hevosloimen ta sitä silittelöy ta taputtelou ”lautasilla” ta sanou: ”Juossen juomah mäne, juossen juomasta tule”, silloin heponi pysyy lihavana.

(*Hautala, 1982, s. 328*)

Bokrovasta putin burlakka vasta talven leipiä rupieu suamah.

(*KS, s. 397*)

Ei enämpi Pokrovana pilauvu hoš ni härän tappanet ta puiseh pannet.

(*KKS, IV, s. 381*)

Kegrisuovattu, Kekrišuovatta, Kegrisuobat

Kegrisuovattu — pokoiniekoin muistinsuovattu. Kalmoil käväh. Kegrisuovattu kolme nedälii Pokrovas.

(*KKS, II, s. 120*)

Kalalla kegritetäh [pokoiniekoja] kegrisuovattana.

(*KKS, II, s. 120*)

Kegri keräzen kyzyy (Kegrisuovattan pannah ikkunale pelvaspivo libo liinukerä).

(*KKS, II, s. 119*)

(Täh aigah algavuttih naizien ruavot, pelvasruavot. Kegrakse naizil pidi välttämätä varustua langukerä.)

Покров покрывает: коров в хлев, репу в яму. На Покров щели и углы в избе конопатили мхом, чтобы было тепло. После Покрова больше нельзя было тревожить землю, пахать.

(*Tollonjoki — Толлорека*)

В Покров нельзя ездить на лошади.

(*Vuonnini — Войница*)

Если в Покров на спину белой лошади положить попону, а потом погладить и похлопать её по спине, приговаривая: «Бегом беги на водопой, бегом возвращайся с водопоя», тогда лошадь будет упитанная.

(*Vuokkiniemi — Вокनावолок*)

Только с Покрова хороший работник отправляется на зимний отхожий промысел.

(*Korbiselgä — Корбисельга*)

С Покрова мясо больше не будет портиться, даже если быка зарежешь и в деревянную посуду положишь.

(*Uhut — Ухта-Калевала*)

Суббота Кегри

Суббота Кегри — суббота, когда поминают усопших. Ходят на кладбище. Суббота Кегри через три недели после Покрова.

(*Siämärvi — Сямозеро*)

В субботу Кегри [умерших] угощают рыбой.

(*Porarvi — Поросозеро*)

Кегри клубочек попросит. (В субботу Кегри на окно кладут пучок льна или клубок конопли.)

(*Porarvi — Поросозеро*)

(В это время начинались женские работы, связанные с обработкой льна и прядением. К празднику Кегри женщинам нужно было обязательно приготовить клубок ниток. — *Прим. сост.*)

Mustinsuovattu, muissinšuovatta, muistinsuobat

Mustinsuovattu on jälgimäine suovattu Pokrovua vaste sygyzyl.

(*KKS, III, s. 355*)

Minä päivänä on Kekri, ni šiiitä enšimmäini šuovatta tuakšpäin on muissinšuovatta.

(*KKS, II, s. 119*)

Mustinsuovattan pominoijah roditel’oi kirikös da kalmoil.

(*KKS, III, s. 355*)

Yksi on akkoin suovatta, toine pappiloin suovatta, kolmas suovatta sygyzyl Pokrovas — muistinsuovatta.

(*KKS, III, s. 355*)

Muissinšuovatta, še on pokoiniekkujen päivä, šilloin muissellah kuolleita.

(*KKS, III, s. 355*)

Muissinšuovattana tuttavilla juattih pominkua, šankii, riešista.

(*KKS, III, s. 355*)

Sygyzylä tulou muissinnet’äli, muissinpäivä hiän... Sielä on t’yt’ö, tuuvalla pos’olkassa, šanou, uniššan ku kačon — matatah naizet, pokoinikat matatah, šanou, kah-ta tietä myöt’e. Yhet randapuolel matatah, a toizet tästä, pihoi myöt’e matatah. Mie sit’te, šanou, karjevviin: ”Mamma, mindäh sie rannoičči matkoat, ku ylizen puolen et tule”, šanou. ”Ei, šanou, meitä sinne oteta, šanou, myö olemma toista gruppua”, šanou... Niät, kun ei muissellu, ei muissellun... Vot, pitäy mainita, mainita pitäy, no. Ni sendäh pahemmašša niät luokašša i oldih, a ne toizet ollah niin kun ylen hyvässä kunniošša kuin muissellah — stolie pietäh, murkinalla kučutah, no, sriäpitäh, kučutah kuin monda hengie, no, viinad oššetah, dai...

/Mitäpä muissinpäivänä tehtih?/Ka, sriäpittih kaikkie, sriäpittih da kučuttih rahvaš.

Родительская, поминальная суббота

Поминальная суббота — последняя суббота перед Покровом осенью.

(*Siämärvi — Сямозеро*)

На какой день приходится Кегри, так за неделю до этого дня — поминальная суббота.

(*Hietarvi — Хуемаярви*)

В поминальную субботу поминают родителей в церкви и на кладбище.

(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица*)

Одна суббота — женская, другая суббота — суббота священников, третья суббота осенью от Покрова — поминальная суббота.

(*Suojärvi — Суоярви*)

Поминальная суббота — это день покойников, в этот день поминают усопших.

(*Vuokkiniemi — Вокनावолок*)

В поминальную субботу знакомым раздавали еду для поминания — шаньги, пресные хлебцы.

(*Pistojärvi — Тухтозеро*)

Осенью будет поминальная неделя, поминальный день... Там, в посёлке, одна женщина молодая живёт, говорит, что как-то во сне вижу — идут женщины, покойницы двигаются, говорит, по разные стороны. Одни по берегу идут, а другие здесь, по дворам (по дороге между домами в центре деревни. — *Прим. сост.*). Я, говорит, тут закричала: «Мама, почему ты по берегу, а не по верхней стороне идёшь?» — говорит. «Нет, говорит, нас туда не пускают, говорит, мы к другой группе относимся» — говорит... Видишь ли, как не поминали, не поминала так... Надо ведь поминать, поминать надо... Потому, видишь ли, и были в худшем разряде, а другие, те в большом почёте, потому что поминают — столы держат (устраивают столова-

/Käytihkö kalmismualla?/Käytih kalmizmualla, käytih mullille, käytih, käytih mullille./Ihan aamusta?/Ei, ka sriäpittih vielä, iellä sriäpittih, siitä käytih, siitä sieltä tuldih viän kera./Otettihko kalmismualla mukaan ruokie?/Otettih, kanfettua vietih, pečenjua vietih, kalmizmualla jät'ettih... Dai sielä juotettih, dai taloh otetah, juotetah, dai niitä mužikkoita juotetah kalmizmualla.

/Sitten koissa syödään ja juodaan?/No, niize, samah tapah./Kutsutaanko pokoinikat mukaan?/Ka, hyö mainitah./Millä tavalla mainitah?/Ka, vot mainitah, jotta "andakkah siulaz mitä myö annamma tiäldä siula, no, ni sie priimi n'e kaikki annokset, ota vaštah, mitä myö tiäldä annamma", no, stolassa ku is's'utah.

/Että stolassa kun issutah, niin silloin mainitah?/No, mainitah, mainitah. Stolašša is's'utah, ist'uvvutah dai ruvetah jo suuruštautumah, syömäh, no, syömäh ku ruvetah, ni mainitah siidä, jotta "anna D'umala siulaš nämä syömizet, mitä myö syömmä da juomma, no, anna siula D'umala". Täyven siämen molitah vet', muutoma vet' moliu ihan täyven siämen. Muutoma ku ei ni mitä virka, a se ved' on reähkä. Se ei mäne, niin ku koiralla loit ne annokset, kun et mainiče, se pitäy mainita, da...

/Pitikö vainajaa erikseen vielä kutsua?/Erikseh, erikseh kučuttih./Millä tavalla?/Ka, d'otta "tule muistelomah, mainiččemah, tule mainiččemah... tänä piänä mie murkinan pien"./Näin sanotaan?/No, mie tänä piänä murkinan pien hänellä, tule murkinalla...

/Se oli syksyllä, se päivä?/Sykyžyllä, sykyžyllä on, no, okt'abr'ašša. Pominal'noi subota, muissinšuovatta.

(*Конкка, 2003a, с. 426–427*)

Muissin sygyzellä on, sygyzel'l'ä kuin ollou okt'abrskoin pruznikkua vaššen. Luajittii n'äin kruugloine möykky omasta koista libo šangi luajittii mi kai, viet't'ii staruuhalla, moli staruuh. Pyyhittii pokoinikka da mo-

ние. — *Прим. сост.*), на поминальный обед зовут, да стряпают, да зовут много народу, да вино покупают, да...

/А что делали в поминальный день?/А стряпали, стряпали всего да звали людей./Ходили ли на кладбище?/Ходили на кладбище, ходили на землю, ходили, ходили на землю./С самого утра?/Нет, стряпали сначала, сначала стряпали, потом ходили, а оттуда приходили с людьми./Брали ли с собой на кладбище еду?/Брали, конфеты относили, печенье относили, оставляли на кладбище... Да наливали там, да в дом брали с собой, наливали им, да мужикам этим наливали на кладбище...

/А потом в доме едят и пьют?/Да, таким же манером./Зовут ли покойников с собой?/Они ведь поминают./Как поминают?/Дак вот поминают, что «пусть тебе дадут то, что мы даём здесь тебе, ты прими все те приношения, прими, что мы отсюда даём тебе», когда за столом сидят./То есть когда за столом сидят, то тогда поминают?/Да, поминают, поминают. За столом когда сидят, когда сядут и есть соберутся, то тогда поминают, что «дай Боже тебе эту пищу, которую мы едим и пьём, дай тебе Бог», да от всего сердца молятся, кто ведь от всего сердца молится. А кто так, ничего не произнесёт, а это ведь грех. Они не дойдут, это ведь как собака бы бросил эти приношения — как не помянешь. Надо ведь помянуть...

/Надо ли было покойника ещё отдельно звать?/Отдельно, отдельно звали./Каким образом?/Ну, что «приходи на поминки, приходи поминать, я сегодня поминальный обед устраиваю»./Так говорили?/Ну, мол, я сегодня ему поминальный обед устраиваю, приходи на обед.../Был ли тот день осенью?/Осенью, осенью был, в октябре — поминальная суббота.

(*Puan'arvi — Панозеро*)

Осенью, где-то перед октябрьскими праздниками, бывает поминальная суббота. Пекли круглый хлеб дома или шаньгу какую, относили старухе — молись? старуха. Вытирали покойника (могилу), да

littii da kumbane ollou viel'ä vereksempi da ken maltto viel'ä viržiet't'i. Otetaa varbazet da n'äin pyyhit'ää, ”pom'ani gospod'i”, mogilua. A iel'l'ä ei varbazilla, a otettii kuavel'ničča: panna hii'l'd'ä da niin kuavittii.

(Конкка, 1980, с. 103)

L'ähet'ää ku nuotalla, siidä vašta zavod'iu ribalka, starikat nuottie pyyvet't'ii. Ni kegrinšuovattana, šanotaa, tuuvaa mujehta kindahan peigalošša, a muissinšuovattana tuuvaa bučis's'a, vod n'e oldii hiit-roit šuovatat...

(Конкка, 1980, с. 119)

Кегри, Кекри

Кегри — vahnu karjalaine sygyzypuazniekku. Nygöi sidä pietäh 1.—2. kylmykuun mail. Pruazniekku merkičči vahnan vuvven loppumistu da uvven vuvven algamistu. Allus Kegrin piettih, konzu kai vil'l'at oli kerätty da vahnan vuvven ruavot oldih loppiettu. Kegrin jälles algavuttih naizien ruavot. Sidä periä Kегри oli liikkuju pruazniekku. Kegrinny syödih da juodih äijän. Kегри oli aigu, konzu tuon ilman eläjät suadih käveltä elävien keskes. Kегrikse karjalazet sanottih jumalua, kudai vardoičči karjua.

Kesiä Keyrih, syystä Jouluh.

(KS, s. 149)

Kегриkuus ei keziä eigo talvie.

(KS, s. 143)

молились, да кто ещё помоложе, да кто умел — ещё и причитывали. Возьмут ветки и вот так вытирают могилу, «помяни Господи», говорят. А раньше не ветками вытирали, а брали кадьлицу — положат углей и кадят могилу.

(Jouhvuara — Евгора)

Когда тянуть невод отправляются, тогда только (настоящая) рыбалка начинается, когда старики отправляются невод тянуть. Так на субботу Кегри, говорят, ряпушку привозят в большом пальце рукавицы, а на поминальную субботу привозят в бочке, вот какие хитрые были эти субботы...

(Prokkol'a — Юккогуба)

Кегри

Кегри — древний осенний карельский праздник, связанный с завершением аграрного цикла. Сейчас его отмечают около 1–2 ноября. В старину праздник означал конец старого года и начало нового. Сначала Кегри отмечали, когда были убраны все зерновые и работы земледельческого года были завершены. После Кегри начинались женские работы. Поэтому Кегри не был привязан к какой-то конкретной дате. В праздник Кегри много ели и пили. На Кегри обитатели потустороннего мира могли появляться среди живых. По некоторым данным, карелы называли Кегри божество, которое оберегало домашний скот. — *Прим. сост.*¹

Лето до Кегри, осень до Рождества.

(Korbiselgä — Корбисельга)

В месяц Кегри нет ни лета, ни зимы.

(Imbilahti, Suistamo — Импилахти, Суйстамо)

¹ Подробнее о Кегри см.: Иванова Л.И. Персонажи карельской мифологической прозы. М., 2012.

Kegriksi šygyžyllä, Kazanskoista
(04.11/22.10) nedelin piäh
šuoiečettih.

Кегри наряжались через неделю
после Казанской (04.11/22.10).

Pidäy varuštua keräne Kegrillä.

Для Кегри нужно приготовить
клубок пряжи.

Kegrinnä akat päčil.
(KS, s. 142)

Eihäi Kegrüi keziä kestä, eigo ainos pertilöi pestä.
(KS, s. 143)

Kerda Keyrii pietäh, toine kerda kellistelläh.
(KS, s. 146)

On kerran Kekri keyhälläki.
(KKS, II, s. 119)

On kerran Kekri köyhälläki, vaivasella jumala.
(Ремшьева зап. в 1976 г. от Ремшьевой А.А., НА, 60/167)

Kekri kullan kavottau, a Jyrinpäivä löytäy.
(Ремшьева зап. в 1976 г. от Ремшьевой А.А., НА, 60/175)

Kekri kellon puvottau, a Jyrinpäivä löytäy.
(Денисов зап. в 1974 г., НА, 60/73)

- Ka mie en t'iijä kačo mitä šanottih, a kuulima jotta oli Kekrinpäivä. No oli, oli. Vanha rahvaš šanottih. Vielä šanottih, jotta Kekrihän ne kellot kirjvottau elukoilta kaklašta — jotta pitäy Kekrinä kellot kaklašta heittä. Šen mie muissan, a t'iijä en jotta konša še on.
- Šykyšyllähän ne kellot heitetäh pois kaklašta.
- Ka no še onki Kekrinpäivä še, šiinä šyyštalvešta.
- Enkä ole kaččon päivie enkä.
- No, Kekrinpäivä še oli. Mie muissan, hyvin muissan kun kaikičči mainittih, jotta Kekri kellot kirjvottau elukoilta kaklašta, jotta šiitä pitäis jo kellot heittyä kaklašta, a meilä on talvet kaklašša kello.
- Mie heitän toko.
- Meila on talvet kaklašša.
(Ремшьева зап. в 1975 г. от Савиной Е.И., Кирилловой П.И., НА, 82/86)

Kerta Kekrie pityä, toini kerta keikual'l'a.
(Денисов, 1974, НА, 60/66)

В Кегри бабы на печку.
(Suojärvi — Суоярви)

Кегри ведь не всё лето длится, и избы не всё время моют.
(Salmi — Салми)

Раз Кегри празднуют, второй раз ленятся.
(Suistamo — Суйстамо)

Бывает раз и у бедняка Кегри.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Бывает раз и у бедняка Кегри, у горемычного Бог.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Кегри золото потеряет, а Юрьев день найдёт.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Кегри колокольчик уронит, а Юрьев день найдёт.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

- А я не знаю, что говорили, а слышали, что был день Кегри. Но был, был. Старые люди говорили. Ещё говорили, что ведь Кегри колокольчики уронит с шеи у животных — что нужно на Кегри снять колокольчики с шеи. Это я помню, но не знаю, когда этот день.
- Ведь осенью снимают колокольчики с шеи.
- Так это и есть день Кегри, в начале зимы.
- Не смотрела я дней, и ничего.
- Но, день Кегри это был. Я помню, хорошо помню, как всегда говорили, что Кегри колокольчики уронит у животных с шеи, что с этого дня надо бы уже колокольчики снять с шеи, а у нас всю зиму на шее колокольчик.
- А я снимаю обычно.
- У нас всю зиму на шее.
(Luusalmi — Луусалми)

Раз Кегри отпраздновать, второй раз покачаться.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Midä Kegrinny pellol, sidä Jyrinny level. (Lundu.)
(Hautala, 1982, s. 335)

Что в Кегри на поле, то на Егория на крыше (О снеге. — Прим. сост.)
(Sortavala — Сортавала)

Kegrinpäivänä tullah kegrit, pidäy andua villua, šyöttiä lihahizella.
(СКЯ тв, с. 93)

В день Кегри придут кегри, нужно дать шерсти, накормить мясным.

Kegriksi šygyžyllä, Kazanskoista (04.11/22.10) nedelin piäh šuoriečettih.
(СКЯ тв, с. 93)

Кегри наряжались через неделю после Казанской (04.11/22.10).

Kegriksi — šygyžyllä, Kazanskoista nedelin piäh — šuoriečetah: pannah turkin muurnin, da lähtietäh lapšii pöllättemäh. Lapšilla šanotah: ”Elä ite, ka Kegrri tulou!” (libo:) ”Ka mečäštä Kegrri tulou!”
(KKN, I, s. 91)

В Кегри — осенью, через неделю после Казанской, — рядятся: надевают шубу наизнанку и идут детей пугать. Говорят детям: «Не плачь, Кегри придёт!» (или) «Кегри из лесу придёт!»
(Tolmačči — Толмачи)

Kegri tulou, pidäis talkkunajauhuo suaha (sendäh gu Kegrinny syödih talkunua).
(KKS, II, s. 119)

Кегри придёт, нужно толокняной муки достать. (Потому что в Кегри ели толокно.)
(Suistamo — Суйстамо)

Kegri tuou keräzen, vigli viihtyön.
(KS, s. 143)

Кегри приносит клубок, вертлявый — моток.
(Tulejärvi — Туломозеро)

Pidäy varuštua keräne Kegrillä.
(СКЯ тв, с. 93)

Для Кегри нужно приготовить клубок пряжи.

Kegri tuobi kiirehen viimizel viikkauvel, ku ei viihtu joutu.
(KS, s. 143)

Кегри заставляет спешить на последней неделе, если не успеешь спрясть моток ниток.
(Suistamo — Суйстамо)

Toi Kekri kiirehet.
(KS, s. 143)

Кегри принёс спешку.
(Salmi — Салми)

Lapsile sanotah: Kegrri sormet jauhou kivel kel ei ole kerä kežrättyy.
(KKS, II, s. 120)

Детям говорят: «Кегри перемелет жёрновом пальцы у того, кто не напярл ни клубочка».
(Roapen — Паданы)

Kegri teil työt polttau piän piäl (ku ei ole kežrätty).
(KKS, II, s. 120)

Кегри сожжёт у вас на голове куделю, если не спрядена.
(Porarvi — Поросозеро)

Naizien pidi suaja kezäpelvahat Kegrin viyhtile, ku Kegli ei puuh sidos.
(Hautala, 1982, s. 350)

Kaččou Kegli karzinah: ”Ongo pelvahat pivozis, liinan liičut loppuzil?”
(Hautala, 1982, s. 350)

Kekri kysyy: joko ruohimet rut’uštettu, kuapiet kat’uštettu, murtiet mut’uštettu.
(KS, s. 143)

Oli Kegrinpäivä, loajittii viyht’il’oi, ku siid’ä ku viyhet’ää viiksinpuilla... Viyhet’ää, pessää n’e, luvetaa äijägo puazmua kežrät’t’ii da äijingo viyht’il’öin kežrät’t’ii da pest’ii... Kegrinpiän’ä kežrät’ää. Siid’ä luuvvaa kangasta. Kegrinsuovatta. Sanotaa kegrinsuovatta.
(Конкка, 1980, с. 119–120)

04.11–19.12 (22.10–06.12) — Syystalvi, šyyštalvi, šgyztaľv

Kazanskois alquateh syystalvi. Syystalvie on Miikku-lassah.
(KKS, V, s. 616)

Suvi ku lumen panou, pohjani kiinittäy, siit vasta roih talvi.
(KKS, III, s. 178)

Pohjaine ku panou, sit suvine iäre ottau. (enzilumi)
(KS, s. 395)

Syyslumen kylmäh muah ku panou, sit hätken kestäy.
(KKS, V, s. 615)

Rändälinduzet karjalleh kävelläh röžähetäh tuuččie vas.
(KKS, V, s. 234)

Женщины должны были спрясть летний лён в моток Кегри, чтобы Кегри не привязал к дереву.
(Suistamo — Суїстамо)

Смотрит Кегри в подполье: «Весь ли лён уже в горстях, всю ли протрепали коноплю?»
(Imbilahti — Импилахти)

Кекри спрашивает: а лён у вас уже очёсан на первый раз, а очёски вытряхнуты, а отходы выметены?
(Korbiselgä — Корбисельга)

На день Кегри делали мотки (пряжи), после того как на мотовиле наматывают... Мотают, выстирают, считают, сколько пасм направили да сколько мотков направили и выстирали. В день Кегри прядут. А потом ткут холст. «Суббота Кегри, — говорили так, — суббота Кегри».
(Muasel’ga — Масельга)

04.11–19.12 (22.10–06.12) — Начало зимы

Начало зимы длится от Казанской (04.11/22.10) до Николы Зимнего (19.12/06.12)
(Suojärvi — Суоярви)

При южном ветре, когда выпадет снег, северный ветер его закрепит, тогда только начнётся зима.
(Suojärvi — Суоярви)

Что при северном выпадет, то южный заберёт (первый снег).
(Imbilahti — Импилахти)

Если осенний снег выпадет на замёрзшую землю, то его надолго хватит.
(Siämärvi — Сямозеро)

Свиристели стайкой носятся, суется перед снегопадом.
(Suojärvi — Суоярви)

Liide šinistyi, šid lumi tulou šigapiäi. Vuotad, päiväi kakš kolme proidii, i lumi langeniškadou d'o. Šiit tulou d'o kylm ilm, kylmäškadou dārved, a dārved kui kyl'm meil d'o lähti kalan suand nuotal.

(*LT, I, s. 348*)

Kuna piänä lunda laškou, šinä piänä keviällä pelvašta kylviä. (Enzimäissä argena lunda laški, niin enzimäissä argena kylvä!)

(*KKN, I, s. 93*)

Jesli enzilumi langennov kuivalla mualla, niin lienöy urožavuozi hyvä, a kui mārällä mualla langennov, nii sinä vuonna ei liene hyviä urožaida ni millä vil'l'alla.

(*Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46*)

Taivas talvie tegöo, regisiädä reuduou.

(*KS, s. 504*)

Talvi tulou taponeh.

(*KKS, VI, s. 36*)

Talvi ei tule taikkumatta, kezä ei tule keikkumatta.

(*KS, s. 507*)

Talvi tuloh taiten, varaista ei (ole) ni vuaksan pitkyttä.

(*KS, s. 507*)

Ei tule talvi suuritta suvitta, kezä pitkittä pohjazitta.

(*KKS, VI, s. 36*)

On kuin talvelleh nygöi taivas.

(*KKS, VI, s. 37*)

Kuunkehä ennustau talvella purgua, kežällä vihmua.

(*KKS, VI, s. 36*)

Восток посинел, снег пойдёт оттуда. Пройдёт два-три дня и снег выпадет. Установится холодная погода, замёрзнут озёра, а как озёра замёрзнут, так у нас начинался лов рыбы неводом.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

В какой день снег выпал, в тот день и лён весной сей. (Если в понедельник снег выпал, то в понедельник и сей!)

(*Tolmačču — Толмачи*)

Если первый снег ляжет на сухую землю, то будет урожайный год, а если ляжет на сырую землю, то в этот год не уродятся никакие зерновые.

(*Sel'gi — Сельги*)

Небо зиму делает, санную погоду мостит.

(*Suistamo — Суйстамо*)

Зима приходит со своими обычаями.

(*Kiestinki — Кестеньга*)

Зима не приходит по волшебству / как нагадаешь (или, наоборот, без гаданий), лето не приходит без покачиваний / поворотов.

(*Suojärvi — Суоярви*)

Зима придёт как знает (как захочет), запасов нету, даже длиной в пядь (совсем никаких).

(*Suistamo, Suojärvi — Суйстамо, Суоярви*)

Не приходит зима без оттепелей, лето без северного ветра.

(*Suistamo — Суйстамо*)

Небо нынче зимой дышит.

(*Suojärvi — Суоярви*)

Круг вокруг луны или месяца зимой предвещает вьюгу, летом — дождь.

(*Роаеп — Паданы*)

Kirvehettä šilda luadiččou.

(KKN, I, s. 164)

Vakka vanha, kanzi uuži.

(KKN, III, s. 66)

Još Kuittijärven kylmi šileäkši, ni tuli paha vuosi, mutta još kylmi ruokkahisekši, ni tuli hyvä vuosi.

(Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/21)

Ka kun talvi matkai sykysestä, niin i kesä matkuau. Kun ei ollut tätä lunta, ka ei ni vihmua kevyällä.

(Лавонен, Онегина зап. в 1980 г. от Мартыновой О.В., НА, 84/229)

11.11 (29.10) — Nastoinpäivy, Nastassienpäivä, Nastuoinpäiv

Lampahat kerittih... Kun semmoini tiruni kerittih mi ensi kerta kerittih, ni sillä jätettih siitä villačuortu siihi selkäh, jotta se oli Pyhä-Nastassien parta! Pyhä-Nastassie oli lampahien jumala.

(Virtaranta, 1958, s. 440)

Lampahat kun meččäh peäsetäh sanotah: ”Pyhä Nastassie, kačo miun lampahie!” — Siitä molittih.

(Virtaranta, 1958, s. 440)

Lampahilla sanottih olovan Pyhä Nastassie. Sanottih kun oltih lampahat meččäh työntöässä: ”Pyhä Nastassie, kačo lampahie!”

(Virtaranta, 1958, s. 440)

Nastassienpäivä sygysyllä on lampahien päivä. Silloin vietih enne časounah villua, jotta olis lampahilla menestys.

(Hautala, 1982, s. 331)

Без топора мост строится.

(Nebeličča — Небылицы)

Коробочка старая, крышка новая.

(Rugarvi — Ругозеро)

Если на озере Куйтто лёд замёрзал ровно, это предвещало плохой год, но если лёд замёрзал неровно, это предвещало хороший год.

(Jyškärvi — Юшкозеро)

Как зима шла с осени, так и лето пойдёт. Если не было снега, то не будет и дождя весной.

(Kokkosalmi — Коккосалми)

11.11 (29.10) — Анастасия-овчарница

Стригли овец... Когда ягнёнка стригли в первый раз, то на спине оставляли полоску шерсти, это была борода святой Анастасии! Святая Анастасия была покровительницей овец.

(Akonlakši — Аконлакши)

Когда выпускают в лес овец, говорят: «Святая Анастасия, смотри за моими овцами!» Потом молились.

(Akonlakši — Аконлакши)

Говорили, что у овец есть [покровительница] святая Анастасия. Когда овец отправляли в лес, говорили: «Святая Анастасия, смотри за овцами!»

(Venehjärvi — Суднозеро)

День Анастасии осенью был днём овец. Раньше в этот день в часовню относили шерсть, чтобы с овцами всё было в порядке.

(Suistamo — Суистамо)

14.11 (01.11) – Kuz'moi

Kužmoi on sygyzyl jälles Pokrovua.
(KKS, II, s. 475)

Kužmoinnu työlöi ei roata, eigo kezrätä, eigo perretä, eigo midä, eiga työlykky lähtöö.
(KKS, II, s. 475)

21.11 (08.11) – Mihailu

Yksi nedäli jäy syysargie Mihailas, sit syyspyhälasku tulou.
(KKS, V, s. 615)

Mihailannu Ahpoilan kyläs časounah tuodih pitkiä pelvaskäzipaikkua da villastu sukkua.
(Конкка А. зап. в 1984 г., История и культура Сямозерья, с. 339)

Jyrristä reunašša i Mihaila.
(СКЯ тв, с. 77)

Mihailu tulou sillan ker, Miikul nuagloin ker.
(KS, s. 283)

Syyskorva

Syyskorva – kylmy-talvikuun vaihto, sygyzyine rospuuttuaigu.
(KKS, V, s. 615)

27.11 (14.11) – Syvyspyhälasku, Šyüşpyhålašku, Sygyz'pyhålašk

Syvyspyhälasku – jälgimäine argipäivy enne Rastavanpyhiä.

14.11 (01.11) – Кузьма-Демьян, Кузьминки

Кузьму и Демьяна отмечают осенью после Покрова.
(Siämärvi – Сямозеро)

На Кузьму не обрабатывают лён (куделю), не прядут, не треплют, и ничего [не делают], а то удача в работе уйдёт.
(Suojärvi – Суоярви)

21.11 (08.11) – Михайлов день

С Михайлова дня остаётся одна неделя осеннего мясоеда, потом наступает осенний мясопуст, заговенье на Рождественский пост.
(Salmi – Салми)

В Михайлов день в часовню д. Ахпойла приносили длинные льняные полотенца и шерстяные носки.
(Siämärvi – Сямозеро)

С Егорием зимним рядом и Михайлов день.

Михаил приходит с мостом, Никола с гвоздями.
(Salmi – Салми)

Время осенней распутицы

Конец ноября – начало декабря, время осенней распутицы.
(Kontokki, Suistamo – Контокки, Суйстамо)

27.11 (14.11) – Осенний мясопуст, заговенье на Рождественский пост

Осенний мясопуст, заговенье на Рождественский пост – последний день перед Рождественским постом.

Palkavopäivy on keviäl kolmandeššu piän Äijäspäiväs,
a talvel syvyspyhälaskun aigua.
(KKS, V, s. 615)

Kyly ei ole pyhälaskun ildaine.
(KSP, s. 101)

Pyyhi suu sulkasella, huomenna pyhä tulou.
(Lyytinen, s. 24)

28.11–06.01 (15.11–24.12) – Rastavanpyhä, Roštuonpyhä, Rastavanpyhä

Meilä pyhitettih Šuuret pyhät, Roštuonpyhät, Spua-
sunpyhät.
(KKS, IV, s. 162)

Raštavanpyhä kuuzi nedälie kahta päiviä vajua.
(KKS, IV, s. 162)

Talvella kun lähtietäh puimah, niin šanotah: ”Aig on jo
puimah männä, keškyö on, Risttähät jo keškyön šijalla”.
(KKN, I, s. 93)

Kun viimeni riihi puitih ta viimeni lyyheh jätettih rii-
hen nurkkah sinne partisilla nossettih pyhäillänparta.
(KKS, IV, s. 558)

Lopetetah viimini riihi puijah. I pannah ozrat huuhe-
tah, sitä čurtuo ei puija. Niin pannah nurkkah. Tämä
on Il’an parta. Kaksi čurkkua tuoho nurkkah, tuoho
nurkkah. Peräh riiheh partisilla.
(Лавонен, Федотова зап. в 1981 г. от Кирилловой И. Н., НА,
85/108)

Pyhäil’an parta riiheh jätettih, viimeinen riihi puitih
kuin kasvatimma niitä jäčmeniä, ta rukehie, sinne vii-

День найма батраков бывает весной на третий день
после Пасхи, а зимой во время осеннего мясопуста.
(Nekkula-Riipuškala – Неккулица-Рыпушкалица)

Не так баня нужна, как ужин в заговенье.
(Priäžy – Пряжа)

Вытри рот помазком (из крыла или хвоста птицы),
завтра пост наступит.
(Vuokinsalmi – Вуокинсалми)

28.11–06.01 (15.11–24.12) – Рождественский пост

У нас соблюдали Великий пост, Рождественский
пост, Успенский пост.
(Uhut – Ухта-Калевала)

Рождественский пост длится шесть недель без двух
дней.
(Suojärvi – Суоярви)

Когда идут молотить зимой, то говорят: «Уже вре-
мя идти молотить, уже настала полночь, созвездие
Креста уже на своём месте».
(Tolmačči – Толмачи)

Когда последнюю ригу молотили, последний сноп
оставляли в углу риги, на колосники поднимали
«бороду святого Ильи».
(Vuokkiniemi – Вокнаволок)

Заканчивают молотить последнюю ригу. И кладут
ячмень, этот пучок не обмолачивают. Кладут в угол.
Это и есть борода Ильи. Две чурки туда, в тот угол.
В заднюю часть риги на колосники.
(Капанайни – Тунгозеро)

Бороду святого Ильи оставляли в риге, обмолачи-
вали последнюю ригу, выращивали ячмень и рожь,

meini pyhäil'l'an parta jätettih, pantih sinne čuppuh toiseh vuoteh suatih jotta parta se siel' olis jotta siitä vielä tulis vil'l'ua. Se oli sentäh, jotta toisena vuotena hyvä tulis urozai. (Il'l'an parta oli sielä riinessä — toiseh vuoteh šuateg. Usia ruvetah panemah... Pelolla meillä ei jätetty...)

(Лавонен, Онегина зап. в 1975 г. от Токаревой У. Т., НА, 44/69)

Priusan kolkkajaiset oli toini pruasniekka. Se pijettih siinä talossa, missä oli ensimmäiseksi puitu kaikki vil'l'at. Pruasniekka alko siitä, jotta mäntih puapon luoksi riihen pihalla, missä vil'l'ua tuuletettih. Puapo kysy: "Mitä kuuluu?" Piti vassata: "Läksin Riijäistä kysymäh." Puapo siitä kysy: "Onko siula peretnikkä? Levitä." Peretnikkä levitettih ta puapo pani siih kolme kamahluo jyvie. "Passipo, puapo", sanottih. Siitä huolimatta, jotta sykysyllä oli kaikilla vil'l'ua kyllin, tapoja kuitenkin nouvatettih.

Päivän aikana puapon talossa sriäpittih: möykyistä taikinaisesta ta kohahusta, a kohahuksen kuoret oli suorovaiset. Siitä illalla kučuttih rahvasta kahesta toisesta talosta pruasniekkah ta sanottih: "Tulkua meilä priusan kolkkajaisih." Juotih čäijyö hauvotun maijon kera ta syötih sriäpnyä.

(Lyytinen, s. 39)

Ku viljaa puitih, ni taiottih että hiiret ei šois viljoa. Otettih pihlajan kappale ja kuivattih (tuotih mečästä Petrun ja Iivananpäevän välillä). Šitte šanottih: hiiret hiiteh, mykrät myötäh, jänikšet jälkeh, pahukšet pai-meneh, šitte pani pihlajan viljan peälle ja šitä ei šoanu liikuttaa eli hiiret šyötih viljat.

(Топпинен зап. в 1934 г. от Никулина М., НА, 12/10)

Kaiken pitän Roštuonpyhän kezriämmä.

(СКЯ тв, с. 241)

там оставляли последнюю бороду святого Ильи, клали в угол до следующего года, чтобы эта борода там оставалась, чтобы ещё хлеб уродился. Это делали, чтобы на будущий год был хороший урожай. (Борода Ильи была в риге — до следующего года, пока новые [снопы] не начнут носить... На поле у нас не оставляли...)

(Kiestinki — Кестеньга)

Второй праздник — звяканье цепа — это праздник завершения обмолота. Его праздновали в том доме, где первыми обмолачивали все зерновые. Праздник начинался с того, что шли к повитухе во двор риги, где провеивали зерно. Повитуха спрашивала: «Как дела?» Надо было ответить: «Иду Ригу спрашивать». Тогда повитуха спрашивала: «У тебя есть передник? Расправь». Расправляли передник, и повитуха клала в него три горсти зерна. «Спасибо, повитуха», — говорили. Несмотря на то что осенью у всех было вдоволь зерна, обычаи всё-таки соблюдали.

В течение дня в доме повитухи пекли: круглые хлебцы из теста и пирожки кохахус, а сканцы для кохахус были пресными. Затем вечером приглашали народ из двух других домов на праздник и говорили: «Приходите к нам на звяканье цепа». Пили чай с топлёным молоком и ели выпечку.

(Vuokinsalmi — Вуокинсалми)

Когда молотили хлеб, то ворожили, чтобы мыши не ели зерно, брали кусок рябины и высушивали (приносили из леса в промежуток между Петровым и Ивановым днём). Потом говорили: мыши — к чёрту, кроты — вслед за ними, зайцы — вслед, черти в пастухи, после клали рябину на зерно, и её нельзя было трогать, или мыши съедали зерно.

(Jyškärvi — Юшкозеро)

Весь длинный Рождественский пост прядём.

28.11 (15.11) – Guurei

Pokrovan jäl'geh on Guurei, enžimäne päivä Roštuonpyhässä. Guurei i Aviva. Hyö ollah troje sv'atie, kolmen. Tämä on tože hyvä pruazniecka, kallis. Eliäseh mäni tytär miehellä, muamo i poručil heiläh, Guureilla da Avivalla, što mie teiläš annan, poručaju tyttären oman, što työ händäh vardeiččizija. A šidä hänen muanitti ženihä šeže, a hiän oli naizikaš. Muanitti kodihize, a koissa oli naine. Hiän oli salduatta že. Koissa oli naine. Dorogalla hiän i venčakol'čazen hänelä kisko. Mänet, naizella šanou, nin šie šano, što mie en ole naine šiulaš. A šidä ka hiän... jo lieni hänellä lapši, a lapši lieni tuattoh nägöne. Naine jo i dogadi, što häneläh on otettu tämä naine, hiän oli naizena, pidi händäh naizena.

A šidä ka heilä lieni ženmuone slučai. Lapšut že šyndy, a lapšuožen naine, mužikan naine i otravi. A hänelä lieni žuali šidä lapšutta. Tuli hiän vettä tuomašta, lapšut jäi yksinälle kodih kätkyöh. Tulou, vain vuahut šuušta noužou lapšuođa. Hiän jo i otravi žen lapšuožen, že naine mužikan. Ne vuahuoht hiän nosofkazez rabiešteli, tähellä i pani. Niillä vuahuzilla... Lie ni tuašen heiläh bualat, i lieni piršestvo. Ne vuahuoht hiän otti da livotti da šidä šillä naizella šanou: davai, šanou, miriečemmä myö šiukkena, davai, šanou, juollamma myö čeres šiun bualoida näidä. Hiän otti da šihr'umkazez hänellä ne vuahuoht livotetuot i pani naizella. Naizen hiän i otravi. Naizen kun otravi, kuoli ves'ma ruttoh. A šidä naizen šežen kätkiettih i šidä i ruvettih duumaimah: mintän, šanou, väliän hiän kuoli? Davai muakko roičemma, šanou, eigo hiän ole otravittu. Hyö žen naizen roidih, vračat i priznaidih, što hiän on otravittu.

A šidä žen otravijan otettih da hänen elävälđi i kätkei. Elävälđi kätkei ženke naizen kena yhteh grobuh i pandih. A šidä ka hiän šielä i mainiččou grobušša, šanou: Guurei, Samulii i Aviva, šanou, neušto työ miun hylgiättä. Muamo vet' miun poručči teiläš, šano, što työ sohran'ali bi milma. Šidä ka hiän i očutil's'a omaššah kiriköššä, kumbazeššä kiriköššä hyö venčaičiečettih

28.11 (15.11) – мученики Гурий, Самон и Авив

После Покрова — Гурий, первый день Рождественского поста. Гурий и Авив. Это трое святых. Это тоже хороший праздник, почитаемый. Живало-бывало, вышла дочь замуж, мать и поручила её им, Гурию и Авиву, что я вам даю, поручаю свою дочь, чтобы вы её охраняли. А потом её обманул жених, он был женат. Заманил в свой дом, а дома была жена. Он был солдат. Дома была жена. В дороге он и венчалное колечко у неё отобрал. Пойдёшь, жене говорит, так ты скажи, что ты мне не жена. А потом она... уже родился у неё ребёнок, а ребёнок был очень похож на своего отца. Жена и заметила, что он эту жену за себя взял, она была женой, её считал женой. А потом приключился у них такой случай. Ребёночек этот родился, а ребёночка жена этого мужа и отравила. А ей стало жаль этого ребёночка. Пришла она (за водой ходила), ребёночек остался один дома в колыбели, приходит, да только пенка изо рта поднимается у ребёночка. Она уже и отравила этого ребёночка, эта жена мужа. Эту пену она в носовик собрала и прибрала. Этой пеной... Снова у них случились балы, пиршество. Эту пену она взяла и размочила и той женщине говорит: давай, говорит, мы с тобой помиримся, давай, говорит, выпьем с тобой через твои балы. Она взяла и в рюмочку ей эту пену размоченную и налила, женщине. Жену она и отравила. Жену она как отравила, та умерла очень быстро. А потом, как похоронили эту женщину, стали думать: почему, говорит, быстро она умерла? Давайте раскопаем, говорит, не отравили ли её. Они эту женщину откопали, врачи и признали, что она отравлена. А потом эту отравительницу взяли и живьём похоронили. Живьём похоронили, с той женщиной в один гроб и положили. А она там, в гробу, и говорит: «Гурий, Самсон и Авив, говорит, неужели вы меня бросите. Мама ведь меня вам поручила, сказала, чтобы вы меня сохраняли.» После она и очутилась в своей церкви, в которой церкви они венчались, и там перед гробницами она и си-

i šielä hiän grobničoiilla ieššä hiän kykyttämäššä i lie-
ni. Hiän očunieci, kaččou, on omašša kiriköššä i oma
rahvaš. Mistä šie, šanou, täh? Ka näin i näin, šanou, mie
olin kätkietty, šanou. Hiän pahaččazeh šuorinnun i ko-
dihize i popadi. I muamoh ših popadi kirikköh, hänen i
otti kodih. Žen jäl'geh i tulou že muanittaja mužikka hä-
nen. Nu, kuin, šanou, eletäh šielä žen? (peitty tyttö že)
Šanou, kuin eletäh šielä miun vunukkazet? Da, brihaine,
šanou, kažvau, jo on suurikkane, a že kuundelou tytär,
midä hiän pagizou. Šuurikkane, šanou, muašša maguau.
A šidä i ozuttuaci hänelläh, mužikalla šillä. Ka händäh i
ruvettih haukkumah, midä, šanou, šie ruavoit, eu šiula
i huigieda, eläväldi kätiit, da vielä i valehtelet, što on jo
vunukkaine šuurikkane. Nikumbast'a eu, šanou, vunuk-
kazen jo kätkijä i eläväldi. I moržiemien tämän otiit da
muanitiit da kätiit. Ka on min označai Gurei, Samulii, ka
tämä pruzniekka, Roštuon pyhän enžimäne päivä.
(Пунжина зап. в 1966 г. от Карасёвой М. Ф., ФА, 679/2)

04.12 (21.11) — Veden'n'u, Ved'oi, Vetenja, Veden'n'

Veden'n'u on kolme nedälii Kužmois, Rastavanpyhäš,
Lumbilan pruzniekku.
(KKS, VI, s. 572)

Minä piän on pyhälasku, sinä piän Ved'oi. (Nedälii
myöhemi.)
(KKS, VI, s. 576)

Ved'oi tulou vien kel. Märgy siä, vihmu voi olla.
(Тетчиева зап. в 2010 г., НА, 173/106)

09.12 (26.11) — Talvi-Jyrgi, Syys-Jyrgi, Talvi-Jyrgi, Tal'v-D'yrgi

Vajuattavaine kaksi nedälii Rastavanpyhiä on syys-
Jyrgi.
(KKS, V, s. 615)

дит на корточках. Она очнулась, смотрит, она в сво-
ей церкви и люди свои. Откуда, ты, говорит, здесь?
Да так и так, говорит, меня похоронили, говорит.
Она плохонько одетая домой и попала. И мать в той
церкви оказалась и взяла её домой. После этого
приходит этот её муж, обманщик. Ну, как, говорит,
живут там? (девушка спряталась). Говорит, как жи-
вут там внучата? Да, мальчик, говорит, растёт, уже
большенький, а она, дочь, слушает, что он говорит.
Большенький, говорит, в земле спит. А потом и по-
казалась ему, мужу этому. Его все ругать стали, что,
говорит, ты наделал, не стыдно тебе, живьём по-
хоронил, да ещё и лжёшь, что внучок большенький.
Никоторого нет, говорит, и внучка похоронили уже,
и живьём, и невесту эту взял и обманул, да похоро-
нил. Вот что означает Гурий, Самон, этот праздник,
первый день Рождественского поста.
(Кришение — Воскресенское)

04.12 (21.11) — Введение

Введение через три недели после Кузьмы, в Рожде-
ственный пост, праздник Лумбилы.
(Siämärvi — Сямозеро)

В какой день заговенье на пост, в тот день и Введе-
ние. (Спустя неделю.)
(Salmi — Салми)

Введение приходит с водой. Сырая погода, может
идти дождь.
(Videl — Видлица)

09.12 (26.11) — Юрьев день, Юрий осенний, Юрий зимний

Через неполных две недели после начала Рожде-
ственного поста празднуют осеннего Егория.
(Siämärvi — Сямозеро)

Talvi-Jyrgi tulou sillan kel (jiät roijahes), Miikul nuag-
loin kel (seinät loškau pakkazel).

(СКЯ ливв, с. 375)

Syys-Jyrrinny lämmitettih kyly pokoiniekoile, valmis-
tettih heile pidosyömitet, iče izändy illal syys-Jyrgii
vaste otti pal'lahin päin pimieli pihal vastah taloin
kuolluot eläjät da tossu huondeksel suattoi heidy pel-
lon reunassah kuadajen silloi-toiči viinua muah.

(Hautala, 1982, s. 362)

17.12 (04.12) — Varvoinpäivy, Varvananpäivä, Varvuoinpäiv

Roštuonpyhässä Varvananpäivä on kežellä, pyhän ja-
gau. Varvananpäivänä ei pie kežrätä, ei nägie värttynyä,
muut'ei mado n'okkuau kežällä.

(Степанова, 2000 с. 274)

Virvana varvana, elä käy kenkässä, elä šuihka
šuššunašša, eläkä harpi hattarašša.

(KKS, VI, s. 508)

Virvana-varvana, elä käy kenkittä, elä šuihka
šuššunatta, elä räikä räččinättä.

*(Лавонен, Федотова зап. в 1981 г. от Кирилловой А.П., НА,
85/146)*

Virvana, varvana, elä käy kenkäh, elä harpi hattarah.
Mie sanon Suovalle, Suova sanou Miikkulalla, Miikkula
sanou metän pojalla. Metän poika polvet poikki.

(Куйкка зап. в 1934 г. от Ремшу Х., 12/38,39)

Virvana varvana,
elä käy kenkättä
elä harpi hattaratta.
Mie sanon Soavalla,
Soava sanou Miikkulalla,
Miikkula velanpojalla,
velanpoika väkkärällä,
väkkärä vesivalolla,

Зимний Егорий прибывает с мостами (льды об-
разуются), а Никола — с гвоздями (в мороз трещат
стены).

В день Егория осеннего топили баню для покой-
ников, готовили им угощение, сам хозяин с непо-
крытой головой вечером накануне Егорьева дня
встречал в тёмном дворе умерших жителей дома,
и на другое утро провожал их до края поля, время
от времени выливая на землю вино.

(Suistamo — Суїстамо)

17.12 (04.12) — Варварин день

Варварин день делит Рождественский пост надвое.
В этот день — Варварин — нельзя прясть, нельзя ве-
ретёна видеть, иначе летом змея укусит.

Virvana-Varvana, не ходи в сапогах, не бегай в шу-
шуне и не вышагивай в портянках.

(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Virvana-varvana, не ходи без сапог, не бегай без
шушуна, не носишь без сорочки.

(Tuhkala — Тухкала)

Virvana, varvana, не ходи в сапог, не шагай в пор-
тянку, я скажу Соаве, Соава скажет Николе, Никола
скажет сыну чёрта. Сын чёрта колени переломает.

(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Virvana-varvana,
не ходи без сапог,
не вышагивай без портянок.
Я скажу Соаве,
Соава скажет Мийккуле,
Мийккула должнику,
Должник — вертушке,
вертушка — водному свету,

vesivalo huutehella —
huuveh jalat poikki!
(*Virtaranta, 1958, s. 604*)

18.12 (05.12) — Suavanpäiv, Suavanpäivä, Suavanpäiv

Roštuonpyhä kun on, nin šitä on kolme pyhiä peräk-
käh: Varvananpäivä, Suavanpäivä ta Miikkulanpäivä.
(*KKS, IV, s. 162*)

19.12 (06.12) — Talvi-Miikul, Syys-Miikul, Talvi-Miikkula, Tal'v-Miikul

Syys-Miikkula on puoliraštavanpyhäs.
(*KKS, V, s. 615*)

Miikkulan aigua pitkii pakkazii pidäy.
(*СКЯ ливв, с. 207*)

Miikkula kui tulou, ga dai nuaglan tuoh tulles.
(*KS, s. 283*)

Miikul tulou nuagloin ker, Jyrgi kurikan ker.
(*KS, s. 283*)

Miikkul ku ei porotanne purahii potokas, ga Veden'n'u
porottau.
(*KS, s. 283*)

Syvys-Miikkulan da syvys-Jyrrin lämmät ei jää pidä-
mätä.
(*KS, s. 498*)

Pyhä-Miikul 22 nedälii syöttäy žiivattoi tahnuos talvel,
sit sanou: nygöi Pyhä-Jyrgi, työnä žiivatat ullos!
(*KKS, IV, s. 557*)

водный свет — инею —
иней ноги переломает!
(*Venehjärvi — Суднозеро*)

18.12 (05.12) — Савва

На Рождественский пост приходится три праздни-
ка подряд: Варварин день, день Саввы, день Нико-
лы зимнего.
(*Kontokki — Контокки*)

19.12 (06.12) — Никола зимний, Никола осенний

Никола осенний приходится на середину Рожде-
ственского поста.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Около Николы морозы стоят подолгу.

Никола как придёт, так и гвоздь с собой принесёт.
(*Suojärvi — Суоярви*)

Никола приходит с гвоздями, Егорий с колотушкой.
(*Salmi — Салми*)

Если Никола не собьёт сосульки с потока, то Введе-
ние собьёт.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Не бывает осеннего Николы и осеннего Егория без
тепла.
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Святой Николай 22 недели зимой кормит скотину
в хлеву, потом говорит: теперь, Святой Георгий,
выпускай скотину на улицу!
(*Siämärvi — Сямозеро*)

Kahta Miikulua ei jäät kannu.
(*KKS, s. 126*)

**19.12–15.02 (06.12–02.02) –
Syväintalvi, syvä talvi, šiantalvi**

Miikulanpäiväs Sreiten'n'as sai on syväintalvi.
(*KKS, V, s. 354*)

Udualin syväintalvi on Rastavas ymbäri.
(*KKS, V, s. 354*)

**21.12–22.12 – Päivän seizonduaigu,
povorotat, päivänpalauš**

Povorotoina päivä liženöy, a yö lyhenöy.
(*СКЯ тв, с. 218*)

Päivy kezäh, ilmu talveh.
(*KS, s. 411*)

Ilmu talveh, päivy kezäh.
(*KS, s. 99*)

Päivän kun pesäh kylmäy, ka kesä tuloubi lämmin.
(*KS, s. 412*)

Двоих Николаев лёд не выдержит.
(*Suistamo – Суїстамо*)

**19.12–15.02 (06.12–02.02) –
Середина («сердцевина») зимы,
глубокая зима**

От Николина дня до Сретения длится сердцевина зимы.
(*Suojärvi – Суоярви*)

Самая лихая середина зимы приходится на время около Рождества.
(*Siämärvi – Сямозеро*)

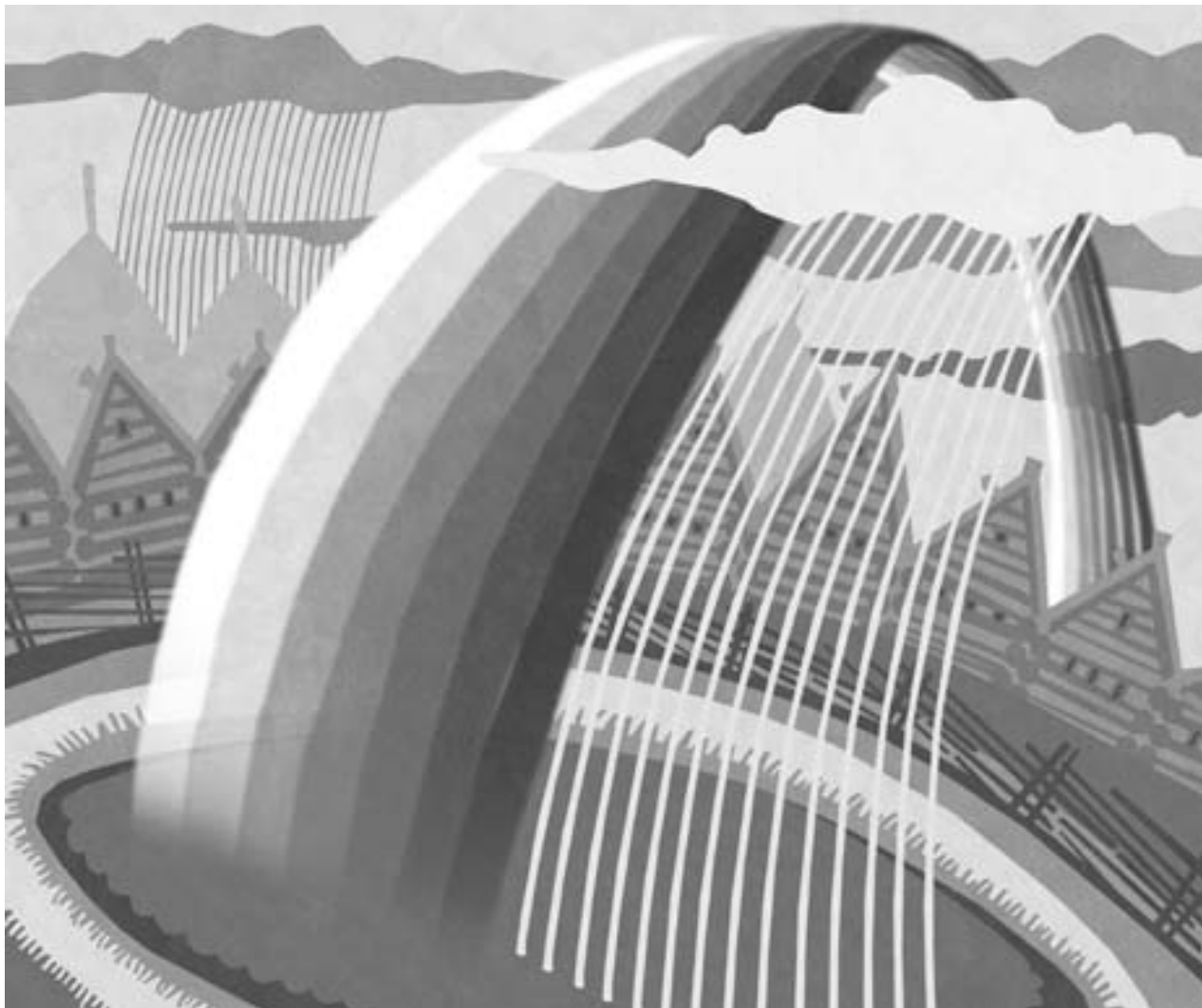
**21.12–22.12 – День зимнего
солнцестояния**

Со дня солнцестояния день прибывает, а ночь убывает.

Солнце на лето, погода на зиму.
(*Salmi – Салми*)

Погода на зиму, солнце на лето.
(*Tulemjärvi – Туломозеро*)

Если во время зимнего солнцестояния будут морозы, то лето будет тёплое.
(*Korbiselgä – Корбисельга*)

**Siä da luonnon ilmivöt,
šiä ta luonnon ilmijöt**

**О погоде и природных
явлениях**

Ei pidäs moittie siädy, riähky on, net on siät jumalan
laitut.

(KKS, V, s. 346)

Ei siä siäreh tartu.

(СКЯ ливв., с. 338)

Ei ole kai ilmat ikkunas, eigo kai kalat kattilas.

(KKS, I, s. 436)

Ei ole kai ilmat ikkunois, eigä kai veit kattilois, eigä kai
prihat yhtes prihas, eigä kai kalat yhtes järves.

(KS, s. 99)

Ei kai ilmat ikkunah nävy, ei kai pellot pihas.

(KS, s. 99)

Ei kai ilmat ikkunah nävy, eigä kai veit kattilah sovi.

(KS, s. 99)

Älä kiitä siädy huondekses.

(СКЯ ливв., с. 338)

Ilma muuttuu, ku hongan latva laulaa.

(KS, s. 99)

Därvel konz lienou polosad veden piäl, šiiit sanuttii:
ilm smenizou.

(LT, I, s. 350)

Погоду грех ругать, всякая погода Богом создана.

(Siämärvi — Сямозеро)

Ненастье к голенищу не пристанет.

Не вся погода в окне, и не вся рыба в котелке.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Не вся погода в окнах, не вся вода в котелке, не все
парни в одном парне, не вся рыба в одном озере.

(Imbilahti — Импилахти)

Не всю погоду в окно видно, не все поля во дворе.

(Salmi — Салми)

Не всю погоду в окно видно, не вся вода в котелок
поместится.

(Suistamo — Суїстамо)

Не хвали погоду с утра.

Вершина сосны поёт (шумит) к перемене погоды.

(Suistamo — Суїстамо)

Когда на озере на поверхности воды были видны
полосы, то говорили: погода изменится.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Kiitä ilmaa illas, pardasuunna poigua.
(KS, s. 99)

Kiitä ilmaa illas älä huondekses.
(KS, s. 99)

Siän luadi kui rieskan maijon, kajožan kuudaman val-
gien.
(KS, s. 468)

Doroga kui lutikka, siä gu rieskamaido.
(KS, s. 36)

Siä ei päje kattilah.
(KS, s. 468)

Paha siä, huono ilma, paha šii

Ehtyzor'a pastau siän iel.
(СКЯ ливв, с. 46)

Ildarusko hyvä rusko, päivärusko paskarusko.
(KS, s. 97)

Aamuruško päivän paška, iltaruško šelkietä šäätä.
(Ремшьева зап. в 1976 г. от Ремшьева П. С., НА, 60/225)

Päivännouzu ku rozottau äijäl, lašku mužikku ei kergie
ni jalgoi kengie, ku tuučču tulou.
(KKS, IV, s. 579)

Ka kui päiväne kihottau, vihakko ilmu tuloo.
(KS, s. 414)

Se on ilmaks sappi (kuus libo päiväzes ymbäri).
(KKS, I, s. 436)

Хвали погоду вечером, а сына, как борода отрастёт.
(Suistamo — Суйстамо)

Хвали погоду вечером, а не с утра.
(Salmi — Салми)

Погода установилась как свежее молоко, ясный
свет луны.
(Tulemjärvi — Туломозеро)

Дорога как клоп [гладкая], погода как свежее молоко.
(Imbilahti — Импилахти)

Погоду в котелок не положишь.
(Suistamo — Суйстамо)

Непогода, ненастье

Вечерняя заря ярко светит перед непогодой.

Вечерняя заря хорошая, дневная — плохая.
(Suistamo — Суйстамо)

Утренняя заря — к плохой погоде днём, вечерняя
заря — к ясной погоде.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Если утренняя заря (восход солнца) пылает очень
ярко, то ленивый мужик и обуться не успеет, как
дождь (снег) пойдёт.
(Salmi — Салми)

Как солнце жарит, холодная погода будет.
(Imbilahti — Импилахти)

Сияние (ореол, корона) вокруг солнца или луны —
к ненастью.
(Tulemjärvi — Туломозеро)

<p>Tikka takou seinih, huonot ilmat tulou, vanhat mainitih niin. (<i>KKS, VI, s. 108</i>)</p>	<p>Дятел долбит стены — погода испортится, старики так говорили. (<i>Vuokkiniemi — Вокнаволок</i>)</p>
<p>Tikku ku plikuttoa halgopinos libo puus pihal, sit seän jumala muuttoa, tuučan luadie. (<i>KKS, VI, s. 108</i>)</p>	<p>Если дятел стучит в поленнице или на дереве во дворе, то Бог изменит погоду, пойдёт дождь или снег. (<i>Suojärvi — Суоярви</i>)</p>
<p>Kajoit on muas viluloi vaste. (<i>СКЯ ливв, с. 118</i>)</p>	<p>Перед похолоданием чайки на земле сидят.</p>
<p>Kun kanat toratah, tuloo pahua siädä. (<i>KS, s. 131</i>)</p>	<p>Если куры дерутся, то будет плохая погода. (<i>Suistamo — Суїстамо</i>)</p>
<p>Čirkut suimuijah pahoiksi šiälöiksi. (<i>KSP, s. 23</i>)</p>	<p>Воробьи суетятся к непогоде. (<i>Tolmačči — Толмачи</i>)</p>
<p>Koira piehtaroiččou šiälöikši. (<i>СКЯ тв, с. 273</i>)</p>	<p>Собака катается по земле к ненастью.</p>
<p>Koira piehtaroiččou, šiä muuttuu. (<i>Степанова, 2000, с. 272</i>)</p>	<p>Собака валяется — погода переменится.</p>
<p>Koira vieretteliččöy, šiät lietäh, vihmoa libo lunda libo midä. (<i>KKN, I, s. 92</i>)</p>	<p>Собака катается по земле к непогоде, будет дождь или снег, или что-нибудь ещё. (<i>Tolmačči — Толмачи</i>)</p>
<p>Kaži maguau hingalolla, viluo toivottau. (<i>СКЯ тв, с. 90</i>)</p>	<p>Кошка спит на шестке — к холоду.</p>
<p>Kaži mänöy viluloin iellä päčillä, lämbimän iellä ikkunalla. (<i>KKS, III, s. 223</i>)</p>	<p>Кошка забирается на печку — к холодам, на окно — к теплу. (<i>Porarvi — Поросозеро</i>)</p>
<p>Kaži, šanotah, ka konža hingalolla maguau, vilu lieu, a kun keššellä latetta, niin lämmin tulou. (<i>KKN, I, s. 92</i>)</p>	<p>Говорят, когда кошка спит на шестке, будет холодно, а когда посреди пола — тепло. (<i>Tolmačči — Толмачи</i>)</p>
<p>Kaži ku ikkunas kaččou, ga tuučču tulou. (<i>KS, s. 138</i>)</p>	<p>Если кошка смотрит в окно, то будет снегопад. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)</p>

Počči roiččou pahnuu šiälöiksi. (<i>СКЯ тв, с. 272</i>)	Свинья роет подстилку к непогоде.
Siä tulou, honganladvu laulau. (<i>KS, s. 468</i>)	Будет ненастье, верхушка сосны поёт. (<i>Imbilahti, Suistamo — Импилахти, Суйстамо</i>)
Siä nousoo, honganladva humisoo. (<i>KS, s. 468</i>)	Будет ненастье, верхушка сосны шумит. (<i>Suistamo — Суйстамо</i>)
Hongan ladva laulaa, tuučča tulou. (<i>KS, s. 63</i>)	Вершина сосны поёт, будет снегопад. (<i>Suistamo — Суйстамо</i>)
Siät roih: beluugat kižatah. (<i>KS, s. 468</i>)	Быть непогоде: бегуги играют. (<i>Suistamo — Суйстамо</i>)
Ei siädy siän peräs. (<i>KS, s. 468</i>)	Не бывает ненастья вслед за ненастьем. (<i>Suistamo — Суйстамо</i>)
Ei ole siädy siän peräs, eigo tuuldu tuulen peräs. (<i>KS, s. 468</i>)	Не бывает ненастья вслед за ненастьем и ветра вслед за ветром. (<i>Imbilahti — Импилахти</i>)
Nuoren mužikan nuottusiä, a vanhat päčil. (Paha siä.) (<i>KS, s. 317</i>)	В такую погоду только молодому мужчине идти тя- нуть невод, а старым на печи сидеть. (Непогода.) (<i>Salmi — Салми</i>)
Taivaš t'äydy, šiät rikkuočettih. (<i>Virtaranta, 1990, s. 444</i>)	Небо затянуло облаками, погода испортилась. (<i>Puasinkoi — Пасынки</i>)
Ei šuuri šiä šiärehtartu, eikä šae šatata, ei šuuri šana šuuta revitä. (<i>KSP, s. 32</i>)	Непогода к голенищу не пристанет, дождь больно не бьёт, обещание рта не разорвёт. (<i>Vuokkiniemi — Вокнаволок</i>)
Tuuloksespäi tuučču tulou, Videlespäi vihmuu. (<i>KS, s. 527</i>)	Из Тулоксы ненастье приходит, из Видлицы дождь идёт. (<i>Salmi — Салми</i>)
Jesli ollet mečäs, sit kačo taivahah, kajoksena yönä, jesli ollov vyö luodehesta koilizeh, nii kiirehtä pois ko- dih lähembä, roitov suuret vjugat i lumenpanot. (<i>Туткова зап. в 1938 г. от Туруева Т.Е., НА, 61/46</i>)	Если окажешься в лесу, то посмотри на небо, ясной ночью, если будет пояс с запада на восток, то ско- рее спеша поближе к дому, будут сильные вьюги и снегопад. (<i>Sel'gi — Сельги</i>)

Poudu, pouta, poud

Ehtyzor'a ruskottau, huomei roih lämmin.
(*KKS, I, s. 95*)

Iltarusko selvy ilmu, aamurusko pilvipäivy.
(*KS, s. 97*)

Taivas on ylähäks novznu — povd aig lienov, taivas on
ripustunnu — vihmaine aig lienov.
(*KSP, s. 186*)

Kuudaman kannikon nenät terävät — povvakse.
(*KSP, s. 98*)

Poudua vaste kaste verkožil on.
(*KSP, s. 159*)

A kašša on vägövä, nin lieu hyvä päivä, a kun eu
kašsetta, šilloin lieu vihma.
(*Пунжина, Федотова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА,
675/2*)

Piäkšyöt ylähänä lennelläh pouviksi.
(*СКЯ тв, с. 218*)

Rodieu tänäpäi poudu: udu nouzi yläh.
(*СКЯ ливв, с. 402*)

Nyt on šärinšuomušša taivaš — huomena tulou pouta.
(*KKS, IV, s. 422*)

Illalla kajoš — huomena lieu pouda.
(*KSP, s. 62*)

Kun päiväne ei pilveh laškiece, niin lieu pouda.
(*KKN, I, s. 94*)

Вёдро, тёплая сухая погода

Вечерняя заря краснеет, завтра будет тепло.
(*Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица*)

Вечерняя заря — к ясной погоде, утренняя — к пас-
мурному дню.
(*Salmi — Салми*)

Небо кажется высоким — к вёдру, низким — к дож-
дю.
(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

У лунного серпа острые углы — к хорошей погоде,
вёдру.
(*Mägrüä — Мегрега*)

Роса на паутине предвещает вёдро.
(*Mägrüä — Мегрега*)

Если роса обильная, то будет погожий день, а если
нет росы, тогда будет дождь.
(*Halla — Морозовка*)

Ласточки высоко летают к ясной погоде.

Сегодня будет вёдро — туман поднялся кверху.

Небо будто покрыто чешуёй плотвы — завтра будет
вёдро.
(*Vuokkiniemi — Вокनावолок*)

Вечером ясно — назавтра вёдро.
(*Tolmačči — Толмачи*)

Если солнце не садится в тучи, значит, будет хоро-
шая, ясная погода.
(*Tolmačči — Толмачи*)

Päivän iellä sappi on hyvikse ilmoikse, a jälellä pa-
hoikse.

(Virtaranta, 1958, s. 255)

Kudaman ehtan šidböryöid lendeltii börynke, šidä pri-
metuoittii: d'älgele lienou hyväd ilmad.

(LT, I, s. 347)

Nyt lienöy päiväkši pouda, kuin karjankyndeh vihmu
(vihmui huondeksel karjan meččäh työnändyaigah).

(KKS, IV, s. 422)

Ku huondeksel vihmuu lehmän kabjal (konzu lehmii
ajetah meččäh), sit päiväkse roih poudu.

(KKS, IV, s. 422)

Kun valgie lehmä enžimäzekš tulou kodih illalla, niin
lieu hyvä šiä; mušta tulou, niin lieu vihma.

(KKN, I, s. 94)

Kuikku ku kakardau lendäjes, sit povvat roih, a kui vies
vongahteledes, sit vihmat.

(KKS, IV, s. 422)

Poudat tuloo, kuikka kakkarua lenuttaa (lugou).

(KS, s. 400)

Siät lämbiey nygöi, kaži on lattiel oijennuh muate.

(KKS, V, s. 346)

Kaži gu mukkii kiändäy, ga lämmin tulou.

(KS, s. 139)

Muun nedälin gu vihmuu, ga piätenčän on poudu.

(KS, s. 308)

Muurazmättähäs kui on lähtenu muurahašt ylen äi
kävelmai muuraihain tropaižid myöi, i on mäнду
muurazmättähäspiäi loittoze, šidä primietuoittii op'ät

Круг, ореол перед солнцем — к хорошей погоде,
а позади солнца — к плохой.

(Venehjärvi — Суднозеро)

Если вечером навозные жуки летали с жужжанием,
то примечали: после этого будет хорошая погода.

(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Днём будет ведро, если с утра во время выгона ско-
та в лес шёл дождь.

(Tunguo — Тунгуда)

Если утром дождь намочит коровье копыто (когда
коров гонят на пастбище), то днём будет ведро.

(Siämärvi — Сямозеро)

Если первой вечером домой придёт белая корова,
то будет хорошая погода, а если чёрная, то будет
дождь.

(Tolmačču — Толмачи)

Если гагара кричит в полёте, будет ведро, а если
сидя на воде вопит — дожди.

(Siämärvi — Сямозеро)

Будет ведро, гагара «блины» считает (кричит: «Как-
как-каккара»).

(Korbiselgä — Корбисельга)

Если кошка растянулась на полу — потеплеет.

Кошка кувьркается к теплу.

(Siämärvi — Сямозеро)

Если всю неделю идёт дождь, то в пятницу будет
ведро.

(Salmi — Салми)

Когда из муравейника выходит очень много му-
равьёв гулять по муравьиным тропинкам и они
уходят далеко от муравейника, примечали, что му-

muga: muurahaine lähtöu loittoze kävelmai hyvän ilman edel kezaižel aiga.

(*LT, I, s. 347*)

Pid'äy rokka loppie, nin lieu huomena pouda.

(*Virtaranta, 1990, s. 444*)

Vihmu, vihma, vihm

Kudai jumal kastau, se i kuivau.

(*Макаров, Рягоев, 1969, с. 70*)

Ken kastau, se i kuivuau.

(*Lyytinen, s. 22*)

Vihmu ei satata, a pezöy.

(*KS, s. 575*)

Vihmaižel šial painau.

(*LMS, s. 489*)

Taivas sindäy, liey vihma.

(*KKS, VI, s. 604*)

Suvipuoline taivas rojottau, äijän-vähän tossupiän vihmuu.

(*KKS, V, s. 594*)

Kun noužou bul'bukkua vihmuissa, buzurit nouššah, niin šanotah: lieu vihmat.

(*KKN, I, s. 93*)

Homehpilvi — ylen hoikku pilvi, kudai leviey yliči tai vahankannen pitkän vihman iel.

(*KKS, I, s. 306*)

Musta pilvi hirvittäh, savipilvi vettä andah.

(*KS, s. 298*)

Piisoau toas vihmoa kun mäni moavuntahiseh.

(*Virtaranta, 1958, s. 255*)

равей летом уходит далеко гулять перед хорошей погодой.

(*Hal'd'ärvi — Галлезеро*)

Надо доесть суп, тогда завтра будет ведро.

(*Puasinkoi — Пасынки*)

Дождь

Кого Бог намочит, того и высушит.

(*Samtatus — Самбатукса*)

Кто намочит, тот и высушит.

(*Vuokinsalmi — Вуокинсалми*)

Дождь не поранит, а вымоет.

(*Siämärvi — Сямозеро*)

В дождливую погоду давит.

(*Pälärvi — Пялозеро*)

Небо синеет к дождю.

(*Tveri — Тверь*)

Небо на юге рдеет, на другой день будет дождь.

(*Siämärvi — Сямозеро*)

Если во время дождя поднимаются пузыри на воде, то говорят: будут дожди.

(*Tolmačču — Толмачи*)

Очень тонкая туча, как плесень закрывающая весь небосвод, — перед длительным дождём.

(*Suistamo — Суїстамо*)

Чёрная туча испугает, туча цвета глины воды даст.

(*Suojärvi — Суоярви*)

Снова будет дождь, если солнце село в тучи целиком.

(*Venejärvi — Суднозеро*)

- Vihma tulou, päivä laškeutumah rupieu kun pilven vejältäy niinkun kintahah ni šiitä ruškien oikein laškeutuu päivä šiitä niin i vuota toisena piänä vihmua. (Näytteitä karjalan kielestä I, 1994, s. 30–31)
- Kun huomuksella andau koittien koillizee, rändä lie-nöy. Päivänsijavošša kun on koite, vihma tulou. (KKS, II, s. 281)
- Pitkät vihmät tullah koillizen tuulduu. (KKS, II, s. 275)
- Päivänsugahat nägyy, vihmuroih. (KKS, IV, s. 580)
- Kun päivä šeäriy, niin šatiet tulou. (Kun iltapäivällä päiväni heittäy pitkie valkosie säteitä) (KKS, V, s. 354)
- Äijäl ägieh päiviä pastau, vihmuroit tulou. (KS, s. 412)
- Vihmuroa vaste äijäl päiväine räkittäy. (СКЯ ливв. с. 321)
- Kulossah päiväy pastau, peräs pilvestäh. (KS, s. 199)
- Päiväine gu pilvih laskou, sit huomei vihmuroa. (Ларионов зап. в 1936 г. от Филипповой А.П., НА, 136/91 (559))
- Myö toko primeitimmä šiälöidä, mittynäne huomena lieu šiä. Päiväine kun laškietou hatakkoh, nin lieu vihma, a jesli poudah laskietou, nin lieu hyvä päivä. (Пунжина, Федотова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА, 675/2)
- Kaunis päiväine pilven tagua tumanazen mual andua. (KS, s. 142)
- Завтра будет дождь, если солнце сядет в тучи, «в рукавицу». (Oulanka — Оланга)
- Если утром заря на востоке, будет снег с дождём. Если заря видна на западе, будет дождь. (Роаеп — Паданы)
- Затяжные дожди приходят с восточным ветром. (Siämärvi — Сязозеро)
- Лучи у солнца видны к дождю. (Siämärvi — Сязозеро)
- Если солнце лучится, дожди пойдут. (Если во второй половине дня от солнца идут длинные белые лучи.) (Hietarvi — Хуетаярви)
- Очень жарко солнце светит, значит, дождь пойдёт. (Suistamo — Суйстамо)
- Перед дождём солнце сильно припекает.
- Сильно солнце жарит, после будет пасмурно. (Salmi — Салми)
- Если солнце садится в тучи, завтра будет дождь. (Tiihonselgy — Новая Заживка)
- Мы примечали, какая будет погода завтра. Если солнце садится в тучу, то будет дождь, а если садится в погожую погоду, будет хороший день. (Halla — Морозовка)
- Красивое солнышко за тучей даст туман на землю. (Salmi — Салми)

Poudan d'älles vihmu. (KS, s. 400)	После вёдра — дождь. (Siämärvi — Сямозеро)
Kajoksesta vihmuu kaiken päivän, sekehestä silloin toičči. (Virtaranta, 1958, s. 255)	После вёдра дождь идёт целый день, потом время от времени. (Sohjanansuu — Софьянга)
Kahen puolen päiväistä ollah kindahat, taidau šeänmuutoš tulla. (KKS, V, s. 353)	С обеих сторон от солнца видны «рукавицы» (сияние) — погода, похоже, изменится. (Tunguo — Тунгуда)
I kui tuulel kobun ajau randai, šii sanuttii: suur' ränd lienou. (LT, I, s. 350)	Когда ветер гонит пену к берегу, говорили: будет сильный дождь. (Hal'd'ärvi — Галлезеро)
Linnut lennelläh ylähänä illalla, ei tule vihmuu, alahana lennelläh vihmoiksi. (KKS, VI, s. 604)	Если птицы вечером летают высоко, дождя не будет, а если низко — будет дождь. (Tveri — Тверь)
Piäškyöt ylähänä lennelläh povvikši, alahana vihmoiksi. (KSP, s. 157)	Ласточки высоко летают к вёдру, низко — к дождям. (Tolmačči — Толмачи)
Čiarozet kaššellaa händyä vedee — vihmoiksi. (Степанова, 2000, с. 272)	Ласточки хвостом касаются воды — быть дождю.
Piäškyöt konža ruvetah alahakkali lendelemäh da kizuaččemah, šiid tuaš šanotah što lieu vihmat. (KKN, I, s. 92)	Когда ласточки начинают летать низко и резвиться, то говорят, что будет дождь. (Tolmačči — Толмачи)
Piäčköni perzettä vedeh čöккеälöö, vihma tuloo (huomei). (KKN, II, s. 119)	Ласточка зад в воду окунает, дождь будет (завтра). (Suistamo — Суистамо)
Piäčköni perzettä veissä livottaa, vihma tuloo. (KKN, II, s. 119)	Ласточка зад в воде мочит, дождь надвигается. (Suistamo — Суистамо)
Vihmuu vaste kajoit lennelläh. (СКЯ ливв, с. 118)	Чайки летают перед дождём.
Bronit vihmoiksi bruaketah. (СКЯ тв, с. 335)	Вороны каркают к дождю.

<p>Broni šeibähän piäh istu, ei järähä, vihmua vai vuottau. (<i>KKN, I, s. 94</i>)</p>	<p>Ворон сел на столб, не шевелится, дождя ждёт. (<i>Tolmačču — Толмачи</i>)</p>
<p>Tuuččua toivotetah čiučoit, ylen äijäl rädžistäh. (<i>KKS, VI, s. 336</i>)</p>	<p>Воробьи очень бойко чирикают — обещают непогоду, осадки. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)</p>
<p>Šiäkšet šiegluočetah vihmoikši. (<i>KSP, s. 180</i>)</p>	<p>Комары толкутся к дождю. (<i>Tolmačču — Толмачи</i>)</p>
<p>Šiäkšet kun ruvetah šurvomah yheššä koh arteliloin, tuašen šanotah: ka vihmua lieu. (<i>KKN, I, s. 92</i>)</p>	<p>Когда комары начинают толочься кучей, говорят: дождь будет. (<i>Tolmačču — Толмачи</i>)</p>
<p>Vihmua vaste ne itikatgi vihazembat. (<i>KKN, II, s. 97</i>)</p>	<p>Перед дождём и комары злее. (<i>Imbilahti — Импилахти</i>)</p>
<p>Tiidienhaukka tiikkau, nin že vihmua toivottau. (<i>СКЯ тв, с. 297</i>)</p>	<p>Чибис кричит — предвещает дождь.</p>
<p>Šiga kun roičiicchou pahnašša, niin vihma lieu. (<i>KKN, I, s. 92</i>)</p>	<p>Если свинья роется в подстилке, будет дождь. (<i>Tolmačču — Толмачи</i>)</p>
<p>Vihma tulou, ku on korzi počin suus. (<i>KS, s. 575</i>)</p>	<p>Будет дождь, если у свиньи во рту стебель. (<i>Suistamo — Суїстамо</i>)</p>
<p>Siga vinguu, vihma tuloo. (<i>KS, s. 459</i>)</p>	<p>Свинья визжит, дождь надвигается. (<i>Suistamo — Суїстамо</i>)</p>
<p>Sanotah, kun on musta skokuna, vihma tulou. (<i>Онегина зап. в 1975 г. от Карповой А.Н., НА, 44/246</i>)</p>	<p>Говорят, если лягушка чёрная, будет дождь. (<i>Sohjanansuu — Софьянга</i>)</p>
<p>Liedžumu kydöy, vihmustah, libo gost’ua tulou. (<i>KKS, VI, s. 606</i>)</p>	<p>Дрова в печи тлеют (плохо горят) — быть дождю или гости придут. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)</p>
<p>Šavu kun noužou da järelläh alahakši painuu, ”ka šavun tänä piänä muah löi” šanotah, ”lieu vihma”. (<i>KKN, I, s. 92</i>)</p>	<p>Когда дым поднимется и снова опустится вниз, «дым сегодня к земле прибило», говорят, — «будет дождь». (<i>Tolmačču — Толмачи</i>)</p>

Halla noužou taivahah, tulou vihma, a muah ku lan- gieu, ni ei tule. (<i>KKN, III, s. 88</i>)	Если туман поднимется в небо, будет дождь, а если опустится на землю, то не будет дождя. (<i>Jyškärvi — Юшкозеро</i>)
Hallan jälgeh on nagole vihma. (<i>Пунжина, Федотова зап. в 1966 г. от Сухичевой И.Н., ФА, 675/2</i>)	После заморозка всегда дождь. (<i>Halla — Морозовка</i>)
Maido kobajau — vihmoiksi. (<i>СКЯ тв, с. 335</i>)	Молоко пенится (во время дойки) к дождю.
Suolat nepsettih, vihmu tulou. (<i>KKS, III, s. 477</i>)	Соль стала влажной, будет дождь. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)
Humal'nikkua vai unis nägizit, sit terväh vihma rodizih. (<i>KKS, VI, s. 604</i>)	Если увидишь во сне пьяницу, скоро дождь пойдёт. (<i>Suojärvi — Суоярви</i>)
Laškan korvat kubizoo vihmoi vaste. (<i>KS, s. 226</i>)	У лентяя уши чешутся перед дождём. (<i>Imbilahti — Импилахти</i>)
Sumiel kala tulou nuottah. Sumiel vihmuu, sumiel kala tulou parembi nuottah. (<i>KKS, V, s. 549</i>)	В мелкий дождь рыба идёт в невод. Когда идёт мел- кий дождь или изморозь, рыба лучше ловится не- водом. (<i>Siämärvi — Сямозеро</i>)
Sumusiäl linnut hapatah pahembi. (<i>KKS, V, s. 552</i>)	В хмурую, дождливую погоду птица портится быст- рее. (<i>Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица</i>)
Vihmuvuozin ollah suuret kartohkat. (<i>KKS, VI, s. 605</i>)	В дождливый год крупная картошка вырастает. (<i>Salmi — Салми</i>)
Gu vastutuuleh pilvet nostah, syyspilveh, sit roih vihmu, a kevääz gu tuuloo hot' maalizespäi, sit rubia merespäi pilven hozkat nouzemah, sit tuuli menöö sinnepäi. (<i>Суксина зап. в 1936 г. от Тимофеевой Н.И., НА, 135/26</i> (837))	Если тучи поднимаются против ветра, к осенним тучам, то будет дождь, а если весной дует хоть с ма- терика, то облака будут подниматься с моря (Ладож- ского озера. — <i>Прим. сост.</i>), ветер уйдёт в ту сторону. (<i>Rajakondu — Погранкондуши</i>)
Konsa vihmuu äijälti, niin sanotah: Oi Ukko, ylini herra tahi tuatto taivahani, viepä vetes muilla mailla muilla mailla vierahilla,	Когда идёт сильный дождь, то говорят: — Ой, Укко, главный господин или отец небесный, отнеси свои воды в другие земли, в другие земли, чужие,

sielä vettä tarvitch,
sielä piimällä pirtit pesty
voilla saunat viskaeltu.
(*Lyytinen, s. 37*)

Lämbimät vihmat hapatetah heinät.
(*СКЯ тв, с. 46*)

Vihmo vihando pilvi, sadua savun karvalline!
(*KKN, II, s. 111*)

Tuuli, tuul'

Ymbäri nenästä pyöriy, a käsih ei andaiče.
(*KKN, I, s. 162*)

Pohjaine tuuli sammalengi seinäs porottau.
(*СКЯ ливв, с. 325*)

Pohjaine tuuli on muikie.
(*KS, s. 395*)

Pohojani akan luoksi yöksi mänöö, sill on čoma akka.
Suvella kun on ruma akka, ni yöt tuulou.
(*KS, s. 394*)

Ei pohjazel tuulel allotettu eigo kulul kuul höštötty
vediä.
(*KS, s. 394*)

Pohjoisen tuuli lunta tuo, suvi sen sulattau.
(*Lyytinen, s. 19*)

Tuuni siä on kalasiä.
(*KSP, s. 195*)

Tuuni kalan kattilah ajau, tuuli kattilan kuadau.
(*KSP, s. 195*)

там нуждаются в воде,
там простоквашей вымыты избы
маслом бани закиданы.
(*Vuokinsalmi — Вуокинсалми*)

Тёплые дожди сгноят сено.

Дожди, зелёная туча, поливай водой, дымчатая!
(*Suistamo — Суйстамо*)

Ветер

Вокруг носа кружит, а в руки не даётся.
Tuuli (Nebeličča — Небылицы) *Ветер*

Северный ветер выдует и мох из стены.

Северный ветер с кислинкой.
(*Imbilahti — Импилахти*)

Северный ветер на ночь к жене идёт, у него жена
красивая. А жена южного ветра некрасивая, поэто-
му он ночами дует.
(*Korbiselgä — Корбисельга*)

Ни при северном ветре, ни на ущербной луне не
начинали вывозить навоз на поля.
(*Tulejärvi — Туломозеро*)

Северный ветер снег приносит, южный его растопит.
(*Vuokinsalmi — Вуокинсалми*)

Затишье — погода рыбака.
(*Hoškil — Гошкила*)

Безветрие рыбу в котёл загоняет, ветер и котёл
опрокидывает.
(*Hoškil — Гошкила*)

<p>Suvituuli kalan randah tuou, a pohjaine kattilas ottau. (Макаров, Рягоев, 1969, с. 128)</p>	<p>Южный ветер рыбу к берегу пригонит, а северный из котелка возьмёт. (Mägrädd'ärvi — Мезрозеро)</p>
<p>Pohjaine viebi kalan meres, a kalttaine kattilasgi ottau. (KS, s. 395)</p>	<p>Северный ветер унесёт рыбу из моря, а северо-западный и из котелка заберёт. (Imbilahti — Импилахти)</p>
<p>Kaakko viey kalat mereštä, itäkaakko — kattilašta, luode viey lusikaštakin. (KSP, s. 69)</p>	<p>Юго-восточный ветер отгонит рыбу в море, восточный — из котла вытянет, а северо-западный — даже из ложки заберёт. (Vuokkiniemi — Вокнаволок)</p>
<p>Kaltane vie kalat kattilasgi. (Kalttazel tuulel on huono kalailmu) (KS, s. 130)</p>	<p>Северо-западный ветер заберёт рыбу и из котелка. (При северо-западном ветре рыба не ловится.) (Salmi — Салми)</p>
<p>Kalttaine viebi kalan kattilas, a luuveh viebi luzikasgi. (KS, s. 141)</p>	<p>Северо-западный ветер заберёт рыбу из котелка, а западный и из ложки вытянет. (Salmi — Салми)</p>
<p>Kalttazel kaunis mučoi, se tulou mučoilluo muata yökse, a pohjazel on paha mučoi, ruvenjällikäs da pahatabaine, pohjazel on uho da vilu. (KS, s. 131)</p>	<p>У северо-западного ветра красивая жена, он приходит к жене на ночь, а у северного ветра плохая жена, со следами оспы и с дурным характером, при северном ветре сквозит и холодно. (Salmi — Салми)</p>
<p>Jos koilline äijän tuulou, nii se erottau kai kalat iäre rannois. (KKS, II, s. 275)</p>	<p>Если восточный ветер дует долго, то всю рыбу от берегов отгонит. (Salmi — Салми)</p>
<p>Luuvehtuuli on kalan tuoju tuuli, merespäi. (KKS, III, s. 195)</p>	<p>Западный ветер приносит рыбу, дует с моря (озера). (Nekkula-Riipiškala — Неккулица-Рыпушкалица)</p>
<p>Luuvehtuuli sygyzys lämmin, keviäs vilu. (KKS, III, s. 195)</p>	<p>Западный ветер осенью тёплый, весной холодный. (Suojärvi — Суоярви)</p>
<p>Jos päivän luuvehta tuulou, niin nedäliksi on lämmin-dä. (KKS, III, s. 195)</p>	<p>Если западный ветер дует целый день, то тепла будет на неделю. (Porarvi — Поросозеро)</p>

Tuulensiivet — hoikat hattaraizet pilvijunot. Tuulensiivet on pohjazeh päi, sit pohjazeh i tuuli kiändy.
(KKS, VI, s. 328)

Tuulenkynnet kun tullah, ni kyllä siltä puolen niin ni vuota tuulta ta lujua tuulta. Še niin taivahah niin kun ualtosin taivaš oliis.
(Näytteitä karjalan kielestä I, 1994, s. 31)

Merituuli — järven libo meren sellälpäi tuulii tuuli.
(KKS, III, s. 293)

Merine tuuli — tuuli päivännouzuspäi.
(KKS, III, s. 293)

Merituulel ku kylmänöy, sit ei sula enämbi.
(KKS, III, s. 293)

Mualline — mualpäi tuulii tuuli.
(KKS, III, 333)

Sit ku (tuuli) muallizeh punaldah, sit on näil rannoil kalua.
(KKS, III, 333)

Mualline ku rubieu vett andamah, sit sianpahnat täyvet panou vetty. (Pohjazel tuulel vihmuu äijäl.)
(KS, s. 289)

Mualline muga vihmuu, što pahnois vezi lainehtii.
(KS, s. 289)

Huondestuuli ku ei tyunistynne, sit päiväl ravenou vie.
(KKS, I, s. 336)

Крылья ветра — тонкие, рваные облака-полоски. Если крылья ветра направлены к северу, то и ветер поменяется на северный.
(Suojärvi — Суоярви)

Если появятся когти ветра, то с той стороны жди сильного ветра. Когти ветра — это когда небо как будто волнистое.
(Oulanka — Оланга)

Морской ветер — ветер, который дует с открытого озера или моря.
(Salmi — Салми)

Морской ветер — восточный ветер.
(Suistamo — Суйстамо)

Если при морском ветре замёрзнет, то больше не растает.
(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Муаллине — ветер, дующий с материка.
(Tulejärvi — Туломозеро)

Если (ветер) будет дуть с материка, то на этом берегу будет много рыбы.
(Salmi — Салми)

Ветер с материка как начнёт воду давать, так водой наполнит все подстилки свиней. (При северном ветре идёт сильный дождь.)
(Salmi — Салми)

При ветре с материка идёт такой дождь, что в подстилке вода плещется.
(Salmi — Салми)

Если утренний ветер не утихнет, то днём только усилится.
(Siämärvi — Сямозеро)

- Linnunnenä — lounas libo suvi. Linnunnenäs tuulou, linnunnenäine tuuli.
(KKS, III, s. 112)
- Ahavu — kuivu, vägevy da vilu kevätтуули.
(KKS, I, s. 2)
- Kevätahavu — kuivu kevätтуули. Kevätahavu ahavoiččou äijäl, kai rožat pakuttua.
(KKS, II, s. 155)
- Kezäpäivännouzus on tuuli, siä vilustuateg.
(KKS, II, s. 150)
- Koilline tuuli vai pitkähes tuullou, kahtet suutkat, ga sit on vihmuu kaksi nedälii jälles.
(KKS, II, s. 275)
- Idä ei heitä tuulendua, ennen kuin vihmuu, akka ei heitä riidelendiä, ennen kui itköö.
(KS, s. 92)
- Elä kolkka, koiline tuuli.
(KKN, II, s. 111)
- Ei koillini kešiä kiellä, šuvi talvie epiä.
(KKS, II, s. 275)
- Liide tuou kezän i talven. Kevädel kons ku pit'kahes liide tuuliškaž, nygy tulou keza. Šygyzel, ku liide tuuliškaž vai se bok rodiihe sinine, nygy liide tuou talven.
(LT, I, s. 348)
- Ei suvi sudre tuule.
(KS, s. 495)
- Птичий клюв — юго-запад или юг. Дует с «птичьего клюва», т. е. с юго-запада или юга.
(Rugarvi, Poaen, Mändyselgä, Suojärvi — Ругозеро, Паданы, Мяндусельга, Суоярви)
- Ахаву — сухой, холодный, сильный весенний ветер.
(Imbilahti, Salmi, Siämärvi, Tulemjärvi, Videl, Nekkula-Riipuškala — Импилахти, Салми, Сямозеро, Туломозеро, Видлица, Неккулица-Рыпушкалица)
- Кевятахаву — сухой холодный ветер весной, сильно высушивает, даже лицо обветривается.
(Siämärvi — Сямозеро)
- Ветер дует с востока — похолодает.
(Suojärvi — Суоярви)
- Если долго дует восточный ветер, двое суток, то после две недели будет идти дождь.
(Suojärvi — Суоярви)
- Восточный ветер не перестанет дуть, пока не пойдёт дождь, женщина не перестанет ссориться, пока не заплачет.
(Suistamo — Суйстамо)
- Не стучи, восточный ветер.
(Suistamo — Суйстамо)
- Восточный ветер лето не запретит, оттепель зиму не отменит.
(Vuokkiniemi — Вокнаволок)
- Восточный ветер приносит лето и зиму. Весной, когда долго дует восточный ветер, то приходит лето. Осенью, как только подует с востока или восток посинеет, восточный ветер принесёт зиму.
(Hal'd'ärvi — Галлезеро)
- Южный ветер не зря дует.
(Suistamo — Суйстамо)

Suvi ei sudre tuule, vihmuu.

(KKS, V, s. 594)

Suven lapset ei itkietä, pohjazen vovvotetah. (Suvi ei kylmiä vil'oi.)

(KKS, V, s. 594)

Kuni suvi tuulou, poudua älä vuota.

(KKS, V, s. 594)

Suvituuli vihman tuou.

(KS, s. 495)

Suvi kalliš suutkii sudre ei tuule, vihman libo tuučan tuou.

(Демоева зап. в 1983 г. от Харитоновой А. Ф., НА, 105/7)

Min suvi panou, sidä pohjaine ei ota. (Enzi lumes.)

(KS, s. 495)

Suvi ku vihmuu, pohjane kuivau, pohjane ku vihmuu, suvi lämmitää.

(KKN, II, s. 106)

Ei šuvi talvie kiellä, eikä pohjani kešyä epyä.

(KSP, s. 33)

Suvituulel on čoma mučoi, aijoi muate lähtöy.

(Демоева зап. в 1983 г. от Харитоновой А. Ф., НА, 105/8)

Kunnepäi i kynnisteleh kaži, sinnepäi i tuuli roih.

(KKS, II, s. 84)

Älä mene tuuleh, harakku šittuu huuleh.

(KS, s. 530)

Tuulou niin jotta kuurnehet kuulou.

(Luutinen, s. 20)

Южный ветер не зря дует, будет дождь.

(Siämärvi — Сямозеро)

Дети южного [ветра] не плачут, [дети] северного — воют. (Южный [ветер] зерновые не заморозит.)

(Siämärvi — Сямозеро)

Пока дует южный ветер, ведра не жди.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Южный ветер приносит дождь.

(Siämärvi — Сямозеро)

Южный [ветер] дорогой зря сутки дуть не будет, принесёт дождь или снег.

(Yllöine — Верховье)

Что при южном ветре выпадет, того северный не заберёт. (О первом снеге. — Прим. сост.)

Если при южном ветре дождь пройдёт, северный высушит, если при северном ветре дождь пройдёт, южный согреет.

(Suistamo — Суйстамо)

Южный ветер не преграда для зимы, а северный — для лета.

(Uhtuo — Ухта-Калевала)

У южного ветра красивая жена, рано спать идёт.

(Yllöine — Верховье)

В какую сторону кошка потягивается, в ту сторону и ветер будет дуть.

(Nekkula-Riipuškala — Неккулица-Рыпушкалица)

Не выходи на ветер, сорока нагадит на губу.

(Imbilahti — Импилахти)

Дует так (сильно), что глухие слышат.

(Vuokinsalmi — Вуокинсалми)

Suuren tuulen aikana sanotah:
Tuulen ukko, tuulen akka,
tuulen entini emäntä,
rauhotu ruavostas
asetu ajatuksistas.
(Lyytinen, s. 37)

Jyry, ukonilma, ukond'yry

Hebo hirnuu hiijen mualla, tänne luokit leygenöö,
val'lahukset valuu?

(KKN, II, s. 110)

Vihmu, ukonjyry

Enzikerran ku kuulet pyhäil'l'än jyryn, pidäy viertä
sellälleh: leikates ei rubie selgiä kivistämäh.
(СКЯ ливв, с. 291)

Enzimäzen kieran ku jyräjää, ni kuku-vierua vien-
nämmä myö. A min't'ää viennämmä? Štobi ei šivua
kivis't'äis' leikatesšä. "Oi, viendäkkie kuku-viero, vien-
däkkie!" Kuku-vierua, še šivu ei rubie kivis't'ämäh.
(Рягоев, 1980, с. 358)

Ukkoista jyräsi niin sanottih, jotta ukkoni vil'l'oa val-
mistau kun tulta iski.
(KKS, VI, s. 400)

Nyt se vil'l'a teriy kun Pyhä-II'l'a jyräjäy.
(Virtaranta, 1958, s. 251)

Ukkozenilmas ku tulipalo sytyi, sidä opiteldih maijoi
sammuttua.
(KKS, VI, s. 400)

Kun ukkoni iski moaha, rupesi moa palamah, sanottih
jotta se ei sammu muulla kun riesalla maijolla. Se otet-
tih maito astieh, siitä otettih Pyhän Pohročan opresa,
ta siitä kierrettih sitä paluo, ta tiputettih sitä maituo,
sillä maijolla sammutettih.
(Virtaranta, 1958, s. 252)

Во время сильного ветра говорят:
«Старик ветра, старуха ветра,
бывшая хозяйка ветра,
отдохни от своей работы,
успокой свои мысли».
(Vuokinsalmi — Вуокинсалми)

Гроза

Лошадь чихает на земле Хийси, сюда дуги летят,
упряжь лётся?

(Suistamo — Суйстамо)

Дождь, гром

Когда в первый раз услышишь раскаты грома, нуж-
но лечь на спину: во время жатвы не будет болеть
спина.

Первый раз когда гром гремит, мы «кувыркаемся».
А почему кувыркаемся? Чтобы спина не болела,
когда жать [пойдёшь]. «Ой, кувыркайтесь, кувыр-
кайтесь!» Это чтобы поясница не болела.
(S'elis's'ä — Селище)

Когда гром гремел и молния сверкала, то говорили,
что гром хлеб растит.
(Vuokkiniemi — Вокнаволоок)

Сейчас хлеб колосится, как Святой Илья гремит.
(Hietarvi — Хуетаярви)

Если от грозы случался пожар, его пробовали ту-
шить молоком.
(Salmi — Салми)

Если гром ударял в землю и земля загоралась, гово-
рили, что её можно потушить только свежим моло-
ком. Наливали в посуду молоко, брали икону Пре-
святой Богородицы и обходили пожарище, капали
молоко, этим молоком тушили.
(Venehjärvi — Суднозеро)

Jos pruasniekkapäivänä ruatah, niin voipi tulla šemmoini ukkosenilma jotta voipi polttua heinät.
(KKS, VI, s. 400)

Mörizii häkki tiedäy, mi jyrizöy ukonilmas.
(KKS, VI, s. 401)

Ukonjyryn aigua ei ni šyödy. Nygy ei ole šemmoista ukonjyryö.
(Степанова, 2000, с. 274)

Kun puun juurella mäni kovalla ukkosenilmalla, ni veičellä piirrä kolme ristie siih puuh, ni siitä ei ukkoni ise siih.
(Virtaranta, 1958, s. 252)

Viizikandahini luajittih, štobi ei tulis ukontaltta ših kohtah, ei langeis. Jesli puun alla šeizot, puuh piirretäh veičellä, libo meččäpirttih, šeinäh, meččäpirtin stolah.
(Степанова, 2000, с. 274)

Pyhä Il'ü kil'l'uu, a Spuassu silmiä išköy. (Konzu jyrizöy da tuldu išköy.)
(KS, s. 409)

Pyhä Il'ä hymähtelih, pilven kazvatti dai terväh vedeh puhkeni. Enne muailman loppuu kolmie vuotta ei jyrize pyhäil'l'ä.
(KKS, IV, s. 557)

Kui pit'kaižei d'yrižou, šida primetuoittii: pit'kan aigat suau vihmumai, a kui lyhykäšči d'yrižou, šiit tuučč proid i enambad ei vihmunu d'älgele, oli kodvan aigat poud ilm.
(LT, I, s. 353)

Ukonvimmel, ukonkuari, d'umalanbömböl

Ukonvimmel vihmoiksi.
(KKS, VI, s. 402)

Если работают в праздник, то может случиться такая гроза, что сгорит всё сено.
(Kontokki — Контокки)

Мычащий бык знает, что гремит в грозу.
(Siämärvi — Сямозеро)

Во время грозы не ели. А нынче уже нет таких гроз.

Если в сильную грозу встанешь под дерево, то ножом начертишь три креста на дереве, и гром сюда не ударит.
(Hietarvi — Хуетаярви)

Чертили пятиконечник, чтобы молния не ударила в это место. Если стоишь под деревом, то на дереве ножом чертили; либо в лесной избушке — на стене, на столе чертили.

Святой Илья-пророк кричит, а Спаситель подмигивает. (Когда гремит гром и сверкает молния.)
(Siämärvi — Сямозеро)

Святой Илья погрохотал, тучу вырастил и быстро воду выпустил. Перед концом света три года не будет гром греметь.
(Suojärvi — Суоярви)

Когда долго гремел гром, примечали: будет долго идти дождь, а если гремит недолго, затем туча пройдёт и после дождя не будет, ведро простоит долго.
(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Радуга

Радуга — к дождям.
(Tveri — Тверь)

Ilmanvannehtu ku on, sit vie vihmuksendelou.
(KKS, I, s. 438)

Ukonkuari vetty nostau d'oves da dārves, ukonkuari
vetty juou, sithäi vihmat ollah.
(KKS, VI, s. 401)

Ukonkuari vettä ottau (vihmunuon vien tilale).
(KKS, VI, s. 401)

Ukonkuari vettä juou, kun on järvie kohti še piä.
(KKS, VI, s. 401)

D'umalanbömböl d'uo vet', suou vihmumai; vihman
edeu hyö oudai semmoized.
(LMS, s. 37)

Ukonvimmel jovešta vet't'ä juou, liet'äh lämbymät
šiät.
(Virtaranta, 1990, s. 444)

Ukonvimmel lappau kaivošta vettä ili mereštä ili
ruučašta ili jovešta ili järveštä.
(KKN, I, s. 91)

Ukonkuari kuin mereštä šegä d'ärvistä lappau vettä,
niin še noštau kalua ilmah, pilvih.
(KKS, VI, s. 401)

Kons ka oli ukonbembel, šiit primetuoitii vanhat stari-
kad: kui oli poper'ok muaha, šiid ei hät'ked vihmunu, a
kui ukonbembel oli pit'uz muaha, šiit hätken aigad oli
vihmašt päiväd.
(LT, I, s. 349)

Если появилась радуга, ещё будут идти дожди.
(Siämärvi — Сямозеро)

Радуга берёт воду из реки и озера, радуга пьёт воду,
потому и дожди идут.
(Siämärvi — Сямозеро)

Радуга воду забирает (вместо воды, пролившейся
дождём).
(Kiestinki — Кестеньга)

Радуга пьёт воду, когда конец её в озере.
(Vuokkiniemi — Вокनावолок)

Радуга пьёт воду, будет дождь; перед дождём бы-
вает радуга.
(Noamoilu — Намоево)

Радуга пьёт воду из реки, будет тепло.
(Puasinkoi — Пасынки)

Радуга черпает воду из колодца, или из моря, или
из ручья, или из реки, или из озера.
(Tolmačču — Толмачи)

Когда радуга зачерпнёт воды из моря или озера, то
вместе с водой поднимает на небо, в облака, рыбу.
(Tunguo — Тунгуда)

Когда была радуга, старики примечали: если раду-
га перпендикулярно земле, то дождь шёл недолго,
а если радуга вдоль земли, то ещё продолжитель-
ное время стояли дождливые дни.
(Hal'd'ärvi — Галлезеро)

Список литературы и источников

1. Деревня Юккогуба и её округа. Петрозаводск, 2001.
2. Закон Республики Карелия от 21 октября 2004 года «О городских, сельских поселениях в Республике Карелия» (в ред. Законов РК от 07.04.2005 № 866-ЗРК, от 21.12.2005 № 934-ЗРК, от 28.02.2006 № 963-ЗРК, от 08.04.2006 № 967-ЗРК, от 08.04.2006 № 968-ЗРК, от 24.11.2006 № 1027-ЗРК).
3. Иванова Л.И., Миронова В.П. Современное состояние фольклорной традиции Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008.
4. История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008.
5. Конкка 1980: Конкка У.С., Конкка А.П. Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX века. Л., 1980.
6. Конкка А.П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988.
7. Конкка А. Календарные обряды карел. Святочное ряжение // Финно-угры и соседи. Проблемы межэтнических контактов на территории Балтийского и Баренц-регионов. Спб., 2002.
8. Конкка А. Святки в Панозере или Крещенская свинья // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003.
9. Конкка, 2003а: Конкка А. От колыбели до могильного креста (обряды и верования в рассказах панозерцев) // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003.
10. Конкка А.П. Материалы по календарной мифологии и обрядности сямозерских карел // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008.
11. Круглый год. Русский земледельческий календарь. Сост. А.Ф. Некрылова. М., 1991.
12. Лавонен Н.А. Карельская загадка. Л., 1977.
13. Лавонен Н.А. Карельские народные загадки. Петрозаводск, 1982.
14. Макаров Г.Н., Рягоев В.Д. Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка. Л., 1969.
15. Пунжина А.В. Слушаю карельский говор. Образцы речи дёржанских и валдайских карел. Петрозаводск, 2001.
16. Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия/ Авт.: О.Г. Баранова, Т.А. Зимица, Е.Л. Мадлевская и др. СПб., 2001.
17. Рягоев В.Д. Образцы карельской речи. Тихвинский говор собственно-карельского диалекта. Л., 1980.
18. СКЯ ливв: Макаров Г.Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
19. СКЯ тв: Пунжина А.В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.
20. Список населённых мест Карельской АССР (По материалам Переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928.
21. Список населённых мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год / Олонецкий губернский статистический комитет; Сост. И.И. Благовещенский. Петрозаводск: Олонек. губ. тип., 1907.
22. Список населённых мест Архангельской губернии к 1905 году / Сост. секретарём Губ. стат. ком. Н.А. Голубцовым. Архангельск: Арханг. губ. стат. ком., 1907.
23. Степанова А.С. «Песенный откряю короб». Петрозаводск, 1991.
24. Степанова А.С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000.
25. Шангина И.И. Русский народ. Будни и праздники, энциклопедия. СПб., 2003.
26. НА: Научный архив КарНЦ РАН
27. ФА: Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН
28. Hautala, Jouko. Vanhat merkkipäivät. Jyväskylä, 1982.
29. Konkka, Aleks. Herrojen joulu, talonpojan kekri. // Carelia 1, 1999.
30. KS: Karjalaisia sananpolvia. / Toimittaneet. Liisa Miettinen, Pentti Leino. Helsinki, 1971
31. KKS: Karjalan kielen sanakirja, I–VI, Helsinki.
32. KKN: Karjalan kielen näytteitä. Julkaissut Eino Leskinen, I–III, Helsinki, 1931–1936.
33. LKN: Lyydiläisiä kielelnäytteitä. Helsinki, 1934.
34. LMS: Lyydiläismurteiden sanakirja. / Toimittanut Juho Kujola. Helsinki, 1944.
35. LT: Lyydiläisiä tekstejä. Kerännyt, julkaissut ja kääntänyt Pertti Virtaranta, I–III, V, Helsinki, 1963–1984.
36. Lyytinen, Lempi. Priusan kolkkajaiset. Kalevala-Uhtua, 1996.
37. Näytteitä karjalan kielestä I / Образцы карельской речи I. Joensuu; Петрозаводск, 1994.
38. Peksujeva, Iro. Kotikyläni Kostamus. Kalevala, 1993.
39. SKS: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kansanrunousarkisto / ФЛО: Финское литературное общество, Фольклорно-этнографический архив.
40. Virtaranta, Pertti. Vianan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958.
41. Virtaranta, Pertti. Tverinkarjalaisista nimistä. Helsinki, 1992.
42. Virtaranta, Helmi ja Pertti. Karjalan kieltä ja kansankulttuuria. Helsinki, 1990.

Именной указатель информантов

ФИО информанта	Место рожд.	Год рожд.	Место записи	Год записи
Артемьева Мария Ивановна	д. Линдозеро	1922	п. Падун	1974
Боброва Матрёна Антиповна	д. Кимоваара	1907	д. Кимоваара	1986
Васильева Анна Ивановна	нет сведений	нет сведений	д. Воронова Сельга	1936
Васильева Елена Алексеевна	д. Костомукша	1907	с. Кестеньга	1977
Ватанен Татьяна Д.	с. Ухта	1907	п. Калевала	1980
Вдовина Федосья Васильевна	д. Ругозеро	1911	п. Биржа	1987
Вдовинова Надежда Петровна	д. Палнаволок	1928	с. Михайловское	2012
Воронов Иван	нет сведений	1889	с. Ведлозеро (Погост)	1944
Гаврилова Анна Филипповна	д. Улялега	1918	д. Улялега	1991
Горилова Анна Григорьевна	д. Корза	1890	д. Корза	1966
Гошкиева Вера Ивановна	д. Пихталахта	1945	д. Юргилица	1998
Демоева А.	нет сведений	нет сведений	д. Обжа	1936
Ежкова Анна Ивановна	нет сведений	1899	д. Салменица	1966
Елисеева Евдокия Карповна	с. Панозеро	1909	с. Панозеро	1995
Есой Палага	нет сведений	1881	нет сведений	1905
Жидкова Фёкла Михайловна	нет сведений	1903	с. Эссоила	1966
Зайцева Анастасия Фёдоровна	нет сведений	нет сведений	с. Спасская Губа	1962
Захаров Василий	нет сведений	нет сведений	д. Вагвозеро	1936
Иванова Лилия Семёновна	д. Утозеро	1925	д. Утозеро	1998
Иванова Парасковья Прокопьевна	с. Ведлозеро	1889	с. Ведлозеро (Погост)	1939
Исаков Иван Константинович	нет сведений	нет сведений	с. Кестеньга	1975
Карасёва Марфа Феоктистовна	д. Воскресенское	1896	д. Воскресенское	1966
Карпова Анастасия Никитична	д. Софьянга	1901	д. Софьянга	1975, 1977
Карпова Е. Г.	нет сведений	нет сведений	д. Кентозеро	1941
Кемова Абросинья Васильевна	д. Коккосалми	1894 (1892)	с. Кестеньга	1977
Кемова Евдокия Степановна	д. Пиэлисъярви	1895	с. Кестеньга	1977
Кеттунен Анна Васильевна	д. Луусалми	1906	п. Калевала	1978
Кириллова Анна Николаевна	д. Кушеванда	1914	д. Коккосалми	1980
Кириллова Анастасия Петровна	д. Тихтозеро	1905	д. Тухкала	1981
Кириллова Ирина Николаевна	д. Тухкала	1910	д. Тунгозеро	1981
Кириллова Палака Ивановна	д. Пиешунья	1896	д. Луусалми	1975
Колесова Вера Тимофеевна	д. Сюръя	1928	с. Святозеро	2012
Кондратьев Иван Андреевич	нет сведений	нет сведений	д. Вокнаволок	1949
Кондратьев Хото	нет сведений	1859	д. Вокнаволок	1942
Кузьмина Марина Терентьевна	д. Хайколя	1897	д. Войница	1966
Лесонен Анастасия Андреевна	д. Вокнаволок	1910	д. Вокнаволок	1976
Лесонен Хилиппя	нет сведений	1886	д. Янгозеро	1943
Лисицына Евдокия Феоктистовна	д. Спорное	1908	с. Толмачи, г. Петрозаводск	1966, 1970

ФИО информанта	Место рожд.	Год рожд.	Место записи	Год записи
Локкин Пётр Иванович	с. Сельги	1906	с. Сельги	1973
Луккарева Федосья Ивановна	д. Нокеус	1907	д. Юшкозеро	1971
Люютинен Катри	д. Вуокинсалми х. Каммаринвуара	1897	д. Луусалми	1983, 1984, 1985
Маркова Марина	нет сведений	1897	с. Паданы (Погост)	1943
Мартынова Ольга Васильевна	д. Коккосалми	1913	д. Коккосалми	1980
Мастинен Елена Максимовна	д. Рува	1908	д. Софпорог	1979, 1981
Машкина Пелагея Егоровна	д. Обжа	1882	д. Обжа	1936
Минкина Е.	нет сведений	нет сведений	с. Ухта (Калевала)	1956
Мухоров Пётр Фёдорович	д. Мельницы	1918	д. Юргилица	2005
Мухорова Мария Семёновна	д. Кинелахта	1921	д. Юргилица	1998
Мякеля Павел Васильевич	нет сведений	нет сведений	д. Вокнаволок	1956
Нестеров Андрей Иванович	нет сведений	1889	д. Угмойла	1966
Николаева Агафья Петровна	д. Прудовка	1899	д. Прудовка	1966
Никулин Михаил	нет сведений	нет сведений	д. Юшкозеро	1934
Никулина Вера	нет сведений	нет сведений	п. Калевала	1971
Падрукайнен Анни	нет сведений	1873	с. Янгозеро (Келлоеве)	1943
Павлова Федосья Ивановна	с. Эссойла	1896	д. Корза	1966
Павлова Федосья Ильинична	д. Суури саари	1913	с. Кестеньга	1977
Панкратьев Григорий Осипович	нет сведений	нет сведений	д. Юшкозеро	1971
Попова Елизавета	д. Матчезеро	1941	с. Ведлозеро	1997
Потапова Евдокия Григорьевна	нет сведений	1918	д. Улялега	1991
Рагуев Иосиф	нет сведений	1896	д. Юшкозеро	1936
Ремшу Хейкки	нет сведений	1912	д. Вокнаволок	1934
Ремшу Парасковья Тихоновна	д. Костомукша	1914	д. Вокнаволок	1978
Ремшуева Анна Григорьевна	д. Толлорека	1906	д. Вокнаволок	1975
Ремшуева Александра Андреевна	д. Вокнаволок	1914	д. Вокнаволок	1976
Ремшуев Пётр Степанович	д. Вокнаволок	1925	д. Вокнаволок	1976
Савельева А.	нет сведений	нет сведений	д. Новая Жазивка	1936
Савельева А. И.	нет сведений	нет сведений	д. Чёбино	1962
Савина Елена Ивановна	д. Толлорека	1901	д. Луусалми	1975
Сергеева Нина Ивановна	д. Хюрсюля	1930	д. Улялега	1991
Стафеева Лидия Фёдоровна	д. Юргилица	1933	д. Юргилица	2008
Сухичева Иринья Николаевна	д. Морозовка	1906	д. Морозовка	1966
Терентьева Мария Ивановна	д. Пирттилаhti	1911	п. Амбарный	1983
Тимофеева Н. И.	нет сведений	нет сведений	д. Погранкондуши	1936
Токарева Устинья Тимофеевна	д. Вартиолампи	1906	с. Кестеньга	1975
Трохкимайнен Вассели	нет сведений	1866	д. Пирттилаhti	1942
Трохпиев Иван Алексеевич	нет сведений	1869	д. Погранкондуши	1936
Туруев Тимофей Ефимович	с. Сельги (Погост)	1877	с. Сельги (Погост)	1938, 1943

ФИО информанта	Место рожд.	Год рожд.	Место записи	Год записи
Федотова Федосья Николаевна	д. Юккогуба	1912	д. Юккогуба	1976
Филиппова Анна Петровна	нет сведений	нет сведений	д. Новая Заживка	1936
Харитоновна Анастасия Филипповна	нет сведений	нет сведений	д. Верховье	1983
Хямяляйнен Евгения Ивановна (Ёуки)	д. Каменное озеро	1882	п. Калевала, д. Каменное озеро	1947, 1956
Эракко Мария Васильевна	д. Роуккула	1914	с. Реболы	1986

Указатель населённых пунктов

Собственно карелы

1	2	3	4
Название на русском языке	Название на карельском языке	Административное подчинение по списку населённых мест Олонецкой губернии и Списку населённых мест Архангельской губернии 1905 г.	Административное подчинение по списку населённых мест КАССР 1926 г.
Беломорский р-н			
Тунгуда	Tunguo	Тунгудская волость Кемского уезда	Тунгудский с/с, Тунгудский р-н
Калевальский р-н			
Аконлахти / Бабья Губа* ¹	Akonlakši, Akonlahti	Кондокская волость Кемского уезда	Бабьегубский с/с, Ухтинский р-н
Войница	Vuonnini	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Войницкий с/с, Ухтинский р-н
Ворна*	Akonlahden Vornanniemi	Кондокская волость Кемского уезда	Бабьегубский с/с, Ухтинский р-н
Вуокинсалми*	Vuokinsalmi	Кондокская волость Кемского уезда	Кондокский с/с, Ухтинский р-н
Калевала (Ухта)	Uhut, Uhtuo, Kalevala	Ухтинская волость Кемского уезда	Ухтинский с/с, Ухтинский р-н
Каменное озеро*	Kivijärvi	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Каменозерский с/с, Ухтинский р-н
Каммаринвуара*	Kammarinvuara	Кондокская волость Кемского уезда	Кондокский с/с, Ухтинский р-н
Кентозеро*	Kenttijärvi	Кондокская волость Кемского уезда	Костомукшский с/с, Ухтинский р-н
Куйкка*	Akonlahden Kuikka	Кондокская волость Кемского уезда	Бабьегубский с/с, Ухтинский р-н
Куйкканиеми*	Akonlahden Kuikkaniemi	Кондокская волость Кемского уезда	Бабьегубский с/с, Ухтинский р-н
Луусалми	Luusalmi	Ухтинская волость Кемского уезда	Луусалмский с/с, Ухтинский р-н

¹ Звёздочкой отмечены несуществующие ныне населённые пункты.

1	2	3	4
Няргиев Двор*	Kiimaisvaara	Тихозерская волость Кемского уезда	Тихозерский с/с Ухтинский р-н
Тихозеро	Pistojärvi	Тихозерская волость Кемского уезда	Тихозерский с/с, Ухтинский р-н
Хайколя*	Haikol'a	Ухтинская волость Кемского уезда	Луусалмский с/с, Ухтинский р-н
Ювялакса*	Jyvöälhti	Ухтинская волость Кемского уезда	Ювялакшский с/с, Ухтинский р-н
Юшкозеро	Jyškärvi	Юшкозерская волость Кемского уезда	Юшкозерский с/с, Ухтинский р-н
Кемский р-н			
Панозеро	Puan'arvi	Погостская волость Кемского уезда	Погостский с/с, Кемирецкий р-н
Кондопожский р-н			
Линдозеро	Lind'ärvi	Мяндусельгская волость Повенецкого уезда	Линдозерский с/с, Петровский р-н
Костомукшский городской округ			
Вокнаволок	Vuokkiniemi	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Вокнаволоцкий с/с, Ухтинский р-н
Костомукша*	Kostamus	Кондокская волость Кемского уезда	Костомукшский с/с, Ухтинский р-н
Окунево озеро*	Ahvenjärvi	Кондокская волость Кемского уезда	Костомукшский с/с, Ухтинский р-н
Пирттилаhti*	Pirttilahti	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Вокнаволоцкий с/с, Ухтинский р-н
Пиешунга*	Piešunki	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Вокнаволоцкий с/с, Ухтинский р-н
Суднозеро	Venejärvi	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Понгалакшский с/с, Ухтинский р-н
Толлорека	Tollonjoki	Вокнаволоцкая волость Кемского уезда	Вокнаволоцкий с/с, Ухтинский р-н
Шапповаара*	Šappovuara	Кондокская волость Кемского уезда	Бабьегубский с/с, Ухтинский р-н
Лоухский р-н			
Вартиолампи*	Vartiolampi	Олангская волость Кемского уезда	Олангский с/с, Кестеньгский р-н
Оланга*	Oulanka	Олангская волость Кемского уезда	Олангский с/с, Кестеньгский р-н
Рува/Ругозеро*	Ruva	Олангская волость Кемского уезда	Ругозерский с/с, Кестеньгский р-н
Софьянга	Sohjanansuu	Кестеньгская волость Кемского уезда	Лайдосалмский с/с, Кестеньгский р-н
Суури саари*	Suuri saari	Кестеньгская волость Кемского уезда	Елетозерский с/с, Кестеньгский р-н
Лоухский р-н			
Амбарный	Amparnoi	-	Боярский с/с, Лоухский р-н
Кестеньга	Kiestinki	Кестеньгская волость Кемского уезда	Кестеньгский с/с, Кестеньгский р-н
Коккосалма	Kokkosalmi	Кестеньгская волость Кемского уезда	Кестеньгский с/с, Кестеньгский р-н
Кушеванда	Šuvanto	Тихозерская волость Кемского уезда	Кушевандский с/с, Ухтинский р-н
Софпорог	Sohjanankoski	Кестеньгская волость Кемского уезда	Лайдосалмский с/с, Кестеньгский р-н
Тунгозеро	Kananaini	Кестеньгская волость Кемского уезда	Лайдосалмский с/с, Кестеньгский р-н
Тухкала (Шайвозеро)	Tuhkala	Тихозерская волость Кемского уезда	Кушевандский с/с, Ухтинский р-н

1	2	3	4
Медвежьегорский р-н			
Евгора	Jouhvuara	Богоявленская (Паданская) волость Повенецкого уезда	Карельско-Масельгский с/с, Сегозерский р-н
Масельга*	Muasel'gä	Богоявленская (Паданская) волость Повенецкого уезда	Карельско-Масельгский с/с, Сегозерский р-н
Мяндусельга	Suviipiä	Мяндусельгская волость Повенецкого уезда	Мяндусельгский с/с, Медвежьегорский р-н
Паданы	Poaen	Богоявленская (Паданская) волость Повенецкого уезда	Паданский с/с, Сегозерский р-н
Падун	Paduna	-	-
Покровское	Kumsjärvi	Мяндусельгская волость Повенецкого уезда	Мяндусельгский с/с, Медвежьегорский р-н
Сельги	Sel'gi	Богоявленская (Паданская) волость Повенецкого уезда	Селецкий с/с, Сегозерский р-н
Сондалы*	Šuonnal	Богоявленская (Паданская) волость Повенецкого уезда	Паданский с/с, Сегозерский р-н
Чёбино	Čobene	Мяндусельгская волость Повенецкого уезда	Остречьский с/с, Медвежьегорский р-н
Юккогуба	Prokkol'a	Богоявленская (Паданская) волость Повенецкого уезда	Сяргозерский с/с, Сегозерский р-н
Муезерский р-н			
Кимоваара	Kiimaisvuara	Ребольская волость Повенецкого уезда	Ребольский с/с, Ребольский р-н
Нокеус*	Nokeus	Ругозерская волость Повенецкого уезда	Кимасозерский с/с, Ругозерский р-н
Роуккула*	Roukkula	Ребольская волость Повенецкого уезда	Емельяновский с/с, Ребольский р-н
Мурманская обл., Кандалакшский р-н			
Биржа	-	-	-
Суоявский р-н			
Келлоев*	Kellola	Поросозерская волость Повенецкого уезда	Совдозерский с/с, Медвежьегорский р-н
Янгозеро*	Jängärvi	Поросозерская волость Повенецкого уезда	Совдозерский с/с, Медвежьегорский р-н
Финляндия			
Пиэлисъярви*	Pielisjärvi	Финляндия	Финляндия
Хиетаярви	Hietajärvi	Суомуссалми	Суомуссалми

Тверские карелы

Название на русском языке	Название на карельском языке	Административное подчинение по списку Д. Рихтера 1873 г.
---------------------------	------------------------------	--

Лихославльский р-н Тверской обл.

Воскресенское	Krišenie	Толмачёвская волость Бежецкого уезда Тверской губернии
Спорное*	Spornoi	Толмачёвская волость Бежецкого уезда Тверской губернии
Толмачи	Tolmačču	Толмачёвская волость Бежецкого уезда Тверской губернии

Спировский р-н Тверской обл.

Морозовка	Halla	Козловская волость Вышневолоцкого уезда Тверской губернии
Пасынки	Puasinkoi	Козловская волость Вышневолоцкого уезда Тверской губернии
Прудовка	Prudova	Трестенская волость Бежецкого уезда Тверской губернии

Удомельский р-н Тверской области

Трошкино* ¹	Troškino	Вышневолоцкий уезд Тверской губернии
------------------------	----------	--------------------------------------

Дёржанские (зубцовские) карелы

Название на русском языке	Название на карельском языке	Административное подчинение по списку Д. Рихтера 1873 г.
---------------------------	------------------------------	--

Зубцовский р-н Тверской обл.

Новое	Nouvoi	Ивановская волость Зубцовского уезда Тверской губернии
Семёновское	Semnouskoi	Ивановская волость Зубцовского уезда Тверской губернии

Тихвинские карелы

Название на русском языке	Название на карельском языке	Административное подчинение в 1905 г.
---------------------------	------------------------------	---------------------------------------

Бокситогорский р-н Ленинградской обл.

Селище	Selis's'ä	Тарантаевская волость Тихвинского уезда Новгородской губернии
--------	-----------	---

Валдайские карелы

Название на русском языке	Название на карельском языке	Административное подчинение до 1924 г.
---------------------------	------------------------------	--

Валдайский р-н Новгородской области

Небылицы*	Nebeličča	Ивантеевская волость Валдайского уезда Новгородской губернии
-----------	-----------	--

¹ До 1961 г. д. Трошкино входила в состав Брусовского района Калининской (ныне Тверской) области.

Карелы-ливвики

1	2	3	4
Название на русском языке	Название на карельском языке	Административное подчинение по списку населённых мест Олонецкой губернии 1905 г.	Административное подчинение по списку населённых мест КАССР 1926 г.
Олонецкий р-н			
Верховье	Yllöine	Рыпушкальская волость Олонецкого уезда	Олонецкий с/с, Олонецкий р-н
Видлица	Videl	Видлицкая волость Олонецкого уезда	Видлицкий р-н
Воронова Сельга (Вар. Сельга)*	Varoyselgy	Вагвозерская волость Олонецкого уезда	Вагвозерский с/с
Святозерский р-н	Varoyselgy	Вагвозерская волость Олонецкого уезда	Вагвозерский с/с, Святозерский р-н
Гошкила	Noškil	Коткозерская волость Олонецкого уезда	Коткозерский с/с, Олонецкий р-н
Коткозеро	Kotkatjärvi	Коткозерская волость Олонецкого уезда	Коткозерский с/с, Олонецкий р-н
Матчезеро*	Mačarvi	Вагвозерская волость Олонецкого уезда	Вагвозерский с/с, Святозерский р-н
Мегрега	Mägrä	Неккульская волость Олонецкого уезда	Мегрецкий с/с, Олонецкий р-н
Мегрозеро	Mägrädd'ärvi	Неккульская волость Олонецкого уезда	Куйтежский с/с, Олонецкий р-н
Новая Заживка*	Tiihonselgy	Коткозерская волость Олонецкого уезда	Коткозерский с/с, Олонецкий р-н
Обжа	Piži	Неккульская волость Олонецкого уезда	Обжанский с/с, Олонецкий р-н
Печная Сельга*	Päččy	Неккульская волость Олонецкого уезда	Куйтежский с/с, Олонецкий р-н
Самбатукса	Sammatus	Неккульская волость Олонецкого уезда	Куйтежский с/с, Олонецкий р-н
Саримяги*	Suarimägi	Коткозерская волость Олонецкого уезда	Саримяжский с/с, Олонецкий р-н
Утозеро	Uut'arvi	Коткозерская волость Олонецкого уезда	Коткозерский с/с, Олонецкий р-н
Питкярантский р-н			
Сюскюя (Сюскювя)	Syskyvä	Импилахти	Импилахти
Погранкондуши	Rajakondu	Видлицкая волость Олонецкого уезда	Кондушский с/с, Видлицкий р-н
Пряжинский р-н			
Ведлозеро	Vieljärvi	Ведлозерская волость Олонецкого уезда	Ведлозерский с/с, Видлицкий р-н
Кинелахта	Kinelahti	Видлицкая волость Олонецкого уезда	Кинелахтинский с/с, Видлицкий р-н
Колатсельга	Kolatselgy	Туломозерская волость Олонецкого уезда	Колатсельгский с/с, Видлицкий р-н
Мельницы*	Melličöin kylä	Ведлозерская волость Олонецкого уезда	Ведлозерский с/с, Видлицкий р-н
Пихталахта*	Piihtlahti	Ведлозерская волость Олонецкого уезда	Нялмозерский с/с, Видлицкий р-н
Юргилица	Jyrgil	Ведлозерская волость Олонецкого уезда	Нялмозерский с/с, Видлицкий р-н
Корза	Korza	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Кунгозерский с/с, Сямозерский р-н

1	2	3	4
Рубчейла	Rupčoi	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Кунгозерский с/с, Сямозерский р-н
Салменица	Salminišku	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Салменицкий с/с, Сямозерский р-н
Угмойла	Ugmoilu	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Кунгозерский с/с, Сямозерский р-н
Улялега	Jovenkylä	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Часовенский с/с, Сямозерский р-н
Эссойла	Jessoilu	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Кунгозерский с/с, Сямозерский р-н

Суоярвский р-н, Вешкельское сельское поселение

Вехкусельга*	Vehkuselgy	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Вешкельский с/с, Сямозерский р-н
Вешкелица	Veškelys	Сямозерская волость Петрозаводского уезда	Вешкельский с/с, Сямозерский р-н
Хюрсюля	Hürsytä	Туломозерская волость Олонецкого уезда	Колатсельгский с/с, Видлицкий р-н

Карелы-людики

1	2	3	4
Название на русском языке	Название на карельском языке	Административное подчинение по списку населённых мест Олонецкой губернии 1905 г.	Административное подчинение по списку населённых мест КАССР 1926 г.

Кондопожский р-н

Вохтозеро	Vuhtjärvi	Спасопретраженская (Мунозерская) волость Петрозаводского уезда	Вохтозерский с/с, Петровский р-н
Галлезеро	Hal'd'ärvi	Шуйская волость Петрозаводского уезда	Кончезерский с/с, Петровский р-н
Кондопога	Kondupohju	Кондопожская волость Петрозаводского уезда	Кондопожский с/с, Кондопожский р-н
Новосёловская*	Bošin kylä	Спасопретраженская (Мунозерская) волость Петрозаводского уезда	Мунозерский с/с, Петровский р-н
Пялозеро	Pälärvi	Спасопретраженская (Мунозерская) волость Петрозаводского уезда	Пялозерский с/с, Петровский р-н
Спасская Губа	Mundjärvenlahti	Спасопретраженская (Мунозерская) волость Петрозаводского уезда	Мунозерский с/с, Петровский р-н

1	2	3	4
Тивдия	Tivdii	Кондопожская волость Петрозаводского уезда	Тивдийский с/с, Кондопожский р-н
Усть-Суна	Sununsuu	Спасопретображенская (Мунозерская) волость Петрозаводского уезда	Пялозерский с/с, Петровский р-н
Олонецкий р-н			
Михайловское	Kuujärv	Важинская волость	Михайловский с/с, Олонецкий р-н
Палнаволок*	Paloniem	Важинская волость	Михайловский с/с, Олонецкий р-н
Прионежский р-н			
Намоево	Noamoilu	Шуйская волость Петрозаводского уезда	Намоевский с/с, Прионежский р-н
Пряжинский р-н			
Пряжа	Priäz̄y, Terun Priäz̄y	Святозерская волость Петрозаводского уезда	Пряжинский с/с, Святозерский р-н
Пелдожа*	Pelduoine	Святозерская волость Петрозаводского уезда	Святозерский с/с, Святозерский р-н
Святозеро	Pyhärv	Святозерская волость Петрозаводского уезда	Святозерский с/с, Святозерский р-н
Сюръя*	Syrd'y	Святозерская волость Петрозаводского уезда	Святозерский с/с, Святозерский р-н

**Волости (приходы),
где были записаны тексты, вошедшие в сборник**

Ведлозеро (Vieljärvi)	Контотки (Kontokki)	Попосозеро (Porarvi)	Суйстамо (Suistamo)
Видлица (Videl)	Корбисельга (Korbiselgä)	Реболы (Repol'a)	Суоярви (Suojärvi)
Войница (Vuonnini)	Куркиёки (Kurkijoki)	Ругозеро (Rugarvi)	Сямозеро (Siämärvi)
Вокнаволок (Vuokkiniemi)	Мяндусельга (Mändyselgä)	Рыпушкалица (Riipuškala)	Тихтозеро (Pistojärvi)
Иломантси (Ilomantsi)	Неккулица (Nekkula)	Салми (Salmi)	Туломозеро (Tulemjärvi)
Импиллаhti (Imbilahti)	Оланга (Oulanka)	Святозеро (Pyhärv)	Тунгуда (Tunguo)
Кестеньга (Kiestinki)	Паданы (Poaen)	Сортавала (Sortavala)	Ухта (Uhut)

**Регионы проживания карелов,
где были записаны тексты, вошедшие в сборник**

Тверь (Tveri), Валдай (Valdai)

Список собирателей

Белова К. Ф.	Лавонен Нина Александровна	Ремшуева Раиса Петровна
Блинова	Ларионов М.	Рягоев Владимир Дмитриевич
Виртанен Е. А. (Virtanen E. A.)	Лукина Павла Ивановна	Семёнова
Волкова А.	Луото К.	Степанова Александра Степановна
Демоева Анна Ивановна	Лютютинен Любовь Германовна	Суксина А. М.
(самозапись)	(самозапись)	Тетчиева Александра Петровна
Денисов Фёдор Иванович	Миронова Валентина Петровна	(самозапись)
(самозапись)	Мякеля А.	Тимонен Сенни (Timonen Senni)
Евсеев Виктор Яковлевич	Николаевская А. И.	Титкова Ф. С.
Иванова Людмила Ивановна	Ниemi Осмо (Niemi Osmo)	Топпинен Тауно
Кауконен Вяйнё (Kaukonen Väinö)	Огнева Ольга Валерьевна	Трофимчик Зоя Матвеевна
Кондратьев Иван Андреевич	Онегина Нина Фёдоровна	Угрияйнен Терхи (Uhriainen Terhi)
Конкка Алексей Петрович	Пакаринен	Фёдоров Фёдор Александрович
Конкка Унелма Семёновна	Паулахарью Самули (Paulaharju Samuli)	Федотова Виэно Петровна
Коски Терту Арвовна	Поздняк Наталья Евгеньевна	Яковлев Иван Прокопьевич
Куйкка Полина Яковлевна	Пунжина Александра Васильевна	
Лааксонен Пекка (Laaksonen Pekka)		

Указатель названий праздников карельского народного календаря

06.01/24.12 — Synnynpäivü, Tulendusynnynpäivü, Rastavansynnynpäivü, (ливв.), Šynnynpäivä (с.-к.), Šyndympäiv (люд.) — Рождественский сочельник (Канун Рождества Христова)

06.01—19.01/24.12—06.01 — Synnynaigu, Synnynmuanaigu, Sv'atkat (ливв.), Vierissäneski (с.-к.), Šyndymua (люд.) — Святки, святые вечера, страшные вечера

07.01/25.12 — Rastavu (ливв.), Roštuo (с.-к.), Rastav (люд.) — Рождество Христово (Рождество Христово, Рождество по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа) — *Sepänvuari (Септяваара)* — Олон. р-н¹

08.01/26.12 — Rastavanjumaldoman päivü (ливв.), Jumaltoma (с.-к.), Rastavad'umaldomanpäiv

¹ Здесь и далее районы указывают на территориальную принадлежность населённых пунктов, как существующих ныне, так и упразднённых.

(люд.) — Второй день Рождества, «Бабы каши» (Собор Пресвятой Богородицы) — *Alasalmi (Нижняя Салма), Kinnermy (Кинерма), Il'äl (Илляла)* — Пряж. р-н, *Uhut (Ухта-Калевала)* — Калев. р-н, *Vuokkiniemi (Вокнаволок)* — Кост. гор. округ

09.01/27.12 — Rastavan kolmas päivü — Третий день Рождества — *Alasalmi (Нижняя Салма), Il'äl (Илляла)* — Пряж. р-н

14.01/01.01 — Vuasil'ü (ливв.), Vasil'ä (с.-к.), Vahnü Uuzi Vuozü (ливв.), Vanha Uuši Vuošü (с.-к.), Vahn Uužvuož (люд.) — Васильев день, Старый Новый год (День памяти Святителя Василия Великого) — *Kukkarvi (Куккозеро), Kukkoilu (Куккойла), Heččul (Савиново)* — Пряж. р-н, *Muaselgä (Карельская Масельга)* — Медв. р-н, *Tolsti (Толсть)* — Боксит р-н Лен. обл.

18.01/05.01 — Vieristänsynnynpäivü, Lähtendysynnynpäivü (ливв.), Vierissäšynnynpäivä (с.-к.),

Vederistanšyndympäiv (люд.) — Крещенский вечер, Голодная кутья, Второй сочельник (Канун Крещения Господня)

19.01/06.01 — Vieristy (ливв.), **Vieristä** (с.-к.), **Vederist** (люд.) — Крещение (Крещение Господне, Богоявление) — *Lamminniemi* (Ламбинаволок), *N'akoilambi* (Репное озеро), *Siätärven Pogostu* (Сямозеро, Погост), *Štekki* (Щеккила) — *Пряж. р-н, Jängärvi* (Янгозеро), *Roapen* (Паданы), *Setčarvi* (Семчезеро), *Särgärvi* (Сяргозеро) — *Медв. р-н, Ozer'ova* (Озерово) — *Боксит. р-н Лен. обл.*

29.01/16.01 — Talvi-Pedru (ливв.), **Talvi-Petru** (с.-к.), **Tal'v-Pedru** (люд.) — Пётр зимний (Поклонение честным веригам апостола Петра) — *Lahta* (Лакта) — *Пряж. р-н, Suuri Mägi* (Большие Горы) — *Олон. р-н, Kidilä* (Кителя) — *Питк. р-н*

12.02/30.01 — Iivananpäivü (ливв.), **Iivananpäivä** (с.-к.), **Iivananpäiv** (люд.) — Иоанн Златоуст (День памяти святителя Иоанна Златоуста) — *Pyhäniemi* (Святнаволок) — *Конд. р-н, Šuonpal* (Сондалы) — *Медв. р-н*

15.02/02.02 — Sreiten'n'u (ливв.), **Sr'eten'n'a** (с.-к.), **Strieten'd** (люд.) — Сретение, Громницы, Сустретенье (Сретение Господне) — *Metsuoniet* (Мошничье) — *Олон. р-н, Korza* (Корза), *Panniselgy* (Паннисельга), *Salo* (Сало-остров) — *Пряж. р-н, Hirviniemi* (Петровнаволок), *Sel'gi* (Сельги) — *Медв. р-н*

21.02/08.02 — Hodari — Фёдор Стратилат (День памяти святого великомученика Феодора Стратилата) — *Kibra* (Кибра) — *Пряж. р-н*

24.02/11.02 — Valasinpäivü (ливв.), **Ulassienpäivä** (с.-к.), **Valasinpäiv** (люд.) — Власьев день, Власий — скотий Бог, коровий праздник (День памяти святого священномученика Власия) — *Nauginiemi* (Шукнаволок), *Honganiial* (Гонганалица), *Šarpiemi* (Шапнаволок) — *Пряж. р-н, Kukšimägi* (Кукушегора) — *Олон. р-н*

29.02 — Kasjananpäivü (ливв.), **Kasjananpäivä** (с.-к.), **Kasjananpäiv** (люд.) — Касьянов день (Касьян Немилостивый) (День памяти святого Кассиана)

Неделя перед Великим постом — Pyhälasku, Pyhälaskunedäli (ливв.), **Pyhålašku, PyhålaškUNETÄLI** (с.-к.) **Pyhälask** (люд.) — Масленица, Масленка, Масленичная неделя, Сырная неделя, Сырница, Белая Мясоедь, Мясопуст (Седмица сырная (Масленица) — сплошная)

Последнее воскресенье Масленицы — Maidopyhälasku (pyhäpäivü) (ливв.), **Muaslenča, Pyhålašku** (с.-к.), **Pyhälask** (люд.) — Прощёное воскресенье, Проводы, Прощальник, Прощальное, Прощённый день, Целовник (Неделя сыропустная, Прощёное воскресенье, Заговенье на Великий пост) — *Korza* (Корза) — *Пряж. р-н*

Suuri pyhä (ливв.), **Šuuri pyhä** (с.-к.), **Suur» pyhä** (люд.) — **Великий пост** — Великий пост

Первое воскресенье Великого поста — Sboru (ливв.), **Zbuoru** (люд.) — Сбор, сборное воскресенье — *Uhmoilu* (Угмойла) — *Пряж. р-н*

Четвёртая неделя Великого поста — Ristuleibynedäli (ливв.), **Ristileipänetäli** (с.-к.), **Ristleibnedäl»** (люд.) — Крестопоклонная неделя, средокрестная неделя (Четвёртая седмица Великого поста, Крестопоклонная седмица)

Среда (или четверг) на четвертой неделе Великого поста — Ristuleibypäivü (ливв.), **Ristileipäipäivä** (с.-к.), **Ristleibpäiv** (люд.) — Средокрестие (Средохристье, Средохрестный праздник, Кресты, Хрясты, Хрестцы, Средопостье, Крестова Среда, Преполовенье)

Пятая неделя Великого поста — Suuren pyhän viijes nedäli (ливв.), **Suuren pyhän viijes netäli** (с.-к.), **Suuren pyhän viidež nedäli** (люд.) — Пятая неделя Великого поста, «Похвальная» (Седмица пятая Великого поста)

14.03/01.03 — Oudokkiet, Oudokkii (ливв.), Joutokei (с.-к.) — Евдокия Плющиха, Авдокеи, Авдотья Каплюжница, Авдотья — подмочи порог, Авдотья — замочи подол, Авдотья Свистунья, Авдотья Весновка (День памяти святой преподобномученицы Евдокии)

15.03/02.03 — Fedotanpäivü (ливв.), Fedotta (с.-к.), Fedotanpäiv (люд.) — Федот (День памяти священномученика Феодота, епископа Кириинейского)

22.03/09.03 — Soorok sv'atoi (с.-к.) — Сороки (сорока святых, сорок мучельников) (День памяти Сорока мучеников) — *Kiestinki (Кестеньга) — Лоух. р-н*

30.03/17.03 — Oleksii, Oleksienpäivü (ливв.), Oleksienpäivä (с.-к.), Oleksiinpäiv (люд.) — Алексей — человек Божий, Алексей — с гор потоки, с гор вода, тёплый, пролей кувшин (День памяти преподобного Алексия человека Божия)

01.04/19.03 — Duarjanpäivü (ливв.), Tuarienpäivä (с.-к.), D'ašimpäiv (люд.) — Дарьян день, Дарья-грязнопролубка, грязные проруби, грязная пролунница, засори проруби (День памяти мученицы Дарии Римской)

07.04/25.03 — Blahveššen'n'u (ливв.), Plahveššen'n'a, Muarienpäivä (с.-к.), Blahveščen'd (люд.) — Благовещение (Благовещение Пресвятой Богородицы) — *Kurmoilu (Курмойла), Sissoine (Сысойла) — Пряж. р-н, Ozer'ova (Озерово) — Боксит р-н Лен. обл.*

12.04/30.03 — Izossimu (ливв.), Izossima (с.-к.) — Зосима (День памяти преподобного Зосимы Сиракузского) — *Pet'el'niemi (Петельнаволок), Särgärvi (Сяргозеро), Sel'gi: Pohjariä (Сельги: Северный конец) — Медв. р-н*

Шестая неделя Великого поста — Virboinedäli (ливв.), Virponetäli (с.-к.), Virboinedäl» (люд.) — Вербная неделя (Шестая седмица Великого поста (седмица ваий)

Воскресенье на шестой неделе Великого поста, последнее воскресенье перед Пасхой — Virboi, Virboipuhäpäivü (ливв.), Virporuhäpäivä (с.-к.), Virboipuhäpäi (люд.) — Вербное воскресенье (Вход Господень в Иерусалим)

Четверг на Страстной неделе, последней неделе Великого поста — Suuri nelläspäivü (ливв.), Šuuri nelläspäivä (с.-к.), Suur» nelläspäiv (люд.) — Чистый четверг (Великий, Страстной, Страстной, «Страшной» четверг) (Великий четверг)

Пятница на Страстной неделе — Äijänpäivän riätenčy (ливв.), Äijänpäivän riätenčä (с.-к.), Äijänpäivän piätnič (люд.) — Страстная пятница (Страстная пятница)

Суббота на Страстной неделе — Äijänpäivän suovattu (ливв.), Äijänpäivän šuovatta (с.-к.), Äijänpäivän suobat (люд.) — Великая, красильная суббота (Великая суббота)

Воскресенье на Страстной неделе — Äijurpäivü (ливв.), Äijärpäivä (с.-к.), Äirpäi, Äirpäiv (люд.) — Пасха, Паска, Христов день, Велик день (Пасха Христова, Светлое Христово Воскресенье) — *Sel'gi: Pogosta (Сельги: Погост) — Медв. р-н*

Второй день Пасхи — Jumaldomanpäivü, Äijänpäivän toine päivü (ливв.), Jumaltomanpäivä, Äijänpäivän toine päivä (с.-к.), D'umaldomanpäiv (люд.) — Второй день по Пасхе — *Kinnermy (Кинерма), Сугу (Сюрья) — Пряж. р-н, Роаен: Pogosta/Kirikköpuoli (Паданы: Погост), Sel'gi, Pogosta (Сельги, Погост), Särgärvi (Сяргозеро) — Медв. р-н*

Третий день Пасхи — Äijänpäivän kolmas päivä (с.-к.) — Третий день по Пасхе — *Gorkka (Богоявленская Горка, Паданы), Beruga (Беруга) — Медв. р-н*

Первое воскресенье по Пасхе — Krisen'n'u (ливв.), Krisen'n'a, Нона (с.-к.) — Фомино воскресенье, Красная горка (Антипасха, Фомино воскресенье) — *Kumsarvi (Покровское, Кумса) — Медв. р-н*

Десятый день по Пасхе, вторник Фоминой недели — Ruadenčat (ливв.), Ruat'enčša (с.-к.), Ruadenč (люд.) — Радуница, Радоница, Радавница, Радованец, Радошно Воскресенье (Радоница)

30.04/17.03 — Izossimu (ливв.) — Зосима-пчельник — *Punčoi* (Пунчойла) — Пряж. р-н

06.05/23.04 — Kevät-Jyrgi, Jyrripäivü (ливв.), Kevät-Jyrki (с.-к.), keväs-D'yrgi (люд.) — Егорий Вешний, Егорьев день (День памяти Велико-мученика Георгия Победоносца) — *Angenlahti* (Ангенлахта), *Piihtlahti* (Пихталахта), *Pirdoiniemi* (Спиридоннаволоок), *Vallittu* (Валлитту) — Пряж. р-н, *Uut'arvi* (Утозеро) — Олон. р-н, *Jyrkänmägi* (Юр-костров), *Koikkaar* (Койкары) — Конд. р-н, *Rugarvi: Pohjariä* (Ругозеро: Северный конец) — Муез. р-н, *Lisserohja* (Лисья Губа), *Pedrizenvoaga* (Петрова Гора), *Roаen: T'erто* (Падааны: Термо/Термона), *Semčarvi: Toine puoli/ Zagubja* (Семчезеро: Загубье) — Медв. р-н

22.05/09.05 — Kevät-Miikkul, Miikulanpäivü (ливв.), Kevät-Miikkula (с.-к.), keväs-Miikkul (люд.) — Никола Вешний (День памяти Святителя Николая Чудотворца) — *Šiiniemi* (Чуйнаволоок), *Jyrgil* (Юргилица), *Kikoipvaaga* (Куйковваара), *Liävuniemi* (Хлевнаволоок) — Пряж. р-н, *Tiiksii: Bojaršip* (Тукса: Боярщина), *Harakkimägi* (Сорочья Гора), *Novikuu* (Новиково) — Олон. р-н, *Kavaino* (Кавайно) — Путк. р-н, *Soud'arvi* (Совдозеро) — Суоярв. р-н, *Kiiziniemi* (Кузнаволоок), *Roаen* (Падааны), *Sel'gi: Randa, Präkkilä, Suvirpiä* (Сельги: Берег, Пряккля, Южный конец), *Suvirpiä* (Мяндусельга) — Медв. р-н, *Kevättämärvi* (Кевятозеро) — Белом. р-н, *Vuokinsalmi* (Вуокинсалми), *Niskärvi* (Нискаярви), *Šoarijärvi* (Шоариярви) — Калев. р-н, *Hietarvi* (Хиетаярви), *Kuivarvi* (Куйварви) — Финл.

Четверг в сороковой день по Пасхе — Voznesen'n'u (ливв.), Vosnesen'n'a (с.-к.), Voznesen'd (люд.) — Вознесенье, Вознесеньев день (Вознесение Господне) — *Alasalmi* (Нижняя Салма), *Jänöiselgy* (Заячья Сельга), *Karhii* (Легмойла), *Motovku* (Мотовка) — Пряж. р-н, *Kuikuuniemi* (Куйков-

наволоок), *Tiihveru* (Тигвера) — Олон. р-н, *Vokonvuara* (Баранья Гора), *Roаen: Gor'onniemi, Koivuniemi, Lakši* (Падааны: Горенниемеи, Койвуниемеи, Лакуши), *Plakku/Plakunvuara* (Плакунваара), *Semčarvi: Pogosta* (Семчезеро: Погост) — Медв. р-н

Седьмой четверг по Пасхе, за три дня до Троицы — Semikke (с.-к., тв.) — Семик (зелёные святки, четверток, тюльпан). Первый праздник весеннее-летнего календарного периода.

Пятница накануне Троицы — Sroičanpäivän piätenčy (ливв.), Sroičanpäivän piätenčä (с.-к.), Sroičanpäivän piätnič (люд.) — Троицкая пятница — (Отдание праздника Вознесения Господня)

Суббота накануне Троицы — Sroičansuovattu (ливв.), Sroičanšuovatta (с.-к.), Sroičansuobat (люд.) — Троицкая суббота, Вселенская, Родительская, Духовская, Печальная суббота, «Троицкие родители» (Троицкая суббота)

Воскресенье в 50-й день по Пасхе — Sroičču (ливв.), Sroičča (с.-к.), Sroičč (люд.) — Троица (День Святой Троицы. Пятидесятница) — *Siätärvi*, *Tuvi* (Сямозеро, Тювелица), *Sissoine* (Сыссойла) — Пряж. р-н, *Tuulasjärvi* (Тулосозеро) — Олон. р-н, *Kend'ärvi* (Кончезеро), *Pyhäniemi* (Святнаволоок), *Vaččela* (Ватчела) — Конд. р-н, *Kidilä* (Кутеля) — Путк. р-н, *Pogarvi* (Поросозеро) — Суоярв. р-н, *Rugarvi* (Ругозеро) — Муез. р-н, *Koskižet/ Kirvezvuara* (Топорная Гора), *Prokko'l'a* (Юккогуба), *Semčarvi* (Семчезеро) — Медв. р-н, *Uškela* (Ушково) — Белом. р-н, *Šuoräššalmi* (Сопосалма) — Калев. р-н, *Semnousekoi* (Семёновское) — Зуби. р-н Твер. обл.

Понедельник после Троицы — Duuhanpäivü (ливв.), Tuuhhanpäivä (с.-к.), Duuhanpäiv (люд.) — Духов день (День Сошествия Святого Духа) — *Ahpoilu* (Ахпойла), *Pannil* (Паннила) — Пряж. р-н, *S'ola* (Михайловское) — Олон. р-н

25.06/12.06 — Onofrienpäivü (ливв.), Onofrienpäivä (с.-к.), Onofrienpäiv (люд.) —

Онуфрий (День памяти преподобного Онуфрия Великого)

Первое воскресенье после Троицы — **Kevätprühälasku** (ливв.), **kevätprühålašku** (с.-к.), **keväzprühålaš** (люд.) — Заговенье на Петров пост (Заговенье на Петров пост) — *Kivijärvi* (Каменное озеро) — Калев. р-н

Второй понедельник после Троицы (11.07/28.06) — **Pedrunprühå** (ливв.), **Petruprühå** (с.-к.), **Pedrunprühå** (люд.) — Петров пост (Петров пост)

07.07/24.06 — **Kezä-Iivan, Iivananpäivü** (ливв.), **lehti-Iivana** (с.-к.), **Iivananpäiv** (люд.) — Иванов день, Иван Купала (Рождество Иоанна Предтечи, Крестителя Господня) — *Ačči* (Наручье), *Kinelahti* (Кинелахта), *Kodžuri* (Котчюра), *Lamminselgy* (Ламбисельга), *Manner* (Мандера), *Ongatus* (Онгамукса), *Rurčoi* (Рубчейла) — Пряж. р-н, *Syr'd* (Сюрья) — Олон. р-н, *Semčarvi: Pohjariä* (Семчезеро: Северный конец) — Медв. р-н, *Vasiliskoi* (Васильевское) — Зубц. р-н Твер. обл.

07.07–11.07/24.06–29.06 — **Viändöi, Viändöinkeski, Viändöin väli** (ливв.), **Viändie, Viäntienkezet** (с.-к.), **Viänd** (люд.) — летние Святки

09.07/26.06 — **Tiihvinskoi** (ливв.), **Tiifinskoi, Tiifinskuo** (люд.) — Тихвинская (Праздник Тихвинской иконы Божией Матери) — *Paloniet* (Палнаволоок) — Олон. р-н

12.07/29.06 — **Pedrunpäivü** (ливв.), **Petrupäivä** (с.-к.), **Pedrupäiv** (люд.) — Петров день, Пётр-Павел, Петры и Павлы, Петро, Петровки (День памяти Святых первоверховных апостолов Петра и Павла) — *Jelkul* (Пенгисельга), *Kiiškoiniemi* (Ёришнаволок), *Lahta* (Лакта), *Nälmäniemi* (Нялмнаволоок), *Suoni* (Сона) — Пряж. р-н, *Suuri Mägi* (Большие Горы) — Олон. р-н, *D'ustärv* (Юстозеро); Конд. р-н, *Kokkoselgä* (Коккосельга) — Путк. р-н, *Čiaššalmi* (Чиасалма), *Honganieni* (Гонгинаволоок), *Jouhvuara*

(Евгора), *Sel'gi* (Сельги) — Медв. р-н, *Korbilakši* (Корзуба) — Муез. р-н

13.07/30.06 — **Puavilanpäivü** (ливв.), **Puavilanpäivä** (с.-к.), **Puavilanpäiv** (люд.) — Павел (Собор славных и всехвальных двенадцати апостолов)

Первый день летнего мясоеда или воскресенье через неделю после Петрова дня, или третье вскр. июля, или последнее воскр. летнего мясоеда, или первое воскресенье августа — **Valasinpäivü** (ливв.), **Ulassienpäivä** (с.-к.), **Valasinpäiv** (люд.) — Власьев день — *Ahii* (Азу), *Nauginiemi* (Шукнаволоок), *Hilko* (Гилкожа), *Honganial* (Гонганалица), *Ivko* (Ивкожа), *Kolatselgy* (Колатсельга), *Prokkoilu* (Проккойла), *Šarniemi* (Шапнаволоок) — Пряж. р-н, *Pitkäranra* (Питкяранта) — Путк. р-н, *Kukšimägi* (Кукушегора) — Олон. р-н

14.07/01.07 — **Kuz'moi, Kužmoi** (ливв.) — Кузьма и Демьян, летние кузьминки (День памяти святых Космы и Дамиана) — *Varloi* (Варлов лес) — Пряж. р-н

21.07/08.07 — **Kezä-Kazanskoi** (ливв.), **Kazanskii, Kazanskuu** (люд.) — Летняя Казанская (Праздник Казанской иконы Божией матери (Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани) — *N'akoilambi* (Репное озеро), *Bokkizet, Kudžoi* (Кужой), *Ruokoski* (Рогокоски) — Пряж. р-н *D'ogensuu* (Мухайловское (Устье) — Олон. р-н, *Galhova* (Галахово), *Bot'na* (Ботино) — Зубц. р-н Твер. обл.

28.07/15.07 — **Kirikänpäivü** (ливв.), **Kiirikinpäivä, Kiirikkä, Kiirikkö** (с.-к.), **Kiirikänpäiv** (люд.) — Кирик и Улита (День мучеников Кирика и Иулитты) — *Ahvenjärvi* (Остречье), *Jängärvi* (Янгозеро), *Šuonpal* (Сондалы) — Медв. р-н, *Bieloi Boru* (Белый Бор) — Боксит. р-н Лен. обл.

Последнее воскресенье июля — **Kezäruazniekku** (ливв.) — Летний праздник — *Liävyniemi* (Хлевнаволоок) — Пряж. р-н

Пятница накануне Ильина дня — П'Ганpäivän piätenčy (ливв.), П'Ган piätinčä (с.-к.), П'Ган piätnič (люд.) — Ильинская пятница — *Metsuoniem* (Мошничье) — Олон. р-н

02.08/20.07 — П'Ганpäivy (ливв.), П'Ганpäivä (с.-к.), П'Ганpäiv (люд.) — Ильин день (Илья-пророк) (День памяти святого Пророка Илии) — *Čuiniemi* (Чуйнаволоок), *Pyhärvi* (Святозеро), *Salminišku* (Салменица), *Vieljärven Pogostu* (Ведлозеро, Погост) — *Soudarvi* (Совдозеро) — Суоярв. р-н, Пряж. р-н, *Torasjärvi* (Торосозеро), *Tuaškol* (Ташкеницы), *Videl* (Видлица) — Олон. р-н, *Jängärvi* (Янгозеро) — Суоярв. р-н, *Luazarä* (Лазарево), *Muasel'ga* (Карельская Масельга) — Медв. р-н, *Ondarvi* (Ондозеро), *Rugarvi: Rujhä* (Ругозеро: Рухья) — Муез. р-н, *Onihma* (Онигма), *Šuiğärvi* (Шуезеро) — Белом. р-н, *Vuokkiniemi* (Вокнаволоок) — Кост. гор.окр., *Puan'arvi* (Панозеро) — Кем. р-н, *Heinäjärvi* (Сеннозеро) — Лоух. р-н, *Nouvoi* (Новое), *Oleksandrofkoï* (Александровка) — Зубц. р-н Твер. обл., *Zabil'n'a* (Забелино) — Боксит. р-н Лен. обл.

Первое воскресенье после Ильина дня — Oinaspyhäpäivy (ливв.), Oinašpyhäpäivä (с.-к.), Vošakonpyhäpäiv (люд.) — Баранье воскресенье — *Jessoilu* (Эссоила), *Šarniemi* (Шаннаволоок) — Пряж. р-н

Первое воскресенье после Ильина дня — Häkinpäivy (ливв.), Häränpäivä (с.-к.), Häkinpäiv (люд.) — День быка

08.08./26.07 — Piätniččurpäivy (ливв.), Piätenččärpäivä (с.-к.), Piätnič (люд.) — Параскева Пятница (День памяти преподобномученицы Параскевы) — *Jessoilu* (Эссоила) — Пряж. р-н, *Uotai/Uomas* (Уома) — Путк. р-н, *Metsuoniem* (Мошничье) — Олон. р-н

09.08/27.07 — Päntälie (с.-к.) — Пантелеймон Палий (День памяти великомученика и целителя Пантелеимона) — *Rugarvi: Suviriä* (Ругозеро: Южный конец) — Муез. р-н, *Šamsozenvoara* (Самсонова Гора) — Медв. р-н

10.08/28.07 — Jumaldomanpäivy (ливв.) — Смоленская (Праздник Смоленской иконы Божией Матери) — *Kinnermy* (Кинерма) — Пряж. р-н

13.08/31.07 — Heinyryhälasku (ливв.), heinargipyhälasku (люд.) — Заговенье на Успенский пост (Заговенье на Успенский пост)

14.08. — 28.08/01.08. — 15.08 — Spuasan pyhä (ливв.), Spoassun pyhä (с.-к.), Spoasampyhä (люд.) — Успенский пост (Успенский пост)

14.08/01.08 — Makovei, Enzimäine Spuassu (ливв.), Makovei, Marja-Makovei (с.-к.) — Маковой, Маккавеев день, Первый Спас (Спасовки, Спасов день, Происхожденьев день, Медовый, Пчелиный, Мокрый, Водный Спас, «Спас на воде», Калинник, Соломонида-бабушки (Маккавеев день, Происхождение (изнесение) честных древ Креста Господня. Празднество Всемилоостивого Спаса и Пресвятой Богородицы) — *Poaen: Pogosta/Kirikköpuoli* (Паданы: Погост), *Särgärvi* (Сяргозеро), *Sel'gi: Pogosta* (Сельги: Погост) — Медв. р-н, *Ondarvi* (Ондозеро) — Муез. р-н, *Jyškärvi* (Юшкозеро) — Калев. р-н

19.08/06.08 — Spuasanpäivy, toine Spuasanpäivy (ливв.), Spuassunpäivä (с.-к.), Spoasunpäiv (люд.) — Преображение, Второй Спас, Средний Спас, Второй Калинник, «Спас на горе», Яблочный Спас (Преображение Господне, Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Второй спас) — *Al'okku* (Алёкка), *Naroilu* (Гаройла), *Jovenkylä* (Уялега), *Kirjaval* (Курьявала), *Lahti* (Лакхта), *Pađžal* (Пажала), *Robohlu* (Робогойла), *Salo* (Сало-остров), *Sodder* (Соддер), *Särgilahti* (Сяргилахта) — Пряж. р-н, *Rugarvi* (Ругозеро) — Муез. р-н, *Čobene* (Чёбино), *Keldovuara* (Келдоваара), *Semčarvi: Toine puoli/Zagubja* (Семчезеро: Загубье), *Sel'gi* (Сельги), *Vengi* (Веньги) — Медв. р-н, *Rajakondu* (Погранкондуши) — Путк. р-н, *Pizmalahki* (Пизьмогуба) — Калев. р-н, *Jeletjärvi* (Елетозеро), *Kiestinki* (Кестеньга) — Лоух. р-н

21.08/08.08 — Izossimu (ливв.), Izossima (с.-к.) — Зосима (Перенесение мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких) — *Pet'el'niemi (Петельнаволок)* — Медв. р-н

25.08/12.08 — Fotei — Фотей (День памяти мученика Фотия)

28.08/15.08 — Emänpäivü, Uспен'н'u (ливв.), Suuri pohročča, Ensipohročča, Bohročča (с.-к.), Emägänpäiv (люд.) — Успение Богородицы, Первая Пречистая, Большая Пречистая, Госпожа Первая, Госпожа Пречистая, Госпожин день, Вспожин день, Успенъев день, Успенъе, Спленъе, Успенщи-на, Дожинки, Первые осенины (Успение Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии) — *Hiidniem (Гужино), Mägrädd'ärvi (Мегрозеро), Seränpvuari (Сенпяваара), Uut'ärvi (Утозеро)* — Олон. р-н, *Il'al (Илляла), Siämärven Pogostu (Сямозеро: Погост), Suarimägi (Саригора), Štekki (Щеккила)* — Пряж. р-н, *Pyhäniemi (Святнаволок), Utukan kylä (Утуки)* — Конд. р-н, *Kaličie (Каличие), Koskižet/ Kirvezvuara (Топорная Гора), Loške (Лошке), Poaen (Паданы), Pölkkylä (Пёлькюля), Suajärvi (Саезеро), Sel'gi: Randa (Сельги: Берег), Semčarvi: Pogosta (Семчезеро: Погост), Šalgovuara (Шалговаара)* — Медв. р-н, *Himol'a (Гимолы), Ondarvi (Ондозеро)* — Муез. р-н, *Čikša (Чикша), Häme (Хяме), Jouhkol'a (Хайколя), Juškärvi (Юшкозеро), Latvajärvi (Ладвозеро)* — Калев. р-н, *Koris't'ova (Коростылёво)* — Боксит. р-н Лен. обл.

Čiripiirait (ливв.), Čirpin luojaset (с.-к.) — праздник по окончании жатвы («серпные пироги»), обжинки, пожинки

Kuokan kolkkajaiset (с.-к.) — праздник по окончании уборки картофеля

29.08/16.08 — Spuasanpäivü (ливв.) — Третий Спас (Малый Спас, Нерукотворный Образ, «Спас на Полотне», Холщовый Спас, Хлебный Спас, Ореховый Спас, Третий Калинник, Бороздень, Брязже) (Спас Нерукотворный (перенесение неру-

котворного образа Господа нашего Иисуса Христа из Едессы в Константинополь) — *Šеккила — Пряж. р-н, Borku (Борки)* — Боксит. р-н Лен. обл.

31.08/18.08 — Frolanpäivü (ливв.), Hullarinpäivä, Frola (с.-к.), Frolanpäiv (люд.) — Флор и Лавр (Фрол и Лавер, Фролов день, Хролов день, «конский бог», «скотский бог», конский праздник, «лошадники») (День памяти св. мучеников Флора и Лавра) — *Kukiuniem (Кукойнаволок)* — Олон. р-н, *Pyhäniemi: Vuara (Святнаволок: Вуара)* — Конд. р-н, *Poaen: Gorkka, Beruga (Паданы: Горка, Беруга), Sel'gi: Präkkiälä, Suvipiä (Сельги: Пряккиля, Южный конец), Suvipiä (Мяндусельга)* — Медв. р-н

01.09/19.08 — Donskoi — Донская (Праздник Донской иконы Божьей матери) — *Selis's'ä (Селище)* — Боксит. р-н Лен. Обл.

Suyspruaznieku (ливв.) — Осенний праздник — *Lamminniemi (Ламбинаволок), Panniselgy (Паннисельга)* — Пряж. р-н

11.09/29.08 — Syys-Iivan, Kuivu-Iivan (ливв.), Syys-Iivana, Kuiva-Iivana (с.-к.), Kuiv-Iivan (люд.) — Иван-постный, полетный, полетовщик (Усекновение главы Иоанна Крестителя) — *Tivdii (Тивдия)* — Конд. р-н, *Ondarvi (Ондозеро)* — Муез. р-н, *Uutlikova (Утликово)* — Боксит. р-н Лен. обл.

12.09/30.08 — Puametti (ливв.), Aleksandra (с.-к.) — Александров день (Память преподобных Александра Свирского и Александра Невского) — *Čuralahti (Чуралахта), Jyrgil (Юргилица)* — Пряж. р-н, *Kondievuara (Медвежья Гора)* — Медв. р-н

12.09/30.08 — Miikulanpäivü (ливв.), Miikulanpäivä (с.-к.), Miikulanpäiv (люд.) — Николин день — *Heččul (Савиново)* — Пряж. р-н

14.09/01.09 — Simananpäivü (ливв.), Simananpäivä (с.-к.), Šimanapäiv (люд.) — Семёнов день (Сёмин день, Симеон Столпник, Семён-летопрободец) (День памяти Преподоб-

ного Симеона Столпника и матери его Марфы) — *Kormelisto* (Кормелисто) — Пряж. р-н, *Vuohťärvi* (Вохтозеро) — Конд. р-н, *Semnouskoi* (Семёновское) — Зубц. р-н Твер. обл.

21.09/08.09 — Suuripruazniekku (ливв.), Pieni Pohročča (с.-к.) — Рождество Богородицы, Богородичин день, Вторая Пречистая, Малая Пречистая, Госпожа Вторая, Госпожжа Богатая, Спожа, Спожжа, Большая Спожжа, Аспосов день, Спосов день, Пассиков день, Осенины, Вторые Осенины, Луков день, Поднесенъев день (Рождество Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии) — *Kibroilu* (Кибройла), *Kuikku* (Куйккиनावолок), *Lamboi* (Каскисельга) — Пряж. р-н, *Ruokojärvi* (Руогоярви) — Путк. р-н, *Роаен* (Паданы) — Медв. р-н, *Virčova* (Бирючёво) Боксит. р-н Лен. обл., *Tolmačši* (Толмачи) Лихосл. р-н Твер. обл.

27.09/14.09 — Sviizoі (ливв.), Sviisenie (с.-к.), Sviizen'd, Sviizuu (люд.) — Воздвижение, Сдвижение, Здвиженъе, Здвиженъев день, Ставров день, капустки/капустницы (Воздвижение Креста Господня) — *Agveh* (Яковлевская), *Sorbola* (Сорбола) — Олон. р-н, *Kibru* (Кибра), *Kärgelä* (Кяргеля) — Пряж. р-н, *Nimjärvi* (Нимозеро) — Конд. р-н, *Ruovaara* (Пуровуара), *Kerisyrgä* (Керисюръя), Путк. р-н, *Kilgamansoari* (Гилгамостров), *Markkone* (Марково), *Semčči* (Семчи), *Šionnal* (Сондалы) — Медв. р-н, *Tolsti* (Толсть) — Боксит. р-н Лен. обл.

02.10/19.09 — Izossimu (ливв.), Izossima (с.-к.) — Зосима — заступник пчёл, лакомый стол — (День памяти мученика Зосимы Киликийского, пустычника) — *Sel'gi: Pohjariä* (Сельги: Северный конец) — Медв. р-н

09.10/26.09 — Iivananpäivу, Syys-Iivananpäivу (ливв.), Iivananpäivä (с.-к.), Iivananpäiv (люд.) — Иоанн Богослов (Преставление апостола и евангелиста Иоанна Богослова) — *Kinelahti* (Кинелакта), *Kukkarvi* (Куккозеро), *Rurčoi* (Рубчейла) — Пряж. р-н

10.10/27.09 — Suavanpäivу (ливв.), Suavanpäivä (с.-к.), Suavanpäi (люд.) — Савватий-пчельник (День памяти преподобного Савватия, Соловецкого чудотворца) — *Punčul* (Пунчойла), *Uhtoilu* (Угмойла) — Пряж. р-н

11.09./28.09 — Syys-Izossima (с.-к.) — Зосима (День памяти мученика Зосимы Калутинского (Калитского)) — *Pet'el'niemi* (Петельнаволок) — Медв. р-н

14.10/01.10 — Pokrovu (ливв.), Pokrova (с.-к.), Pokrou (люд.) — Покров, Покров день (Покров Пресвятой Богородицы) — *Melličöin kylä* (Мельницы), *Korbiniemi* (Корбинаволок), *Pirdoiniemi* (Спиридоннаволок) — Пряж. р-н, *Veškelys* (Вешкелица) — Суоярв. р-н, *Šiuntmägi* (Чумойгора), *Keldasel'gä* (Келдасельга) — Конд. р-н, *Koskižet/Kirvezvuara* (Топорная Гора), *Kumsjärvi* (Покровское), *Viččarvi* (Витчезеро) — Медв. р-н, *Čiistie* (Чисть), *Turanja* (Турандино) — Боксит. р-н Лен. обл.

Суббота через три недели после Покрова — Kegrisuovattu (ливв.), kekrišuovatta (с.-к.), kegrisuobat (люд.) — Суббота Кегри

Суббота перед днем памяти св. Димитрия Солунского — Mustinsuovattu (ливв.), muissinšuovatta (с.-к.), muistinsuobat (люд.) — Родительская суббота (Дмитриевская родительская суббота)

Ок. 01.11–02.11 — Kegli, Kekri — Кегри

04.11/22.10 — Kazanskoі — Зимняя (осенняя) Казанская (Праздник Казанской иконы Божией Матери)

06.11./24.10 — Skorb'aššoi — Скорбящая (Праздник иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость») — *Ivnouskoi* (Ивановское), *Mat'ugna* (Матюгино), *Nouvoi* (Новое), *Oleksandrofkoі* (Александровка), *Vasiliskoi* (Васильевское) — Зубц. р-н Твер. обл.

08.11/26.10 — Mii trienpäivü (ливв.), Mii trienpäivä (с.-к.) Mii trianpäiv (люд.) — Дмитрий Солунский, Дмитриев день (День памяти св. великомученика Димитрия Солунского) — *Yiīč (Нюхово)* — Олон. р-н, *Vornova (Вороново)* — Конд. р-н

10.11/28.10 — Piät ničšupäivü (ливв.), Piätenččäpäivä (с.-к.), Piät nič (люд.) — Параскева Пятница (День памяти святой великомученицы Параскевы) — *Jessoilu (Эссойла)* — *Пряж. р-н*

11.11/29.10 — Nastoi, Nastoinpäivü (ливв.), Nastassienpäivä (с.-к.), Nastuoinpäiv (люд.) — Анастасия-овчарница, Настасья-стригальница (День памяти преподобномученицы Анастасии Римляныни)

14.11/01.11 — Kuz'moi, Kužmoi (ливв.) — Кузьма и Демьян, бессребреники, рукомесленники, божьи кузнецы, свадебные кузнецы, кашники, курятники, куриные боги, «бог в хлеву», курячьи именины, кочетятник, кузьминки (День памяти святых бессребреников Космы и Дамиана, бессребреников и чудотворцев Асийских) — *Korzu (Корза), Suoni (Сона), Varloi (Варлов лес)* — *Пряж. р-н*

21.11/08.11 — Mihailu, Mihailanpäivü (ливв.), Mihailanpäivä (с.-к.), Mihailanpäiv (люд.) — Михаил, Михайлов день (Собор Архистратига Михаила) — *Ahroilu (Ахпойла), Jouhki (Ефимова сельга), Kiiškoiniemi (Ёриनावолок), Kohtuselgy (Кохтусельга), Ruizniemi (Рожनावолок), Simoi (Симонова сельга)* — *Пряж. р-н, Niiniselgy (Нинисельга)* — Олон. р-н, *Syskuvä (Сюскювя)* — *Питк. р-н, Čiaššalmi (Чиасалма), Roaen: Gor'onpiemi, Koivuniemi, Lakši (Паданы: Горенниemi, Койвуниеми, Лакиши), Suviriä (Мяндусельга)* — *Медв. р-н*

26.11/13.11 — Iivananpäivü (ливв.) Zlatousta (с.-к.) — Иоанн Златоуст (День памяти Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского) — *Ruhäniemi (Святनावолок)* — Конд. р-н, *Šuonpal (Сондалы)* — *Медв. р-н*

27.11/14.11 — Syvyspyhälasku (ливв.), Šyųšpyhålašku (с.-к.), Sygыз'pyhålašк (люд.) — Заговенье на Рождественский пост, осенний мясопуст (Заговенье на Рождественский (Филиппов) пост)

28.11–06.01/ 15.11–04.12 — Rastavanpyhä (ливв.), Roštuonpyhä (с.-к.), Rastavanpyhä (люд.) — Рождественский (Филиппов) пост (Рождественский пост)

28.11/15.11 — Guurei (с.-к.) — Гурий, Самон и Авив (День памяти Святых мучеников Гурия, Самона и Авива)

04.12/21.11 — Veden'n'u, Ved'oi (ливв.), Vetenja (с.-к.), Veden'n (люд.) — Введение (Введение во храм Пресвятой Богородицы) — *Vieljärven Jovensui (Ведлозеро: Устье), Kukoivvaara (Кукойнваара), Lumbila (Лумбила)* — *Пряж. р-н, Čobene (Чёбино), Keldovuara (Келдоваара), Män'd'uniemi (Сосновнаволок)* — *Медв. р-н*

09.12/26.11 — Talvi-Jyrgi, syys-Jyrgi (ливв.), talvi-Jyrki, syys-Jyrki (с.-к.), tal'v-D'yrgi, sygыз'-D'yrgi (люд.) — Юрьев день, Егорий зимний, Егорий осенний (День памяти великомученика Георгия Победоносца) — *Jyrgil (Юргилица), Piihtlahti (Пухталахта), Vallittu (Валлитту)* — *Пряж. р-н, Uut'arvi (Утозеро), Videl (Видлица)* — Олон. р-н, *Koikkaar (Койкары), Jyrkänmägi (Юркостров)* — Конд. р-н, *Rugarvi: Pohjaria (Ругозеро: Северный конец)* — *Муез. р-н, Rappizet/Meččärapizet (Чиннозеро)* — *Суоярв. р-н, Kondievuara (Медвежья Гора), Lisserohja (Лисья Губа), Pedrizenvoara (Петрова Гора), (Рoaen: T'erto (Паданы: Термо/Термона), Semčarvi: Toine puoli/Zagubja (Семчезеро: Загубье)* — *Медв. р-н, Kučarvi (Кучезеро)* — *Белом. р-н*

17.12/04.12 — Varvoинpäivü (ливв.), Varvananpäivä (с.-к.), Varvoинpäiv (люд.) — Варвара (День памяти великомученицы Варвары)

18.12/05.12 — Suavanpäivü (ливв.), Suavanpäivä (с.-к.), Suavanpäiv (люд.) — Савва (День памяти преподобного Саввы Освященного)

19.12/06.12 — Talvi-Miikul, syys-Miikul (ливв.), talvi-Miikkula (с.-к.), tal'v-Miikul, sygыз'-Miikul (люд.) — Николин день, Никола зимний, Никола осенний — День памяти Святого Николая Чудотворца — *Siiniemi (Чуйнаволоок) — Пряж. р-н,*

Tuuksi: Bojaršin (Тукса: Боярщина), Harakkumägi (Сорочья Гора), Novikuu (Новиково) — Олон. р-н, Kavaino (Кавайно) — Питк. р-н, D'ustärv (Юстозеро) — Конд. р-н, Ahvenjärvi (Остречье), Kuiziniemi (Кузнаволоок), Roaen (Паданы), — Медв. р-н

Prisan kolkkaiset (с.-к.) — Праздник окончания обмолота зерновых (звяканье цепы)

Список сокращений

Белом. р-н — Беломорский район

Боксит. р-н Лен. обл. — Бокситогорский район Ленинградской области

Зубц. р-н Твер. обл. — Зубцовский район Тверской области

Калев. р-н — Калевальский район

Кем. р-н — Кемский район

Конд. р-н — Кондопожский район

Кост. гор. окр. — Костомукшский городской округ

Лихосл. р-н Твер. обл. — Лихославльский район Тверской области

Лоух. р-н — Лоухский район

Медв. р-н — Медвежьегорский район

Муез. р-н — Муезерский район

Олон. р-н — Олонецкий район

Питк. р-н — Питкярантский район

Пряж. р-н — Пряжинский район

Суоярв. р-н — Суоярвский р-н

ливв. — ливвиковское наречие карельского языка

люд. — людиковское наречие карельского языка

с.-к. — собственно-карельское наречие карельского языка

тв. — тверские говоры карельского языка

зап. — записал(а)

д. — деревня

с. — село

Syväindöluvettelu

Оглавление

<i>Lugijale</i>	12	<i>К читателю</i>	3
Vuozi, vuosi, vuoz'	17	Год	17
Netäliläšku • Nedälin päivät, netälin päivät, nedalin päiväd • Vuvven kuut, endizet nimet, vuoven kuut, entiset nimet, vuoden kuut, endizet nimet • Taivahan kappalehet • Päiväine, päiväni, päivävy, kuu, kuudam, kuutoma, kuldoi, kuunmuuttiezet • Tiähtet, tähet, tiäht'ed		Недельный счёт времени • Дни недели • Месяцы года, старые названия • Солнце, луна, фазы луны • Звёзды	
Talvi, tal'v.	29	Зима	29
Pakkaskuu, tammikuu • 06.01 (24.12) — Synnynpäivy, Tulendusynnynpäivy, Rastavansynnynpäivy, Šynnynpäivä, Šyndympäiv • 06.01–19.01 (24.12–06.01) — Synnynaigu, Synnynmuanaigu, Sv'atkat, Vierissänkeski, Šyndymua • 07.01 (25.12) — Rastavu, Roštuo, Rastav • 08.01 (26.12) — Rastavanjumaldoman päivy, Roštuonjumaltovanpäivä, Rastavad'umaldomanpäiv • Suurisyndy, Syndy, Vierissän siga, Vierissän akka, Šynd • 14.01 (01.01) — Vuasil'l'u, Vasil'l'a, Vahnu Uuzi Vuoz, Vanha uuši vuoshi, Vahn uuz'vuož • 18.01 (05.01) — Vieristäsynnynpäivy, Lähtendysynnynpäivy, Vierissäšynnynpäivä, Vederistanšyndympäiv • 19.01 (06.01) — Vieristy, Vieristä, Vederist • 29.01 (16.01) — Talvi-Pedru, Talvi-Pedru, Tal'v-Pedru • Talvenselgy • Harja- aika • Talviargi, talviarki, tal'var'g • Tuhukuu, helmikuu • 15.02 (02.02) — Sreiten'n'u, Sr'eten'n'a, Strieten'd • 29.02 — Kasjananpäivy, Kasjananpäivä, Kasjananpäiv • Kevätčura —		Январь • 06.01 (24.12) — Рождественский сочельник • 06.01–19.01 (24.12–06.01) — Время Сюдю, Святки • 07.01 (25.12) — Рождество • 08.01 (26.12) — Второй день Рождества, Собор Пресвятой Богородицы • Великий Сюдю, Сюдю, Крещенская свинья, Крещенская старуха • 14.01 (01.01) — Василий, Старый Новый год • 18.01 (05.01) — Крещенский сочельник • 19.01 (06.01) — Крещение • 29.01 (16.01) — Пётр зимний • Хребет (середина) зимы, вьюги в декабре и январе • Время харья, время метелей • Зимний мясоед • Февраль • 15.02 (02.02) — Сретение • 29.02 — Касьянов день • Вторая, весенняя половина зимы • Рождественский мясоед, период между постами • Заговенье, мясопуст, Масленая неделя • Воскресенье Масленой недели, Масленица, Прощёное воскресенье • Великий пост • Средокрестная, Крестопоклонная неделя • Средокрестие • Пятая неделя Великого поста, «Похвальная»	

talven kevätpuoli • Pyhäkeski, pyhäkeški,
 pyhäkešk • Pyhälasku, pyhälaskunedäli, pyhålašku,
 pyhålaškunetäli, pyhälask • Maidopyhälasku
 (pyhäpäivy), Muaslenča, Pyhålašku,
 Pyhälask • Suuri pyhä, Šuuri pyhä, Suur'
 pyhä • Ristuleibynedäli, Ristileipänetäli,
 Ristleibnedäl' • Ristuleibypäivy, Ristileipäpäivä,
 Ristleibpäiv • Suuren pyhån viijes nedäli, Šuuren
 pyhån viijes netäli, Suuren pyhån viidež nedäli

Kevät 123

Kevätkuu • 14.03 (01.03) — Oudokkiet,
 Joutokei • 15.03 (02.03) — Fedotanpäivy,
 Fedotta • 30.03 (17.03) — Oleksii,
 Oleksei • Sulakuu, huhtikuu • 01.04 (19.03) —
 Duarjanpäivy, Tuarienpäivä, D'ašimpäiv • 07.04
 (25.03) — Blahveššen'n'u, Plahveššen'n'a,
 Muarienpäivä, Blahveščen'd • Virboinedäli,
 Virponetäli, Birboinedäl' • Virboi, Virpopyhäpäivä,
 Birboipyhäpäi • Suuri nelläspäivy, Šuuri
 nelläspäivä, Suur' nelläspäiv • Äijänpäivän
 piätenčy, Äijänpäivän piätenčä, Äijänpäivän
 piätnič • Äijänpäivän suovattu, Äijänpäivän
 šuovatta, Äijänpäivän suobat • Äijypäivy,
 Äijäpäivä, Äipäiv • Kevätargi, kevätarki,
 keväz'ar'g • Krisen'n'a, Krisen'n' • Ruadenčat,
 Ruat'enčča, Ruadenč • 01. oraskuudu,
 01. oraškuuta • 06.05 (23.04) — Kevät-
 Jyrgi, Jyrrinpäivy, Kevät-Jyrki, Keväz'-
 D'yrgi • 22.05 (09.05) — Kevät-
 Miikul, Miikulanpäivy, Kevät-Miikkula,
 Keväz'-Miikul • Voznesen'n'u, Vosnesen'n'a,
 Voznesen'd • Semikke • Sroičanpäivän
 piätenčy, Sroičanpäivän piätenčä,
 Sroičanpäivän piätnič • Sroičansuovattu,
 Sroičansuovatta, Sroičansuobat • Sroičču,
 Sroičča, Sroičč • Duuhanpäivy, Tuuhhanpäivä,
 Duuhanpäiv

Kezä, kešä, kežä 193

Kevätpyhälasku, kevätpyhålašku,
 keväz'pyhålaššk • 22.06 — Päivän seizonduagu,
 päivänpalauš • 25.06 (12.06) — Onofrienpäivy,
 Onofrienpäivä, Onofrienpäiv • Pedrunpyhä,

Весна 123

Март • 14.03 (01.03) — Евдокия
 Плющиха • 15.03 (02.03) — Федот • 30.03
 (17.03) — Алексей — человек
 Божий • Апрель • 01.04 (19.03) — Дарьин
 день • 07.04 (25.03) — Благовещение • Вербная
 неделя • Вербное воскресенье • Великий,
 чистый четверг • Страстная пятница • Великая
 суббота • Пасха • Весенний мясоед • Фомино
 воскресенье • Радуница • Первомай,
 день встречи лета • 06.05 (23.04) —
 Егорий вешний, Егорьев день • 22.05
 (09.05) — Никола Вешний • Вознесение
 Господне • Семик • Троицкая
 пятница • Троицкая суббота • Троица • Духов
 день

Лето 193

Заговенье на Петров пост, последний
 день весеннего мясоеда • 22.06 — День
 летнего солнцестояния • 25.06 (12.06) —
 Онуфрий • Петров пост • Середина лета,

Petrunpyhä, Pedrunpyhä • Kezäkeski, syväinkezä • Heinargi, heinäaika, heinar'g • 07.07 (24.06) — Kezä-Iivan, Iivananpäivy, Lehti-Iivana, Iivananpäiv • 07.07 (24.06) — 12.07 (29.06) — Viändöi, Viändöinkeški, Viändie, Viänd • 12.07 (29.06) — Pedrunpäivy, Petrunpäivä, Pedrumpäiv • 13.07 (30.06) — Puavilanpäivy, Puavilanpäivä, Puavilanpäiv • 21.07 (08.07) — Kezä-Kazanskoi • 28.07 (15.07) — Kirikänpäivy, Kiirikinpäivä, Kiirikänpäiv • Il'anpäivän piätenčy, Il'an piätinčä, Il'anpäivän piätnič • 02.08 (20.07) — Il'anpäivy, Il'anpäivä, Il'anpäiv • Oinaspyhäpäivy, Oinašpyhäpäivä, Bošakonpyhäpäiv • Häkinpäivy, Häränpäivä, Häkinpäiv • Leikkavo • Syyskezä, šyyškešä, šygyzkezä • 13.08 (31.07) — Heinypyhälasku, heinarren jälgimäine päivy, heinargipyhälasku • 14.08 (01.08) — Makovei, Enzimäine Spuassu, Marja-Makovei • 14.08–28.08 (01.08–15.08) — Spuasanpyhä, Spoassunpyhä, Spuasanpyhä • 19.08 (06.08) — Spuasanpäivy, Toine Spuasanpäivy, Spuassunpäivä, Spoaumpäiv • 25.08 (12.08) — Fotei • 28.08 (15.08) — Emänpäivy, Uspen'n'u, Suuri pohročča, Ensipohročča, Emägänpäiv • 28.08–27.11 (15.08–14.11) — Syvysargi, šyvyšarki, šygyzar'g • 28.08 (15.08) — Leikkavoargi • 31.08 (18.08) — Frolanpäivy, Hullarinpäivä, Frola, Frolanpäiv

Sygyzy, šykyšy, šygyz 255

01.09 (19.08) — Donskoi • 11.09 (29.08) — Syys-Iivan, Kuivu-Iivan, Syys-Iivana, Kuiva-Iivana, Kuiv-Iivan • 12.09 (30.08) — Puametti, Oleksandra • 14.09 (01.09) — Simananpäivy, Simananpäivä, Šimanampäiv • 21.09 (08.09) — Suuripruazniekku, Pieni Pohročča • 27.09 (14.09) — Sviižoi, Sviisenie, Sviižen'd • 14.10 (01.10) — Pokrovu, Pokrova, Pokrou • Kegrisuovattu, Kekrišuovatta, Kegrisuobat • Mustinsuovattu, muissinšuovatta, muistinsuobat • Kegri, Kekri • 04.11–19.12 (22.10–06.12) — Syystalvi, šyyštalvi, šygyzta'v • 11.11 (29.10) — Nastoinpäivy, Nastassienpäivä, Nastuoinpäiv • 14.11 (01.11) — Kuz'moi • 21.11

разгар лета • Сенокос, «сенокосный» мясоед • 07.07 (24.06) — Иванов день, летний Иван, Лиственный Иван • 07.07 (24.06) — 12.07 (29.06) — Вияндёй, летние Святки, период от Иванова до Петрова дня • 12.07 (29.06) — Петров день • 13.07 (30.06) — день Павла • 21.07 (08.07) — Летняя Казанская, Явление Казанской иконы Божией Матери • 28.07 (15.07) — День Кирика и Улиты • Ильинская пятница • 02.08 (20.07) — Ильин день • Баранье воскресенье • День быка • Жатва • Вторая половина лета, конец лета • 13.08 (31.07) — Заговенье на Успенский пост, последний день летнего («сенокосного») мясоеда • 14.08 (01.08) — Маковей, Ягодный Маковей, первый Спас • 14.08–28.08 (01.08–15.08) — Успенский пост • 19.08 (06.08) — Преображение Господне, второй Спас • 25.08 (12.08) — Фотей • 28.08 (15.08) — Успение, большая Богородица, первая Богородица • 28.08–27.11 (15.08–14.11) — Осенний мясоед • 28.08 (15.08) — Жатвенный мясоед • 31.08 (18.08) — Фрол и Лавр

Осень 255

01.09 (19.08) — Праздник Донской иконы Божией Матери • 11.09 (29.08) — Иван Постный, осенний Иван, сухой Иван • 12.09 (30.08) — Александров день, день памяти преподобных Александра Свирского и Александра Невского • 14.09 (01.09) — Семёнов день • 21.09 (08.09) — Рождество Богородицы («Большой праздник»), маленькая Богородица • 27.09 (14.09) — Воздвижение • 14.10 (01.10) — Покров • Суббота Кегри • Родительская, поминальная суббота • Кегри • 04.11–19.12 (22.10–06.12) — Начало зимы • 11.11 (29.10) — Анастасия-овчарница • 14.11 (01.11) — Кузьма-Демьян, Кузьминки • 21.11 (08.11) — Михайлов

(08.11) — Mihailu • Syyskorva • 27.11
 (14.11) — Syvyspyhälasku, Šyyšpyhålašku,
 Sygyz’pyhålaš • 28.11—06.01 (15.11—24.12) —
 Rastavanpyhä, Roštuonpyhä, Rastavanpyhä • 28.11
 (15.11) — Guurei • 04.12 (21.11) — Veden’n’u,
 Ved’oi, Vetenja, Veden’n’ • 09.12 (26.11) — Talvi-
 Jyrgi, Syys-Jyrgi, Talvi-Jyrki, Tal’v-D’yrgi • 17.12
 (04.12) — Varvoinpäivy, Varvanpäivä,
 Varvoinpäiv • 18.12 (05.12) — Suavanpäivy,
 Suavanpäivä, Suavanpäiv • 19.12 (06.12) —
 Talvi-Miikul, Syys-Miikul, Talvi-Miikkula, Tal’v-
 Miikul • 19.12—15.02 (06.12—02.02) — Syväintalvi,
 syvä talvi, šiäntalvi • 21.12—22.12 — Päivän
 seizonduaigu, povorotat, päivänpalauš

Siä da luonnon ilmivöt, šiä ta luonnon ilmijöt . . . 293

Paha siä, huono ilma, paha šiä • Poutu, pouta,
 poud • Vihmu, vihma, vihm • Tuuli, tuul’ • Jyry,
 ukonilma, ukond’yry • Ukonvommel, ukonkuari,
 d’umalanbömböl

день • Время осенней распутицы • 27.11
 (14.11) — Осенний мясопуст, заговенье
 на Рождественский пост • 28.11—06.01
 (15.11—24.12) — Рождественский пост • 28.11
 (15.11) — мученики Гурий, Самон и Авив • 04.12
 (21.11) — Введение • 09.12 (26.11) — Юрьев
 день, Юрий осенний, Юрий зимний • 17.12
 (04.12) — Варварин день • 18.12 (05.12) —
 Савва • 19.12 (06.12) — Никола зимний, Никола
 осенний • 19.12—15.02 (06.12—02.02) — Середина
 («сердцевина») зимы, глубокая зима • 21.12—
 22.12 — День зимнего солнцестояния

О погоде и природных явлениях. 293

Непогода, ненастье • Вёдро, тёплая сухая
 погода • Дождь • Ветер • Гроза • Радуга

<i>Список литературы и источников.</i>	313
<i>Именной указатель информантов.</i>	314
<i>Указатель населённых пунктов</i>	316
<i>Волости (приходы), где были записаны тексты, вошедшие в сборник</i>	322
<i>Регионы проживания карелов, где были записаны тексты, вошедшие в сборник</i>	322
<i>Список собирателей</i>	323
<i>Указатель названий праздников карельского народного календаря</i>	323
<i>Список сокращений.</i>	332

Ольга Огнева
 Алексей Конкка
Праздники и будни
 Карельский народный календарь

Подписано в печать 00.02.2013. Формат 60×84¹/₁₂. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 26,04. Тираж 700 экз. Заказ № 142.
 Издательство «Версо». 185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а.
 Отпечатано в ООО «Версо».